

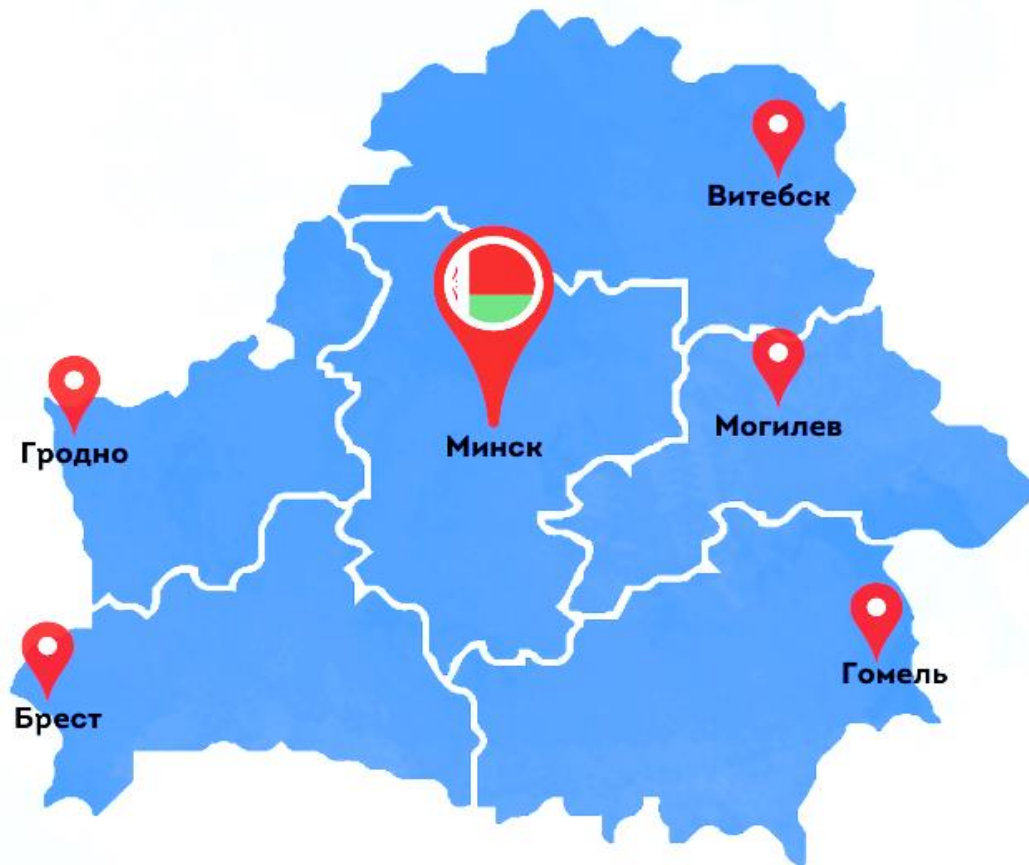
Э БЕЛОРУССКАЯ
КОНОМИЧЕСКАЯ
ШКОЛА

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ НАН БЕЛАРУСИ

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ:

ВЫЗОВЫ, ИНСТРУМЕНТЫ
РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 2

Минск «Право и экономика» 2022

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ НАН БЕЛАРУСИ

**СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ:
ВЫЗОВЫ, ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 2

Минск
«Право и экономика»
2022

УДК 338.2(476)
ББК 65.05
С83

Редакционная коллегия:

Д. В. Муха (главный редактор), А. Г. Боброва,
Т. С. Вертинская, А. В. Готовский, А. И. Лученок, Н. С. Минько,
Н. Н. Морозова, А. С. Попкова, Е. В. Преснякова, Т. А. Тетеринец

Материал рассмотрен на заседании ученого совета Государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» и рекомендован к опубликованию (протокол № 13 от 24 октября 2022 г.)

С83 **Стратегия** развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сборник научных статей : в двух томах. Т. 2. / ред. кол.: Д. В. Муха [и др.]; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2022. – 384 с.
ISBN 978-985-887-039-3
ISBN 978-985-887-041-6 (т. 2).

В сборнике представлены научные статьи отечественных и зарубежных ученых, посвященные теоретико-методологическим и практическим аспектам устойчивого развития национальной экономики. Рассмотрены вопросы внешнеэкономической деятельности в аспекте обеспечения национальной безопасности, накопления человеческого потенциала в контексте современных вызовов, совершенствования правотворчества и правоприменения в новых геоэкономических условиях. Отдельное внимание уделено истории развития белорусской экономической мысли. Материалы научных статей представлены на Международной научно-практической конференции, состоявшейся 18-19 октября 2022 г. в Институте экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск.

Издание адресовано научным работникам, работникам государственных органов и специалистам организаций различных форм собственности, аспирантам, магистрантам, слушателям и студентам экономических специальностей, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными научными исследованиями в сфере экономики.

УДК 338.2(476)
ББК 65.05

ISBN 978-985-887-039-3
ISBN 978-985-887-041-6 (т. 2)

© Институт экономики НАН Беларуси, 2022
© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 4. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Вертинская Т. С., Салимова Ю.И.</i> Политика урбанизации в Узбекистане как инструмент обеспечения устойчивого развития	7
<i>Голубев С. Г., Авсюк А.А., Чэнь Цзяньбо</i> Экалагізацыя эканамічнага развіцця ў Кітайскай Народнай Рэспубліцы і ў Рэспубліцы Беларусь	13
<i>Го Шухун, Турбан Г. В.</i> Региональные торговые соглашения в мировом хозяйстве	19
<i>Шмарловская Г. А.</i> Демографические и миграционные процессы в мировой и национальной экономике: тенденции, факторы модификации, проблемы.....	25
<i>Жигальская Л.О.</i> Региональная экономическая безопасность в системе национальной безопасности Республики Беларусь	31
<i>Мартыненко А. В., Ли В. А.</i> Пространственные аспекты развития внешней торговли регионов УрФО	37
<i>О Док Хи.</i> Внешнеэкономическая политика правительства Республики Корея в ответ на глобализацию в XXI веке	45
<i>Шалупаева Н. С.</i> Участие в глобальных производственных сетях как направление обеспечения экономической безопасности страны (на примере Китайской Народной Республики)	54
<i>Абрамчук Н. А.</i> Методические подходы к оценке уровня национальной безопасности во внешнеэкономической сфере	60
<i>Абухович Ю. К.</i> Направления адаптации внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь в условиях санкций.....	66
<i>Булавицкая М. Г.</i> Опыт межрегионального сотрудничества в Европейском союзе.....	70
<i>Гавриленко В. Г.</i> Правовые аспекты политики Беларуси в области обеспечения военной безопасности Республики Беларусь в современных условиях	75
<i>Гончарик Н. В.</i> К вопросу о системе стратегического планирования в рамках ЕАЭС ...	81
<i>Коледа О. А.</i> Интегрированные урбанизированные мега-регионы Китая: опыт формирования и перспективы налаживания взаимовыгодного внешнеэкономического сотрудничества с Республикой Беларусь	87
<i>Котько С. П.</i> Основные подходы ВТО к решению проблемы соотношения принципов «свободы торговли» и «протекционизма» в современных условиях.....	93

<i>Курилёнок Е. В., Курилёнок К. Л.</i> Мировой опыт управления специфическими внешнеэкономическими рисками.....	99
<i>Ледян Д. Ю.</i> Проблемные аспекты участия Республики Беларусь в международной торговле товарами и услугами в условиях современных вызовов.....	109
<i>Румянцев В. А.</i> Опыт региональных интеграционных объединений по противодействию торговым конфликтам и минимизации негативных последствий усиления протекционизма на мировом рынке	116
<i>Скрябина Т. А.</i> Развитие системы поддержки экспорта в Республике Беларусь в условиях санкций	121
<i>Тавгенъ Е. О.</i> Опыт адаптации зарубежных компаний к конкурентной борьбе на мировом рынке минеральных удобрений.....	126
<i>Тудейко Е. В., Луговская И. С.</i> Опыт Китайской Народной Республики в области обеспечения экономической безопасности и реализации внешнеэкономической политики в контексте современных тенденций и вызовов	132
<i>Щербаков Ю. Е.</i> Стратегия обеспечения экономической безопасности в Китайской Народной Республике в условиях современных вызовов и угроз: риски и перспективы реализации	140

РАЗДЕЛ 5. РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

<i>Агабекова Н. В.</i> Статистический подход к оценке прогресса в достижении целей устойчивого развития регионами Республики Беларусь	147
<i>Антипова Е. А., Запрудский И. И., Титов А. Н.</i> Теоретико-методические подходы к оценке региональной демографической безопасности в условиях глобальных рисков ..	154
<i>Ванкевич Е. В.</i> Развитие рынка труда Республики Беларусь в условиях цифровизации экономики: дополнительные направления анализа.....	161
<i>Маковская Н. В.</i> Нормирование труда работников в условиях цифровизации	168
<i>Артюхин М. И., Щурок Э. М., Пушкевич С. А.</i> Социологический анализ основных тенденций внешней трудовой миграции населения Республики Беларусь за период 2016–2022 гг.	174
<i>Баранов А. М.</i> Методологические аспекты концепции развития антропогенного капитала	182
<i>Боброва А. Г., Кацер А. М.</i> Эволюция исследования человеческого капитала и его взаимосвязь с человеческим развитием.....	188
<i>Калиновская И. Н.</i> Анализ компетенций специалистов кадровых служб организаций Республики Беларусь и тенденции их трансформации	195

<i>Сидорчук И. П., Крысь Е. Г.</i> Особенности развития кадрового потенциала в условиях цифровизации экономики	202
<i>Тетеринец Т. А.</i> Социальные факторы управления развитием человеческого капитала в аграрном секторе Беларуси	208
<i>Умарова Д. Т.</i> Образование в странах ЕАЭС как фактор инновационного развития	213
<i>Хорошко О. Б.</i> Развитие человеческого капитала в контексте возрастающей роли профсоюзов в инновационном развитии экономики Беларуси.....	220
<i>Бесько О. А.</i> Совершенствование системы государственного заказа на подготовку специалистов со средним специальным образованием в Республике Беларусь	224
<i>Воронецкая Л. Г.</i> О некоторых аспектах уровня жизни населения Республики Беларусь.....	230
<i>Дыдышко А. В.</i> Мировые тренды урбанизации и их влияние на развитие демографического потенциала в контексте современных вызовов.....	237
<i>Лебедев М. В.</i> Современные тренды пенсионного обеспечения в мире.....	242
<i>Матвеев О. Э.</i> Оценка эффективности деятельности государственных гражданских служащих в Республике Беларусь	249
<i>Нацун Л. Н.</i> Представления об активном долголетии в группах населения с разным уровнем дохода	255
<i>Нин Цзин</i> Управление качеством жизни населения: международный опыт.....	261
<i>Ребенок О. Ю.</i> Современные тенденции брачности и разводимости.....	266
<i>Самцова Д. В.</i> Глобальные и национальные экологические тренды и их влияние на социально-экономическое развитие Беларуси	274
<i>Серебряков Д. А.</i> Подход к совершенствованию организационно-экономических механизмов внедрения новшеств в социальной сфере.....	280
<i>Цюй Цзиньтун</i> Эволюция и основные направления климатической политики Китайской Народной Республики	286

РАЗДЕЛ 6. ДИНАМИКА ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Гладкая Е. Н.</i> Адаптация гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности к новым геоэкономическим условиям (опыт отдельных зарубежных стран).....	292
<i>Кочурко Ю. В.</i> Структура современных экономических угроз и правовые индикаторы экономической безопасности	299

<i>Куницкая О. М.</i> Институт как элемент системы инвестиционного права: теоретико-правовые проблемы.....	304
<i>Перепелица Е. В.</i> Цифровая революция и аналоговое право.....	310
<i>Скобелев В. П.</i> Коммуникации суда и участников процесса посредством современных технологий в проекте Кодекса гражданского судопроизводства: некоторые аспекты.....	315
<i>Слижевская О. В.</i> Конституционные основы института собственности.....	319
<i>Кивель А. В.</i> Сравнительно-правовой анализ законодательства стран Европы в области незаконного оборота наркотических средств.....	326
<i>Колесень Н. Г.</i> Противодействие коррупции как фактор обеспечения экономической безопасности: зарубежный опыт.....	331
<i>Курилович М. П.</i> Правовые формы участия общественности в публично-частном партнерстве в сфере экологических отношений как фактор достижения целей устойчивого развития.....	336
<i>Сапронов Д. Ю.</i> Влияние всеобщей цифровизации на правотворчество в сфере персональных данных.....	340
<i>Сулейков А. А., Сибирская А. В.</i> Специфические черты контрсанкционного законодательства европейских стран на примере Великобритании и ФРГ.....	345
<i>Трипузова А. А.</i> Конституционно-правовая поддержка и защита конкуренции в новых геоэкономических условиях.....	351

РАЗДЕЛ 7. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

<i>Фатеев В. С.</i> Эмпирические изыскания и практика размещения производства и пространственной организации поселений в XVII–XXI вв. на территории в границах современной Беларуси.....	357
<i>Преснякова Е. В.</i> Вклад женщин-ученых в белорусскую экономическую науку.....	363
<i>Калинкович В. А.</i> Экономическая программа военно-технической помощи союзников: ленд-лиз.....	370
<i>Минько Н. С.</i> К вопросу о модернизации положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в условиях новых вызовов и угроз.....	375

РАЗДЕЛ 4. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 33.332.145

ПОЛИТИКА УРБАНИЗАЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ URBANIZATION POLICY IN UZBEKISTAN AS A TOOL FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Вертинская Татьяна Сергеевна,
доктор экономических наук, доцент,
руководитель Центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
vert.region@economics.basnet.by

Салимова Юлдуз Исаковна,
аспирантка, Институт экономики НАН Беларуси,
главный специалист, Департамент развития «зеленой» экономики Министерства
экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан
yulduzka87@mail.ru

Vertinskaya Tatyana,
Doctor of economic sciences, Associate professor,
Head of the World Economy Center,

The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
vert.region@economics.basnet.by

Salimova Yulduz,
postgraduate student of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Chief Specialist of the Green Economy Development Department of the Ministry of Economic
Development and Poverty Reduction of the Republic of Uzbekistan
yulduzka87@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирован мировой опыт реализации политики урбанизации, выявлены основные меры государственного регулирования в различных странах, а также модели, основанные на развитии больших, средних и малых городов. Определены схожие черты городского управления, основанные на компактном промышленном территориально-планированном развитии, децентрализации власти государственного управления, развитии частной собственности и экологической безопасности.

По результатам анализа урбанистической политики в Узбекистане определены проблемы в данной области и отсутствие стратегического видения долгосрочного урбанизационного развития. С учетом мирового опыта разработаны основные направления развития и регулирования устойчивой и продуктивной урбанизации в Республике Узбекистан на основании рыночных механизмов, где города станут основным двигателем экономического роста, устойчивого развития, формирования городского образа и повышения качества жизни населения.

Ключевые слова: урбанизация, город, комплексное устойчивое развитие, политика урбанизации, государственные меры.

Abstract. The article analyzes the world experience in the implementation of urbanization policy, identifies the main measures of state regulation in various countries, as well as models based on the development of large, medium and small cities. Similar features of urban management based on compact industrial territorially planned development, decentralization of government power, development of private property and environmental safety are identified.

Based on the results of the analysis of urban policy in Uzbekistan, problems in this area and the lack of a strategic vision for long-term urban development have been identified. Taking into account world experience, the main directions for the development and regulation of sustainable and productive urbanization in the Republic of Uzbekistan have been developed on the basis of market mechanisms, where cities will become the main engine of economic growth, sustainable development, the formation of an urban image and improving the quality of life of the population.

Keywords: urbanization, city, integrated sustainable development, urbanization policy, government measures.

Урбанизация, как и любой сложный, многогранный процесс охватывает многие стороны социально-экономической жизни и связана с решением большого количества задач государственными органами управления. В связи с тем, в Узбекистане большинство населения рассредоточено в небольших городах и в сельской местности, дальнейшая концентрация населения в крупных городах создаст предпосылки для устойчивого роста экономики, повышения производительности и роста благосостояния в стране.

Мировой опыт показывает, что эффект от урбанизации в различных странах разнообразен: в некоторых странах – обеспечивается стабильный социально-экономический рост, в других – образование трущоб и отставание в экономическом развитии [3].

Примерами положительных результатов данного процесса являются такие страны как Корея, Китай и Таиланд, где урбанизация способствовала достижению более высокого уровня производительности, экономическому прогрессу и достижению более высокого ВВП на душу населения, а также Бразилия, Малайзия, Турция, которые достигли среднего и высокого уровня доходов [2].

Для реализации данного процесса в Узбекистане необходима продуманная политика, основанная на комплексном целенаправленном и региональном планировании, включая создание благоприятных условий, которые позволят рыночным механизмам направлять и использовать ресурсы наиболее эффективным образом, тем самым способствуя повышению экономических эффектов от агломерации.

Важно отметить, что во многих странах мира имеются нормативные правовые документы в области городского и территориально-пространственного развития, что свидетельствует о важности стратегического подхода для координации разработки и реализации политики урбанизации, а также разнообразие политики регулирования урбанизации в мировом пространстве.

Таблица 1 – Особенности политики урбанизации в отдельных странах мира

Страна	НПА	Цель политики урбанизации	Меры политики
Япония	Имеется (National Spatial Strategy)	содействие региональному возрождению; поддержка многослойных, упругих, компактных и сетевых структур; и исправление чрезмерной концентрации в Токио и позиционирование его как столичного региона	развитие индустриализации и сферы услуг; минимальное государственное вмешательство; реорганизация земель и реализация прав на собственность; компактная градостроительная политика с акцентом на железнодорожную инфраструктуру строительство новых городов и реконструкция городских центров; управление на национальном и местном уровне путем разделения на три зоны: чрезмерной концентрации, приспособления и развития; решение экологических проблем
Китай, Таиланд	Имеется (Национальный план урбанизации нового типа)	охватывает все сферы жизнедеятельности граждан КНР	появление новых промышленных центров; территориальное развитие и строительство малых городов и поселков; политическая поддержка сельских предприятий, строительство малых зон сельской промышленности;

Страна	НПА	Цель политики урбанизации	Меры политики
			комплексное планирование социально-экономического развития города и деревни; гармоничное развитие городов различного ранга и поселков городского типа; градостроительные нормы компактного города путем перехода к гибкому зонированию (наличие общего плана зонирования и стратегического плана с разрешением на застройку); децентрализация власти и совершенствование местного самоуправления; ликвидация барьеров для мобильности рабочей силы из сельских районов в городские; смешанные виды землепользования; привлечение инвестиции в железнодорожную сеть; строгое экологическое законодательство, нормативы и стандарты
Корея	Имеется (Comprehensive National Territorial Plan)	размещение промышленности, обеспечение инфраструктуры, улучшение условий жизни, управление ресурсами на национальной территории и охрана окружающей среды	развитие индустриализации и сферы услуг; комплексное городское планирование с разделением на зоны; развитие больших городов; управление землепользованием и развитие промышленных территорий; региональная интеграция и развитие полюса роста; создание многоядерной децентрализованной территориальной структуры; экологическая безопасность
Польша	Имеется (National Urban Policy 2023)	усилить городские районы для стабильного развития и создания новых рабочих мест, а также улучшение уровня жизни резидентов	развитие пространства: снижение неконтролируемого расширения городов транспортная и городская мобильность; управление городскими районами и демографическим процессом; защита окружающей среды и адаптация к меняющемуся климату; увеличение энергоэффективности зданий и поддержание экономики с низким содержанием углерода; развитие внутренних специализаций, поддержка инноваций и усиление отечественного бизнеса
Турция	Имеется (Integrated Urban Development Strategy and Action Plan)	создание дорожной карты для укрепления экономических, социальных и культурных структур городских поселений путем повышения качества жизни, а также развития пространственного планирования	развитие промышленности и сферы услуг; реструктуризация системы пространственного планирования, включая ее укрепление, улучшения координации между соответствующими учреждениями; планирование застройки, увеличение масштабов жилищного строительства и предоставление доступного жилья; улучшение качества жизни и пространства в населенных пунктах, включая устойчивое развитие транспорта; интеграцию инфраструктурных инвестиций в пространственное планирование; сбалансированное распределение социальных услуг; управление сельской и городской миграцией
Казахстан	Имеется (Программа развития регионов до 2020 года)	создание условий для развития социально-экономического потенциала регионов через формирование рациональной	определение инвестиционных приоритетов для каждого макрорегиона; совершенствование территориального развития страны; модернизация инженерной инфраструктуры и

Страна	НПА	Цель политики урбанизации	Меры политики
		территориальной организации страны, стимулирование концентрации населения и капитала в центрах экономического роста	жилищно-коммунального хозяйства; эффективное и рациональное обеспечение населения питьевой водой и услугами водоотведения
Беларусь [1]	Имеется (Концепция формирования и развития системы расселения Республики Беларусь)	поляризованная система расселения, которая предусматривает прежде всего неравномерность экономического развития регионов страны	формирование специальной межрегиональной миграционной политики; создание институтов для саморазвития экономики городов; совершенствование регионального управления развития городов; решение экологических проблем, обусловленных высоким уровнем транспортных потоков

Примечание – Источник: OECD (2018), “Regional Outlook Survey Results”, unpublished, www.oecd.org

Проведенный анализ существующих подходов к формированию и реализации политики урбанизации свидетельствует о наличии в мировой практике основных двух моделей: развитие больших городов, когда аграрное население концентрируется в больших городах (по такому пути проходила урбанизация в странах Японии и некоторых странах восточной Европы), и развитие малых и средних с переходом на параллельное развитие городов различного ранга, миграция в них аграрного населения, как в Китае.

Зарубежный опыт свидетельствует также о наличии двойственного характера процесса урбанизации сочетание элементов стихийного рыночного развития и планового управления (на примере Китая) [6].

Проведенный обзор политики урбанизации зарубежных стран позволяет определить не только различия, но и схожие черты. Они выражаются в так называемом вертикальном развитии урбанизации и индустриализации в аспекте региональной политики, территориальной децентрализации власти, осуществлении компактной градостроительной политики комплексного развития города, укреплении частной собственности, усилении миграции из сельских районов в города, обеспечении экологической безопасности.

Рассмотренный зарубежный опыт может быть использован при определении направлений развития политики урбанизации в Республике Узбекистан.

В рамках реализуемой в настоящее время в Узбекистане Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах используются инструменты и механизмы, способствующие экономическому росту и устойчивому развитию, к которому можно отнести переход и реализация активной государственной политики в области урбанизации [4].

В целях усиленной активизации процессов урбанизации как нового фактора обеспечения устойчивого развития и социально-экономического роста Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев в своем Послании Олий Мажлису 28 декабря 2018 года поставил стратегическую цель – доведение уровня урбанизации в стране до 60,0 % к 2030 году.

Для решения поставленной цели Президентом принят Указ «О мерах по коренному совершенствованию процессов урбанизации» [5]. В соответствии с этим законодательным документом к числу основных направлений совершенствования процессов урбанизации отнесены: реализация новой сбалансированной с транспортной и социальной инфраструктурой жилищной политики, формирование условий для введения земельных участков в гражданский оборот, совершенствование системы административного регулирования миграционных процессов, внедрение положительной зарубежной практики эффективного управления городами различных категорий и расширение сети городов – спутников.

По оценкам авторов, вышеперечисленные направления необходимо отразить в Концепции развития урбанизации в Республике Узбекистан до 2030 года, которая находится на стадии

разработки уже три года из-за отсутствия навыков и соответствующих компетенций у разработчиков и опыта стратегического планирования регионов и городов Республики Узбекистан.

Из-за недостаточно налаженной системы управления процессом урбанизации в стране происходили нескоординированные преобразования: в 2019 году создано Агентство урбанизации при Министерстве экономики и промышленности Республики Узбекистан для проведения единой целенаправленной государственной политики в области урбанизации, которое впоследствии было ликвидировано, а в Министерстве экономического развития и сокращения бедности открыт департамент урбанизации и развития жилищного строительства с перенесением основных функций Агентства.

Одним из конкретных механизмов и инструментов реализации политики урбанизации, отмеченных в данном законодательном документе, – формирование необходимой законодательно-правовой базы путем разработки новых и поправок к действующим законодательным актам, в том числе Земельного, Градостроительного и Жилищного кодексов, Закона «О приватизации земельных участков несельскохозяйственного назначения» и др. Однако до сих пор не внесены изменения и поправки в действующие законодательные акты в Жилищный и Земельный кодексы, которые не выполняются из-за декларативного характера, неточности формулировок, не соответствия международным стандартам и реалиям сегодняшнего дня.

В 2021 году в Узбекистане принят Градостроительный кодекс с определением и уточнением термина «урбанизация» как процесса повышения роли городов в развитии общества и экономики, способствующий позитивным изменениям в социально-профессиональной и демографической структуре населения, подъему на качественно новый уровень его образа жизни и культуры, а также формирования городской инфраструктуры. Однако в данном документе не определена роль урбанизации в комплексном и устойчивом развитии регионов и городов. Не уделено внимание территориальному планированию, основанному на правовом зонировании и реорганизации земель. Это актуализирует необходимость проведения ряда структурных реформ в области городского планирования и землепользования, развертывания инфраструктурных сетей и скоординированной политики налогообложения.

По мнению авторов, необходимо сосредоточиться на комплексной модернизации системы городского планирования, а не только на обновлении генеральных планов и создании определенности за счет координации инвестиций в инфраструктуру и городского планирования. Для перехода к более компактной модели роста, необходимо реформировать основные системы, влияющие на пространственное развитие городов: завершение земельных реформ, включая приватизацию городских земель. Немаловажное значение для формирования политики в области урбанизации учет статистики не только городов областных центров и областного подчинения, но и всех городов страны.

Несмотря на то, что в ряде структурных реформ наблюдается значительный прогресс (проводятся реформы по либерализации и развитию финансовых рынков, улучшению делового климата, ослаблению режима прописки, сокращению роли государства в экономике), сохраняется проблема ограниченности мобильности факторов производства, существует необходимость преодоления других барьеров, связанных с низкой доступностью жилья, недостаточным предоставлением общественных услуг, устаревшей инфраструктурой, а также ограниченностью полномочий и ресурсов местных органов, что вызывает сложности в решении местных проблем.

Таким образом, урбанизация пока не стала важным источником устойчивого роста и повышения качества жизни населения. В данном вопросе имеется ряд диспропорций и системных проблем, в том числе:

отсутствие целенаправленной урбанистической политики, а также долгосрочной стратегии развития в разрезе каждого города, которая бы определяла четкую политику развития городов в увязке с региональной политикой и координировала бы различных органов власти в продвижении реформ, относящихся к урбанизации;

отсутствие прозрачности системы управления; низкий уровень взаимодействия, несогласованность, размывание ответственности и дублирование действий государственных ор-

ганов; высокая централизация управленческих функций; недостаток квалификаций и компетенций государственных органов;

наличие устаревших, не соответствующих современным мировым стандартам законодательных правовых документов со слабым управлением земельными, жилищными ресурсами;

недостаток статистической отчетности устойчивого социально-экономического развития городов, необходимость проведения инвентаризации всех населенных пунктов и устаревшие генеральные планы, требующие обновления.

Приведенный перечень проблем актуализирует формирование дополнительных, разработанных авторами направлений политики урбанизации, основанном на комплексном устойчивом развитии, в числе которых:

принятие Национальной стратегии урбанизации, базирующейся на комплексном устойчивом социально-экономическом развитии производительных и комфортных городов;

развитие городов путем вертикального расширения и создание городов-спутников, позволяющих решить демографические, миграционные и инфраструктурные проблемы, а также служить инструментом для управления ростом агломераций, улучшения координации управления и связности территорий в городской агломерации;

модернизация городского планирования за счет комплексной реформы системы и её адаптации к работе в условиях рынка земли;

переход к системе городского планирования, отвечающей требованиям рынка, что имеет решающее значение для перехода к более устойчивой и продуктивной урбанизации;

совершенствование законодательно-правовых, институциональных и экономических механизмов регулирования регионального и городского развития, основанных на рыночных механизмах и международных стандартах;

усовершенствование механизма вертикального управления и взаимодействия органов исполнительной власти путем децентрализации государственного управления, что позволит обеспечить финансовыми ресурсами местных органов власти, повысить их полномочия и получить в дальнейшем дополнительные источники собственных доходов для обустройства городов, а также усилит управление социально-экономическими процессами в регионах;

снятие миграционных барьеров, включая ослабление системы прописки и жилищную реформу;

совершенствование учета статистической отчетности городского населения в разрезе отдельных категорий городов и регионов, включая намечаемую перепись населения и международный рейтинг уровня урбанизации;

развитие региональной интеграции, способствующей усилению связей и сотрудничества между регионами.

Реализация вышеизложенных направлений позволит преобразовать города в центры инноваций, способствующие комплексному компактному устойчивому и экологически безопасному развитию страны с широким доступом к рабочим местам, образованию, здравоохранению и другим услугам. Но для этого потребуются открыть населению и инвестициям доступ к тем городам, в которых они видят перспективные возможности, и обеспечить создание соответствующих условий в этих населенных пунктах.

Литература

1. Красовский К. К. Урбанизация в Беларуси: пространственно – временная динамика / К. К. Красовский // География. – 2002. – С. 64–70.

2. Организация Объединенных Наций. Доклад Совета управляющих Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам, 23 сессия (11-15 апреля 2011 года). – Нью-Йорк, 2011.

3. Салимова, Ю. И. Урбанизация как мировой тренд социально-экономического развития стран и регионов / Ю. И. Салимова // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуман. навук. – Минск, 2022. – № 2. – С. 240-253.

4. Указ Президента Республики Узбекистан «О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах в «Год активных инвестиций и социального развития» № УП-5635 от 17.01.2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.uz/ru/docs/4168757>. – Дата доступа: 06.09.2022.

5. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию процессов урбанизации» № УП-5623 от 10.01.2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/4154824?otherlang=3>. – Дата доступа: 06.09.2022.

6. OECD (2018), “Regional Outlook Survey Results”, unpublished [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org>. – Дата доступа: 06.09.2022.

УДК 338.23/.24:332.142.6(075.8)

**ЭКАЛАГІЗАЦЫЯ ЭКАНАМІЧНАГА РАЗВІЦЦЯ Ў КІТАЙСКОЙ НАРОДНАЙ
РЭСПУБЛІЦЫ І Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ
ECOLOGIZATION OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE CHINESE PEOPLE'S
REPUBLIC AND THE REPUBLIC OF BELARUS**

Голубеў Сяргей Рыгоравіч,

доктар эканамічных навук, прафесар, галоўны навуковы супрацоўнік,

Дзяржаўная навуковая установа «Цэнтр сістэмнага аналізу і стратэгічных даследаванняў

Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»

sg-9o@yandex.by; golubev_sergei@tut.by

Аўсюк Андрэй Аляксандравіч,

аспірант дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут Эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук
Беларусі»

vert.region@economics.basnet.by

Чэнь Цзяньбо,

аспірант дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут Эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук
Беларусі»

chenjianbo@mail.ru

Holubeu Siarhei,

Doctor of Sciences (Economics), Professor,

Chief Researcher of the Center for System Analysis and Strategic Research

of the National Academy of Sciences of Belarus

sg-9o@yandex.by; golubev_sergei@tut.by

Avsyuk Andrey,

postgraduate student of the State Scientific Institution «Institute of Economics of the National
Academy of Sciences of Belarus»

vert.region@economics.basnet.by

Chen Jianbo,

postgraduate student of the State Scientific Institution «Institute of Economics of the National
Academy of Sciences of Belarus»

chenjianbo@mail.ru

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца стратэгічныя мэты і прыярытэтныя кірункі экалагізацыі эканамічнага развіцця ў Кітаі і Беларусі. Асаблівая ўвага надаецца фарміраванню інстытуцыйнага асяроддзя «зялёнага» развіцця, станаўленню нізкавугляроднай энергетыкі, развіццю электратранспарту, стварэнню сістэмы «зялёнага» фінансавання ў дзвюх краінах.

Ключавыя словы: Кітайская Народная Рэспубліка, Рэспубліка Беларусь, «зялёная» эканоміка, аднаўляльная энергетыка, электратранспарт, беларуска-кітайскае супрацоўніцтва.

Abstract: The article lightings current state, strategic goals, priorities of the development of green economy in China and Belarus. The genesis of a regulatory framework for green development, the formation of low-carbon energy sector, the development of electric transport, the creation of a green financing systems in two countries are discussed.

Keywords: People's Republic of China, Republic of Belarus, «green» economy, renewable energy, electric transport, Belarus-China cooperation.

Навукова-тэхнічны прагрэс з непазбежнасцю прыводзіць да ўзмацнення ўздзеяння антрапагеннага фактару на навакольнае асяроддзе: гэта і высокія тэмпы выкарыстання неаднаўляльных рэсурсаў планеты, і інтэнсіўнае забруджванне атмасферы, глебы, паверхневых і падземных вод, гэта і бесперапыннае назапашванне адходаў вытворчай і бытавой жыццядзейнасці чалавека. У выніку мы з'яўляемся сведкамі лавінападобнага нарастання негатыўных працэсаў у якасці планеце, такіх як змена клімату, апустыньванне і дэградацыя земляў, памяншэнне біялагічнай разнастайнасці ў прыродзе і іншых, часам незваротных, з'яў, якія паскараюць спаўзанне чалавецтва да глабальнага экалагічнага крызісу.

Відавочная для спецыялістаў страта навакольным асяроддзем сваёй здольнасці да самааднаўлення прымусіла міжнародныя інстытуты актывізаваць пошук інавацыйных шляхоў і напрамкаў, якія забяспечваюць гарманічнае развіццё прыроды і чалавека. Сёння такім напрамкам выступае «зялёнае» развіццё, іншымі словамі развіццё, арыентаванае на дасягненне мэт сацыяльна-эканамічнай дынамікі розных краін пры істотным скарачэнні экалагічных рызык і тэмпаў дэградацыі прыроды. У рамках гэтага напрамку ў многіх дзяржавах свету прыняты нацыянальныя стратэгіі ў галіне скарачэння выкідаў парніковых газаў антрапагеннай прыроды, распрацаваны комплексныя меры па змякчэнні наступстваў змянення клімату і адаптацыі да яго змяненняў, ажыццяўляюцца праграмы «зялёнага» развіцця галін нацыянальных эканомік. І ў гэтым плане Кітайская Народная Рэспубліка і Рэспубліка Беларусь не выключэнне.

Як у КНР, так і ў Рэспубліцы Беларусь ствараюцца інстытуцыйныя ўмовы для экалагізацыі эканамічнага развіцця. Так, толькі за апошнія дзесяцігоддзе ў Паднябеснай было распрацавана 7 новых і перагледжана 17 дзейных законаў, якія тычацца экалагічнай бяспекі. Па стане на 1 жніўня 2022 г. у Кітаі налічвалася больш за 30 законаў у галіне аховы экалогіі і навакольнага асяроддзя, звыш 100 адміністрацыйных актаў і больш за 1 тыс. рэгіянальных палажэнняў у гэтай сферы.

У сакавіку 2021 г. на сесіі Усекітайскага сходу народных прадстаўнікоў быў прыняты План эканамічнага і сацыяльнага развіцця Кітая на 14-ю пяцігодку (2021–2025 гг.), а таксама зацверджаны Доўгатэрміновыя мэты развіцця краіны да 2035 года. Указанымі дакументамі адной з мэт у сярэдне- і доўгатэрміновай перспектыве вызначана забеспячэнне ўсёабдымнай «зялёнай» трансфармацыі сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны і пабудова экалагічнай цывілізацыі. Для дасягнення гэтай мэты мяркуецца вырашэнне наступных задач: стымуляванне нізкавугляроднага развіцця ўсіх без выключэння галін народнай гаспадаркі; прадухіленне і ліквідацыя ўжо дапушчанага забруджвання паветра, глебы і вод; пабудова эканомікі замкнёнага цыкла; заахвочванне даследаванняў, распрацовак і прымянення новых энергазберагальных і экалагічна чыстых тэхналогій, абсталявання і прадукцыі; удасканаленне сістэмы стандартаў і механізма ацэнкі ў сферы «зялёных» фінансаў; культываванне сярод насельніцтва «зялёнага» ладу жыцця.

У рамках 14-га пяцігадовага плана прыняты шэраг паказчыкаў экалагічнай палітыкі. У прыватнасці, энергаёмістасць ВУП за пяцігоддзе павінна знізіцца на 13,5 %; выкіды вуглякіслага газу на адзінку ВУП павінны зваліцца на 18 %; доля дзён з добрай якасцю паветра ў гарадах узроўню прэфектуры і вышэй павінна скласці 87,5 % (у 2020 годзе яна складала 87 %); доля паверхневых вод класа III і вышэй павінна скласці 85 % (у 2020 годзе яна складала

83,4 %); плошча тэрыторыі краіны, пакрытай лесам, павінна дасягнуць 24,1 % (у 2019 годзе яна складала 23,2 %) [1].

У Рэспубліцы Беларусь у рамках інстытуцыянальнай дзейнасці па экалагізацыі эканамічнага развіцця прыняты шэраг нарматыўных прававых актаў у сферах устойлівага спажывання і вытворчасці, павышэння патэнцыялу выкарыстання аднаўляльных крыніц энергіі і энергаэфектыўнасці галін эканомікі, будаўніцтва энергаэфектыўных жылых дамоў, вытворчасці арганічнай прадукцыі, абыходжання з цвёрдымі камунальнымі адходамі і другаснымі матэрыяльнымі рэсурсамі, развіцця экалагічнага турызму і г.д.

Нацыянальнай стратэгіяй устойлівага развіцця Рэспублікі Беларусь на перыяд да 2035 года важнейшым прыярытэтам у доўгатэрміновай перспектыве абазначана забеспячэнне экалагічнай бяспекі, пераход да «зялёных» мадэляў вытворчасці і спажывання. Экалагічная палітыка дзяржавы будзе накіравана на забеспячэнне экалагічна спрыяльных умоў для жыццядзейнасці беларускага грамадства і яе грамадзян на аснове рацыянальнага прыродакарыстання і максімальна магчымага захавання прыродных комплексаў. Праграмай сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь на 2021–2025 гг. пастаўлена мэта забяспечыць экалагічна спрыяльныя ўмовы для жыццядзейнасці грамадзян, палепшыць ахову навакольнага асяроддзя і эфектыўна выкарыстоўваць прыродныя рэсурсы. У канцы 2021 г. прыняты Нацыянальны план дзеянняў па развіцці «зялёнай» эканомікі ў Рэспубліцы Беларусь на 2021–2025 гг., галоўнай мэтай якога з'яўляецца фарміраванне комплексу мер для дасягнення «зялёнага» эканамічнага росту ва ўмовах захавання прыроднага капіталу і павышэнне занятасці шляхам стварэння «зялёных» працоўных месцаў. Сярод ужо пазначаных вышэй прыярытэтных напрамкаў развіцця «зялёнай» эканомікі ў Рэспубліцы Беларусь планам таксама вызначаны наступныя: развіццё эканомікі замкнёнага цыкла; фарміраванне разумных і энергаэфектыўных гарадоў; змякчэнне наступстваў змены клімату і адаптацыя да кліматычных змен; захаванне і ўстойлівае выкарыстанне біялагічнай і ландшафтнай разнастайнасці; развіццё сферы «зялёнага» фінансавання; адукацыя, падрыхтоўка кадраў і сацыяльная ўцягнутасць; навуковае забеспячэнне пераходу да «зялёнай» эканомікі.

Акрамя таго, вядзецца распрацоўка Нацыянальнага плана дзеянняў у галіне адаптацыі да змянення клімату да 2030 года і Стратэгіі доўгатэрміновага развіцця Рэспублікі Беларусь з нізкім узроўнем выкідаў парніковых газаў на перыяд да 2050 года. У рамках гэтых стратэгічных дакументаў будуць абгрунтаваны прыярытэтныя напрамкі і меры стымулявання ўкаранення нізкавугляродных тэхналогій, тэхналагічных і арганізацыйна-кіраўніцкіх інавацый, накіраваных на прадукцыйнае і мінімізацыю забруджвання навакольнага асяроддзя.

І Кітай, і Беларусь асабліваю стаўку ў «зялёным» будаўніцтве робяць на развіцці нізкавугляроднай энергетыкі, павышэнні ролі аднаўляльных крыніц энергіі. Пры гэтым Паднябесная галоўную ўвагу надае яшчэ і зніжэнню долі вугалю ў нацыянальнай сістэме энергазабеспячэння. Так, з 2005 да 2020 года КНР з 72,4 % да 56,8 % знізіла долю вугалю ў нацыянальным энергазабеспячэнні [2, с. 288]. Дзякуючы гэтаму толькі ў 2015–2020 гг. колькасць шкодных аэразоляў PM_{2,5} у паветры кітайскіх гарадоў у сярэднім скарацілася на 28,8 % [3]. Вызначана, што за гады 14-й пяцігодкі (2021–2025 гг.) краіна будзе максімальна стрымліваць рост спажывання вугалю, а з 15-й пяцігодкі (2025–2030 гг.) пачнецца паступовае скарачэнне аб'ёмаў выкарыстання гэтага паліва.

Адначасова ў Паднябеснай імкліва расце аб'ём устаноўленых магутнасцей на сонечных і ветраных электрастанцыях. Па стане на 31 снежня 2021 г. магутнасць дзеючых сонечных фотаэлектрычных станцый у Кітаі складала 306 ГВт, а ветраэнергетычных устаноў – 328 ГВт. Сумарная доля сонечнай і ветравой генерацыі ў вытворчасці электраэнергіі ў КНР вырасла ў 2021 годзе да 11,8 % (у 2020 годзе яна складала 9,5 %). А з улікам гідраэлектрастанцый, устаноўленая магутнасць якіх на названую дату складала 391 ГВт, доля аднаўляльных крыніц у вытворчасці электраэнергіі ў 2021 годзе дасягнула 29,8 % (у 2020 годзе – 29,1 %) [4]. Пры гэтым неабходна ўлічваць, што электрастанцыі, якія працуюць на біялагічнай сыравіне, аднесены кітайскай статыстыкай да цеплаэлектрастанцый.

Характэрна, што ў апошні час даследаванні, звязаныя з «зялёнай» энергетыкай, знаходзяцца ў фокусе глабальных навукова-даследчых работ. І Паднябесная ў гэтым плане займае лідзіруючае месца ў свеце. Так, пачынаючы з 2001 года у Кітаі апублікавана ў агульнай складанасці каля 400 тыс навуковых прац у вобласці «зялёнай» энергетыкі і па дадзеным паказчыку Кітай трывала займае першае месца ў свеце. Акрамя таго, па колькасці зарэгістраваных у гэтай галіне навукі патэнтаў Кітай апырэдзіў ЗША ў 2012 годзе і Японію – ў 2014 годзе. Да канца 2020 г. на Кітай прыпадала амаль палова сусветных патэнтаў у сферы экалагічна чыстай энергіі [5].

Асноўная мэта развіцця нізкавугляроднай энергетыкі ў Беларусі – зніжэнне залежнасці народнай гаспадаркі краіны ад вуглевадароднай сыравіны. Па дадзеных дзяржаўнага кадастра аднаўляльных крыніц энергіі, па стане на 1 ліпеня 2021 г. магутнасць дзеючых сонечных фотаэлектрычных станцый у Беларусі складала – 160,87 МВт, ветраэнергетычных устаноў – 120,31 МВт, гідраэлектрастанцый – 98,36 МВт, біягазавых устаноў – 47,88 МВт. Пасля ўводу ў эксплуатацыю Беларускай атамнай электрастанцыі аднаўляльная энергетыка ў краіне развіваецца ва ўзаемадзеянні з атамнай у напрамку павышэння энергаэфектыўнасці, цыфравізацыі ў галінах народнай гаспадаркі, пабудовы разумных энергетычных сетак. Удзельная вага вытворчасці першаснай энергіі з аднаўляльных крыніц да валавога спажывання паліўна-энергетычных рэсурсаў дасягне ўзроўню 7-8 % да 2026 г. [6]

Найважнейшым прыярытэтным напрамкам развіцця «зялёнай» эканомікі і ў КНР, і ў Рэспубліцы Беларусь з'яўляецца пераход ад вуглевадароднага транспарту да электрычнага. У 2021 годзе у свеце прададзена 6,6 млн электрамабіляў, а іх доля ў агульнасусветных продажах аўтамабіляў склала 8,57 %. Прычым, толькі ў Кітаі было рэалізавана прыкладна 3,52 млн электрамабіляў, г.зн. больш за 53 % ад агульнасусветных продажаў. У цэлым на канец 2021 г. на дарогах Кітая налічвалася каля 7 млн транспартных сродкаў на новых крыніцах энергіі. На сённяшні дзень два з пяці найбуйнейшых сусветных вытворцаў электрамабіляў – кітайскія. Адначасова КНР лідзіруе па пастаўках акумулятараў для электрамабіляў. На дзве кітайскія кампаніі – Contemporary Amperex Technology CATL і BYD у суме прыпадае 40 % сусветнага рынку акумулятарных батарэй для электрамабіляў. Нарэшце, у краіне паскараецца будаўніцтва зараднай інфраструктуры для электрамабіляў. Толькі за студзень-лістапад 2021 г. колькасць зарадных прылад для электрамабіляў у Кітаі павялічылася на 284 тыс. адзінак, г. зн. колькасць станцый грамадскай зараднай інфраструктуры вырасла на 59,1 % у гадавым выражэнні. Па стане на лістапад 2021 г. агульная колькасць зарадных прылад па ўсёй краіне склала 1,092 млн адзінак [7].

У Рэспубліцы Беларусь, па стане на снежань 2020 г., налічвалася звыш 1600 электрамабіляў (у 2017 годзе – 40 адзінак) [8]. У 2017 годзе прайшла прэзентацыя эксперыментальнага ўзору першага беларускага электрамабіля, які быў створаны НАН Беларусі на базе серыйнай машыны Geely SC7 беларускай зборкі. Галоўная задача, якая стаіць сёння перад беларускімі вучонымі, заключаецца ў арганізацыі вытворчасці электрамабіля, які поўнасю складаецца з айчынных запчастак.

У адпаведнасці з тэмпамі росту айчыннага парка электрамабіляў развіваецца і адпаведная інфраструктура. Паспяхова рэалізуецца Праграма стварэння дзяржаўнай зараднай сеткі для зарадкі электрамабіляў, мэта якой – развітая сетка электрзарадных станцый, якая забяспечвае камфортнае і бесперашкоднае перамяшчэнне электрамабіляў па тэрыторыі рэспублікі і адпавядае сусветным стандартам. Калі ў 2018 годзе сетка электрзарадных станцый у Беларусі налічвала 85 адзінак, то ў 2020 годзе – 405 адзінак.

Безумоўна, укараненне прынцыпаў «зялёнага» развіцця дыктуе неабходнасць значных капітальных укладанняў у новыя сектары і тэхналогіі, якія стануць у перспектыве асноўнымі крыніцамі эканамічнага развіцця і росту. Для іх прыцягнення патрабуецца стварэнне спрыяльных унутраных умоў, якія прадугледжваюць функцыянаванне як у Кітаі, так і ў Беларусі эфектыўнай сістэмы «зялёных» фінансаў.

У пачатку лістапада 2021 г. Народны Банк Кітая аб'явіў аб запуску новага інструмента грашова-крэдытнай палітыкі, які прызначаны для мэтавай падтрымкі праектаў чыстай энер-

гетыкі, эканоміі энергіі і скарачэння вугляроднай эмісіі. Першапачаткова на 2022 год памер праграмы вызначаны ў 400 млрд юаняў (63 млрд дал.), але ў залежнасці ад ходу рэалізацыі праграма можа быць пашырана да 1,9 трлн юаняў [9].

У Рэспубліцы Беларусь палажэнні па развіццю «зялёнага» фінансавання замацаваны ў шэрагу праграмных дакументаў. У той жа час да гэтага моманту не абгрунтаваны эфектыўныя напрамкі ўкаранення ў краіне фінансавых інструментаў падтрымкі «зялёнай» эканоміі, адсутнічае комплексная заканадаўчая база для ацэнкі «зялёных» праектаў, не створана сістэма верыфікацыі і сертыфікацыі «зялёных» аблігацый і іншых фінансавых інструментаў, няма спецыялізаваных «зялёных» фондаў і банкаў. Мяркуем, што Рэспубліцы Беларусь у пытаннях «зялёнага» фінансавання будзе карысны вопыт Паднябеснай па прыцягненню прыватных інвестыцый, у тым ліку на прынцыпах дзяржаўна-прыватнага партнёрства. У гэтым жа плане неацэнныя двухбаковыя беларуска-кітайскія навуковыя кантакты ў рамках метадалагічнага і метадычнага забеспячэння «зялёнага» фінансавання ў адпаведнасці з прынятымі міжнароднымі нормамі, уключаючы абгрунтаванне таксанаміі «зялёных» праектаў з улікам нацыянальных прыярытэтаў развіцця, распрацоўку стандартаў ацэнкі экалагічных рызык інвестыцыйных праектаў і экалагічнага аўдыту «зялёных» фінансавых інструментаў, вызначэнне дзейных мер дзяржаўнай падтрымкі «зялёнага» фінансавання і іншае.

Яшчэ адной сферай двухбаковага беларуска-кітайскага супрацоўніцтва ў сферы «зялёнага» развіцця магла б стаць перадача беларускаму боку кітайскага вопыту стварэння сістэмы падтрымкі зніжэння вугляроднага следу. Нагадаем, што важным крокам у гэтым напрамку стаў запуск у сярэдзіне 2021 года кітайскай агульнанацыянальнай сістэмы таргоў вугляроднымі квотамі. Гэтыя таргі ўяўляюць сабой спробу пераразмеркавання права на эмісію вуглякіслага газу ад прадпрыемстваў, выкіды якіх знаходзяцца ніжэй за ўстаноўленую дзяржавай столі, да кампаній, якія выходзяць за максімальна дапушчальныя нормы выкіды. Пры гэтым, вугляродны рынак Паднябеснай адразу ж стаў найбуйнейшым у свеце: толькі на пачатковым этапе ён пакрывае 4,5 мільярда тон эмісіі вугляроду. У сістэму таргоў сёння ўключаны 2162 кітайскія кампаніі–вытворцы электрычнасці. З часам рынак стане больш аб'ёмным і да яго будуць падключаны прадпрыемствы нафтахімічнай і хімічнай прамысловасці, вытворцы будматэрыялаў, сталі, каляровых металаў і паперы, а таксама авіякампаніі [10].

Нарэшце, іншымі прыярытэтнымі напрамкамі двухбаковага беларуска-кітайскага супрацоўніцтва ў сферы «зялёнага» развіцця маглі б стаць пытанні развіцця эканомікі замкнёнага цыкла, а таксама фарміравання разумных і энергаэфектыўных гарадоў. Важна, што па ўсіх пытаннях барацьбы са змяненнем клімату і пабудовы нізкавугляроднай эканоміі і Кітай, і Рэспубліка Беларусь гатовы да самага шырокага і адкрытага міжнароднага супрацоўніцтва.

Літаратура

1. 图表：“十四五”时期经济社会发展主要指标 (Диаграмма: основные показатели экономического и социального развития Китая в 14-й пятилетке) // Госсовет КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/05/content_5590537.htm. – Дата доступа: 01.08.2022.
2. 能源消费总量及构成 (Общее потребление энергии и состав): Китайский статистический ежегодник 2021, сентябрь 2021 г. // Государственное статистическое управление КНР. – Пекин: Статистическое изд. Китая, 2021. – С. 288.
3. 2020 年中国生态环境公报 (Китайский экологический бюллетень окружающей среды 2020 г.) // Министерство экологии и окружающей среды КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mee.gov.cn/hjzl/sthjzk/zghjzkgb/202105/P020210526572756184785.pdf>. – Дата доступа: 01.08.2022.
4. 国家能源局 2022 年一季度网上新闻发布会文字记录 (Стенограмма онлайн пресс-конференции Государственного управления по делам энергетики за первый квартал 2022 года) // Государственное управление по делам энергетики КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nea.gov.cn/2022-01/28/c_1310445390.htm. – Дата доступа: 01.08.2022.

5. 加快清洁能源发展中国下好科研“先手棋” (Ускорение развития чистой энергии, Китай делает "первый ход" в научных исследованиях) [Электронный ресурс] // Интернет-версия «Жэньминьжибао». – Режим доступа: <http://finance.people.com.cn/n1/2022/0125/c1004-32339211.html>. – Дата доступа: 01.04.2022.

6. Александров, А. «Зеленая» экономика и энергетика: контуры есть, цвет пока неяркий [Электронный ресурс] / А. Алексей // Экономическая газета. – 2021. – № 98. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/zelenaya-ekonomika-i-energetika-v-belarusi/>. – Дата доступа: 12.03.2022.

7. 我国电动汽车充换电网络坚强有力 (Китайская сеть зарядки и коммутации электромобилей является сильной и надежной) [Электронный ресурс] // Центральная народная радиовещательная станция. – Режим доступа: <https://auto.cctv.com/2022/01/04/ARTIe9XbOI4AvaRBHOtyPJPD220104.shtml>. – Дата доступа: 15.03.2022.

8. Сазонов, Н. Электротранспорт: стимулы начинают давать результат [Электронный ресурс] / Н. Сазонов // Экономическая газета. – 2021. – № 60. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/elektrotransport-v-belarusi/>. – Дата доступа: 22.03.2022.

9. 人民银行推出碳减排支持工具资金采取“先贷后借”直达机制 (НБК запускает инструмент поддержки сокращения выбросов углекислого газа с прямым доступом к средствам через механизм "сначала кредит, потом займ") [Электронный ресурс] // Интернет-версия «Жэньминьжибао». – Режим доступа: <http://sh.people.com.cn/n2/2021/1109/c139965-34997382.html>. – Дата доступа: 21.03.2022.

10. 碳排放权交易, 中国大步踏出自己的路 (Торговля выбросами углекислого газа, Китай идет своим путем) [Электронный ресурс] // сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2021-08/03/content_5629115.htm. – Дата доступа: 21.03.2022.

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТОРГОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ
REGIONAL TRADE AGREEMENTS IN THE WORLD ECONOMY**

Го Шухун,
доктор экономики, профессор,
Исполнительный Директор Центра по изучению СНГ,
Даляньский политехнический университет
lenaguo@dlut.edu.cn
Турбан Галина Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой международного бизнеса,
Белорусский государственный экономический университет
TurbanGV@mail.ru
Guo Shuhong,
Doctor of Economics, Professor,
Executive Director of the CIS Studies Center,
Dalian University of Technology
lenaguo@dlut.edu.cn
Turban Galina,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Head of the International Business Department,
Belarus State Economic University
TurbanGV@mail.ru

Аннотация. Выделены предпосылки заключения международных интеграционных объединений стран. Дана характеристика статических (возникающих сразу после вступления страны в интеграционное объединение) и динамических (проявляющихся спустя достаточно длительный промежуток времени) эффектов от торгово-экономической интеграции стран при создании таможенных союзов или зон свободной торговли. Указано на возможные отрицательные последствия создания интеграционных объединений стран. Показана динамика создания Региональных торговых соглашений (РТС) по товарам и услугам. Представлены действующие РТС в разрезе регионов и стран. Выделены основные причины стремительного возрастания числа РТС в XXI веке. Дана характеристика современных масштабных по охвату государств и валовому внутреннему продукту региональных экономических объединений стран (Соглашение между США, Мексикой и Канадой, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транс-Тихоокеанском партнерстве, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство).

Ключевые слова: региональные торговые соглашения, интеграция, торговля.

Abstract. The prerequisites for the conclusion of international integration associations of countries are highlighted. The characteristics of static (arising immediately after the country joins an integration association) and dynamic (manifested after a sufficiently long period of time) effects from the trade and economic integration of countries during the creation of customs unions or free trade zones are given. The possible negative consequences of the creation of integration associations of countries are pointed out. The dynamics of the creation of Regional Trade Agreements (RTAs) for goods and services is shown. The current RTSs are presented in the context of regions and countries. The main reasons for the rapid increase in the number of RTAs in the 21st century are identified. The characteristics of modern large-scale regional economic associations of countries in terms of coverage of states and gross domestic product (United States–Mexico–Canada Agree-

ment, Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, Regional Comprehensive Economic Partnership) are given.

Keywords: regional trade agreements, integration, trade.

Развитие «новой экономики» и «цифрового общества» отражает новую парадигму мироустройства, объединяющую два взаимосвязанных процесса: глобализацию и региональную экономическую интеграцию. Отдельные государства проводят свою внутреннюю и внешнюю политику, в то же время формируют в интеграционном объединении единую правовую систему, общее рыночное пространство.

В XXI веке региональные торговые соглашения (РТС) (англ. Regional Trade Agreements – RTA) стали основой мировой экономики. Они создаются в виде зон свободной торговли или таможенных союзов.

Предпосылками заключения международных интеграционных объединений стран являются, прежде всего, следующие:

- увеличение размера рынка;
- повышение предсказуемости политики;
- сигнализация открытости для инвесторов;
- завоевание доверия;
- принятие более широкого спектра обязательств;
- преимущества «новой экономики», опирающейся на информационно-технологическую революцию и цифровые технологии [1].

Исследователи выделяют два вида эффектов от торгово-экономической интеграции стран при создании таможенных союзов или зон свободной торговли: статические и динамические. Они непосредственным образом связаны между собой.

Статические эффекты интеграции возникают сразу после вступления страны в интеграционное объединение. Данный вид эффектов наиболее детально был исследован теоретиками классической школы интеграции, среди которых следует выделить Дж. Винер. Статистические эффекты выявляются на основе анализа частичного равновесия отдельных рынков.

Динамические эффекты проявляются спустя достаточно длительный промежуток времени. Они являются результатом постепенно накапливающихся изменений. Динамические эффекты исследуются в неоклассических теориях интеграции в контексте вопросов общего макроэкономического равновесия.

Динамические эффекты связаны с инновациями, притоком инвестиций, ростом производительности труда. Привлечение новых прямых инвестиций приводит к структурной перестройке экономики. Именно такой подход в основе теории влияния региональной интеграции на эндогенный экономический рост Л. А. Ривьеры-Байтиза и П. М. Ромера. К динамическим эффектам можно отнести: использование ресурсной базы и преимуществ факторов производства стран-участниц интеграционного объединения, увеличение размеров рынка и связанный с этим рост масштабов производства, сокращение издержек производства и трансакционных издержек, развитие инфраструктуры услуг (грузоперевозки, банковские услуги и т.д.), др. Возросшая конкуренция обеспечивает рост деловой активности, сдерживает рост цен, способствует более быстрому внедрению передовых технологий.

В то же время создание РТС может привести к усилению конкурентной борьбы, о чем свидетельствует гипотеза о существовании несовершенной конкуренции. Исследователи вопросов интеграции установили, что с отменой таможенных тарифов рынок расширяется и число потенциальных конкурентов растет. Фирмы, у которых более высокие издержки и цены, под воздействием конкуренции либо вынуждены будут уйти с рынка [7], либо повысить эффективность. Создание интеграционных группировок может иметь и такие отрицательные последствия, как отток ресурсов из страны с менее эффективной экономикой в страну с более высоким уровнем развития, риск возникновения крупных неэффективных компаний и/или монополий под влиянием бюрократизации и других факторов [1].

На сегодняшний день почти каждая страна мира является членом регионального соглашения. Около 20 % мировой торговли осуществляется в рамках РТС на преференциальных условиях.

Первое РТС было зарегистрировано в 1948 году. По состоянию на 1 августа 2022 г. в Секретариате ВТО было зарегистрировано 578 Региональных торговых соглашений (таблица 1) [2]. Из них 354 вступили в силу. В то время, как за период с 1948 по 1994 гг. в ГАТТ было направлено всего 123 нотификации, а фактически на конец 1994 г. зарегистрировано 49 РТС, из них 45 – по товарам и всего 4 – по услугам.

Таблица 1 – Количество зарегистрированных Региональных торговых соглашений на 1 августа 2022 года

Вид регионального торгового соглашения	Количество
Зона свободной торговли (англ. Free Trade Agreement – FTA), согласно ГАТТ ст. XXIV	302
Таможенный союз (англ. Custom Union – CU), согласно ГАТТ ст. XXIV	21
РТС согласно разрешительной оговорке (англ. Enabling clause)	62
РТС по услугам, согласно ГАТС ст. V	193
Всего:	578

Из 354 действующих региональных интеграционных соглашений, 316 (89,3 %) являются зонами свободной торговли и только 18 – соглашениями о создании таможенного союза (5,1 %).

Рост активности в формировании региональных экономических группировок произошел с начала 1990-х гг. (рисунок 1). В течение последнего десятилетия XX столетия зарегистрировано 56 региональных торговых соглашений по товарам и 10 – по услугам.

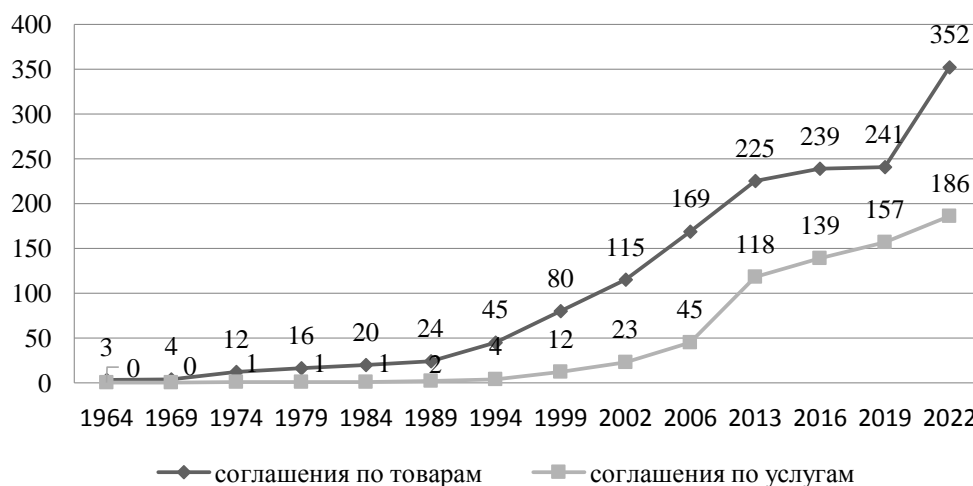

Рисунок 1 – Динамика создания Региональных торговых соглашений по товарам и услугам

Но резкий рост в создании РТС приходится на XXI век. С 2000 по 2015 гг. наблюдались наиболее высокие темпы роста РТС. Последующее пятилетие характеризовалось созданием незначительного числа РТС: в 2018 году – 3 – по товарам и 4 – по услугам, в 2019 году – соответственно 8 и 6, в 2020 году – 6 и 6. В 2021 году произошёл буквально всплеск создания РТС: страны подали 43 нотификации о создании РТС по товарам и 22 – по услугам [2]. Столь большого создания числа РТС не было за все годы деятельности ВТО. Преимущественное большинство из действующих РТС содержит главы о либерализации торговли товарами в соответствии со статьей ГАТТ XXIV (на 1 августа 2022 г. – 352) и более половины торговых соглашений (186) – главы о либерализации торговли услугами в соответствии со статьей ГАТС V. В последние годы ежегодно регистрируется от 30 до 50 РТС.

Наиболее интенсивно процессы регионализации наблюдаются в Европейском (158 РТС) и в Азиатско-Тихоокеанском регионах (101 РТС в Восточной Азии), вдвое меньшее ко-

личество РТС подписано среди стран Южной и Северной Америки (соответственно 71 и 50), СНГ (46). Наименьшее количество соглашений среди стран Африки, Ближнего и Среднего Востока, Океании, Карибского бассейна (рисунок 2).

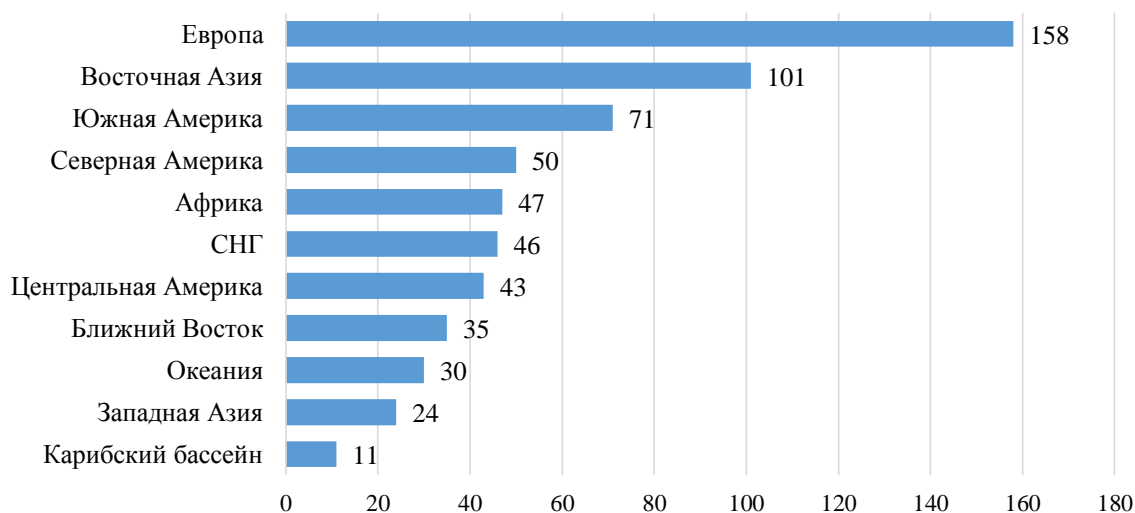

Рисунок 2 – Действующие РТС в разрезе регионов

Наибольшее количество соглашений о региональной интеграции создали страны Европейского континента. По данным ВТО, на 1 августа 2022 г.: ЕС – 46, Великобритания – 38, Норвегия, Исландия и Швейцария – по 32, Лихтенштейн – 30. После брексита именно Великобритания была страной, которая последние два года проявила большую инициативу в создании зон свободной торговли с другими государствами и интеграционными объединениями стран, что, в том числе, явилось одной из основных причин роста РТС в 2021 году.

Наивысшая активность в создании единых рынков на основе региональных торговых соглашений проявляют страны Азии. В списке зарегистрированных и действующих РТС на 1 августа 2022 г. на Сингапур приходилось – 27, Республику Корею – 20, Японию – 18, Китай – 16, Индию – 17, Вьетнам – 15, Таиланд – в составе 14 РТС, Индонезия – 12.

Весьма активна в заключении РТС Турция, которая входит в состав 24 интеграционных объединений стран.

В Центральной и Южной Америке следует выделить Чили с 30 РТС, Мексику – 23, Перу – 20, Панаму – 18, Колумбию – 15, Сальвадор – 13, Гватемалу – 10. Крупнейшая экономика мира США – участник 14 РТС.

В XXI веке наступил качественно новый период в функционировании РТС. Можно выделить ряд причин стремительного возрастания числа РТС в XXI веке:

- усложнение условий доступа на зарубежные рынки и стремление стран к либерализации торговли в рамках региональных преференциальных соглашений на основе снижения тарифных и нетарифных барьеров;
- неразрешимость многих вопросов Доха-раунда переговоров ВТО и развитие РТС как дополнительного инструмента либерализации;
- стремление стран к упрощению процедур торговли в рамках глобальных производственно-сбытовых цепочек;
- активность при формировании новых РТС страны с формирующейся рыночной экономикой, с богатой ресурсной базой;
- стремление стран к более устойчивому развитию и к усилению своих позиций в мировой экономике [3].

В современной мировой экономике международное разделение труда приняло глобальный характер. Деятельность транснациональных компаний, развитие производственно-сбытовых сетей, международная миграция капитала, современные транспортные системы

последние десятилетия способствовали все большей открытости национальных экономик и привели процесс интернационализации хозяйственной жизни к такому уровню, на котором образовалась глобальная сеть взаимосвязанных фирм большинства стран мира в единое целостное мировое хозяйство. Однако кризис 2008 года, а затем кризис периода пандемии Covid-19 выявили глобальные проблемы экономической взаимозависимости фирм и стран, и послужили новым импульсом к развитию как двусторонних, так и многосторонних соглашений о создании интеграционных объединений.

Особое внимание обращают на себя подписанные и вступившие в силу в последние два года масштабные по охвату стран и валовому внутреннему продукту региональные экономические объединения:

- Соглашение между США, Мексикой и Канадой (англ. United States–Mexico–Canada Agreement, USMCA);

- Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транс-Тихоокеанском партнерстве, сокр. ВПТТП (англ. Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, CPTPP);

- Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, сокр. ВРЭП (англ. Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP).

Соглашение между США, Мексикой и Канадой (USMCA) заменило Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА).

Согласованный текст USMCA подписан лидерами всех трех стран 30 ноября 2018 г. в рамках саммита G20 2018 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина) и вступил в силу 1 июля 2020 г. Оно заключено на период в 16 лет с договоренностью сторон о проведении раз в шесть лет консультаций о целесообразности его обновления и корректировки.

Совокупная экономика 3 стран – участниц USMCA составляет 30,7 % мирового ВВП и 12,2% мирового экспорта товаров при численности 6,2 % от населения мира [4].

Ключевыми пунктами договора USMCA являются:

- развитие интегрированного рынка автомобилестроения: увеличение уровня региональной локализации в автомобильной промышленности до 75 %;

- изменение правил, регулирующих рынок рабочей силы, занятой в автомобильной промышленности: 40–45 % стоимости автомобилей должно создаваться рабочими, получающими не менее 16 долл. в час.;

- расширение доступа сельхозпроизводителей США на рынок продовольствия Канады, что позволяет американским фермерам нарастить поставки на канадский рынок мяса птицы, яиц, молочной продукции;

- ослабление ограничений на электронную торговлю: увеличение беспошлинного онлайн импорта в Канаду с 20 до 150 канадских долларов, в Мексику – с 50 до 117 долл. США;

- договоренность по финансовым услугам в трансграничной торговле исключая любые дискриминационные меры в отношении американских финансовых компаний и банков;

- договоренность по регулированию валютных курсов: недопустимость проведения «нечестных девальваций».

Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транс-Тихоокеанском партнерстве (ВПТТП), известное как TPP11 или TPP-11 – это торговое соглашение одиннадцати государств (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили, Япония).

Соглашение подписано 8 марта 2018 г. в Чили (Сантьяго) и вступило в силу 30 декабря 2018 г.

Совокупная экономика 11 стран – участниц ВПТТП составляет 13,1 % мирового ВВП и 15,1 % мирового экспорта товаров при численности 6,4 % от населения мира [4]. Таким образом ВПТТП является четвертой по величине зоной свободной торговли в мире после Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), Соглашения США – Мексика – Канада и Европейского союза (ЕС).

ВПТТП ратифицировали более половины его участников (Мексика, Япония, Сингапур, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Вьетнам, Перу), Чили находится в стадии принятия решения.

В основу TPP11 положено соглашение Транстихоокеанского партнерства, сокр. ТТП (англ. Trans-Pacific Partnership, TPP) – преференциальное торговое соглашение между 12 странами Азиатско-Тихоокеанского региона, которое так и не вступило в силу из-за выхода из него в январе 2017 г. США. Страны TPP11 оставили без изменения две трети положений ТТП, но приостановили действие 22 мер, на принятии которых настаивали США, но оспаривали другие страны.

ВПТТП содержит меры по снижению как нетарифных, так и тарифных барьеров в торговле. Оно охватывает практически всю торговлю товарами, применение фитосанитарных мер, вопросы торговли услугами, интеллектуальной собственностью, урегулирование споров, государственные закупки и политику в области конкуренции.

Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) – это соглашение о зоне свободной торговли между 15-ю странами: десятью государствами – членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и пятью государствами, с которыми АСЕАН уже имела соглашения о свободной торговле, а именно Австралией и Новой Зеландией (AANZFTA), Китайской Народной Республикой (ACFTA), Республикой Кореей (AKFTA), Японией (AJCEP).

Соглашение о создании ВРЭП подписано 15 ноября 2020 г. в Ханое, несмотря на пандемию и выход Индии из переговорного процесса. Оно вступило в силу 1 января 2022 г. и ознаменовало создание крупнейшей в мире зоны свободной торговли.

На 15 стран – участниц ВРЭП приходится 28,8 % населения мира, они обеспечивают 34,4 % мирового ВВП и 30,5 % мирового экспорта [4]. Это означает, что ВРЭП может предоставить значительные возможности для бизнеса в регионе Восточной Азии.

Таблица 2 – Экономический потенциал стран-участниц ВРЭП

Страна	ВВП, млн долл. США, 2022 г.	Численность населения, чел.	Экспорт, млн. долл. США, ВТО 2021 г.
Бруней	35,555	460,365	11,065
Вьетнам	408,947	98,506,193	335,929
Индонезия	1,289,295	273,879,750	229,850
Камбоджа	28,020	16,926,984	17,971
Лаос	17,347	7,447,396	7,620
Малайзия	439,373	32,447,385	299,028
Мьянма	69,262	56,590,071	15,449
Сингапур	424,431	5,770,040	457,357
Таиланд	522,012	69,428,524	271,174
Филиппины	411,978	111,435,147	74,609
АСЕАН	3,646,220	672,891,855	1,720,052
КНР	19,911,593	1,412,600,000	3,363,959
Республика Корея	1,804,680	51,309,705	644,400
Япония	4,912,147	125,927,902	756,032
АСЕАН+3	30,274,640	2,262,729,462	6,484,443
Австралия	1,748,334	25,925,667	343,594
Новая Зеландия	257,211	5,133,820	44,867
АСЕАН+5 (ВРЭП)	32,280,185	2,293,788,949	6,872,904
Мир	93,863,851	7,948,118,521	22,487,000
ВРЭП в мире, %	34,4	28,8	30,5

В основу соглашения ВРЭП положено существующее соглашение о свободной торговле АСЕАН. Оно имеет целью расширения деятельности, связанной с торговлей и инвестициями, а также направлено на минимизацию разрыва в развитии между странами.

ВРЭП – первое соглашение о свободной торговле между Китаем, Японией и Южной Кореей. Оно свидетельствует об усилении Азии как экономического центра мировой экономики.

Соглашение ВРЭП включает договоренность стран по значительному перечню вопросов: торговля товарами, торговля услугами, инвестиции, экономическое и техническое сотрудничество, интеллектуальная собственность, конкуренция, урегулирование споров, электронная коммерция, малые и средние предприятия (МСП) и другие вопросы. Также оно включает унифицированные правила происхождения, что упрощает торговлю между странами в рамках международных цепочек поставок [5].

Перспективы региональной экономической интеграции международные эксперты связывают с расширением охвата вопросов защиты окружающей среды, фокусированием на диверсификации цепочек поставок и формированием устойчивых региональных кооперационных связей, регулированием цифровой экономики и торговли, решением через РТС чувствительных вопросов субсидий, интеллектуальной собственности, ценообразования, включением в соглашения вопросов защиты прав человека.

Литература

1. Семак, Е. А. Современные модели международной экономической интеграции / Е. А. Семак, А. В. Данильченко // Вестник БГУ, серия 3. – № 2. – 2016. – С. 81-86.
2. Regional Trade Agreements Database WTO [Electronic resource] // World Trade Organization. – 2022. – Mode of access: <https://rtais.wto.org/UI/charts.aspx>. – Date of access: 19.08.2022.
3. Турбан, Г. В. Многовекторная внешнеэкономическая политика Беларуси в контексте стратегии устойчивого развития / Шимов В. Н., Буховец О. Г., Мишкевич М. В., Турбан Г. В., Шмарловская Г. А., Шимова О. С. / Белорусский экономический журнал. 2007. – № 4 (41). – С. 4-21.
4. World Trade Report 2021. Economic resilience and trade. World Trade Organization 210 с. [Электронный ресурс]. – Mode of access: www.wto.org WTO Publications. – Date of access: 20.08.2022.
5. Региональное комплексное экономическое партнерство. – Режим доступа: <http://ru.knowledgr.com/17725936/РегиональноеВсестороннееЭкономическоеПартнерство>. – Дата доступа: 12.09.2022.

УДК 314.7; 314.8

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ТЕНДЕНЦИИ, ФАКТОРЫ МОДИФИКАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PROCESSES IN THE WORLD AND NATIONAL ECONOMY: TRENDS, MODIFICATION FACTORS, PROBLEMS

Шмарловская Галина Александровна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры международного бизнеса,
Белорусский государственный экономический университет
galina.shmarlovskaya@gmail.com
Shmarlouskaya Halina,
Doctor hab. in Economics, Professor,
Professor of the Department of International Business,
Belarus State Economic University
galina.shmarlovskaya@gmail.com

Аннотация. В современных условиях неравномерность развития стран и регионов, неравномерность распределения среди них труда, как одного из факторов производства, усиливаются под воздействием цифровизации экономики, которая сопровождается снижением

спроса на рабочую силу по ряду специальностей и одновременно повышением спроса по новым специальностям. Это актуализирует вопросы о потенциале рабочей силы в рамках мирового сообщества и стран, что предопределено демографическими процессами, развитием трудовой и вынужденной миграции, которые приобретают характер глобальных проблем.

В статье рассмотрены факторы, обусловившие модификацию современных тенденций развития демографических и миграционных процессов, роль «демографического взрыва», влияние «старения» населения, трудовой миграции, увеличения количества молодежи в определенных регионах мира, влияющей на вынужденную миграцию, особенности данных процессов в европейских странах, АТР, африканском континенте, Республике Беларусь.

Ключевые слова: демографические, миграционные процессы, тенденции, факторы, потенциал рабочей силы.

Abstract. Nowadays, the uneven development of countries and regions and uneven distribution of labor among them as one of the factors of production are increasing under the influence of the digitalization of the economy, which is accompanied by a decrease in demand for labor in a number of specialties and, at the same time, an increase in demand for new specialties. This actualizes the questions about the potential of the labor force within the framework of the world economy and different countries, which is predetermined by demographic processes, the development of labor and forced migration, that nowadays are acquiring the characteristics of global problems.

The article examines the factors that led to the modification of modern trends in the development of demographic and migration processes, the role of the "demographic explosion", the impact of the "aging" of the population, labor migration, an increase in the number of young people in certain regions of the world, affecting forced migration, the features of these processes in European countries, the Asia-Pacific region, the African continent, Republic of Belarus.

Keywords: demographic, migration processes, trends, factors, problems, labor force potential.

В современных условиях возможность обеспечения экономической безопасности страны предопределена демографическими и миграционными процессами, которые приобрели статус глобальных проблем развития мировой и национальных экономик. Это обусловлено, во-первых, функционированием в рамках мирового хозяйства единого рынка труда, формирование которого предопределено развитием международного разделения труда, процессов интернационализации, транснационализации, интеграции и глобализации, в свою очередь вызвавших повышение роли таких предпосылок его развития, как демография (динамика рождаемости и смертности, старение населения, доля молодежи) и миграционные процессы вследствие усиления неравномерности распределения по странам и регионам фактора «труд», различного уровня экономического развития стран.

Во-вторых, цифровизацией экономики, которая оказывает двойственный эффект на рынки труда: сопровождается исчезновением профессий, снижением спроса на определенные специальности и значительном сокращении занятости, особенно в развивающихся странах, одновременно стимулирует появление новых специальностей и спрос на новые рабочие места, новые удаленные формы труда. Это обостряет проблемы, связанные с обеспечением (предложением) рабочей силой соответствующего качества, воздействует на миграционные процессы.

В связи с этим возникает вопрос о потенциале фактора «труд», обеспеченности им на мировых, региональных и национальных рынках.

Анализ эмпирических данных за первые десятилетия XXI века позволяет выделить следующие тенденции развития демографических и миграционных процессов, а также факторы, обусловившие их модификацию.

1) Увеличение численности населения в абсолютном выражении и замедление темпов его роста. Так, в целом за XX в. население планеты Земля увеличилось в четыре раза. В июле 2022 года совокупность всех людей, живущих на Земле, составила 8,0 млрд человек [1]. Однако, показатели темпов прироста отражают противоположную динамику. Если за период

1960–1970 годы население выросло на 21,5 %, то за период 2000–2010 годы – на 13,2 %; а за 2010–2020 годы – около 12 % [2].

Вместе с тем, в различных регионах мира развиваются противоположные тенденции по темпам роста/убыли населения. Так, в период 2000–2020 годы самые высокие темпы прироста количества жителей были в таких странах, как Катар (увеличение численности на 378 %), ОАЭ (211,8 %), Экваториальная Гвинея (123,7 %). В тоже время в европейском регионе во многих странах развивался процесс депопуляции населения. Наибольший темп убыли населения произошел в Люксембурге (уменьшение на 42,1 %), Ирландии (на 29,9 %), Мальте – 28,9 %, Литве – на 20,4 %, Латвии – 19,2 % [2].

2) Значительные изменения в соотношении доли населения, проживающего в определенных регионах мира. Это находит выражение в том, что происходит увеличение доли населения, проживающего в Азии и Африке. Так, в 2022 году 59,33 % населения мира проживает в Азии, 17,2 % – в Африке [1]. В перспективе данная тенденция сохранится и к 2050 году, в соответствии со средним вариантом прогноза ООН, 55,8 % населения мира будет проживать в Азии, 26,3 % – в Африке, 7,5 % – в Европе [3].

3) Формирование первой десятки самых крупных в мире государств по численности населения, в которую входят Китай, Индия, США, Индонезия, Пакистан, Нигерия, Бразилия, Бангладеш, Россия, Мексика.

4) Развитие в течение XX в. тенденции, названной немецким социологом Хайзоном Г. «демографический взрыв», который обусловлен приоритетом молодежи в численности населения. Это подтверждают данные о том, что в течение пяти поколений (1900–2000 годы) население Китая выросло на 300 % (с 400 млн до 1200 млн человек), в Индии – на 400 % (с 250 млн до 1000 млн), в мусульманском мире – на 800 % (с 150 до 1200 млн человек). Однако в XXI веке демографический взрыв дополняется явлением «демографический сбой». Это ситуация, когда в стране на каждых 100 мужчин в возрасте 40–44 лет приходится меньше 80 мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет. Статистические данные свидетельствуют о том, что в Германии это соотношение равно 100 мужчин / 50 мальчиков. Для сравнения в секторе Газа – 100/464, в Афганистане – 100/403, в Ираке – 100/351, в Сомали – 100 /364 [4].

5) Следующей тенденцией, характеризующей демографические процессы, является существенное изменение демографической структуры населения. По данным ООН, в период 1994–2014 годы количество людей старше 60 лет удвоилось, в том числе в 2014 году количество пожилых людей в мире превысило число детей в возрасте до пяти лет. Это было обусловлено тем, что с 1950 года общее число детей в возрасте до 15 лет быстро увеличивалось – с 0,87 млрд до 1,96 млрд в 2018 году. В тоже время, если в 1950 году на каждого ребёнка в возрасте до 15 лет приходилось 1,8 человека трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет), то в 2020 году – 2,5 человек [3]. Это означает, что после 2018 года основной частью в составе населения Земли становятся люди в трудоспособном и пожилом возрасте.

Таким образом, изменение демографической структуры населения стран нашло выражение в увеличении доли людей в трудоспособном возрасте и сокращении доли иждивенцев, детей по мере их взросления.

Среди факторов, обусловивших данную тенденцию, во-первых, старение населения, что в свою очередь связано с ростом продолжительности жизни и ожидаемой продолжительности здоровой жизни (health life expectancy); во-вторых, «старением» женщин детородного возраста вследствие снижения показателя рождаемости (фертильности). Общеизвестно, что уровень, необходимый для воспроизводства населения – 2,1 рождения на одну женщину. Однако, если в 1960 году на одну женщину приходилось 5,91 ребенка, то в 2005 году – 2,46 ребенка [3]. Это свидетельствует также о том, что в XXI веке в отличие от XX века рост населения сдерживается не высокой смертностью, а низкими показателями рождаемости.

Процесс изменения демографической структуры населения вследствие старения населения в наибольшей мере характерен для стран Азии и Европы. Так, по данным на 2020 год Япония является самым престарелым и одним из самых быстро стареющих в мире государством. Население Японии имеет самый высокий средний возраст среди населения всех стран

мира – 48,6 лет, 29,18 % населения Японии старше 65 лет; в Китае, Таиланде и Вьетнаме – низкие показатели рождаемости [5; 6].

В Европе показатель фертильности не превышает 1,6 на одну женщину, по оценкам, к середине XXI века прогнозируется сокращение населения в возрасте 15–64 лет на 48 млн и увеличение населения старше 64 лет на 58 млн. В ближайшие 30 лет активное население будет сокращаться на 1-1,5 млн в год, при этом параллельно будет расти число людей старше 60 лет примерно на 2 млн в год, что приведет к беспрецедентному изменению структуры населения Европы, когда группа населения престарелого возраста количественно превысит группу молодых [7].

Наиболее острой ситуация является в Прибалтике. За период с 1990 по 2020 год численность населения сократилась в Литве на 26,3 %, в Латвии – на 29,2 %, Эстонии – 15,3 %. Так, в Латвии, по сравнению с 2000 годом, население сократилось с 2 377 062 до 1 891 360 человек в 2020 году (-485 702), а по сравнению с 1990 годом (2 668 140) – на 776 780 человек. Среди факторов, во-первых, вхождение в ЕС и открытие границ, во-вторых, – падение рождаемости. Только в 1991 году число родившихся превышало число умерших. В 2013 году на каждую женщину детородного возраста приходилось 1,53 ребенка, в 2014 – 1,65, а в 2015 – 1,71, с 2016 года показатель начал снижаться. В 2020 году родилось 18 869 детей, умерло 27 574 человека [8].

Правомерен вывод о том, что обострение демографических проблем в развитых государствах имеет отрицательные последствия. Это вызов с точки зрения обеспечения национальной безопасности нашей страны.

В XXI веке на развитие мирового рынка труда наряду с демографическими процессами особое влияние оказывает рост масштабов и интенсивность международных миграционных процессов. Роль их обусловлена модификацией функциональной роли миграции населения, прежде всего в трудоспособном возрасте, которая превратилась в структурный элемент экономики и стала частью процесса воспроизводства. Среди тенденций международной трудовой миграции правомерно выделить следующие.

Увеличение масштабов международной миграции. В мире, по данным доклада 2022 года Международной организации по миграции (МОМ), около 281 млн международных мигрантов, что составляет около 3,6 % населения Земли. В 2020 году в мире насчитывалось на 128 млн мигрантов больше, чем в 1990-м, и в три раза больше, чем в 1970 году [9].

Рост квалифицированной международной миграции, что обусловлено рядом факторов, в том числе процессами формирования цифровой экономики, цифровых многонациональных компаний, внедряющих платформенные бизнес-модели и предъявляющие повышенный спрос на высококвалифицированную рабочую силу, что стимулирует миграцию научных кадров и высококвалифицированных специалистов со всего мира в США и страны Западной Европы; дефицитом квалифицированной рабочей силы, например, в области здравоохранения и образования (в Великобритании почти одна треть врачей и 13 % медицинских сестер имеют иностранное происхождение; в США 13,8 % преподавателей являются иностранными гражданами).

Качественное изменение форм международной миграции, которая приобретает характер «виртуальной» наряду с реальной миграцией.

Рост нелегальной международной миграции. Так, по оценкам ООН, ежегодно от 3 до 5 млн чел. пересекают межгосударственные границы нелегально. По разным данным, численность нелегальных иммигрантов в мире составляет от 15 до 25 % численности классических международных мигрантов. В 2017 году, по данным Управления ООН по делам беженцев (УВКБ), мигрировали в страны ЕС 68,5 млн человек, за период с января по ноябрь 2021 года мигрировало более 84 млн человек [10].

В Республике Беларусь тенденции развития демографических и миграционных процессов в значительной мере соответствуют мировым.

Среди негативных демографических тенденций: старение населения и уменьшение его численности, отсутствие воспроизводства трудовых ресурсов, смертность и продолжительность жизни взрослого населения, уменьшение доли трудовых ресурсов, увеличение доли населения в возрасте старше 65 лет, влияние экологической миграции.

Так, в 2000–2015 годах рождаемость в Беларуси увеличивалась фактически ежегодно, в том числе коэффициент суммарной рождаемости с 1,3 до 1,7. После 2016 года произошло резкое падение коэффициента рождаемости (в 2012 он равнялся 12,2; в 2015 году – 12,5; 2017 – 10,8; 2019 году – 9,3). Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, в 2003–2006 годах естественная убыль была вызвана «демографической волной» — сокращением населения репродуктивного возраста как следствие военных 40-х годов и низкой рождаемостью через каждые 20 лет (1960-е, 1980-е, в 2000-е); во-вторых, повышением среднего возраста матери при рождении ребенка (в 2000 году он был равен 25,6 годам, в 2018 году данный показатель вырос до 29,4 лет). В 2020 году сокращение численности (-62,5 тыс. чел.) по сравнению с 2019 годом, в том числе было вызвано последствием эпидемии COVID-19. На 1 января 2022 г. численность населения республики составила 9 255 524 человек [11, 12].

Также, по мнению белорусских ученых, среди факторов, оказывающих негативное влияние на демографическую безопасность, изменения, произошедшие в институте семьи, среди которых – рост числа одиноких, сокращение числа семей, сокращение супружеских пар с несовершеннолетними детьми, сокращение среднего размера семьи, нежелание женщин в детородном возрасте к рождению детей [13].

Республика участвует в миграционных процессах, что принимает формы трудовой миграции, которая осуществляется преимущественно в Российскую Федерацию и страны дальнего зарубежья, притока мигрантов в республику, роста нелегальной транзитной миграции на запад.

Трудоустройство является основной причиной для миграции. Так, за период 2010–2019 годы, предшествующие пандемии, на постоянное место жительства в 2019 году выехало в страны СНГ 12941 человек (61,7 % от общего числа эмигрантов). 8035 человек (38,3 %) эмигрировали в страны дальнего зарубежья, среди которых с 2015 года преобладают страны – члены ЕС [12].

В 2020-е годы в условиях санкционного давления увеличились размеры трудовой миграции преимущественно сферы ИТ, а также выпускников школ, что с учетом демографических процессов обостряет ситуацию на национальном рынке труда.

В вузы России в 2022 году по программам бакалавриата и специалитета зачислено 940 белорусских абитуриентов, в 2021 году – 563 [14].

Республика Беларусь также является страной-получателем и принимает трудящихся-мигрантов. Среди иммигрантов – граждане Украины, Китая, Узбекистана, Турции, России, Литвы, Вьетнама, Грузии, Молдовы, Азербайджана, Таджикистана. За 2021 год в Беларусь прибыло около 14 тысяч трудовых мигрантов из 80 стран, в основном из Украины, Китая, Узбекистана, Турции, Азербайджана, Литвы.

Данные процессы характеризует интеграцию республики в мировой рынок труда. В то же время свидетельствуют об угрозах и необходимости принятия мер с целью обеспечения национальной экономической безопасности.

Литература

1. Население Земли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://countrymeters.info/ru>. – Дата доступа: 07.09.2022.
2. Изменение численности населения планеты 2000-2019 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pikabu.ru/story/izmenenie_chislennosti_naseleniya_planetyi_20002019_gg_7728927. – Дата доступа: 07.09.2022.
3. Население Земли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%97%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D0%B8#cite_note-11. – Дата доступа: 17.09.2022.
4. Хайнзон Г. Европа: конец игры. Чьи дети будут править миром [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-gunnar-haynzon/189434-evropa-konec-igry-chi-deti-budut-pravit-mirom-gunnar-haynzon/read/page-1.html>. – Дата доступа: 20.06.2022.

5. Всемирная книга фактов ЦРУ. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0_%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D0%A6%D0%A0%D0%A3. – Дата доступа: 8.09.2022.
6. East Asia/Southeast Asia: Japan – The World Factbook – Central Intelligence Agency [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ja.html>. – Дата доступа: 10.09.2022.
7. Пряжникова, О. Н. Старение населения: Социально-экономические последствия / О. Н. Пряжникова // Экономические и социальные проблемы России. – М.: ИНИОН РАН. – 2013. – № 2. – С. 102-123.
8. Наша страна продолжает вымирать. Демографы подсчитали, когда в Латвии никого не останется [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gorod.lv/novosti/322517-nasha-strana-prodolzhaet-vymirat-demografy-podschitali-kogda-v-latvii-nikogo-ne-ostanetsya#ixzz7OxIQwG9v>. – Дата доступа: 25.08.2022.
9. World migration report 2022 Geneva, International Organization for Migration, 2021. – 540 P.
10. Итоги 2021 года: число мигрантов и беженцев в мире побило рекорд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/12/1416332>. – Дата доступа: 17.09.2022.
11. Численность населения на 1 января 2022 года и среднегодовая численность населения за 2021 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа // Минск: Статистический бюллетень, 2022.
12. Национальный статистический комитет. Годовые данные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/estestvennoe-dvizhenie-naseleniya/>. – Дата доступа: 11.09.2022.
13. Боброва, А. Г. Демографическая безопасность в Республике Беларусь: состояние и перспективы развития / А. Г. Боброва, О. Ю. Ребенок, А. М. Казер // Вестник института экономики НАН Беларуси. – 2022. – Выпуск 4. – С. 86-104.
14. Стало известно, сколько белорусов поступило в вузы РФ в 2022-м [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnik.by/20221003/stalo-izvestno-skolko-belorusov-postupilo-v-vuzy-rf-v-2022-m-1067521667.html>. – Дата доступа: 15.09.2022.

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В
СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
REGIONAL ECONOMIC SECURITY IN
SYSTEM OF NATIONAL SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Жигальская Лилия Олеговна,
кандидат географических наук,
доцент кафедры экономической и социальной географии,
Белорусский государственный университет
zhigalsk.geol@mail.ru
Zhigalskaya Liliya,
Candidate of Sciences (Geography),
Associate Professor of the Department of Economic and Social Geography
of the Belarusian State University
zhigalsk.geol@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается место и роль региональной экономической безопасности в составе национальной безопасности Республики Беларусь. Отмечено, что региональному развитию в Беларуси уделяется особое внимание ввиду усиливающейся межрегиональной дифференциации по уровню и темпам социально-экономического развития. На основе анализа содержания понятия «региональная безопасность», используемого в научной литературе, выделены подходы к пространственному охвату и сущности данной категории, а также предложено определение региональной безопасности для включения в Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь. В заключении даны предложения по совершенствованию Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в отношении дополнения экономической безопасности аспектом региональной безопасности, а именно: включение в основные положения документа определения региональной безопасности; выделение такой внутренней угрозы национальной безопасности, как усиление межрегиональной диспропорции по уровню и темпам социально-экономического развития; дополнение перечня основных индикаторов национальной безопасности показателем соотношения максимального и минимального валового регионального продукта на душу населения и др.

Ключевые слова: национальная безопасность, региональная экономика, валовой региональный продукт, межрегиональная дифференциация, региональная экономическая безопасность.

Abstract. The article discusses the place and role of regional economic security in the national security of the Republic of Belarus. It is noted that special attention is paid to regional development in Belarus due to the growing interregional differentiation in terms of the level and pace of socio-economic development. Based on the analysis of the content of the notion of «regional security» used in the scientific literature, approaches to the spatial scope and essence of this category are highlighted, and a definition of regional security is proposed for inclusion in the National Security Concept of the Republic of Belarus. In conclusion, improvement proposals to the National Security Concept of the Republic of Belarus are made in relation to supplementing economic security with an aspect of regional security, namely: inclusion of a definition of regional security in the main provisions of the document; highlighting such an internal threat of national security as an increase in interregional disproportion in terms of the level and pace of socio-economic development; supplementing the list of main indicators of national security with an indicator of the ratio of the maximum and minimum gross regional product per capita, etc.

Keywords: national security, regional economy, gross regional product, interregional differentiation, regional economic security.

В числе важнейших параметров развития любого государства находится его способность обеспечить свою национальную безопасность. Во многих странах отмечается нарастающие интереса к укреплению национальной безопасности в переломные моменты жизни общества. В контексте складывающихся в настоящее время политико-экономических условий в мире и в регионе расположения Республики Беларусь вопросы усиления позиций национальной безопасности нашего государства выходят на первый план и принимаются во внимание на самом высоком государственном уровне.

Национальная безопасность Республики Беларусь представляет собой систему интересов, включающих множество аспектов, среди которых выделяются (согласно действующей Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) [1]): политическая, экономическая, научно-техническая, социальная, демографическая, информационная, военная и экологическая безопасность. В рамках экономической безопасности, под которой понимается состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, выделяются следующие сферы национальных интересов [1]:

- 1) экономический рост и повышение конкурентоспособности экономики;
- 2) сохранение устойчивости финансовой и денежно-кредитной систем;
- 3) обеспечение доступа на мировые рынки товаров и услуг;
- 4) энергетическая безопасность;
- 5) продовольственная безопасность;

б) трансфер современных технологий в экономику страны за счет прямых иностранных инвестиций.

В дополнение к вышеперечисленным сферам национальных экономических интересов Республики Беларусь в настоящее время особую актуальность приобретает региональная экономическая безопасность. Дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития характерна для каждой страны в той или иной мере. Зачастую особенно остро стоит проблема диспропорций регионального развития в больших по площади странах, странах с переходной экономикой, быстро развивающихся государствах. Усиление пространственных диспропорций и межрегиональной дифференциации в уровне социально-экономического развития приводит к деформации экономического пространства и росту социальной напряженности, подрывает возможности устойчивого экономического развития, являясь, таким образом, источником уязвимости экономики. Для Республики Беларусь также характерна проблема межрегиональной дифференциации по уровню социально-экономического развития. Об этом свидетельствует уровень валового регионального продукта на душу населения (таблица 1). Так, г. Минск выделяется своим доминирующим положением среди других регионов: в 2020 году ВРП на одного человека здесь составил 30,4 тыс. руб. За городом Минском традиционно следует Минская область (15,4 тыс. руб. в 2020 году). Последнее место по уровню ВРП на душу населения у Могилевской области (9,8 тыс. руб. в 2020 году). При этом соотношение максимального и минимального значения рассматриваемого показателя имеет тенденцию к росту: в 2010 году оно составило 1,8 раз, а к 2020 году увеличилось до 2,1 раза.

Таблица 1 – Валовой региональный продукт на душу населения в Республике Беларусь, 2010–2020 гг.

Территория Республики Беларусь	2010 г.	2015 г.	2020 г.
	тыс. руб.	тыс. руб.	руб.
Брестская область	13 001,0	60 937,1	10 706,3
Витебская область	12 393,9	63 346,1	10 389,7
Гомельская область	13 551,8	66 602,2	10 933,2
Гродненская область	12 803,1	68 388,0	12 012,0
г. Минск	21 980,3	120 989,3	20 387,4
Минская область	16 515,9	94 763,7	15 420,2
Могилевская область	12 416,1	60 706,4	9 776,1
Соотношение максимального и минимального значения	1,77	1,99	2,09

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [2]

Социально-экономическому развитию регионов страны уделяется особое внимание, так как развитая экономика регионов выступает базисом для успешного функционирования экономики государства в целом. Отметим, что все документы, регламентирующие стратегическое развитие Республики Беларусь в настоящее время и на среднесрочную перспективу, затрагивают вопрос регионального развития страны. Так, программами социально-экономического развития Республики Беларусь задаются ориентиры регионального развития на пятилетние периоды, которые постоянно эволюционируют в соответствии с ракурсом национального социально-экономического развития. Сильные регионы – обозначены как один из четырех приоритетов развития в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. [3], что предполагает дифференцированный подход к региональному развитию и точечные меры поддержки и стимулирования в зависимости от специализации, компетенций и потенциала территорий, так как равномерное развитие регионов невозможно в силу объективных различий в их потенциале.

Устойчивое развитие регионов Республики Беларусь регламентируется Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [4]. В данном документе в качестве стратегической цели региональной политики определено «комплексное развитие каждого региона и уменьшение существующих региональных различий с учетом эффективного использования его ресурсного потенциала и конкурентных преимуществ в интересах обеспечения высоких стандартов жизни населения, сохранения природы и позитивного вклада регионов в национальную конкурентоспособность и безопасность» [4].

Смысловой анализ определений понятия «региональная безопасность» [5–9] позволил установить два основных подхода к пространственному охвату (уровню) региональной экономической безопасности: глобальный (международный) и внутригосударственный. Так, когда речь идет о международных экономических отношениях понятие региональной безопасности используется для обозначения крупного макрорегиона мира, который включает группу государств. В контексте же национальной безопасности данным понятием охвачены регионы (районы) или отдельные территории в пределах государственных границ.

В определении сущности категории «региональная безопасность» прослеживается два аспекта:

– суммативный, при котором региональная безопасность складывается из экономической безопасности каждого отдельного региона страны. В данном случае каждому региону присущи риски и угрозы социально-экономического развития, которые суммарно формируют задачи обеспечения национальной безопасности на региональном уровне;

– системный, который определяет региональную безопасность через призму государственной политики регионального развития с учетом специфики проблем безопасности региона. При таком подходе региональная безопасность рассматривается как состояние защищенности региональной системы от воздействия негативных внутренних и внешних угроз.

Исходя из проанализированных определений понятия «региональная экономическая безопасность», стоит отметить, что чаще всего данные сущностные аспекты не существуют в чистом виде, а комбинируются в разных соотношениях в зависимости от решаемых задач государственного регулирования.

Таким образом, под региональной безопасностью Республики Беларусь понимается такое состояние региональной экономики, при котором обеспечивается возможность реализации национальных интересов, устойчивого экономического развития и нейтрализации воздействия внутренних и внешних угроз на экономику страны. Такое определение понятия «региональная безопасность» отвечает цели государственной политики регионального развития Республики Беларусь, которая состоит в обеспечении сбалансированного социально-экономического развития регионов, направленного на сокращение разрыва по уровню и качеству жизни населения посредством устойчивого роста экономики и рационального размещения производительных сил, создания равных возможностей для граждан, формирования

комфортных условий жизнедеятельности вне зависимости от места проживания; и в то же время соотносится со стратегическими национальными интересами страны.

Таким образом, уровень развития региональной экономики выступает важнейшим аспектом социально-экономического роста и устойчивого развития, что определяет и обеспечение национальной безопасности: так, экономика каждого региона, как и региональная экономическая система в целом, вносит свой вклад в обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь. Место региональной экономической безопасности в структуре национальной безопасности Республики Беларусь отражено на рисунке 1. Включение данного вида безопасности в состав национальной безопасности страны позволит укрепить территориальную целостность и повысить внимание к пространственному развитию Беларуси.

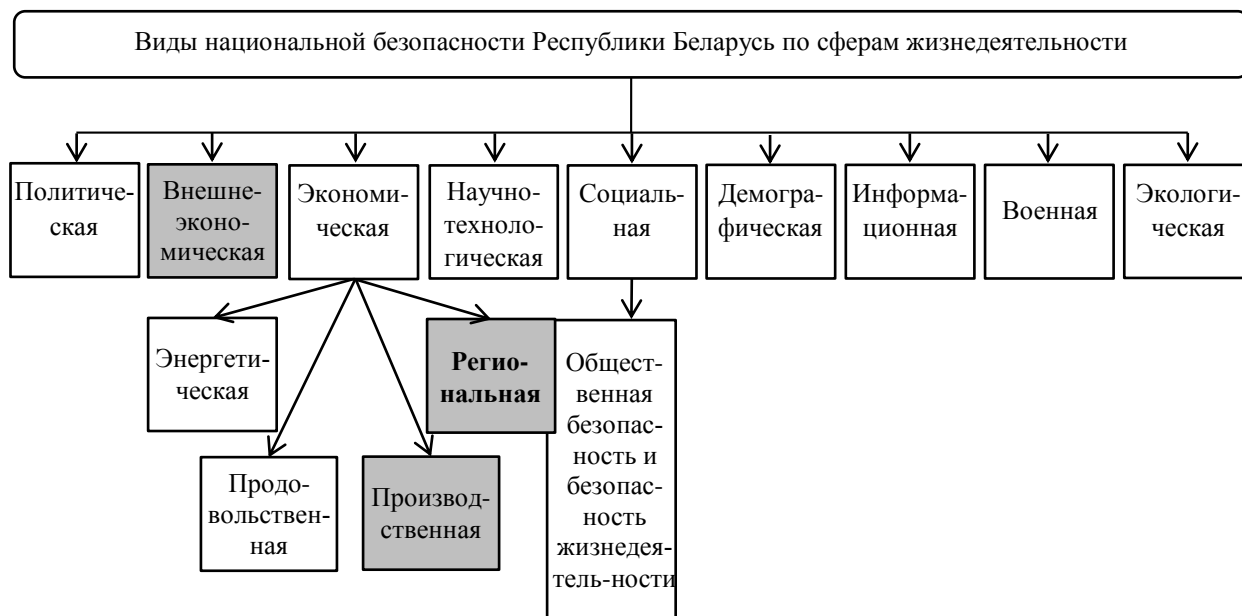

Рисунок 1 – Место региональной экономической безопасности в структуре национальной безопасности Республики Беларусь

Примечание – Источник: Собственная разработка автора (серым цветом обозначены новые виды национальной безопасности, которые могут быть включены в ее состав)

Для определения изменения уровня региональной безопасности, своевременного выявления угроз региональной безопасности и выработки мер по ее укреплению предлагается система мониторинга, основанная на системном наблюдении за изменением индикаторов региональной безопасности. Предлагается проводить наблюдения за региональной безопасностью на двух территориальных уровнях: региональном и районном. Региональный уровень соответствует 1-му уровню административного деления Беларуси и включает области и город республиканского значения (г. Минск). Районный – второму уровню административного деления: районы, города областного подчинения (города: Гомель, Витебск, Могилев, Гродно, Брест, Бобруйск, Барановичи, Борисов, Пинск, Орша, Мозырь, Лида, Солигорск, Новополоцк), районы города республиканского значения.

Региональный уровень:

индикатор № 1 «Соотношение максимального и минимального уровня ВРП на душу населения»:

$$I_1 = \frac{\text{ВРП на душу населения}_{\text{макс}}}{\text{ВРП на душу населения}_{\text{мин}}} \quad (1)$$

где ВРП на душу населения_{макс} – валовой региональный продукт на душу населения максимальный среди регионов, руб.;

ВРП на душу населения_{мин} – валовой региональный продукт на душу населения минимальный среди регионов, руб.;

Районный уровень:

индикатор № 2 «Соотношение между максимальной и минимальной среднемесячной заработной платой»:

$$I_2 = \frac{ЗП_{\max}}{ЗП_{\min}} \quad (2)$$

где $ЗП_{\max}$ – номинальная начисленная среднемесячная заработная плата максимальная среди объектов административно-территориального деления 2-го уровня, руб.;

$ЗП_{\min}$ – номинальная начисленная среднемесячная заработная плата минимальная среди объектов административно-территориального деления 2-го уровня, руб.;

индикатор № 3 «Максимальное отставание от средней заработной платы по стране»:

$$I_3 = \frac{ЗП_{\text{ср.}}}{ЗП_{\min}} \quad (3)$$

где $ЗП_{\text{ср.}}$ – номинальная начисленная среднемесячная заработная плата по стране, руб.

По состоянию на 2020 год разница между максимальным (г. Минск – 20 387,4 руб.) и минимальным (Могилевская область – 9 776,1 руб.) уровнем ВРП на душу населения составила 2,09 раз. Соотношение между максимальной (г. Минск – 1 753,4 руб.) и минимальной (Шарковщинский район – 776,1 руб.) среднемесячной заработной платой составило в 2020 г. 2,3 раза, при максимальном отставании от средней заработной платы по стране – в 1,6 раза.

Таким образом, предложенные индикаторы оценки национальной безопасности в сфере региональной экономики соотносятся с индикаторами предложенными в документах, регламентирующих стратегическое развитие страны, в качестве ожидаемых результатов, и позволяют судить об уровне межрегиональной дифференциации по степени социально-экономического развития, как одной из важнейших проблем регионального развития Беларуси.

Сбалансированное социально-экономическое развитие административно-территориальных единиц Республики Беларусь является необходимым условием стабильного развития государства в целом. Поэтому включение в Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь такого вида безопасности как региональная экономическая безопасность будет способствовать росту комплексности охвата всех сфер развития общества и государства. Для этого предлагается в содержание существующей Концепции внести следующие дополнения:

- перечень основных понятий дополнить определением региональной безопасности;
- указать среди национальных интересов Беларуси сбалансированное социально-экономическое развитие регионов;
- отметить в числе внутренних источников угроз национальной безопасности усиление межрегиональной диспропорции по уровню и темпам социально-экономического развития;
- отразить в основных направлениях нейтрализации вышеописанной угрозы: проведение государственной политики повышения конкурентоспособности регионов на основе применения индивидуального подхода к развитию регионов и точечных мер поддержки и стимулирования в зависимости от специализации, компетенций и потенциала территорий;
- внести в перечень основных индикаторов национальной безопасности показатель соотношения максимального и минимального ВРП на душу населения.

Таким образом, региональная безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности любого государства. Включение данного вида безопасности в состав национальной безопасности Республики Беларусь посредством дополнения положений Концепции будет способствовать закреплению необходимости повышения конкурентоспособности и развития регионов страны с целью минимизации межрегиональной дифференциации и созданию равных возможностей для социально-экономического развития в любой точке страны.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 [Электронный ресурс] // Министерство обороны Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/koncept/. – Дата доступа: 29.09.2022.
2. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=211470#>. – Дата доступа: 06.10.2022.
3. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2021/292uk.pdf>. – Дата доступа: 06.10.2022.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]: протокол заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь, 2 мая 2017 г., № 10 // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа: 26.07.2022.
5. Словарь по политологии / под ред. проф. В. Н. Коновалова // Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2001. – 285 с.
6. Стрельченко, В. В. Региональная безопасность в системе национальной безопасности России / В. В. Стрельченко // Социология власти. – 2010. – № 1. – С. 110-119.
7. Экономическая безопасность России [Электронный ресурс]: учебное пособие: в 3 ч. / под общ. ред. Т. А. Бондарской // Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2018. – 274 с. – Ч. 1. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
8. Болдонов, А. Л. Краткий словарь-гlossарий по политологии. Справочное пособие / А. Л. Болдонов, Т. Д. Башинова, Е. Д. Тармаханов // Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005. – 96 с.
9. Симонов, К. В. Политический анализ: учебное пособие / К. В. Симонов // М.: Логос, 2002. – 152 с.

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
РЕГИОНОВ УРФО РФ
SPATIAL ASPECTS OF THE FOREIGN TRADE DEVELOPMENT OF THE URAL
FEDERAL DISTRICT**

Мартыненко Александр Валерьевич,
кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН,
доцент кафедры естественнонаучных дисциплин,
Уральский государственный университет путей сообщения
martynenko.av@uiec.ru

Ли Валентина Аркадьевна,
младший научный сотрудник Института экономики УрО РАН,
li.va@uiec.ru

Martynenko Alexander,
Institute of Economics of the Russian Academy of Science (the Ural Branch),
Ural State University of Railway Transport
martynenko.av@uiec.ru

Lee Valentina,
Institute of Economics of the Russian Academy of Science (the Ural Branch)
li.va@uiec.ru

Аннотация. В данном исследовании анализируется влияние факторов внешней среды на торговлю регионов Уральского федерального округа. Методология исследования строилась на детальном анализе взаимной торговли в 2018–2021 гг. по различным товарным группам в разрезе стран, на основе таможенной статистики, направленном на выявление динамики и структурных особенностей изменений, явившихся следствием ключевых событий в мире в этот период. В результате анализа выявлена разная реакция импорта и экспорта на ключевые события (ограничительные меры в условиях пандемии Covid-19, снижение мировых цен на нефть, инфляция, снижение деловой активности), происходящие в мире в этот период. В зависимости от динамики торговли в работе выделены три наиболее характерных типа реакции товаров на факторы внешней среды. Это позволило, в частности, выявить группы товаров и географию стран-партнеров наиболее уязвимых для экономического кризиса, в связи с пандемией. Полученные результаты могут служить основой для выработки мер поддержки внешней торговли для преодоления последствий подобных кризисов.

Ключевые слова: внешняя торговля, экспорт, импорт, товарооборот, внешняя торговля регионов Уральского федерального округа России.

Abstract. This study analyzes the influence of environmental factors on the trade of the Ural Federal District regions. The research methodology is based on a detailed analysis of mutual trade in 2018-2021 for various commodity groups. The information base of this study is customs statistics. The work is aimed at identifying the dynamics and structural features of changes that were caused by key events in the world during this period. The analysis revealed a different reaction of imports and exports to key events (the Covid-19 pandemic, a decline in world oil prices, inflation and a decline in business activity). Three most characteristic types of goods' reaction to environmental factors were identified, depending on the dynamics of trade. This allowed us to find the most vulnerable groups of goods and partner countries. The results obtained can serve as a basis for developing measures to support foreign trade to overcome the consequences of such crises.

Keywords: foreign trade, export, import, commodity turnover, foreign trade of the Ural Federal District regions

Основные вызовы, которые стоят перед Россией с учетом аспектов управления пространственным развитием на внешних рынках, предполагают внутреннюю конкуренцию и региональную кооперацию, имеют важное политическое измерение в долгосрочной перспективе. Поэтому обеспечение экономического роста страны тесно связано с внешнеэкономической деятельностью региона. Среди факторов, обеспечивающих конкурентоспособность регионов в современных условиях, особое внимание необходимо уделить параметрам внешней торговли, проблемам и перспективам пространственного развития внешнеэкономической деятельности Уральского макрорегиона на примере регионов УрФО. Внешнеторговая деятельность отдельных регионов приобретает приоритетное значение для развития экономического потенциала страны в его пространственном аспекте. В этой связи усиливается непосредственное влияние внешнеэкономических связей страны на пространственное развитие экономики на уровне макрорегионов и субъектов Российской Федерации.

Цель исследования – провести анализ динамики товарооборота импорта и экспорта регионов УрФО по различным товарным группам в разрезе стран за 2018–2021 гг. и оценить влияние ключевых событий (ограничительные меры в условия пандемии Covid-19, снижение мировых цен на нефть, инфляция, снижение деловой активности), происходящих в мире в этот период.

УрФО по своей индустриальной мощи занимает одно из ведущих мест в экономике страны. В состав УрФО входит 6 субъектов Российской Федерации, что является наименьшей величиной среди федеральных округов.

Применительно к УрФО ключевую роль в повышении его конкурентоспособности играет расположение на важнейших грузонапряженных транспортных магистралях страны, соединяющих ее Европейскую и Азиатскую части. Причем вытянутость района с севера на юг усиливает ее транзитное значение. Это способствует развитию транспортной инфраструктуры и торгового оборота, влияя на рост валового внутреннего продукта. Особое значение для УрФО имеет то, что он находится на стыке европейских и азиатских хозяйственных интересов и крупных потоков товаров, сырья и людей по направлениям Восток–Запад и Север–Юг. Благоприятное экономико-географическое положение региона служит мощным фактором формирования Уральского производственного комплекса. По величине удельного веса промышленности во всем хозяйстве России макрорегион уступает только Центральному и Приволжскому федеральным округам. Особо остановимся на параметрах внешнеэкономической деятельности регионов УрФО.

Анализ динамики структуры импорта свидетельствует о посреднической роли уральского федерального округа в торговых отношениях зарубежных стран с другими регионами РФ, в первую очередь благодаря выгодному экономико-географическому положению и наличию развитой транспортной инфраструктуры.

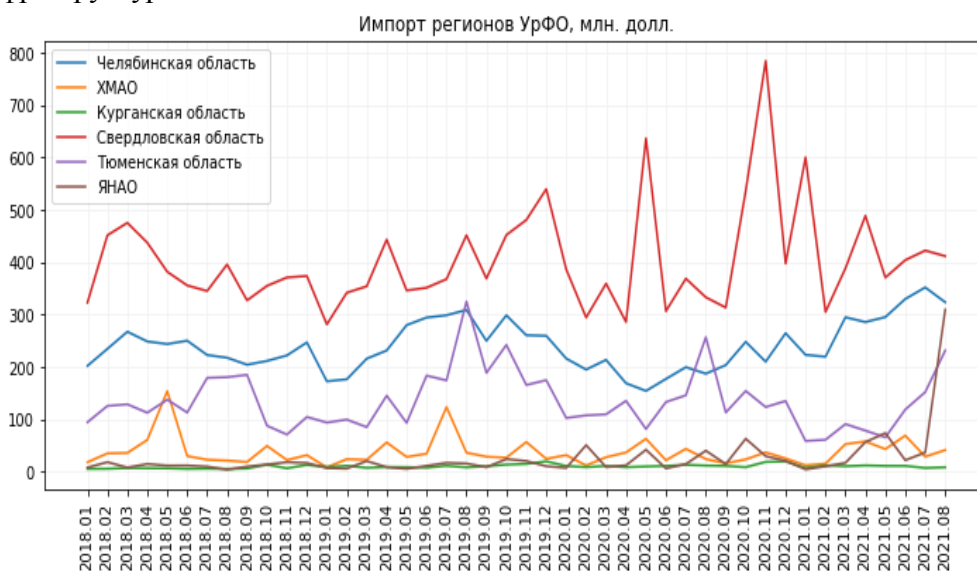

Рисунок 1 – Динамика импорта в разрезе регионов УрФО за период 2018–2021 годов, млн долл.

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе ФТС РФ

Рассматривая динамику товарооборота импорта регионов УрФО (рисунок 1), можно отметить, что имел место спад товарооборота импорта практически по всем товарным группам во 2 и 3 квартале 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019–2018 гг. Однако, отклонение было незначительно в пределах 7–10 % по основным товарным группам. Небольшое снижение товарооборота ввиду введения большинством стран мира локдаунов, а также закрытие границ в связи с пандемией Covid-19, в целом на объем импорта по регионам УрФО не оказало существенного влияния.

Наибольшее влияние на снижение товарооборота импорта пандемия Covid-19 оказала во 2 квартале 2020 г. (рисунок 3) на ХМАО и Тюменскую область. На Свердловскую и Курганскую области кризис не оказал никакого влияния. Полученные результаты анализа свидетельствуют о высоком внешнеэкономическом потенциале регионов УрФО, что открывает большие возможности для компаний импортеров.

Объем импорта УрФО в 2019 году составил 10548,2 млн долл. США, а в 2020 году импорт снизился на 6,6 % и составил 9849,6 млн долл. США. Что касается Свердловской области (основного импортера в УрФО), то для нее в 2020 году, несмотря на пандемию Covid-19, объем импорта не снизился, более того имел место рост на 5,5 % в 2020 году (в целом за год) в сравнении с 2019. Челябинская область также существенно не изменила своих объемов импорта в период пандемии. Снижение составило всего 4,1 % в 2020 году и за 8 месяцев 2021 г. нарастила темп роста на 6,2 %. Рост торговой напряженности имел место в Тюменской области, где импорт в 2020 году уменьшился на 2,5 % по сравнению с 2019 годом и продолжился тренд на снижение. В Курганской области снижение импорта составило 4 % за 8 месяцев 2021 г.

При рассмотрении структуры импорта в разрезе регионов, было выявлено, что почти половина совокупного импорта за период с 2018–2021 гг. в УрФО приходится на Свердловскую область (рисунок 2).

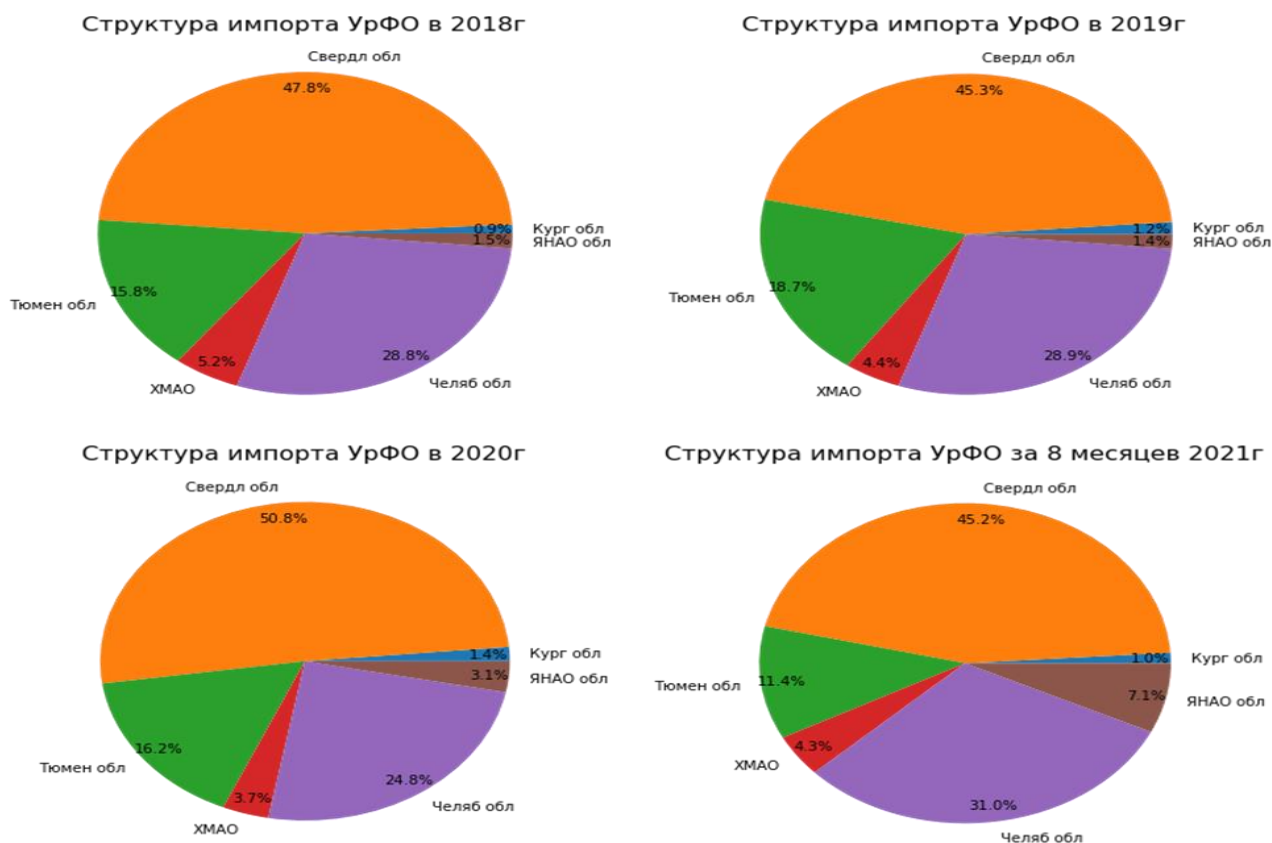

Рисунок 2 – Структура импорта регионов УрФО за 2018–2021 годы

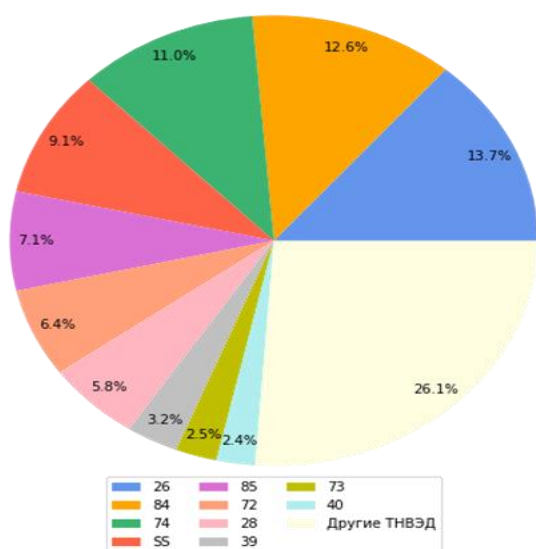
Примечание – Источник: Собственная разработка на основе ФТС РФ

В товарной структуре импорта Свердловской области (рисунок 3) выявлена посредническая роль. Так, значительный темп прироста импорта области в российских закупках в 2020 году имеют место товарные позиции:

- по секретному коду «SS» – 99,4 %,
- «инструменты, аппараты оптические, измерительные, прецизионные медицинские или хирургические, их части и принадлежности (90 код) – 42 %,
- «медь и изделия из них» (74 код) – 29,4 %,

Наибольшее воздействие пандемия оказала по 26 коду ТНВЭД – «руды, шлак и зола» (рисунок 9). Снижение составило – 46 %. Тренд на уменьшение выявлен практически по всем странам, входящим в «десятку»: Нидерланды – 100 %, Чили – 79,4 %, Германия – 44%, Казахстан – 17 %, Китай – 15,6, другие страны – 99 %. Это, по всей видимости, отражает последствия снижения экономической активности, вызванной ограничительными мерами по борьбе с коронавирусной инфекцией, которые проявились в снижении спроса на продукцию черной металлургии, где около 70 % внутреннего спроса в России обеспечивает строительство.

Структура импорта Свердловской обл
в 2019г по основным ТНВЭД

Структура импорта Свердловской обл
в 2020г по основным ТНВЭД

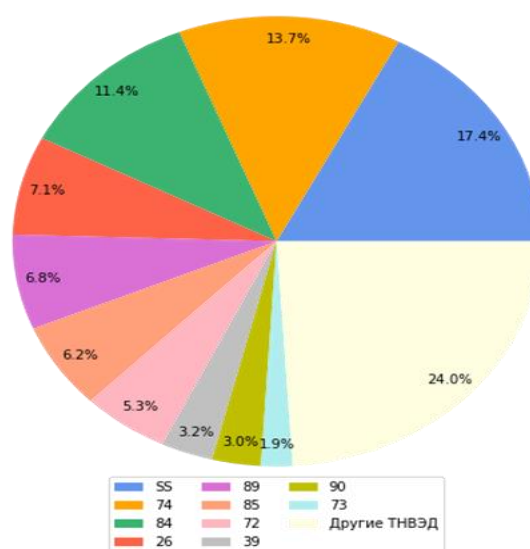
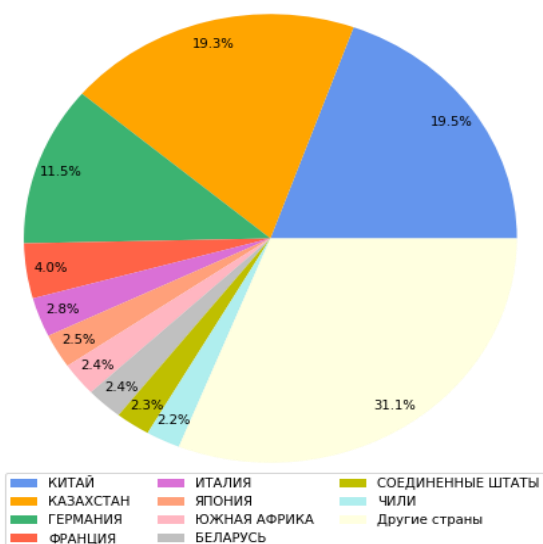

Рисунок 3 – Структура товарных групп импорта Свердловской области в 2019-2020 годах, %

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе ФТС РФ

Внешнеэкономический потенциал Свердловской области в сфере импорта свидетельствует о большой реализации возможностей региона как посредника в обеспечении российского спроса на продукцию иностранных государств, благодаря выгодному географическому положению и наличию масштабной транспортной инфраструктуры. В структуре товарооборота по основным странам импортерам за 2019 год (рисунок 4) на первом месте Китай – 19,5 %, на втором – Казахстан – 19,3, на третьем – Германия – 11,5 %. В десятку основных поставщиков вошли (от 4 до 2 %) Франция, Италия, Япония, Южная Африка, Беларусь, США, Чили. Менее 2 % – другие страны, которые в совокупности составляют 31,1 %. В перечне импорта товаров Свердловской области представлены как продукция промышленного производства, так и сырьевые материалы, что еще раз подчеркивает индустриальный статус региона.

Структура импорта Свердловской обл
в 2019г по основным странам импортерам

Структура импорта Свердловской обл
в 2020г по основным странам импортерам

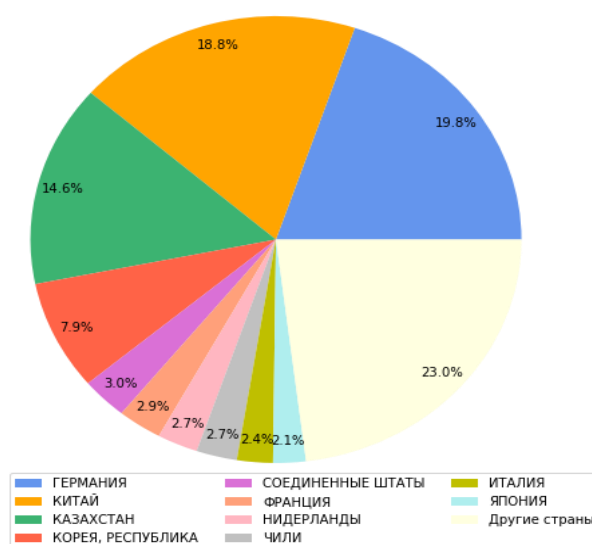

Рисунок 4 – Структура импорта Свердловской области по основным странам импортерам в 2019–2020 годах, %

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе ФТС РФ

В 2020 году (рисунок 5) импорт в основном обеспечивался такими странами, как Германия – 19,8 % (рост 8,3 %), Китай – 18,8 (снижение 0,5 %), Казахстан – 14,6 % (снижение 4,7%). Пандемия Covid-19 внесла свои неожиданные коррективы в рейтинге стран-партнеров. В десятке стран стран-партнеров поменялась не только очередность стран, но и само присутствие некоторых стран. Основной перечень дополнили: Республика Корея – 7,9 %, США – 3 %, Франция – 2,9 %, Нидерланды – 2,7 %, Чили – 2,7 %, Италия – 2,4 %, Япония – 2,1 %.

Для анализа уровня диверсификации импорта будем использовать коэффициент диверсификации (показатель, обратный индексу Херфиняля-Хиршмана)

Представленные в таблице 1 значения коэффициента (1) показывают уровень диверсификации импорта по ТНВЭД и странам для разных регионов УрФО.

Таблица 1 – Значение коэффициента диверсификации импорта по ТНВЭД и по странам по УрФО за 2018–2021 годы

Регион	2018		2019		2020		2021 8 мес.	
	ТН ВЭД	по странам	ТН ВЭД	по странам	ТН ВЭД	по странам	ТН ВЭД	по странам
Челябинская область	6,0	6,4	5,9	6,2	5,1	5,0	4,3	3,5
Ханты-Мансийский автономный округ	4,0	4,4	2,7	4,1	4,5	5,8	3,3	3,1
Курганская область	8,1	8,1	8,0	6,7	7,0	5,0	7,8	4,6
Свердловская область	13,9	9,7	13,8	10,2	12,1	9,2	14,2	9,5
Тюменская область	2,0	5,9	3,1	5,6	2,7	7,4	2,3	7,2
Ямало-ненецкий автономный округ	2,6	9,9	3,1	8,1	3,5	7,1	2,5	3,8
УрФО	9,0	10,2	9,1	9,3	10,3	9,3	9,8	8,7

Примечание – Источник: Собственная разработка авторов на основе данных ФТС РФ

Анализ индекса диверсификации импорта по ТНВЭД в таблице 2 показал, что в 2020 году имеет место увеличение числа импортируемых товарных позиций как в целом УрФО, где увеличение составило 1,2 ед. в сравнении с 2019 годом, так и в субъектах Тюменской области –

ХМАО на 1,8 ед. и ЯНАО на 0,4 ед. Положительная динамика роста индекса диверсификации импорта по ТНВЭД в 2021 году выявлена в Свердловской области на 2,1 ед. и в Курганской области – на 0,8 ед., что свидетельствует о значительном расширении товарных групп.

Оценка значений коэффициента диверсификации импорта в разрезе регионов УрФО по странам за 2018–2021 гг., (таблица 3) показала снижение коэффициента диверсификации импорта по УрФО на 0,6 ед. в 2021 году. Наибольшее снижение значения коэффициента имеет место в Ямало-ненецком автономном округе – на 6,72 ед., Ханты-мансийском автономном округе – на 2,7 ед. и Челябинской области – на 1,5 ед. в 2021 году.

В целом пандемия Covid-19 не оказало значительного влияния на объем импорта УрФО. Риски, связанные с закрытием границ и введением локдаунов, были сбалансированы промышленной специализацией регионов УрФО и сложившимися связями со странами – партнерами.

Что касается экспорта регионов, входящих в состав Уральского федерального округа, то здесь пандемия оказала намного более существенное влияние (рисунок 5). По итогам 2020 г. экспорт резко уменьшился в стоимостном выражении на 18 % по сравнению с 2019 годом. Наибольшее снижение объемов товарооборота экспорта наблюдалось в 3 квартале 2020 г.

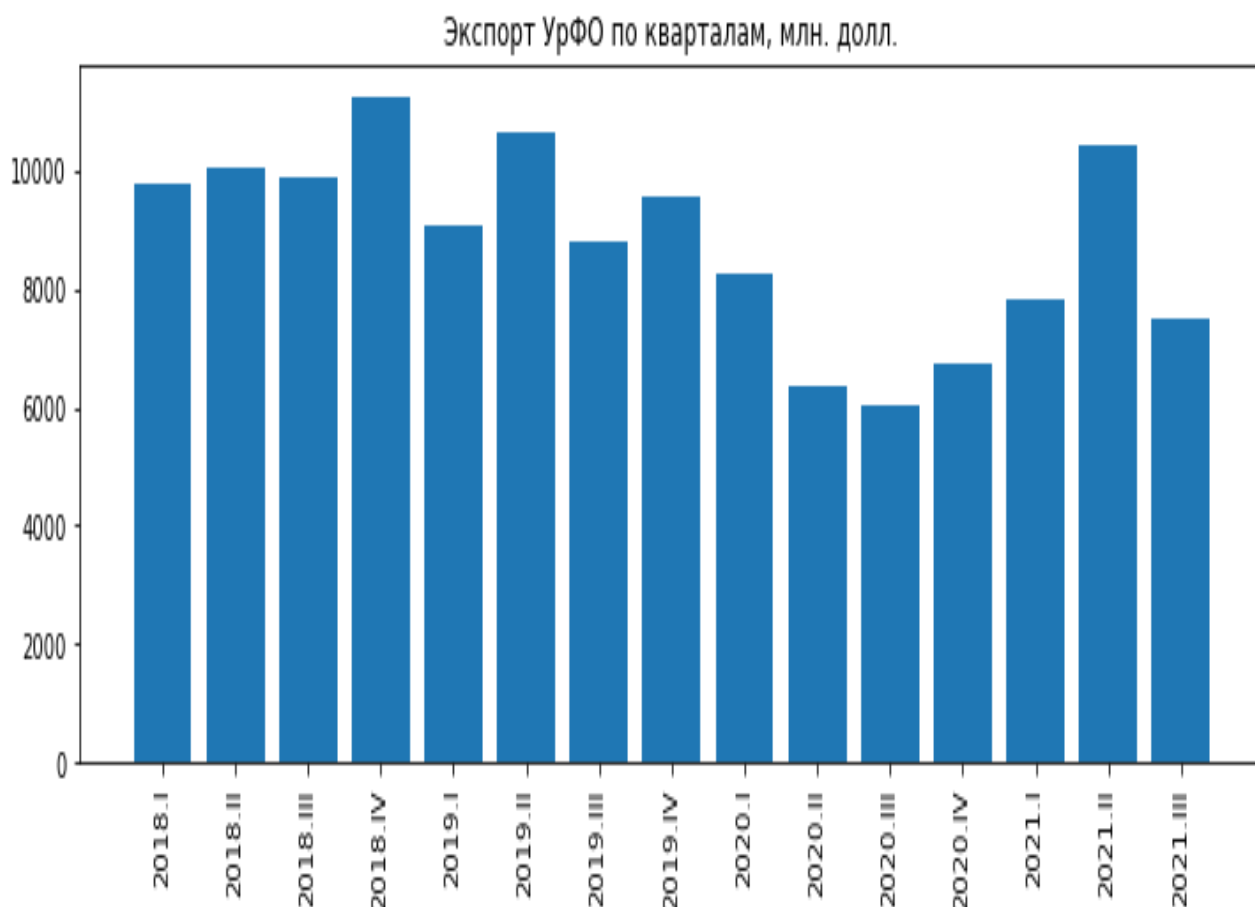

Рисунок 5 – Динамика экспорта регионов УрФО в 2018–2021 годах., млн долл.

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе ФТС РФ

Общий суммарный объем экспорта Урала снизился на 28 % (с 38068,8 млн долл. в 2019 году до 27425 млн долл. США в 2020 году.) По результатам 2020 года основными экспортерами являются Китай 26 %, Турция – 8,2 %, США – 8 %, Узбекистан – 7 %. В товарной структуре 60 % занимают металлы и изделия из них, 16 % – машины, оборудование и транспортные средства, 13,8 % – продукция химической промышленности и каучук. Существенное снижение

наблюдается по товарной номенклатуре «минеральные продукты» – в 9 раз. Однако, в 2020 году имеет место рост экспорта полимерных материалов в 6,5 раз (рисунок 6).

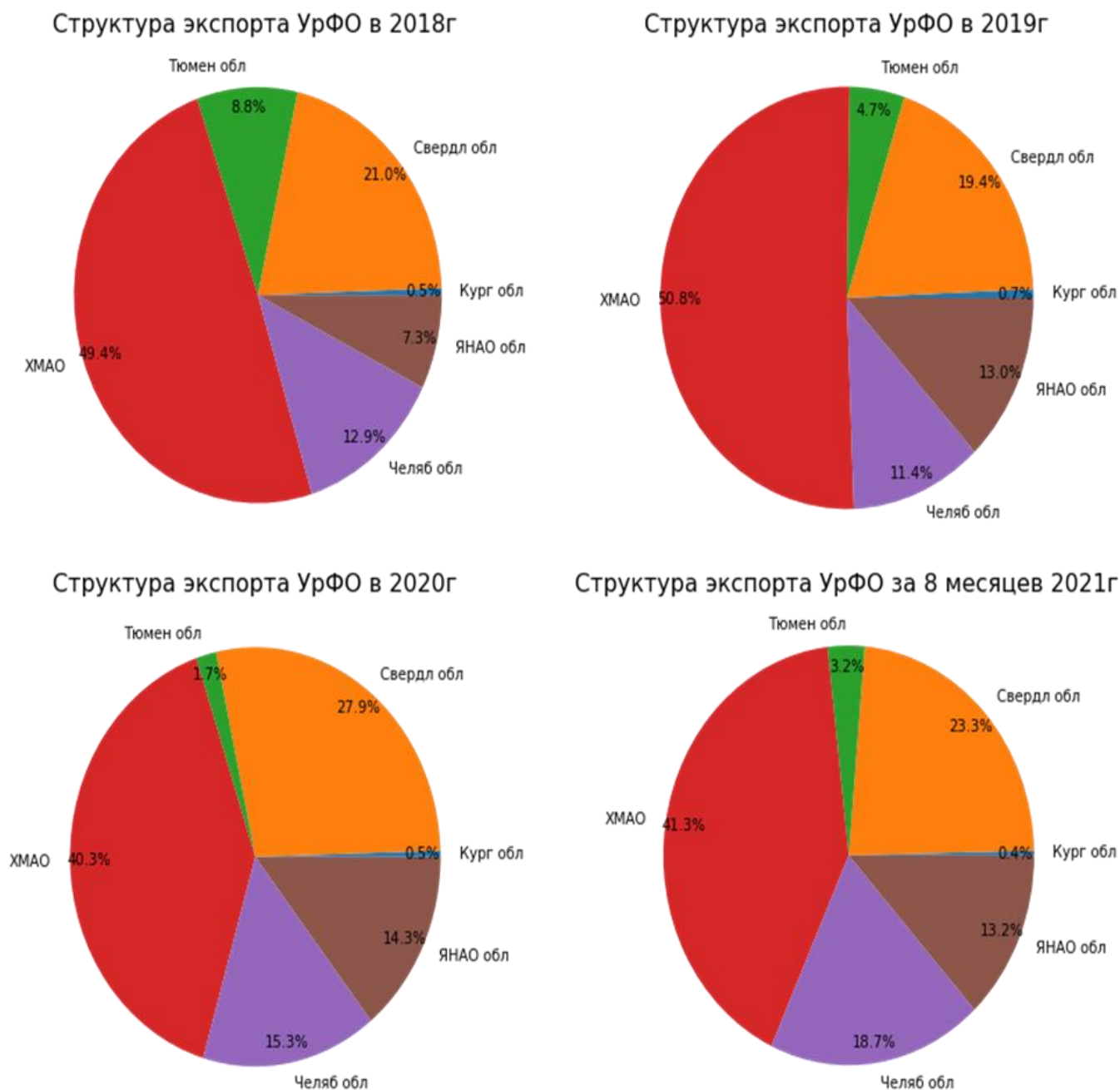

Рисунок 6 – Объемы товарооборота экспорта в разрезе регионов УрФО в 2018–2021 годах, %
Примечание – Источник: Собственная разработка на основе ФТС РФ

Регионы УрФО по-разному отреагировали на ограничительные меры. Выявлено снижение экспорта по основным 10 товарным группам на 9,3 % в ХМАО, на 5,6 % – в Тюменской области и на 0,1 – в Курганской области. Несмотря на кризисные условия, в экономике имела место положительная динамика объемов экспорта на 6 % в ЯНАО, на 3,4 % – в Челябинской области и на 2,3 % – в Свердловской области (рисунок 6).

Для выявления товаров экспортной специализации по формуле (1) был рассчитан индекс товарной диверсификации на уровне 2 знаков ТН ВЭД. Индекс может варьироваться от 0 до числа, равного количеству позиций, на основе которых производились расчеты. Чем

выше значение, тем больше диверсифицирована торговля. Представленная ниже таблица 2 хорошо показывает уровень диверсификации экспорта по ТНВЭД по регионам УрФО.

Таблица 2 – Значение коэффициента диверсификации экспорта регионов УрФО по ТНВЭД и странам за 2018–2021 годы

Регион	2018		2019		2020		2021 8 мес.	
	ТН ВЭД	по странам	ТН ВЭД	по странам	ТН ВЭД	по странам	ТН ВЭД	по странам
Челябинская область	2,7	12,4	3,4	9,3	3,7	11,4	2,5	11,4
Ханты-мансийский автономный округ	1,0	7,1	1,0	5,7	1,0	5,3	1,0	4,7
Курганская область	3,3	3,5	3,0	3,4	10,5	5,4	7,3	7,6
Свердловская область	9,2	14,9	9,3	13,2	7,5	10,5	5,4	10,9
Тюменская область	1,8	8,8	2,2	12,1	4,4	8,7	2,4	12,1
Ямало-ненецкий автономный округ	1,0	5,7	1,0	5,4	1,0	6,9	1,0	7,3
УрФО	2,4	13,9	2,2	11,6	3,0	11,6	2,9	10,6

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе данных ФТС РФ

Результаты анализа динамики значений коэффициента диверсификации свидетельствуют, что за период 2018–2019 гг. значения коэффициента практически не изменились. Увеличение индекса по регионам УрФО в 2020 году в целом составляет на 0,8. По Курганской области – на 7,5, по Тюменской области – на 2,2; по Челябинской области – на 0,3.

Ограничительные меры и закрытие границ обозначили тенденцию снижения коэффициента диверсификации экспорта в целом по УрФО на 1,0 ед. в 2021 году (таблица 6).

Наибольшее снижение значения коэффициента в 2021 году наблюдается в Ханты-Мансийском автономном округе на 1,0 ед., и в Свердловской области – на 2,3 ед. по сравнению с 2019 годом. В рамках УрФО с учетом большого вклада Тюменской области, включая ХМАО И ЯНАО, для которых характерна моноспециализация производства, где у ЯНАО продукция ТЭК составляет 98,5 % экспорта, и сохраняется выраженная сырьевая направленность, послужило дополнительным фактором его сокращения в 2020 году.

Принимая во внимание итоги исследования, можно констатировать, что влияние факторов внешней среды, вследствие пандемии Covid-19, на внешнеторговый товарооборот регионов УрФО было в значительной мере сбалансировано промышленной специализацией регионов УрФО и крепкими экономическими связями, сложившимися со странами – партнерами.

Пик снижения экспортно-импортной деятельности УрФО пришелся на 2 квартал 2020 г. По сравнению с 2019 годом, снижение по основным товарным группам составило до 7 %.

Товарооборот импорта УрФО в 2020 году снизился на 6,6 % в сравнении с 2019 годом.

В структуре импорта по странам на первом месте находится Китай – 20 %, на втором – Казахстан – 17 %. Снижение коэффициента диверсификации импорта регионов УрФО по странам на 0,6 ед. в 2021 году показало, что ограничительные меры и закрытие границ оказало влияние на сжатие товарооборота импорта.

Что касается товарооборота экспорта УрФО, то здесь приходится констатировать его резкое снижение. В 2020 году экспорт уменьшился в стоимостном выражении на 18 % по сравнению с 2019 годом. Увеличение коэффициента диверсификации экспорта регионов УрФО по ТНВЭД в 2020 году на 0,8 по УрФО (на 7,5 ед. по Курганской области, на 2,2 ед. по Тюменской области и на 0,3 ед. по Челябинской области) свидетельствует о влиянии пандемии и выражается в сжатии товарных групп экспортных поставок в стоимостном выражении.

Ограничительные меры и закрытие границ обозначили тенденцию снижению коэффициента диверсификации экспорта по странам в целом по УрФО на 1,0 ед. в 2021 году. Наибольшее снижение значения коэффициента диверсификации экспорта по странам в 2021

году наблюдается в Ханты-Мансийском автономном округе – на 1,0 ед., и в Свердловской области – на 2,3 ед. по сравнению с 2019 годом. Повышение коэффициента диверсификации экспорта в 2021 году в Тюменской области – на 3,4 ед., в Курганской области – 2,2 ед., в Свердловской области и ЯНАО – 0,4, по сравнению с 2020 годом объясняется снижением доли сырьевых поставок и увеличением доли несырьевых неэнергетических товаров. В частности, поставки аппаратов ИВЛ и другого медицинского оборудования, производимого Свердловскими предприятиями, позволили увеличить экспорт этой продукции внутри страны и в зарубежные страны в 20 раз, поставки железнодорожного оборудования выросли в 8 раз, насосного – в 4 раза. Смещение спроса в азиатский регион (Китай, Казахстан, Узбекистан, Южную Корею, Турцию, Египет, Вьетнам) ставит перед компаниями УрФО необходимость развития производства и экспорта продукции высоких переделов, чья конкурентоспособность не столь зависима от транспортного плеча.

Выявленные тенденции внешнеторговой деятельности регионов УрФО в новых мирохозяйственных условиях ограничительных мер в период пандемии Covid-19 согласуются с текущей ситуацией в мировой торговле и вызовами, стоящими перед регионом. Уральский макрорегион показала высокую устойчивость к экономическому кризису в условиях пандемии Covid-19. Система субъектов внешнеэкономической деятельности и ее участников в системе мирохозяйственных связей отражает потенциал макрорегиона, как экспортом продукции ТЭК, так и несырьевым экспортом. Однако, непредсказуемость дальнейшего развития ситуации, связанной с факторами внешней среды требует совершенствования организационно-экономического механизма управления внешнеэкономической деятельности в части разработки специальных мер поддержки предпринимательской деятельности, создания механизма субсидирования регионов из федерального бюджета, организации бизнес-миссий в регионы зарубежных стран по повышению активности и конкурентных преимуществ регионов УрФО на внешних и внутренних рынках в сфере импорта и экспорта товаров.

УДК 339.5

**ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ
КОРЕЯ В ОТВЕТ НА ГЛОБАЛИЗАЦИЮ В XXI ВЕКЕ
THE FOREIGN ECONOMIC POLICY OF THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC
OF KOREA IN RESPONSE TO GLOBALIZATION IN THE XXI CENTURY**

О Док Хи,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник сектора внешней торговли
центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
paulmink@mail.ru
Oh Dok Hee
PhD in Economics
Senior Researcher of the Foreign Trade Sector
of the World Economy Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
paulmink@mail.ru

Аннотация. Двусторонние переговоры завершатся с большей вероятностью, чем многосторонние, потому что они активно ведутся в соответствии с интересами двух стран. Поэтому ФТА становятся основным направлением экономической политики правительства Кореи для адаптации внешнеэкономической политики и преодоления негативной тенденции глобального экономического развития. ФТА вызывает различные экономические эффекты,

такие как развитие торговли между двумя странами, повышение эффективности распределения ресурсов, оживление инвестиций между двумя странами и стимулирование экономического роста.

Ключевые слова: расширение экономического сотрудничества, стабильный крупный рынок, увеличение торговли, развитие экономики.

Abstract. Bilateral negotiations are more likely to end than multilateral ones because they are actively pursued in accordance with the interests of the two countries. Therefore, FTA is becoming the main focus of the economic policy of the Korean government to adapt foreign economic policy and overcome the negative trend of global economic development. The FTA produces various economic effects such as promoting trade between the two countries, improving the efficiency of resource allocation, revitalizing investment between the two countries, and stimulating economic growth.

Keywords: expansion of economic cooperation, stable large market, increase in trade, economic development.

Цель политики ФТА состоит в том, чтобы обеспечить стабильный крупный рынок и активно реагировать на рост неопределенности на экспортном рынке из-за распространения новых протекционизмов. Также она направлена на расширение экономического сотрудничества и содействие экономическому росту между двумя странами. Кроме того, фундаментальная основа политического решения корейского правительства о продвижении ФТА заключается в реструктуризации промышленности, развитии торговой системы, стабильном расширении экспортных рынков и расширении дружественного экономического сотрудничества.

В этом политическом направлении Чили была выбрана в качестве первой страны-цели ФТА для Кореи. Это связано с тем, что Республика Корея, не имевшая опыта ФТА, смогла накопить опыт ФТА, минимизировав при этом негативное влияние на слабое сельское хозяйство Кореи. Правительство Республики Корея посчитало, что сельскохозяйственная продукция и винодельческая промышленность Чили, для которых характерны противоположные сезоны, дополняют слабый сельскохозяйственный сектор Кореи.

Республика Корея и Чили вели переговоры с декабря 1999 г., и было достигнуто соглашение о степени открытости сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственного сектора, а полное соглашение было достигнуто в октябре 2002 г. В конечном итоге соглашение о свободной торговле между двумя странами вступило в силу 1 апреля 2004 года.

По состоянию на апрель 2022 г. в Республике Корея вступило в силу 17 соглашений о свободной торговле с 50 странами. Основными действующими странами являются Чили, Сингапур, ЕАСТ, АСЕАН, Индия, ЕС, Перу, США, Турция, Австралия, Канада, Китай, Новая Зеландия, Вьетнам, Колумбия, Центральная Америка, Великобритания, ВРЭП и Эквадор. Странами, подписавшими и заключившими ФТА с Республикой Корея, являются Индонезия, Израиль, Камбоджа и Филиппины. Страны, ведущие переговоры с Республикой Корея по ФТА: Китай-Япония, Россия и МЕРКОСУР, Узбекистан; страны, с которыми Корею нужно возобновить переговоры; страны ЕАЭС.

Достижения и последствия ФТА в соответствии с внешнеэкономической политикой Республики Корея:

а) Эффект увеличения торговли

Когда в 2004 году вступило в силу соглашение о свободной торговле между Кореей и Чили, доля импорта и экспорта со странами ФТА составляла лишь 0,3 % и 0,9 %. Однако по мере заключения соглашений о свободной торговле с АСЕАН, ЕС, США и Китаем, доля торговли быстро возрастала. В частности, с момента вступления в силу в 2015 году ФТА с Китаем доля партнеров ФТА в общем объеме торговли превысила больше 70 % (рисунок 1).

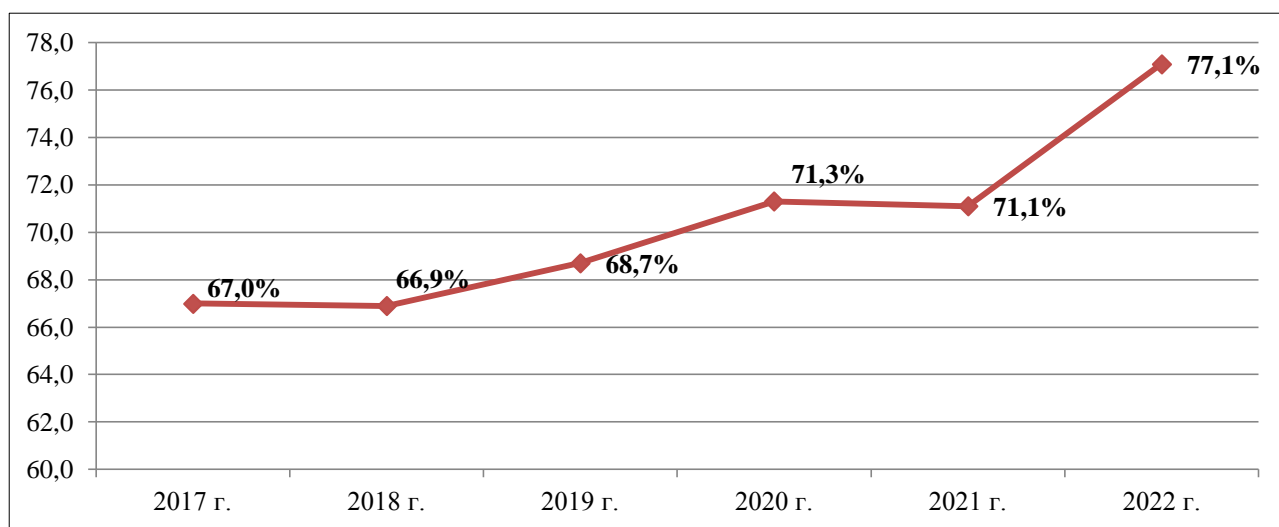

Рисунок 1 – Доля Республики Корея в торговле ФТА (%)

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [1]

В частности, если посмотреть на торговую ситуацию в 2020 году, Республика Корея зафиксировала положительное сальдо в размере 60,2 млрд долл. США в торговле со странами, подписавшими ФТА, но зафиксировала дефицит в размере 15 млрд долл. США в торговле со странами, не входящими в ФТА (таблица 1).

Экспорт со странами ФТА сократился на 3,9 % по сравнению с предыдущим годом, а импорт сократился на 1,3 %, что свидетельствует о снижении положительного сальдо торгового баланса по сравнению с 2019 годом. Хотя торговый баланс со странами, не входящими в ФТА, был дефицитом в размере 15 млрд долл. США, но общий торговый баланс зафиксировал положительное сальдо в размере 45,2 млрд долл. США. Видно, что торговля ФТА играет ключевую роль в развитии южнокорейской экономики в условиях неопределенности в мировой экономике из-за повторного распространения COVID-19 (таблица 1).

Таблица 1– Торговый статус со странами, применяющими соглашение о свободной торговле в 2019 и 2020 годах (млн долл. США)

Разделение		Объем торговли			
		Торговля	Экспорт	Импорт	Торговый баланс
Страны ФТА	2019 г.	725,893	397,703	327,190	71,513
	2020 г.	705,959 (-2,7%)	383,118 (-3,9%)	322,190 (-1,3%)	60,277
Страны, не входящие в ФТА	2019 г.	319,683	143,530	176,153	-32,623
	2020 г.	274,378 (-14,2%)	129,671 (-9,7%)	144,708 (17,9%)	-15,037
Итого	2019 г.	1,045,576	542,233	503,343	38,890
	2020 г.	980,337 (-6,2%)	512,789 (-5,4%)	467,549 (-7,1%)	45,240

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [2]

б) Эффект диверсификации товаров

Взяв в качестве примера (таблица 2), это означает, что количество стран, в которые экспортируются корейские автомобили с 2002 года, увеличилось с 15,3 до 22,1 страны в 2020 году. И если в 2003 году в Корею были импортированы вина из 10 стран, то в 2020 году различные виды вин были импортированы из 15,2 стран. Таким образом, при диверсификации им-

портируемых товаров может быть получен положительный эффект повышения доступности различных товаров с точки зрения потребителей. Кроме того, если аналогичные товары импортируются из многих стран, можно ожидать эффекта снижения цены за счет конкуренции.

Таблица 2 – Среднее количество торговых стран-партнеров Республики Корея на единицу товара (количество стран)

Год	Экспорт	Импорт	Год	Экспорт	Импорт
2002	15.3	9.9	2011	19.2	12.4
2003	15.7	10	2012	19.3	12.6
2004	16.3	10.1	2013	20.1	13
2005	16.4	10.3	2014	20.7	13.3
2006	16.7	10.7	2015	20.6	13.7
2007	16.9	10.4	2016	20.6	13.9
2008	17.7	11.2	2017	20.8	14
2009	18.1	11.5	2018	21	14.4
2010	18.6	11.9	2020	22.1	15.2

Примечание – Источник: Расчет среднего количества торговых стран-партнеров Республики Корея на единицу товара на основе 10 единиц [3]

В случае экспорта, поскольку рынок страны-партнера по соглашению открывается после вступления в силу ФТА, можно получить эффект улучшения структуры торговли за счет расширения экспортного рынка. В то же время, поскольку один и тот же товар экспортируется в более разнообразные страны, можно минимизировать ущерб, причиняемый протекционизмом или односторонней торговой политикой торгового партнера, путем снижения зависимости экспорта от конкретной страны.

Суммируя эффект от торговли ФТА, можно увидеть, что заключение ФТА оказывает положительное влияние на общий экспорт Республики Корея и играет важную роль в увеличении торговли. Кроме того, можно заметить, что эффект увеличения торговли приводит к явлению диверсификации предметов торговли в экономике Кореи. В результате, благодаря заключению ФТА, Корея не только расширила свой выход на зарубежные рынки, но и увеличила масштабы торговли.

в) Эффект прямых внешних инвестиций Республики Корея

С одной стороны, заключение ФТА помогает активно привлекать прямые иностранные инвестиции в Корею, а с другой стороны, помогает корейским компаниям расширять зарубежные рынки и обеспечивать производственные базы за рубежом за счет прямых иностранных инвестиций. Иностранные компании, которые хотят экспортировать в страны, подписавшие соглашения о свободной торговле с Республикой Корея, будут иметь возможность активно инвестировать в Корею, чтобы пользоваться беспощинными льготами.

В частности, в 2000-х годах корейское правительство продолжало поощрять прямые зарубежные инвестиции в целях обеспечения стабильной энергетики и природных ресурсов. Эти конкретные усилия корейского правительства привели к существенным результатам благодаря заключению соглашения о свободной торговле. Динамика зарубежных инвестиций Кореи в партнеров ФТА показывает, что прямые иностранные инвестиции (далее – ПИИ) Республики Корея выросли в 6,3 раза с 54 млрд долл. США в 2006 году до 339 млрд долл. США в 2017 году. А в 2020 году достигли 514 млрд долл. США (рисунок 2).

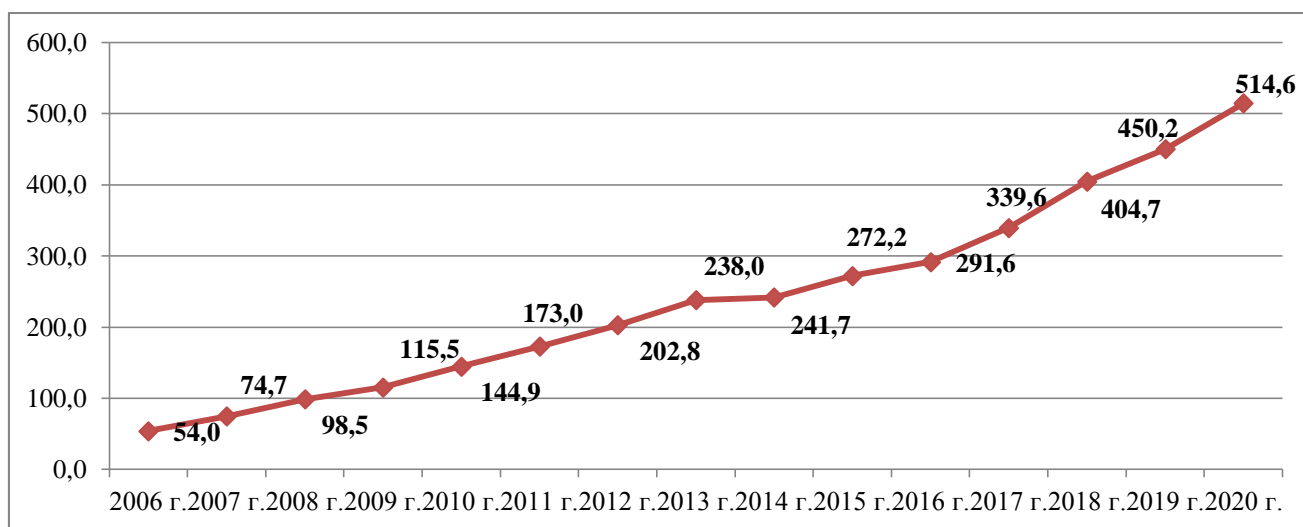

Рисунок 2 – Динамика зарубежных инвестиций Республики Корея в партнеров ФТА (млрд долл. США)

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [4]

г) Эффект реструктуризации промышленности (экономическая реструктуризация в развитых странах)

Самой большой проблемой при заключении ФТА является реструктуризация уязвимых отраслей, потерявших конкурентоспособность по сравнению со странами, с которыми подписано соглашение. Сельскохозяйственный сектор Республики Корея был негативным фактором в продвижении соглашений о свободной торговле из-за его слабой международной конкурентоспособности. Открытие сельскохозяйственного рынка в Корее напрямую влечет за собой реструктуризацию сельскохозяйственного сектора, такую как преобразование выращивания сельскохозяйственных культур, перемещение сельскохозяйственной рабочей силы и изменение использования земельных ресурсов.

Соответственно, правительство Кореи приняло «Специальный закон о поддержке сельского хозяйства в рамках ФТА», чтобы эффективно компенсировать ущерб, нанесенный сельскохозяйственному сектору в результате вступления в силу ФТА. Чтобы сельскохозяйственный сектор не стал препятствием для либерализации, реструктуризация сельскохозяйственного сектора должна осуществляться плавно в долгосрочной перспективе при консультациях с общественностью. Сельскохозяйственный сектор в Корее также постепенно расширяется за счет появления корпоративного сельского хозяйства и перехода на выращивание специальных культур в результате реструктуризации. Иными словами, постепенно происходит переход к передовой сельскохозяйственной структуре. Происходит переход от мелких фермерских хозяйств к корпоративным фермерским хозяйствам.

После того, как ФТА вступило в силу в 2004 году, промышленная структура Республики Корея была реорганизована в структуру развитой экономики, ориентированную на сфере услуг. Доля добавленной стоимости по отраслям в корейской экономике составляет 60 % в сфере услуг, 30 % в обрабатывающей промышленности, 5 % в строительной отрасли и других отраслях. По сравнению с другими отраслями с 2015 года доля сферы услуг неуклонно растет (таблица 3).

Таблица 3 – Доля реальной добавленной стоимости основных отраслей промышленности в Республике Корея, (%)

Промышленность	2000 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Сельско-лесное хозяйство и рыболовство	2.18	2.00	1.99	1.93	1.93	1.9
Горнодобывающая индустрия	0.14	0.15	0.14	0.12	0.11	0.12

Обрабатывающая промышленность	44.4	49.0	29.01	29.07	28.83	27.2
Электроэнергия, газ, водное хозяйство	2.75	2.64	2.72	2.59	2.65	2.55
Строительная промышленность	7.2	5.9	5.85	5.52	5.27	5.55
Сфера услуг	42.8	40.3	60.30	60.76	61.23	62.3

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [2]

Предложения по заключению соглашений Республикой Корея о свободной торговле:

а) Диверсификация статей экспорта и укрепление международной конкурентоспособности МСП.

Экономика Кореи по-прежнему сильно зависит от небольшого числа основных экспортных товаров, таких как полупроводники, автомобили и бытовая техника. Экспортная продукция Кореи не была диверсифицирована и концентрировалась на нескольких продуктах. Если зависимость от нескольких основных экспортных позиций высока, на нее сильно повлияют изменения внешнего спроса, что будет выступать в качестве фактора риска для долгосрочного экономического развития. Такую экономическую структуру Кореи можно объяснить структурой экспортной продукции, ориентированной на крупные предприятия, и отсутствием конкурентоспособности МСП за рубежом.

Поэтому по мере либерализации увеличивается разрыв между крупными предприятиями и МСП, что выступает негативным фактором для сбалансированного развития корейской экономики. По этой причине необходимо диверсифицировать экспортные позиции и одновременно добиваться сбалансированного роста за счет повышения международной конкурентоспособности МСП. То есть, диверсификация продукции и сбалансированный рост должны быть достигнуты одновременно путем выхода МСП на зарубежные рынки через соглашения о свободной торговле. Кроме того, когда расширяется зарубежная экспансия МСП через соглашения о свободной торговле, они играют важную роль в создании высококачественных рабочих мест внутри страны. С этой целью важно обнаружить новых участников ФТА, но не менее важно эффективно использовать уже действующие ФТА.

б) Надзор за фактическим улучшением качества жизни потребителей

Типичным случаем, когда соглашения о свободной торговле влияют на благосостояние потребителей, является снижение цен на импортные товары и увеличение их разнообразия. С момента вступления в силу ФТА в 2004 году, количество импортных товаров из других стран постоянно увеличивается. Соответственно, благодаря заключению ФТА, качество жизни корейских потребителей повысилось (рисунок 3). Иными словами, расширился диапазон потребительского выбора импортных товаров, и произошло положительное явление в виде удешевления импортных потребительских товаров (рисунок 4, 5).

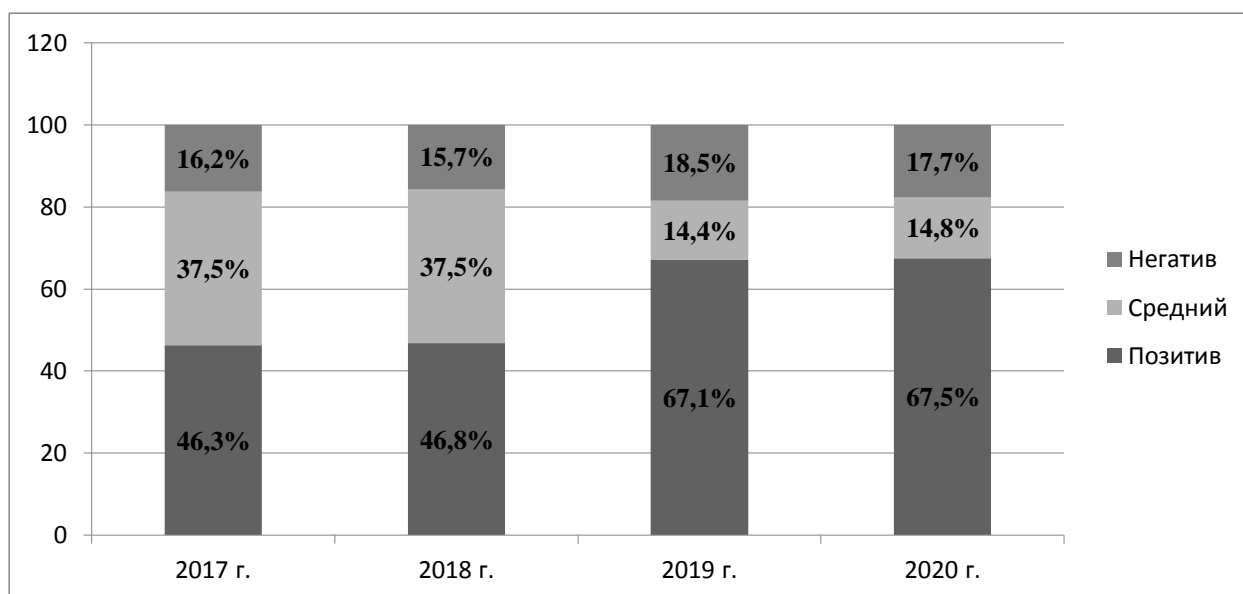

Рисунок 3 – Исследование прямого воздействия вступления в силу ФТА на потребителей по годам (%)

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [5]

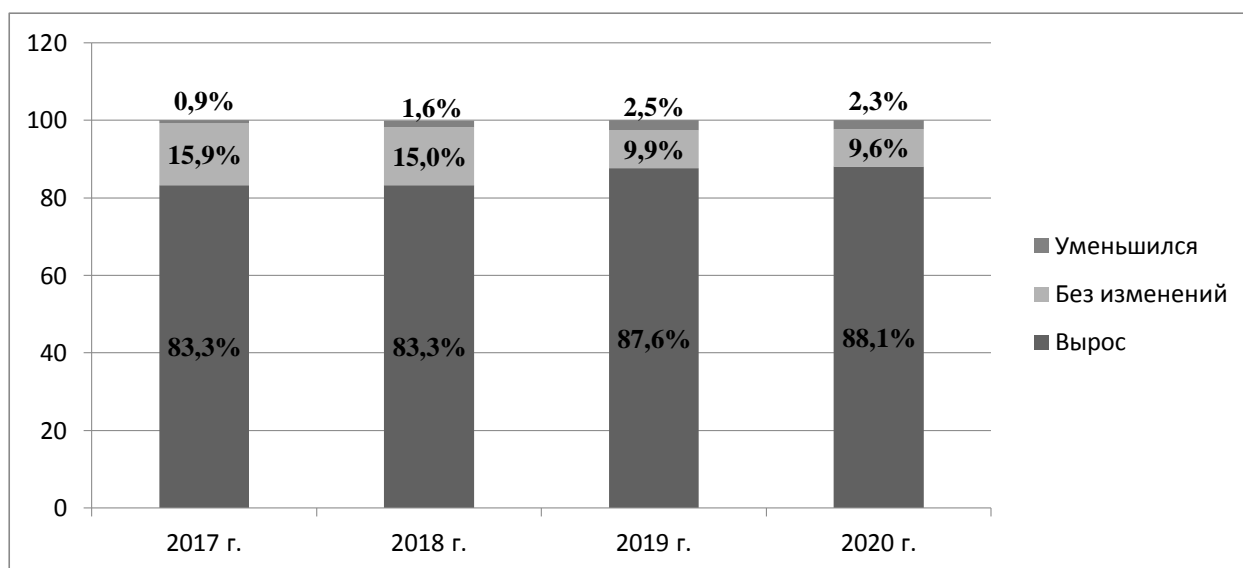

Рисунок 4 – Изменение потребительского выбора по годам в связи со вступлением в силу ФТА (%)

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [5]

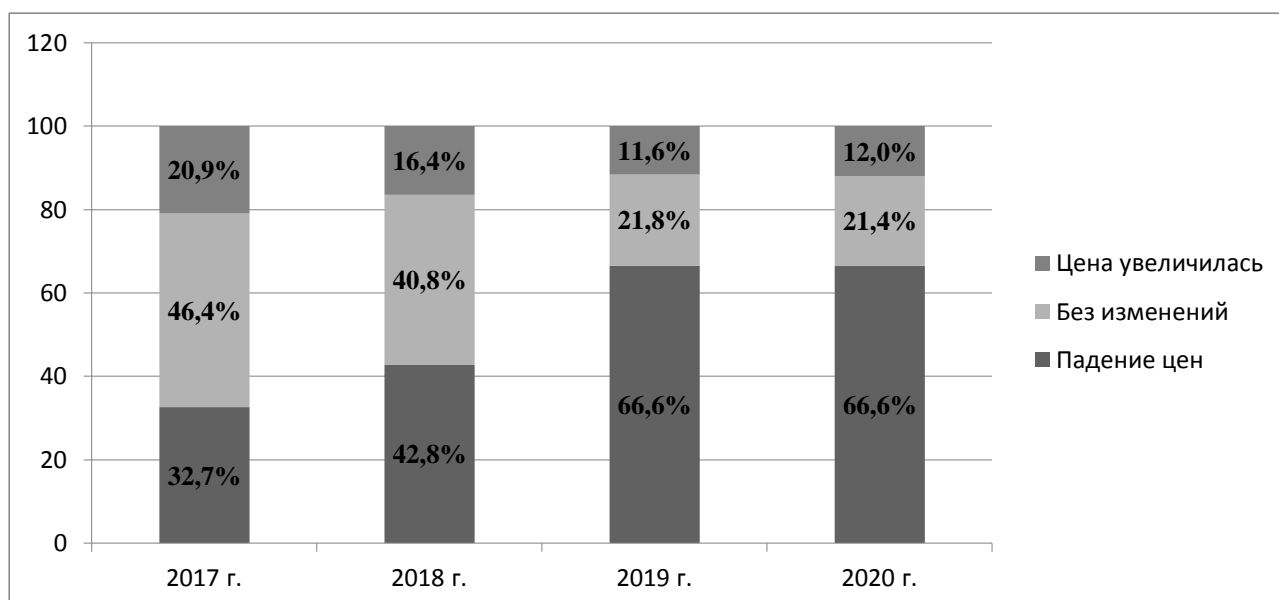

Рисунок 5 – Изменение цены реализации импортных потребительских товаров в связи с вступлением в силу ФТА (%)

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [5]

Чтобы преференциальные тарифы в результате вступления в силу ФТА привели к существенному падению цен для потребителей, Правительство Кореи должно систематически и непрерывно управлять импортерами и дистрибьюторами. То есть, необходимо уменьшить чрезмерную рыночную власть дистрибьюторов и подавить монополию. Кроме того, при совершенствовании системы распределения требуется постоянный контроль, чтобы падение цен на импортные товары действительно приводило к снижению потребительских цен. В противном случае преимущества ФТА принесут пользу только некоторым импортерам и дистрибьюторам.

в) Активизация постоянного экономического сотрудничества со странами, подписавшими ФТА, и разработка новых стратегий

Для обеспечения стабильных энергоресурсов правительство Кореи активно продвигает заключение соглашений о свободной торговле с богатыми природными ресурсами странами, такими как Россия и Узбекистан. Более того, посредством подписания соглашений о свободной торговле правительство Кореи активно увеличивает не только торговлю с развивающимися странами, но и опыт, и знания экономического развития Кореи для расширения практического экономического развития и сотрудничества.

Подводя итог внешнеэкономической политике правительства Кореи в XXI веке, можно сказать, что оно активно реагирует на глобальную экономическую ситуацию возрастающей неопределенности посредством глобальной сети ФТА и укрепляет экономическое сотрудничество со странами по всему миру. Это связано с тем, что только посредством международного сотрудничества можно преодолеть неопределенность текущей внешней экономики и добиться долгосрочного экономического развития.

В настоящее время Республика Корея находится на важном этапе продвижения своей промышленной структуры и перехода к наукоемкой экономике. Иными словами, отрасли, в которых Корея была конкурентоспособна, такие как бытовая электроника и автомобили, быстро вытесняются Китаем. Кроме того, отрасли, зависящие от рабочей силы и низкой заработной платы, быстро перемещаются в страны Юго-Восточной Азии, такие как Вьетнам и Индонезия. С другой стороны, доля и эффективность сферы услуг в Корее относительно низки по сравнению с развитыми странами. Чтобы добиться развития экономики знаний и промышленной структуры, необходимо повысить конкурентоспособность сферы услуг.

Кроме того, необходимо разработать новые двигатели промышленного роста и повысить конкурентоспособность страны за счет расширения торговли и прямых иностранных инвести-

ций. Расширению человеческого капитала и интеллектуального капитала следует способствовать путем активного привлечения передовых технологий и прямых иностранных инвестиций. Поэтому корейскому правительству следует активно продвигать политику ФТА как основное направление внешнеэкономической политики для достижения вышеуказанных целей.

У Республики Корея нет другого выбора, кроме как продолжать свою открытую торговую политику из-за небольшого внутреннего рынка и высокой зависимости от торговли. В связи с этим правительство Кореи успешно выстраивает внешнеэкономическую политику в направлении преодоления мирового экономического кризиса и расширения экономического сотрудничества со странами мира посредством ФТА. Кроме того, внешнеэкономическую политику Кореи через ФТА можно считать успешной, поскольку она способствовала расширению мирового рынка и либерализации торговли в рамках экспортно ориентированной экономической структуры. В частности, Корея опережает Японию и Китай по потенциалу развития глобального рынка, свободной торговле и благоприятной торговой среде. В условиях растущей неопределенности в глобальной торговой среде абсолютно необходимо международное сотрудничество. По сравнению с соседними странами, Республика Корея активно справляется с этой международной обстановкой.

ФТА также играет важную роль в политических, дипломатических аспектах, и аспектах безопасности страны. В связи с этим, для улучшения отношений с Северной Кореей срочно необходимо заключение соглашения ФТА между Кореей, Китаем и Японией. Однако при заключении ФТА важно в полной мере учитывать внутренние условия, чтобы свести к минимуму внутренний ущерб, причиняемый открытием рынка, и сформировать национальный консенсус. Потому что важнее не количество стран, подписавших ФТА, а стабильность экономического развития после заключения ФТА.

Литература

1. Таможенная служба Республики Корея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unipass.customs.go.kr/ets/index.do?menuId=ETS_MNU_00000173. – Дата доступа: 29.06.2022.
2. Ким, Джесун Тенденция ФТА Кореи / Джесун Ким // Журнал «Министерство торговли, промышленности и энергетики Кореи». – 2021. – № 02. – С. 6 – 7. (на корейском языке)
3. Торговая статистика Республики Корея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bandtrass.or.kr/customs/total.do?command=CUS001View&viewCode=CUS00101>. – Дата доступа: 02.07.2022. (на корейском языке)
4. Экономические показатели Республики Корея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.index.go.kr/potal/main/EachDtlPageDetail.do?idx_cd=1065. – Дата доступа: 02.07.2022. (на корейском языке)
5. Цой, Джисонг Исследование благосостояния потребителей ФТА / Джисонг Цой // Журнал «Корейское потребительское агентство». – 2019. – № 07. – С. 10 – 11. (на корейском языке)

**УЧАСТИЕ В ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СЕТЯХ КАК НАПРАВЛЕНИЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ
(НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)
PARTICIPATION IN GLOBAL VALUE CHAINS AS A DIRECTION OF ENSURING
THE ECONOMIC SECURITY OF THE COUNTRY (ON THE EXAMPLE
OF PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA)**

Шалупаева Наталья Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и управления,
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
nshalupaeva@mail.ru
Shalupayeva Natallia,
PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Management,
Francisk Skorina Gomel State University
nshalupaeva@mail.ru

Аннотация. В настоящее время международное производство многонациональных компаний превращается в один из важнейших факторов, влияющих на обеспечение внешнеэкономической безопасности стран. Углубление международного разделения производственного процесса и развитие координируемых многонациональными компаниями глобальных производственных сетей привело к тому, что в современной мировой экономике в рамках глобальных производственных сетей сконцентрировано 80 % международных торговых потоков, участие в них определяет конкурентоспособность стран, их инвестиционную привлекательность, роль в международном разделении труда и мировом воспроизводственном процессе.

В статье выявлен ряд тенденций, направлений и проблем участия экономики Китайской Народной Республики, играющей важнейшую роль в современной системе международного производства, в глобальных производственных сетях. Показано, что экономическое развитие Китая изменило всю топологию глобальных производственных сетей в мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: глобальная производственная сеть, экономическая безопасность, добавленная стоимость, многонациональная компания, Китайская Народная Республика.

Abstract. At present, the international production of multinational enterprises is becoming one of the most important factors influencing the countries' foreign economic security. The deepening of the international division of the production process and the development of global value chains coordinated by multinational companies has led to the fact that in the modern world economy 80% of international trade flows are concentrated within the framework of global value chains, participation in them determines the competitiveness of countries, their investment attractiveness, and their role in international trade, international division of labor and world reproduction process.

The article reveals a number of trends, directions and problems of the participation of the economy of the People's Republic of China, which plays a crucial role in the modern system of international production, in global value chains. It is shown that the economic development of China has dramatically changed the topology of global value chains in the world and in the Asia-Pacific region.

Keywords: global value chains, economic security, value added, multinational enterprise, People's Republic of China.

Экономическая безопасность традиционно рассматривается как важнейшая качественная характеристика экономической системы, определяющая ее способность обеспечивать последовательную реализацию национальных государственных интересов.

В течение последних нескольких десятилетий углубление международного разделения производственного процесса (МРПП) и развитие глобальных производственных сетей (ГПС), координируемых многонациональными компаниями (МНК), привело к усилению влияния международного производства на экономическую безопасность стран, прежде всего во внешнеэкономической сфере. В современной мировой экономике ГПС МНК генерируют порядка 80 % международных торговых потоков, формируют и определяют конкурентоспособность стран, их инвестиционную привлекательность, роль в международном разделении труда и мировом воспроизводственном процессе. МНК посредством распределения ПИИ и производственно-сбытовых функций между звеньями ГПС определяют и модифицируют производственную специализацию стран мира. Вследствие этого международное производство МНК превращается в один из важнейших факторов, влияющих на обеспечение внешнеэкономической безопасности отдельных стран, в том числе развивающихся и с переходной экономикой.

Вышесказанное определяет актуальность и практическую значимость исследования и адаптации к социально-экономическим условиям Республики Беларусь зарубежного опыта интеграции экономики в ГПС, направлений и способов повышения отечественной добавленной стоимости в сети с целью максимизации выгод и минимизации рисков участия в международном производстве и соответственно повышения внешнеэкономической безопасности республики.

Важнейшую роль в современной системе международного производства играет экономика Китайской Народной Республики (КНР), для которой в свою очередь интеграция в ГПС стала важным двигателем экономического развития. Однако недавние изменения в международной торговой среде, смещение в сторону экономического протекционизма, пандемия COVID-19, экономическое противостояние с США спровоцировали глобальные опасения по поводу зависимости от глобальных цепочек поставок и обусловили переосмысление процессов интеграции национальной экономики в международное производство МНК, что делает вопрос пересмотра подходов к участию и формированию ГПС крайне актуальным для всех стран мира, включая Китай.

В данной статье на основе использования метода разделения торговли на внутреннюю торговлю, традиционную внешнюю торговлю, простые и сложные торговые сети в рамках ГПС [1] выделен ряд тенденций, направлений и проблем участия экономики КНР в ГПС.

В настоящее время Китай выстраивает новую модель интеграции в мировую экономическую систему и новую политику открытости, основанные на трансформации подходов к интеграции в ГПС, развитию внешней торговли и модели экономического развития в целом.

В течение многих лет китайская экспортно ориентированная модель развития, основанная на прямых иностранных инвестициях (ПИИ) и экспорте трудоемких товаров с низкой добавленной стоимостью, демонстрировала свою эффективность. Однако в настоящее время механизм экономического роста, опирающийся на дешевую рабочую силу и зарубежные технологии, теряет свою эффективность и не может гарантировать устойчивый рост экономики в долгосрочной перспективе [2]. С целью противостоять новым вызовам, Китай радикально меняет свою экономическую и торговую стратегию. Китай начал реализовывать план экономической интернализации, ставящий в приоритет внутренний потребительский рынок и укрепление национальной экономики изнутри. В 2020 году предложена новая экономическая модель – «стратегия двойной циркуляции», предполагающая стимулирование внутреннего спроса в Китае, с одной стороны, и одновременно создание условий для содействия иностранным инвестициям и увеличения производства для экспорта, – с другой [3]. Стратегия «двойной циркуляции» – это

двунаправленная стратегия развития, ориентированная на то, чтобы внутренний и внешний рынки взаимно стимулировали друг друга, и предполагающая переход к экономике, основанной на спросе и инновациях.

Для достижения устойчивого роста и преодоления внешних шоков, сдерживающих его экономический рост, Китай в последнее десятилетие начал проводить последовательные экономические реформы, в том числе реализацию программы «Сделано в Китае 2025», объявленную в 2018 году. В результате с 2006 по 2019 год отношение внешней торговли к ВВП Китая упало с 64,5 до 35,7 %, а доля внутреннего частного потребления незначительно выросла, стабилизировавшись на уровне 38,8 % ВВП в 2019 году [3].

Смена курса с формирования экономики, ориентированной на экспорт и инвестиции, к экономике, ориентированной на спрос и инновации, существенным образом отражается и на модели интеграции КНР в ГПС. Последние данные базы «Trade in Value Added» (TiVA) [4], совместного проекта ВТО и ОЭСР по изучению международной торговли в терминах добавленной стоимости, свидетельствуют о том, что экономика Китая, все более ориентированная на услуги, переходит от модели экономического роста на основе экспорта к стимулированию развития на основе внутреннего потребления.

Данные таблицы 1 показывают, что доля добавленной стоимости национального происхождения, включенная в зарубежный валовый экспорт, т.е. обусловленная конечным внешним спросом, выросла в Китае с 15,6 % в 2005 году до 19,3 % в 2018 году, в то же время доля импортной добавленной стоимости в экспорте страны снизилась с 23,7 % до 17,2 % соответственно, что свидетельствует о переходе от производства для удовлетворения конечного внешнего спроса к внутреннему потреблению.

Таблица 1 – Показатели участия КНР в глобальных цепочках создания стоимости¹, %

Показатель	2005	2007	2009	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Forward participation in GVC ²	15,6	16,9	16,2	17,9	17,2	17,7	18,1	18,3	18,9	19,3
Backward participation in GVC ³	23,7	22,1	17,2	20,5	18,9	18,1	15,9	15,8	17,0	17,2
GVC Participation Index	39,3	39	33,4	38,4	36,1	35,8	34	34,1	35,9	36,5

¹Последняя версия базы данных TiVA основана на выпущенных в 2021 году межстрановых таблицах «затраты-выпуск» (ICIO) ОЭСР и содержит показатели участия стран в ГПС, которые охватывают период с 1995 по 2018 год. Показатели представлены для 66 стран и по 45 отраслям на основе классификации ISIC Rev. 4.

²Показатель доли добавленной стоимости национального происхождения, включенной в зарубежный валовый экспорт, который отражает интеграцию национальной экономики в ГПС как производителя или поставщика производственных ресурсов на мировой рынок.

³Показатель доли иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте страны, который отражает интеграцию национальной экономики в ГПС как потребителя промежуточной продукции.

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе данных ОЭСР

В то же время с 2017 года наблюдается становление Китая как нового регионального центра спроса в рамках ГПС в Азиатском регионе при существенном снижении роли США, в то время как в 2000 году США были уникальным глобальным центром спроса на импорт в рамках ГПС с устойчивыми связями с рядом стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Китай, Австралия, Тайвань, Гонконг, Малайзия, Таиланд, Индия, Сингапур) и некоторыми европейскими странами, имея наиболее тесные связи с Германией, Великобританией, Канадой и Японией [5]. При этом существенный рост роли экономики Китая произошел как в рамках традиционной торговли, так и в простых и сложных ГПС.

Наиболее ярко это проявилось в рамках простых ГПС, где в период с 2000 по 2017 год Китай стал не только главным региональным центром спроса с большим количеством входящих торговых потоков из азиатских экономик, но и важным центром спроса в рамках ГПС для ряда развивающихся стран за пределами Азии (России и Бразилии). В рамках сложных ГПС Китай также расширил свое влияние, превратившись в региональный центр

спроса для таких стран, как Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг, Вьетнам, Таиланд, Австралия, Пакистан [5].

На уровне секторов экономики можно наблюдать еще больше структурных изменений в ГПС. Прежде всего, в текстильной отрасли Китай стал, по сути, единственным глобальным центром поставок в рамках простых и сложных ГПС, вытеснив все другие региональные центры и окружающие страны на периферию традиционной торговли. Китай уже имел значительные мощности по производству текстильной продукции на более ранней стадии своего развития, что позволило ему существенно повысить свою роль в ГПС за счет роста экспорта готовой текстильной продукции после вступления в ВТО, когда тарифные и нетарифные барьеры в других странах снизились. Китай постепенно модернизирует свой текстильный сектор и увеличивает экспорт промежуточной продукции в другие страны в рамках торговли в ГПС [5]. В то время как Италия по-прежнему сохраняет свои позиции регионального центра, особенно в сложных ГПС, Китай стал новым сильным конкурентом в торговле промежуточной продукцией текстильной отрасли в рамках ГПС.

Наиболее заметные структурные изменения в ГПС, обусловленные существенным усилением роли Китая, произошли в секторе услуг. С 2017 года Китай стал региональным центром спроса во всех трех типах торговли (традиционная торговля, простые и сложные ГПС). В то же время США по-прежнему остались единственным глобальным центром спроса на услуги в рамках традиционной торговли и простых ГПС. Более того, Китай, заняв позицию Японии в Азии, стал крупным центром поставок в секторе услуг с существенным объемом экспорта добавленной стоимости в США и другие азиатские страны в рамках традиционных торговых сетей и простых ГПС [5]. Несмотря на то, что Китай не экспортирует большой объем услуг на мировой рынок напрямую, Китай является крупнейшим экспортером конечных товаров обрабатывающей промышленности, воплощающих в себе добавленную стоимость услуг, созданных в Китае.

Кроме того, Китай стал крупнейшей в мире производственной базой высокотехнологичной продукции, играя важную роль в глобальных цепочках создания стоимости в высокотехнологичном производстве.

Китай является мировым лидером по экспорту высокотехнологичной продукции. По данным статистического ежегодника КНР, стоимость экспорта высокотехнологичной продукции Китая выросла с 218 млрд долларов США в 2005 году до 730 млрд долларов США в 2019 году (таблица 2). В результате в 2019 году на долю высокотехнологичной продукции приходилось 29,2 % общей стоимости экспорта промышленных товаров Китая.

Таблица 2 – Импорт и экспорт высокотехнологичной продукции, промышленных и сырьевых товаров в КНР

Показатель	1995	2000	2005	2010	2015	2018	2019
<i>Абсолютные объемы (100 млн долл. США)</i>							
Общий объем экспорта	1488	2492	7620	15779	22749	24867	24995
Промышленные товары	1273	2237	7129	14962	21710	23517	23655
Высокотехнологичные товары			2182	4924	6552	7468	7307
Сырьевые товары	215	255	490	817	1040	1350	1340
Торговый баланс							
Промышленные товары	196	454	2007	5339	9620	9177	10171
Высокотехнологичные товары			206	797	1072	752	929
Сырьевые товары	-29	-213	-987	-3508	-3690	-5668	-5960
<i>Процентное отношение (%)</i>							
Общий объем экспорта=100							
Промышленные товары	85.6	89.8	93.6	94.8	95.4	94.6	94.6
Высокотехнологичные товары			28.6	31.2	28.8	30.0	29.2
Сырьевые товары	14.4	10.2	6.4	5.2	4.6	5.4	5.4

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе данных China statistical yearbook 2020

В то же время одной из важных проблем высокотехнологичного экспорта Китая является низкий уровень его товарной диверсификации (таблица 3).

Таблица 3 – Структура экспорта высокотехнологичной продукции в Китае в 2016-2020 годах, тыс. долл. США

Товары	2016	2020
Высокотехнологичные товары: все	683 218 382	876 314 061
Высокотехнологичные товары: электронные и электротехнические	619 916 683	804 628 945
Высокотехнологичные товары: другие	63 301 699	71 685 116

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе данных UNCTAD Data Center

Данные таблицы 3 показывают, что в 2020 году объем экспорта электронных и электротехнических товаров из Китая превысил 804 миллиарда долларов США и составил 91,8 % от общей стоимости экспорта высокотехнологичных товаров КНР. Телекоммуникационное оборудование и комплектующие, машины для автоматической обработки данных, катодные лампы и трубки занимают наибольшую долю в китайском экспорте высокотехнологичной продукции – 23, 20 и 19 % соответственно в 2020 году. Таким образом, 5 важнейших позиций в структуре высокотехнологичного экспорта Китая составляют более 80 % от общего объема высокотехнологического экспорта страны, что иллюстрирует низкий уровень продуктовой диверсификации высокотехнологичного экспорта Китая.

Данные, представленные на рисунке 1, демонстрируют, что большая часть общего объема экспорта Китая приходится на экспорт товаров ИКТ (27 % в 2020 году).

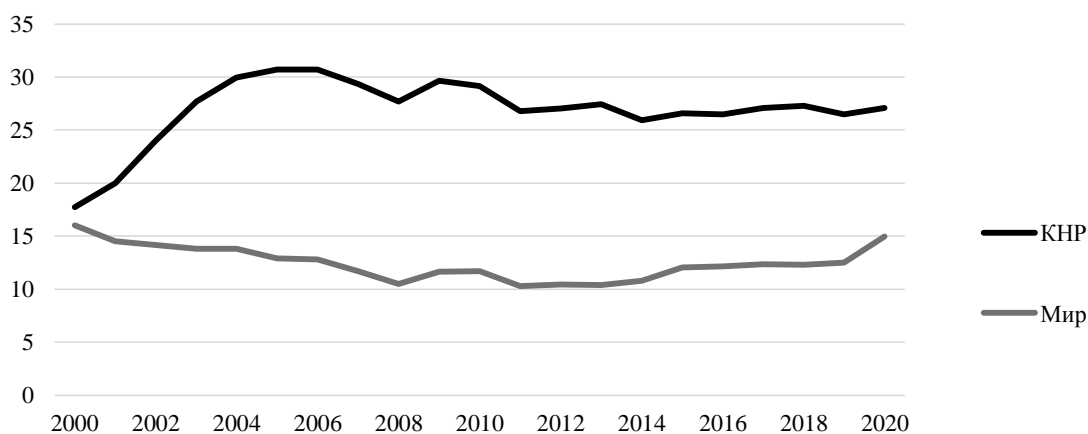

Рисунок 1 – Доля экспорта товаров ИКТ в общем объеме экспорта товаров в Китае и в мире, %

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе данных UNCTAD Data Center

Одной из основных проблем высокотехнологичного экспорта Китая остается также незначительная доля национальной добавленной стоимости в общей стоимости экспорта. В Китае в основном происходит сборка продукции из высокотехнологичных компонентов, импортируемых из-за рубежа. На собранные в Китае высокотехнологичные продукты, изготовленные из импортных ключевых деталей и компонентов, приходится до 80 % высокотехнологичного экспорта Китая [6].

В то же время следует отметить, что последние годы характеризовались высокими темпами роста расходов на приобретение отечественных технологий в Китае, увеличившись более чем в 2 раза с 20 090 млн юаней в 2017 году до 45 670 млн юаней в 2020 году (таблица 4). Наоборот, расходы на приобретение иностранных технологий в Китае остаются практически неизменными в течение последних 5 лет. При этом в 2019 году расходы на приобретение отечественных технологий превысили объем расходов на приобретение

зарубежных технологий. Отрицательная динамика характерна и для расходов на ассимиляцию технологий, их сумма за последние 5 лет уменьшилась на 31,8 % (таблица 9). Среди причин такого положения можно выделить утрату Китаем традиционных конкурентных преимуществ для ПИИ (низкая стоимость рабочей силы), политику реиндустриализации развитых стран, торговую войну между США и Китаем, кризис COVID-19 и разрыв глобальных цепочек добавленной стоимости. Однако в целом это свидетельствует о высоком потенциале создания отечественных технологий в Китае.

Таблица 4 – Данные о приобретении технологий крупными промышленными предприятиями КНР, 100 млн юаней

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Расходы на приобретение зарубежных технологий	475,4	399,3	465,3	476,7	460
Расходы на ассимиляцию технологий	109,2	118,5	91	96,8	75,6
Расходы на приобретение отечественных технологий	208	200,9	440,2	537,4	456,7

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [7]

Таким образом, можно заключить, что экономическое развитие Китая резко изменило всю топологию ГПС в мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как со стороны спроса, так и со стороны предложения, как на агрегированном уровне, так и на уровне отдельных отраслей экономики. Экономика Китая больше не просто «фабрика», экспортирующая огромное количество готовой продукции в другие страны мира. Промышленность Китая претерпевает существенную модернизацию, что находит отражение в росте масштабов экспорта и импорта промежуточных товаров и услуг, как в рамках простых, так и сложных ГПС. Другими словами, все больше стран, особенно в Азиатском регионе, стали в значительной степени прямо или косвенно зависеть от предложения добавленной стоимости Китая и его спроса на добавленную стоимость в рамках ГПС.

Литература

1. Wang, Z. Measures of Participation in Global Value Chains and Global Business Cycles. NBER Working Paper No. 23222 / Zhi Wang, Wei Shang-Jin, Yu Xinding, Zhu Kunfu. – Cambridge: National bureau of economic research, 2017. – 34 p.
2. Kostecka-Tomaszewska, L. Economic security of China: the implications of the Belt and Road Initiative / L. Kostecka-Tomaszewska // Optimum. Economic Studies. – 2018. – № 4 (94). – P. 166-182.
3. Zhang, Z. What is China's Dual Circulation Strategy and Why Should Foreign Investors Take Note / Z. Zhang // China Briefing. – 2020. – Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/news/what-is-chinas-dual-circulation-strategy-and-why-should-foreign-investors-take-note/>. – Дата доступа: 17.09.2022.
4. Trade in value added / ОЭСР. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/sti/ind/measuring-trade-in-value-added.htm>. – Дата доступа: 01.10.2022.
5. WTO, 2019. Global Value Chains Development Report 2019. Technological innovation, supply chain trade, and workers in a globalized world [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wto-ilibrary.org/information-technology-and-e-commerce/global-value-chain-development-report-2019_6b9727ab-en. – Date of access: 01.10.2022.
6. Xing, Y. China's High-Tech Exports: The Myth and Reality / Y. Xing // Asian Economic Papers. – 2014. – № 13 (1). – P. 109–123.
7. Shmarlouskaya, H. A. Development of China's High-Tech Exports Under the Implementation of the Dual Circulation Strategy / H. A. Shmarlouskaya, N. S. Shalupayeva, I. V. Babyna, T. Yu. Sinyuk // Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance / E. I. Lazareva, A. D. Murzin, B. A. Rivza, V. N. Ostrovskaya (eds). – Singapore: Springer, 2023. – P. 33-42.

**МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING THE LEVEL
OF NATIONAL SECURITY IN THE FOREIGN ECONOMIC SPHERE**

Абрамчук Нина Александровна,
заведующий сектором внешней торговли
центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
abramchuk@economics.basnet.by
Abramchuk Nina,
Head of the Foreign Trade Sector
of the World Economy Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
abramchuk@economics.basnet.by

Аннотация. В статье представлен анализ существующих методических подходов к количественной оценке уровня внешнеэкономической безопасности. Разработан методический подход к оценке уровня национальной безопасности во внешнеэкономической сфере Республики Беларусь. Предлагается интегральная оценка рисков и угроз наступления наихудшего сценария состояния внешней торговли, базирующаяся на основных индикаторах внешнеэкономической безопасности.

Ключевые слова: внешнеэкономическая безопасность, внешняя торговля, показатели внешнеэкономической безопасности, количественная оценка.

Abstract. The article presents an analysis of existing methodological approaches to the quantitative assessment of the level of foreign economic security. A methodical approach to assessing the level of national security in the foreign economic sphere of the Republic of Belarus has been developed. An integral assessment of the risks and threats of the worst-case scenario for the state of foreign trade is proposed, based on the main indicators of foreign economic security.

Keywords: foreign economic security, foreign trade, indicators of foreign economic security, quantitative assessment.

Уровень национальной безопасности во внешнеэкономической сфере отражает степень обеспечения безопасности страны с позиции нейтрализации внешних угроз, вызовов и рисков. Проведем анализ существующих методических подходов к количественной оценке уровня внешнеэкономической безопасности.

Так, в работе российского ученого и экономиста Казанцева С. В. [1] предлагается оценка уровня внешнеэкономической безопасности через соотнесение целевого состояния объекта с фактическим, что может служить мерой выполнения поставленных целей. Алгоритм проведения данной оценки включает следующие два этапа:

- 1) Определение набора исходных показателей, их нормирование, задание целевого состояния объекта либо критерия, отделяющего безопасное состояние от опасного.
- 2) Сведение нормированных показателей к единому индикатору нормированных показателей.

На первом этапе предлагается два подхода к оценке уровня безопасности во внешнеэкономической сфере, которые отличаются применяемыми методами нормирования показателей.

При первом подходе в целях приведения группы показателей к одинаковым единицам измерения используется *метод простого нормирования*. В расчетах уровней безопасности объектов в качестве нормирующего принято брать так называемое пороговое значение пока-

зателя. Пороговыми называют предельные величины, нахождение в границах которых является безопасным.

Преимуществами простого способа нормирования выступают ясность и простота расчетов, возможность наглядного представления.

Недостаток такого способа нормирования состоит в том, что, во-первых, он не работает при пороговых значениях, равных нулю, во-вторых, его применение предполагает, что: 1) для каждого показателя существует только одно пороговое значение (верхнее или нижнее); 2) все исходные показатели имеют одинаковые знаки (положительные или отрицательные).

При втором подходе осуществляется *нормирование на величину расхождения лучшего и худшего значения показателей безопасности*. В данном случае вместо понятия пороговой величины как границы, отделяющей опасное состояние от безопасного, используются показатели целевого состояния объекта, к достижению которого следует стремиться.

Преимущество второго способа нормирования по отношению к первому заключается в возможности вычисления при любом значении исходных параметров, в том числе и нулевом.

На втором этапе при расчете обобщающего индикатора учитываются как веса, отражающие относительную важность группы показателей, так и вероятность реализации в анализируемый период угроз объекту.

В случае, если обобщающий индикатор построен по принципу «чем меньше его величина, тем выше защищенность», то при расчете показателя безопасности его следует умножать на показатель вероятности реализации угроз (формула 1); а индикатор, построенный по принципу «чем больше его величина, тем выше уровень защищенности», необходимо делить на значение вероятности выполнения угроз (формула 2).

$$SL_i^t = \sqrt{\sum_i w_{ij}^t * u_{ij}^{t,2} * p_i^t}, \quad (1)$$

$$SL_i^t = \sqrt{\sum_i (1 - w_{ij}^t * u_{ij}^{t,2}) / p_i^t}, \quad (2)$$

где SL_i^t – уровень безопасности объекта i в период t ;

w_{ij}^t – взвешивающий коэффициент показателя j объекта i в период t ;

u_{ij}^t – нормированный показатель j объекта i в период t ;

p_i^t – вероятность реализации угроз объекту i в период t .

Преимуществами предложенного способа расчета обобщающего индикатора являются простота содержательной интерпретации и легкость выполнения расчетов, возможности вычисления при любом значении исходных параметров, наличие фиксированных границ вариации показателя, возможность наглядного представления результатов.

Российским ученым Петровым Ф. В. [2] в качестве базового метода оценки обеспеченности внешнеэкономической безопасности России предлагается использование *непараметрического метода data envelopment analysis* (далее – DEA), который позволяет определить целевые значения показателей без привлечения экспертов.

Метод DEA базируется на линейном программировании (поиск экстремума функции путем решения задачи линейного программирования), которое применяется для анализа наблюдаемых данных с целью построения линии эффективности. В его основе лежит принцип отношения выпуска к затраченным ресурсам. Оценка осуществляется на основе сравнения значений показателей одних объектов с другими, при этом в качестве объектов оценки выступают страны.

Происходит сопоставление всех наблюдений между собой с целью поиска «эталонного» и получение на основе их сравнения эффективных и неэффективных объектов оценки. «Эталонные» значения формируют линию эффективности, а расстояние до линии каждого наблюдения отражает степень их эффективности.

В качестве показателей внешнеэкономической безопасности выступают показатели, закрепленные в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года [3], в соответствии с которой к *показателям, представляющим в модели выпуск* (значения этих показателей представлены в числителе), относятся: доля машин, оборудования и транспорт-

ных средств в общем объеме несырьевого экспорта; доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг предприятий промышленного производства.

К показателям, представляющим в модели затраченные ресурсы (значения этих показателей представлены в знаменателе), относятся: добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности; расходы на исследования и разработки в процентах от ВВП.

Программным обеспечением для оценки внешнеэкономической безопасности России является одна из программ в области анализа эффективности – Dear version 1.2. В результате оценки методом DEA по модели, ориентированной на выпуск, формируется значение интегрального показателя и значения весовых коэффициентов.

В Республике Беларусь также накоплен определенный опыт в области оценки уровня национальной безопасности во внешнеэкономической сфере.

Так в коллективной монографии «Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы» [4], в целях осуществления количественной оценки уровня внешнеэкономической безопасности Республики Беларусь предлагается сопоставление заданных пороговых значений показателей с фактическими. Уровень риска определяется как отклонение наблюдаемого значения показателя от заданных и предельных значений.

В качестве пороговых значений индикаторов безопасности обычно используют общепринятые в мировой практике их расчетные нормативные значения, показатели других государств (экономические характеристики которых близки Беларуси), а также расчетные заданные показатели развития страны на прогнозируемый период.

Авторами предлагается использование следующего алгоритма оценки внешнеэкономической безопасности.

На первом этапе определяются показатели внешнеэкономической безопасности. В данном исследовании определены следующие пять показателей:

1. Отношение суммарного объема экспорта продукции государства в анализируемом периоде к ВВП, %;
2. Соотношение между объемами экспорта и импорта продукции государства в анализируемом периоде, %;
3. Отношение объема внешнего долга государства к ВВП в анализируемом периоде, %;
4. Доля импорта во внутреннем потреблении государства в анализируемом периоде, %;
5. Доля внешних заимствований в покрытии расходной части бюджета государства, %.

На втором этапе рассчитываются фактические значения показателей внешнеэкономической безопасности.

На третьем этапе проводится сравнение показателей внешнеэкономической безопасности Республики Беларусь с аналогичными показателями Российской Федерации.

На четвертом этапе осуществляется классификация состояний внешнеэкономической безопасности в соответствии с оценкой ситуаций по каждому индикатору:

- нормальная;
- предкризисная (разбивается на 3 зоны);
- кризисная (разбивается на 3 зоны).

Каждая зона имеет свою балльную оценку (таблица), и возможные направления расстановки оценок по индикаторам.

Таблица – Балльная оценка зон по индикатору

Характер ситуации (зона)	Балльная оценка
Нормальная	0
Предкризис 1 (начальная)	1
Предкризис 2 (развивающийся)	2
Предкризис 3 (критический)	4
Кризис 1 (нестабильный)	8
Кризис 2 (угрожающий)	16
Кризис 3 (чрезвычайный)	32

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [4]

На пятом этапе полученные значения показателей сравниваются с соответствующими пороговыми значениями.

Результатом представленной выше оценки является определение характера ситуации, сложившейся во внешнеэкономической сфере экономической безопасности.

В Институте экономики НАН Беларуси в 2009 году также были разработаны методологические основы оценки уровня национальной безопасности во внешнеэкономической сфере [5]. В данной работе оценку уровня внешнеэкономической безопасности предлагается осуществлять «посредством сопоставления пороговых или нормативных значений показателей с фактическими. Величина отклонений от предельных значений показывает уровень опасности вследствие появления разрушительных или необратимых процессов в экономике или, наоборот, его отсутствие ввиду реализации национальной стратегии устойчивого развития страны» [5, с. 80-81].

Оценка уровня внешнеэкономической безопасности определяется по пяти индикативным показателям:

1. Отношение суммарного объема экспорта продукции к валовому внутреннему продукту, %;
2. Соотношение между объемами экспорта и импорта продукции, %;
3. Отношение объема внешнего долга государства к валовому внутреннему продукту, %;
4. Доля импорта во внутреннем потреблении государства, %;
5. Сальдо внешней торговли, включая услуги (по данным платежного баланса) к ВВП, %.

Также, как и в работе [4], в данном исследовании предлагается для каждого индикатора ввести оценки ситуации: нормальная, предкризисная и кризисная с правилами балльной оценки расстановки по индикаторам в соответствии с приведенной таблицей.

Учитывая, что индикаторы выражены в различных единицах измерения, их необходимо привести к индексной или нормализованной форме расчета их значений, относимых к пороговому кризисному уровню (формула 3).

$$X_i^{Norm} = \frac{X_i}{X_{Ki}}, \quad (3)$$

где X_i^{Norm} – нормализованное значение индикатора i внешнеэкономической безопасности;

X_i – значение индикативного показателя i ;

X_{Ki} – пороговое кризисное значение индикативного показателя i .

Так как состояние внешнеэкономической сферы характеризуется не одним, а несколькими показателями, рассчитывается среднеарифметическая нормализованная оценка по всем индикативным показателям (формула 4).

$$C_j = \frac{\sum_{i=1}^N X_{ji}}{N}, \quad (4)$$

где C_j – среднеарифметическая нормализованная оценка по всем индикаторам внешнеэкономической безопасности;

X_{ji} – нормализованное значение индикатора i в пределах от 1 до N ;

N – количество индикаторов внешнеэкономической безопасности.

В целях сопоставления нормализованной оценки степени кризисности ситуации во внешнеэкономической сфере с нормализованными пороговыми значениями оценок степени кризисности рассчитываются среднеарифметические величины пороговых нормализованных значений индикаторов (формула 5).

$$C_m = \frac{\sum_{i=1}^N X_{mi}}{N}, \quad (5)$$

где C_m – среднеарифметическая величина пороговых нормализованных значений индикаторов внешнеэкономической безопасности;

X_{mi} – пороговое нормализованное значение индикатора i в соответствии с характером ситуации m (предкризисная начальная ситуация; предкризисная развивающаяся; предкри-

зисная критическая; кризисная нестабильная; кризисная угрожающая; кризисная критическая ситуация).

Чтобы установить характер ситуации во внешнеэкономической сфере вначале следует определить среднеарифметическую балльную оценку степени кризисности сферы и сопоставить ее с интервалами значений балльных оценок степени кризисности, которые соответствуют той или иной ситуации (формула 6).

$$b_{av} = \frac{\sum_{i=1}^N b_i}{N}, \quad (6)$$

где b_{av} – среднеарифметическая балльная оценка степени кризисности внешнеэкономической сферы;

b_i – балльная оценка кризисности ситуации по индикатору i внешнеэкономической безопасности.

Определив принадлежность среднеарифметической балльной оценки степени кризисности внешнеэкономической сферы экономической безопасности тому или иному диапазону балльных оценок, можно сделать вывод о принадлежности ситуации по внешнеэкономической безопасности.

Применительно к внешнеэкономической сфере национальной безопасности Республики Беларусь оценка ее состояния должна адекватно определять уровень защиты Республики Беларусь в современной системе международных отношений, что позволит своевременно реагировать на внешние вызовы и угрозы.

Предлагаемый методический подход к оценке уровня внешнеэкономической безопасности учитывает, во-первых, тенденции мировой экономики, оказывающие негативное влияние на национальную безопасность Республики Беларусь, во-вторых, наиболее распространенные в мировой и отечественной практике подходы к оценке уровня внешнеэкономической безопасности.

Подход представляет собой интегральную оценку рисков и угроз наступления наихудшего сценария состояния внешней торговли, базирующуюся на основных индикаторах внешнеэкономической безопасности.

На первом этапе оценки определяется перечень индикаторов внешнеэкономической безопасности. С учетом новых внешних вызовов и угроз предлагается использование следующих индикаторов: «сальдо внешней торговли товарами и услугами, в процентах к ВВП», «экспортная квота»; «импортотемкость экономики»; «уровень товарной диверсификации экспорта/импорта»; «уровень географической диверсификации экспорта/импорта»; «удельный вес экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта товаров, процентов».

На втором этапе формируется статистическая база состояния внешнеэкономической безопасности в соответствии с соответствующим перечнем индикаторов.

На третьем этапе определяются интервалы допустимых значений индикаторов и их критериальные значения. В зависимости от содержания индикатора в качестве критериального значения могут быть приняты: показатели других государств, экономические характеристики которых близки Беларуси; среднемировые значения; расчетные заданные показатели развития страны на рассматриваемый прогнозируемый период; использование целевых и исторически худших значений, как верхней и нижней границы диапазона.

Вместе с тем при установлении критических значений индикаторов внешнеэкономической безопасности основными целевыми критериями должны выступать:

- формирование положительного сальдо в торговле товарами и услугами;
- развитие экспорта с высокой добавленной стоимостью;
- расширение экспорта высокотехнологичных товаров;
- снижение зависимости от промежуточного импорта;
- многовекторная внешнеторговая политика.

На четвертом этапе рассчитывается отклонение в виде разности фактических значений индикаторов от соответствующих их критериальных значений.

На пятом этапе осуществляется нормирование значений отклонений значений индикаторов методом линейного преобразования принадлежности значений стандартному интервалу $[0;1]$ по формуле (1) при прямой зависимости уровня обеспечения безопасности от величины индикатора, по формуле (2) – при обратной:

$$x_{\text{норм}i} = \frac{x_i - x_{\text{min}}}{x_{\text{max}} - x_{\text{min}}}, \quad (7)$$

$$x_{\text{норм}i} = \frac{x_{\text{max}} - x_i}{x_{\text{max}} - x_{\text{min}}}, \quad (8)$$

где $x_{\text{норм}i}$ – нормированное значение отклонения индикатора i (диапазон от 0 до 1);

x_i – фактическое значение отклонения индикатора i за временной период;

$x_{\text{max}}, x_{\text{min}}$ – максимальное и минимальное фактические значения отклонения индикатора за рассматриваемый период.

Нормированный показатель определяет степень близости индикаторов внешнеэкономической безопасности к их критериальным значениям.

На шестом этапе определяются весовые коэффициенты значимости каждого индикатора методом экспертных оценок с привлечением профильных специалистов.

На седьмом этапе рассчитывается интегральный показатель оценки уровня внешнеэкономической безопасности (формула 9):

$$Ix = \sqrt{\sum_{i=1}^N (w_i * x_{\text{норм}i}^2)}, \quad (9)$$

где Ix – интегральный показатель внешнеэкономической безопасности;

w_i – весовой коэффициент значимости индикатора i ;

$x_{\text{норм}i}$ – нормализованное значение индикатора i ;

N – количество индикаторов.

Чем ближе интегральная оценка исследуемого индикатора к нулевому значению, тем выше уровень внешнеэкономической безопасности (низкий уровень угроз и риска), и, соответственно, чем ближе интегральная оценка исследуемого индикатора к единице, тем ниже уровень внешнеэкономической безопасности (высокий уровень угроз и риска).

Анализ исследуемых методических подходов к оценке уровня национальной безопасности во внешнеэкономической сфере позволяет сделать вывод о том, что все они основаны на сопоставлении показателей обеспечения внешнеэкономической безопасности с их пороговыми либо «эталонными» значениями. Основными отличиями применяемых подходов к данной оценке являются:

выбор показателей, характеризующих состояние внешнеэкономической сферы национальной безопасности;

методы нормирования показателей (простого нормирования; нормирование на величину расхождения лучшего и худшего значения показателей безопасности);

методы определения весовых коэффициентов (метод экспертных оценок, непараметрический метод *data envelopment analysis*);

определение пороговых либо «эталонных» значений индикаторов (расчетные нормативные значения; показатели других государств, экономические характеристики которых близки Беларуси; среднемировые значения; расчетные заданные показатели развития страны на прогнозируемый период; использование целевых и исторически худших значений, как верхней и нижней границы диапазона).

Предлагаемый методический подход к оценке уровня внешнеэкономической безопасности Республики Беларусь позволяет получить интегральную оценку внешних рисков с учетом глобальных вызовов и угроз на современном этапе.

Литература

1. Казанцев, С. В. Методика и инструментарий оценки безопасности на национальном и региональном уровнях / С.В. Казанцев // Мир новой экономики. – 2017. – № 11 (2). – С. 6–12.

2. Петров, Ф. В. Оценка экономической безопасности России во внешнеэкономической сфере на основе непараметрического метода/ Ф. В. Петров // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 27–41.

3. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420398070>. – Дата доступа: 05.10.2022.

4. Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы / М. В. Мясникович, В. В. Пузиков [и др.]. – Минск: «Экономика и право», 2003. – 451 с.

УДК 339.9

**НАПРАВЛЕНИЯ АДАПТАЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ
DIRECTIONS FOR ADAPTING THE FOREIGN ECONOMIC STRATEGY
OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF SANCTIONS**

Абухович Юлия Константиновна,
магистр экономических наук,
старший преподаватель кафедры экономической теории и маркетинга,
Белорусский государственный технологический университет
acuprav@gmail.com
Abukhovitch Yulia,
MSEcon, Senior Lecturer of the Department of Economic Theory and Marketing,
of the Belarusian State Technological University
acuprav@gmail.com

Аннотация. Усиление санкционного давления на Республику Беларусь и ее организации привело к необходимости пересмотра устоявшихся представлений о внешнеэкономической политике и адаптации внешнеэкономической стратегии к происходящим изменениям. В статье анализируется практика санкций и контрсанкций в отношениях государств в последние годы, определяются пределы возможного ответа на давление со стороны группы ведущих промышленно развитых стран и предлагается ряд направлений модернизации отечественной внешнеэкономической стратегии, в числе которых: диверсификация, наращивание операционной гибкости, создание подстраховочных избытков запасов, внедрение передовых производственных технологий, временное импортозамещение. Дается конкретизация предложенных направлений в отдельных практических мерах и указывается на возможные риски в процессе реализации адаптированной стратегии.

Ключевые слова: стратегия, внешнеэкономическая деятельность, санкции, устойчивость экономики.

Abstract. The strengthening of sanctions pressure on the Republic of Belarus and its organizations has led to the need to revise the established ideas about foreign economic policy and adapt the foreign economic strategy to the ongoing changes. The article shows the practice of sanctions and counter-sanctions in interstate relations in recent years, determines the limits of a possible response to pressure from a group of leading industrialized countries. It also suggests a number of areas for modernizing the domestic foreign economic strategy, including diversification, increasing operational flexibility, creating safety net excess stocks, introduction of advanced production technologies, temporary import substitution. The specification of the proposed directions in separate practical measures is given and possible risks are indicated in the process of implementing the adapted strategy.

Keywords: strategy, foreign economic activity, sanctions, economic stability.

Санкционное давление на Республику Беларусь осуществляется на протяжении практически всей ее истории, начиная с середины 90-х годов прошлого века, и значительно усилилось в последние три года. В текущем году ситуация приобрела новое качество: в дополнение к очередным санкциям против нашей страны беспрецедентным ограничениям со стороны ведущих промышленно развитых стран мира был подвергнут союзник нашего государства – Российская Федерация. Данное изменение осложнило экономическое положение Беларуси, но, одновременно, создало новые возможности для хозяйственной деятельности. Настоящая статья призвана раскрыть особенности обеспечения национальных интересов Республики Беларусь в экономической сфере в условиях санкций и конкретизировать направления адаптации внешнеэкономической стратегии нашего государства.

Комплекс санкций, введенных против Беларуси и России, нацелен, по мнению российских специалистов, на выполнение следующих задач:

дестабилизация валютного курса и финансовой системы;

блокирование отечественного экспорта;

ограничение импорта, особенно высокотехнологичной продукции;

стимулирование ухода с наших рынков компаний иностранной юрисдикции [1].

Соответствующие действия по указанным направлениям призваны сократить производство, вызвать безработицу, дестабилизировать экономическую ситуацию и обоснованно рассматриваются в качестве средств экономической войны.

Беларусь и Россия отреагировали симметрично, определив перечень иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских и российских юридических и физических лиц, и предприняв ответные меры, направленные на сокращение ущерба от таких действий и на создание менее благоприятных условий для граждан и организаций из соответствующих иностранных государств. Был ограничен импорт ряда товаров и услуг, введены зеркальные ограничительные меры в виде запрета на въезд в отношении иностранных чиновников и иных категорий граждан.

Стоит заметить, что Беларусь и Россия являются одними из немногих государств, решительно и резко отреагировавших на введение санкций.

Показательной является ситуация с применением санкций против Ирана. В открытых источниках упоминается лишь одна ответная экономическая мера Ирана в отношении ЕС, которая заключалась в приостановке в 2012 году на непродолжительное время потока нефти в Великобританию и Францию. В качестве ответной меры ЕС начал активную кампанию по поиску альтернативных партнеров, заменив уже к концу того же года 70 % иранской нефти за счет увеличения поставок из Саудовской Аравии и ОАЭ (хоть и по более высоким ценам, в результате чего доходы нефтеперерабатывающей отрасли ЕС, работавшей с иранской нефтью, были сокращены минимум на 30 %).

Этот случай показал, что промышленно развитые государства достаточно устойчивы к контрсанкционному воздействию. Единственное, чего добился Иран, попытавшись ввести «ответные санкции» в отношении нефтегазовых компаний отдельных стран ЕС – Франции и Великобритании, – это форсировал их решение по скорейшему поиску более благонадежных партнеров. ЕС в отдельных случаях готов нести значительные убытки от собственных санкций, так как обладает большей экономической жизнеспособностью по сравнению с «соперником» и, соответственно, быстрее восстановится и восполнит потери, продемонстрирует доминирующую роль.

Для ЕС, Великобритании и США санкции представляют собой десятилетиями отработанные технологии, ими же изобретенные. Остальные государства, даже такие сырьевые и/или экономические гиганты, как Россия, Китай, Иран и др., как правило, вынуждены занимать оборонительную позицию, реагировать спонтанно и в одиночку. Для стран, не обладающих собственными запасами стратегической сырьевой продукции (нефть, газ и пр.) и зна-

чительно привязанных к импорту продукции извне, метод экономических контрсанкций вреден, а в долгосрочной перспективе – губителен.

Для Ирана санкции обернулись общим падением ВВП, значительным сокращением экспорта нефти и нефтепродуктов (экспорт сырой нефти упал с примерно 2,5 млн баррелей в день в 2011 году до примерно 1,1 млн баррелей в день к середине 2013 г.) и сокращением военного потенциала за счет возросшей зависимости от помощи России и Китая. Ситуацией воспользовались Китай и Индия, которые не поддержали санкции и даже увеличили торговлю с Ираном, однако последний вынужден был снизить цены на свою продукцию и значительно расширить доступ Китаю и Индии на свой рынок.

В ситуации с Венесуэлой в ответ на принятие ЕС дополнительного пакета ограничительных мер в июне 2020 г. Президент Венесуэлы лично в телеобращении объявил о высылке из страны постпреда ЕС в течение 72 часов, обвинив ЕС в «европейском колониализме». Тем не менее, после телефонного разговора между верховным представителем ЕС по международным делам и политике безопасности и министром иностранных дел Венесуэлы решение о высылке было отменено. В совместном коммюнике стороны согласились с необходимостью сохранения рамок дипломатических отношений, особенно в тех случаях, когда сотрудничество между обеими сторонами может облегчить путь политического диалога.

Реакция турецкого руководства на введенные ЕС санкции ограничивалась жесткой риторикой турецкого президента о готовности не препятствовать перемещению сирийских беженцев в Европу.

Ход введения санкций ЕС против Сирии не указывает на то, чтобы какие-то конкретные решения принимались как контрмеры на принятые сирийской стороной ограничительные меры против ЕС. Новые пакеты принимались ЕС либо в качестве реакции на действия властей внутри страны и обострение ситуации, либо по мере разработки соответствующих программных документов.

Опыт введения странами, в отношении которых ЕС устанавливал санкции, контрмер показал, что они не влекли какой-либо значимой реакции со стороны ЕС, не нанесли ощутимого ущерба экономике ЕС и в ряде случаев оперативно отменялись. При этом, для самих стран-инициаторов контрсанкций эффект от их введения был более болезненным, чем для адресата. Следовательно, внешнеэкономическая стратегия государства, подвергнутого санкциям со стороны ЕС, Великобритании и США должна быть не мстительной и деструктивной сама по себе, а прежде всего решать проблемы развития национальной экономики и максимально возможного доступа к мировому рынку.

Ключевыми направлениями такой стратегии представляются следующие.

1. Диверсификация, т. е. расширение географии и числа поставщиков и потребителей, вплоть до их функционального дублирования. Оправданно опираться на поставщиков из географически близких регионов, снижать зависимости от поставок относительно дешевых промежуточных товаров из Китая (дешевизна труда перестала быть решающим мотивом для современного бизнеса) при одновременном использовании фактора повышения роли Китая в качестве крупнейшего и растущего рынка сбыта. Аналогичным образом следует рассматривать и другие крупные развивающиеся экономики (Индия, Мексика, Вьетнам и др.) с точки зрения их двойных преимуществ – как экспортеров промежуточной продукции и как рынки конечного спроса.

2. Создание избытка запасов. Еще в период пандемии произошли нарушения работы систем глобальных поставок «точно в срок». Предприятия по всему миру обратились к созданию подстраховочного избытка производственных запасов либо на уровне отдельных звеньев, специализированных на критически важной промежуточной продукции, либо даже во всех звеньях цепочки [2]. Данное стратегическое направление требует использования цифровых технологий, обеспечивающих прозрачность движения экспортно-импортных потоков по всей производственно-логистической цепочке и позволяющих точно знать, где именно, в какой форме и в каком объеме следует создавать избытки.

3. Нарастивание операционной гибкости. Системы должны научиться гибко реагировать на аномальные ситуации (вроде прекращения работы отдельных «тоннелей в мировой рынок» в результате вторичных санкций), адаптируясь к резко изменившейся среде в кратчайшие сроки. Это потребует трансформации крупнейших отечественных предприятий (управляющих компаний) в горизонтально-сетевые структуры и, опять же, улучшения координации коммерческих и производственных процессов посредством широкого внедрения информационных и коммуникационных технологий.

4. Внедрение передовых производственных технологий. Это тем более важно, учитывая, что структурная трансформация все более тесно связанных белорусской и российской экономик в условиях продолжительного действия внешних ограничений будет сопровождаться технологическим регрессом во многих отраслях. Автоматизация производства, а также внедрение таких передовых технологий, как искусственный интеллект, блокчейн, трехмерная печать, способствуют росту устойчивости цепочек создания стоимости через снижение многих видов издержек (связь, логистика и др.) и наращивание производственной эффективности. Эти технологии особенно важны для цепочек в обрабатывающей промышленности, где трансакционные издержки составляют до 10 % совокупных издержек, связанных с трансграничными поставками [3]. В целом выбор тех или иных технологий имеет ярко выраженную отраслевую специфику.

5. Импортозамещение. Данное направление в концептуальном плане разрабатывалось в рамках стратегии догоняющего развития и показало хорошие результаты во многих странах при государственном вмешательстве в экономику для защиты «молодых» отраслей от иностранной конкуренции. Последующий отказ от импортозамещения в пользу экспортно ориентированного направления промышленной политики и выращивания «национальных чемпионов» стал нормой для эволюции новых индустриальных государств. Учитывая, что современное внешнеэкономическое положение Беларуси и России нельзя назвать нормальным, применение импортозамещение как инструмента решения разнообразных экономических задач следует признать обоснованным и даже желательным.

Предложенные направления адаптации внешнеэкономической стратегии Беларуси к условиям санкций в практическом плане будут воплощаться в таких мероприятиях, как определение нового круга компаний и физических лиц, с которыми будет выстраиваться экономическое сотрудничество (крупные организации с развитой международной практикой слишком чувствительны к вторичным санкциям); использование уже вполне отработанного механизма реэкспорта (как через традиционные крупные узлы международной торговли, так и через вновь создаваемые точки в дружественных государствах); сокрытие реальных владельцев компаний и связи с государствами, ставшими объектом санкционного давления (изменение номинальных владельцев, получение гражданства третьих государств) и другие.

В сложившихся условиях значительную опасность представляет вероятность использования более простых решений в формировании стратегии адаптации к внешнему давлению, например, «обратной индустриализации», то есть промышленного развития на основе применения менее передовых технологий. Подобные решения позволят увеличить производство продукции, но на более низком технологическом уровне, а в сочетании с эффектом малого масштаба в условиях ограниченного объема внутреннего рынка ЕАЭС такая продукция будет стоить для потребителя больше.

Не следует и концентрироваться на каком-либо из направлений, например, на импортозамещении, поскольку полная локализация производства всего необходимого для экономики, социальной сферы и военной организации государства потребует многих десятилетий и огромных вложений, при этом определенный технологический уровень всегда будет для автаркии недостижим. Применение комбинации различных направлений делает стратегию более гибкой и эффективной, а национальную экономику более сложной и одновременно более устойчивой.

Литература

1. Сухарев, О. С. Политика замещения импорта в условиях санкций / О. С. Сухарев // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 2. – С. 172–176.
2. Смородинская, Н. В. Глобальные стоимостные цепочки: как поднять резильентность перед внезапными шоками? / Н. В. Смородинская, Д. Д. Катук // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – № 6. – С. 30–50.
3. World Trade Report 2018: The Future of World Trade. How Digital Technologies Are Transforming Global Commerce // Geneva: World Trade Organization, 2018. – 236 p.

УДК 338.23

ОПЫТ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ EXPERIENCE OF INTERREGIONAL COOPERATION IN THE EUROPEAN UNION

Булавицкая Марина Григорьевна,
старший научный сотрудник сектора международной конкурентоспособности
и развития регионов
центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
marishasvet@mail.ru
Bulavitskaya Marina,
Senior Researcher of the International Competitiveness and Regional Development Sector
of the World Economy Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
marishasvet@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется опыт Европейского союза по развитию межрегионального взаимодействия. Показано, что для успешного взаимодействия необходимо наличие условий: инициатива со стороны местных и региональных органов власти, наличие развитой институциональной инфраструктуры, долгосрочной стратегии межрегиональной интеграции, возможность привлечения внебюджетного финансирования.

Ключевые слова: Европейский союз, межрегиональное взаимодействие, межрегиональные связи.

Abstract. The article analyzes the practice of the European Union in the development of interregional cooperation. The main findings of the paper shown that successful interaction requires the presence of conditions: an initiative from local and regional authorities, the presence of a developed institutional infrastructure, a long-term strategy for interregional integration, capability of ensuring outside financing.

Key words: European Union, interregional cooperation, interregional links.

Межрегиональное взаимодействие в ЕС выходит за границы отдельных стран, поэтому взаимодействующие регионы нередко различаются по этническому составу, историко-культурным, религиозным и другим социальным характеристикам. Опыт ЕС представляет большой интерес с точки зрения развития институтов, способствующих развитию межрегиональной интеграции. Эти институты в значительной мере способствовали преодолению не только экономических и социокультурных, но и политических барьеров между европейскими странами.

Развитие межрегиональных связей в ЕС отличается тем, что инициатива исходит со стороны региональных и муниципальных властей, т.е. «снизу». Этот процесс начался еще до возникновения Европейского союза с образования межправительственных ассоциаций приграничных регионов, т.е. Еврорегионов, которые имели неформальный статус. Они обладали консуль-

тативно-информационными функциями по широкому кругу вопросов межрегионального взаимодействия. Основной целью Еврорегионов является стимулирование социально-культурного и экономического диалога на местном уровне в дополнение интеграции на уровне государств ЕС [1]. Они помогали государствам, претендующим на вступление в ЕС, адаптироваться к нормам и правилам Европейского союза. Сотрудничество в рамках еврорегионов не предполагает изменения действующего национального законодательства, так как сосредоточено на реализации конкретных проектов в интересах всех участников сотрудничества.

В 1971 году создана Ассоциация Европейских Приграничных Регионов (АЕПР) для осуществления координации деятельности Еврорегионов. Со временем АЕПР превратилась в неправительственную организацию, включающую в себя представителей местных органов власти, членов Европейского Парламента и законодательных органов европейских государств, а также представителей самих Еврорегионов. Такой состав позволял осуществлять взаимодействие с Европейской Комиссией и Советом Европы. С 1980-х годов начала складываться идея построения «Европы регионов» [2].

Межрегиональное взаимодействие стран ЕС осуществляется через форматы приграничного сотрудничества регионов государств – участников ЕС. Нужно отметить деятельность такой организации, как Европейская группа территориального сотрудничества (EGTC), деятельность которой направлена на содействие межрегиональному и транснациональному сотрудничеству. В число членов Европейской группы территориального содействия входят не только государства, но и региональные органы власти, различные ассоциации [3].

Важное значение в развитии процессов межрегионального взаимодействия в ЕС имеет Европейский фонд регионального развития, созданный в 1975 году, ставшего основой для осуществления европейской региональной политики. Изначально Фонд создавался как инструмент перераспределения финансовых ресурсов от более развитых регионов Европы к менее развитым, а начиная с 1980-х годов, Фонд становится важным инструментом развития собственного потенциала отстающих регионов на основе активного внедрения инноваций, развития малого и среднего предпринимательства, подготовки кадров, развития альтернативной энергетики и внедрения новых технологий и методов ведения сельского хозяйства [3]. Основное внимание сместилось с реализации крупных национальных проектов и долгосрочной поддержки проблемных регионов на реализацию инициатив по стратегическому развитию, предполагавших большую гибкость и лучшую контролируемость.

В первой половине 90-х годов начала действовать одна из самых крупных и значительных программ Европейского союза – Трансевропейское сотрудничество для сбалансированного развития (Trans-European Cooperation For Balanced Development, Interreg), которая представляет собой комплекс программ финансовой поддержки регионов в ЕС, направленных на содействие трансграничному, транснациональному и межрегиональному сотрудничеству в Европе. В отношении к пространственному развитию Интеррег является ведущей программной оболочкой большинства проектов пространственного развития европейских территорий. Интеррег служит одним из главных инструментов и механизмов поддержки транснациональных проектов регионального планирования, стимулирующих межрегиональное сотрудничество в ЕС. Общая цель инициатив Интеррег состоит в достижении того, чтобы национальные границы не были барьером для сбалансированного развития и интеграции европейской территории [4]. Интеррег финансируется за счет средств Европейского фонда регионального развития.

Европейское территориальное сотрудничество (INTERREG) организовано по нескольким направлениям:

- Трансграничное (INTERREG A);
- Транснациональное (INTERREG B);
- Межрегиональное (INTERREG C);
- Сотрудничество с дальними регионами (INTERREG D).

Политика INTERREG на период 2021-2027 годы будет способствовать реализации основных приоритетов политики сплочения ЕС:

- более конкурентоспособная и умная Европа (PO1);

- более экологичный, низкоуглеродный переход к чистой экономике с нулевым выбросом углерода и устойчивой Европе (PO2);
- более связанная Европа (PO3);
- более социальная и инклюзивная Европа (PO4);
- Европа ближе к гражданам (PO5).

В 2021-2027 гг. у INTERREG есть две новые цели:

- специальная цель (ISO1): лучшее управление сотрудничеством (для повышения институционального потенциала органов государственного управления, устранения правовых и административных препятствий в приграничных районах, для продвижения устойчивой демократии, укрепления взаимного доверия между гражданами);

- специальная цель (ISO2): более безопасная и защищенная Европа (за действия в области управления пересечением границ, управления мобильностью и миграцией, включая защиту и экономическую и социальную интеграцию граждан третьих стран; поддержка мер в области занятости и рынка труда, таких как улучшение доступа к занятости, поощрение обучения на протяжении всей жизни, содействие гендерному балансу и поощрение равных возможностей).

Трансграничное сотрудничество INTERREG A предусматривает программы с бюджетом в 6,5 млрд евро, реализуемые в пределах ЕС и на внешних границах ЕС:

- 49 программ в ЕС, чтобы предотвратить некоторые пограничные препятствия в возможностях между государствами – членами ЕС;

- 10 программ INTERREG IPA, действующих на границе ЕС со странами IPA. В основном они вносят свой вклад в политику расширения ЕС;

- 14 программ INTERREG NEXT, реализуемых на границах с соседними странами ЕС, включая Россию.

Транснациональное сотрудничество INTERREG B предусматривает следующие программы:

- 14 транснациональных программ сотрудничества будут продолжать поддерживать сотрудничество в более широком масштабе в Европе и за ее пределами;

- 4 транснациональные программы, а именно INTERREG Регион Балтийского моря, INTERREG Дунайский регион, INTERREG IPA Adriatic и INTERREG Альпийская космическая программа, будут напрямую поддерживать макрорегиональные стратегии, охватывающие их географические области. 80 % их тематической концентрации должны быть согласованы с макрорегиональной стратегией;

- транснациональные программы, связанные со Стратегиями морского бассейна, такие как INTERREG Атлантический регион и INTERREG Черноморский бассейн, также применяют тематическую концентрацию.

Межрегиональное сотрудничество будет продолжено четырьмя программами ассигнования, на которые выделено более 550 млн евро:

- INTERREG EUROPE – программа по капитализации деятельности по политике сплочения;

- INTERACT – программа по технической поддержке всех программ INTERREG;

- URBACT – программа по комплексному городскому развитию;

- ESPON – программа по пространственному планированию [5].

Эти программы охватывают все 27 стран – членов ЕС. Норвегия и Швейцария продолжат участие в программах, как и в 2014-2022 гг., за счет собственных средств. Программа URBACT будет охватывать 5 стран – бенефициаров IPA (Сербия, Черногория, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Албания). Программа ESPON, помимо Норвегии и Швейцарии, будет включать Лихтенштейн и Исландию [6].

Направление INTERREG D касается 4 географических областей, сумма финансирования составляет более 280 млн евро:

- Амазония, Карибский бассейн;

- Средняя Атлантика/Гвинейский залив;

- Индийский океан;
- Мозамбикский канал.

Программа сотрудничества INTERREG EUROPE представляет собой программу изучения политики для европейских органов государственной власти, способствующую обмену опытом и передаче передовой практики между субъектами на всех уровнях в Европе. Поощряя обмен знаниями, повышается эффективность политики сплочения.

INTERACT – европейская программа, созданная специально для поддержки программ европейского территориального сотрудничества (ЕТС). Команда INTERACT предлагает обучение, инструменты и поощряет создание сетей внутри сообщества территориального сотрудничества и за его пределами. Снижение административной нагрузки как для программных органов, так и для бенефициаров INTERACT предоставляет консультационные услуги по практике INTERACT.

Программа сотрудничества ESPON проводит общеевропейское исследование, предоставляя научную информацию государственным органам и субъектам на всех уровнях посредством территориальных исследований и анализа. Главной целью ESPON является поддержка развития регионов в соответствии с Политикой сплочения ЕС, а также национальной политикой развития, обеспечивающая хорошее информирование городов и регионов по всей Европе.

URBACT обеспечивает сеть между местными и региональными органами, сталкивающимися с аналогичными городскими проблемами. Чтобы найти общие решения для устойчивого и комплексного городского развития в Европе, URBACT поддерживает города, обмениваясь информацией и выявляя передовой опыт.

Стимулирование межрегионального сотрудничества основывается в значительной степени на финансировании политики сплочения. Однако, выход крупного донора – Великобритании – из состава ЕС усложнил достижение консенсуса по порядку формирования доходной части бюджета в этой области.

Поддержка межрегионального сотрудничества в Европейском союзе осуществляется на трех уровнях. На первом уровне поддержку межрегиональному взаимодействию оказывают как местные и региональные органы власти, так и различные негосударственные организации, способствующие развитию экономических, гуманитарных, социокультурных и других видов связей между регионами. Ведущую роль в развитии межрегионального сотрудничества по-прежнему выполняют приграничные регионы. Учитывая то, что эти же регионы сталкиваются и с основными проблемами межрегионального взаимодействия, вырабатываемые ими механизмы решения этих проблем становятся лучшими практиками на уровне Европейского союза в целом.

Второй уровень включает в себя различные межрегиональные ассоциации: Ассоциация Европейских Приграничных Регионов (АЕПР), Конгресс местных и региональных властей Совета Европы, а также Ассамблеи европейских регионов (АЕР) и другие. Межрегиональные ассоциации активно взаимодействуют между собой, а также с национальными и наднациональными органами власти. Региональные объединения обладают существенными лоббистскими возможностями по продвижению интересов регионов и муниципалитетов на уровне Еврокомиссии и Европарламента [7].

Третий уровень поддержки межрегионального сотрудничества – это наднациональный уровень Еврокомиссии и Европарламента, а также Комитета регионов ЕС. Комитет регионов ЕС – это консультативный орган, обеспечивающий учет интересов регионов при выработке и реализации европейской политики, в том числе принятии законов. Комитет регионов осуществляет тесное взаимодействие с межрегиональными объединениями.

Проанализировав опыт Европейского союза в сфере развития межрегионального сотрудничества, можно сделать следующие выводы:

1. Важность инициативы снизу. Большинство эффективных проектов межрегионального взаимодействия в ЕС реализованы по инициативе региональных или местных органов власти или региональных ассоциаций.

2. Развитая институциональная инфраструктура. В ЕС за годы проводимой региональной политики, в том числе политики сплочения, сформировалась сложная институциональная инфраструктура межрегионального взаимодействия. При этом институты межрегионального взаимодействия активно сотрудничают между собой.

3. Наличие стратегии развития. Одной из ключевых характеристик межрегионального сотрудничества служит наличие стратегий развития как на уровне межрегиональных объединений, так и на уровне государств и Евросоюза в целом. Наличие стратегии позволяет расширить горизонт планирования, способствует развитию институциональной инфраструктуры, пространственного планирования, привлечению дополнительных финансовых ресурсов, укрепляет региональный уровень планирования.

4. Поддержка со стороны широких слоев населения и организаций. Существенную роль в развитии межрегионального сотрудничества играет информационное сопровождение – последовательное информирование общества о преимуществах межрегионального сотрудничества: формирование положительного имиджа соседних регионов, объяснение перспектив взаимодействия, выгод для предпринимателей, возможностей маятниковой миграции, транспортного обеспечения и др.

5. Внебюджетное финансирование. Европейский опыт показывает, что государственного финансирования оказывается недостаточно для динамичного развития межрегионального взаимодействия [3].

Литература

1. *Borders and Border Regions in Europe and North America* / P. Ganster, A. Sweedler, J. Scott, W. Dieter-Eberwein // San Diego State University Press and Institute for Regional Studies of the Californias San Diego, CA. – 1997. – 376 p.

2. Зонова, Т. В. От Европы государств к Европе регионов / Т. В. Зонова // *Полис*. – 1999. – № 5. – С. 155–164.

3. Виолин, С. И. Развитие межрегионального взаимодействия в Европейском Союзе / С. И. Виолин // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. ISSN 1999-2645. – № 2 (70). – Режим доступа: <https://eee-region.ru/7011/>. – Дата доступа: 27.07.2022.

4. Бородина, Т. Л. Еврорегионы как инструмент региональной политики: сравнение опыта ЕС и стран СНГ / Т. Л. Бородина // *Приграничные территории: методологические подходы и опыт исследования: сб. науч. ст.* – Киев, 2010. – С. 27-34.

5. About Interreg. EU. 2022 [Electronic resource]: – Mode of access: <https://interreg.eu/about-interreg/>. – Date of access: 15.06.2022.

6. Сайт Европейского союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/cooperation/european-territorial/. – Дата доступа: 27.07.2022.

7. Бусыгина, И. М. Европейские организации межрегионального сотрудничества. Лоббирование интересов через институты ЕС / И. М. Бусыгина, Е. Л. Верещагина // *Вестник МГИМО-Университета*, 2010. – № 2. – С. 1–12.

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ БЕЛАРУСИ В ОБЛАСТИ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
LEGAL ASPECTS OF THE POLICY OF BELARUS IN THE FIELD
OF WAR SECURITY THE REPUBLIC OF BELARUS IN MODERN CONDITIONS**

Гавриленко Виктор Григорьевич,
старший научный сотрудник сектора международной конкурентоспособности
и развития регионов
центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
pravo-v@tut.by
Gavrilenko Viktor,
Senior Researcher of the International Competitiveness and Regional Development Sector
of the World Economy Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
pravo-v@tut.by

Аннотация. В статье анализируются вопросы осуществления политики Беларуси в области обеспечения военной безопасности Республики Беларусь в современных условиях на основе действующего белорусского законодательства, рассматриваются вопросы стратегии сдерживания, современные угрозы военной безопасности, военной доктрины Республики Беларусь как основы политики в обеспечении военной безопасности, исследованы аспекты внешней и внутренней военной опасности в современных условиях, представлена основа военной организации в Республике Беларусь.

Ключевые слова: политика в области обеспечения военной безопасности, стратегия сдерживания, угрозы военной безопасности, военная доктрина, военная организация.

Abstract. The article analyzes the issues of the implementation of the policy of Belarus in the field of ensuring military security of the Republic of Belarus in modern conditions on the basis of the current Belarusian legislation, examines the issues of deterrence strategy, modern threats to military security, military doctrine of the Republic of Belarus as the basis of the policy in ensuring military security, examines the aspects of external and internal military danger in modern conditions, presents the basis of military organization in the Republic of Belarus.

Keywords: military security policy, deterrence strategy, threats to military security, military doctrine, military organization, military-economic security

Под военной безопасностью понимается такое состояние, при котором государство защищено силой своих средств от агрессии других стран.

Военная безопасность является одной из ключевых составляющих стратегии национальной безопасности, что предусматривает предотвращение глобальных и региональных войн и конфликтов, а также осуществление стратегического сдерживания в интересах обеспечения мира и безопасности. В этой связи предусматривается разработка и реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора.

Политика государства в области военной безопасности предусматривает разработку программы *стратегического сдерживания*, которая осуществляется с использованием экономических возможностей государства путем развития системы военно-патриотического воспитания граждан, а также военной инфраструктуры и системы управления военной

организацией государства. Республика Беларусь обеспечивает национальную оборону, исходя из принципов рациональной достаточности и эффективности, в том числе за счет методов и средств невоенного реагирования, механизмов публичной дипломатии и миротворчества и международного военного сотрудничества.

Военная безопасность обеспечивается путем развития и совершенствования военной организации государства и оборонного потенциала, а также выделения на эти цели достаточного объема финансовых, материальных и иных ресурсов. Достижение стратегических целей национальной обороны осуществляется путем развития системы обеспечения национальной безопасности, проведения перспективной военно-технической политики и развития военной инфраструктуры, а также за счет совершенствования системы управления военной организацией государства и реализации комплекса мер по повышению престижа военной службы.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь государственная политика Республики Беларусь в области национальной обороны и военного строительства, в том числе в рамках Союзного государства, на долгосрочную перспективу нацелена на совершенствование Вооруженных Сил как Республики Беларусь, так и Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, призванных при любых условиях развития военно-политической обстановки обеспечить безопасность, суверенитет и территориальную целостность государства.

Разработка и осуществление политики Беларуси в области военной безопасности учитывает современные *угрозы военной безопасности*, к которым могут относиться действия некоторых стран, направленные на достижение преобладающего превосходства в военной сфере (прежде всего в стратегических ядерных силах, путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, стратегических вооружений в неядерном оснащении), формирование в одностороннем порядке глобальной системы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства, способных привести к новому витку гонки вооружений, распространение ядерных, химических, биологических технологий, а также на производство оружия массового уничтожения либо его компонентов и средств доставки.

Негативное воздействие на состояние военной безопасности государства усугубляется отходом от международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, а также действиями, направленными на нарушение устойчивости систем государственного и военного управления, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, функционирования стратегических ядерных сил, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов.

Военная безопасность Республики Беларусь основывается на положениях, установленных Военной доктриной Республики Беларусь, правовую основу которой составляют Конституция Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, иные акты законодательства, а также общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Республики Беларусь.

Военная доктрина Республики Беларусь утверждена ***Законом Республики Беларусь 20 июля 2016 г. № 412-З «Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь»***¹.

Военная доктрина Республики Беларусь (далее – Военная доктрина) – система официально принятых в Республике Беларусь взглядов на обеспечение ее военной безопасности.

¹ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26.07.2016, 2/2410) Номер документа № 412-З. Регистрационный номер Национального реестра 2/2410. Дата включения в Национальный реестр 22 июля 2016 г. Дата ввода в действие 27 июля 2016 г.

Военная доктрина определяет военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические основы военной безопасности Республики Беларусь (далее, если не определено иное, – военная безопасность) на современном этапе, в том числе отношение Республики Беларусь к военным конфликтам и их предотвращению, меры по обеспечению военной безопасности, основные направления военного строительства, порядок применения военной силы для вооруженной защиты Республики Беларусь.

Положения Военной доктрины базируются на результатах оценки военно-политической обстановки в мире, в том числе Европейском регионе, прогноза ее развития на среднесрочную перспективу, научных исследований в области вооруженной защиты Республики Беларусь, а также на имеющемся опыте военного строительства и обеспечения военной безопасности. Они конкретизируются в плане обороны Республики Беларусь и других документах стратегического планирования обороны.

Правовые аспекты политики Беларуси в области обеспечения военной безопасности изложены в основах военно-политической безопасности, которая определяет современное состояние военно-политической обстановки вокруг Республики Беларусь, характеризующаяся постоянным возрастанием интенсивности и динамичности происходящих процессов. Обострилась борьба государств (коалиций государств) за лидирующие позиции в мире, контроль над рынками и управление движением сырьевых ресурсов.

Стремление геополитических центров силы к расширению зон своего стратегического влияния привело к ущемлению и блокированию интересов других государств, провоцированию напряженности и способствовало усилению межгосударственных противоречий.

Выстраивание и развитие архитектуры многополярного мироустройства наряду с активизацией интеграционных процессов и становлением новых геополитических центров силы сопровождаются усилением национального, этнического и религиозного экстремизма, сепаратизма, ведущих к появлению негосударственных субъектов, включая террористические и экстремистские организации, создающих и применяющих вооруженные формирования.

Попытки отдельных государств (коалиций государств) обеспечить свое лидерство без учета интересов всех субъектов международных отношений ведут к нелегитимному присвоению этими государствами (коалициями государств) прав и функций международных организаций по вопросам международного мира и безопасности с применением военных средств.

Применение военной силы в обход действующих норм международного права дестабилизирует международную обстановку. При этом использование дипломатических методов урегулирования конфликтов, соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права не становятся доминирующими правилами в решении проблем поддержания международного мира и безопасности.

Развитие военно-политической обстановки, обусловленное стремлением государств (коалиций государств), а также негосударственных субъектов, включая террористические и экстремистские организации, получить экономические и ресурсные преимущества для продвижения своих интересов, характеризуется тенденцией к провоцированию внутригосударственных противоречий. Этому способствует разработка отдельными государствами (коалициями государств), а также негосударственными субъектами, включая террористические и экстремистские организации, концепций и механизмов смены с использованием военной силы действующей государственной власти в других государствах или нарушения их территориальной целостности.

Вследствие предпринимаемых попыток вмешательства во внутренние дела отдельных государств, в том числе европейских, спровоцированы внутренние вооруженные конфликты с масштабным комплексным применением военной силы как в традиционных формах и традиционными способами, так и с использованием диверсионных (партизанских) и террористических методов ведения боевых действий.

Эти конфликты оказывают существенное негативное влияние на глобальную и региональную безопасность.

Научно-технический прогресс определяет основные тенденции развития военно-политической обстановки. Разработка новых видов вооружения, в том числе космического и гиперзвукового, управляемого дистанционно и роботизированного, предоставляет недоступные ранее возможности по комплексному оперативному задействованию военной силы в условиях глобальной досягаемости.

Технологическое преимущество экономически развитых государств в вопросах создания новых видов вооружения является катализатором деятельности отдельных стран по созданию «оружия адекватного ответа», ведет к возрастанию возможности распространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения (далее – ОМУ), его компонентов и технологий производства не только среди государств, но и среди негосударственных субъектов международных отношений.

Использование информационно-коммуникационных и информационно-психологических методов и технологий в агрессивных целях приобретает угрожающие масштабы.

В Военной доктрине определены основные военные опасности. Обращено внимание на то, что тенденции развития военно-политической обстановки в своей совокупности расширяют спектр источников военных угроз Республике Беларусь.

Объективно существующие источники военных угроз в рамках современной военно-политической обстановки в Европейском регионе обуславливают наличие военной опасности на уровне рисков и вызовов военной безопасности.

В политике Республики Беларусь важное значение имеют внешние военные опасности на уровне рисков и вызовов. Так, считается, что основными внешними военными опасностями на уровне рисков и вызовов Республике Беларусь являются:

1. стремление отдельных государств (коалиций государств) решать имеющиеся противоречия с применением военной силы;

2. распространение оружия массового уничтожения, его компонентов и технологий производства, особенно размещение их на территориях государств, сопредельных с Республикой Беларусь;

3. расширение (создание) в Европейском регионе военно-политических союзов, в которые не входит Республика Беларусь, либо присвоение ими глобальных функций;

4. усиление ударно-наступательных возможностей государств (коалиций государств), в том числе по одностороннему созданию стратегических систем противоракетной обороны, высокоточного оружия в неядерном снаряжении для нанесения ударов по войскам (силам) и инфраструктуре Республики Беларусь в условиях глобальной досягаемости, ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, а также наращивание на территориях государств, сопредельных с Республикой Беларусь, их военной инфраструктуры;

5. снижение потенциала и возможностей военно-политических союзов с участием Республики Беларусь по обеспечению коллективной безопасности;

6. возникновение очагов вооруженных конфликтов и их эскалация с задействованием возможностей сил специальных операций, частных военных компаний и незаконных вооруженных формирований на территориях государств, сопредельных с Республикой Беларусь, вследствие отработки механизмов неконституционного способа смены действующей государственной власти;

7. сокращение сроков готовности к применению воинских формирований (в том числе коалиционных), находящихся на территориях государств, сопредельных с Республикой Беларусь, позволяющее государствам (коалициям государств) в короткие сроки создавать ударные группировки войск (сил) для действий против Республики Беларусь;

8. наращивание вблизи Государственной границы Республики Беларусь масштабов осуществляемых без предварительного уведомления Республики Беларусь мероприятий по оперативной и боевой подготовке вооруженных сил других государств (коалиций государств), имеющих наступательный характер, с отработкой вопросов планирования и ведения крупномасштабных военных операций в Европейском регионе;

9. создание и функционирование в государствах (коалициях государств) специальных военизированных формирований для ведения действий в информационном пространстве по оказанию деструктивного информационного воздействия на население, органы государственного и военного управления, инфраструктуру Республики Беларусь;

10. деятельность государств (коалиций государств), а также негосударственных субъектов, включая террористические и экстремистские организации, по подготовке незаконных вооруженных формирований для дестабилизации обстановки в Республике Беларусь;

11. дискриминация прав и законных интересов граждан Республики Беларусь в других государствах;

12. введение другими государствами (коалициями государств) политических и экономических санкций, эмбарго на поставку в Республику Беларусь образцов (систем) вооружения, военной и специальной техники и их комплектующих в целях оказания давления на оборонный сектор экономики.

При определенных условиях нагнетание негативных тенденций в военно-политической обстановке может привести к нарастанию военной опасности до уровня военной угрозы Республике Беларусь, при этом военными угрозами Республике Беларусь являются:

1. концентрация вооруженных сил другого государства (коалиции государств) вдоль Государственной границы Республики Беларусь, указывающая на реальное намерение применить военную силу против независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь;

2. возникновение очагов вооруженных конфликтов, направленных против независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь;

3. проведение в другом государстве (коалиции государств) мобилизации в целях нападения (акта вооруженной агрессии) на Республику Беларусь (далее – нападение);

4. объявление войны Республике Беларусь со стороны другого государства (других государств);

5. иная деятельность, включая заявления и демонстрацию силы, другого государства (коалиции государств), а также негосударственных субъектов, включая террористические и экстремистские организации, расположенных на территории другого государства (других государств), осуществляемая в нарушение Устава Организации Объединенных Наций и указывающая на подготовку к нападению или развязывание внутреннего вооруженного конфликта.

Исходя из вышеизложенного, были выработаны и утверждены в Военной концепции Республики Беларусь основные принципы военной политики Республики Беларусь. Так, указано, что Военная доктрина носит сугубо оборонительный характер, при этом Республика Беларусь исходит из того, что ни одно из государств не является для нее противником.

Республика Беларусь осуждает любой военный конфликт как средство реализации политики и придерживается принципа мирного урегулирования споров.

В то же время Республика Беларусь будет отстаивать свои национальные интересы с использованием всех имеющихся средств, в том числе посредством применения военной силы, и оставляет за собой право принятия комплекса превентивных мер стратегического сдерживания в целях недопущения нападения или нейтрализации внутреннего вооруженного конфликта.

Применение военной силы рассматривается как крайняя мера после исчерпания всех возможностей принятия политико-дипломатических, правовых, экономических, информационных, идеологических и других мер по обеспечению военной безопасности. В то же время Республика Беларусь оставляет за собой право в случае нападения обратиться за помощью, в том числе военной, к государствам – членам Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) и другим государствам в соответствии с международными договорами Республики Беларусь.

Республика Беларусь будет считать своим противником государство (коалицию государств), а также любой негосударственный субъект, включая террористические и экстремистские организации, деятельность которых представляет военную угрозу Республике Беларусь, ведет к вмешательству во внутренние дела, посягательству на независимость, территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй Республики Беларусь.

Целями военной политики являются:

1. защита независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь;
2. обеспечение военной безопасности;
3. укрепление глобальной и региональной безопасности, внутривнутриполитической стабильности в государстве в целях предотвращения военных конфликтов;
4. развитие военной организации государства, поддержание ее готовности к вооруженной защите Республики Беларусь в любых условиях обстановки, совершенствование форм и способов применения военной организации государства.

Республика Беларусь во взаимоотношениях с другими государствами исходит из принципов суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела, других общепризнанных принципов и норм международного права. Реализуя самостоятельную военную политику в соответствии со своими национальными интересами, Республика Беларусь:

1. проводит миролюбивый внешнеполитический курс и выступает за решение всех межгосударственных споров исключительно посредством переговоров и использования иных методов их мирного урегулирования;
2. соблюдает нерушимость границ и территориальную целостность, не выдвигает никаких территориальных претензий к другим государствам и не признает таких претензий со стороны других государств;
3. уважает политическую независимость и государственный суверенитет других государств, признает их право решать вопросы обеспечения национальной безопасности в соответствии с их интересами без нанесения ущерба безопасности других государств;
4. соблюдает установленные уровни вооружения и численности военнослужащих Вооруженных Сил, содействует осуществлению контроля за военной деятельностью в Европейском регионе в рамках международных обязательств Республики Беларусь;
5. исключает одностороннее сокращение военного потенциала, допуская его только с учетом объективной политической и экономической целесообразности для обеспечения необходимого уровня своей обороноспособности.

Осуществление политики Беларуси в области обеспечения военной безопасности, на основании норм, установленных Военной доктриной, предусматривает создание военной организации и основ ее применения в Республике Беларусь. В ней указано, что достижение Республикой Беларусь цели в военных конфликтах в случае их развязывания, а также реализация мер по обеспечению военной безопасности в мирное время, включая период нарастания военной угрозы, обеспечиваются эффективно функционирующей военной организацией государства, составляющей основу его оборонного потенциала.

Военная организация государства предназначена:

в мирное время, в том числе в период нарастания военной угрозы, – для решения задач обеспечения военной безопасности, минимизации рисков и вызовов военной безопасности, предотвращения военной угрозы, недопущения дестабилизации обстановки или разрешения внутреннего вооруженного конфликта в Республике Беларусь;

в военное время – для обеспечения вооруженной защиты Республики Беларусь и достижения цели, определенной пунктом 34 Военной доктрины.

Литература

1. Гавриленко, В. Г. Национальная безопасность и суверенитет Беларуси: экономика-правовой энциклопедический словарь: в 3 т. / В. Г. Гавриленко; под науч. ред. В. Ф. Медведе-

ва, Н. И. Ядевич. – Мн.: Право и экономика, 2017. – 2380 с.

2. Правовые основы и механизмы обеспечения национальной безопасности и суверенитета Республики Беларусь / В. Г. Гавриленко; под науч. ред. П. Г. Никитенко. – Минск : Право и экономика, 2019. – 1104 с.

3. Гавриленко, В. Г. Юридический словарь / В. Г. Гавриленко; под науч. ред. Н. И. Ядевич. – Минск : Право и экономика, 2013. – 951 с.

4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 / Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2010 г., № 276, 1/12080.

5. Закон Республики Беларусь 20 июля 2016 г. № 412-З «Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26.07.2016, 2/2410) Номер документа № 412-З. Регистрационный номер Национального реестра 2/2410. Дата включения в Национальный реестр 22 июля 2016 г. Дата ввода в действие 27 июля 2016 г.

УДК 339.97

**К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
В РАМКАХ ЕАЭС
ON THE ISSUE OF THE STRATEGIC PLANNING SYSTEM WITHIN THE EAEU**

Гончарик Наталья Викторовна,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский экономический институт,
Министерство экономики Республики Беларусь
Goncharik Natalia,
Senior Researcher,
The Economy Research Institute of the Ministry of Economy
natagoncharik@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы системы стратегического планирования, основные законодательные акты в данной сфере в странах–участницах ЕАЭС, а также в ЕАЭС в целом. Раскрыто формирование системы стратегического планирования в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Выработаны проблемы формирования системы стратегического планирования в рамках ЕАЭС, которые необходимо решить.

Ключевые слова: стратегическое планирование, Евразийский экономический союз (ЕАЭС, Союз), страны-участницы, нормативно-правовая база.

Abstract. The article analyzes the systems of strategic planning, the main legislative acts in this area in the countries participating in the EAEU, as well as in the EAEU as a whole. The formation of a strategic planning system in the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025 is disclosed. The problems of forming a strategic planning system within the framework of the EAEU, which need to be solved, have been developed.

Keywords: strategic planning, the Eurasian Economic Union (EAEU, Union), member countries, regulatory framework.

Практически во всех странах – участницах ЕАЭС в настоящее время сформированы и действуют свои системы стратегического планирования и принята нормативно-правовая база по ее функционированию (таблица 1).

В государствах – членах ЕАЭС имеются различия в подходах к осуществлению стратегического планирования:

по периодам стратегического планирования: свыше 5 лет – в Казахстане, более 6 лет – в России, 10 лет – в Кыргызстане, 10 лет и 15 лет – в Беларуси;

по названию документов стратегического планирования. К примеру, в Беларуси основным стратегическим документом является национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития, в России – стратегия социально-экономического развития, в Казахстане – стратегия развития, в Кыргызстане – прогноз социально-экономического развития.

Практически во всех государствах-членах ЕАЭС вопросы стратегического планирования закреплены в основных законодательных актах, в которых определяются правовые основы стратегического планирования с учетом особенностей развития государства.

В Республике Армения, по мнению аналитиков, разрабатываемые государственными структурами документы стратегического характера не представляют целостной системы. В принимаемых документах многие из указанных целей и задач довольно слабо коррелируют между собой. Кроме того, ряд таких документов не корректируется и постепенно перестает соответствовать тем приоритетам и решениям, которые обсуждаются в реальности. Стратегия национальной безопасности Республики Армения 2020 г. хотя и принимается в качестве руководящего документа для определения основных направлений, приоритетов, вызовов и угроз политики безопасности, не является законодательным актом, который закрепляет основы стратегического планирования. Разработка отдельных документов отраслевого и территориального характера, безусловно, играет серьезную роль, но не дает должного эффекта в отсутствии единой стратегии развития страны и координации прочими концепциями, стратегиями, планами.

Таблица 1 – Анализ основных законодательных актов стратегического планирования в государствах – членах ЕАЭС

Название документа	Краткое содержание
Стратегия национальной безопасности Республики Армения 2020 г.	принимается в качестве руководящего документа для определения основных направлений, приоритетов, вызовов и угроз политики безопасности; определяет ориентиры для обеспечения поступательного и безопасного развития и благосостояния Армении и ее граждан; определяет национальные интересы Армении и стратегические направления их эффективной защиты
Закон Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь», № 157-З, 05.05.1998	регулирует отношения, которые возникают между участниками в процессе целеполагания, планирования, программирования и прогнозирования социально-экономического развития Республики Беларусь система государственных прогнозов социально-экономического развития Республики Беларусь включает: на долгосрочную перспективу – национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития на 15 лет и основные направления социально-экономического ее развития на 10 лет; на среднесрочную перспективу – программу социально-экономического развития страны на пять лет; на краткосрочный период – годовой прогноз социально-экономического ее развития
Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Системы государственного планирования в Республике Казахстан», № 790, 29.11.2017	определены принципы системы государственного планирования; установлены особенности процессов системы государственного планирования, среди которых выделены разработка, реализация, мониторинг, а также корректировка ее документов закреплена иерархическая значимость документов системы государственного планирования: Стратегия развития Казахстана до 2050 года; Общенациональные приоритеты; Национальный план развития Республики Казахстан, Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан; План территориального развития страны; Концепция развития отрасли/сферы, национальные проекты; Планы развития государственных органов, планы развития области, города республиканского значения, столицы, планы развития национальных управляющих холдингов, национальных холдингов и национальных компаний

Название документа	Краткое содержание
Закон Кыргызской Республики «О государственном прогнозировании социально-экономического развития Кыргызской Республики» № 61, 20.02.2009	определяет цели и содержание системы государственных программ и прогнозов социально-экономического развития Кыргызской Республики; регламентирует общий порядок разработки указанных прогнозов и программ; определена система государственного прогнозирования в Кыргызской Республике, состоящая из принципов, документов, процессов и участников государственного прогнозирования, обеспечивающая развитие страны на долгосрочный (на 10 лет и более), среднесрочный (от 3 лет до 5 лет) и краткосрочный (до 1 года) периоды
Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», № 172-ФЗ, 28.06.2014	устанавливает правовые основы стратегического планирования, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования; регулирует отношения, возникающие между участниками стратегического планирования в процессе целеполагания, планирования, программирования и прогнозирования социально-экономического развития Российской Федерации

Проведенный анализ основных документов стратегического планирования социально-экономического развития ЕАЭС (таблица 2) показывает, что деятельность Союза строится на основе долгосрочного планирования, при этом нарабатывается опыт по разработке и практической реализации долгосрочных документов. Таким образом, одной из основ дальнейшего социально-экономического развития ЕАЭС становится стратегическое планирование, которое следует использовать в качестве дополнительного инструмента для достижения целей социально-экономического развития каждого государства-члена и ЕАЭС в целом. Стоит отметить, что основные направления развития Евразийского экономического союза разрабатываются в тесном сотрудничестве с научным сообществом и только после проведения непосредственного анализа долгосрочных планов экономического развития государств-членов, а также глобальных мировых трендов и вызовов, стратегий развития интеграционных объединений, оценки интеграционных эффектов для государств-членов ЕАЭС.

Таблица 2 – Анализ основных документов стратегического планирования социально-экономического развития ЕАЭС

Название документа	Краткое содержание
Договор о Евразийском экономическом союзе от 24.05.2014 [1]	определены требования к согласованию и координации ключевых политик государств-членов; отображены возможности интеграции до 2025 г.; утверждены даты завершения формирования единых рынков, представляющие собой контрольные точки интеграционного процесса
Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года [2]	определены риски и вызовы экономического развития государств-членов и ЕАЭС в целом; закреплены основные направления обеспечения макроэкономической устойчивости ЕАЭС; раскрыты механизмы и инструменты обеспечения реализации основных направлений деятельности Евразийской экономической комиссии; определены возможные сценарии экономического развития ЕАЭС
Долгосрочный прогноз экономического развития ЕАЭС до 2030 года [3]	содержит оценку потенциального роста экономик государств-членов ЕАЭС; определяет возможности для ускорения такого роста в будущем; дает представление об эффектах от взаимного экономического влияния и результативности интеграционного сотрудничества

Название документа	Краткое содержание
Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС [4]	выработаны инструменты реализации каждого ключевого направления выработаны инструменты их реализации; обеспечивает максимальную эффективность единого рынка ЕАЭС и реализацию его возможностей для бизнеса и потребителей; формирует «территории инноваций» и стимулирует научно-технические прорывы; раскрывает потенциал интеграции для людей путем повышения их благосостояния и качества жизни; выстраивает новые форматы взаимодействия
Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [5]	охватываются все экономические сферы, заложенные в Договоре о ЕАЭС, в каждой из них предполагается дальнейшее развитие с учетом сложившейся правоприменительной практики, а также новых тенденций; пошагово раскрываются положения Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС, конкретизируется работа по целому ряду направлений; заложены механизмы завершения формирования общих рынков без барьеров, ограничений; сформулированы подходы по развитию новых направлений совместной инвестиционной, инновационной деятельности, ориентиры для создания совместного производства высококонкурентной продукции с учетом мировых тенденций на инновационных подходах кооперации, цифровизации

Основополагающим документом формирования системы стратегического планирования в ЕАЭС в настоящее время являются Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (Стратегические направления, Стратегия-2025). Документ разработан в целях реализации Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

В Стратегических направлениях охватываются все экономические сферы, которые были заложены в Договоре о ЕАЭС, в каждой из этих сфер предполагается дальнейшее развитие с учетом сложившейся правоприменительной практики, а также новых тенденций. В документе пошагово раскрываются положения Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС, конкретизируется работа по целому ряду направлений. Также заложены механизмы завершения формирования общих рынков без барьеров, ограничений, сформулированы подходы по развитию новых направлений совместной инвестиционной, инновационной деятельности, ориентиры для создания совместного производства высококонкурентной продукции с учетом мировых тенденций на инновационных подходах кооперации, цифровизации. Эти меры призваны также увеличить долю ЕАЭС в мировой торговле.

По оценкам Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), реализация Стратегии-2025 предусматривает разработку и подписание 13 международных договоров, более 60 нормативных правовых актов ЕАЭС, внесение около 25 изменений и дополнений в Договор о Союзе, а также изменений в национальные законодательства государств-членов ЕАЭС.

В Стратегических направлениях по направлению «Выработка гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию» в перечне мер и механизмов его реализации имеется отдельный раздел «Формирование системы стратегического планирования в рамках Договора». Среди документов, которые будут разрабатываться в предстоящем периоде, определены основные направления экономического развития государств-членов до 2035 года и отчеты о ходе их реализации; долгосрочный прогноз научно-технического развития ЕАЭС, а также приоритеты и целевые программы научно-технического развития; прогноз пространственного развития ЕАЭС; стратегическая программа научно-технического развития ЕАЭС на долгосрочный период, имеющая «рамочный» характер; основные направления промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС на очередной период и др. Будут разработаны рекомендации по совершенствованию методологии прогнозирования развития экономики, а также проведена всесторонняя оценка целесообразности формирования общей стратегии развития промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры в Союзе.

Включение данного раздела в Стратегические направления показывает, с одной стороны, изменение отношения к решению данных процессов и принятие их в качестве инстру-

мента для дальнейшего развития Союза и, с другой стороны – начало формирования системы стратегического планирования в ЕАЭС, т.к. в ранее принятых в Союзе документах формирование системы стратегического планирования не рассматривается.

Во исполнение данного документа Совет ЕЭК разработал и утвердил План мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, в котором определены конкретные мероприятия и даты по выполнению каждого направления. Из включенных в Стратегические направления 330 механизмов и мер ЕЭК планируют реализовать большинство до 2023 года.

В Стратегических направлениях отсутствует необходимость принятия документа, формирующего систему стратегического планирования и методологии разработки стратегических документов. Это может привести к нарушениям последовательности разработки отдельных документов стратегического планирования.

В комплексе различных документов стратегического планирования не выработан главный – Стратегия социально-экономического развития ЕАЭС. В Стратегических направлениях определяются основные направления экономического развития государств-членов до 2035 года.

Для «устойчивого опережающего развития экономики ЕАЭС нужна соответствующая смешанная стратегия развития, предусматривающая модернизацию экономики на основе нового технологического уклада» [6].

Стратегия-2025 заявляет полное устранение барьеров и максимальное сокращение изъятий и ограничений для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на внутреннем рынке Союза одним из постоянных стратегических направлений Союза, причем список препятствий уточняется для отдельных отраслей.

Вместе с тем, несколько снижает интеграционный потенциал Стратегических направлений использование таких формулировок, как, например, «проработка возможности», в частности, в контексте взаимного признания банковских гарантий при осуществлении государственных закупок. Представляется, что такого рода формулировки диспозитивного характера, не подлежат буквальному толкованию, следовательно, не могут влиять на сужение компетенции Союза и его органов по констатации неисполнения государствами-членами Договора и иных актов органов Союза.

Поскольку постоянным стратегическим направлением ЕАЭС заявлено полное устранение барьеров и максимальное сокращение изъятий и ограничений для четырех свобод, Союз вправе оперировать любым доступным ему правоприменительным инструментарием. В этом процессе ключевая роль принадлежит Суду ЕАЭС, который наделен полномочиями контроля за выполнением государствами-членами и Комиссией обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка ЕАЭС.

Стратегия-2025 важна не только с экономической, но и с политической, социальной точек зрения. Большое значение в документе уделено мерам консолидации граждан государств Союза и повышению благосостояния и качества жизни. С учетом текущих вызовов, в том числе в связи с пандемией, важное значение приобретают положения Стратегии по обеспечению доступности для граждан государств-членов ЕАЭС современных достижений в сфере здравоохранения, оказания бесплатной медицинской помощи трудящимся мигрантам, реализация совместных научных исследований, инновационных подходов, инициатив и кооперационных проектов в лечении, диагностике и профилактике инфекционных заболеваний. Предусмотрено развитие всестороннего диалога и многоформатного сотрудничества с Содружеством Независимых Государств (СНГ) и заинтересованными государствами – участниками СНГ с использованием потенциала института государства – наблюдателя при Союзе; иными ключевыми региональными экономическими объединениями и крупнейшими национальными экономиками Евразии как основы для формирования Большого евразийского партнерства.

В современных условиях ни одна страна мира не может эффективно развиваться, не взаимодействуя с другими государствами. В сложившейся ситуации, связанной с пандемией, замедлением роста мировой экономики, новыми дисбалансирующими вызовами, есть необходи-

мость действовать сообща, максимально реализуя все возможности интеграции. Уже имеющийся опыт функционирования ЕАЭС в условиях глобального экономического кризиса показал важность принятия совместных мер, а также расширения интеграционного взаимодействия. Однако развитие ЕАЭС сдерживается как внешними, так и внутренними факторами.

Таким образом, для построения системы стратегического планирования в ЕАЭС необходимо решить ряд существующих проблем, среди которых:

отсутствие главного документа стратегического планирования – Стратегия социально-экономического/устойчивого развития ЕАЭС;

отсутствие методологии разработки документов стратегического планирования, в т.ч. отсутствие принципа уточнения и беспорядочность в последовательности разработки отдельных документов стратегического планирования;

слабая взаимосвязь документов стратегического планирования;

различный период функционирования аналогичных документов;

наличие элементов формальной реализации документов стратегического планирования.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе 24.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ruru/0003610/itia_05062014. – Дата доступа: 14.09.2022.

2. Об основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015 г. № 28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ruru/0148763/scd_19102015_28. – Дата доступа: 14.09.2022.

3. Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org>. – Дата доступа: 15.09.2022.

4. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018. – Дата доступа: 07.09.2022.

5. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12. – Дата доступа: 07.09.2022.

6. Глазьев С. Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1. – С. 11–30.

**ИНТЕГРИРОВАННЫЕ УРБАНИЗИРОВАННЫЕ МЕГА-РЕГИОНЫ КИТАЯ:
ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЛАЖИВАНИЯ
ВЗАИМОВЫГОДНОГО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
С РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ**

**INTEGRATED URBANIZED MEGA-REGIONS OF CHINA: THE EXPERIENCE
OF FORMATION AND PROSPECTS FOR ESTABLISHING MUTUALLY BENEFICIAL
FOREIGN ECONOMIC COOPERATION WITH THE REPUBLIC OF BELARUS**

Коледа Олег Александрович,
старший научный сотрудник сектора международной конкурентоспособности и развития
регионов центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
kaljada@gmail.com
Koleda Oleg,
Senior Researcher of the International Competitiveness and Regional Development Sector
of the World Economy Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
kaljada@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена изучению процесса формирования интегрированных урбанизированных мега-регионов Китая, как глобальных центров мировой экономики. Агломерации Китая все больше срастаются в единые мега-регионы с множеством формальных и неформальных связей и взаимозависимостей. Мега-регионы Китая создают новый географический масштаб социального и экономического и экологического взаимодействия, охватывающий различные межрегиональные связи вне единых административных единиц и становятся одним из ключевых элементов государственной региональной экономической политики. В настоящий момент, в программных документах Китая выделяются 19 урбанизированных мега-регионов, которые находятся на разных уровнях развития пространственной сплоченности и региональной экономической интеграции, от начальной стадии до стадии зрелости. Усиливающиеся процессы глобализации способствует ускорению интеграции мега-регионов Китая в мировую экономику, что в свою очередь создает предпосылки для трансформации формы и характера их участия в международном разделении труда с учетом индивидуальных преимуществ их региональной специализации. Глобализация становится катализатором развития мега-регионов как самостоятельных акторов ВЭД. В статье рассмотрены перспективы налаживания взаимовыгодного внешнеэкономического сотрудничества отдельных мега-регионов Китая с Республикой Беларусь.

Ключевые слова: урбанизация, мега-регионы, региональное социально-экономическое развитие, внешнеэкономическое сотрудничество.

Abstract. This article is devoted to the study of the formation of integrated urbanized mega-regions of China as global centers of the world economy. China's agglomerations are increasingly merging into single mega-regions with many formal and informal ties and interdependencies. China's mega-regions are creating a new geographical scale of social, economic and environmental interaction, covering various interregional ties outside of single administrative units and becoming one of the key elements of the state regional economic policy. Currently, China's program documents identify 19 urbanized mega-regions that are at different levels of development of spatial cohesion and regional economic integration, from the initial stage to the stage of maturity. The increasing processes of globalization contribute to accelerating the integration of China's mega-regions into the world economy, which in turn creates prerequisites for the transformation of the form and nature of their participation in the international division of labor, taking into account the individual

advantages of their regional specialization. Globalization is becoming a catalyst for the development of mega-regions as independent actors of foreign economic activity. The article discusses the prospects for establishing mutually beneficial foreign economic cooperation between certain mega-regions of China and the Republic of Belarus.

Keywords: urbanization, mega-regions, regional socio-economic development, foreign economic cooperation.

В марте 2021 года в Пекине состоялось важнейшее для Китая ежегодное мероприятие – сессия Всекитайского собрания народных представителей, по результатам которого были не только определены плановые показатели развития Китая на 2021 год, но и одобрена «Программа четырнадцатого пятилетнего Плана социально-экономического развития Китайской Народной Республики и долгосрочных перспектив до 2035 года».

В различных официальных программных документах, стратегия «двойной циркуляции» определена как основополагающая парадигма развития Китая на среднесрочный период, что подразумевает смещение основного драйвера устойчивого роста Китая с глобальной интеграции к большей опоре на внутренний рынок. Реализация концепции «двойной циркуляции» направлена на развитие как внутреннего, так и зарубежных рынков, при этом они должны дополнять друг друга. Ожидается, что рост внутреннего производства, распределения и потребления станет ключевым фактором экономического роста Китая. Политика стимулирования НИОКР и использования технологических инноваций внутри страны и расширение внутренних цепочек поставок повысит роль Китая до ведущего экспортёра и импортера на глобальном рынке. Основной упор в реализации поставленных плановых задач предполагается делать на развитие внутреннего рынка и усиление экономической самостоятельности в условиях все более нестабильной внешней среды [1].

Повышение уровня жизни населения выступает условием формирования мощного внутреннего рынка, который будет способен обеспечить качественной продукцией и технологиями. Такого рода тенденция требует нового подхода с экономической точки зрения. В этих условиях необходима новая концепция, которая будет способна высвободить весь возможный потенциал из внутренних рынков и даст новый импульс транснациональному региональному сотрудничеству.

Китай становится крупнейшим рынком сбыта потребительских товаров в мире, на котором благодаря активному развитию электронной коммерции и реализации национальной стратегии «двойной циркуляции» происходит стремительное расширение внутреннего спроса, в том числе в сельских районах. Данный процесс сопровождается трансформацией общей концепции потребления.

В «Предложениях ЦК КПК по формулированию 14-го пятилетнего Плана национального экономического и социального развития и долгосрочного видения до 2035 года» отдельный раздел посвящен выстраиванию экономики «двойной циркуляции» и формированию сильного внутреннего рынка.

Эти же вопросы подробным образом рассматриваются и в утвержденной Всекитайским собранием народных представителей краткой версии пятилетнего плана. Главной задачей ставится экономическое развитие за счет стимулирования внутреннего спроса. Для выполнения этой задачи формулируются следующие цели:

– Выстраивание более эффективных связей между экономическими агентами внутри страны, в том числе связей добывающей и перерабатывающей отраслей, а также укрепление цепочек поставок;

– Максимальное использование внутренних сравнительных преимуществ для укрепления торговли с внешним миром, при условии поддержания выгодного Китаю торгового баланса;

– Усиление фундаментальной роли потребления, продвижение потребления высококачественных и экологически безопасных товаров и услуг, развитие новых технологий, способных снижать транзакционные издержки, в том числе с помощью повышения эффективности онлайн-торговли;

– Расширение инвестиционного пространства и реализация новых инфраструктурных проектов как с помощью привлечения иностранных инвестиций, так и с помощью внутренних государственных инвестиций.

Успех реализации стратегии «двойной циркуляции в Китае» зависит от стимулирования регионального развития, в котором важнейшее значение придется процессу урбанизации. По данным Национальной комиссии по развитию и реформам, уровень урбанизации в Китае в 2021 году достиг 64,72 %. Согласно 14-му пятилетнему плану, уровень урбанизации должен достигнуть – 65,0 % в период 2021–2025 гг. Планируется, что к 2025–2030 гг. городское население Китая составит 1 млрд человек. Содействие региональному скоординированному развитию является важной частью двухконтурной парадигмы развития. Существующая в Китае дифференцированная региональная политика и географические факторы привели к несбалансированному развитию в различных регионах, что представляет серьезную угрозу для устойчивости внутреннего рынка Китая.

Первоочередной задачей в области регионального развития, поставленной в программных документах 14-го пятилетнего плана, является расширение мегаполисов и урбанизированных мега-регионов. В китайской научной литературе, переведенной на английский язык, вместо термина «урбанизированный мега-регион» используется термин «кластер городов» («city cluster»). Представляется, что использование термина «урбанизированный мега-регион», вместо «кластер городов» более четко отражает глобальные современные тенденции развития процесса урбанизации.

Ожидается, что городские агломерации повысят спрос на новые транспортные сети, создадут более крупный рынок труда и будут стимулировать инновации за счет объединения большего числа компаний. В настоящее время в Китае насчитывается 93 города с населением более одного миллиона человек и планируется создание 19 урбанизированных мега-регионов, среди которых самыми крупными являются мега-регион дельты реки Янцзы (включающая Шанхай и соседние города), Гуандун-Гонконг-Макао, Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй и Чэнду-Чунцин (таблица 1).

Совокупный ВРП 19 крупнейших мега-регионов Китая составил в 2021 году – 80,57 % от общего объема ВВП страны. При этом ВВП трех самых больших урбанизированных мега-регионов континентального Китая составил в 2021 году – 41,93 % от общего объема ВВП страны, при этом в этих трех регионах проживало всего 16,2 %. Это свидетельствует о высокой производительности труда в самых крупных урбанизированных мега-регионах Китая. Концентрация производства и деловой активности в мега-регионах дают возможность развиваться уездным городам. Темпы роста экономики Китая замедляются, и для ее поддержания необходимо изменить баланс, отказавшись от опоры на рост, основанный на экспорте и инвестициях, и перейдя к росту, основанному на потреблении. Снижение излишней региональной конкуренции внутри мега-регионов будет способствовать экономии ресурсов.

Еще одним важным вопросом в повестке дня правительства является содействие урбанизации в уездных городах. Председатель КНР Си Цзиньпин утверждает, что Китаю следует ограничить размер своих крупных городов и сосредоточить свои усилия по урбанизации на более мелких, которые он считает «оплотам для повышения внутреннего спроса». Ключевым компонентом урбанизации нового типа является модернизация городов, чтобы сделать их более «умными», «зелеными» и более пригодными для жизни. Это включает в себя широкий спектр задач, таких как продвижение инициатив «новой инфраструктуры», оптимизация пространственной структуры городов, повышение устойчивости городов, уменьшение углеродного следа городов и обновление старых кварталов.

Таблица 1 – Китайский новый тип урбанизации. Интегрированные урбанизированные мега-регионы Китая. Основные характеристики

	Мега-регион	Основные агломерации мега-региона	Население, млн чел. (2021)	ВРП, трлн юаней (2021)
1.	Мега-регион в дельте реки Янцзы	Агломерация Шанхай, агломерация Нанкина, агломерация Ханчжоу, агломерация Хэфэй, агломерация Сучжоу-Уси-Чанчжоу, агломерация Нинбо	229,0	27,6
2.	Мега-регион Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао	Агломерация Гуанчжоу-Фошань-Чжаоцин, агломерация Шэньчжэнь-Дунгуань-Хуэйчжоу, агломерация Чжухай-Чжуншань-Цзянмэнь	78,0	10,58
3.	Мега-регион Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй	Агломерация Пекина агломерация Тяньцзиня Хэбэй: Новый район Сюнань, Таншань, Баодин, Шицзячжуан, Ланфан, Чжанцзякоу, Чэндэ, Цанчжоу, Циньхуандао, Синтай, Ханьдань, Хэншуй	117,0	9,63
4.	Мега-регион среднего течения реки Янцзы	Агломерация города Ухань, агломерация города Чанша, агломерация городов вокруг озера Поянху	130,0	1,77 – ВРП города Ухань 1,32 – ВРП города Чанша 0,6 – ВРП города Нанчань
5.	Мега-регион провинции Шаньдун	Агломерация города Цзинань, агломерация Циндао, экономический пояс полуострова Цзяодун.	101,5–(население провинции Шаньдун) 20,0 – (население полуострова Цзяодун) 9,2 – (население агломерации Цзинань)	8,3 – ВРП провинции Шаньдун 1,14 – ВРП города Цзинань 1,41 – ВРП города Циндао 0,87 – ВРП города Янтао
6.	Мега-регион Чэньюй	Агломерация Чунцина, агломерация Чэнду	100,0	7,4
7.	Харбин-Чанчуньский мега-регион	Агломерация Харбина, агломерация Чанчунь-Цзилинь	25,0	1,4
8.	Средне-южный мега-регион Ляонин	Агломерация Шэньян, агломерация Далянь	35,0	1,3
9.	Мега-регион Западного побережья Тайванского пролива	Агломерация Фучжоу, агломерация Сямынь, агломерация Чжанчжоу, агломерация Цюаньчжоу	44,0	2,2
10.	Мега-регион Чжэнчжоу «мега-регион центральных равнин»	Агломерация Чжэнчжоу, агломерации Кайфеня, агломерация Лояна	100,0 – (население провинции Хэнань) 12,6 – (население Чжэнчжоу)	5,88 – (ВРП провинции Хэнань) 1,26 – (ВРП Чжэнчжоу) 0,43 – (ВРП

	Мега-регион	Основные агломерации мега-региона	Население, млн чел. (2021)	ВРП, трлн юаней (2021)
			5,0 – (население Кайфеня)	Наньяна) 0,36 – ВРП Сюйчаня)
			7,0 –(население Лаоян)	0,25 – (ВРП Кайфеня) 0,54 –(ВРП Лояна)
11.	Мега-регион равнины Гуаньчжун	Агломерация Большого Сианя, агломерация Баоцзи	30,0	1,06 –(ВРП Сианя) 0,25 – (ВРП Баоцзи) 0,25 – (ВРП Сяньяна)
12.	Мега-регион Хух-Хото-Баотоу-Ордос-Юйлинь	Агломерация Хух-Хото агломерация Баотоу, агломерация Ордос агломерация Юйлинь	12,2	1,7
13.	Мега-регион Тайюань	Агломерация Тайюань, агломерация Синьчжоу, агломерация Цзиньчжун, агломерация Люйлян	14,0	1,03
14.	Мега-регион залива Бэйбу	Гуанси-Чжуанский автономный район: агломерации Наньнин-Циньчжоу- Бэйхай- Фанчэнган. Провинция Гуандун: агломерации Чжаньцзян-Маомин-Янцзян, Провинция Хайнань: агломерации Хайкоу, Чжаньцзян	44,0	2,2
15.	Мега-регион Ланьчжоу-Синин	Агломерация Ланьчжоу-Байинь, Агломерация Синин-Хайдун	14,0	0,6
16.	Мега-регион Цзюцюань (Ганьсу)	Агломерация Цзюцюань- Цзяюйгуань	1,5	0,1
17.	Центральный мега-регион провинции Гуйчжоу	Агломерация Гуйян	6,0	0,47
18.	Мега-регион Нинься	Агломерация Иньчуань, городской округ Учжун, городской округ Шицзуйшань, городской округ Чжунвэй	4,1	0,41
19.	Мега-регион Урумчи	Агломерация Урумчи; Чанцзи-Хуэйский автономный округ, городской округ Уцзяцуй.	5,0	0,57

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [2]

В последние годы были сделаны крупные инвестиции в инфраструктуру на национальном уровне, особенно в высокоскоростные железные дороги и автомагистрали, а также в развитие водных путей, передачу электроэнергии и инфраструктуру отвода воды с юга на север страны. Это способствовало укреплению межрегиональных связей между основными городами внутри и за пределами кластерных территорий со значительным экономическим эффектом.

С 2016 года для каждого из 19 мега-регионов, включенных в 13-й пятилетний План, были разработаны планы скоординированного социально-экономического развития на

уровне каждого мега-региона, а также детальные программы по координации управления пространственным развитием на национальном уровне. Такая интеграция направлена на содействие экономической кластеризации, тесной интеграции рынка труда и инфраструктуры, а также на реализацию мер по защите окружающей среды, сельскохозяйственных угодий и природных ресурсов. Китай включает цели развития урбанизированных мега-регионов в промышленную политику на национальном уровне, в том числе в вопросе декарбонизации экономики страны. Национальная политика также включает регионально дифференцированную промышленную трансформацию, направленную на внедрение принципов промышленной политики «Индустрия 4.0» с программой «Сделано в Китае 2025» в передовых городских кластерах, при этом поощряя промышленную модернизацию в центральных регионах страны и в регионах бедных ресурсами

Эффективное управление урбанизированными мега-регионами и принесут широкий спектр преимуществ, которые будут способствовать устойчивому экономическому росту, в том числе:

– Улучшение межрегиональных связей и реформы системы социальной защиты могут обеспечить интегрированный рынок труда, сократив при этом время, необходимое для ежедневных поездок на работу.

– Тесная экономическая интеграция внутри мега-региона способствует координации внешнеэкономической деятельности субъектов хозяйствования и органов местной власти. Глобализация становится катализатором развития мега-регионов как самостоятельных акторов ВЭД.

– Интеграция экономических кластеров и регионов может усилить конкурентные преимущества за счет более специализированного пространственного развития.

– Координация планирования землепользования может привести к повышению эффективности землепользования за счет лучшего планирования жилых, промышленных, коммерческих и институциональных земель на основе спроса.

– Координация развития услуг связи, транспортных сетей и общественного транспорта, а также подключение сельских населенных пунктов к оптоволоконной сети могут способствовать интеграции между городом и деревней и приносить пользу сельским жителям.

Для Республики Беларусь представляется очень важным изучение процесса создания и функционирования крупных урбанизированных мега-регионов Китая. В настоящий момент происходит процесс постепенной институционализация мега-регионов как самостоятельных участников ВЭД. Одним из приоритетов регионального развития Китая по реализации стратегии «двойной циркуляции» становятся развитие экспериментальных зон свободной торговли (ЭЗСТ), все они созданы в пределах урбанизированных мега-регионов. Экспериментальная зона свободной торговли (ЭЗСТ) – это тип особых экономических зон (СЭЗ), где товары могут импортироваться, обрабатываться, производиться и экспортироваться без прямого вмешательства таможи.

Эти зоны стали наиболее эффективным инструментом обеспечения экономического взаимодействия КНР с зарубежными партнерами. Китайские ЭЗСТ предлагают иностранному капиталу налоговые преференции, упрощенные процедуры таможенного оформления и инвестиций, расширенный доступ к отдельным секторам. В ЭЗСТ также действует смягченная политика в отношении предприятий с иностранными инвестициями в определенных отраслях или возможностях, например, в отношении логистики и фармацевтики, которые не являются широко доступными в Китае. Каждая ЭЗСТ в Китае имеет промышленную и экономическую направленность с различными стимулами для достижения своих целей. Стимулы и правила в ЭЗСТ соответствуют текущим политическим приоритетам правительства Китая. По данным Министерства торговли Китая, в 2021 году на 21 ЭЗСТ Китая приходилось 17,3 % общего объема внешней торговли Китая (6,8 трлн юаней) и 18,5 % притока иностранных инвестиций Китая (213,0 млрд юаней). Некоторые ЭЗСТ специализируются на сотрудничестве определенными географическими регионами. Такая географическая специализация ЭЗСТ может представлять интерес для белорусских субъектов хозяйствования как один из

инструментов расширения международной кооперации и выхода на рынки стран «дальней дуги». Следующие ЭЗСТ позиционируют себя как хабы международной торговли и внешне-экономического сотрудничества:

Чунцин (2016 г.) – Новые технологии, высокие технологии, биотехнологии, логистические, юридические и арбитражные услуги (Сотрудничество со странами участниками инициативы «Пояс и путь»).

Юньнань (2019 г.) – Высокотехнологичное производство, авиационная логистика, сельское хозяйство, биомедицина и здравоохранение, ИТ, международная торговля, логистика электронной коммерции, «зеленая» пищевая промышленность, туризм, медицинские и финансовые услуги. (Сотрудничество со странами южной и юго-восточной Азии).

Гуанси-Чжуанский АР (2019 г.) – Финансовые услуги, новое производство, логистика, цифровые услуги, культура и СМИ, международная торговля, электроника и биомедицина. (Сотрудничество со странами АСЕАН).

Хунань (2020 г.) – производство ИИ, квантовые вычисления, возобновляемые источники энергии и экологически чистые технологии, биомедицина, агротехнологии и электронная коммерция. (Сотрудничество со странами Африки).

Литература

1. Ерохин, В. Л. Пятилетний план Китая на 2021-2025 годы и долгосрочные ориентиры развития экономики страны / В. Л. Ерохин // Журнал «Маркетинг и логистика». – 2022. – № 2 (34). – С. 6–7.

2. Graphics: China's urbanization plan – 19 city clusters, 10 million more urban residents per year [Electronic resource]: news report / China Global Television Network – Mode of access: <https://news.cgtn.com/news/2021-03-25/Graphics-China-to-see-10-million-more-urban-residents-per-year-YTsMIKKY6c/index.html>. – Date of access: 11.09.2021.

УДК 339.5

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ ВТО К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРИНЦИПОВ «СВОБОДЫ ТОРГОВЛИ» И «ПРОТЕКЦИОНИЗМА» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ MAIN APPROACHES OF THE WTO TO SOLVING THE PROBLEM OF CORRELATION OF THE PRINCIPLES OF «FREE TRADE» AND «PROTECTIONISM» IN MODERN CONDITIONS

Котько Сергей Петрович,
старший научный сотрудник сектора глобальной экономики
центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
katsy61@mail.ru
Katsko Syargei,
Senior Researcher of the Global Economy Sector
of the World Economy Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
katsy61@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические предпосылки свободной торговли и протекционизма, исследуются основные подходы ВТО к решению проблемы соотношения принципов «свободы торговли» и «протекционизма» в современных условиях, даётся обоснование необходимости институционального и содержательного реформирования существующей многосторонней торговой системы.

Ключевые слова: многосторонняя торговая система, протекционизм, регулирование международной торговли, реформа ВТО, свободная торговля.

Abstract. The article examines the historical prerequisites for free trade and protectionism, explores the main approaches of the WTO to solving the problem of the relationship between the principles of «free trade» and «protectionism» in modern conditions, substantiates the need for institutional and meaningful reform of the existing multilateral trade system.

Keywords: multilateral trading system, protectionism, regulation of international trade, WTO reform, free trade.

Становление и развитие современных теоретических аспектов международной торговли и торговой политики происходило на протяжении длительного времени. Первые сторонники протекционизма обосновывали принятие защитных мер, имея ввиду необходимость накопления ресурсов (золота и денег) внутри страны при непременном сохранении положительного торгового баланса. С таких позиций, начиная с XV века, выступали сторонники протекционизма в торговле – меркантилисты. Несмотря на то, что меркантилизм (mercantilism) был скорее системой экономической политики, нежели экономической теорией, он стал первой попыткой теоретического осмысления мировой торговли и первоначальным элементом теоретической основы современной торговой политики. Начиная с XIX в., периоды либерализма и протекционизма в мировой торговле чередовались.

Первым этапом современного многостороннего регулирования торговли стало подписание в 1890 году Соглашения о создании Международного союза по публикации таможенных тарифов, основной функцией которого являлась публикация таможенных тарифов государств и их изменений. В 1923 году под эгидой Лиги Наций была выработана Международная конвенция по упрощению таможенных формальностей, которая затрагивала многие вопросы, вошедшие позднее в компетенцию Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ).

Великая депрессия 1930-х гг. и вторая мировая война окончательно предопределили необходимость создания многостороннего формата регулирования международной торговли на принципах недискриминации и предсказуемости для обеспечения экономической стабильности и устойчивого развития в мире. В июле 1944 г. в Бреттон-Вудсе (штат Нью Гэмпшир, США) состоялась конференция ООН по вопросам международного экономического сотрудничества, в которой приняли участие представители 44 государств. В ходе конференции были созданы две универсальные международные экономические организации: Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР) – позже Всемирный банк, которые стали специализированными учреждениями ООН. После одобрения в июле 1945 г. Американским конгрессом Бреттон-Вудских соглашений США стали членом МВФ и МБРР и к концу того же года обе организации начали функционировать.

Завершить построение конструкции нового порядка в торгово-экономической сфере должна была Международная торговая организация (МТО), которая, как предполагалось, также должна была стать спецучреждением ООН. В ходе переговоров по созданию МТО в ноябре 1947 г. 23 страны договорились о придании силы на временной основе Четвертой главе Устава МТО, которая называлась «Торговая политика» (Trade Policy). Подписанный документ получил название «Генеральное соглашение по тарифам и торговле» (ГАТТ – по первым буквам английского названия GATT). Таким образом, будучи вместе взятыми, эти торговые уступки и правила стали известны как ГАТТ и вступили в силу для 23 государств в январе 1948 г.

Несмотря на свой временный характер, ГАТТ с тех пор оставалось единственным многосторонним механизмом по выработке правил и регулированию международной торговли (прежде всего взаимное снижение импортных тарифов в торговле товарами преимущественно промышленного производства) и просуществовало в таком качестве почти полвека. Значение ГАТТ состояло в том, что оно явилось единственным в мире международным соглашением, предусматривавшим реально выполняемые согласованные условия либерализации международной торговли и разрешения торговых конфликтов [1].

За время существования ГАТТ было проведено 8 раундов многосторонних торговых переговоров. После Уругвайского раунда (1986-1994) с целью дальнейшей либерализации международной торговли и регулирования торгово-экономических отношений государств-членов ГАТТ было трансформировано во Всемирную торговую организацию (ВТО). Правовой основой создания и функционирования ВТО является Соглашение об учреждении ВТО, которое было подписано в апреле 1994 г. в Марракеше (Марокко) министрами 104 государств и вступило в силу 1 января 1995 г. На сегодняшний день полноправными членами организации являются 164 государства и таможенные территории, на долю которых приходится около 98 % объема мировой торговли. 25 стран имеют статус «наблюдателя», 23 из них ведут переговоры о присоединении к ВТО на правах «полноправного члена» [2].

Деятельность ВТО направлена, прежде всего, на:

либерализацию мировой торговли;

упрощение торговых процедур, облегчение доступа к мировым рынкам;

борьбу с протекционизмом.

Задачи ВТО состоят в упорядочении процесса торговли в рамках системы, основанной на определенных правилах; объективном урегулировании торговых споров между странами-членами; организации многосторонних торговых переговоров. В основе этой деятельности лежат 60 соглашений ВТО – основные правовые нормы политики международной торговли. Правительства государств-членов используют базовые документы ВТО в качестве основы при разработке и практическом применении национальных законодательных и нормативных актов в сфере международной торговли. Таким образом, сегодня ВТО – это не только универсальная международная экономическая организация, но и глобальная правовая система регулирования международных торгово-экономических отношений, основу которой составляет ГАТТ.

Основными принципами деятельности ВТО являются:

предоставление государствами-членами во взаимной торговле товарам иностранного происхождения режима наибольшего благоприятствования (mostfavoured-nation) (Статья I ГАТТ);

взаимность в предоставлении торгово-политических уступок (Статья II ГАТТ);

предоставление национального режима (national treatment) товарам иностранного происхождения, который запрещает создавать для национальных производителей какие-либо преимущества по сравнению с импортёрами (Статья III ГАТТ);

недискриминация (Статья V, Статья XIII ГАТТ);

транспарентность (прозрачность) обеспечивает свободный доступ ко всей информации, законам, нормативным актам, касающимся вопросов, относящихся к компетенции многосторонней системы регулирования торгово-экономических отношений (торгово-политический режим и его обзор, практика правительственных закупок, процедура рассмотрения споров т.д.) (Статья X ГАТТ);

осуществление регулирования торговли с помощью таможенных тарифов, а не количественных ограничений или аналогичных мер (Статья XI ГАТТ);

разрешение торговых споров путём проведения консультаций и переговоров, а также в третейских группах, решения которых обязательны для договаривающихся сторон ГАТТ (Статья XXII, Статья XXIII ГАТТ);

прогрессивное снижение таможенных тарифов в ходе многосторонних торговых переговоров (Статья XXVIII, Статья XVIII-бис ГАТТ) [3].

Нормы и правила, выработанные ГАТТ/ВТО, предполагают безусловное их соблюдение всеми государствами-членами организации. Однако, одновременно, в некоторых случаях ВТО допускает изменение тарифов и других мер защиты. В ГАТТ/ВТО имеется ряд инструментов, которые позволяют её членам использовать некоторые протекционистские меры для содействия своим национальным производителям.

Кроме того, в документах ГАТТ/ВТО содержится перечень некоторых исключений из принципов организации, что также позволяет государствам защищать свои национальные рынки от иностранных товаров, в частности:

1. Исключения из режима наибольшего благоприятствования. Допускаются в следующих случаях:

в отношении исторически сложившихся преференций (Статья I ГАТТ);

общие исключения (Статья XX ГАТТ), включающие меры, необходимые для защиты здоровья населения, общественной морали и т.д.;

по соображениям безопасности (Статья XXI ГАТТ);

если государство является членом таможенного союза, зоны свободной торговли и в отношении приграничной торговли (Статья XXIV ГАТТ);

если развивающиеся страны на постоянной основе используют четыре категории торговых льгот, такие как тарифные преференции по Всеобщей системе преференций; тарифные преференции, действующие между развивающимися странами; более льготные дифференцированные условия, сформулированные в ряде соглашений «Токио-раунда»; специальный и дифференцированный режим в отношении наименее развитых стран [4];

в исключительных обстоятельствах по решению Конференции министров (Марракешское соглашение, Статья IX, «вейвер») [5].

2. Исключения из национального режима:

в случае государственных закупок (Статья III ГАТТ);

касающиеся демонстрации кинофильмов (Статья IV ГАТТ);

общие исключения (Статья XX ГАТТ), включающие меры, необходимые для защиты здоровья населения, общественной морали и т.д.;

по соображениям безопасности (Статья XXI ГАТТ);

в исключительных обстоятельствах по решению Министерской конференции (Марракешское соглашение, Статья IX, «вейвер»).

3. Исключения из принципа исключительной тарифной защиты:

защита национального рынка с использованием внутренних налогов, налагаемых на аналогичные отечественные товары, антидемпинговых и компенсационных пошлин, сборов, соразмерных стоимости предоставленных услуг (Статья II ГАТТ);

изменение перечня ответных и взаимных уступок (Статья XXVIII ГАТТ);

в исключительных обстоятельствах по решению Министерской конференции (Марракешское соглашение, Статья IX, «вейвер»).

4. Исключения из принципа запрета нетарифных ограничений:

в отношении запрещения или ограничения экспорта при критическом недостатке продовольствия или других товаров, имеющих существенное значение для внутреннего рынка; запрещения или ограничения импорта и экспорта, необходимых в связи с применением стандартов или правил классификации, сортировки и сбыта сырьевых товаров в международной торговле; ограничения импорта любого сельскохозяйственного товара или продуктов рыболовства, необходимых для осуществления правительственных мер (Статья XI ГАТТ);

в целях обеспечения равновесия платежного баланса (Статья XII ГАТТ);

чрезвычайные меры в отношении импорта отдельных товаров, наносящего ущерб национальным производителям (Статья XIX ГАТТ);

общие исключения (Статья XX ГАТТ), включающие меры, необходимые для защиты здоровья населения, общественной морали и т.д.;

по соображениям безопасности (Статья XXI ГАТТ);

если государство является членом таможенного союза, зоны свободной торговли и в отношении приграничной торговли (Статья XXIV ГАТТ);

в исключительных обстоятельствах по решению Министерской конференции (Марракешское соглашение, Статья IX, «вейвер»).

5. Использование механизмов ГАТТ/ВТО для минимизации ущерба, наносимого экономическими санкциями. В рамках современного международного права введение экономических санкций является допустимым инструментом обеспечения безопасности только в случае их применения по решению Совета Безопасности ООН (меры многостороннего принуждения) или как контрмера в случае, если государство испытывает прямое или косвен-

ное влияние неправомерных действий другого государства, или предпринимает действия для защиты своих жизненно важных интересов в соответствии с правилами ГАТТ об «исключениях по соображениям безопасности» (меры одностороннего принуждения).

В настоящее время в связи с пандемией COVID-19 правительства многих стран активизировали принятие протекционистских мер по защите внутренних рынков и поддержке национальных производителей. Вместе с тем, проводимые Секретариатом ВТО мониторинги протекционистских мер позволяют сделать вывод о том, что в целом, принимаемые странами антикризисные меры не противоречат нормам ВТО и не выходят за рамки торговых соглашений.

Недостаточный прогресс на многосторонних торговых переговорах в рамках начавшегося в 2001 году и до сих пор не закончившегося Дохийского раунда привёл к осознанию всеми странами-членами ВТО необходимости проведения как институциональной, так и содержательной реформы организации по следующим направлениям:

совершенствование системы принятия решений в условиях значительно выросшего числа членов организации (принцип консенсуса);

отказ от принципа единого пакета;

использование открытого «плюрилатерального» подхода к переговорам;

дальнейшее развитие принципа специального и дифференцированного режима для развивающихся стран;

совершенствование механизма урегулирования споров и модернизация Апелляционного органа по разрешению споров ВТО;

торговые переговоры и приведение правил ВТО в соответствие с современной глобальной экономикой;

усиление мониторинга и транспарентности (прозрачности) торговой политики стран-членов, уведомления;

создание механизма постепенного превращения всех существующих региональных торговых соглашений в многосторонние документы.

Реконструкция многосторонней торговой системы на основе реформы ВТО, которая обеспечивает достижение результатов на основе переговоров, имеет важное значение для способности этой системы вносить вклад в посткризисное восстановление и долгосрочное развитие. Недовольство медленным продвижением вперед многосторонних процессов, имеющих целью либерализацию торговли за счет открытия новых рынков, явилось одной из главных причин, объясняющих активизацию принятия государствами-членами односторонних мер [6].

Таким образом, свобода торговли и протекционизм являются двумя альтернативными направлениями торговой политики любого государства. Либерализация исходит из долгосрочных интересов и обосновывает глобальные выгоды от свободной торговли, она способствует взаимовыгодному международному разделению труда, увеличивает производительность труда и реальный ВВП государств, повышает уровень жизни в них. Протекционистская торговая политика поддерживает молодые отрасли экономики, стимулирует рост национального производства, уравнивает торговый баланс. Протекционизм всегда действует под давлением обстоятельств и руководствуется исключительно краткосрочными национальными интересами. Поэтому нельзя сказать, что для той или иной страны протекционизм всегда вреден, а свобода торговли всегда выгодна, или наоборот. По мнению итальянского экономиста Вильфредо Парето (Vilfredo Pareto, 1848–1923) к проблеме соотношения свободной торговли и протекционизма следует подходить иначе: «Зная все экономические и социальные условия данного государства в данный момент, следует уяснить, что для этого государства и в этот момент подходит больше - свобода торговли или протекционизм» [7].

В этой связи необходимо отметить, что в современной мировой практике ни либеральная, ни протекционистская торговая политика в чистом виде не встречаются. В настоящее время государства проводят гибкую внешнеторговую политику, которая сочетает в себе элементы как свободной торговли, так и протекционизма. Любая страна использует сочетание элементов обоих вариантов, комбинируя их в зависимости от стоящих перед нею на текущем этапе развития экономических задач, ситуации в национальной экономике и мировой эконо-

мике в целом. Если в ретроспективе рассматривать уровни торговых барьеров в большинстве стран мира, то всё же можно отметить постепенный дрейф национальных торговых режимов от жёсткого протекционизма к свободной торговле и большей открытости экономики [8].

Многосторонние нормы и правила обеспечивают наилучшую защиту от протекционизма и играют важнейшую роль в поддержании транспарентности, предсказуемости и стабильности в сфере международной торговли. Одновременно многосторонняя торговая система ГАТТ/ВТО в некоторых случаях допускает изменение тарифов и другие меры защиты. Без использования инструментов протекционистской защиты многие участники международной торговли обойтись объективно не могут. Правила применения этих инструментов оговариваются шестью десятками соглашений, входящих в правовой пакет ВТО. Таким образом, несмотря на то, что ВТО стремится к либерализации торговли, тем не менее, одновременно она вынуждена выступать и в роли «защитника» протекционизма, пусть и умеренного, если сравнивать его с протекционизмом середины прошлого столетия.

Несмотря на имеющиеся проблемы в области многостороннего торгового сотрудничества, многие страны стремятся не к сокращению, а расширению такого взаимодействия. Государства–члены ВТО совместно решают назревшие проблемы и спорные вопросы, договариваются о дальнейших шагах по либерализации торговли и развитию своего экономического сотрудничества, участвуя в очередных раундах многосторонних торговых переговоров и министерских конференциях. С момента создания многосторонней торговой системы ГАТТ/ВТО её основные принципы, такие как недискриминация, взаимность, прозрачность, запрет излишне ограничивающих торговлю мер в сочетании с сохранением пространства для манёвра в торговой политике для решения важных социальных проблем способствовали либерализации торговли и инновациям [9]. Однако новые условия требуют от ВТО более гибкого реагирования на новые вызовы, учёта и нахождения баланса интересов развитых и развивающихся стран, оперативного поиска новых направлений и форм многостороннего торгового сотрудничества в целях более эффективного решения насущных задач безопасности и устойчивости.

Литература

1. Портанский, А. П. Перспективы и риски трансформации системы регулирования мировой торговли: глобальный и мегарегиональный аспекты : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.14 / А. П. Портанский. – М., 2019. – 365 с.
2. Котько, С. П. Беларусь и ВТО: финиш близок / С. П. Котько // Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Брянск, 25 янв. 2021 г. / Брянский гос. инж.-техн. ун-т ; редкол.: С. А. Коньшакова, О. В. Камозина, И. В. Рудакова. – Брянск, 2021. – С. 231.
3. Михневич, С. И. 115 вопросов о многосторонней торговой системе ГАТТ/ ВТО / С. И. Михневич. - Минск : Белсэкс, 2009. – 72 с.
4. Турбан Г. В. Всемирная торговая организация: взаимодействие государства и бизнеса / Г. В. Турбан. – Минск : Белпринт, 2009. – 144 с.
5. Турбан Г. В. Всемирная торговая организация: взаимодействие государства и бизнеса / Г. В. Турбан. – Минск : Белпринт, 2009. – 144 с.
6. Генеральная ассамблея ООН. Семьдесят пятая сессия. Вопросы макроэкономической политики: международная торговля и развитие, Записка Генерального секретаря. – Нью-Йорк, 2020. – 24 с.
7. Ивашковский С.Н. Свободная торговля или протекционизм? [Электронный ресурс] // Элитариум: Центр дистанционного образования. – Москва, 2010. – Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2010/04/13/svobodnaja_torgovlja_ili_protencionizm.html. – Дата доступа: 01.09.2021.
8. Оболенский В. П. Либерализация и протекционизм в международной торговле / В. П. Оболенский // Российский внешнеэкономический вестник, 2013. – № 3. – С. 3–19.

9. Портанский, А. П. Перспективы и риски трансформации системы регулирования мировой торговли: глобальный и мегарегиональный аспекты : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.14 / А. П. Портанский. – М., 2019. – 365 с.

УДК 339.98

**МИРОВОЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИМИ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИМИ РИСКАМИ, ВОЗНИКАЮЩИМИ
В РЕЗУЛЬТАТЕ ТОРГОВЫХ ВОЙН
WORLDWIDE EXPERIENCE OF MANAGING SPECIFIC INTERNATIONAL
BUSINESS RISKS RESULTING FROM TRADE WARS**

Курилёнок Кирилл Леонидович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры банковской экономики БГУ
k23L08kurilionok@gmail.com

Курилёнок Елена Васильевна,
старший научный сотрудник сектора внешней торговли
центра мировой экономики,

Институт экономики НАН Беларуси
elenavk@tut.by

Kurylionak Kiryl,
PhD, Associate Professor of Banking Economy Department,
Belarusian State University, Minsk
k23L08kurilionok@gmail.com

Kurylionak Alena,
Senior researcher of the Foreign Trade Sector
of the World Economy Research Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
elenavk@tut.by

Аннотация. Торговые войны порождают специфические риски для национальной экономики. Несмотря на недавние убедительные примеры (торговая война между США и Китаем, «война санкций» против России и Беларуси), данная проблематика недостаточно исследована. Нами предлагается базовая классификация торговых войн на «чисто торговые» и торгово-политические. Рассматриваются и сравниваются различные подходы к измерению, моделированию и управлению специфическими рисками, характерными для каждого из двух типов.

Ключевые слова: торговые войны, национальная безопасность, геополитика, внешне-экономические риски, управление рисками, DSGE-модели.

Abstract. Trade wars generates specific risks for national economy. Despite striking recent evidence (USA-China trade war, «war of sanctions» against Russia and Belarus, etc.), there is a lack of scientific research in the sphere. We suggest to basically classify trade wars into «pure-trade» wars and political trade wars. For both types, different approaches to measuring, modelling and managing specific risks are considered and compared.

Keywords: trade wars, national security, geopolitics, international business risks, risk management, DSGE-models.

С целью анализа и оценки специфических внешнеэкономических рисков, возникающих в результате торговых войн, следует различать два основных типа торговых войн:

- Торговые войны, продиктованные исключительно образом *экономическими* соображениями (защита внутреннего рынка от дефицита или перенасыщения, защита внутреннего производителя от растущего импорта, в том числе недобросовестного, некачественного,

контрафактного, небезопасного для здоровья людей и окружающей среды; при этом зачастую используется демпинговое ценообразование). Такие торговые войны ниже обозначены как «*чисто торговые*» войны.

• Торговые войны, возникающие в более широком контексте геополитического противостояния, геополитических конфликтов и полномасштабных военных действий, когда экономические соображения принимают «фондовый» характер (хотя не обязательно, что это так на самом деле), мы будем обозначать здесь термином «*торгово-политические*» войны, чтобы ясно отличать их от предыдущего типа.

Соответственно, может быть дана дифференцированная характеристика возникающих в результате торговых войн специфических внешнеэкономических рисков (таблица 1).

Таблица 1 – Характеристика специфических внешнеэкономических рисков, возникающих в результате двух типов торговых войн

Критерий сравнения	«Чисто торговые» войны	«Торгово-политические» войны
1	2	3
Объекты риска	Отрасли, виды экономической деятельности, товарные позиции по ТН ВЭД	Отдельные юридические и физические лица; финансовая и банковская система страны
Инструменты государственной политики, порождающие риск	Обычно применяются инструменты в рамках механизмов ВТО: антидемпинговые, компенсационные и специальные защитные пошлины, нетарифные ограничения, ограничения на экспорт услуг в режиме коммерческого присутствия, расширение мер поддержки АПК «желтой корзины» и т.п.	Игнорируют механизмы ВТО, санкции носят преимущественно нетарифный характер и применяются ad hoc; дополняются существенными ограничениями в валютно-финансовой сфере; возможно применение национализации и конфискации
Цель введения торговых барьеров и санкционных мер	Защита отечественного производителя / внутреннего рынка	Нанесение ущерба другой стороне; обеспечение симметричного или асимметричного ответа
Характер риска	Сокращение экспорта и/или реализации товаров и услуг или иных трансакций с участием затронутых субъектов хозяйствования	Косвенные и отдаленные последствия, в т.ч. в сфере воспроизводства человеческого капитала и инновационного потенциала
Методические подходы к количественной оценке риска	Возможна оценка рисков на основе моделей типа <i>DSGE (Dynamic Stochastic General Equilibrium)</i> и т.п.	Оцениваются расходы на преодоление косвенных и отдаленных негативных эффектов; поиск чувствительных точек и оценка запасов прочности для отдельных производств (предприятий)
Уровень принятия решений в области управления рисками	Макроуровень. Правительство, Национальный банк, профильные министерства и концерны, облисполкомы и Мингорисполком. Основной принцип реагирования в сфере бюджетной политики – гибкая работа с главной бюджетной росписью в режиме реального времени и всемерное предотвращение дефолта. Особенно важно поддержание нормальных отношений с ВТО, МВФ, группой Всемирного банка и другим геополитическими игроками	Микроуровень. Отдельные производства и виды деятельности могут сильно пострадать. Но здесь же находятся и основные возможности – при условии регулирования, совместимого со стимулами. Следует отметить, что хорошо развитый частный сектор сам по себе служит эффективной подушкой безопасности в чрезвычайных ситуациях общенационального характера

Примечание – Источник: Собственная разработка авторов

Как следует из таблицы 1, подходы к управлению специфическими рисками в случаях обоих условно выделенных нами типов торговых войн принципиально различаются так же, как различаются характер самих рисков, методические подходы к их оценке, объекты-

носители риска, инструменты государственного регулирования, непосредственно трансформирующие риск как потенциально возможную неблагоприятную ситуацию в угрозу де-факто, и, наконец, способы преодоления последствий *ex post* реализовавшегося риска в той или иной конкретной ситуации.

Управление специфическими внешнеэкономическими рисками, возникающими в результате «чисто торговых» войн. Здесь исследования мирового опыта могут оказаться особенно плодотворными, поскольку в последние 5–7 лет эта тематика подстегивалась обилием фактического материала, в основном проистекающего из отношений США и КНР.

Вряд ли стоит сомневаться, что это случай «чисто торговой» войны, поскольку об угрозе каких-либо военных столкновений между сверхдержавами речи не идет. Китай, как прежде, заинтересован в финансовых инвестициях из США, Западной Европы, Японии, Южной Кореи, Сингапура и, между прочим, Тайваня. Китай может считать последний своей территорией, но необходимо понимать, что тайваньский банк привлекает ресурсы в виде депозитов именно как *тайваньский* банк, именно таковым его хотят видеть клиенты. Попытка КНР национализировать его (или «олигархизировать», присоединив к какому-либо подконтрольному банку на континенте) автоматически означает, что определенная сумма кредитных денег в составе агрегата МЗ («широкая денежная масса»), которая могла бы стать инвестициями в китайскую экономику, совершит «обратную мультипликацию» – т.е. просто исчезнет.

Ниже мы приводим результаты сравнительного анализа теоретических подходов и практических механизмов управления специфическими внешнеэкономическими рисками для «чисто торговых» войн на примере отношений США и Китая. Заметим, что в выработку данных подходов и механизмов вовлечены далеко не только американские и китайские субъекты.

Прежде всего, следует отметить деятельность *Всемирной торговой организации*. В своем Рабочем документе *ERSD 2020-04* [7], посвященном торговой войне США и Китая, ВТО отмечает, что для количественных оценок рисков и последствий были использованы все имеющиеся наработки (включая специализированные программно-аппаратные комплексы и наиболее продвинутое технологии *Big Data*). **Но прочной основы для принятия решений получено не было.** Здесь, на самом фундаментальном методологическом уровне, приходится сталкиваться с анализом моделей рефлексивных игр – типов экономического взаимодействия, в которых любое действие или слово агента рассматривается либо как сигнал, либо как попытка подавления сигнала. Принципиальная возможность осознанного разыгрывания «стратегии подавления сигнала» превращает экономическую политику в подобие покера. По меткому выражению Дж. Стиглица, информация в экономике обладает «фундаментальной невыпуклостью». Любое ваше намерение приобрести информацию – это тоже информация, любое ваше воздержание от попыток приобрести информацию – тоже информация; любой истинный сигнал может быть воспринят как ложный, а ложный – как истинный; самое же главное при работе с информацией – «не выйти на самих себя». Применительно к торговым войнам первого типа это означает, что любые равновесные стратегии (в теоретико-игровом смысле) могут оказаться неустойчивыми, а для долгосрочного выигрыша придется прибегать к уловкам рандомизации, (т.е., вновь выражаясь языком теории игр, переходить от чистых стратегий к смешанным), что на практике похоже на необратимое скатывание в хаос.

В указанном документе *ERSD 2020-04* сообщается, что для количественной оценки экономических рисков и ущерба сторон применялись все модели подходящих типов, хорошо зарекомендовавшие себя в прошлом. Прежде всего, речь идет о Модели глобальной торговли ВТО (*GTM – Global Trade Model*), которая, в свою очередь, относится к классу *DSGE* моделей с рекурсивностью (*DSGE – Dynamic Stochastic General Equilibrium* – динамические стохастические общего равновесие).

Альтернативную (на самом деле, по нашему мнению, вполне аналогичную) большую вычислительную модель использует Международный валютный фонд [11], который также пристально интересуется оценкой и управлением специфическими рисками торговых войн, причем, надо отдать должное этой организации, ей удастся привлечь внимание к рискам в сфере денежно-кредитной и банковской составляющей. Для многих кажется почти есте-

ственным считать, что в напряженной геополитической обстановке лучше думать о «реальном секторе». Но это заблуждение: хорошие рейтинги отечественных банков и суверенных ценных бумаг за рубежом крайне полезны для тех, кто желает одержать победу над противником и в итоге не победить сам себя. Модель МВФ иногда в литературе относится к классу так называемых *NQT*-моделей (*New Quantitative Trade Models* – «новые количественные модели торговли»), но в использовании подобной относительно новой терминологии (особенно аббревиатур) требуется соблюдать осторожность, чтобы не возникало аллюзий на некоторые «неортодоксальные» теории («ММТ» – «Modern Monetary Theory» и т.п.).

Действительно, когда речь идёт об «экономике чрезвычайных ситуаций», различия между конкурирующими моделями могут оказаться сглаженными, так как на первый план выдвигаются не конкретные приемы моделирования, а «картина мира», в соответствии с которой люди не «служат стране», а трудятся друг для друга на основе добровольного обмена. Отсюда вытекает сама суть управления внешнеэкономическими рисками на государственном уровне. Понятия «риск» и «ущерб» относятся к благосостоянию ныне живущих поколений, а работа экономиста состоит в проектировании механизмов координации экономического поведения, совместимых со стимулами свободных людей здесь и сейчас. В Китае этот урок хорошо усвоен, поэтому оба подхода – ВТО и МВФ – весьма грамотно используются китайскими экономистами и государственными деятелями в проведении торговых войн с США. Кроме того, каждый из этих двух подходов, взятый по отдельности, также далеко не является монолитным, а включает в себя множество альтернативных вариантов моделирования. Между прочим, следствием этого являются разные числовые результаты. В таблице 2 приводится краткое сопоставление подходов по версии экспертов ВТО и МВФ (на уровне конкретных исследовательских проектов).

Таблица 2 – Сравнение подходов в области оценки и управления специфическими рисками торговой войны между США и КНР в разрезе реализованных исследовательских проектов

№ п/п	Научно-исследовательский проект	Основной методический подход	Вычисляющая модель (реализованная на уровне конкретного ПО)	Тип вычисляющей модели	Горизонт расчета	Прогнозируемый риск в процентных пунктах к базовому сценарию среднегодового роста ВВП		
						КНР	США	Ост. мир
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	<i>Balistreri et al.</i> (2018)	Стандартная модель Армингтона	<i>GTAP (GAMS)</i>	<i>CGE</i>	<i>CS</i>	-0.34	-0.20	
		Модель монополистической конкуренции Кругмана	<i>GTAP (GAMS)</i>	<i>CGE</i>	<i>CS</i>	-0.63	-0.34	
2.	<i>Bellora and Fontagne</i> (2019)	Стандартная модель Армингтона	<i>MIRAGE-E</i>	<i>CGE</i>	<i>RD2030</i>	-0.39	-0.28	
3.	<i>Caceres et al.</i> (2019)	Модель гетерогенных фирм Мелитца	<i>CFRT</i> (2017)	<i>NQT</i>	<i>CS</i>	-0.4	-0.3	
4.	<i>Felbermayr and Steninger</i> (2019)	Стандартная модель Йтона-Кортума	<i>CP</i> (2015)	<i>NQT</i>	<i>CS</i>	-0.25	-0.14	
5.	<i>Freund et al.</i> (2018)	Стандартная модель Армингтона	<i>LINKAGE</i>	<i>CGE</i>	<i>RD2030</i>	-2.5	-0.4	-0.3
		~ с инвестиционными эффектами	<i>LINKAGE</i>	<i>CGE</i>	<i>RD2030</i>	-3.5	-1.6	-1.7
6.	<i>Itakura</i>	Стандартная	<i>GDYN</i>	<i>CGE</i>	<i>RD2035</i>	-1.4	-0.3	-0.2

№ п/п	Научно-исследовательский проект	Основной методический подход	Вычисляющая модель (реализованная на уровне конкретного ПО)	Тип вычисляющей модели	Горизонт расчета	Прогнозируемый риск в процентных пунктах к базовому сценарию среднегодового роста ВВП		
						КНР	США	Ост. мир
1	2	3	4	5	6	7	8	9
	(2019)	модель Армингтона						
		~ с эффектами производительности		CGE	RD2035	-1.7	-1.4	-0.3
7.	Walmsley and Minor (2018)	Стандартная модель Армингтона	GDYN	CGE	RD2030	-2.7	-1.3	
8.	WTO (2019)	Модель гетерогенных фирм Мелитца	GTM	CGE	RD2023	-0.34	-0.24	-0.13
		~ с эффектами неопределенности	GTM	CGE	RD2023	-0.43	-1.15	-0.34
		~ с модифицированными эффектами неопределенности	GTM	CGE	RD2023	-0.51	-1.66	-0.50
<p>CGE (<i>Computable General Equilibrium</i>) – вычислительная модель общего равновесия; NQT (<i>New Quantitative Trade</i>) – новая количественная [модель] торговли; CS (<i>Comparative Statics</i>) – сравнительная статика (вычисляются и сравниваются два равновесия); RD (<i>Recurcive Dynamics</i>) – рекурсивная динамика (с указанием горизонта рекурсии в годах); GTAP, GAMS, CFRT, CP, MIRAGE-E, LINKAGE, GDYM, GTM – конкретные вычислительные проекты, многие из которых включают в себя проприетарное ПО.</p>								

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [7]

Среди иных международных регуляторов, экономическими рисками в контексте «чисто торговых» войн США и КНР вплотную занимается Азиатский банк развития [9]. Как и в случае с МВФ, данная организация использует дифференцированный методологический подход, что порождает плюрализм моделей, и, как следствие, количественные оценки риска варьируются в существенных пределах (таблица 3).

Таблица 3 – Управление специфическими внешнеэкономическими рисками в ситуации «чисто торговых» войн по версии Азиатского банка развития

Проект	Модель	База	Регион	Сектор	Сценарий	Основной вывод
1	2	3	4	5	6	7
Bollen and Rojas-Romagosa (2018)	GTAP-9	2011	30	29	Тарифные меры с июля 2018 г.	В КНР потери 1,2 п. п. роста ВВП в год; для США – 0,3 п. п.; другие экономики (ЕС) скорее выиграют
Caceres, Cerdeiro, and Mano (2019)	CFRT	2015	165	17	25 % рост тарифов между США и КНР	В КНР потери 0,6 п. п. роста ВВП в год; для США – 0,2 п. п.; другие экономики скорее выиграют
Kawasaki (2018)	GTAP-10	2014	17	15	1 % повышение импортных тарифов во всем мире	Объем мировой торговли сократится на 1,7 %; глобальный ВВП – на 0,2 %
Li, He, and Lin (2018)	GGEF	2013	29	2	Повышение тарифов между США и КНР на 15 %	В КНР потери 0,01 п. п. роста ВВП в год; для США – 0,67 п. п.
Tsutsumi (2018)	GTAP-6	2011	16	12	Тарифные меры с сентября 2018 г.	В КНР потери 0,2 п. п. роста ВВП в год; для США – 0,1

Проект	Модель	База	Регион	Сектор	Сценарий	Основной вывод
1	2	3	4	5	6	7
						п. п.
<i>Yane and Nishioka</i> (2019)	<i>GTAP-9</i>	2011	13	18	25 % повышение тарифов между США и КНР плюс тарифы США на двигатели (<i>US motor tariffs</i>)	В КНР потери 0,7 п. п. роста ВВП в год; для США – 0,8 п. п.; глобальный ВВП теряет 0,2 п. п.
Примечания: <i>CTAP</i> – <i>Global Trade Analysis Project</i> (проект анализа глобальной торговли, разрабатываемый независимыми исследователями всего мира по инициативе Университета Пердью, Индиана, США); <i>CFRT</i> – <i>Caliendo, Feenstra, Romalis, and Taylor</i> (акроним на основе имен разработчиков вычисляющей модели); <i>GGEF</i> – <i>Global General Equilibrium Network</i> (глобальная сетевая модель общего равновесия – термин, относящийся к конкретному классу моделей, активно разрабатываемых в последние годы)						

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [8]

Результаты научных исследований в области рисков рассматриваемого типа, их сущности, специфики, релевантных причинно-следственных связей, и, как итог, их количественная оценка позволяют сформулировать также количественные целевые критерии и обосновать управляющие переменные. Таким образом, происходит логический переход от исследования и оценки к практическим вопросам *управления* данными рисками.

Так, что касается *управления* рисками рассматриваемого типа в контексте «чисто торговой» войны США и Китая, все исследователи отмечают, что меры и контрмеры торговой политики, из которых складывается собственно «война», следует принципиальным образом отличать, с одной стороны, от мероприятий по преодолению негативных последствий *ex post*, с другой стороны, от практических действий по управлению рисками, предпринимаемых *ex ante*. В последнем случае, как единодушно подчеркивается всеми авторами, речь в наименьшей степени должна идти о разработке каких-либо планов мероприятий, создании специальных комитетов и комиссий, предъявлении бизнесу новых регуляторных требований или ещё о чем-то подобном. Само понятие «управления рисками» в экономике не несёт в себе никаких оттенков чрезвычайности. То, на что должен быть сделан упор на самом деле, – это создание механизмов (в смысле Гурвица-Майерсона-Маскина), совместимых со стимулами. В этой части научные исследования за рубежом находятся ещё в начальной стадии.

Дополнительно необходимо отметить, что особый интерес в рассматриваемом контексте представляет собой глобальный подход, реализуемый в настоящее время Китаем. Основная идея здесь состоит в том, чтобы увязать все вопросы управления специфическими внешнеэкономическими рисками, возникающими в результате «чисто торговых» войн, с перспективами китайской инициативы «Один пояс – один путь», создав высокоэффективный многосторонний механизм управления именно такими рисками. Экономические эффекты данной инициативы могут быть очень многогранны, и их исследования, в том числе в контексте геоэкономики торговых войн, привлекают все большее внимание ученых в Китае и за рубежом.

В США оценка и управление внешнеэкономическими рисками, вызванными торговой войной с Китаем, также привлекают внимание исследовательского сообщества и регуляторов. Следует особо отметить исследования, осуществляемые под эгидой *NBER* (*National Bureau of Economic Research* – Национальное бюро экономических исследований, г. Кембридж, штат Массачусетс, США), организации, непосредственно обеспечивающей процессы выработки экономической политики в президентской администрации и Конгрессе США научными выводами и экспертными оценками. В целом, американские исследователи проявляют значительные усилия в выработке теоретических моделей *ad hoc*, не довольствуясь адаптацией уже существующих вычислительных моделей и компьютерных программ к новому предмету исследования [6, 8]. Однако их практические рекомендации ориентированы на специфику частно-государственного партнёрства в США. Поэтому, для экспертного со-

общества Республики Беларусь разработанные в США модели оценки внешнеэкономических рисков торговых войн, в большинстве случаев, имеют лишь эвристическую ценность.

Управление специфическими внешнеэкономическими рисками, возникающими в результате «торгово-политических» войн. Здесь ситуация гораздо сложнее, прежде всего, по причине ограниченности актуального зарубежного опыта.

Можно, конечно, обратиться к фундаментальным трудам, написанным еще в СССР и содержащим основополагающие концептуальные исследования управления специфическими внешнеторговыми рисками в контексте полномасштабной войны (неотъемлемой частью которой становится и война торговая).

Так, в трудах Б. М. Шапошникова [5] дан анализ важности экономики и внешнеэкономических связей при планировании и ведении войны, как наступательной, так и оборонительной. В частности, не выделяя внешнеторговую дипломатию как особый вид дипломатии вообще, этот автор подчеркивает необходимость на дипломатическом уровне заблаговременно прорабатывать вопросы поиска альтернативных источников сырья и энергоносителей на случай, если начало полномасштабной войны повлечет за собой множественные санкции во внешней торговле, в том числе со стороны стран, непосредственно в войне не участвующих. Кроме того, Шапошников впервые исследовал вопрос об экономических аспектах коалиционной войны. Он подчеркивает, что страны-союзники в рамках военной коалиции (в том числе на уровне генеральных штабов вооруженных сил) должны заблаговременно предусматривать меры взаимной поддержки друг друга во внешнеторговой сфере так же, как и коллективные меры противостояния торговым санкциям со стороны враждебных и псевдо-нейтральных государств.

Довольно серьезную проработку вопроса об управлении специфическими внешнеэкономическими рисками в контексте отсутствия нормальной экспортно-импортной сферы в условиях войны можно найти в трудах Н. А. Вознесенского [1], который в годы Великой отечественной войны возглавлял Госплан СССР. Этот автор, вероятно, был лучше, чем кто-либо другой, информирован о том, что конкретно означает понятие «внешнеэкономические риски» воюющей страны и как ими можно управлять, поскольку он сам и возглавлял эту работу в СССР в 1941–1945 годах. Анализ его основного труда [1] указывает на то, что наиболее важным стратегическим средством управления экономическими рисками страны в период мировой войны, при любом уровне мобилизации и напряжении сил, Вознесенский считал поддержание ряда естественных процессов, совместимых со стимулами нормального человека мирного времени, при сохранении **стабильного денежного обращения** как основного условия. Это звучит парадоксально, поскольку состояние войны и послевоенного восстановления, как и любые чрезвычайные состояния общества вообще, часто используются как оправдание неконтролируемой денежной эмиссии, неограниченной монетизации бюджетного дефицита, игнорирования вопросов внешнего долга и т.п. Это сопровождается возникновением псевдонаучных теорий, утверждающих, что высокой инфляции при этом можно избежать, либо о том, что ее можно игнорировать, так как «цель оправдывает средства», либо о том, что инфляция, даже высокая, не вредна в «стратегической» перспективе, либо вред от нее можно нейтрализовать чем-то вроде особенной политики цен и доходов и т.п. (примером может служить уже упомянутое выше «неортодоксальное учение» *ММТ – Modern Monetary Theory*, что достаточно курьёзным образом переводится на русский язык как «современная денежная теория»). Несостоятельность подобных «теорий» подтверждается многочисленными реальными примерами, например, недавней экономической динамикой Венесуэлы.

Однако, в этих и других фундаментальных трудах в области военной стратегии, геополитики, геоэкономики и концепций гибридной войны, не содержится разработок, которые можно применить к вопросам управления специфическими внешнеэкономическими рисками, порожденными «торгово-политическими» войнами, для Республики Беларусь (или России) на современном этапе. Кроме того, в указанных трудах при рассмотрении экономических аспектов военной стратегии делается упор на реальный сектор экономики. Однако, не меньшее значение в ситуации «торгово-политические» войн имеют риски в сфере финансового и

банковского сектора, такие как: управление внешним государственным долгом (например, тактика поведения в вопросах, связанных с суверенными еврооблигациями, находящимися у держателей из потенциально недружественных стран), противодействие недружественным мерам в отношении к зарубежным финансовым активам государства и его граждан, тактика в отношении использования во внешнеэкономических отношениях валют потенциально недружественных государств (например, вопросы дедолларизации), проблемы прямых корреспондентских отношений отечественных банков с банками потенциально недружественных стран и т.п. Эти и другие вопросы на настоящий момент остаются малоисследованными, особенно применительно к конкретной ситуации Республики Беларусь (или России).

Кроме того, анализ *российских исследований* в этих областях (например, [2] или [3]), которые мы упоминаем здесь исключительно в иллюстративных целях) показал, что они лишь с большой натяжкой могут быть названы научными. По нашему мнению, российскими экспертами за период примерно с 2010 года не было предложено прикладных научно-обоснованных подходов в области управления теми специфическими рисками, о которых идёт речь. Кроме того, их выводы зачастую носят характер ненаучной пропаганды, могут часто меняться на прямо противоположные по независящим от автора причинам, либо же автор и сам не понимает смысл своих доводов.

В отличие от России, в Беларуси в этой области экономической науки начала складываться обнадеживающая ситуация. В последнее время осуществляются фундаментальные исследования *белорусской экономики*, задающих методологические основы ее количественного анализа (включая методологию количественной оценки ее уязвимостей и рисков, в том числе и в интересующем нас здесь аспекте), такие, например, как исследование, осуществленное в Белорусском государственном университете под руководством доктора экономических наук, профессора А. И. Короткевича [4]. Модифицированная методология межотраслевого баланса (таблицы «затраты-выпуск», *SAMs – social accounts matrixes* – матрицы социальной счетов, *DSGE – dynamic stochastic general equilibrium* – динамические стохастические общего равновесие) нашла себе многочисленные применения как на национальном уровне, так и на уровне международных организаций. Однако, ее основным недостатком является то, что для осмысленного применения требуются все новые творческие модификации, которые могут уводить далеко от первоначальных идей В. Леонтьева. Ценность методологического подхода, разработанного А. И. Короткевичем и др. [4], находится, в том числе, в плоскости предмета данного исследования. Во-первых, этот подход позволяет выявить нетривиальные и неочевидные слабые места импортной зависимости Республики Беларусь, и становится ясно, что эти уязвимости выходят далеко за рамки импорта энергоносителей и сырьевой зависимости, а также то, что уже созданных экономических механизмов ЕАЭС в случае нынешних новых угроз может оказаться недостаточно для эффективного управления рисками рассматриваемого типа. Другой аспект, хорошо показанный в [4], взаимосвязь полных затрат импорта (в смысле анализа межотраслевого баланса) и добавленной стоимости на одного занятого в различных видах экономической деятельности. Это позволяет сразу перевести вопрос об управлении специфическими внешнеэкономическими рисками, возникающих в ходе торговых войн второго типа, в социальное и человеческое измерение. Тем не менее, данный подход пока находится в стадии развития.

В этом контексте также весьма полезным может оказаться подход по поиску чувствительных точек, предложенный учеными Института экономики НАН Беларуси при разработке Комплексного прогноза последствий вступления Республики Беларусь во Всемирную торговую организацию в 2003-2004 гг. [10].

В ситуации, если мы не можем оценить риски напрямую именно как *риски* (т. е. связать возможные угрозы с некоторыми распределениями вероятностей случайных величин), можно исходить из того, что пострадать может «что-угодно как-угодно сильно». Таким образом, процесс управления рисками надо начинать с определения запаса прочности ключевых видов экономической деятельности и валообразующих предприятий и установления уязвимых мест. Для этого в качестве самого простого метода используется расчет показателя уровня

безубыточности (что можно сделать, с равным успехом, на уровне конкретного вида товара или услуги, на уровне предприятия, либо на уровне вида экономической деятельности). Основная формула имеет вид:

$$L_{BE} = \frac{FC}{MP} 100\%, \quad MP = S - T_I - VC,$$

где L_{BE} – уровень безубыточности, %;

FC – условно-постоянные издержки, руб.;

MP – маржинальная прибыль в смысле методологии директ-костинг (выручка от реализации продукции за минусом налогов, сборов и платежей, включаемых в выручку, и **условно-переменных издержек**), руб.;

S – выручка от реализации продукции до вычета налогов, сборов и платежей, включаемых в выручку, руб.;

T_I – налоги, сборы и платежи, включаемые в выручку, руб.;

VC – условно-переменные издержки, руб.

Чем **меньше** значения показателя, тем **большим** запасом оперативной финансовой прочности располагает предприятие. В практике финансового анализа принято считать, что для обеспечения стабильности деятельности организации уровень безубыточности должен быть **не более 60 %**.

По результатам проведенных исследований нами сделаны следующие выводы:

1. Управление специфическими внешнеэкономическими рисками, возникающими в результате торговых войн, следует рассматривать именно как управление *рисками*, принципиально отличая инструменты и механизмы такого управления от мер внешней и внешнеэкономической политики, составляющих собственно содержание торговой войны, с одной стороны, именами по минимизации ущерба, нанесенного национальной экономике торговой войной, когда нанесенный ущерб является уже не вопросом риска, а вопросом свершившегося факта.

2. Для изучения зарубежного опыта в данной области необходимо исходить из четкой типологии торговых войн, а именно их классификации по двум типам: «чисто торговые» войны и «торгово-политические» войны. Нами изучены и систематизированы существенные различия между обоими типами.

3. Нами дан анализ альтернативных подходов к исследованию и управлению специфическими внешнеэкономическими рисками, возникающими в результате «чисто торговых» войн, на обширном материале таких организаций, как ВТО, МВФ, Азиатский банк развития, а также на основе материалов китайских и американских экспертов. Анализ показал, что использование вычислительных экономико-математических моделей, относящихся к различным парадигмам экономической науки, даёт близкие количественные результаты. Таким образом, наработанный методический инструментарий обладает известной степенью универсальности и может найти широкое применение в Беларуси.

4. Нами показано, что в области специфических внешнеэкономических рисков, возникающих в ходе «торгово-политических» войн зарубежные исследователи не располагают хорошо разработанным инструментарием, и во многих случаях приходится полагаться на создание методологии *ad hoc* с привлечением достижений политических (геополитика) и военных наук (военная стратегия, экономика ВПК), а также широкого круга отечественных исследований в области национальной безопасности Республики Беларусь.

5. Нами сделан вывод, что во всех рассматриваемых случаях ключевая роль в управлении специфическими внешнеэкономическими рисками, возникающими в результате торговых войн, должна отводиться не «ручному управлению» экономикой и связанным с ним чрезвычайным мерам, а построению экономических институтов-механизмов (в смысле Гурвица-Майерсона-Маскина), совместимых с нормальными стимулами людей мирного времени.

Литература

1. Вознесенский, Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. А. Вознесенский // Москва: ОГИЗ, 1947. – 197 с.
2. Караганов, С. А. Об ошибочности использования в народнохозяйственном планировании экономико-математической модели В. Леонтьева и межотраслевых балансов «Затраты – Выпуск» [Электронный ресурс] / С. А. Караганов. – Режим доступа: <http://www.aup.ru/articles/economics/12.htm>. – Дата доступа: 02.07.2022.
3. Катасонов, В. Ю. Мировая кабала / В. Ю. Катасонов // М.: Алгоритм, 2013. – 384 с.
4. Короткевич, А. И. Совершенствования инструментария прогнозирования, планирования и анализа инновационного развития национальной экономической системы Беларуси / А. И. Короткевич [и др.]. – Минск: Изд-во БГУ, 2019. – 245 с.
5. Шапошников, Б. М. Мозг армии: в 3 т. / Б. М. Шапошников. – Т. 3. – Москва – Ленинград: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1929. – 380 с.
6. Amity, M. The Effect of the US-China Trade War on U.S. Investment Big War [Electronic resource] / M. Amity, S. H. Kong, D. Weinstein // NBER working paper series. Working paper 27114. – Mode of access: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27114/w27114.pdf. – Date of access: 21.08.2022.
7. Bekkers, E. An Economic Analysis of the US-China Conflict [Electronic resource] / E. Bekkers, S. Schroether // World Trade Organization. Staff Working Paper ERS2020-04. – January 2022. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202004_e.pdf. – Date of access: 05.08.2022.
8. Fajgelbaum, P. The Economic Impact on the US-China Trade War [Electronic resource] / Pablo Fajgelbaum, Amir Khandelwall // NBER working paper series. Working paper 29315. – Mode of access: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w29315/w29315.pdf. – Date of access: 14.08.2022.
9. Gentile, E. Assessing the Impact of the United States – People's Republic of China Trade Dispute Using a Multiregional Computable General Equilibrium Model [Electronic resource] / E. Gentile, G. Li, M. Mariamsingham // ADB Economics Working Paper Series. – № 60. – September 2020. – Mode of access: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/640651/ewp-620-impact-us-prc-trade-dispute.pdf>. – Date of access: 05.08.2022.
10. Medvedev, V. F. Analysis of structural change, trade specialization and integration experience of Belarus / V. F. Medvedev, S. R. Vassilevsky, K. L. Kurilionak. – Wien: WIIW, 2005.
11. Zhang, Y. The US-China Trade War: A Political and Economic Analysis [Electronic resource] / Yuhang Zhang // University Of California, Berkeley. – August, 2018. – Mode of access: <https://www.researchgate.net/publication/33238348>. – Date of access: 18.08.2022.

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ ТОВАРАМИ И УСЛУГАМИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ
PROBLEMATIC ASPECTS OF PARTICIPATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS
IN INTERNATIONAL TRADE IN GOODS AND SERVICES
UNDER MODERN CHALLENGES**

Ледян Денис Юрьевич,
аспирант Академии управления при
Президенте Республики Беларусь,
ledyan.denis@gmail.com

Ledyan Denis,
Candidate of the Academy of Public Administration under
the Aegis of the President of the Republic of Belarus,
ledyan.denis@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей значимостью продвижения национальных интересов в условиях различного рода экономических ограничений со стороны сильных мировых игроков, защиты суверенитета Республики Беларусь и самостоятельности страны на фоне трансформации системы международных отношений. В статье исследуются текущие условия международной торговли товарами и услугами Республики Беларусь с зарубежными партнерами, определены перспективные направления развития сферы услуг.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи, мировой рынок, внешнеэкономическая и внешнеполитическая конъюнктура, классификация услуг, международная торговля услугами, цифровизация, цифровая торговля.

Abstract. The article presents the increasing importance of promoting the national interests of Belarus under different kinds of economic restrictions applied by the strong world players, protection of sovereignty and independence of the Republic of Belarus on the background of the transformation of the international relations system. The article observes the current conditions of international trade in goods and services of the Republic of Belarus with foreign partners, identifies promising areas for the development of the service sector.

Keywords: foreign economic relations, world market, foreign economic and policy conjuncture, classification of services, international trade in services, digitalization, digital trade.

Международные отношения стран развиваются с учетом историко-географических, индустриальных, социальных и других факторов под воздействием экономической и политической конъюнктуры. Республика Беларусь в непростых условиях выстраивает международные экономические отношения со странами мира с учетом международных обязательств перед другими государствами и региональными объединениями.

Каждая страна имеет определенную специализацию в мировой экономике, которая вместе со стремлением ведущих государств к открытию национальных экономических систем приводит к углубленной интернационализации хозяйственных связей. Беларусь не является исключением в этом процессе.

Беларусь, как страна с открытой экономикой, поддерживает внешнеторговые контакты с большинством стран мира, реализует многовекторную внешнеэкономическую политику, активно участвует в международных интеграционных процессах, отстаивает государственные интересы на международных площадках. Страна стремится к построению паритетных, взаимовыгодных отношений, развитию сотрудничества по всему спектру внешнеэкономических связей.

Активное участие страны в мировой торговле дает стране ряд преимуществ:

- 1) полное и разнообразное удовлетворение потребностей населения;
- 2) эффективное использование имеющихся ограниченных ресурсов;
- 3) ускоренный процесс приобщения к мировым достижениям науки и техники;
- 4) возможность осуществления ускоренной структурной перестройки.

В сложной системе мирохозяйственных связей внешняя торговля является центральным звеном, которая охватывает практически все виды международного разделения труда и связывает страны мира в единую международную экономическую систему.

Процессы глобализации международной торговли неразрывно связаны с беспрепятственным перемещением ресурсов и товаров, что объективно невозможно осуществить без международной торговли соответствующими услугами.

Торговля услугами существенно отличается от экспортно-импортных операций с товарами в связи с тем, что поставка услуги не всегда пересекает границу по пути от поставщика услуги к потребителю. Согласно классификации Генерального соглашения о торговле услугами ВТО ГАТС определяется четыре способа поставки услуг [1]:

1. Трансграничная поставка – заказчик и исполнитель находятся в разных странах, границу пересекает сама услуга и ее оплата.
2. Потребление за границей – заказчик перемещается в страну производителя услуги.
3. Коммерческое присутствие – юридические лица приходят в другую страну и поставляют услугу потребителю.
4. Пребывание физических лиц – в этом случае физическое лицо (поставщик услуги) пересекает границу по пути к своему клиенту-заказчику услуги.

В связи с особенностями производства и потребления услуг ограничения на государственном уровне применяются чаще всего в отношении заказчиков и поставщиков услуг. Ограничения международной торговли услугами реализуются в виде нетарифных барьеров:

- а) ограничения в отношении прямых иностранных инвестиций и специалистов-нерезидентов, напрямую влияющих на доступность рынка страны для иностранных компаний;
- б) дискриминационные условия для иностранных компаний – ограничение доступа к налоговым льготам, налоги на трансграничную торговлю через телекоммуникационные сети;
- в) прочие нетарифные ограничительные меры (к примеру, особенности законодательства, культуры) [2].

В 2020 году произошла значительная переоценка правил международной торговли, привычного образа жизни, подходов к производству и формированию добавленной стоимости продукции и услуг. Зафиксировано снижение уровня потребления и производства в мировом масштабе [3], прослеживается смещение на мировом рынке акцентов с партнерства в плоскость обостренной, зачастую недобросовестной конкуренции. Сектор услуг оказался наиболее чувствительным к ограничениям в транспортной, туристической, торговой сферах [4].

Несомненно, чрезмерные ограничения для населения и бизнеса, общая несогласованность действий правительств мира в борьбе с пандемией коронавируса привели к ускорению процессов цифровой трансформации мировой экономики, а также росту глобального интернет-трафика. По оценкам ЮНКТАД, в 2022 году мировой интернет-трафик составит суммарный объем трафика, равный периоду с начала существования интернета по 2016 год.

Динамично развивающаяся цифровая торговля получила новый импульс в связи с переводом торговых сделок и переговоров в онлайн-формат. Рыночная капитализация цифровых корпораций значительно возросла. Согласно последнему докладу ЮНКТАД, лидерами в получении выгод от развития цифровой экономики являются США и Китай, где сосредоточено 90 % крупнейших мировых цифровых платформ и половина центров хранения и обработки данных [5]. Цифровые компании указанных стран обладают конкурентными преимуществами на глобальном уровне в создании стоимости данных, доступе к первичным данным, необходимыми инвестициями и технологиями для анализа, обработки и использования данных.

Предлагая рынку товары и услуги, которые ранее в основном были ориентированы на потребителей стран бывшего СССР и их союзников, структура экономики Республики Бела-

русь долгое время формировалась в рамках внутрисоюзного разделения труда и имела ярко выраженный характер удельного потребления энергоресурсов, металла, комплектующих. Однако постепенно структура экономики Беларуси адаптировалась под мировой рынок, наша страна освоила выпуск сбалансированных по «цене-качеству» товаров для разных рынков, увеличилась доля услуг в ВВП и объем внешней торговли услугами.

Участие Беларуси в региональных интеграционных объединениях на евразийском пространстве (Союзное государство, ЕАЭС, СНГ, ШОС) сыграло большую роль в рациональном использовании имеющихся ресурсов, оптимизации затрат на разработку и выпуск инновационных конкурентоспособных продуктов, снижении транзакционных издержек, расширении внешнеэкономического сотрудничества с другими региональными интеграционными объединениями.

Взаимовыгодные отношения со странами ЕС, США и Россией успешно развивались несмотря на санкционное давление и различного рода условия, которые выдвигались к Беларуси с середины 90-х годов и значительно усилились после 2006 года.

Евросоюз на протяжении истории современной независимой Беларуси является крупнейшим инвестором в белорусскую экономику и поставщиком высокотехнологичного оборудования и технологий, необходимых для модернизации и технического переоснащения белорусских предприятий.

Стабильные внешнеэкономические связи для Беларуси имеют стратегическое значение, так как страна экспортирует 65 % производимой продукции [6, 7].

Беларусь достигла высокого уровня интеграции в мировой рынок. Соотношение объема торговли товарами и услугами к ВВП в 2019-2021 годах составило 133 %, 120 % и 139 % соответственно [8], что значительно превышает среднемировые показатели [9]. Экономика страны имеет ярко выраженный характер открытой экспортно ориентированной экономики и в этой связи достаточно уязвима к внешним шокам.

2020 год в отношении показателя открытости экономики является менее релевантным с учетом мировой экономической нестабильности, борьбы «центров силы» за изменение баланса в современной системе международных отношений, снижением деловой активности вследствие распространения коронавирусной инфекции, различного рода национальных и региональных экономических ограничений в международной торговле товарами и услугами.

В 2018–2020 годах основные страны мира непрерывно вели санкционные, торговые и информационные войны [10]. Имеющиеся разногласия углубились, следствием чего стала дальнейшая милитаризация, эрозия системы международной безопасности и механизмов контроля над вооружениями, возникновение новых конфликтов при отсутствии решений по урегулированию «тлеющих» старых.

Дополнительными вызовами для Республики Беларусь с конца 2019 года стало беспрецедентное усиление санкционного давления и действия некоторых стран, открыто направленные на уничтожение белорусской государственности за счет перекрытия экспортно-импортных каналов и возможностей для взаиморасчета с контрагентами.

Продвижение Республики Беларусь по пути устойчивого развития в решающей степени зависит от устойчивых связей с внешним миром. На практике, отстаивание внешнеэкономических интересов и защита суверенитета Республики Беларусь сопряжены с определенными трудностями. Интересы зарубежных партнеров могут вступать в противоречие с национальными интересами Беларуси в определенный период межгосударственных отношений.

До перекрытия странами Балтии, Польшей и Украиной каналов экспортных поставок белорусской продукции интенсивность внешней торговли товарами и услугами возрастала. В связи с оживлением мировой экономики после пандемии 2020 года кроме увеличения физических объемов, росли и средние цены [11, 12]. Внешний спрос на многие белорусские товары и услуги превышал предложение.

Экономика Беларуси успешно развивалась, рекордным внешнеэкономическим результатом завершился 2021 год: внешнеторговый оборот товаров и услуг в 2021 году увеличился на 22,3 млрд долларов, что на 30,7 % больше 2020 года.

Согласно данным Всемирного банка, около 65 % валового внутреннего продукта в ми-

ре формируется за счет услуг, в том числе половина ВВП – в Беларуси [7, 9].

Для сбалансированности внешней торговли Республики Беларусь экспорт услуг имеет первостепенное значение (рисунок 1). Отрицательный баланс внешней торговли товарами в значительной степени компенсируется превышением экспорта услуг над импортом. Сальдо внешней торговли услугами последовательно улучшается с 2014 года.

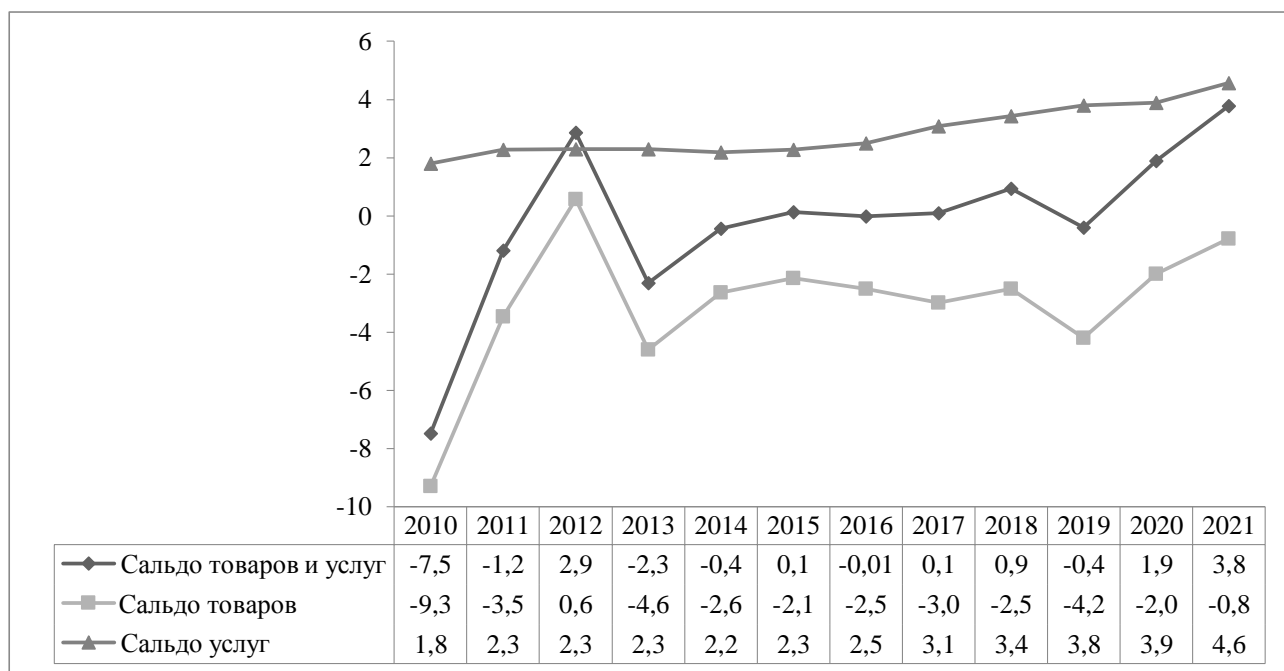

Рисунок 1 – Сальдо внешней торговли товарами и услугами в 2010-2021 годах, млрд долл. США

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [8]

Основные внешнеэкономические партнеры Республики Беларусь в торговле товарами и услугами: Россия (30 % от внешнеторгового оборота услуг и 49 % внешней торговли товарами в 2021 году), а также страны Евросоюза (31 % и 20 % соответственно) [13].

По итогам 2021 года сальдо внешней торговли товарами и услугами сложилось положительным в размере 3,8 млрд долларов, что на 1,9 млрд долларов лучше результата 2020 года. Экспорт белорусских товаров вырос во все регионы мира, сальдо торговли товарами составило «минус» 0,8 млрд долларов, что лучше 2020 года на 1,2 млрд долларов.

Сальдо внешней торговли услугами сложилось на уровне 4,6 млрд долларов (увеличение на 672 млн долларов по сравнению с 2020 годом). Основной вклад в положительное внешнеторговое сальдо внесли транспортные услуги (рост на 689,6 млн долларов или на 18,7% по отношению к 2020 году), компьютерные услуги (на 495,1 млн долларов или 19,6 %), услуги по ремонту и техническому обслуживанию (на 85,4 млн долларов или на 58,6 %), прочие деловые услуги (на 84 млн долларов или 9,4 %).

По данным Национального банка Республики Беларусь, доля экспорта услуг в общем объеме экспорта в 2019–2021 годах составила от 20,8 до 23,8 % [8]. По итогам 2021 года транспортные услуги составили 43 % общего объема экспорта. Наличие современных мультимодальных транспортных коридоров, выгодное геостратегическое положение Беларуси, устойчивое развитие страны, свободных и особой экономической зон, Китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень», а также успешная реализация государственных программ способствовали развитию транспортно-логистической системы Республики Беларусь.

ИТ-сектор стал самым перспективным и динамично развивающимся в экономике Беларуси. Значительный объем экспорта компьютерных услуг (доля 29 % в 2021 году) достигнут за счет формирования благоприятных условий для развития компаний и человеческого потенциала,

своевременного принятия нормативных и законодательных актов и создания Парка высоких технологий, поддержки Президента Республики Беларусь и Правительства, экспертного сообщества при разработке Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г.

В настоящее время Республике Беларусь предстоит найти приемлемые сбалансированные решения по проблемным вопросам развития экономических отношений. Сложности взаимодействия с зарубежными партнерами в 2022 году подтверждает статистика за II квартал 2022 года: при росте на более чем на треть средних экспортных цен на белорусские товары, индекс физического объема на треть снизился [7, 14], что свидетельствует о вызовах в поставках белорусских товаров и услуг.

В этих непростых условиях все большую значимость приобретает большее взаимодействие с дружественными странами, нахождение компромисса в международных расчетах с партнерами, выстраивании логистики. При этом четыре из пяти стран-соседей старательно возводят новый «железный занавес» и максимально усложняют доставку белорусских товаров и услуг зарубежным покупателям и мешают насытить товарами и услугами рынок Беларуси.

Чтобы обеспечить сбалансированность внешней торговли и устойчивый экономический рост не только Беларуси, но и стран Европы, значительных усилий потребует развитие диалога, добрососедского взаимодействия и нормализация экономических отношений, в первую очередь со странами ЕС. Необходим поиск форматов взаимодействия с США, которые открыто нарушают принципы суверенного права государств за счет экстерриториального принципа применения санкций.

Минск, как центр принятия решений, нравится далеко не всем сильным мировым игрокам. В этой связи усилилась экономическая блокада Беларуси, к которой из стран-соседей к настоящему времени не присоединилась только Россия.

Колоссальным запасом прочности в силу размера экономики и ресурсной базы Беларусь не обладает, однако определенный резерв для преодоления периода негативных внешнеэкономических условий накоплен за счет устойчивого развития Беларуси с начала XXI века. На фоне сложившихся уникальных условий взвешенная, ответственная и конструктивная позиция нашей страны на международной арене получает все большее признание в мире. Определенную поддержку Беларуси на мировой арене оказывают страны с половиной населения планеты.

Беларусь продолжает активно продвигать объединительную повестку дня в рамках крупных международных инициатив Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, прежде всего – по возобновлению широкого диалога по проблемам международной безопасности и партнерства интеграций, которые имеют серьезный потенциал, направленный на восстановление доверия и преодоление существующих между государствами разногласий.

В текущих условиях Правительство Республики Беларусь при строгом соблюдении принципа суверенитета и самостоятельности принятия решений стремится выстроить сбалансированные внешнеэкономические отношения с нашими основными партнерами на Евразийском направлении (ключевые – Россия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Грузия). Данное направление является приоритетным с точки зрения рынков сбыта белорусских товаров, участия в корпоративных и промышленных связях для выпуска конкурентоспособной на мировом рынке продукции, а также источником сырья, материалов и комплектующих, необходимых для обеспечения производства конкурентоспособных товаров и услуг.

По региональной направленности можно выделить другие приоритетные направления развития внешнеэкономических связей Беларуси с учетом изменений международной обстановки:

а) азиатский вектор (Китай, Вьетнам, Иран, Индия, Индонезия, Филиппины, Пакистан, Монголия);

б) ближневосточно-африканский вектор (ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия, Израиль, Оман, Сирия, Египет, Зимбабве);

в) европейский вектор (включая Турцию и Великобританию);

г) латиноамериканский вектор (Бразилия, Мексика, Куба, Венесуэла).

Развитие азиатского вектора направлено на привлечение инвестиционных ресурсов, со-

здание совместных предприятий по выпуску белорусской продукции в национальной экономике и зарубежных странах, расширение научно-технического сотрудничества, развитие сотрудничества в области образования, туризма, культуры. Белорусские инициативы находят поддержку в рамках ШОС и АСЕАН. Все большее значение и перспективу приобретают наше стратегическое взаимодействие с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Ближневосточно-африканский и латиноамериканский вектор внешнеторгового сотрудничества направлены на диверсификацию рынков сбыта белорусских продовольственных и промышленных товаров, калийных удобрений. В силу удаленности данных рынков осуществляется переход от экспорта белорусских товаров к другим формам интернационализации сотрудничества: сборочным, совместным предприятиям, продаже лицензий, созданию совместных предприятий в добывающих отраслях стран данного региона на взаимовыгодной основе.

Западноевропейский вектор внешнеторговых связей предусматривает восстановление нормальных экономических отношений со странами ЕС и США, которые являются основными заказчиками белорусских ИТ-услуг.

Стоит отметить важность цифровой трансформации для эффективного развития государства и бизнеса. Однако проекты ускоренного строительства цифровой экономики в Беларуси (в частности, интернет вещей, технологии блокчейн, искусственного интеллекта, облачных вычислений) требуют масштабных инвестиций в инфраструктуру.

На текущем этапе, бросающем вызов белорусской государственности, целесообразно сосредоточиться на адаптации экономики к новым правилам международной торговли, дальнейшем развитии сферы услуг экспортно ориентированного ИТ-сектора, сферы транспорта, медицины, образования. Цифровизация данных сфер услуг, а также государственного управления, сельского хозяйства и производства способствует повышению конкурентоспособности белорусской экономики в долгосрочном периоде.

Целесообразно развивать перспективные и быстрорастущие виды услуг (финансовые, телекоммуникационные, услуги рыночной инфраструктуры, прочие деловые услуги) с привлечением в том числе субъектов малого и среднего бизнеса для расширения номенклатуры предоставляемых услуг в целях компенсации выпадающей части сегмента транспортных, компьютерных, телекоммуникационных и информационных услуг.

Во внешней торговле товарами и услугами с партнерами необходимо уделять внимание снятию барьеров и смягчению ограничений в торговле, совместной выработке в рамках интеграционных объединений мер в ответ на действия международных партнеров, дестабилизирующие мировой рынок и экономику стран.

В рамках международных организаций рационально придерживаться последовательной позиции Республики Беларусь о незаконном применении первичных и вторичных односторонних санкционных мер в нарушение международных норм и правил торговли суверенных государств.

Белорусский народ с тысячелетней историей в очередной раз оказался на стыке геополитических интересов сильных мировых игроков. Чтобы сохранить суверенитет Республики Беларусь, необходимо ускорить адаптацию экономики к новым правилам игры вне правового поля общепризнанных международных норм. Целесообразно ориентироваться на наращивание экспорта на все доступные рынки, развивать сферу услуг в целях улучшения структуры внешней торговли и ВВП.

Литература

1. World trade organization. [Electronic resource] : – Mode of access: https://www.wto.org/english/tratop_e/serv_e/gatsintr_e.htm. – Date of access: 06.10.2022.

2. Сектор услуг Беларуси: проблемы и перспективы развития / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики ; О. С. Булко [и др.] ; под науч. ред. : А. Е. Дайнеко, О. С. Булко. – Минск : Беларуская навука, 2016. – 271 с.

3. Covid-19 and e-commerce / United nations conference on trade and development. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://unctad.org/system/files/official->

document/dtlstictinf2020d1_en.pdf. – Date of access: 05.10.2022.

4. World Trade Statistical Review 2021 / WTO. [Electronic resource]. – Mode of access: – <https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287051493/read>. – Date of access: 06.10.2022.

5. Digital economy report 2021 / United nations conference on trade and development. [Electronic resource]. – Mode of access: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_en.pdf. – Date of access: 05.10.2022.

6. Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе – декабре 2021 года: статистический бюллетень / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/540/k967chab7kk153tcjc8gr4josy1vfhi6.zip>. – Дата доступа : 06.10.2022

7. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/AggregatedDb>. – Дата доступа: 05.10.2022.

8. Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.nbrb.by/statistics/foreigntrade>. – Дата доступа : 05.10.2022

9. World Development Indicators / World DataBank. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators>. – Date of access: 06.10.2022.

10. Международная торговля и развитие – доклад Генерального секретаря / Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/a74d221_ru.pdf. – Дата доступа: 06.10.2022.

11. Статистический ежегодник Республики Беларусь / И.В. Медведева [и др.]. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021 – 407 с.

12. Статистический ежегодник Республики Беларусь / И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2022 – 374 с.

13. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2021/infografics-foreign_trade_service-2021.pdf. – Дата доступа: 06.10.2022

14. Министерство финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://minfin.gov.by/upload/gosdolg/vneshniy/Belarus_Macroeconomic_Snapshot_2021_rus.pdf. – Дата доступа: 06.10.2022.

**ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТОРГОВЫМ КОНФЛИКТАМ И МИНИМИЗАЦИИ
НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ УСИЛЕНИЯ ПРОТЕКЦИОНИЗМА
НА МИРОВОМ РЫНКЕ**

**THE EXPERIENCE OF REGIONAL INTEGRATION ASSOCIATIONS IN COUNTERING
TRADE CONFLICTS AND MINIMIZING THE NEGATIVE CONSEQUENCES
OF STRENGTHENING PROTECTIONISM IN THE WORLD MARKET**

Румянцев Вячеслав Александрович,
заведующий сектором международной экономической интеграции
центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
rumyantsev61@mail.ru
Rumiantsau Viachaslau,
Head of the International Economic Integration Sector
of the World Economy Research Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
rumyantsev61@mail.ru

Аннотация. В статье отмечено, что противодействие торговым конфликтам и минимизация негативных последствий усиления протекционизма на мировом рынке в рамках региональных объединений становится одним из способов обеспечения их экономической безопасности. Предложены два основных направления деятельности международных региональных объединений в данной области: укрепление институциональной и нормативно-правовой базы интеграционных объединений, в особенности в сфере урегулирования торговых конфликтов; организация взаимодействия с участниками ВЭД за пределами регионального объединения. Раскрыты механизмы по реализации данных направлений и приведены примеры, раскрывающие их эффективность. Сделан вывод, что исследование опыта региональных объединений в данной сфере позволяет интеграционным объединениям с участием Беларуси определить возможности их применения при организации своей деятельности.

Ключевые слова: региональные интеграционные объединения, торговые конфликты, протекционизм, механизмы противодействия.

Abstract. The article notes that countering trade conflicts and minimizing the negative consequences of strengthening protectionism in the world market within the framework of regional associations is becoming one of the ways to ensure their economic security. Two main directions of international regional associations' activity in this area are proposed: strengthening the institutional and regulatory framework of integration associations, especially in the field of settling trade conflicts; organization of interaction with foreign economic activity participants outside the regional association. The mechanisms for the implementation of these areas are disclosed and examples that reveal their effectiveness are given. It is concluded that the study of the experience of regional associations in this area allows integration associations with the participation of Belarus to determine the possibilities of their application in organizing their activities.

Keywords: regional integration associations, trade conflicts, protectionism, counteraction mechanisms.

Противодействие торговым конфликтам и минимизации негативных последствий усиления протекционизма на мировом рынке в рамках региональных объединений становится одним из способов обеспечения экономической безопасности. В международных региональных интеграционных объединениях накоплен определенный опыт их деятельности в данной

области. Анализ показал два основных направления деятельности международных региональных объединений в данной сфере:

укрепление институциональной и нормативно-правовой базы интеграционных объединений, в особенности в сфере урегулирования торговых конфликтов;

организация взаимодействия с участниками ВЭД за пределами регионального объединения.

Наиболее эффективными механизмами в реализации задач по укреплению институциональной и нормативно-правовой базы интеграционных объединений, в особенности в сфере урегулирования торговых конфликтов, являются следующие:

формирование единого внутреннего рынка (ЕВР) регионального объединения как механизм борьбы с общими вызовами, с которыми сталкивается весь регион. Так, ЕВР ЕС в настоящее время является фундаментом, на котором успешно строится валютная и политическая интеграция, представляет собой европейский вариант ответа на экономические и технологические вызовы XXI века. Единство рынка помогает странам Западной и Центральной Европы сглаживать социально-экономические диспропорции. В процессе расширения ЕВР на восток упрочились экспортно-импортные возможности ЕС. За 1992–2005 гг. показатель внешней торговли увеличился с 6,9 до 12,3 % совокупного ВВП. Реализация другого проекта – экономического и валютного союза – сделала полноценной свободу движения капиталов. Благодаря активному нормотворчеству за семь лет цена трансграничных переводов упала с 17–25 евро за каждую сотню до 2,5 евро. В настоящее время Евросоюз кредитует остальной мир гораздо больше, чем тот кредитует ЕС. К примеру, в 1996 году Комиссия в своём первом отчёте о ЕВР писала об усилении привлекательности пространства ЕВР для инвестиций из третьих стран. В начале 1990-х годов ЕС-15 поглощал около 45 % общемировых ПИИ, тогда как в середине 1980-х – менее 30 %. В настоящее время условия проникновения на пространство ЕВР инвесторов из третьих стран стали излишне жёсткими [1]. В 2014 году разработан Инвестиционный план для Европы («план Юнкера»), который призван стать дорожной картой стимулирования роста экономики;

«коллективный» или «интеграционный протекционизм», как система протекционистских мероприятий, защищающих таможенную территорию региональной экономической группировки. При создании ЕС на основе Римского договора в 1957 году в ст. 9 указывалось, что основой объединения является таможенный союз, который охватывает всю торговлю товарами и предусматривает запрещение импортных и экспортных пошлин и любых равнозначных по последствиям сборов в торговых отношениях государств-членов, а также установление единого таможенного тарифа в отношениях с третьими странами. С 1 мая 2016 г. в ЕС вступила в силу новая редакция Таможенного кодекса, утвержденная регламентом Европейского парламента и Совета ЕС от 9 октября 2013 г. № 952/2013 и заменившая действовавший ранее ТК ЕС от 23 апреля 2008 г.;

принятие мер в ответ на проведение политики протекционизма торговыми партнерами или контрпротекционистские меры. К примеру, ЕС, действуя как единый международный игрок, применяет этот механизм. Ограничительные меры касаются преимущественно США, развивающихся стран и стран, не являющихся традиционными торговыми партнерами ЕС. Эти меры носят прежде всего профилактический характер и имеют целью защитить рынки от агрессивной интервенции стран, которые используют методы скрытого демпинга и протекционизма, доказать который в большинстве случаев представляется невозможным. К примеру, в 2018 году 14 июня страны – члены ЕС единогласно одобрили введение импортных пошлин против США в ответ на их решение ввести пошлины на сталь и алюминий. Новые таможенные тарифы – 25 % на сталь и 10 % на алюминий – для стран ЕС вступили в силу 1 июня. 20 июня высший орган исполнительной власти Еврокомиссия утвердила установление пошлин на импорт американских товаров на сумму 2,8 млрд евро. Введение ответных мер вынудило президента США 25 июля пойти на переговоры с председателем Европейской комиссии, в ходе которых была достигнута договоренность о компромиссе по ряду торговых вопросов [2].

Наиболее эффективными механизмами в реализации задач по организации взаимодействия с участниками ВЭД за пределами регионального объединения являются:

механизм использования процедур разрешения торговых споров в ВТО. Использование регулируется международными правилами ВТО, которая постепенно оформляет эти ограничения и поддержку в определенные лимиты: количественные, по срокам и целям. Именно таким образом минимизируются негативные последствия протекционизма в интересах развития национальных экономических систем, мировой торговли и благосостояния потребителей глобальной экономики. ЕС защищал свои права посредством обращения в Орган по разрешению споров ВТО всякий раз, когда это было необходимо. В результате ЕС подал 21 жалобу в ВТО в отношении 10 торговых партнеров в 2017 году и стал второй по числу обращений страной, наряду с США [3]. Несмотря на возросшее число конфликтов, стороны не стремятся доводить их до крайности и прибегают к помощи ВТО (ЕС чаще в качестве истца, а США – ответчика). Выигравшая сторона получает право на торговые уступки или возмездную компенсацию, главным образом в форме повышения тарифов. ЕС активно использует процедуры разрешения торговых споров в ВТО для отстаивания своих экономических интересов в отношениях с США, оспаривая соответствие дискриминационных мер, принятых Вашингтоном, нормам ВТО. Урегулирование конфликтов в рамках ВТО, даже если они решаются в пользу США, позволяет ЕС сдерживать тенденцию к односторонности в американской торговой политике [4]. При малейшем подозрении на демпинг или недобросовестную конкуренцию ЕС инициирует в ВТО споры против Китая. Внушительен список собственных торговых расследований ЕС против КНР: по продукции химической промышленности, кухонной керамике, солнечным батареям, стальным тротуарам, изделиям из чугуна и другим наименованиям [4];

переориентация международных торговых потоков. США в частном порядке признавались, что им было сложно в одиночку, без поддержки своих европейских партнеров, убеждать третьи страны открывать рынки, отказываться от протекционизма и дискриминации и защищать интеллектуальную собственность [4]. Также страны АСЕАН пытаются выработать общую позицию в развитии межрегиональной торговли. Из-за протекционистских мер, принимаемых в Европе и США, страны АСЕАН все больше ориентируются на Китай, который постепенно снижает импортные тарифы. Африка является одним из наиболее заметных рынков в эпоху нового протекционизма, поскольку ни одна из африканских стран не заинтересована в делиберализации торговли. Прогнозируется, что Африка, население которой составляет 16 % от мирового, к 2050 году обеспечит одну треть прироста мирового населения. Данное направление имеет потенциал для увеличения экспортных поставок сельскохозяйственной продукции, машин и оборудования, лекарственных препаратов, медицинских и образовательных услуг на африканском рынке [5];

механизм публичного поднятия вопроса о неправомерности введения торговых ограничений/санкций. К примеру, в пакете мер ЕС для поддержки европейских компаний в условиях экстра-территориальных американских санкций, которые могут быть введены, указано, что ЕС может противостоять влиянию США мерой публичного поднятия вопроса неправомерности вторичных санкций. Это должно повлиять на внутривластную обстановку и заставить США к корректировке политики. В частности, верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности должен отслеживать принятие США экстра-территориальных мер и декларировать негативную позицию ЕС в этом вопросе [6];

двустороннее соглашение между региональным объединением и отдельным государством как мера противодействия торговому протекционизму. Торговля с ЕС была объектом протекционистской политики США с целью сокращения отрицательного сальдо торгового баланса, которое за период с 2009 года по 2018 год увеличилось с - 66 млрд долл. США до - 179 млрд долл. США. В ответ на таможенные пошлины США на импорт стали и алюминия, которые вступили в силу 1 июня 2018 года, ЕС 22 июня 2018 г. ввел пропорциональные пошлины на ряд американских товаров с предупреждением о возможности введения пошлины от 10 % до 50 % на американские товары стоимостью 3,6 млрд евро. Этим были нарушены интересы многих американских производителей. Предупреждение ЕС обложить пошлинами

мотоциклы компании «Harley Davidson» вызвало падение ее акций на 2,2 %. Данные меры ЕС способствовали проведению переговоров с американской стороной и подписанию нового соглашения [7]. В условиях протекционизма и торговых конфликтов ЕС и Япония начали переговоры о заключении соглашения о свободной торговле (ССТ) в 2012 году и подписали его в декабре 2017 г. после 18 раундов переговоров. ЕС и Япония достигли принципиальной договоренности по трем основным аспектам ССТ, одним из которых стало противодействие протекционизму США и поддержка глобальной системы свободной торговли [3]. МЕРКОСУР заключил соглашения с несколькими латиноамериканскими странами, а также с Индией, Египтом, Израилем, Андским сообществом и Таможенным союзом Южной Африки;

соглашение регионального объединения с другими региональными объединениями. Торговая политика ЕС в русле концепции глобальной Европы сосредоточена на соглашениях между торговыми блоками, прежде всего с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР) и Советом сотрудничества стран Залива [3]. Примером эффективного действия данного механизма является интенсификация в 2017 году межрегиональных переговоров между ЕС и МЕРКОСУР в качестве ответа на протекционистскую политику президента США Д. Трампа. До 2017 года концепция заключения соглашения о свободной торговле между странами МЕРКОСУР и ЕС развивалась с конца девяностых годов 20-го века после подписания между двумя региональными объединениями в 1995 году Рамочного соглашения о сотрудничестве. Вместе с тем переговоры велись очень медленно: несколько раз они прерывались из-за отсутствия консенсуса по некоторым стратегическим вопросам и не готовности ни одной из сторон идти на уступки. Текущая экономическая ситуация и действия США ускорили темпы переговорного процесса. Диалог вновь возобновился. Переговоры активизировались по таким направлениям, как торговля товарами, услугами, санитарные и фитосанитарные меры, технические барьеры в торговле, интеллектуальная собственность, устойчивое развитие [8];

механизм консультаций (диалогов). Наиболее оформленным и влиятельным являлся диалог между представителями бизнеса, учрежденный в ноябре 1995 г. в Севилье. В диалоге принимали участие европейские и американские компании и ассоциации. Бизнес-диалог, который являлся неформальным форумом для обсуждения экономических вопросов, способствовал деполитизации торговых отношений между ЕС и США. Начиная с 1995 года, в рамках диалога проводились регулярные конференции, которые совпадали с ритмом саммитов. Таким образом деловое сообщество старалось привлечь внимание политических лидеров к ключевым вопросам торговли и инвестиций. Представители диалога тесно сотрудничали с Комиссией ЕС и правительством США и таким образом участвовали в формировании трансатлантической повестки дня по экономическим вопросам. В ходе конференций участники вырабатывали практические рекомендации по вопросам торговой политики, которые затем включались в План совместных действий. Председатели диалога иногда принимали участие в саммитах ЕС–США [4];

подача исков бизнеса в международные суды за счет регионального объединения. Такой механизм предложен ЕС для защиты европейских компаний в условиях экстратерриториальных американских санкций, которые могут быть введены. В целях влияния на внутривнутриполитическую обстановку и склонения США к смягчению политики ЕС решил поощрять обращение европейских компаний в арбитражные суды для опротестовывания действия американских санкций. ЕС будет, в свою очередь, компенсировать компаниям судебные издержки [6];

механизм формирования и деятельности рабочей группы высокого уровня. Примером может быть рабочая группа высокого уровня, состоящая из представителей Комиссии ЕС и госдепартамента США. В 2010 году ЕС и США приняли решение пересмотреть свои экономические связи и взяли взаимные обязательства по устранению существующих различий в стандартах и экономической политике и выявлению сфер, в которых возможно обеспечить существенный прорыв посредством конкретных переговоров. С этой целью была учреждена Рабочая группа высокого уровня, состоящая из представителей госдепартамента США и Комиссии ЕС. В результате этой новой гибкой модели было принято несколько конкретных соглашений и разработано несколько проектов. Взаимное признание стандартов на все товары,

включая сельское хозяйство, должно было способствовать экономическому росту в Европе и США благодаря сокращению числа дублирующих административных процедур и высвобождению ценных ресурсов для их лучшего применения (например, для оценки риска импорта товаров из третьих стран с более низкими стандартами безопасности) [4];

механизм углубления взаимодействия в обход институтов государства, регионального объединения по отдельности с районами (странами), находящимися в противоречиях с государственной (региональной) политикой протекционизма или торговой войны. Так, в Тибетском автономном районе Китая европейские государства пытаются реализовывать инвестиционные проекты. ЕС развивает торговые связи и с непризнанной Китайской Республикой на Тайване. Она является седьмым по объему товарооборота торговым партнером ЕС в Азии, а ЕС занимает в списке торговых партнеров Тайваня четвертую строчку. Европейские политические деятели посещают Тайвань с визитами и высказывают слова поддержки [4].

Таким образом, рассмотрение опыта региональных интеграционных объединений в современных условиях усиления конкуренции и протекционизма на мировом рынке показывает, что используются различные механизмы в целях минимизации негативных последствий. Исследование опыта региональных объединений в данной сфере позволяет интеграционным объединениям с участием Беларуси определить возможности их применения при организации своей деятельности.

Литература

1. Кондратьева, Н. Б. ЕС: единому внутреннему рынку пятнадцать лет / Н. Б. Кондратьева // Современная Европа. – 2008. – № 2. – С. 60–75.
2. История торговых споров США и ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/6314373>. – Дата доступа: 01.04.2022.
3. Пак С. Ч. Торговый протекционизм как ахиллесова пята международного сотрудничества и соглашение о свободной торговле ЕС. – Япония как мера по борьбе с ним // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 191–222.
4. Внешняя политика и международные связи Европейского Союза: осмысливая роль ЕС в мире / Л. О. Игумнова, О. Г. Лекаренко, Ю. Г. Агафонов и др.; отв. ред. Л. О. Игумнова. Коллективная монография. – Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2018. – 340 с.
5. Аналитический меморандум. Международная конференция «Стратегии ЕАЭС в эпоху нового протекционизма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://cceis.hse.ru/data/2020/05/21/1547805735/%D0%9C%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC%2012%20%D0%BC%D0%B0%D1%8F%20%D0%A0%D0%A3%D0%A1\(1\).pdf](https://cceis.hse.ru/data/2020/05/21/1547805735/%D0%9C%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC%2012%20%D0%BC%D0%B0%D1%8F%20%D0%A0%D0%A3%D0%A1(1).pdf). – Дата доступа: 16.05.2022.
6. Аналитики ЕС разработали методы противодействия санкциям США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/03/12/2020/5fc791fc9a7947930eec9abe>. – Дата доступа: 07.04.2022.
7. Школяр, Н. Экономическая дипломатия: между протекционизмом и свободной торговлей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskaya-diplomatiya-mezhdu-protektionsionizmom-i-svobodnoy-torgovley/>. – Дата доступа: 22.04.2022.
8. Сысоева, А. ЕАЭС, МЕРКОСУР и интеграция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eaes-merkosur-i-integratsiya/>. – Дата доступа: 07.04.2022.

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ
DEVELOPMENT OF AN EXPORT SUPPORT SYSTEM IN THE REPUBLIC
OF BELARUS UNDER SANCTIONS**

Скрябина Татьяна Алексеевна,
старший научный сотрудник сектора внешней торговли
центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
kta@bk.ru
Skriabina Tatiana,
Senior Researcher of the Foreign Trade Sector
of the World Economy Research Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
kta@bk.ru

Аннотация. Необходимость адаптации экономики к новым условиям функционирования обусловила актуализацию задач по совершенствованию системы поддержки экспорта. Комплексный план поддержки экономики в условиях санкций предусматривает разносторонние меры поддержки, которые призваны стимулировать белорусский экспорт в продвижении на внешние рынки, обеспечить переориентацию экспортных потоков, выстраивание новых транспортно-логистических цепочек, снижение издержек предприятий, приобретающих материалы и комплектующие на внешних рынках, а также стимулирование импортозамещения.

Ключевые слова: санкции, экспорт, система поддержки экспорта, кредитование экспорта, переориентация экспортных потоков, транспортно-логистические цепочки, импортозамещение, сводный реестр номенклатуры импортозамещающей продукции.

Abstract. The need to adapt the economy to the new conditions of functioning has led to the actualization of tasks to improve the export support system. A Comprehensive Plan to support the economy in the face of sanctions provides for versatile support measures that are designed to stimulate Belarusian exports in moving to foreign markets, ensure the reorientation of export flows, build new transport and logistics chains, reduce the costs of enterprises that purchase materials and components in foreign markets, as well as stimulate import substitution.

Keywords: sanctions, exports, export support system, export credits, reorientation of export flows, transport and logistics chains, import substitution, a consolidated register of the range of import-substituting products.

Сегодня белорусский бизнес все чаще сталкивается с воздействием экономических санкций. Усложняется доступ отечественных производителей к сырьевым ресурсам и комплектующим зарубежного производства, закрываются освоенные рынки сбыта, возникают проблемы с оплатой внешнеторговых контрактов, происходит разрыв выстроенных за многие годы кооперационных и логистических цепочек.

Резкое ухудшение геополитической обстановки в регионе из-за военного конфликта между Россией и Украиной – основными торговыми партнерами Беларуси, и принятые западными странами беспрецедентные пакеты санкций в отношении России и Беларуси кардинально изменили внешние условия хозяйствования Беларуси, создав новые угрозы и риски для национальной экономики. Необходимость адаптации экономики к новым условиям функционирования обусловила актуализацию задач по совершенствованию мер экономиче-

ской политики, важной составляющей которой является предоставление финансовой и организационной поддержки предприятиям-экспортерам.

Для противодействия санкциям в стране создана трехуровневая система реагирования, которая позволяет оперативно решать возникающие проблемы. Первый уровень – это так называемые штабы, созданные при каждом ведомстве для решения проблем поставок. К рассмотрению вопросов, которые не могут быть решены на данном уровне, подключается республиканский оперативный ситуационный штаб, где ежедневно рассматриваются проблемные вопросы. На этих уровнях работает формула «48 на 48»: 48 часов отводится на подготовку решения и 48 часов на реализацию принятого решения. На третьем уровне действует рабочая группа по противодействию санкциям, которая рассматривает более общие и системные вопросы. Именно эта группа отвечает за выработку ответных мер на недружественные действия отдельных государств [1].

7 апреля 2022 г. Совет Министров Республики Беларусь утвердил **Комплексный план поддержки экономики** в условиях санкций, который состоит из пяти блоков: содействие экспорту, логистика, стимулирование импортозамещения, создание благоприятной бизнес-среды и ряд отраслевых мер. План поддержки экономики в части внешней торговли предусматривает:

- поддержку экспорта и расширение кредитования экспортеров вне зависимости от рынка поставок белорусской продукции;
- снижение таможенных пошлин на товары, необходимые для экспортного производства, и возможность отсрочки задолженности по таможенным платежам;
- выстраивание новых транспортно-логистических цепочек для перенаправления экспортных потоков;
- возможность увеличения квот на поставки в РФ и отмены разрешительной системы перевозок грузов и каботажа для белорусских автоперевозчиков;
- создание совместных с Россией импортозамещающих производств;
- дополнительную финансовую поддержку для малых и средних предприятий, которые будут выпускать продукцию, не производимую в Беларуси и России.

Также в документ включены меры локального характера по поддержке промышленности, строительной отрасли, сельского хозяйства, транспорта и туризма.

Таким образом, поддержка внешнеторговых операций производится по двум направлениям: с одной стороны, стоит задача не допустить значительного снижения экспорта и выработать меры по противодействию новым и старым санкциям, введенным в отношении белорусских предприятий, с другой – использовать возможности импортозамещения для обеспечения бесперебойной работы экономики и насыщения внутреннего рынка необходимыми товарами.

В рамках реализации Комплексного плана приняты меры поддержки, которые призваны **стимулировать белорусский экспорт** в продвижении на новые рынки:

1. В 2022 г. на кредитование экспорта в рамках Указа Президента от 25.08.2006 № 534 «О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг)» выделено 2,1 млрд рублей, что почти на 300 млн рублей больше, чем в 2021 году [2]. Только Банком развития в рамках данного указа за 7 месяцев 2022 года выдано 1,1 млрд бел. рублей экспортных кредитов, что почти на 30% больше, чем за аналогичный период 2021 года [3].

2. На компенсацию льготных процентных ставок при экспортном кредитовании предусмотрено на 40 % больше, чем в 2021 году (242 млн руб.) [1].

3. Увеличены сроки возврата экспортных кредитов с 6 до 12 месяцев для предприятий, подверженных санкционному давлению.

4. Снято ограничение на предельный размер предоставляемых экспортных кредитов в совокупности 3 млн долл. США в эквиваленте на одного кредитополучателя. Размер экспортного кредита ограничивается только стоимостью экспортного контракта при краткосрочном кредитовании и 85 % стоимости экспортного контракта для долгосрочных экспортных кредитов.

5. Расширен список товаров, которые можно кредитовать. В него включены продовольственные товары.

6. Предусмотрена возможность экспортного кредитования резидентов для производства и реализации товаров (работ, услуг) на экспорт через уполномоченные организации или управляющие компании холдингов. Ранее кредитные ресурсы могли быть предоставлены только непосредственно самому экспортеру, теперь экспортное кредитование стало возможно через спецэкспортера или головную компанию холдинга.

7. Предоставлено право финансирования банками и Банком развития резидентов под уступку денежного требования (факторинг) при реализации экспортных контрактов в белорусских рублях. Раньше возможности факторинга были связаны только с иностранной валютой либо с российскими рублями.

8. Установлены плавающие процентные ставки по экспортным кредитам и факторингу в белорусских и российских рублях. Раньше ставка по таким кредитам фиксировалась на дату заключения договора, теперь она может меняться вместе со ставкой рефинансирования.

9. Банкам, финансирующим экспорт, рекомендовано в ряде случаев не применять штрафные санкции к экспортерам. Речь идет о договорах, заключенных в рамках Указа № 534 (в частности, о договорах экспортного кредитования и факторинга), по которым не подтвержден факт реализации на экспорт. При этом должны одновременно выполняться определенные условия, связанные, в том числе, с введением военного положения или запретов торговли с Беларусью.

10. Предусмотрена поддержка экспортеров по сертификации производства продуктов питания – это важно для выхода на азиатский рынок.

11. Упрощены таможенные процедуры, что снизит издержки для бизнеса.

12. Сокращен в 2 раза (с 10 до 5 дней) срок принятия БелТПП решения о выдаче сертификата продукции собственного производства. Эта мера временная и будет действовать до 31.12.2022.

13. Белорусским предприятиям разрешено получать от нерезидентов наличную иностранную валюту (доллары США, евро, китайские юани) при проведении операций, связанных с экспортом. Такая валютная выручка затем должна зачисляться на банковские счета в Беларуси. Эта временная мера будет действовать до 31 декабря 2023 года и позволит предприятиям продолжать работу в условиях санкций и сложностей с безналичными расчетами при исполнении экспортных договоров.

14. Расширен перечень организаций, имеющих право реализовывать на экспорт (кроме вывоза в государства – члены ЕАЭС) нефтепродукты по перечню Совмина. С 17.03.2022 в их числе ОАО «Гомельтранснефть Дружба».

15. Введено лицензирование экспорта калийных удобрений. Обычно необходимость получения лицензий носит сдерживающий характер, но в данном случае речь фактически идет о расширении круга потенциальных экспортеров, поскольку помимо «Беларуськалия» и «Белорусской калийной компании» ими могут выступать и иные юридические лица, получившие лицензию.

16. Расширен перечень валют, в которых может уплачиваться вывозная таможенная пошлина на калийные удобрения. Теперь ее можно уплатить в российских рублях, китайских юанях, долларах США и евро.

17. Упрощен порядок реализации на экспорт ряда лесоматериалов и древесины. С 18.03.2022, в частности, отменена обязанность заключать сделки с такими товарами исключительно на биржевых торгах. Кроме того, приостановлено действие нормы об установлении ставок вывозных таможенных пошлин по некоторым лесоматериалам и продукции деревообработки. Однако ставки применяются, если экспорт запланирован в иностранные государства, указанные в перечне недружественных государств.

Кроме того, Банк развития Республики Беларусь начал финансировать в белорусских рублях по минимальной процентной ставке (7,5 % годовых) импортозамещающие и экспортно ориентированные инвестиционные проекты в рамках нового кредитного продукта «Ста-

билизационный» собственной программы финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Кредитные ресурсы будут предоставляться через банки-партнеры. На кредитование программы поддержки импортозамещения и поддержки экспорта Банк развития планирует направить в 2022 году порядка 250 млн руб. [4]. За время существования кредитного продукта уже профинансировано 158 инвестиционных проектов на общую сумму свыше 50 млн рублей [5].

Второй приоритет содействия экспорту — *переориентация экспортных потоков*. Наиболее емкие и перспективные рынки для переориентации белорусского экспорта – Россия и Китай. В первой половине 2022 году в эти две страны было поставлено 57,5 % товаров, и в дальнейшем поставки будут наращиваться [6]. Отраслями разработаны планы действий по наращиванию экспорта в страны Юго-Восточной Азии, Африки, Южной Америки, СНГ, Грузию и Турцию.

Тем не менее, остаются товары, быстрая и полная переориентация которых невозможна. Ключевые среди них – нефть и нефтепродукты, калийные, азотные и смешанные удобрения. Проблема не только в отсутствии необходимой портовой инфраструктуры, но и в нежелании трейдеров и владельцев танкеров брать на себя риски перевозки белорусских грузов, а также отказы европейских банков в проведении платежей.

В контексте экспорта крайне важной является задача по *выстраиванию новых транспортно-логистических цепочек*, поскольку после 24 февраля санкционное давление усилилось на все виды транспорта.

С 9 апреля 2022 года автотранспортным предприятиям, учрежденным в Республике Беларусь, запрещена перевозка грузов автомобильным транспортом по территории Европейского союза, в том числе транзитом. С целью поддержки отечественных автоперевозчиков приняты ответные меры – запрещено перемещение через таможенную границу ЕАЭС в Беларусь автотранспортных средств, зарегистрированных в ЕС. Чтобы сохранить логистику созданы 24 специальные «буферные» зоны для перегрузки и перецепки транспортных средств Евросоюза на отечественные.

Одновременно ведутся переговоры с дружественными странами об увеличении количества разрешений для перевозок грузов (Армения, Кыргызстан, Казахстан, Азербайджан, Грузия, Узбекистан, Турция, Туркменистан, Таджикистан, Россия, КНР), а с Российской Федерацией — об отмене разрешительной системы автоперевозок грузов в третьи страны и выполнении по ее территории каботажных перевозок. Китаем уже принято решение о допуске белорусских транспортных средств на их территорию. Получены разрешения к имеющимся квотам на международные перевозки в Армении, Грузии, Кыргызстане, Турции, КНР.

С 4 марта 2022 г. до конца года белорусские автоперевозчики вправе принимать на территории иностранных государств наличную иностранную валюту от нерезидентов в качестве платы за экспортируемые транспортные услуги. Ранее в соответствии с Законом о валютном регулировании подобные расчеты не допускались.

27 июня 2022 г. Указом Президента № 215 «О признании утратившими силу правовых актов Президента Республики Беларусь» отменено требование к заключению договоров транспортной экспедиции через тендеры. Документ направлен на создание организациям-экспортерам более оптимальных условий осуществления экспорта продукции с привлечением транспортно-экспедиционных компаний резидентов и нерезидентов Беларуси с возможностью заключения договоров без проведения конкурса (тендера).

Для разрешения логистических ограничений в долгосрочной перспективе Главой государства принято стратегическое решение по строительству собственного порта в России.

Кроме того, для решения вопросов, связанных с логистикой и транспортировкой как внутри Союза, так и за его пределами, ЕАЭС планирует создать общую товарораспределительную сеть, в том числе для наращивания экспорта сельскохозяйственной продукции на рынки третьих стран.

В рамках *импортозамещения* работа ведется по двум направлениям. Первое — поиск альтернативных поставщиков, прежде всего, в России и Китае.

Принимаются меры по снижению издержек предприятий, приобретающих материалы и комплектующие на внешних рынках. Для этого на площадке ЕЭК приняты «три пакета» антикризисных мер таможенно-тарифного регулирования, в рамках которых снижены ставки ввозных таможенных пошлин на товары критического импорта, упрощена процедура подтверждения происхождения товаров, ввозимых из стран, с которыми у ЕАЭС заключены соглашения о свободной торговле, и т.д.

Разработан законопроект о параллельном импорте ряда товаров в условиях санкций. Тем самым будет предоставлена возможность ввозить оригинальный товар не только самим правообладателям объекта интеллектуальной собственности или их официальным дистрибьюторам, но и любым импортерам. Установление этой временной меры направлено на недопущение дефицита товаров импортного производства и насыщение потребительского рынка.

Второе направление импортозамещения – производство отечественных аналогов. Минэкономики утвердило перечень импортозамещающей продукции (более 2750 наименований из различных отраслей экономики), который будет ориентиром для бизнеса, а также применения мер стимулирования для организации соответствующих импортозамещающих производств.

Национальным центром маркетинга и конъюнктуры цен Республики Беларусь (НЦМиКЦ) создан сводный реестр номенклатуры импортозамещающей продукции для предприятий Российской Федерации. С помощью реестра российские компании смогут размещать сведения о промышленной продукции, запасных частях и комплектующих, сырье и материалах, в которых они нуждаются, а белорусские производители предлагать товарные позиции, которые могут быть использованы в качестве импортозамещающей продукции.

По импортозамещению работают отраслевые российско-белорусские рабочие группы в автомобилестроении, сельхозмашиностроении, станкостроении, электронике, легкой, химической промышленности и фармацевтике. Минпромом, Минздравом, «Беллепром» и «Белнефтехимом» закреплены договоренности по поставкам замещающих критический импорт товаров для бесперебойной работы предприятий обоих государств. Более того, Россия будет участвовать в финансировании Беларуси в программах импортозамещения. Сформирован перечень из 23 совместных проектов на сумму 2,2 млрд долл. США. По 14 (на 1,6 млрд долл. США) российскими партнерами уже одобрена целесообразность реализации. По 11 из них Минпромом разработаны графики подготовки бизнес-планов [1].

В рамках работы по *сопровождению внешнеэкономической деятельности* НЦМиКЦ проводит презентации белорусского экспортного потенциала на заседаниях межправкомиссий, советах делового сотрудничества с зарубежными странами, в посольствах и дипломатических миссиях, на международных выставках, форумах и мероприятиях по межрегиональному сотрудничеству; организует вебинары, посвященные условиям работы на перспективных рынках Азии, Африки и Ближнего Востока (по особенностям работы на китайском рынке, сотрудничеству с Пакистаном в области деревообработки, условиям доступа на рынок Африки, поставкам продовольственной продукции в Египет); организует национальные экспозиции Республики Беларусь на международных выставках и т.д.

БелТПП совместно с экспертами в области e-commerce и официальными представителями крупнейших торговых площадок проводит профильные мероприятия и организует консультирование по вопросам *экспортной электронной торговли*, предлагает справочно-аналитическую поддержку с целью формирования эффективного и доступного механизма экспорта белорусской продукции по электронным каналам продаж.

Таким образом, в настоящее время государственными органами ведется активная работа по совершенствованию механизмов поддержки экспорта в условиях современных реалий. Предпринимаемые меры в комплексе с углублением интеграции с Российской Федерацией должны позволить сгладить последствия санкций в кратко- и среднесрочном периоде. Отдельные меры носят долгосрочный характер и призваны улучшить структуру экономики и повысить ее эффективность.

Литература

1. 25 мая 2022 г. состоялось совместное заседание Палаты представителей и Совета Республики для вопросов депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики и ответов Правительства Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Сайт депутата Палаты Представителей Национального собрания Республики Беларусь Шевчука Н. Н. – Режим доступа: <http://shevchuk.house.gov.by/ru/news-ru/view/25-maja-2022-goda-sostojalos-sovmestnoe-zasedanie-palaty-predstavitelej-i-soveta-respubliki-dlja-voprosov-80/>. – Дата доступа: 03.10.2022.
2. Министр экономики рассказал о пяти мерах стимулирования экспорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://officelife.media/news/32374-ministr-ekonomiki-rasskazal-opyati-merakh-po-stimulirovaniyu-eksporta/>. – Дата доступа: 03.10.2022.
3. Как Банк развития помогает отечественным предприятиям-экспортерам противостоять санкционному давлению запада [Электронный ресурс]. // SB: Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/svoevremennaya-podderzhka-.html>. – Дата доступа: 03.10.2022.
4. Банк развития выделит около Br 250 млн на кредитование программы импортозамещения [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/bank-razvitija-vydelit-okolo-br250-mln-na-kreditovanie-programmy-importozameshenija-503367-2022/>. – Дата доступа: 03.10.2022.
5. Финансовая поддержка малого и среднего предпринимательства: новые возможности с кредитным продуктом «Стабилизационный» [Электронный ресурс] / Банк развития Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://brrb.by/about/press/news/finansovaya-podderzhka-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-novye-vozmozhnosti-s-kreditnym-produktom/>. – Дата доступа: 03.10.2022.
6. Статистика внешней торговли [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 03.10.2022.

УДК 339.13

ОПЫТ АДАПТАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ КОМПАНИЙ К КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЕ НА МИРОВОМ РЫНКЕ МИНЕРАЛЬНЫХ УДОБРЕНИЙ ADAPTATION EXPERIENCE OF FOREIGN COMPANIES TO COMPETITION IN THE GLOBAL MINERAL FERTILIZER MARKET

Тавгенъ Екатерина Олеговна,
научный сотрудник сектора экономики зарубежных стран
центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
katetavgen@mail.ru
Tauhen Katsiaryna,
Researcher of the Foreign Countries Economy Sector
of the World Economy Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
katetavgen@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются стратегические ориентиры и элементы бизнес-моделей зарубежных компаний-производителей, нацеленные на получение преимуществ в конкурентной борьбе на мировом рынке минеральных удобрений. Отмечается переход от стратегии лидерства по издержкам за счет вертикально-интегрированной структуры предприятий к стратегиям дифференциации и фокусирования, что выражается в диверсификации продуктового ассортимента и рынков сбыта. Рассматриваются меры иностранных компаний

по внедрению новшеств и своевременному реагированию на потребности рынка, что свидетельствует о смещении конкуренции в сферу услуг и повышении роли клиентоориентированности. Также выделяются факторы, обуславливающие динамизм среды на мировом рынке минеральных удобрений. Подчеркивается олигополистический характер горно-химической отрасли и ее зрелость, взаимозависимость основных игроков, что актуализирует изучение опыта стратегического развития конкурентов.

Ключевые слова: минеральные удобрения, рынок, стратегия, конкурентные преимущества, горно-химическая отрасль.

Abstract. The article contains the analysis of the strategic guidelines and elements of business models of foreign manufacturing companies aimed at obtaining competitive advantages in the global mineral fertilizer market. The transition from a cost leadership strategy due to the vertically integrated structure of enterprises to strategies of differentiation and focusing is noted. It is expressed in the diversification of the product range and sales markets. The measures of foreign companies to introduce innovations and respond in a timely manner to market needs are considered. It indicates a shift in competition to the service sector and an increase in the role of customer-oriented approach. The factors that determine the dynamism of the environment in the global mineral fertilizer market are also highlighted. The oligopolistic nature of the mining and chemical industry and its maturity, the interdependence of the main players are emphasized. It necessitates the study of the competitors' strategic development experience.

Keywords: mineral fertilizers, market, strategy, competitive advantages, mining and chemical industry.

Экспорт минеральных удобрений – один из главных источников финансовых поступлений, необходимых для экономического развития Республики Беларусь. Внешнеторговая деятельность отечественных предприятий по выпуску минеральных удобрений, обусловленная малой емкостью внутреннего рынка, трансформировала национальную отрасль в глобальную. На поставщиков, работающих на мировом рынке, оказывает влияние множество разнонаправленных факторов: общие условия мировой экономики; погодные условия; ситуация в сельском хозяйстве, рыночная; правительственные и административные требования и действия государственных органов, включая изменения в государственной политике и законах или нормативных актах; политические риски, включая гражданские беспорядки, действия вооруженных групп, военные конфликты, терроризм; риски экологических кризисов и кризисов здравоохранения; доступность и стоимость сырья [1]. Воздействие данных факторов обуславливает высокий динамизм и нестабильность рыночной среды.

Важная особенность отрасли по выпуску минеральных удобрений – ее олигополистический характер, который определяет поведение участников и интенсивную конкурентную борьбу за долю рынка, особенно в условиях зрелости отрасли. Рыночная среда отличается существенными барьерами для входа, избытком производственных мощностей, высокой степенью стандартизации продукции [2]. Следует отметить и наличие взаимозависимости конкурентов, что формирует специфическую модель их поведения. Осуществляя деятельность на олигополистическом рынке, фирма должна принимать во внимание, что решения относительно объемов производства и цен находятся в прямой зависимости от аналогичных решений конкурентов, а изменения, инициированные одной компанией, отразятся на всем рынке.

В связи с этим национальным производителям в целях укрепления собственных конкурентных позиций необходимо анализировать практический опыт зарубежных компаний-лидеров в области стратегического управления и адаптации к меняющимся условиям внешней среды. Изучение отдельных элементов поведения конкурирующих организаций и их ключевых факторов успеха обеспечит белорусским предприятиям по выпуску минеральных удобрений более эффективный подход к постановке задач долгосрочного развития с учетом имеющегося потенциала и выбору альтернатив конкурентной стратегии.

Ввиду особой значимости именно калийного сегмента для экономики Республики Беларусь целесообразным представляется рассмотреть стратегические ориентиры и бизнес-модели тех иностранных горно-химических компаний, в структуре активов которых имеются месторождения калийных солей.

Канада обладает крупнейшими известными мировыми запасами калия, на которые приходится порядка 38 % от общего количества. Слияние канадских производителей Potash Corp. и Agrium привело к созданию отраслевого лидера и гиганта – компании Nutrien. Ее деятельность формирует рыночные условия, т.к. ее объемы добычи во многом определяют цены на хлористый калий. Nutrien занимает 1-е место в мире по производству калийных удобрений (крупнейшая в мире компания по добыче мягких пород, на долю которой приходится 21 % глобальных мощностей), 3-е место в мире по выпуску азотных удобрений. Фирма обладает крупнейшей розничной сетью в данном сегменте и считается крупнейшим поставщиком сельскохозяйственных товаров и услуг для комплексной обработки земельных участков.

Компания стратегически нацелена на укрепление прямых отношений с конечными потребителями, предоставляя инновационные продукты и решения через глобальную розничную платформу Nutrien Ag Solutions (более 2000 торговых точек, 3900 агрономов и консультантов по растениеводству), используя при этом сильные стороны интегрированной бизнес-модели (более 2000 патентованных продуктов) и дистрибьюторской сети (440 оптовых точек сбыта, более 1000 поставщиков средств для растениеводства) с учетом целей устойчивого развития [3]. Акцент делается на увеличении объемов производства и повышении операционной эффективности активов, расширении сети розничной торговли с более высокой доходностью (в частности, в Бразилии), выборочных слияниях и поглощениях на основных рынках и инвестировании в собственные продукты и цифровые решения.

Конкурентные преимущества Nutrien в калийном сегменте связаны с расположением рудников в канадской провинции Саскачеван, характеризующейся благоприятными геологическими условиями, что поддерживает низкокзатратное производство и минимизирует операционные риски. Благодаря 4 млн т доступных производственных мощностей и возможности поступательного роста эксплуатации действующих месторождений (5 млн т), компания сумела увеличить производство гранулированного калия в 2021 году в ответ на возросший спрос на этот премиальный продукт, продемонстрировав гибкость ассортимента. Особую роль играет обширная транспортная и дистрибьюторская сеть. Только североамериканские активы состоят из 6200 вагонов и 300 распределительных пунктов [4]. Канадская фирма по экспорту и маркетингу калийных удобрений Canpotex, где Nutrien владеет половиной доли, предоставляет доступ к 4 морским терминалам в Канаде и США для доставки на более чем 40 международных рынков.

Азотный сегмент также отличается гибкостью и диверсификацией, стратегическим расположением активов (доступ к более дешевому природному газу и непосредственная близость к основным рынкам сбыта). Так, производственные мощности в Тринидаде и Тобаго размещены в приливно-отливной зоне, что позволяет осуществлять поставки продукции промышленного назначения в 30 стран [4]. Недавно Nutrien инвестировала в азотный завод мирового масштаба в Аргентине, который обслуживает растущие сельскохозяйственные рынки в Южной Америке. Компания считается ведущим производителем аммиака с низким уровнем выбросов углерода и ряда продуктов на основе азота, которые позволяют ограничить воздействие сельского хозяйства на окружающую среду.

Фосфатный сегмент имеет доступ к высококачественным комплексным запасам фосфатной руды, что способствует выпуску разнообразного ассортимента продуктов премиум-класса. В частности, речь идет о промышленных и специальных удобрениях, которые дают стабильную и высокую прибыль. Моноаммонийфосфат с содержанием микронизированной серы – один из примеров инновационных товаров.

Nutrien Ag Solutions является крупнейшим в мире розничным поставщиком средств и услуг для растениеводства и насчитывает 500 тыс. клиентов. Компания владеет ведущим розничным бизнесом в Северной Америке и Австралии, активно расширяя свое присутствие

в Южной Америке, а именно в Бразилии. Бразильский рынок открывает хорошие возможности для роста ввиду динамичного развития сельскохозяйственного производства и фрагментированной структуры розничной торговли. Порядка 35 % доходов от розничной торговли в настоящее время генерируется за пределами США и ожидается, что эта доля будет продолжаться увеличиваться в течение следующих 5 лет [3]. Так происходит оптимизация распределения продукции в глобальном масштабе с учетом сильной сезонности рынков.

Nutrien стала первым предприятием по выпуску удобрений, запустившим цифровую розничную платформу, общий объем продаж через которую превысил 2 млрд долл. США [4]. Данный инструмент используется не только для электронной коммерции, но и для планирования поля, цифровой агрономии, управления финансовыми ресурсами, отслеживания результатов в области устойчивого развития. Интегрированная цифровая платформа Nutrien позиционирует розничный бизнес как лидера в области комплексных сельскохозяйственных решений и способствует участию компании в инновационной технологической сельскохозяйственной деятельности посредством инвестиций и партнерств.

Nutrien реализует стратегию устойчивого развития, в рамках которой были разработаны обязательства в поддержку действий по защите окружающей среды и предотвращению изменений климата, что выражено в создании плана «Продовольствие во имя будущего». Это предусматривает инвестирование в новые технологии и переход на низкоуглеродные удобрения; сокращение выбросов парниковых газов на тонну произведенной продукции как минимум на 30 %; запуск и масштабирование комплексной углеродной программы, позволяющей производителям и отрасли ускорить переход к климатически оптимизированному сельскому хозяйству.

Компания работает над несколькими инновационными проектами, такими как сотрудничество с Министерством энергетики США по оценке возможности использования «зеленого» аммиака и партнерство с EXMAR по проектированию судна, работающего на аммиаке. Также осуществляются инвестиции в инициативы, ориентированные на самогенерируемую энергию (включая солнечную и ветровую), автономную и удаленную добычу сырья и другие передовые технологии. В 2021 году более 1 млн т продукции было произведено автономными и дистанционными методами [3]. Это дает дополнительные конкурентные преимущества за счет снижения производственных затрат, оптимизации пропускной способности и улучшения показателей безопасности.

Также интересен опыт стратегического развития одного из ведущих в мире (входит в первую 5-ку) и крупнейшего в России производителя минеральных удобрений – компании ЕвроХим. Она является одной из 3-х фирм с собственными производственными мощностями в калийном, фосфатном и азотном сегментах. Основные производственные активы сосредоточены в России, Бельгии, Казахстане.

Стратегические ориентиры заключаются в формировании устойчивого потенциала и лидерства по себестоимости за счет органического роста и сделок по приобретению активов, а также повышению прибыльности за счет операционных процессов с учетом принципов безопасности и устойчивого развития [5].

Предприятие способно оперативно варьировать масштабы выпуска продукции в ответ на изменения рыночной конъюнктуры благодаря вертикально-интегрированной бизнес-модели (доступ к природным ресурсам и производственным активам в Европе, Азии, Южной Америке). ЕвроХим располагает собственной логистической инфраструктурой (грузовой автотранспорт, складские и портовые объекты, железнодорожные вагоны, речные баржи) и дистрибьюторской сетью на 5 континентах, что обеспечивает конкурентное преимущество с точки зрения затрат. В рамках центров сбыта осуществляется консультирование клиентов по вопросам выбора и применения минеральных удобрений для повышения урожайности. Диверсификация продуктовой линейки способствует увеличению продаж, одновременно снижая волатильность денежного потока. Включение в продуктовый портфель промышленной продукции (взрывчатые вещества, технические газы, продукты базовой органической химии, кормовые фосфаты и пр.) повышает его добавленную стоимость.

Инвестиции в горнодобывающие активы, самообеспеченность запасами калийного, фосфатного и иного сырья, доступ к природному газу формируют базу эффективного производства и выступают в качестве главных конкурентных преимуществ. Именно капиталовложения в калийные удобрения (Усольский калийный комбинат, «ВолгаКалий») и аммиак (расширение мощностей в рамках проекта «ЕвроХим Северо-Запад») превратили ЕвроХим из крупного национального предприятия в мирового лидера [6]. При этом себестоимость производства действующих питательных веществ – одна из самых низких в мире.

ЕвроХим активно реализует сделки по слиянию и поглощению в целях стабильного долгосрочного развития бизнеса на ключевых рынках. В 2021 году было подписано соглашение стоимостью 410 млн долл. США о приобретении у компании Yara International ASA бразильского фосфатного проекта Serra do Salitre, включающего в себя карьер и предприятие по добыче и переработке руды мощностью 350 млн т [5]. Стратегическая значимость в данном случае заключается в снижении зависимости от сторонних поставщиков, улучшении конкурентных позиций компании и укреплении существующих возможностей дистрибуции в Бразилии, расширении ассортимента за счет добавления простого/тройного суперфосфата в продуктовый портфель ЕвроХима и доли фосфора в общем объеме продукции.

Сегментирование рынков происходит одновременно в географическом и товарном плане. Так, Азия является крупнейшим в мире импортером калийных удобрений и главным потребителем комплексных удобрений в целом, соответственно, стратегия компании в этом регионе сфокусирована на данных видах продукции. ЕвроХим выступает крупнейшим поставщиком жидкой карбамидо-аммиачной смеси в Океании. Акцент делается на потребностях клиентов. Это возможно благодаря близости к разным категориям потребителей (от трейдеров, оптовиков и дистрибьюторов до фермеров) и обеспеченности качественной информацией относительно ситуации на рынке.

Сбытовая стратегия направлена на увеличение доли рынка базовых продуктов, а также внедрение новых премиальных продуктов (в том числе ингибиторов нитрификации, водорастворимых и кормовых продуктов) и индивидуально подобранных комплексных удобрений (удобрения направленного действия, учитывающие потребности в питательных веществах конкретного участка земли), поскольку аграрии нуждаются в более продвинутых решениях. Кроме того, ЕвроХим дополняет собственную продукцию товарами сторонних производителей для минимизации затрат, роста гибкости объемов выпуска и устойчивости продаж.

Все большее значение приобретает корпоративная научно-исследовательская деятельность. Компанией было реализовано более 10 проектов производства нишевых премиальных продуктов на предприятиях в России и Европе. ЕвроХим является партнером 12 университетов в различных странах, ежегодно проводит около 250 полевых испытаний в 25 государствах с целью разработки инновационных товаров [7].

Устойчивое развитие является ключевым фактором современного бизнеса. ЕвроХим проводит мониторинг своего углеродного следа и внедряет новые энергоэффективные технологии для сокращения выбросов парниковых газов. Ведется разработка новых продуктов с пониженным воздействием на окружающую среду. Под этим подразумеваются, в частности, удобрения со сниженными выбросами азотных газов, замедленным вымыванием нитратов из почв (позволяет минимизировать потери питательных веществ) и требующие использования меньшего объема воды. Учитывая необходимость цифровизации для повышения производительности и обеспечения безопасности, ЕвроХим применяет цифровые решения в разных областях своей деятельности [7].

Таким образом, доступ к собственной минерально-сырьевой базе и низкая себестоимость выпуска удобрений за счет передовых технологий и модернизации производственных мощностей в рамках вертикально-интегрированных структур остаются ключевыми предпосылками успешного развития предприятий. Однако с учетом зрелости горно-химической отрасли потенциал использования данных конкурентных преимуществ практически исчерпан. В связи с этим имеет место переход от лидерства по издержкам к стратегиям дифференциации (уникальность продукции, высокое качество) и фокусирования, что выражается в дивер-

сифицированной бизнес-модели. При этом диверсификация активов в настоящее время обеспечивается путем концентрации и консолидации, т.е. сделок по слиянию и поглощению.

Все более актуальными становятся стратегии внедрения новшеств (переход в новую рыночную нишу с низким уровнем конкуренции) и своевременного реагирования на потребности рынка (опережение конкурентов за счет более мобильной системы управления). Это свидетельствует о смещении конкуренции в сферу услуг и акценте на клиентоориентированности. При этом важную роль играет непосредственная близость к конечным потребителям. Также все большее значение приобретает соответствие деятельности фирм целям устойчивого развития. Такие мероприятия улучшают репутацию компаний как поставщиков качественной безопасной продукции.

Такая трансформация ключевых элементов конкурентной стратегии не отрицает приоритетность и дальнейшее поддержание и развитие традиционных конкурентных преимуществ, указанных выше, а служит дополнительным механизмом повышения эффективности и конкурентоспособности производителей удобрений.

Литература

1. Nutrien Crop Input Fundamentals Report // Nutrien [Electronic resource]. – 2022. – Mode of access: <https://www.nutrien.com/market-updates>. - Date of access: 21.05.2022.

2. Дмитриева, Д. М. Формирование подхода к стратегическому управлению компаниями горно-химического комплекса в условиях динамизма внешней среды / Д. М. Дмитриева, А. А. Ильинова // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» [Электронный ресурс]. – 2016. – № 2. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/61EYN216.pdf>. – Дата доступа: 04.10.2022.

3. Nutrien Annual Report 2021 // Nutrien [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nutrien.com/investors/financial-reporting>. – Date of access: 22.09.2022.

4. 2022 Virtual Investor Update // Nutrien [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nutrien.com/investors/events/nutriens-2022-virtual-investor-update>. – Date of access: 22.09.2022.

5. Финансовые результаты по МСФО за 2021 год // АО «МХК «ЕвроХим» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eurochem.ru/media-announcements/finansovye-rezultaty-po-msfo-za-2021-god/>. – Дата доступа: 06.10.2022.

6. FY 2021 Financial & Operational Results // EuroChem Group [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.eurochemgroup.com/wp-content/uploads/2021/08/eurochem-fy2021-ifrs-presentation_1602_4.pdf. – Date of access: 06.10.2022.

7. 20 лет роста: интегрированный отчет за 2021 год // АО «МХК «ЕвроХим» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eurochem.ru/wp-content/uploads/2021/08/eurochem-ar2021_00_book_rus.pdf. – Дата доступа: 06.10.2022.

**ОПЫТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОБЛАСТИ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РЕАЛИЗАЦИИ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ И ВЫЗОВОВ**
**THE EXPERIENCE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE FIELD
OF ENSURING THE ECONOMIC SECURITY AND IMPLEMENTATION OF FOREIGN
ECONOMIC POLICY IN THE CONTEXT OF CURRENT TRENDS AND CHALLENGES**

Тудейко Екатерина Васильевна,
заведующий сектором глобальной экономики
Центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
e_tulejko@mail.ru

Луговская Ирина Сергеевна,
младший научный сотрудник сектора глобальной экономики
Центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
irina.lugovskaya95@gmail.com

Tuleika Katsiaryna,
Head of the Global Economy Sector
of the World Economy Center,
The Institute Of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
e_tulejko@mail.ru

Luhouskaya Irina,
Junior Researcher of the Global Economy Sector
of the World Economy Center,
The Institute Of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
irina.lugovskaya95@gmail.com

Аннотация. В условиях современных вызовов и угроз возрастает значение экономической и внешнеэкономической безопасности государства. В статье рассмотрен опыт Китайской Народной Республики в области обеспечения экономической безопасности и реализации внешнеэкономической политики. Проанализированы основные направления внешнеэкономической политики Китая, а также подходы к обеспечению экономической безопасности, включая эволюцию законодательства, торговые и иные меры.

Ключевые слова: «двойная циркуляция», внешнеэкономическая политика, Китай, тенденции, угрозы, экономическая безопасность.

Abstract. Under the conditions of modern challenges and threats, the economic and foreign economic security of the state increases in importance. The article considers the experience of the People's Republic of China in the field of economic security and implementation of foreign economic policy. The main directions of China's foreign economic policy, as well as approaches to ensuring economic security, including the evolution of legislation, trade and other measures, are analyzed.

Keywords: "double circulation", foreign economic policy, China, trends, threats, economic security.

Глубокие перемены в международных экономических отношениях, характеризующихся формированием новой архитектуры и правил мироустройства, становлением новых центров силы, привели к неустойчивости и нестабильности развития мировой экономики, обострению конкуренции за доступ к рынкам и ресурсам, сбою в мировых цепочках поставок, со-

кращению пространства свободного рынка, использованию экономических методов для реализации политических целей.

Ситуация с пандемией выявила существующие проблемы и ограничения современного регионального сотрудничества и сравнительно низкую способность региональных организаций играть активную роль в управлении глобальными кризисами. Неспособность региональных структур своевременно и эффективно реагировать на кризисы и чрезвычайные ситуации стало фактором переоценки их легитимности в глазах мирового сообщества.

В этих условиях эксперты предсказывают переход к новому геоэкономическому мировому порядку, характеризующемуся соперничеством великих держав – США и Китая, а также явным использованием экономических инструментов для достижения стратегических целей. Новый порядок будет определяться более высокой степенью сближения безопасности и экономики, акцентом на относительных экономических выгодах с учетом их влияния на безопасность, повышенным вниманием к рискам безопасности, связанным с взаимозависимостью, утратой государственного контроля, идентичности и устойчивости [1].

Одновременно с этим происходит усиление позиций Китая в мировой политике и экономике, военно-технической сфере. Китай постепенно превратился в одну из крупнейших в мире экономических держав, укрепил национальный суверенитет и, как следствие, получил возможность оказывать всестороннее и возрастающее влияние на ход развития основных международных политических и экономических процессов, как в мировом, так и в региональном масштабе.

Современные тенденции и вызовы, акцентирующие внимание мировой общественности на проблемах обеспечения национальной безопасности, последовательное расширение межгосударственного диалога и углубления двустороннего сотрудничества между Республикой Беларусь и Китаем, в частности в рамках ШОС, ЕАЭС, реализации инициативы «Один пояс, один путь» делает актуальным изучение опыта Китая в области защиты национальных интересов в экономической сфере.

Китай является второй по величине мировой экономикой, крупнейшим экспортером и имеет самые большие валютные резервы в мире. Экономика Китая достаточно быстро восстановилась после глубокого падения, вызванного вспышкой COVID-19, и вернулась на путь постепенного восстановления. Согласно прогнозу МВФ, ожидается, что динамика ВВП стабилизируется на уровне 5,6 % в 2022 году и 5,3 % в 2023 году [2].

В последние годы внешняя среда экономического и технологического развития Китая претерпела серьезные изменения, обусловленные современными вызовами социально-экономического развития и наложением новой коронной эпидемии. Перед Китаем стоит ряд внутренних вызовов, вызванных старением населением и сокращением рабочей силы, дисбалансом между экономическим ростом и занятостью, проблемами конкурентоспособности в экономике, зависящей от высоких капиталовложений и расширения кредита, дефицитом энергетических ресурсов, экологическими проблемами. Сохраняется существенный разрыв между уровнем жизни городов и сельской местности, между городскими зонами на побережье Китая и западными частями страны.

По мнению министра трудовых ресурсов и социального обеспечения Китая, низкий уровень безработицы в последние годы во многом обусловлен цифровой экономикой. Одновременно с этим многие аналитики утверждают, что правительственные данные являются ненадежным индикатором уровня занятости в стране, поскольку они учитывают только занятость в городских районах и не измеряют миллионы рабочих-мигрантов, прибывающих в страну каждый год. Несмотря на глобальный контекст, уровень безработицы в Китае немного снизился с 4,2 % в 2020 году до 3,8 % в 2021 году. МВФ ожидает, что этот уровень вернется к допандемическим уровням: 3,7 % в 2022 году и 3,6 % в 2023 году [2].

В Китае продолжают кризисы в сфере недвижимости. Число новостроек и продажи новой недвижимости продолжают снижаться. Инвестиции в недвижимость в 2021 году упали на 5,4 % в первом полугодии по сравнению с прошлым годом [3].

Правительство КНР сталкивается с проблемами, которые предшествовали пандемии, включая замедление роста, рост стоимости рабочей силы, торговое давление, потребительскую инфляцию и высокий уровень корпоративного и государственного долга. Существует опасность того, что Китай останется привязанным к старой схеме стимулирования роста за счет инвестиций в инфраструктуру и недвижимость, финансируемых за счет долга [4].

Кроме того, ряд внешних факторов представляет угрозу национальной безопасности Китая, в том числе:

нарушение баланса международных стратегических сил, стремление США оказывать экономическое и политическое давление на КНР. С 2018 года США начали протекционистскую политику в отношении Китая. Существует вероятность введения новых санкций в отношении Китая в целях ограничения доступа Китая к американским технологиям, а также рынкам своих союзников по всему миру;

вмешательство внешних сил усугубляет напряженность в районе Тайваньского пролива. Территориальные споры в Южно-китайском море, проблема Тайваня приводят к наращиванию военного присутствия в регионе;

угроза целостности территории Китая, создаваемая сепаратистами Синьцзяна и Тибета, включая активизацию и расширение масштабов деятельности на территории Китая и за его пределами сепаратистских террористических организаций [5];

изменения в международных отношениях в Северо-Восточной Азии. Наблюдается напряженность между Китаем и Японией, которая может быть вызвана изменениями в экономической политике Японии и политике безопасности;

политические изменения в странах вдоль «Пояса и пути» (в частности, Ближний Восток и Южная Азия) и политизация терроризма могут коснуться Китая;

рост нетрадиционных угроз безопасности: информационные вызовы, организованная международная преступность, коррупция, нелегальная миграция. Особое место в рассматриваемом направлении принадлежит сетевой безопасности. Утечка данных некоторых «приложений национального уровня», широко используемых в Китае, представляет серьезную угрозу безопасности и др. [5].

С учетом вышеизложенного, Правительство КНР принимает ряд взаимосвязанных законов и мер, направленных на усиление контроля правительства над широким спектром вызовов как внутри страны, так и за ее пределами. Эти меры свидетельствуют о растущей заинтересованности правительства в продвижении и согласовании национальных инструментов экономической безопасности Китая для достижения глобального экономического, технологического и военного лидерства и, соответственно, контроля над основными технологиями и глобальными цепочками поставок.

Следует отметить, что Закон о национальной безопасности КНР был одобрен и введен в действие 1 июля 2015 года на 15-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР. В стране действует Совет по национальной безопасности, председателем которого является Си Цзиньпин.

Касательно экономической безопасности, Закон предусматривает, что «государство должно поддерживать свою основную экономическую систему и порядок социалистической рыночной экономики, совершенствовать правила и механизмы предотвращения и устранения рисков экономической безопасности, а также обеспечивать безопасность важных отраслей и важнейших областей, связанных с жизненно важным сектору национальной экономики, ключевым отраслям, крупной инфраструктуре, крупным строительным проектам и другим важным экономическим интересам» (статья 19) [6].

До принятия указанного закона Коммунистическая партия Китая и Государственный совет в мае 2015 г. призывали к совершенствованию механизма проверки иностранных инвестиций, созданию систем предотвращения и управления рисками, связанными с глобализацией, созданию систем безопасности для экономики и торговли, управлению финансовыми рисками для защиты «основных интересов» Китая и созданию системы экономической безопасности в условиях открытой экономики [6].

Контекст, в котором китайские лидеры используют термин «экономическая безопасность» изменился с 2018 года и стал включать следующие аспекты: основные технологии и связанные с ними права интеллектуальной собственности, данные, промышленную защиту и безопасность цепочек поставок.

В 2020 году на фоне глобального распространения пандемии и углубляющейся конфронтации с США Китай выступал за «самодостаточность» и «двойную циркуляцию» в своей экономике, расширенные налоговые льготы, кредиты и субсидии для национальных компаний, экономическую политику, основанную на инвестициях в инфраструктуру, укреплении цепочек поставок, а также расширении потребления и экспорта.

В 2021 году Политическое бюро Центрального комитета Коммунистической партии Китая обсудило стратегию национальной безопасности на 2021–2025 гг. В официальном сообщении отмечается, что Политбюро поставило на первое по важности место вопросы политической безопасности, подчеркнув необходимость единого подхода в работе к проблемам политической, экономической, общественной, научно-технической безопасности, а также безопасности в сферах нового типа, в том числе по профилактике и контролю за эпидемией Covid-19, биобезопасности, кибербезопасности, безопасности больших данных, безопасности в сфере искусственного интеллекта. В экономической сфере акцентировано внимание на повышении сопротивляемости в работе отраслей, борьбе с системными финансовыми рисками, обеспечении зерновой безопасности, безопасности в обеспечении ископаемыми энергоносителями, безопасности важнейших объектов инфраструктуры, а также на защите интересов за рубежом. Подчеркнута важность укрепления принципа опоры на собственные силы в сфере науки и техники, который призван быть «стратегической опорой безопасности и развития страны» [7].

Современные направления социально-экономического развития Китая нашли свое отражение в 14-м пятилетнем плане национального социально-экономического развития Китая на 2021–2025 годы и долгосрочных целях к 2035 году.

В основу концепции развития 14-ой пятилетки Китая легла стратегия «двойной циркуляции», подразумевающая развитие с опорой на внутренние источники роста («внутренняя циркуляция») при вспомогательной, но все же существенной, роли международного сотрудничества («внешняя циркуляция») (рисунок).

Рисунок – Система «двойной циркуляции»
Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [8]

Таким образом, система «двойной циркуляции» является главной особенностью планирования на новом этапе развития КНР. В соответствии с ней руководство Китая делает акцент на внутренней экономике как ключевой движущей силе роста и снижении уязвимости перед внутренними или внешними экономическими потрясениями (например, экспортный контроль США). Несмотря на то, что Китай много лет стремился сбалансировать рост в сторону внутреннего потребления и модернизировать отечественную промышленность и технологии с помощью стратегий «Сделано в Китае 2025» и «местных инноваций», в новой программе развития еще большая безотлагательность в контексте слабого мирового спроса и растущего давления на Китай со стороны США.

Анализ основных положений пятилетней программы Китая помимо социальных и производственных вопросов построения экономики «двойной циркуляции, стимулирования различных субъектов рынка, создания современной финансовой системы (создание цифровой валюты, внедрение системы регистрации выпуска акций) и др. закрепляет основные направления внешнеэкономической политики. В указанном направлении основное внимание уделяется повышению институциональной открытости, включая либерализацию торговли, создание зон свободной торговли, интернационализацию юаня. Подчеркивается важность продвижения сотрудничества в рамках инициативы Пояса и Пути и участия в глобальном экономическом управлении для развития экономической глобализации и повышения статуса Китая.

В течение следующих пяти лет продолжится углубление многостороннего, двустороннего и регионального экономического сотрудничества, в том числе на основе конкретных обязательств по поддержке режима многосторонней торговли, ратификации и реализации Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, подписания Всеобъемлющего соглашения об инвестициях между Китаем и ЕС, а также ускорения переговоров о свободных торговых соглашениях с Японией и Южной Кореей. Кроме того, Китай подтвердил свою приверженность «активному рассмотрению возможности присоединения» к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве [8].

На государственном уровне обозначаются также следующие приоритеты внешнеэкономической политики Китая, включая межгосударственное сотрудничество:

содействие открытости, стабилизация внешней торговли и иностранных инвестиций, углубление многостороннего и двустороннего торгово-экономического сотрудничества;

наращивание финансовой устойчивости стран БРИКС, увеличение доли расчетов в национальных валютах, продвижение независимой расчетной системы, расширение состава стран-участниц Нового банка развития и противодействие злоупотреблению односторонними санкциями;

защита многосторонней торговой системы, формирование мировой экономики открытого типа, противодействие односторонним санкциям и «юрисдикциям длинной руки», укрепление сотрудничества в таких областях, как цифровая экономика, технологические инновации, производственно-сбытовые цепочки, продовольственная и энергетическая безопасность, а также совместное содействие восстановлению мировой экономики;

проведение Форумов производственно-поставочных цепочек, открытие Центров сотрудничества Китай – ШОС в области больших данных и др.

Можно утверждать, что основной национальной политикой Китая и фундаментальной движущей силой содействия развитию являются реформы и открытость [9, 10, 11].

Некоторые аспекты политики открытости Китая представлены в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Современная политика открытости Китая

Дата	Политика
ноябрь 2021 г.	Китай установил всеобъемлющее стратегическое партнерство с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии
сентябрь 2021 г.	Китай подал заявку на членство во Всеобъемлющем и прогрессивном соглашении о Транстихоокеанском партнерстве
сентябрь 2021 г.	ЦК КПК и Государственный совет опубликовали Генеральный план создания зоны углубленного сотрудничества Гуандун-Макао в Хэнцине и План всестороннего углубления реформ и открытости зоны сотрудничества Цяньхай Шэньчжэнь-Гонконг в области современной сферы услуг с целью содействия свободной торговле услугами с САР Гонконг и САР Макао и повышения доступности финансового сектора
август 2021 г.	Министерство торговли Китая обнародовало Специальные административные меры (запретный список) для трансграничной торговли услугами в порту свободной торговли Хайнаня, первый в стране отрицательный список для трансграничной торговли услугами
апрель 2021 г.	Государственный совет опубликовал Официальный ответ Государственного совета об утверждении комплексных пилотных проектов по дальнейшему открытию сектора услуг в Тяньцзине, Шанхае, Хайнане и Чунцине в целях предоставления руководящих принципов для указанных пилотных проектов
декабрь 2020 г.	Китай завершил переговоры о Всеобъемлющем соглашении об инвестициях между ЕС и Китаем в соответствии с графиком
ноябрь 2020 г.	Китай официально подписал Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство. Вступило в силу с 1 января 2022 г.
сентябрь 2020 г.	Китай отменил квоты квалифицированного иностранного институционального инвестора (QFII) и квалифицированного иностранного институционального инвестора в юанях (RQFII)
июнь 2020 г.	Национальная комиссия по развитию и реформам сократила Специальные административные меры (негативный список) для доступа к иностранным инвестициям (издание 2020 г.) с 40 до 33 пунктов
июнь 2020 г.	ЦК КПК и Государственный совет опубликовали Общий план строительства Хайнаньского порта свободной торговли, реализация которого начата в июне 2021 г. в целях внедрения политики дерегулирования и упрощения формальностей, основанной на концепции «беспошлинной торговли».
январь 2020 г.	вступил в силу Закон об иностранных инвестициях.

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [12]

Кроме этого, с учетом растущих вызовов и угроз Китайское правительство разработало и приняло ряд мер с января 2020 г., которые направлены на усиление контроля над экономической деятельностью в наиболее важных областях национальной безопасности и которые соответствуют концепции национальной безопасности, а также приоритетам, установленным в 14-м пятилетнем плане национального социально-экономического развития Китая на 2021–2025 годы, в частности:

развитие нормативного правового регулирования экономической безопасности Китая. Правовая и нормативная эволюция в области экономической безопасности представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Развивающийся правовой подход Китая в области обеспечения экономической безопасности

Дата	Законодательные изменения
август 2020 г.	Пересмотр списка ограниченных и запрещенных к экспорту технологий
	Первый существенный пересмотр за 13 лет. Новые области цифровых технологий, искусственного интеллекта и космических технологий стали подлежать более строгим ограничениям
сентябрь 2020 г.	Введение в действие положений о списке ненадежных организаций
	Предполагает наложение санкций на иностранные организации, которые наносят ущерб суверенитету, безопасности или интересам Китая, дискриминируют или наносят ущерб китайским компаниям. Повлияет на организации, приостанавливающие торговлю с Китаем в целях соблюдения американских санкций
декабрь 2020 г.	Вступление в силу Закона об экспортном контроле
	Устанавливает лицензионное требование для «контролируемых предметов», которые затрагивают национальную безопасность Китая. Применяется к отечественным компаниям, поставляющим товары, технологии и услуги, и к иностранным компаниям, реэкспортирующим контролируемые товары в сделках с третьими лицами
январь 2021 г.	Положения о предотвращении необоснованного применения иностранных законов
	Устанавливает право китайских компаний и граждан требовать возмещения экономического ущерба от других сторон в связи с необоснованным вмешательством в экономическую деятельность, вытекающим из отчетности или соблюдения требований иностранного законодательства
июнь 2021 г.	Введение в действие законодательства о санкциях против иностранных государств
	Разрешает принимать ответные меры против иностранных лиц и организаций, которые дискриминируют китайских граждан, нарушают суверенитет Китая или вмешиваются во внутренние дела Китая
сентябрь 2021 г.	Вступление в силу Закона о безопасности данных
	Требуется проверка и разрешение на передачу за границу данных, связанных с контролируемым экспортом технологиями и важными научно-техническими достижениями, влияющими на национальную безопасность Китая
ноябрь 2021 г.	Принятие Закона о защите личной информации
	Соответствует Общему регламенту ЕС по защите данных о защите личной информации и сборе, обработке и хранении данных. Для передачи личных данных за границу требуется как личное согласие, так и оценка безопасности со стороны китайских властей

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [13]

Как отмечают эксперты, в этой достаточно быстрой законодательной эволюции можно выделить три характерные черты: принятие нормативных правовых актов являлось ответом на экономические меры США, их нормы, во многом, схожи с нормами, закрепленными в законодательстве США; расплывчатость сферы регулирования нового законодательства; широкая сфера охвата новых правил Китая, выходящая за рамки укрепления экономической безопасности и включающая более широкие аспекты национальной безопасности и национальных интересов;

специальные торговые и иные меры, в том числе:

торговые ограничения (на импорт/экспорт), приостановление (введение ограничений) контрактов, санкции и контрсанкции, включая меры, направленные против определенных иностранных парламентариев, академических исследователей и институтов в целях защиты национальных интересов;

локализация и контроль данных. Продвижение суверенитета данных занимает центральную роль в продвижении более широкой политике экономической безопасности Китая. Китай расширил требования к локализации данных и передал данные в ведение новых торговых органов (экспортный контроль и требования к проверке безопасности для китайских

фирм, зарегистрированных или работающих за рубежом). Новые меры Китая усиливают контроль китайского правительства над иностранными данными (например, личной идентификационной и медицинской информацией), интеллектуальной собственностью, технологиями и исследованиями, которые передаются или разрабатываются в Китае;

ужесточение мер кибербезопасности, которые включают в себя контроль над сетями за рубежом. В июле 2021 года Государственный совет Китая издал новые Правила по обеспечению безопасности критически важной информационной инфраструктуры;

включение положений политики в отношении данных в торговые соглашения. В соглашении о Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве главе об электронной коммерции включает формулировку о передаче данных и размещении вычислительных мощностей, которая, благодаря широким исключениям, позволяет сторонам требовать локализации данных и не препятствует сторонам принимать любые меры, которые она считает необходимыми для защиты своих интересов безопасности при трансграничной передаче информации с помощью электронных средств;

судебные реформы. В рамках «открытости внешнему миру» в Китае уделяется высокое значение повышению компетентности судебной системы как одного из элементов расширения глобального влияния. Осуществляется деятельность, направленная на совершенствование китайской судебной системы в соответствии с национальными особенностями в целях эффективной защиты законных прав китайских граждан и предприятий, надлежащего разрешения международных параллельных судебных процессов и обеспечение национальной безопасности [14];

«Пакет политических мер по стабилизации экономики», направленный на восстановление экономики и поддержку предприятий, пострадавших от пандемии. Пакет включает 33 пункта, охватывающих фискальную и финансовую политику, политику в области инвестиций, потребления, продовольственной и энергетической безопасности, цепочек производства и поставок и др.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что Китай придает большое значение аспектам безопасности своей экономики на основе всесторонней и комплексной реализации новой концепции развития и активизации реформ и открытости. Новый подход Китая к экономической безопасности основан на использовании промышленной политики для устранения уязвимостей цепочек поставок, быстрой правовой и нормативной эволюции, применении целенаправленных мер и контрмер. Все эти меры направлены на защиту национальных интересов в условиях современных угроз и вызовов.

Литература

1. The Goeconomic World Order [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawfareblog.com/geoeconomic-world-order>. – Дата доступа: 27.09.2022.

2. China: economic and political [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [OUTLINEHTTPS://SANTANDERTRADE.COM/EN/PORTAL/ANALYSE-MARKETS/CHINA/ECONOMIC-POLITICAL-OUTLINE](https://santandertrade.com/en/portal/analyse-markets/china/economic-political-outline). – Дата доступа: 27.09.2022.

3. China reportedly looks to help embattled developers with \$148B loan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/business/economy/china-reportedly-looks-to-help-embattled-developers-with-148b-loan>. – Дата доступа: 29.09.2022.

4. China Economic Update - June 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/country/china/publication/china-economic-update-june-2022>. – Дата доступа: 27.09.2022.

5. Гриняев, С. Об основных направлениях трансформации вооруженных сил Китая / С. Гриняев // 21-й век, 2005. – № 1. – С. 79–108.

6. China Strengthens Its Economic Security [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jiia.or.jp/en/column/2021/05/12-china-strengthens-its-economic-security.html#sdfootnote5sym>. – Дата доступа: 28.09.2022.

7. Обзор событий в Китае 15-21 ноября 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://inveb.ru/attachments/article/724/_%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80_15-21_11_2021~.pdf. – Дата доступа: 03.10.2022.

8. China's 14th Five-Year Plan (2021-2025) Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hkstrategies.com/en/chinas-14th-five-year-plan-2021-2025-report/>. – Дата доступа: 03.10.2022.

9. Формирование высококачественного партнерства во имя открытия новых горизонтов БРИКС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202206/t20220623_10709011.htm. – Дата доступа: 04.10.2022.

10. В фокусе внимания Китая/ Си Цзиньпин на 14-й встрече руководителей стран БРИКС подчеркнул важность построения высококачественного партнерства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/international/txt/2022-06/24/content_78287783.htm. – Дата доступа: 04.10.2022.

11. Председатель Си Цзиньпин принял участие в 22-м заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и выступил с важной речью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202209/t20220916_10767164.html. – Дата доступа: 37.19.2022.

12. 10 Macro Economic Trends in 2022 KPMG China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/12/2022-ten-macroeconomic-trends.pdf>. – Дата доступа: 16.09.2022.

13. Three Things to Know About China's «Economic Security» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a07902/>. – Дата доступа: 05.10.2022.

14. China's Recent Trade Measures and Countermeasures: Issues for Congress [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46915>. – Дата доступа: 06.10.2022.

УДК 339.97

**СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
ВЫЗОВОВ И УГРОЗ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ
STRATEGY FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY IN THE PEOPLE'S
REPUBLIC OF CHINA IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES
AND THREATS: RISKS AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION**

Щербаков Юрий Ефимович,
заместитель руководителя Белорусско-Китайского аналитического центра развития,
Институт экономики НАН Беларуси
shcherbakov@economics.basnet.by
Shcherbakov Yuri,
Deputy Head of the Belarusian-Chinese Analytical Development Center,
Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
shcherbakov@economics.basnet.by

Аннотация. В работе исследуются формы и методы устойчивого и гарантированного обеспечения национальной экономической безопасности КНР в условиях нарастания кризисных явлений в мировой экономике, усиления одностороннего характера ограничительных мер в рамках санкционной и протекционистской политики США и стран Запада в отношении Китая путем попыток разбалансирования глобальных товарных и производственных цепочек с целью нанесения максимального ущерба китайской экономике. В этих условиях руковод-

ство КНР вынуждено принимать меры по противодействию внутренним и внешним вызовам и угрозам экономическому развитию страны. С этой целью китайские власти фокусирует свои усилия на активизации и расширении объемов внутреннего потребительского рынка, модернизации экспортной политики, интенсивном внедрении в практику торгово-экономических отношений стратегии «двойной циркуляции», инновационных решений и передовых технологий на основе искусственного интеллекта и цифровизации, углублении сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь».

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, стратегия, модель экономического развития, вызовы, угрозы, Китай.

Abstract. The paper examines the forms and methods of sustainable and guaranteed ensuring of the national economic security of the People's Republic of China in the context of the growing crisis phenomena in the world economy, the strengthening of the unilateral nature of restrictive measures within the framework of the sanctions and protectionist policies of the United States and Western countries towards China through attempts to unbalance global commodity and production chains in order to cause maximum damage to the Chinese economy. Under these conditions, the leadership of the People's Republic of China is forced to take measures to counter internal and external challenges and threats to the economic development of the country. For this purpose, the Chinese authorities are focusing their efforts on activating and expanding the volume of the domestic consumer market, modernizing export policy, intensively implementing the "double circulation" strategy in the practice of trade and economic relations, innovative solutions and advanced technologies based on artificial intelligence and digitalization, deepening cooperation within the framework of the Belt and Road initiative.

Keywords: national security, economic security, strategy, economic development model, challenges, threats, China.

Развитие современных государств неизбежно связано с эффективным обеспечением собственной экономической безопасности.

Национальная экономическая безопасность – это такое состояние экономики страны, при котором обеспечивается достаточно высокий и устойчивый экономический рост; эффективное удовлетворение экономических потребностей; контроль государства за движением и использованием национальных ресурсов; защита экономических интересов страны на национальном и международном уровнях. Составными элементами экономической безопасности являются финансовая и экологическая безопасность, безопасность промышленности и торговли и др.

В настоящее время Китайская Народная Республика играет ведущую роль в развитии мирового сообщества. За короткий промежуток времени Китай превратился в одну из крупнейших в мире экономических держав, укрепил национальный суверенитет и, как следствие, получил возможность оказывать всестороннее влияние на ход основных международных политических и экономических процессов, как на региональном, так и глобальном уровнях.

Активные действия КНР на международной арене (политические, экономические, военные, дипломатические) свидетельствуют о том, что руководство страны постоянно отслеживает и принимает меры по своевременному и адекватному реагированию на любые изменения в международной обстановке, в том числе путем корректировки составных элементов стратегии национальной безопасности.

В КНР проблемы национальной безопасности рассматриваются с точки зрения иерархии ее интересов и угроз, в том числе изучается состояние ее основных аспектов (политическая, экономическая, военная, экологическая безопасность), расширяется содержание понятия национальной безопасности за счет дополнения ее факторами невоенного характера (экономическая, политическая и культурная глобализация; национальные и религиозные конфликты; экономическое давление; энергетические проблемы; экологические проблемы; нелегальная миграция; транснациональная преступность).

Превращение Китая в глобальный экономический комплекс, увеличение масштабов открытости, индустриализация, развитие товарного хозяйства влекут за собой появление и обострение новых вызовов и угроз дальнейшего устойчивого экономического развития страны. В данной связи сегодня в Китае уделяется приоритетное внимание состоянию и перспективам развития экономики страны, вопросам обеспечения экономической безопасности государства, торгово-экономического сотрудничества, в том числе со странами вдоль инициативы «Пояс и путь».

Реформирование китайской экономической системы осуществлялось на основе постепенного перехода от плановой к рыночной экономике. Ведущая стратегия Китая при переходе от плановой экономики к рыночной системе хозяйствования заключалась в постепенной децентрализации принятия решений, включая либерализацию экономики. Выделяются три этапа формирования китайской экономики: I-й этап (1978–1990 гг.) характеризуется периодом активного наращивания экономической мощи; II-й этап (1990–2000 гг.) отличается становлением экономической стабильности; III-й этап (2000 г. – по настоящее время) ориентирован на развитие социальной сферы и улучшение благосостояния населения страны.

В настоящее время в Китае, как и в других странах мира, нет четкого определения термина «экономическая безопасность». По мнению одних ученых, это понятие означает «защиту своих законных интересов, осуществление международных экономических отношений на основе взаимной выгоды и справедливых экономических условий и на базе этого добиваться ликвидации бедности и ускорения развития официальными мерами».

Другие исследователи представляют состояние экономической безопасности как «положение, когда государство, его общество и экономическое развитие свободны от внешних угроз, экономическая безопасность включает в себя экономический суверенитет, важные экономические интересы, развитие и способность обеспечить защиту от основных экономических рисков».

Третьи эксперты полагают, что экономическая безопасность – это «концепция, отличная от понятий национального экономического развития, национальной экономической стабильности, промышленной безопасности и региональной экономической безопасности; национальная экономическая безопасность имеет отношение к государственной стратегии экономических выгод без рисков, при которой отсутствуют серьезные угрозы основам экономической политики страны и ее экономическому суверенитету, а факторы, которые могут вызвать финансовый кризис, находятся под контролем».

Рассматривая точки зрения китайских экономистов Чжао Ина, Сюй Хэпина, Син Гоцзяня, представляется наиболее жизненной формулировка термина «экономическая безопасность» в китайском понимании как «экономическая конкурентоспособность государства, его способность противодействовать экспансии, вызовам, угрозам, ударам извне, экономическая политика государства, направленная на создание благоприятной внутренней и внешней обстановки» [1].

По мнению некоторых китайских экспертов, Китаю брошен ряд именно вызовов, а не угроз. Понятие «вызов» они склонны рассматривать как стимулирующий фактор, который может принести пользу, закрепить новую роль страны. Однако они полагают, что это возможно только в случае принятия адекватных мер адаптации, а при их отсутствии эффект упущенной выгоды может в перспективе трансформироваться в угрозу [2].

Другими словами, в Китае выделяются две стороны «экономической безопасности»: конкурентоспособность и экономический суверенитет. Экономическая конкурентоспособность имеет жизненно важное значение не только для стимулирования национального экономического роста, но и для проникновения на международный рынок. Экономический суверенитет, в свою очередь, рассматривается как средство контроля страны над собственным экономическим развитием и способностью противостоять внешним вмешательствам. Средством обеспечения экономической безопасности КНР

руководство страны считает так называемую «экономическую экспансию», которая включает в себя товарную экспансию и обеспечение доступа к сырьевым ресурсам.

Формирование стратегии экономической безопасности в КНР началось в 1978 году с принятием программы экономических реформ, нацеленных на создание социалистической экономики с рыночными элементами и большей открытостью внешнему миру. В этот период стали отчетливо появляться трудности, напрямую связанные с низким уровнем экономической безопасности Китая. С 1978 по 1992 годы в Китае были реализованы некоторые экономические реформы:

- внедрение элементов рыночной экономики при общем сохранении планового уклада экономической деятельности;
- переход к урбанизации и индустриализации;
- рассмотрение возможности участия в международных организациях, например, в ВТО.

Вместе с тем следует отметить, что предпринятая китайским правительством в 1978 году в Китае политика проведения реформы и усиления открытости, по сути не создала кардинально новой экономической системы в условиях построения социализма с китайской спецификой, а экономика лишь трансформировалась в новое состояние. Иными словами, экономика Китая в плановой форме выполняла свою функцию до 1978 года, как простая экономическая система, существовавшая в соответствии с программными указаниями центрального правительства и характеризовавшаяся меньшей динамичностью развития.

С 1992 года в Китае начался пересмотр значения роли экономической составляющей в обеспечении национальной безопасности. Особенно это стало актуально после азиатского экономического кризиса 1997 года. Активное экономическое развитие Китая в 1990-х годах и в начале 21-го века сопровождалось рядом сдерживающих факторов, к которым можно отнести:

- отсутствие структурных реформ;
- зависимость от международной торговли и зарубежных инвестиций;
- усиление социально-экономической поляризации общества.

Что касается существующих угроз экономической безопасности КНР, то их можно разделить на две основные группы: внутренние и внешние угрозы.

К внутренним угрозам экономической безопасности Китая можно отнести:

- дисбаланс в социально-экономическом развитии регионов;
- существующий разрыв между уровнем развития города и деревни;
- проблемы поддержания экономического роста и уровня занятости;
- проблемы демографии;
- дефицит некоторых источников энергетических ресурсов;
- экологические проблемы и др.

Сохраняются внешние угрозы, оказывающие негативное влияние на внутренние проблемы страны:

– экспортно-ориентированная модель экономического развития Китая. Динамика, мощь и успехи китайской индустрии во многом пока еще основаны на привязке к другим, богатым мировым экономикам [3];

– КНР в значительной степени зависит от импорта ряда стратегически важных ресурсов, прежде всего, энергетических. Топливо, получаемое из невозобновляемых ресурсов, благодаря своей доступности и высокой энергоемкости, по-прежнему является основным источником всей энергии, вырабатываемой в мире. При этом возрастающий импорт в Китай углеродных (нефть, газ, уголь), минеральных и иных невозобновляемых природных ресурсов вызывает рост цен на мировых рынках, что, в свою очередь, вызывает увеличение стоимости китайской экспортной продукции, оказывая сдерживающее действие на рост экспортного потенциала страны. В ближайшем будущем наиболее серьезной преградой экономическому росту КНР может стать ограниченность запасов ряда не

только китайских, но и мировых ресурсов в результате их уменьшения или полного исчезновения, поскольку ценовые параметры последних могут оказаться слишком высокими для Китая [4];

– в среднесрочной перспективе Китай неизбежно столкнется с удорожанием экспортной продукции и опасностью уменьшения притока иностранных инвестиций. Применяемую китайской стороной экспортно-ориентированную модель в короткие сроки будет сложно изменить, поэтому на пути роста экспорта встанут серьезные ограничения в виде стоимости энергии и сырья, рабочей силы и других затрат, вероятной ревальвации юаня и конкуренции стран с более дешевой рабочей силой. А в условиях замедления экспорта вполне вероятным становится сокращение и притока инвестиций, так как экспортом занимаются, главным образом, фирмы с иностранным участием. Одновременно может значительно вырасти вывоз капитала из Китая, что также будет замедлять рост китайской экономики;

– глобальный финансовый кризис 2008 года продемонстрировал, насколько уязвимы национальные экономики, при этом ситуация в мировой экономике предвещает новые катаклизмы, а также усиление инфляции, проявление различных форм протекционизма, торговые и валютные войны, которые в свою очередь неизбежно приведут к негативным последствиям и в китайской экономике.

Говоря о проблемах обеспечения экономической безопасности государства, директор Китайского института международных стратегических исследований Сюн Гуанкай отмечает «необходимость, придерживаясь принципов «обеспечить рост, расширить внутренний спрос, оптимизировать структуру», противостоять возможным финансовым кризисам глобального характера, обмениваясь мнениями с другими странами, совместно переживая трудные периоды и укрепляя возможное международное сотрудничество. Китай выступает за изменение нерационального международного финансового порядка путем совместных консультаций. При этом, процесс должен быть постепенным и поспешность не нужна, потому что она может привести к нежелательным последствиям, которые могли бы сказаться на экономиках разных государств, включая Китай» [5].

Вопросы обеспечения защиты экономической системы государства находят свое отражение в статьях Закона КНР «О государственной безопасности» (в редакции 2015 года). Так, в частности, в статье 19 этого нормативного правового акта отмечается: «Государство защищает базовую экономическую систему государства и систему социалистической рыночной экономики, совершенствует механизмы и системы предупреждения и ликвидации рисков экономической безопасности, гарантирует безопасность основных отраслей, ключевых сфер деятельности, важнейшего производства, основных объектов инфраструктуры и строительства, связанных с ключевыми аспектами экономики, а также других важнейших экономических интересов», а статья 20 гласит: «Государство совершенствует механизмы макрорегулирования в области финансов, предупреждения и устранения финансовых рисков, укрепляет создание инфраструктуры и расширения потенциала финансового дела, предупреждает и устраняет системные и региональные финансовые риски, предупреждает и дает отпор в случае удара внешних финансовых рисков». Есть и статьи, в которых государству предписывается «совершенствовать систему обеспечения зерновой безопасности, охранять и повышает общую способность производства зерновых культур, «рационально использовать и охранять природные и энергетические ресурсы», «укреплять создание собственного инновационного потенциала, ускорять развитие находящихся под собственным контролем стратегических новых и высоких технологий».

Китайская экономическая модель претерпела серьезную модификацию, сумев повысить роль экспортного сектора при одновременном использовании его громадного потенциала для нужд глубокой структурной перестройки всей экономики. В целом можно характеризовать китайскую модель на этапе модернизации экономики как эффективную и устойчивую. Применение этой модели позволило КНР существенно укрепить

пить свои позиции в мировой торговле, в значительной степени преодолеть технологическую отсталость, укрепить свои позиции в мировых финансах, создать реальную платформу для вхождения в сообщество мировых сверхдержав, а также достаточно успешно противостоять мировому экономическому кризису. В новых условиях мирового развития Китай намерен укреплять свою продовольственную и энергетическую безопасность, а также безопасность в сфере производственных цепочек и цепочек поставок.

Китай требует к себе нового подхода. Блокирование продвижения Китая в мировую экономику и политику приведет к ответным действиям, которые могут нанести ущерб всем странам. Хотя в настоящее время многими мировыми державами политика Китая рассматривается как вызов, однако реагировать на эти действия следует лишь через механизм взаимодействия с КНР.

Китай отвергает политику торгового протекционизма. Вместе с тем он демонстрирует неготовность жертвовать собственными интересами любой ценой. Большое значение придается разработке политики, которая будет способствовать улучшению экономической ситуации Китая и укреплению международного торгово-экономического сотрудничества. Заметное место во внешнеторговых операциях Китая будет отведено попыткам придания юаню статуса свободно конвертируемой мировой валюты.

В рамках концепции «экономики знаний» Китай будет принимать меры по усилению своей экономической конкурентоспособности за счет внедрения передовых технологий в развитие внутреннего рынка, целевой диверсификации и импортозамещения путем создания национального производства инновационной продукции для народного хозяйства и экспорта (расширение научных технопарков, импорт техники, технологий и ноу-хау, привлечение венчурного капитала) в целях минимизации зависимости от внешней торговли и прямых иностранных инвестиций.

Несмотря на наличие в стране значительных природных ресурсов, в том числе невозобновляемых, Китай продолжит практику импортирования значительных объемов углеводородов для удовлетворения потребностей экономического роста, использование которых будет оказывать негативное влияние на состояние экологической ситуации в стране. В этих условиях китайские власти будут увеличивать долю возобновляемых источников энергии в общем объеме потребляемых энергоресурсов.

Важной задачей китайских властей на ближайшую перспективу станет решение вопросов дальнейшего уменьшения диспропорции городского и сельского населения в средних доходах и ВВП на душу населения.

В условиях неустойчивого и непредсказуемого развития международной обстановки КНР будет стремиться к более тесной координации своих действий на многосторонней и двусторонней основе с государствами-партнерами в рамках международных региональных интеграционных организаций (ШОС, БРИКС, АСЕАН и др.). Важное место в продвижении китайских интересов будет по-прежнему принадлежать глобальной инициативе «Пояс и Путь».

Китай продолжит проводить политику «экономической экспансии», которая включает в себя товарную экспансию и обеспечение доступа к сырью в регионах Центральной Азии, Латинской Америки. Одним из приоритетных направлений китайских инвестиций по-прежнему останутся добывающие отрасли и отрасли энергетики африканских государств, даже несмотря на нестабильную внутривнутриполитическую обстановку в этих странах.

Литература

1. Лабюк А. И. Понимание экономической безопасности в Китае. У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень № 18 (216), 2012. – С. 38. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ekonomicheskoy-bezopasnosti-v-kitae>. – Дата доступа: 10.09.2022.

2. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В. Михеева // Московский Центр Карнеги, 2005. – С. 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://carnegieendowment.org/files/9275book_Kitai1.pdf. – Дата доступа: 28.08.2022.

3. Гринин Л.Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире. Век глобализации. – 2012. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/ya2-2012/18419-kitayskaya-model-i-perspektivy-liderstva-kitaya-v-mire.html>. – Дата доступа: 25.08.2022.

4. Ван Пэй. Экспортный сектор в модели экономического развития КНР: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Ван Пэй // МГУ им. М.В. Ломоносов, 2010. – 25 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1727/file/VanPay.pdf>. – Дата доступа: 06.09.2022.

5. Сюн Гуанкай. Всеобъемлющая концепция национальной безопасности Китая. Россия в глобальной политике. – 2009. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/vseobemlyushaya-konczepczija-naczionalnoj-bezopasnosti-kitaya/>. – Дата доступа: 17.08.2022.

РАЗДЕЛ 5. РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

УДК: 311:332.122(476)

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ПРОГРЕССА В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАМИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ STATISTICAL APPROACH TO ASSESSING PROGRESS IN ACHIEVING SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS BY THE REGIONS OF BELARUS

Агабекова Нина Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой статистики,
Белорусский государственный экономический университет
agabnin@mail.ru
Agabekova Nina,
Doctor of Economics, Associate Prof.,
Chair of the Department of Statistic of the Belarusian State Economic University
agabnin@mail.ru

Аннотация. В статье обоснован выбор международных методик оценки прогресса достижения регионами Республики Беларусь Целей устойчивого развития (ЦУР). На основе перечня обязательных условий, а также распределения показателей, определенных для мониторинга достижения ЦУР регионами Республики Беларусь по наличию целевых значений, типу данных и длине временного ряда предложены методика ЕВРОСТАТА для оценки текущего состояния и методика ЭСКАТО ООН для определения ожидаемого прогресса в достижении ЦУР регионами Республики Беларусь. Методики апробированы на примере Брестской области по данным за период с 2015 по 2020 годы. Установлено, что по текущему состоянию у 55 % региональных индикаторов наблюдался прогресс в достижении целей, у 6 % – незначительное отставание и у 24 % – значительное отставание в решении задачи. Оценка ожидаемого прогресса показала, что для 64 % индикаторов цели будут достигнуты при текущем уровне усилий, 23 % не достигнут целевого значения при условии сохранения существующей тенденции и следует предпринять меры чтобы изменить направление в достижение ЦУР и избежать регресса, а для 13 % индикаторов требуется приложить больше усилий для достижения желаемого результата

Ключевые слова: цели устойчивого развития, регион, оценка текущего состояния, оценка ожидаемого прогресса, международные методики.

Abstract. The choice of international methods for assessing the progress in achieving the Sustainable Development Goals (SDGs) by the regions of the Belarus is justified in this article. EUROSTAT methodology for assessing the current state and UNESCAP methodology for determining the expected progress in achieving the SDGs by the regions of Belarus are proposed. The decision was based on the list of mandatory conditions, as well as the distribution of indicators defined for monitoring the achievement of the SDGs by the regions of Belarus by the presence of target values, the type of data and the length of the time series. The methods were tested on the example of the Brest region according to the data for the period from 2015 to 2020. It was found that according to the current state, 55% of the regional indicators showed progress in achieving the goals, 6% had a slight lag, and 24% had a significant lag in solving the problem. An assessment of the expected progress showed that for 64% of the indicators the goals will be achieved at the current level of efforts, 23% will not reach the target value if the current trend continues and measures should be tak-

en to change the direction towards the achievement of the SDGs and avoid regression, and for 13% of the indicators it is required to apply more effort to achieve the desired result

Keywords: sustainable development goals, region, status assessment, progress assessment, international methods.

Республика Беларусь совместно со 193 государствами – членами ООН 25 сентября 2015 г. одобрила Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Повестка-2030), которая охватывает 17 ЦУР. Каждой из Целей ставятся в соответствие свои задачи и для них разрабатываются индикаторы, которые охватывают практически все сферы жизнедеятельности общества [1]. Каждая из стран адаптирует глобальные цели к национальным условиям исходя из собственных направлений, стратегий развития, международных соглашений, и будет в конечном итоге иметь свою комбинацию факторов устойчивого развития. Локализация глобальных Целей предполагает их преломление на конкретной территории с учетом её особенностей и уже достигнутых уровней развития для обеспечения инклюзивности и устойчивости данного региона. Одновременно процесс локализации ЦУР на региональном уровне нельзя проводить без учета приоритетных направлений и ожидаемых результатов, определенных в документах стратегического развития на национальном уровне [2].

Одной из трех приоритетных задач Программы поддержки Беларуси (2019-2022 гг.) в рамках тематического направления «Локализация Целей устойчивого развития» является *содействие процессам разработки, доработки, реализации, оценки и мониторинга стратегий устойчивого развития на уровне области или района с учетом целей и принципов Повестки-2030* [2]. Это требует проведения региональных оценок достижений ЦУР, в тоже время, не смотря на разработанную информационную базу для мониторинга ЦУР в разрезе областей Республики Беларусь, методические подходы к интегрированной оценке достижения регионами поставленных целей не получили достаточного научного обоснования. Отслеживание прогресса в достижении ЦУР необходима правительству, гражданскому обществу для определения приоритетных направлений деятельности, разработке мер и понимания ключевых проблем реализации задач, выявления болевых точек и пробелов в устойчивом развитии. В настоящее время актуальными являются вопросы определения уровня, на котором находится страна и её регионы в процессе достижения ЦУР, а также перспективы по достижению поставленных целей к 2030 году. Для ответа на эти вопросы международными организациями разработаны методики, применяющиеся по всему миру при анализе состояния выполнения «Повестки-2030». Это методики предлагаемые Сетью ООН для выработки решений в области устойчивого развития (SDSN), Евростатом, Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН) и Продовольственной и сельскохозяйственной организацией объединенных наций (ФАО) [3, 4, 5, 6, 7, 8].

Сравнительный анализ возможности применения международных методик к измерению прогресса в области устойчивого развития в Республике Беларусь прежде всего позволил сформулировать следующие обязательные условия, а именно:

1. Комплексный отчет о прогрессе в достижении ЦУР должен включать оценку как текущего состояния, связанного с последними доступными данными, так и прогресса в достижении цели. Например, страна, которая очень близка к цели, может быть в неблагоприятных условиях для её достижения если в последние годы тенденция слишком медленная, или направление изменений переместилось в противоположную сторону.

2. Важным ограничением в выборе лучшей методики являются короткие временные ряды, поскольку большинство индикаторов ЦУР относительно новые. В связи с этим необходимо использовать достаточно простые методологические подходы, которые будут подходить для всех возможных ситуаций.

3. Необходимо учитывать наличие целевого значения, чтобы сравнить фактический рост с требуемым ростом для достижения цели или прогноз на 2030 год с целевым.

Для мониторинга ЦУР на региональном уровне представлены все 17 Целей, 145 из 267 индикаторов, из которых 4 рассматривают только на уровне Могилевской, Гродненской областей и г. Минска.

Целевые показатели 2030 года на региональном уровне установлены только для 30 % индикаторов. Также следует отметить, что не все индикаторы регионального уровня совпадают с республиканским: к примеру, на региональном уровне нет необходимости учитывать и оценивать, сколько достопримечательностей по Республике Беларусь занесены в охраняемое наследие ЮНЭСКО, по этой причине многие из показателей модифицированы или вовсе удалены, при этом разработаны новые.

С учётом условий, а также распределения показателей, определенных для мониторинга достижения ЦУР регионами Республики Беларусь по наличию целевых значений, типу данных и длине временного ряда за период с 2015 по 2020 годы обоснован выбор методик ЕВРОСТАТА и ЭСКАТО ООН для оценки достижения ЦУР в Республике Беларусь.

Методика ЕВРОСТАТА в качестве показателя, характеризующего как текущее состояние, так и прогресс достижения цели предлагает рассчитывать *фактический среднегодовой темп прироста* [9].

Система критериев для определения типа тренда по методологии Евростата представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Система критериев для определения типа тренда по методологии Евростата

Символ	Тип тренда	Критерии при условии, что целевые значения количественно не определены (для фактического темпа прироста CAGR)
	Существенное падение (значительное отставание)	менее - 1 %
	Незначительное снижение (незначительное отставание)	[-1 %; 0 %)
	Медленный рост (незначительный прогресс)	[0 %; 1 %)
	Значительный рост (значительный прогресс)	1 % и более

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [9]

Сравнительные преимущества и недостатки данной методики представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Критический анализ возможности применения методики Евростата к измерению прогресса в области устойчивого развития в регионах Республики Беларусь

Преимущества применения	Недостатки и трудности в применении
<ul style="list-style-type: none"> ➤ Простота расчета для пользователя; ➤ Возможность оценки прогресса в отсутствии целевых значений; ➤ Возможность проведения всех расчетов по двум точкам данных; ➤ Геометрическая модель роста; ➤ Совмещает оценку текущего состояния и прогресса достижения цели; ➤ Учитывает негативную тенденцию изменения индикатора в случае текущего превышения целевого значения. 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Оценка годового темпа роста только по двум значениям не принимает во внимание то, что происходит между ними; ➤ Для агрегирования по Цели требуется преобразование данных в баллы;

Оценка перспективного состояния согласно методике ЭСКАТО ООН, основана на определении прогнозируемого значения индикатора и индекса ожидаемого прогресса. Прогнозируемое значение индикатора для целевого 2030 года рассчитывается методом экстраполяции по среднегодовому взвешенному темпу роста. Вес определяется по формуле 1:

$$w_i = \frac{|t_i - t_f|}{|t_i - t_l|} \quad (1)$$

где t_l - базисный год для прогноза (2015 год); t_f - 2030 год; t_i - расчетный год (2020 год).

Расчет индекса ожидаемого разрыва в прогрессе производится по формуле 2:

$$I_{pg} = \frac{|TV - x_{2030}^*|}{|TV - x_{2015}|} \times 100 \quad (2)$$

Индекс ожидаемого прогресса рассчитывается только для индикаторов, по которым целевые значения не будут достигнуты, иначе ему присваивается значение, равное 0.

Для качественной оценки ожидаемого прогресса в достижении ЦУР для I_{pg} устанавливаются пороговые значения, на основе которых выделяются три уровня достижения прогресса:

- целевое значение будет достигнуто при текущем уровне или при минимальных дополнительных усилиях ($0 \leq I_{pg} \leq 10$);
- необходимо ускорение динамики для достижения цели ($10 < I_{pg} \leq 100$);
- прогресса не ожидается, идет изменение в противоположном направлении ($I_{pg} > 100$) [10].

Преимуществами использования методики ЭСКАТО являются:

- принятая геометрическая модель роста. Предположение о линейном росте во времени довольно просто, но недостаточно для описания динамики сложных явлений во времени. В этом контексте мы предлагаем постулировать, что показатели ЦУР следуют геометрическому росту с течением времени (принято также в Таблице прогресса ООН на 2020 год);
- Расчет среднего темпа роста путем рассмотрения всех значений во временном ряду (вместо двух точек данных, начальной и конечной) с помощью средневзвешенного геометрического (чем выше вес, тем более актуальны значения);
- Индекс ожидаемого разрыва в прогрессе рассчитывается только для индикаторов достижение цели которых не ожидается. Если целевое значение уже достигнуто или превысило его или ожидается, что оно достигнет целевого значения к 2030 году, индикатор автоматически классифицируется как «будет достигнуто», а индекс ожидаемого прогресса устанавливается равным 0.

В качестве недостатка применения данной методике следует отметить, что агрегирование по задаче и цели при оценке прогресса достижения ЦУР регионами Республике Беларусь в настоящее время является необъективным, так как целевое значение имеют только 30 % показателей, что дает смещенные оценки в случае наличия даже одного изменения в противоположном направлении от достижения цели.

Апробация предложенных методик была проведена на примере Брестской области. Оценка текущего состояния достижения целей по состоянию на конец 2020 года каждой из 17 ЦУР представлена в таблице 3.

Таблица 3 – Оценки текущего состояния в достижении ЦУР в Брестской области по состоянию на конец 2020 года

	Методика не разработана	Недостаточно данных	Незначительный прогресс в решении задачи	Значительный прогресс в решении задачи	Незначительное отставание от решения задачи	Значительное отставание от решения задачи
Цель 1	1	0	1	4	0	5
Цель 2	3	0	1	4	0	1
Цель 3	0	0	2	12	1	3
Цель 4	2	1	3	3	1	4
Цель 5	0	2	1	2	0	2
Цель 6	0	1	2	2	2	3
Цель 7	1	2	0	0	0	0
Цель 8	1	0	4	8	0	3
Цель 9	0	0	3	3	0	4
Цель 10	1	0	0	4	0	1
Цель 11	2	4	0	2	3	0
Цель 12	0	0	0	5	0	3
Цель 13	0	0	0	0	0	4
Цель 14	0	0	0	0	1	1
Цель 15	0	0	0	9	0	0
Цель 16	1	0	0	1	1	1
Цель 17	0	0	0	3	0	0

Обобщающая оценка достижения ЦУР по текущему состоянию в Брестской области представлена на рисунке 1.

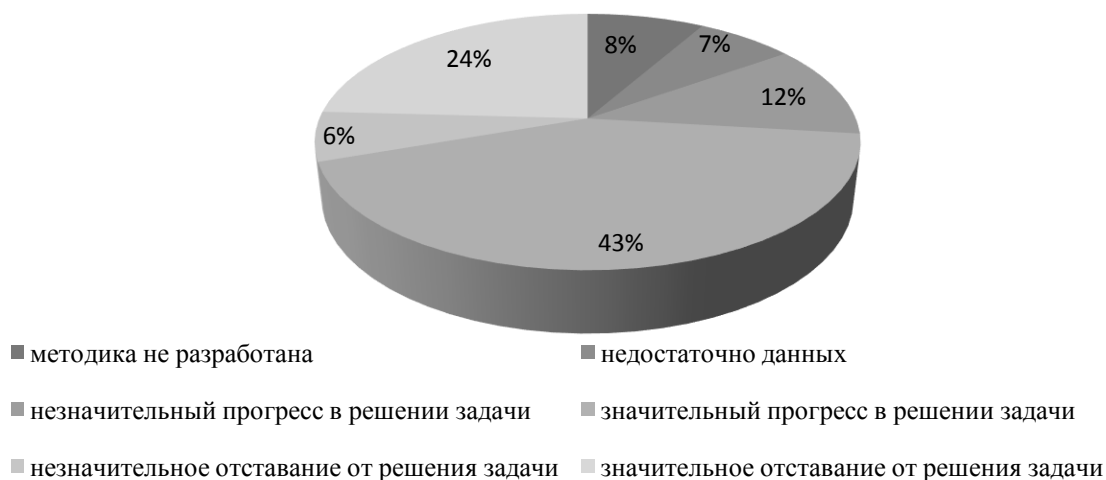

Рисунок 1 – Обобщающая оценка текущего состояния в достижении ЦУР Брестской области на конец 2020 года

Оценка текущего состояния (статуса) достижения ЦУР в Брестской области, как и других областей, является первым и необходимым этапом в анализе прогресса достижения поставленных задач. Вторым этапом является оценка перспективного состояния (ожидаемого прогресса), что в результате позволит определить стратегию и конкретизировать направления региональной политики в зависимости от достигнутых позиций.

В ходе апробации методики ЭСКТО ООН по оценке ожидаемого прогресса достижения ЦУР в Брестской области к 2030 году удалось оценить 78 из 145 индикаторов, для которых были установлены целевые значения (рисунок 2).

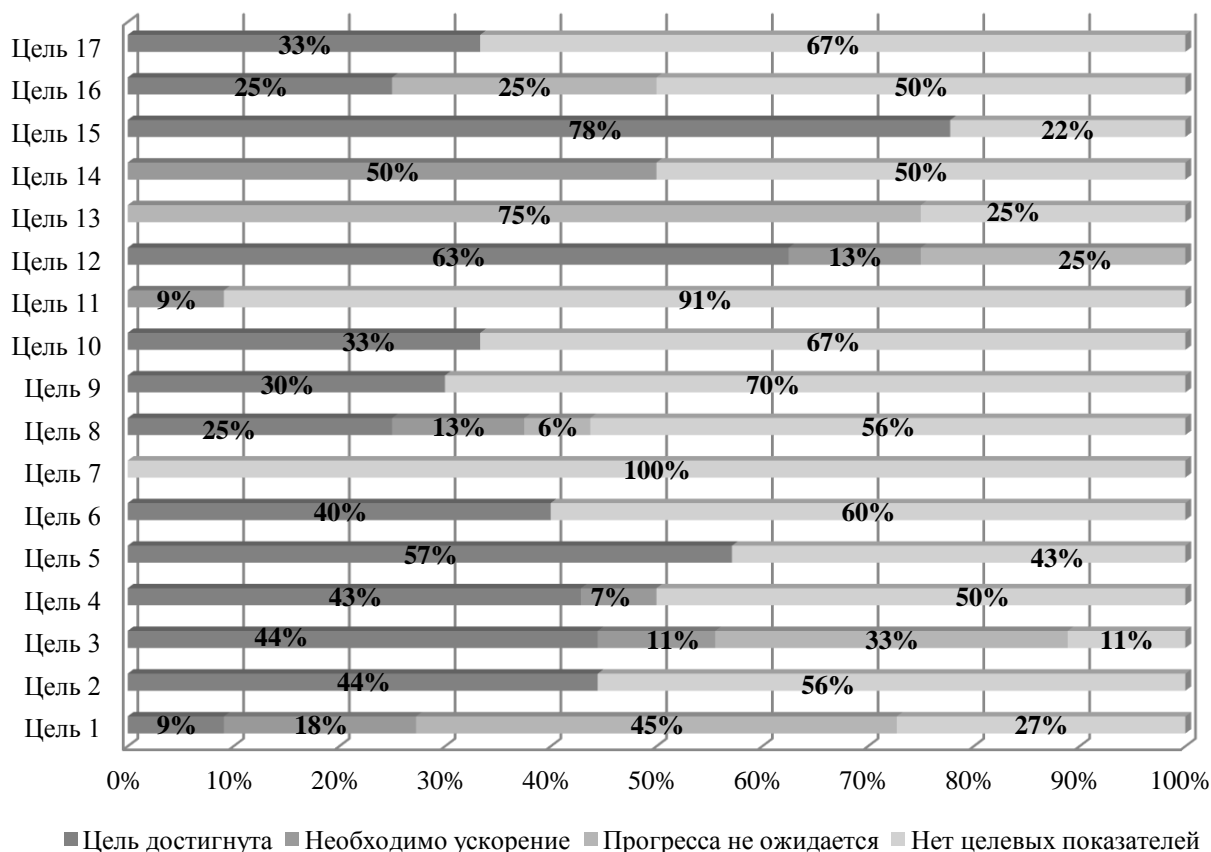

Рисунок 2 – Оценка ожидаемого прогресса в достижении ЦУР в Брестской области по состоянию на 2020 год

В целом, 50 индикаторов уже достигли целевого значения на момент проведения исследования или с сохранением тенденции достигнут цели к 2030 году, для 10 индикаторов требуется приложить больше усилий для достижения желаемого результата, 18 индикаторов не достигнут целевого значения при условии сохранения существующей тенденции и следует предпринять меры и изменить направление в достижение ЦУР, чтобы избежать регресса.

Для 46 % индикаторов не удалось установить ожидаемый прогресс в связи с тем, что целевые значения не определены, также следует отметить, что наблюдается существенная разница между национальными индикаторами, представленными на Национальной платформе и индикаторами, установленными для конкретного региона. Предложением автора в данном вопросе является установление в качестве целевого значения показателя наилучшего, уже достигнутого значения за весь период наблюдения среди всех областей республики.

Таким образом, в ходе проведения исследования было оценено текущее и ожидаемое состояния достижения ЦУР в Брестской области с использованием комбинированной методики Евростата (оценка текущего состояния) и ЭСКАТО ООН (оценка прогресса к 2030 году). Текущее состояние было оценено в полной мере, за исключением случаев, где для индикаторов не разработана методика и недостаточно данных. Однозначно невозможно на этом этапе сделать выводы о достижении конкретного результата к 2030 году при расчете индексов ожидаемого разрыва, необходимо предпринять меры для установки обоснованных целевых значений для конкретных показателей региона или принять в качестве цели статистическую задачу (заключении профильных экспертов, выбрать фактические или средние по республике или наилучшие значения показателей по регионам).

Литература

1. Беларусь на пути достижения Целей устойчивого развития 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belstat.gov.by/ofitsialnayastatistika/publications/izdania/public_compilation/index_17958/. – Дата доступа: 18.05.2022.
2. Локализация целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ibb-d.by/lokalizatsiya-tselej-ustojchivogo-razvitiya/#:~:text=Локализация%20Целей%20устойчивого%20развития%20предполагает,ее%20инклюзивного%20и%20устойчивого%20развития.> – Дата доступа: 20.05.2022.
3. Asia and the Pacific SDG Progress Report 2021 [Электронный ресурс] / Азиатско-Тихоокеанский портал ЦУР. – Режим доступа: <https://data.unescap.org/publications/sdg-progress-report-2021>. – Дата доступа: 20.05.2022.
4. Next steps for a sustainable European future: European action for sustainability. Communication of European Commission [Электронный ресурс] / Европейская комиссия. - Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/HTML/?uri=CELEX:52016DC0739&from=EN>. – Дата доступа: 29.05.2022.
5. SDG Gateway Explorer [Электронный ресурс] / Азиатско-Тихоокеанский портал ЦУР. – Режим доступа: <https://dataexplorer.unescap.org/>. – Дата доступа: 10.05.2022.
6. Sustainable Development Report 2021 [Электронный ресурс] / Сеть ООН для выработки решений в области устойчивого развития (SDSN). – Режим доступа: – <https://www.sdgindex.org/reports/sustainable-development-report-2021>. – Дата доступа: 20.05.2022.
7. UN Sustainable Development Solutions Network (SDSN) [Электронный ресурс] / Сеть ООН для выработки решений в области устойчивого развития (SDSN). – Режим доступа: <https://www.unsdsn.org>. – Дата доступа: 20.05.2022.
8. Better Policies for 2030 An OECD Action Plan on the Sustainable Development Goals [Электронный ресурс] / Организация экономического сотрудничества и развития. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/dac/Better%20Policies%20for%202030.pdf>. – Дата доступа: 29.05.2022.
9. Sustainable development in the European Union. Monitoring report on progress towards the SDGs in an EU context – 2021 edition [Электронный ресурс] / Евростат. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/12878705/KS-03-21-096-EN-N.pdf/8f9812e6-1aaa-7823-928f-03d8dd74df4f?t=1623741433852>. – Дата доступа: 10.05.2022.
10. Asia-Pacific SDG Gateway [Электронный ресурс] / Азиатско-Тихоокеанский портал ЦУР. – Режим доступа: <https://data.unescap.org/>. – Дата доступа: 10.05.2022.

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ²
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING OF THE
REGIONAL DEMOGRAPHIC SECURITY IN THE CONTEXT OF GLOBAL RISKS**

Антипова Екатерина Анатольевна,
доктор географических наук, профессор,
профессор кафедры экономической и социальной географии,
Белорусский государственный университет
antipovaekaterina@gmail.com
Запрудский Илья Игоревич,
кандидат географических наук, специалист ООО «МэпДэйта»
albarutenicageo@gmail.com
Титов Антон Николаевич,
старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии
Белорусский государственный университет,
ANTitov@tut.by
Antipova Ekaterina,
Doctor of Science in Geography, Professor,
Professor of Economic and Social Geography Department of Belarusian State University
antipovaekaterina@gmail.com
Zaprudsky Ilya,
PhD in Geography, Specialist, «MapData»
albarutenicageo@gmail.com
Tsitou Anton,
Senior Lecturer of Economic and Social Geography Department
of Belarusian State University
ANTitov@tut.by

Аннотация. В статье проводится анализ основных парадигм, дефиниций, нормативно-правовых и научных подходов к оценке региональной демографической безопасности (РДБ). Представлена систематизация показателей анализа демографической безопасности и разработанный авторами научно-методический комплекс ее оценки в Республике Беларусь. Научно-методический комплекс включает как классические (общие и региональные), так и инновационные показатели, позволяющие оценить качество жизни населения с позиций демографической модернизации, старения и цифровизации мировой экономики.

Ключевые слова: демографические парадигмы, региональная демографическая безопасность, научно-методический комплекс оценки региональной демографической безопасности.

Abstract. The main paradigms, definitions, legal and scientific approaches to the assessment of regional demographic security (RDS) are analyzed in the article. The systematization of demographic security analysis indicators and the scientific and methodological complex for its assessment developed for the Republic of Belarus by the authors are presented. The scientific and methodological complex includes both classical (general and regional) and innovative indicators that al-

² Исследование выполнено в рамках НИР «Совершенствование теоретико-методологических основ оценки региональной демографической безопасности и человеческого капитала Республики Беларусь в контексте глобализации мировой экономики» (№ ГР 20211948) задания 3.04 «Научные основы развития человеческого капитала в контексте обеспечения социальной, демографической, экологической и экономической безопасности в Республике Беларусь» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма «Экономика».

low assessing the quality of life of the population from the standpoint of demographic modernization, ageing and digitalization of the world economy.

Keywords: demographic paradigms, regional demographic security, scientific and methodological complex for assessing regional demographic security.

Конец XX века в истории человечества связывают с глобальным демографическим переходом и многоаспектными проявлениями демографической модернизации. К основным ее процессам в современном мире относят: 1) изменения в демографическом поведении; 2) изменения в формировании семьи; 3) депопуляция; 4) глобальность международной миграции; 5) демографическое старение; 6) демографический дефицит [1, 2]; 7) урбанизационный переход. Сущность основных процессов демографической модернизации позволяет их разделить на две группы в зависимости от их последствий – процессы первого порядка (оказывающие прямое воздействие на демографическую безопасность) и процессы второго порядка (оказывающие косвенное воздействие на демографическую безопасность) демографической модернизации. К первой группе отнесены: 1) изменения в демографическом поведении; 2) изменения в формировании семьи; 3) депопуляция; 4) глобальность международной миграции; 5) демографическое старение. Ко второй группе отнесены: 1) демографический дефицит; 2) урбанизационный переход.

Эволюция научных парадигм в области демографии в контексте демографической безопасности показала, что в настоящее время сценарии демографического развития мира подчинены действию следующих основных научных парадигм [3–7]:

1) формационная парадигма (парадигма «западоцентризма»), основанная на том, что современность едина и неделима; что государство все меньше и меньше влияет на социальные процессы, а социальный контроль над индивидом уходит в прошлое;

2) цивилизационная парадигма (парадигма многообразия современности (multiple modernities), основанная на понимании растущей роли незападных обществ в современном мире; на предположении о том, что государство еще не сказало своего последнего слова, а социальный контроль над индивидом принял более изощренные формы;

3) модернистская парадигма семьи, основанная на основных постулатах Второго демографического перехода – распространении добрачных и внебрачных союзов, росте внебрачной рождаемости, увеличении возраста вступления в брак;

4) фамилистическая парадигма семьи, основанная на приоритетных ценностях семьи и детей перед другими на уровне индивидов, социальных институтов, общественных групп;

5) геопространственная парадигма, основанная на взаимодействии цивилизационной парадигмы и глобального процесса географизации мышления, включающая использование триединого подхода – территориальность, комплексность, конкретность.

Государственная политика в сфере региональной демографической безопасности – это часть региональной демографической политики, направленная на достижение защищенности социально-экономического развития регионов от демографических угроз при условии соответствия её целей национальным демографическим интересам страны.

На демографическую безопасность региона влияют исторические особенности его развития, экономико-географическое положение, природно-ресурсный потенциал территории, внутренние и внешние связи, развитие социальной сферы, социально-экономическое состояние и процессы, происходящие в других регионах в частности и стране в целом. Исследование демографической безопасности позволяет более полно и глубоко изучить демографические процессы, выявить их тенденции и особенности, причины негативных демографических явлений и процессов, снижающих уровень демографической безопасности, для последующего их устранения и профилактики [8].

В демографической науке выделяется два основных подхода к исследованию демографической безопасности: инструментальный и ценностный [9]. В первом случае ценность процессов воспроизводства населения определяется их влиянием на социально-экономические процессы и служит инструментом для достижения определенных экономиче-

ских целей страны (региона). Второй подход к пониманию демографической безопасности предполагает самоценность демографических процессов, существование автономных, собственных демографических целей и трактует демографическую безопасность с точки зрения непрерывного естественного возобновления поколений людей [10]. В этой связи особую актуальность и практическую значимость приобретает изучение разницы в понимании региональной демографической безопасности между странами.

В Беларуси понятие «демографическая безопасность» одной из первых среди стран СНГ было закреплено в законодательном поле. В 2002 году вышел закон Республики Беларусь (04.01.2002 № 80-3) «О демографической безопасности Республики Беларусь», в котором дается определение демографической безопасности как «состояния защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие Республики Беларусь в соответствии с ее национальными демографическими интересами» [11].

Среди постсоветских стран в государственных документах термин «демографическая безопасность» встречается в некоторых странах региона, которым преимущественно характерна сложная демографическая ситуация, связанная с убылью населения, а также со старением населения и наличием эмиграционных тенденций (таблица 1).

Таблица 1 – Характеристика нормативно-правовых документов по демографической безопасности Беларуси и некоторых стран

Государство	Документ	Цель
Беларусь	Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 гг.	Создание условий для улучшения здоровья населения с охватом всех этапов жизни, повышения качества и доступности услуг системы здравоохранения
Грузия	Концепция демографической безопасности Грузии на 2017–2020 гг.	Остановить сокращение (депопуляцию) численности населения путем стабилизации естественного и механического движения населения
Молдова	Национальная стратегическая программа в области демографической безопасности Республики Молдова (2011–2025 годы)	Создание предпосылок и формирование рамок для демографического развития, охватывая действия, результаты которых будут ощутимы следующими поколениями, поскольку влияние демографических явлений и поведения проявляется на протяжении жизни многих поколений и не всегда зависит от административных мер вмешательства
Россия	Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года	Стабилизация численности населения к 2015 году на уровне 142–143 млн. человек и создание условий для ее роста к 2025 году до 145 млн. человек, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 году до 70 лет, к 2025 году – до 75 лет
Украина	Проект Закона о демографической безопасности Украины (2003 г.)	Составная часть национальной безопасности, определяющая состояние защищенности государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечено развитие Украины в соответствии с ее национальными демографическими интересами

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [10–17]

При этом, данный термин не встречается в странах с высоким естественным ростом численности населения (страны Центральной Азии), для которых проблема достижения демографической безопасности, по нашему мнению, является актуальной в части решения задач перенаселения, развития репродуктивной грамотности, достижения сбалансированной половозрастной структуры населения и т.д. В частности, вся демографическая политика Казахстана сводится к вопросам государственной поддержки семей и рождаемости, а также достижения гендерного равноправия в обществе [12]. Термин «демографическая безопасность» встречается также в программных документах стран Центральной и Восточной Европы, что обусловлено сложной демографической ситуацией в регионе. Однако в большинстве стран

региона демографическая безопасность является составной частью национальной безопасности и не рассматривается обособлено. Так, в Украине демографические проблемы, решение которых необходимо для устойчивого развития, были представлены несколькими позициями в Законе «Про национальную безопасность Украины» (2018 г.) [13].

Следует отметить, что в рассматриваемых документах региональная демографическая безопасность в большинстве своём представлена описанием статистических показателей и прогнозов развития наиболее проблемных регионов, которым требуется государственная поддержка для решения демографических проблем. Вместе с тем, между странами существуют различия в понимании основных направлений реализации региональной демографической политики. Правительство Беларуси видит наибольшую значимость в развитии здравоохранения в регионах, в том числе в межрегиональных и межрайонных центрах. В стране ощущается необходимость в обеспечении качественной медицинской помощью стремительно стареющее население регионов. Следовательно, в программном документе зафиксировано различие между столичным регионом и его периферией.

В Грузии элементы государственной политики в сфере региональной демографической безопасности проявляются в необходимости предоставления населению регионов возможности получить достойное медицинское обслуживание, особенно, по мнению правительства, это характерно для Абхазии и Южной Осетии. Молдова стремится снизить дисбаланс в демографическом развитии столицы и провинциальных территорий через стимулирование рождаемости. В частности, социальные выплаты по беременности и уходу за детьми дифференцированы по количеству и очередности рождений в семье. Правительство Молдовы заявляет также необходимость обеспечения всеобщего доступа населения к информации и услугам в области сексуального и репродуктивного здоровья.

Зарубежный и отечественный опыт исследования демографической безопасности показал, что она представляет собой сложный и междисциплинарный объект исследования, методика изучения которого определяется как самой научной дисциплиной, так и подходами к данному понятию. Ученые-экономисты рассматривают демографическую безопасность в контексте экономической безопасности и предлагают рассматривать для оценки ряд показателей, которые напрямую относятся к демографической безопасности: коэффициент естественного прироста населения, коэффициент миграционного прироста населения (пороговое значение по ним равно 0 ‰); среднедушевые денежные ежемесячные доходы населения, которые должны быть не менее среднего значения по стране, темп роста среднегодовой численности населения – не менее 100 %. Расширенный перечень индикаторов для оценки демографической безопасности страны предлагается С. В. Сильченковой (таблица 2). Кроме того, важно оценить результативность демографической безопасности, которые для каждой страны по своему составу и формам проявления могут носить специфический характер. Как отмечала Л. П. Шахотько [19], среди актуальных для Республики Беларусь аспектов (реальных демографических угроз) демографической безопасности стоит выделить: рост депопуляции; уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство; рост заболеваемости и смертности; снижение ожидаемой продолжительности жизни; ухудшение здоровья населения; деградация института семьи; нерациональные внутренние миграционные потоки; нарастающие объемы нелегальной миграции.

Исходя из проведенного анализа, методические подходы, индикаторы оценки и алгоритм исследования демографической безопасности разными научными дисциплинами схожи и сводятся к следующим аспектам: охарактеризовать состояние демографической безопасности; оценить направление, характер, скорость, глубину ее изменений; исследовать факторы, оказывающие влияние на трансформацию параметров демографической безопасности; построить прогнозы изменения основных ее индикаторов. В целом, теоретико-методологическое обеспечение исследования региональной демографической безопасности представлено иерархией из пяти уровней – 1) парадигмы, 2) методологические подходы и принципы, 3) концепции и подходы, 4) методы (рисунок).

Таблица 2 – Индикаторы демографической безопасности и их пороговые значения

Группа	Индикаторы и единицы измерения	Пороговое значение
Индикаторы естественного и механического движения населения	Коэффициент естественного прироста населения, ‰	не менее 0
	Коэффициент механического прироста населения, ‰	не менее 0
	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	не менее 75
Индикаторы трудовых ресурсов	Уровень безработицы, %	не более 5
	Отношение численности трудовых ресурсов к численности населения, %	не менее 60
	Отношение численности занятых к численности населения, %	не менее 50
	Средний возраст трудовых ресурсов, лет	не более 41
Индикаторы доходов населения	Средняя номинальная заработная плата, руб.	не менее среднего значения по стране
	Отношение среднедушевых доходов населения к величине прожиточного минимума, раз	раз не менее 3,5
	Отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму, раз	не менее 3
	Отношение средней пенсии к прожиточному минимуму, %	не менее 140
	Коэффициент бедности, %	не более 7
	Коэффициент фондов, раз	не более 8
Индикаторы расходов населения	Соотношение доходов и расходов населения, %	не менее 110
	Доля потребительских расходов в общей сумме расходов населения, %	не более 70
	Доля расходов на продукты питания в общей сумме расходов, %	не более 20

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [18]

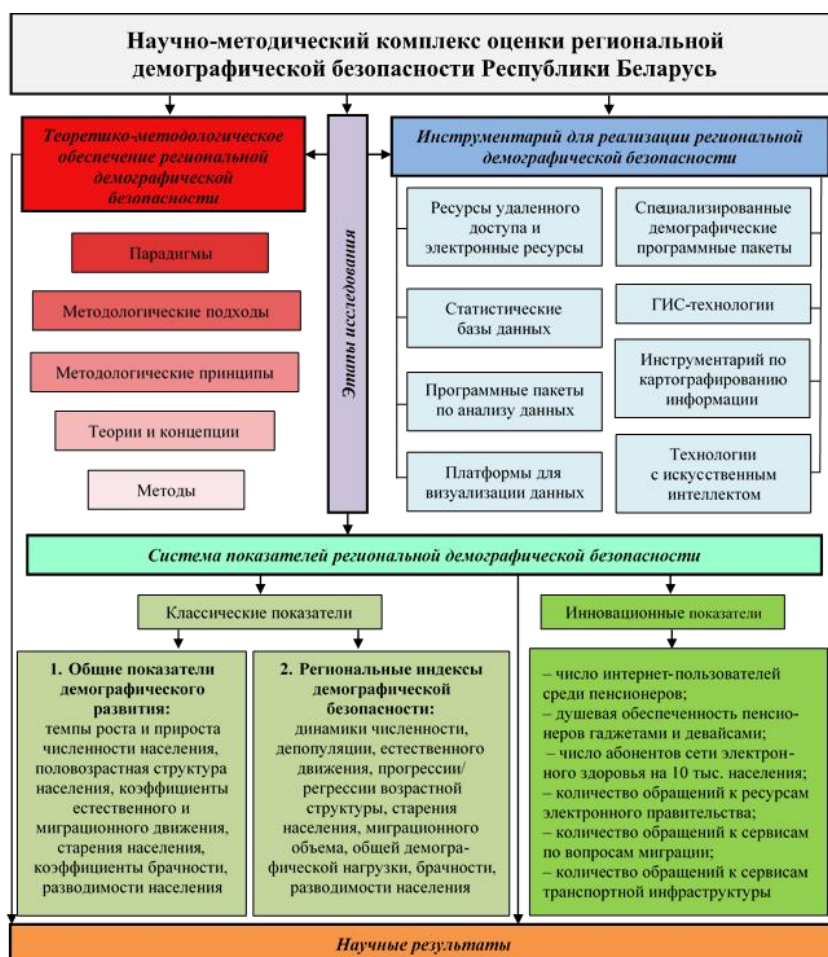

Рисунок – Научно-методический комплекс оценки региональной демографической безопасности Республики Беларусь

В контексте нашего предметного поля основными методологическими подходами выступают пространственно-временной, динамический, факторный, комплексный, гуманитарно-экологический и постмодернистский, а принципами – территориальность, регионализм, полимасштабность, историзм, системность и устойчивость. Основными теориями и концепциями, в рамки которых вписывается анализ демографической безопасности, выступают теория демографического перехода, теория мобильного перехода, концепция миграционных систем, концепция транснациональной миграции, субкультурная теория старения, теория интергенеративной передачи благосостояния, концепция стадийного развития урбанизации и др.

Самый низкий уровень в нашей теоретико-методологической иерархии представлен методами: 1) теоретическими (информационный, исторический, структурный и пространственный анализ, метод динамического ряда, методы балансов и ключей, метод аналогии) и 2) эмпирическими (демографический анализ, сравнительно-географический метод, картографический метод, математические методы анализа данных, метод балльной оценки, моделирование, прогнозирование). Важно отметить, что принципиальным отличием в научных подходах и методах от предыдущих исследований при совершенствовании теоретико-методологических основ оценки региональной демографической безопасности Республики Беларусь является то, что человеческий капитал рассматривается в ракурсе глобальных процессов цифровизации экономики и диджитализации общества, при которых комфорт среды жизнедеятельности, состояние здоровья, активное долголетие и качество предоставляемых услуг населению является приоритетной ценностью для выполнения целей и задач демографической политики государства. Исходя из этого в научно-методическом комплексе нами выделены инновационные показатели.

Обобщая все изложенные ранее аспекты по совершенствованию оценки региональной демографической безопасности и человеческого капитала Республики Беларусь нами был разработан научно-методический комплекс (рисунок 1).

В целом, региональная демографическая безопасность в контексте демографической модернизации и глобализации подразумевает опору не на попытку повышения рождаемости или принятие запретительных миграционных законов, а на разработку адекватных, своевременных и устойчивых мер социальной и экономической направленности.

Целью государственной политики должно становится не регулирование численности народонаселения, а формирование человеческих ресурсов для достижения самого высокого из возможных уровней благосостояния всех граждан, что согласуется с целями устойчивого развития ООН. Данные умозаключения обуславливают необходимость перехода от количественного к качественному принципу решения демографических проблем, в том числе по достижению региональной демографической безопасности.

Литература

1. Cooley T., Henriksen E. The demographic deficit / T. Cooley, E. Henriksen // *Journal of Monetary Economics*. – Volume 93. – 2018. – P. 45–62.
2. Faus-Pujol M. C., Higuera-Arnal A. Does a demographic deficit exist? / M. C. Faus-Pujol, A. Higuera-Arnal // *Applied Geography*. – 2000. – 203. – P. 243–253.
3. Клупт М. А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии / М. Клупт // *Социологические исследования*. – 2010. – № 8. – С. 60–71.
4. McNicoll G. Legacy, policy, and circumstance in fertility transition / G. McNicoll // *Population and Development Review*. – 2009. – № 35 (4). – P. 777–795.
5. Van Dalen H., K. Henkens. What is on a demographer's mind? A worldwide survey / H. Van Dalen, K. Henkens. // *Demographic Research*. – 2012. – № 6 (16). – P. 363–408.
6. Frédéric Le Play. *L'Organisation de la Famille, Selon le Vrai Modèle Signale par l'Histoire*. Hachette Livre-BNF. – 2018. – 556 p.

7. Parsons T., Sciortino G. *American Society Toward a Theory of Societal Community*. – 2011. Routledge. – 537 p.
8. Акбюлов, Р. И. Демографическая безопасность региона как объект государственной политики / Р. И. Акбюлов // *Экономика региона*. – 2008. – № 3. – С. 242–247.
9. Мостахова, Т. С. Совершенствование управления демографическим развитием региона : автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. – Экономика и управление народным хозяйством / Т. С. Мостахова; РАНХиГС при Президенте РФ. – Москва, 2010. – 50 с.
10. Глушкова, В. Г. Демографическая безопасность России и её регионов: проблемы и пути их решения / В. Г. Глушкова, О. Б. Хорева // *Вестник финансового университета*. – 2014. – № 3. – С. 4–25.
11. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10200080>. – Дата доступа: 01.12.2021.
12. Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000384>. – Дата доступа: 01.12.2021.
13. Гришнова, Е. А. Демографическая безопасность Украины: индикаторы, уровень, угрозы / Е. А. Гришнова, Ю. М. Харaziшвили // *Demography and Social Economy*. – 2019. – № 2 (36). – С. 65–80.
14. Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы / Совет Министров Республики Беларусь. – Минск, 2021. – 113 с.
15. Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>. – Дата доступа: 01.12.2021.
16. Национальная стратегическая программа в области демографической безопасности Республики Молдова (2011–2025 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=103251&lang=ru. – Дата доступа: 01.12.2021.
17. Об утверждении «Концепции демографической безопасности Грузии» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/3331420?publication=0>. – Дата доступа: 01.12.2021.
18. Сильченкова, С. В. Демографическая безопасность региона в контексте экономической безопасности / С. В. Сильченкова // *Экономический журнал*. – Москва, 2018. – № 1. – С. 22–37.
19. Шахотько, Л. П. Реализация программ демографической безопасности и оценка их эффективности в Республике Беларусь / Л. П. Шахотько // *Вопросы статистики. Статистический анализ социально-экономических процессов*. – Минск, 2016. – № 9. – С. 3848.

**РАЗВИТИЕ РЫНКА ТРУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ:
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНАЛИЗА
DEVELOPMENT OF THE LABOR MARKET OF THE REPUBLIC
OF BELARUS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY:
ADDITIONAL DIRECTIONS OF ANALYSIS**

Ванкевич Елена Васильевна,
доктор экономических наук, профессор,
проректор по научной работе,
Витебский государственный технологический университет
vankevich_ev@tut.by
Vankevich Alena,
Doctor of Economics, Professor,
Vice-Rector for Scientific Work,
of the Vitebsk State University of Technology
vankevich_ev@tut.by

Аннотация. В статье обосновано, что для комплексной характеристики рынка труда в условиях его цифровизации необходимо дополнить традиционно используемые данные информацией с онлайн-порталов вакансий. Это позволяет рассчитывать конъюнктуру рынка труда как соотношение резюме к вакансиям в разрезе занятий, регионов, видов экономической деятельности и навыков. Апробация данного методического подхода позволила установить, что конъюнктура рынка труда Беларуси становится более напряженной и дифференцированной в разрезе занятий и навыков; проблема несоответствия на рынке труда переносится с количества рабочих мест на запас навыков; растет спрос на удаленные рабочие места и формы занятости; основным ограничением на рынке труда становится предложение рабочей силы, оцененное через навыки. Использование данных онлайн-порталов выявило ряд методических проблем, обусловленных сложностями формирования единого массива данных вакансий, резюме, навыков, отсутствием классификатора навыков, что затрудняет возможность консолидировать информацию о рынке труда со всех онлайн-источников с официальными статистическими и административными данными.

Ключевые слова: цифровизация, рынок труда, онлайн-порталы вакансий.

Abstract. The article substantiates that in order to comprehensively characterize the labor market under its digitalization it is necessary to supplement the traditionally used data with information from online job portals. This makes it possible to calculate the labor market situation as the ratio of resumes to vacancies in the context of occupations, regions, types of economic activity and skills. The testing of this methodological approach allowed us to establish that the labor market situation in Belarus is becoming more intense and differentiated in terms of occupations and skills; the problem of mismatch in the labor market is shifting from the number of jobs to the stock of skills; the demand for remote jobs and forms of employment is growing; the labor supply, assessed by skills, is becoming the main constraint in the labor market. The use of data from online portals has revealed a number of methodological problems due to the difficulty of forming a single data set of vacancies, resumes, skills, the lack of a skills classifier, which makes it difficult to consolidate labor market information from all online sources with official statistical and administrative data.

Keywords: digitalization, labor market, online job portals.

Многообразие изменений, происходящих на рынке труда в условиях цифровизации экономики, правомерно свести к следующим основным тенденциям:

1) трансформация рабочих мест – исчезновение многих рабочих мест под влиянием автоматизации – от 9 % до 47 % рабочих мест в разных оценках [1] могут быть автоматизированы, что приведет к появлению новых рабочих мест и усилит поляризацию рабочих мест,

2) появление новых навыков [2], так как появляются новые задачи, что сопровождается трансформацией традиционных профессий, необходимостью переобучения и повышения квалификации для их выполнения,

3) изменение форм занятости, появление новых моделей занятости – нестандартных (например, проектная работа, фриланс, дистанционная занятость, трансграничная работа, онлайн-услуги по ИТ, финансам, др.) и одновременно сокращение применения традиционных форм занятости [3].

Появление новых явлений на рынке труда и новых источников данных требует расширения источников и направлений их анализа и прогноза. В условиях цифровизации экономики меняется институциональное строение рынка труда, что связано с появлением новых структур (онлайн-порталов и платформ), новых источников информации о рынке труда (данные онлайн-порталов вакансий, платформ, агрегаторов), которые содержат много информации, которая при определенной обработке может стать важным ресурсом для анализа и принятия решений [4]. Таким образом, цифровизация экономики сопровождается коренными изменениями рынка труда, что требует пересмотра направлений и показателей для оценки и прогноза его развития.

В Республике Беларусь сложилась многоуровневая система статистического наблюдения за рынком труда, гармонизированная с международными подходами, которая включает:

- расчет баланса трудовых ресурсов;
- проведение обследований домашних хозяйств по проблемам занятости населения;
- расчет показателей достойного труда МОТ;
- административную статистику, в том числе данные органов по труду, занятости и социальной защите населения.

Одним из основных показателей, используемых при разработке направлений государственной политики занятости, является конъюнктура рынка труда, рассчитываемая как отношение числа вакансий Общереспубликанского банка вакансий на одного зарегистрированного безработного (таблица 1).

Таблица 1 – Основные индикаторы развития рынка труда Республики Беларусь, 2018–2021 гг.

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Рабочая сила в возрасте 15–74 года, тыс. чел.	5141,6	5122,4	5091,5	5047,5
Численность занятых, тыс. чел.	4896,7	4909,1	4885,4	4850,6
Уровень занятости, %	67,5	67,7	67,5	67,3
Численность безработных (по данным выборочного обследования, по методологии МОТ), тыс. чел.	244,9	213,3	206,2	196,9
Уровень безработицы, %	4,8	4,2	4,0	3,9
Численность безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости, и социальной защите, тыс. чел.	12,5	8,8	7,2	5,3
Число свободных рабочих мест и вакансий (на конец года), тыс. чел.	75,5	83,5	75,1	92,0
Конъюнктура рынка труда как отношение вакансий к численности безработных:				
- зарегистрированных	0,3083	0,3915	0,3642	0,4673
- фактически безработных	6,04	9,48	10,43	17,35
Численность зарегистрированных безработных на 1 вакансию	0,2	0,1	0,096	0,05

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [11, 12], данные оперативного учета МТиСЗ РБ (www.mintrud.gov.by/ru/statistika-rinka-truda-ru)

Основными недостатками такого подхода к расчету конъюнктуры рынка труда являются отсутствие деления на занятия, виды экономической деятельности, навыки.

Для оценки напряженности и несоответствий на рынке труда в экономической литературе [1, 13, 14] применяются дополнительные показатели:

- соотношение численности безработных и численности занятых по полу, возрасту, уровню образования, виду экономической деятельности и занятию;
- кривая Бевериджа;
- несоответствие профессии, как сравнение численности работников, имеющих не соответствующий уровень образования для данного занятия (профессии) (детализация по классификаторам «Занятия» и «Специальности и квалификации»);
- избыток (недостаток) образования (детализация по классификаторам «Занятия» и «Специальности и квалификации»);
- коэффициент вариации в разрезе навыков [13, 14];
- относительные заработные платы по уровню образования.

Не все из перечисленных показателей могут быть рассчитаны на основе имеющихся баз данных. Расчет отдельных показателей на основе использования доступных данных о рынке труда в Республике Беларусь позволяет сделать определенные выводы (таблица 2, рисунок 1). Например, использование показателя соотношения численности безработных к численности занятых (таблица 2) показывает, что этот показатель более информативен, так как позволяет выделить более напряженные сегменты рынка труда – для мужчин, в городской местности, для лиц со средним специальным образованием, с общим базовым образованием, для молодежи (в возрасте 15-19 лет) и лиц пред-пенсионного и пенсионного возраста (55 лет и старше). Однако данные обследования домашних хозяйств не позволяют рассчитать значения данного показателя в разрезе занятий и навыков.

Таблица 2 – Отношение численности безработных к численности занятых в Республике Беларусь

№ п/п		2020 г.	2021 г.
1	Всего, численность безработных к численности занятых в Республике Беларусь, в том числе:	0,0422	0,0406
2	по признакам пола и места проживания:		
2.1	- женщины	0,0342	0,0317
2.2	- мужчины	0,0502	0,0497
2.3	- городское население	0,0431	0,0415
2.4	- сельское население	0,0389	0,0373
3	по уровню образования:		
3.1	-с высшим образованием	0,0283	0,0229
3.2.	- со средним специальным образованием	0,0346	0,0351
3.3	- с профессионально-техническим образованием	0,048	0,0457
3.4	- с общим средним образованием	0,0696	0,0762
3.5	- с общим базовым образованием	0,1242	0,1245
4	по возрасту:		
4.1	15-19 лет	0,284	0,438
4.2	20-24 года	0,1217	0,0853
4.3	25-29 лет	0,0382	0,0392
4.4	30-34 года	0,0338	0,0347
4.5	35-39 лет	0,0379	0,0378
4.6	40-44 года	0,0332	0,0324
4.7	45-49 лет	0,0308	0,0301
4.8	50-54 года	0,0318	0,0297
4.9	55-59 лет	0,0309	0,0291
4.10	60-74 года	0,0437	0,0511
	в трудоспособном возрасте	0,0421	0,0395
	в возрасте 16-30 лет	0,0696	0,0666

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [7, 12, 15]

В современных условиях все большее значение приобретают не столько количество рабочих мест, сколько требуемые навыки. Однако данных о навыках на данный момент для анализа нет. Онлайн-источники данных могут восполнить этот информационный разрыв – на это обращают внимание многие авторы [15, 16; 17; 18; 19; 20]. Основными трудностями при их использовании являются применение различных классификаторов и репрезентативность данных.

Основным направлением анализа рынка труда с помощью данных с онлайн-источников является определение числа и структуры вакансий в разрезе тех рубрик и классификаторов, которые формирует данный портал. Если онлайн-портал также формирует свою базу резюме, то дополнительным индикатором для оценки состояния рынка труда является расчет показателя конъюнктуры рынка труда как отношение количества резюме к вакансиям. Например, такую статистику ведет портал rabota.by, praca.by, агрегатор trud.com.

В ряде зарубежных исследований структуру вакансий и резюме анализируют с позиций навыков и компетенций [20]. В отдельных работах есть эксперименты по сравнению данных онлайн-источников с традиционными статистическими данными [15]. Асимметрия информации между требованиями нанимателей и тем набором навыков, которыми обладают соискатели, создает несоответствия на рынке труда и обходится дорого обеим сторонам [15], одновременно демонстрируя разрыв в данных, предоставляемых национальными статистическими организациями и потребностями рынка труда в оперативной и более детализированной информации. Участники рынка труда рассматривают онлайн-источники о вакансиях как инструмент в своей работе, и технологии Emsi Burning Glass позволяют их извлекать и анализировать. В работе [14, 15] доказано, что онлайн-вакансии коррелируют со статистическими данными, отличаются оперативностью в представлении информации, но недостаточной репрезентативностью. Однако для многих участников рынка труда (например, для выпускников), онлайн-источники являются более предпочтительными ресурсами [15], поэтому они в большей степени представлены для квалифицированных занятий. Но их динамика и структура в целом коррелируют с имеющимися статистическими данными, что позволяет их использовать для анализа и прогноза рынка труда. В условиях цифровизации этот источник информации будет только расширяться. Поэтому традиционный анализ рынка труда в Беларуси необходимо дополнить анализом данных, полученных из онлайн-источников (таблица 3).

Таблица 3 – Основные онлайн-источники вакансий и резюме в Республике Беларусь, 2020–2022 гг.

№ п/п	Наименование онлайн-источника	на 01.08.2020		на 10.08.2022	
		Число вакансий, тыс.	Число резюме, тыс.	Число вакансий, тыс.	Число резюме, тыс.
1	Общереспубликанский банк вакансий (GSZ.gov.by)	78,947	1,683	95,714	7,622
2	Rabota.by	23,551	2255,457	26,330	2859,559
3	Praca.by	10,497	376,483	14,355	487,329
4	Belmeta.com	70,161	-	65,535	-
5	By.trud.com	69,783	-	14,404	487,786
6	Gorodrabot.by	23,494	-	84,382	-
7	Flagma.by	17,694	-	40,686	19,070
8	Rdw.by	5,309	14,112	4,869	14,833
9	JobLab.by	19,311	-	25,874	5,0

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [21]

Онлайн порталы вакансий охватывают от 0,01 % до 2,0 % спроса на труд (отношение числа вакансий к численности рабочей силы), и от 0,16 % до 56,66 % предложения труда (отношение числа резюме к численности рабочей силы). За 2020–2022 гг. их стало меньше, но оставшиеся значительно увеличили свои объемы по количеству вакансий и по количеству резюме. Разные порталы ориентированы на разные сегменты рынка труда (по видам экономической деятельности и занятиям), хотя прямое сопоставление невозможно из-за использо-

вания различных классификаторов. Сравнение наиболее востребованных вакансий по данным отдельных порталов показывает, что в Общереспубликанском банке вакансий более 60 % вакансий предназначены для рабочих, а на портале rabota.by 12,3 % вакансий для рабочего персонала. Дополнительно портал rabota.by содержит информацию о вакансиях и резюме по удаленной занятости (рисунок 1), динамика которых за 2019–2021 гг. свидетельствует о росте как числа активных вакансий с удаленной работой (рост в 3,2 раза за три года), так и числа резюме (рост в 3,58 раз за этот же период). При этом число конъюнктура рынка труда удаленной занятости становится все более напряженной (в декабре 2021 г. она составила 16,8 резюме на 1 вакансию (в январе 2019 г. – 15,4).

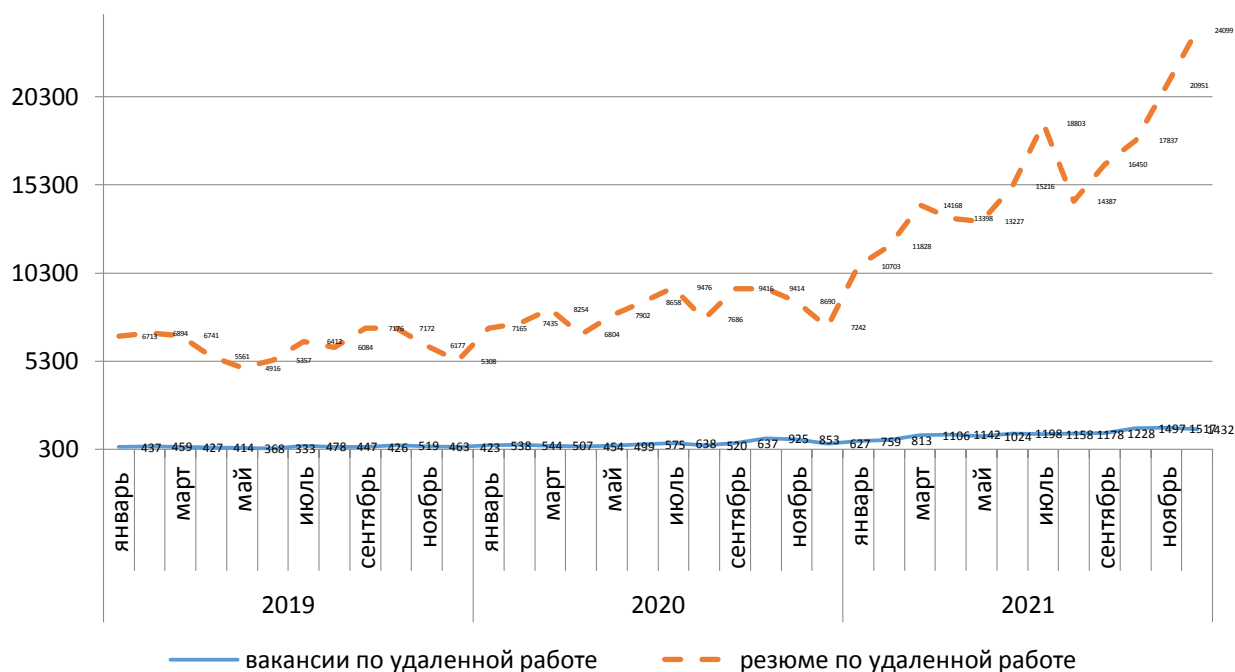

Рисунок 1 – Динамика вакансий и резюме по удаленной работе (по данным портала rabota.by)

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе данных 2 квартала 2022 г. Исследовательского центра rabota.by - <https://rabota.by/article/30541?hhtmFrom=main>

То есть по отдельности, как государственный, так и негосударственные порталы характеризуют спрос частично, поскольку работают не со всеми профессиями, и не во всех видах экономической деятельности. Такая ситуация согласуется с результатами аналогичных исследований в других странах [18]. Для получения полной и комплексной картины о динамике рынка труда необходимо сочетать информацию с онлайн-порталов с данными Национального статистического комитета. О возможности сочетания данных источников и ценности полученных результатов свидетельствует ряд работ [15]. Учитывая исследовательские задачи и технические возможности, в качестве основных показателей для оценки правомерно предложить следующие:

- 1) общее число вакансий, их динамика, структура в разрезе занятий, регионов, видов экономической деятельности;
- 2) общее число резюме, их динамика, структура в разрезе занятий, регионов, видов экономической деятельности, полу, возрасту и уровню образования;
- 3) конъюнктура рынка труда (конкуренция на рынке труда) как отношение числа резюме к числу вакансий – значение показателя, динамика в разрезе занятий, регионов, видов экономической деятельности;
- 4) модифицированная кривая Бевериджа (как отображение количества безработных и количества вакансий, отображаемых на онлайн-источниках в разрезе занятий и регионов).

При таком расчете данные показатели однозначно интерпретируются: их повышение означает усиление напряженности на рынке труда и рост конкуренции, ухудшение конъюнктуры рынка труда. Аналогичные расчеты можно проводить в разрезе навыков. К достоинствам данного подхода можно отнести:

- возможность проведения анализа в разрезе видов экономической деятельности, занятий и навыков;
- получение информации о состоянии рынка труда в режиме реального времени и его визуализация.

К основным ограничениям (трудностям) данного метода анализа относятся: техническая осуществимость сбора информации с онлайн-источников, устранение дублирования, отсутствие классификации на основе общегосударственных классификаторов, необходимость формирования в формате, удобном для анализа и визуализации (Excel, SPSS, др.) [22, 23, 24]; необходимость нормативно-правового урегулирования вопросов использования информации негосударственных онлайн-порталов.

Тестирование данного инструмента (на основе скачанных и обработанных с помощью технологий искусственного интеллекта 39,2 тыс. вакансий и 77,7 тыс. резюме с онлайн-источников в Беларуси за 2019-2020 гг.) [16, 24] позволило установить:

- общая конъюнктура рынка труда стала более напряженной (в 2019 году – 1,714 резюме на 1 вакансию, в 2020 году – 2,156);
- наиболее напряженной (трудоизбыточной) является конъюнктура рынка труда в таких профессионально-квалификационных группах, как 02 «Специалисты-профессионалы» (4,9 резюме на 1 вакансию); 03 «Специалисты» (3,4 резюме на 1 вакансию), 04 «Работники, занятые предоставлением офисных административных услуг, услуг потребителям, подготовкой, обработкой информации и учетом» (2,3 резюме на 1 вакансию), 05 «Работники сферы обслуживания, торговли и других родственных видов деятельности» (2,0 резюме на 1 вакансию) и 09 «Неквалифицированные работники» при общей конъюнктуре по стране 2,156 резюме на 1 вакансию, при этом технология позволяет дифференцировать данные в разрезе видов экономической деятельности [16];
- дефицит работников сложился по таким профессионально-квалификационным группам, как 06 «Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйств, рыбоводства и рыболовства» (0,467 резюме на 1 вакансию), 07 «Квалифицированные рабочие промышленности, строительства и рабочие родственных профессий» (0,294 резюме на 1 вакансию);
- в группе занятий «Операторы, аппаратчики, машинисты и другие рабочие, занятые управлением, эксплуатацией и обслуживанием установок и машин, сборщики изделий» зарегистрировано 1 резюме на 1 вакансию;
- к наиболее востребованным навыкам отнесены навыки активных продаж, работы в команде, ИТ-навыки [24];
- спрос на удаленную работу со стороны соискателей в 16,8 раз превышает возможности нанимателей;
- в структуре вакансий сфера ИТ не доминирует, а по данным аналитики портала rabota.by, во втором квартале 2022 года вакансии из этой сферы не вошли в тройку наиболее востребованных вакансий.

Таким образом, в условиях цифровизации экономики рынок труда смещается в сторону предложения и навыков, но используемые традиционные базы данных и показатели не позволяют их идентифицировать и оценить количественно. Спрос на квалифицированных специалистов ограничен их предложением, что модифицирует поведение соискателей и их ценовые запросы. Анализ квалификационной структуры спроса и предложения труда (в разрезе занятий и навыков) не позволяет сделать вывод о цифровой трансформации рынка труда в Беларуси.

Дополнение традиционных данных и используемых показателей информацией о резюме, вакансиях и навыках с онлайн-порталов вакансий позволило получить более точную картину о состоянии рынка труда в Беларуси: конъюнктура рынка труда становится более

напряженной и дифференцированной в разрезе занятий и навыков; общее состояние рынка труда характеризуется как имеющее вынужденную циклическую безработицу; проблема несоответствия на рынке труда переносится с количества рабочих мест на запас навыков; растет спрос на удаленные рабочие места и формы занятости; основным ограничением на рынке труда становится предложение рабочей силы, оцененное через навыки. Использование данных онлайн-порталов выявило ряд методических проблем, обусловленных сложностями формирования единого массива данных вакансий, резюме, навыков, отсутствием классификатора навыков, что затрудняет возможность консолидировать информацию о рынке труда со всех онлайн-источников с официальными статистическими и административными данными. Решение данных проблем требует централизованного нормативно-правового и организационного обеспечения.

Литература

1. Changing skills for a changing world. Understanding skills demand in EU neighbouring countries. A collection of articles. / ed.; A. Fetsi, U. Bardak and F. Rosso. – European Training Foundation, 2021.
2. Riccery, M. Sustainable development and new forms of work. A scenario of common, basic challenges for public and private players (International Labour Forum – Academic Discussion «Employment and the Labour Market: Contours of De-Standardisation». St.Petersburg, 23 April 2021) // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. – 2021. – Vol. 17. – No. 4. – P. 462–477.
3. Ванкевич, Е. Нестандартные формы занятости: сущность, формы, масштабы, регулирование / Е. Ванкевич, О. Зайцева // Белорусский экономический журнал, 2015. – № 3. – С. 129–146.
4. Ванкевич, Е. В. Онлайн-порталы вакансий: перспективы использования в регулировании рынка труда Республики Беларусь / Е. Ванкевич, О. Зайцева // Цифровая трансформация, 2020. – № 2. – С. 33–42.
5. Перечень ключевых показателей системы индикаторов достойного труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika>. – Дата доступа: 07.09.2022.
6. Национальные статистические показатели развития цифровой экономики в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika>. – Дата доступа: 07.09.2022.
7. Занятость населения в Республике Беларусь в 2021 году (по материалам выборочного обследования) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2022.
8. Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь. Стат. Бюллетень // Национальный статистический комитет. – Минск, 2020.
9. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2020 / Стат. Сборник // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020.
10. Отдельные показатели Европейского инновационного табло (EIS-2021).
11. Занятость населения в Республике Беларусь в 2018 году (по материалам выборочного обследования домашних хозяйств) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2019.
12. Труд и занятость в Республике Беларусь. Статистический сборник // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 361 с.
13. Skills mismatch measurement in ETF partner countries. ETF, 2019.
14. Skills mismatch measurement in Georgia, ETF, 2019.
15. Carnevale, A. P. Understanding online job ads data / A. P. Carnevale, T. Jayasundera, D. Repnikov // A technical report. Georgetown University. – April 2014.

16. Assessment of demand for personnel in textile industry on the basis of data analysis of online job portals [Electronic resource]. – Mode of access: <https://doi.org/10.1063/5.0078827>. – Date of access: 07.09.2022.
17. Cedefop, Skills-OVATE: Skills Online Vacancy Analysis Tool for Europe [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.cedefop.europa.eu/en/data-visualisations/skills-online-vacancies>. – Date of access: 07.09.2022.
18. Cedefop, The online job vacancy market in the EU: driving forces and emerging trends [Electronic resource]. – Mode of access: <http://data.europa.eu/doi/10.2801/16675>. – Date of access: 07.09.2022.
19. Cedefop, Online job vacancies and skills analysis: a Cedefop pan-European approach [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.cedefop.europa.eu/en/publications-and-resources/publications/4172>. – Date of access: 07.09.2022.
20. Indonesia's online vacancy outlook. From online job posting to labor market intelligence. 2020 International Bank of Reconstruction and Development. Washington, 2021.
21. Vankevich, A. Landscaping of the web labour market in Belarus and ranking of online job vacancy sources (websites) / A. Vankevich // ETF. – September, 2020.
22. The feasibility of using big data in anticipating and matching skills needs – International Labour Office – Geneva: ILO, 2020 [wcms_759330.pdf](https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dms/-/journal_content/446677/data/for_publication/wcms_759330.pdf) (ilo.org).
23. Using online vacancies and web surveys to analyse the labour market: a methodological inquiry [Electronic resource]. – Mode of access: <https://doi.org/10.1186/s40172-015-0034-4>. – Date of access: 07.09.2022.
24. Vankevich, A. Better understanding of the labour market using Big Data / A. Vankevich, I. Kalinouskaya // *Ekonomia i Prawo. Economics and Law*. – 17(1), Volume 20, Issue 1, March 2021.

УДК 658.53

НОРМИРОВАНИЕ ТРУДА РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ RATIONING OF WORK OF WORKERS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Маковская Наталья Владимировна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры,
Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова
maknata@mail.ru
Makovskaya Natalya,
doctor of economic sciences, professor,
Professor of the Department,
of Mogilev State University named after A. A. Kuleshov
maknata@mail.ru

Аннотация. Представлены авторские подходы к системе нормирования труда в условиях цифровизации. Обоснованы методические условия обеспечения этой системы, которые бы были приемлемы для цифрового развития. Доказано, что способствовать формированию новой системе нормирования труда смогут особенности нормирования в условиях инноваций, предпосылки и основа модернизации нормирования труда для цифровых условий. Разработан макет новой системы нормирования труда, ориентированной на цифровые условия, построенный на основе компетентного и концептуального подходов в управлении человеческими ресурсами.

Ключевые слова: нормирование труда, цифровые условия развития, нормы, интенсивность труда, производительность труда.

Abstract. The author's approaches to the system of labor rationing in the context of digitalization are presented. The methodological conditions for providing this system that would be acceptable for digital development are substantiated. It has been proved that the peculiarities of rationing in the conditions of innovations, the prerequisites and the basis for the modernization of labor rationing for digital conditions will be able to contribute to the formation of a new system of labor rationing. A layout of a new system of labor rationing focused on digital conditions has been developed, built on the basis of competency-based and conceptual approaches in human resource management.

Keywords: labor rationing, digital development conditions, norms, labor intensity, labor productivity.

Главным параметром эффективности системы нормирования труда работников является рост производительности труда. Уровень организации труда, изменение технологии (в сторону сложности или оптимизации), совершенствование компетенций работников – отправные точки изменения и норм труда. Цифровизация труда может стать платформой для модернизации нормирования труда.

Важной специфической характеристикой модернизации нормирования труда в условиях цифровизации является появление нового объекта нормирования – микроэлементное нормирование операций, выполняемых роботами и другими манипуляторами. Они позволяют устанавливать не только время выполнения операции и ее элементов роботом (манипулятором), но и выбрать наиболее оптимальные их модели, а также синхронизировать конвейеры, состоящие из роботов (манипуляторов).

При рыночных отношениях нормирование труда выполняет специфическую роль, обусловленную одновременностью актов «покупки» рабочей силы и ее оплаты работодателем и вытекающими из этого противоречиями. Между работником и работодателем решаются вопросы установления и пересмотра тарифных ставок, оплаты сверхурочных часов, выходных и праздничных дней и других условий труда. Однако по поводу нормирования трудовых затрат, методов их установления, характера и уровня норм труда (норм времени, выработки и др.) переговоры не ведутся. В условиях цифровизации появляются вопросы интенсификации труда за счет норм труда. Возникает необходимость пересмотра подходов к расчету ставки часа труда работника.

С помощью нормирования труда работодатель повышает средний уровень интенсивности труда на своем предприятии по сравнению со среднеобщественным, соответственно сокращает издержки производства, при увеличении ставки оплаты труда. В этом процессе может возникнуть конфликт интересов между работниками и работодателями в части роста интенсивности труда работников за счет влияния на их физиологию. Общая международная практика в области физиологии, психологии и организации труда, а также развитие поведенческого менеджмента дают возможность устанавливать минимальные затраты времени для выполнения той или иной работы при условии, что работник в состоянии обеспечить высокий темп труда в течение определенного времени.

Показатели абсентеизма и текучести кадров в условиях цифровых изменений и установления иных норм труда, так же имеют свою специфику. Специфика связана с сокращением данных показателей. За счет пересмотра норм труда в условиях цифровых технологий, показатели абсентеизма сокращаются за счет уменьшения количества потерянных рабочих дней (или часов) или как частоту случаев отсутствия сотрудника на работе. Абсентеизм связан и с удовлетворенностью работой. Увеличение данного показателя – это реакция на неудовлетворенность. Цифровая организация труда способна минимизировать такую неудовлетворенность, в том числе, за счет оптимизации норм труда.

Появление автоматизированных средств сбора информации является предпосылкой модернизации нормирования труда. Автоматизированный сбор и обработка данных хронометража осуществляются при помощи автоматических регистраторов (например, DATAMYTE, POT), а также пакетов программ, обеспечивающих обработку данных на персональных компьютерах. Пакеты программ, такие, как VialCalc, Multiplan, SuperCalc,

CalcStar, Lotus (1, 2, 3) [1] позволяют разрабатывать нормы времени на отдельные операции с получением на выходе развернутой таблицы с любыми промежуточными данными, составлять операционные карты с учетом существующих методов труда, формировать базу данных на основе имеющихся нормативов. Существуют пакеты программ более узкого назначения.

Методическим базисом преобразования системы нормирования труда на предприятии может стать специальная программа по переходу системы нормирования в условия цифровизации.

Такого рода программа должна быть системной и предусматривать новую архитектуру нормирования труда и инструменты проектирования мероприятий по установлению новых норм труда. Программа перехода к новой системе нормирования труда будет содержать:

- финансово-экономическое обоснование необходимости нормирования в компании, т.е. обоснование реализации программы. В этом разделе будет предусмотрено соотношение доход/расход от реализации программы. Оценка эффекта от внедрения новых норм труда. Основным показателем будет являться размер прибыли на единицу затрат;

- инструменты и этапы реализации программы. Перечень и ресурс использования автоматизированных систем проектирования и нормирования труда применительно к решению поставленных задач;

- сметы на покупку (или аренду) информационных пакетов (программного обеспечения) и средств, обеспечивающих систему нормирования труда;

- категории работников, труд которых будет осуществляться в рамках цифровой организации труда и нормирования;

- методы и способы установления трудовых затрат и норм на них с учетом цифровой трансформации;

- единая корпоративная нормативно-аналитическая система, стандартные формы отчетности, обеспечивающие новую систему нормирования;

- положение о структуре, координирующей нормирование труда;

- типовая «калька» нового механизма системы нормирования труда. Например, изучение затрат рабочего времени в течение определенного периода времени (например, года) и установление количества работников, которым были разработаны или пересмотрены нормы времени.

На основе этих данных в отделах организации и нормирования труда разрабатываются программы для категорий работников, и устанавливается численность нормировщиков, обслуживающих нормирование труда. Зарубежная практика свидетельствует, что по мере увеличения размеров предприятий число нормировщиков в расчете на каждые 100 рабочих уменьшается, в связи, с чем увеличивается число рабочих на одного нормировщика. Доказано, что благодаря компьютеризации рабочих мест нормировщиков трудоемкость работ по нормированию труда снижается на 50–60 %. В целом за рубежом компьютерные технологии используются практически при проведении всех видов нормативно-исследовательских работ [1].

Цель разработки типовой «кальки» нормирования состоит в том, чтобы сделать новую цифровую систему нормирования адаптивной к периодическому пересмотру норм и нормативов с целью обеспечения их прогрессивности, недопущения ослабления нормы и снижения уровня ее напряженности. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что большинство предприятий пересматривает нормы через сравнительно небольшие промежутки времени – от 6 месяцев до 1 года, постоянно ужесточая их даже при небольших усовершенствованиях производственного и трудового процессов, проведении незначительных организационно-технических мероприятий [1]. Форма такой «кальки» – корпоративный IT-продукт в виде приложения (оболочки).

Макет новой системы нормирования труда, ориентированный на цифровизацию может включать следующее:

- подбор и внедрение методов планирования труда (трудовых ресурсов) и расчет норм труда. Такие методы могут быть представлены как моделирование производственного процесса и количества в нем трудовых ресурсов и рабочих мест, методы выработки управленческих решений, касающихся использования и формирования трудовых норм;

- модель резерва труда и скрытых потерь рабочего времени. Формы управления данной моделью;

- цифровой алгоритм формирования обратной связи в системе организации и нормирования труда;

- перечень объема нормируемых и ненормируемых работ, определение рабочих мест, где будет использоваться микроэлементное нормирование и возможность автоматизации будет реальна;

- разработку качественных показателей труда при нормировании труда, например, совмещение профессий (функций), установление норм такого труда и т.п.

Особенностью макета новой системы нормирования труда станет сокращение численности работников, и следовательно, сокращение трудовых затрат, что повлечет снижение себестоимости продукции и увеличит степень конкурентоспособности производств. Именно эти причины становятся основанием изменения норм труда.

Макет новой системы нормирования труда должен предполагать инструменты нормирования, которые коррелируют с цифровизацией системы управления. Так, в качестве таких инструментов, поддающихся «оцифровке», могут выступать:

а) определение трудоемкости выполняемых операций и расчет количества требуемой численности работников;

б) определение количества рабочих мест, которые обслуживаются и функционируют дистанционно, и расчет численности основного и вспомогательного персонала, которые на этих местах заняты;

в) цифровая форма плана по труду, которая встроена (или адаптирована) в штатное расписание с учетом трудовой нагрузки, заработной платы, дополнительных выплат (включая премии, бонусы и т.п.).

г) дистанционные формы контроля выполнения плана по труду со стороны администрации;

д) мероприятия по корректировке выполнения плана по труду, на основе анализа затрат, причин их отклонений;

е) контроль издержек при нормировании труда, выраженный через ИТ сопровождение (дистанционно, в том числе). Показатели издержек при нормировании: трудоёмкость нормирования, час оплаты труда в расчете на одну операцию (вид работы, функцию), заработная плата в расчете на час нормативного и т.п.

В условиях цифровой организации труда будут появляться новые функции и в нормировании, так:

- компьютеризация полностью освобождает работника от выполнения функций подготовки рабочего места и средств труда, контроля за количеством и качеством продукции, сложные конвейерные линии сменяются комплексом новых более совершенных линий и т.д., что оптимизирует нормы труда (исключает их или минимизирует);

- на рынке труда существует устойчивая тенденция ротаций профессий, то есть исчезновение отдельных профессий и даже их групп и появление новых профессий. Это влечет разработку новой системы нормирования труда, введение новых и показателей их характеризующих;

- возникает необходимость более четкой корреляции понятий «профессиональная квалификация» и «норма труда». Современная профессиональная квалификация имеет широкое содержание и связана со знанием всей технологической цепочки и способностью к усвоению новой информации, которая совершенствует данную технологию, с быстрой перестройкой на новые виды деятельности. Следствие этого, разработка новой инновационной (цифровой) системы нормирования труда. В такой системе суть интенсивности труда приобретает новый смысл, направленный на адаптацию и устойчивость нервно-психической системы работника;

- появление дистанционных форм занятости работников, виртуальных и удаленных рабочих мест. Такие формы занятости предполагают самостоятельное решение работником проблемы проектирования, планирования, организации и нормирования своего труда. Это особенно важно в условиях отсутствия внешнего субъекта контроля. Появляется новая си-

стема нормирования труда – самонормирование труда. Показатель эффективности такой системы - качественное выполнение работы в точно установленные сроки.

Итак, макет новой системы нормирования труда в условиях цифровизации позволит:

во-первых, регулировать трудовые и производственные затраты на всех уровнях производственного цикла, включая управленческий уровень;

во-вторых, свести к минимуму ошибки в расчете плановых технико-экономических и трудовых показателей;

в-третьих, оценить размер трудовых затрат предприятия в контексте среднестатистических затрат в отрасли, определить возможности снижения этих затрат на предприятии;

в-четвертых, иметь постоянную базу данных по нормам труда и определять целесообразность их корректировки при изменении технологических условий.

Спектр использования методов нормирования в новом подходе к этой системе может быть разнообразным. Систематизация методов нормирования труда [1-2] выявила наиболее инновационные методы, пригодные для использования в цифровых условиях: метод имитационного моделирования трудовых процессов. Тщательное изучение и рассмотрение работниками своего рабочего места, трудовых операций и моделирование действий работников в конкретной ситуации для нахождения наиболее рациональной нормы труда; визуализация результатов трудовой деятельности работника; метод рейтинговой оценки результатов трудовой деятельности работника. Сравнение напряженности трудовых норм работников с показателями в подразделениях предприятия и в отрасли в целом; организационно-технологический аудит трудовых процессов. Выявление функциональными руководителями «узких» мест в трудовом процессе и определение ненапряженных трудовых норм, разработка мер по минимизации данных проблем и т.п.

Методы нормирования труда определяют условия, обеспечивающие равную напряженность норм, под которой понимается равенство объективных предпосылок (возможностей) для одинакового уровня выполнения норм. Достижение равной напряженности является весьма сложной проблемой. Для ее решения требуется: единство методов и методик нормирования труда; единство нормативных материалов для расчета норм и методов исследования затрат рабочего времени; достаточная квалификация технологов и специалистов по нормированию труда; возможность практической реализации проектной технологии, организации труда и производства; материальная и моральная заинтересованность рабочих, инженерно-технических работников и руководителей производства в высоком качестве норм труда.

Особо для условий цифровой организации труда целесообразно выделить такие методы как:

- метод определения норм умственного труда. Для этого метода необходим поиск нормативно обоснованных затрат и факторов на них влияющих. Критерий факторов – сложность решаемых задач и функций. Отправная точка поиска – простейшая задача, которая по своей структуре состоит из одной функции и имеет одно решение. Показателем расчета трудовой нормы может стать коэффициент сложности (K_c) – устанавливается, исходя из условий (перечень условий факторов определяется спецификой технологии). Пример условий и факторов: необходимость дополнительной информации, условия для аналитического анализа данных и т.п. Коэффициент сложности (K_c) устанавливается в интервале от 1 (простые условия) до 3 (самые сложные условия);

- метод сравнения и расчета по типовым нормам времени на эталонные работы. Метод сравнения и расчета по типовым нормам времени на эталонные работы является наиболее целесообразным в том случае, если невозможно расчленивать процессы труда на отдельные элементы. Данный метод заключается в использовании типовых технологических процессов и норм времени на выполнение отдельных функций управления. Норма времени на конкретную работу определяется сопоставлением ее с типовыми процессами, нормами и необходимой корректировкой с учетом имеющихся отклонений. Использование метода и учет его результатов может регулироваться автоматизировано с использованием информационных пакетов и IT приложений.

В условиях цифровых инноваций целесообразно вернуться к теории В. Грайкунаса и его методике, согласно которой учитываемая при определении нормы управляемости сложность управления должна оцениваться не только по числу работников, непосредственно подчиненных руководителю, так как, кроме его связей с каждым работником в отдельности, имеют место перекрестные связи между работниками, а также связи руководителя с группами работников, что значительно увеличивает количество возможных вариантов принимаемых руководителем решений и усложняет контроль работы исполнителей.

Актуальность данной методики сегодня приоритетна по причине того, что удаленная (on-line) система кадрового управления и связи, возникающие в этих условиях, поддаются нормированию в рамках этого метода. Согласно этой методике устанавливаются три вида связи: 1. «Прямые (непосредственные) единичные» связи (личный контакт «один на один»). 2. «Перекрестные (косвенные) связи» (подчиненные контактируют между собой, что также должен контролировать руководитель). 3. «Прямые (непосредственные) групповые» связи (контакт руководителя с каждой из возможных парных комбинаций подчиненных). Данный метод нормирует труд руководителя через количество устанавливаемых связей и их разнообразность. Частной методикой нормирования, имеющей начало в методике Грайкунаса, является нормирование количества подчиненных через число устанавливаемых связей. Исходя из этого, каждая организация устанавливает свою норму управляемости. Учитывая быстрое нарастание количества связей при увеличении числа подчиненных даже на одного человека, Грайкунас ограничивает норму управляемости от 4 до 5 человек. При этом он исходит из того, что начальник может эффективно контролировать максимально 12 перекрестных и 28 прямых групповых связей.

Таким образом, разработка системы нормирования труда в условиях цифровизации предполагает методические условия обеспечения этой системы, которые бы были приемлемы для цифрового развития. Способствовать формированию такой системе смогут особенности нормирования в условиях инноваций, предпосылки и основа модернизации нормирования труда для цифровых условий. Макет новой системы нормирования труда, ориентированной на цифровые условия, построен на основе компетентного и концептуального подходов в управлении человеческими ресурсами. В результате в организациях есть возможность разработать внутрифирменное методическое обоснование новой системы нормирования труда, которое будет содержать спектр инновационных методов нормирования труда пригодных для цифровых условий.

Литература

1. Малинин, С. В. Методы нормирования труда в системе координат современного производства / С. В. Малинин, А. Р. Бахтизина, Г. Н. Старцев // Вестник УГНТУ: Наука, образование, экономика. Серия экономика. – № 3 (17) – 2016. – С. 90-101
2. Краснова Л. Н. Организация, нормирование и оплата труда на предприятиях нефтяной и газовой промышленности: учеб. пособие / Л. Н. Краснова, М. Ю. Гинзбург. – М.: КНОРУС, 2013. – 348 с.
3. Васильева В. Л. Управление организацией: курс лекций : в 2 ч. / В. Л. Васильева // Минск.: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2010. – Ч. 2. – 217 с.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ВНЕШНЕЙ
ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ЗА ПЕРИОД 2016–2022 ГГ.
SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE MAIN TRENDS IN EXTERNAL LABOUR
MIGRATION OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS
FOR THE PERIOD 2016–2022**

Артюхин Михаил Иванович,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий центром мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров,
Институт социологии НАН Беларуси
art47@mail.ru

Щурок Элла Михайловна,
научный сотрудник центра мониторинга миграции научных
и научно-педагогических кадров,
Институт социологии НАН Беларуси
ella_1@tut.by

Пушкевич Сергей Александрович,
научный сотрудник центра мониторинга миграции научных
и научно-педагогических кадров,
Институт социологии НАН Беларуси
pushkevich@gmail.com

Artyukhin Mikhail,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Head of the Center of monitoring the migration of scientific and scientific-pedagogical personnel,
Institute of Sociology of the NAS of Belarus
art47@mail.ru

Shchurok Ella,
Researcher, Center of monitoring the migration of scientific and scientific-pedagogical personnel,
Institute of Sociology of the NAS of Belarus
ella_1@tut.by

Pushkevich Siarhey,
Researcher, Center of monitoring the migration of scientific and scientific-pedagogical personnel,
Institute of Sociology of the NAS of Belarus
pushkevich@gmail.com

Аннотация. В данной статье на основе основных результатов мониторинговых социологических исследований, проводимых Институтом социологии НАН Беларуси, представлен анализ динамики миграционного потенциала основных социально-демографических групп населения Республики Беларусь за период 2016–2022 гг. Показана зависимость миграционной активности населения от политической и социально-экономической ситуации в стране. В статье показано, что миграционная активность населения страны имеет отличия в зависимости от их дифференциации по полу, возрасту, уровню образования, социально-профессиональному положению, региону проживания. Выявлены миграционный потенциал основных социально-демографических групп населения и основные причины миграционных трудовых намерений. В ходе мониторинговых исследований определены регионы страны, характеризующиеся наибольшим миграционным потенциалом, а также отмечены страны, имеющие наибольшую привлекательность для потенциальных трудовых мигрантов.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, миграционный потенциал, миграционные намерения, миграционная активность.

Abstract. This article presents an analysis of the dynamics of the migration potential of the main socio-demographic groups of the population of the Republic of Belarus for the period 2016-2022, which is based on the main results of monitoring sociological research conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus. The dependence of migration activity of the population on the political and social and economic situation in the country is shown. This article shows that the migration activity of the country's population differs depending on their differentiation by gender, age, level of education, socio-professional position, region of residence. The migration potential of the main socio-demographic groups of the population and the main reasons for migration labor intentions were identified. During the monitoring, the regions of the country characterized by the greatest migration potential were identified, and the countries with the greatest attractiveness for potential labour migrants were noted.

Keywords: external labour migration, migration potential, migration intentions, migration activity.

Основные показатели миграционного потенциала населения страны во многом связаны с развитием политической и социально-экономической ситуации в Беларуси и в странах ближнего и дальнего зарубежья. В нынешней ситуации значительное влияние на миграционное поведение основных социально-демографических групп населения оказали ограничения по пересечению государственной границы, направленные на предотвращение распространения пандемии COVID-19, события августа 2020 г., напряженность политической ситуации на территории Украины, а также экономические санкции коллективного Запада, целью которых является дестабилизация белорусской экономики.

В странах ЕАЭС за период 2015–2021 гг. работали 873831 трудовых мигранта из Беларуси. Российская Федерация является основным реципиентом белорусских трудовых мигрантов: доля Российской Федерации в общей численности трудовых мигрантов, работавших в странах ЕАЭС, составила 99,2 %, или 867029 чел. Следует отметить, что за период 2015–2021 гг. численность временных трудовых мигрантов из Беларуси, временно работавших в Российской Федерации, увеличилось с 86463 чел. в 2015 году до 174500 чел. в 2021 году, или в 2 раза [1].

На основе данных мониторинговых социологических исследований, проводимых Институтом социологии НАН Беларуси, проведен анализ динамики доли респондентов, желающих выехать за границу с целью временной работы, который характеризуется резкими колебаниями в течение рассматриваемого периода. В январе 2022 г. отмечен самый низкий показатель потенциальных трудовых мигрантов за рассматриваемый период, составив всего 6,1 % в целом по стране. Так, доля респондентов, желающих выехать из Беларуси для временной работы, в 2016 году составила 9,1 %, в 2017 году – 14,0 % [2], в 2018 году – 11,4 % [3], в феврале 2020 г. – 7,0 % [4], в феврале 2021 г. – 8,0 % (Таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %

Варианты ответов	весна 2016	весна 2017	лето 2018	февраль 2020	февраль 2021	январь 2022
таких планов нет	64,7	58,4	60,3	61,7	60,6	64,6
хотел(а) бы уехать с целью временной работы	9,1	14,0	9,7	7,0	8,0	6,1
хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства (ПМЖ)	10,9	15,7	11,4	12,8	13,4	11,4
затрудняюсь ответить	15,3	12,0	18,6	18,5	18,0	17,9

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?» в зависимости от региона проживания, представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов в зависимости от региона на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?», % от числа ответивших, январь 2022 г.

Регион	Хотел бы уехать за границу на постоянное место жительства	Хотел бы выехать за границу с целью временной работы	Таких планов нет	Затрудняюсь ответить
Брестская обл.	14,0	12,6	61,1	12,3
Витебская обл.	16,4	5,9	56,9	20,8
Гомельская обл.	4,3	4,5	74,9	16,3
Гродненская обл.	6,0	5,8	73,4	14,8
г. Минск	20,0	5,0	58,7	16,3
Минская обл.	12,1	4,5	72,6	10,8
Могилевская обл.	2,3	4,3	54,5	38,9

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что наибольшей миграционной активностью в начале 2022 г. отличались жители столичного мегаполиса и Брестской области. Доля респондентов г. Минска, желающих выехать за границу с целью временной работы, составила 5,0 %. Среди жителей Брестской области 12,6 % респондентов хотели бы выехать для временной работы. Среди областей республики выделяется Витебская область, где доля респондентов, желающих выехать за границу с целью временной работы, составила 5,9 %. Отметим, что наименьшая доля респондентов в 2022 году по данным социологического мониторинга, имеющих миграционные намерения, отмечена среди жителей Могилевской области. Доля респондентов этого региона – потенциальных трудовых мигрантов составила 4,3 % респондентов.

Миграционная активность городского населения несколько превосходит миграционную активность сельского населения. Так, среди проживающих в городах и городских населенных пунктах доля респондентов, желающих выехать за границу с целью временной работы, составила 6,5 %. Миграционный потенциал сельского населения менее выражен: доля респондентов, желающих выехать за границу с целью временной работы, составила 4,8 % (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение ответов респондентов в зависимости от типа населенного пункта на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?», % от числа ответивших, январь 2022 г.

Тип населенного пункта	Хотел бы уехать за границу на постоянное место жительства	Хотел бы выехать за границу с целью временной работы	Таких планов нет	Затрудняюсь ответить
Город	12,3	6,5	61,5	19,7
Село	8,9	4,8	73,2	13,1

С целью выезда за границу для временной работы предпочтения респондентов распределились следующим образом: в Польшу хотели бы выехать для работы 37,8 % респондентов, в Россию – 20,6 %, в Германию – 12,5 % респондентов.

Согласно данным социологического мониторинга, миграционная активность населения страны имеет отличия в зависимости от их дифференциации по полу, возрасту, уровню образования, социально-профессиональному положению.

Анализ социально-демографической структуры потенциальных мигрантов, нацеленных на внешнюю и временную трудовую миграцию, исходя из опросов населения, проведенных в 2016–2022 гг., показывает, что среди респондентов-мужчин доля желающих уехать из Беларуси с целью временной работы составила в начале 2022 года 9,0 % (12,7 % в 2016 году, 17,1 % в 2017 году [2], 12,0 % в 2018 году [3], февраль 2020 г. – 9,8 % [4], 10,7 % в 2021 году), а среди женщин – 3,7 % (6,0 % в 2016 году, 11,3 % в 2017 году [2], 7,8 % в 2018 году [3], февраль 2020 г. – 4,5 % [4], 5,7 % в 2021 году) (таблицы 4–5).

Таблица 4 – Распределение ответов респондентов-мужчин на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %

Варианты ответов	весна 2016	весна 2017	лето 2018	февраль 2020	февраль 2021	январь 2022
таких планов нет	57,9	54,4	54,9	57,7	55,7	60,1
хотел(а) бы уехать с целью временной работы	12,7	17,1	12,0	9,8	10,7	9,0
хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства	12,6	16,9	13,2	14,7	14,8	13,1
затрудняюсь ответить	16,9	11,6	19,9	17,8	18,8	17,8

Таблица 5 – Распределение ответов респондентов-женщин на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %

Варианты ответа	весна 2016	весна 2017	лето 2018	февраль 2020	февраль 2021	январь 2022
таких планов нет	70,3	61,8	64,8	65,2	64,7	68,3
хотел(а) бы уехать с целью временной работы	6,0	11,3	7,8	4,5	5,7	3,7
хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства	9,5	14,7	9,8	11,1	12,1	10,0
затрудняюсь ответить	14,2	12,2	17,6	19,2	17,5	18,0

Динамика доли желающих уехать за границу с целью временной работы значительно различается в зависимости от возраста потенциального трудового мигранта. Так, доля потенциальных трудовых мигрантов *в возрасте до 29 лет* составила в начале 2022 г. 8,1 %, сократившись на 5,6 п.п. по сравнению с показателем 2021 года (16,7 % в 2016 году, 18,7 % в 2017 году [2], 15,3 % в 2018 году [3], февраль 2020 г. – 7,5 % [4], в 2021 году – 13,7 %). Среди респондентов *в возрасте 30–49 лет* – 10,5 % (8,9 % в 2016 году, 17,6 % в 2017 году [2], 11,8 % в 2018 году [3], февраль 2020 г. – 10,7 % [4], в 2021 году – 10,0 %). Среди лиц *в возрасте 50 лет и старше* доля потенциальных трудовых мигрантов минимальна и составила в 2022 году только 0,8 % респондентов этой возрастной группы. Для сравнения, этот показатель был равен 3,9 % в 2016 году, 7,7 % в 2017 году [2], 4,2 % в 2018 году [3], февраль 2020 г. – 3,3 % [4], в 2021 году – 2,6% (таблицы 6–8).

Таблица 6 – Распределение ответов респондентов в возрасте до 29 лет на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %

Варианты ответа	весна 2016	весна 2017	лето 2018	февраль 2020	февраль 2021	январь 2022
таких планов нет	43,0	35,9	41,7	37,7	34,2	38,3
хотел(а) бы уехать с целью временной работы	16,7	18,7	15,3	7,5	13,7	8,1
хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства	19,6	28,0	21,8	26,8	28,7	25,5
затрудняюсь ответить	20,7	17,4	21,2	28,0	23,4	28,1

Таблица 7 – Распределение ответов респондентов в возрасте 30–49 лет на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %

Варианты ответа	весна 2016	весна 2017	лето 2018	февраль 2020	февраль 2021	январь 2022
таких планов нет	60,8	54,1	54,7	56,5	54,2	60,4
хотел(а) бы уехать с целью временной работы	8,9	17,6	11,8	10,7	10,0	10,5
хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства	12,3	16,0	13,2	11,5	14,0	9,7
затрудняюсь ответить	18,0	12,3	20,5	21,3	21,8	19,4

Таблица 8 – Распределение ответов респондентов в возрасте 50 лет и старше на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %

Варианты ответа	весна 2016	весна 2017	лето 2018	февраль 2020	февраль 2021	январь 2022
таких планов нет	82,8	76,7	77,3	82,0	84,6	85,3
хотел(а) бы уехать с целью временной работы	3,9	7,7	4,2	3,3	2,6	0,8
хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства	3,8	7,4	3,0	4,8	3,0	3,7
затрудняюсь ответить	9,5	8,2	15,5	9,9	9,8	10,2

Динамика степени миграционной активности респондентов, желающих уехать за границу с целью временной работы, мало различается в зависимости от их уровня образования и в 2022 году имеет тенденции к снижению. Так, среди лиц, имеющих *общее среднее образование*, доля желающих уехать за границу с целью временной работы составила в начале 2022 г. 5,8 % (9,1 % в 2016 году, 14,3 % в 2017 году [2], 10,2 % в 2018 году [3], февраль 2020 г. – 8,0 % [4], в 2021 году – 9,0%), среди респондентов, имеющих *среднее специальное образование* – 6,7 % (9,6 % в 2016 году, 15,8 % в 2017 году [2], 11,6 % в 2018 году [3], февраль 2020 г. – 8,2 % [4], в 2021 году – 9,5 %), имеющих *высшее образование* – 6,3 % (9,6 % в 2016 году, 13,4 % в 2017 году [2], 8,5 % в 2018 году [3], февраль 2020 г. – 4,8 % [4], в 2021 году – 6,5 %) (таблицы 9–11).

Таблица 9 – Распределение ответов респондентов с общим средним образованием на вопрос «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?», %

Варианты ответа	весна 2016	весна 2017	лето 2018	февраль 2020	февраль 2021	январь 2022
таких планов нет	62,0	60,4	60,0	58,7	57,9	65,0
хотел(а) бы уехать с целью временной работы	9,1	14,3	10,2	8,0	9,0	5,8
хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства	11,7	15,4	12,6	13,2	14,6	12,4
затрудняюсь ответить	17,2	9,9	17,2	20,1	18,5	16,8

Таблица 10 – Распределение ответов респондентов со средним специальным образованием на вопрос «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?», %

Варианты ответа	весна 2016	весна 2017	лето 2018	февраль 2020	февраль 2021	январь 2022
таких планов нет	65,5	55,6	56,2	62,4	58,6	61,6
хотел(а) бы уехать с целью временной работы	9,6	15,8	11,6	8,2	9,5	6,7
хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства	10,0	15,7	13,3	11,3	13,5	11,1
затрудняюсь ответить	14,9	12,9	18,9	18,1	18,4	20,6

Таблица 11 – Распределение ответов респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием на вопрос «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?», %

Варианты ответа	весна 2016	весна 2017	лето 2018	февраль 2020	февраль 2021	январь 2022
таких планов нет	62,0	55,0	59,3	60,0	61,6	66,1
хотел(а) бы уехать с целью временной работы	9,6	13,4	8,5	4,8	6,5	6,3
хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства	13,7	19,8	11,8	16,7	13,3	9,4
затрудняюсь ответить	14,7	11,8	20,4	18,5	18,6	18,2

Данные опроса населения республики, проведенного в январе 2022 г., говорят о различиях в выраженности миграционной активности респондентов в зависимости от сферы их профессиональной деятельности (таблица 12).

Таблица 12 – Распределение ответов респондентов в зависимости от их сферы профессиональной деятельности на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?», % от числа ответивших, январь 2022 г.

Сфера профессиональной деятельности	Хотел бы уехать за границу на постоянное место жительства	Хотел бы выехать за границу с целью временной работы	Таких планов нет	Затрудняюсь ответить
Бытовое обслуживание и общественное питание	14,7	10,7	58,7	16,0
Информационные технологии (программист, системный администратор, тестировщик, сотрудник интернет-площадки т.п.)	31,8	9,1	31,8	27,3
Культура, досуг	6,5	6,5	61,3	25,8
Медицина, здравоохранение	12,5	1,8	58,9	26,7
Милиция, армия, другие силовые структуры	9,1	0,0	90,9	0,0
Образование	7,6	1,9	74,3	16,2
Промышленность	8,1	13,1	51,9	26,9
Сельское хозяйство	4,2	8,3	73,6	13,9
Строительство	14,0	14,0	55,0	17,0
Торговля	16,8	5,8	54,7	22,6

Наибольший показатель среди желающих уехать за границу с целью временной работы по результатам исследования 2022 года отмечен у 14,0 % представителей строительной сферы (в 2021 году составлял 20,2 %). Среди респондентов, занятых в сфере промышленности, у 13,1 % респондентов есть намерения для временной работы за рубежом. Среди респондентов, занятых в IT-сфере, доля потенциальных трудовых мигрантов составляет 9,1 % (в 2021 году этот показатель составлял 10,8 %). Также значительная доля трудовых мигрантов наблюдается у 10,7 % респондентов, работающих в сфере торговли и общественного питания. В области здравоохранения и образования доля потенциальных трудовых мигрантов низкая и составляет только 1,8 % и 1,9 % соответственно.

По данным социологических опросов 2016–2022 гг. к основной причине своего намерения выехать за границу с целью временной работы респонденты отнесли желание улучшить свое материальное положение. Так считали $\frac{3}{4}$ респондентов, участвующих в опросе 2022 года. Для сравнения, этот показатель был равен 66,7 % респондентов в 2016 году, 58,3 % в 2017 году [2], 61,5 % в 2018 году [3], в феврале 2020 г. – 72,0 % [4], в начале 2021 г. – 69,6 %.

На втором месте с большим отрывом по значимости стоит желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране. При этом доля респондентов, отметивших эту причину, выросла почти в 2 раза по сравнению с показателями 2016 года. На эту причину в 2016 году указали 21,4 % респондентов, в 2017 году – 28,7 % [2], в 2018 году – 32,2 % [3], февраль 2020 г. – 36,6 % [4], в начале 2021 г. – 27,0 %, в начале 2022 г. – 43,6 %.

На третьем месте среди основных причин трудовой миграции в 2022 году респонденты поставили желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (24,1 %) и желание заработать капитал для своего дела (20,9 %).

Желание повысить профессиональный уровень и квалификацию в 2022 г. не являлся значимым мотивом для формирования миграционных намерений.

Для сравнения на протяжении исследований 2016-2021 гг., на третьем месте среди мотивов трудовой миграции было желание заработать капитал для своего дела (21,9 % в 2016 году, 22,8 % в 2017 году [2], 25,0 % в 2018 году [3], 20,6 % – в феврале 2020 г. [4], 20,3 % – в начале 2021 г.), а на четвертое место респонденты ставили желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (25,4 % в 2016 году, 31,4 % в 2017 году [2], 37,8 % в 2018 году [3], 24,0 % – в феврале 2020 г. [2], 15,7 % – в начале 2021 г.) (таблица 13).

Таблица 13 – Основные причины желания выезда из страны границу с целью временной работы – опрос в январе 2022 г., %*

Варианты ответа	%
Улучшить свое материальное положение	74,6
Посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране	43,6
Обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование	24,1
Заработать капитал для своего дела	20,9
Повысить свой профессиональный уровень, квалификацию	8,3
Установить контакты для эмиграции в будущем	8,3
Другое	3,2

*сумма по столбцу составляет более 100,0 %, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответов

В начале 2022 г. первое место среди стран, в которые респонденты хотели бы выехать для временной работы, занимала Польша – 37,8 %. Далее предпочтения респондентов, желающих поехать за границу поработать, распределились следующим образом: 20,6 % респондентов имеют намерения выехать для работы в Россию, 12,5 % – в Германию.

Анализ основных результатов мониторинговых социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2016–2022 гг., дает основание сделать следующие выводы.

1. Если проследить динамику доли респондентов за 2016–2022 гг., желающих выехать за границу с целью временной работы, то можно отметить довольно резкие колебания показателей по годам. Опросы населения, проведенные в 2020–2022 годы, показали значительное уменьшение доли респондентов, желающих выехать из Беларуси для временной работы. В 2022 году доля респондентов, желающих выехать из Беларуси для временной работы, составила всего 6,1 % (для сравнения, в 2017 году – 14,0 %). На временную трудовую миграцию настроены в большей степени мужчины – 9,0 % мужчин и 3,7 % женщин хотели бы выехать для работы. В данном случае снижение миграционной активности трудоспособного населения во многом связано с ограничениями по пересечению границы в связи с распространением пандемии COVID–19.

2. Предпочтения респондентов для выезда за границу для временной работы в начале 2022 г. распределились следующим образом: Польша – 37,8 % (в 2021 году – 22,4 %), Россия – 20,6 % (в 2021 году – 19,4 %), Германия – 12,5 % (в 2021 году – 14,5 %), США – 5,7 % (в 2021 году – 6,6 %), Литва – всего 1,3 % (в 2021 году – 11,7 %). Для сравнения в предыдущие годы в Россию планировали выехать с целью временной работы более половины респондентов.

3. Наибольшей миграционной активностью в начале 2022 г. отличались жители столичного региона и Брестской области. Доля респондентов г. Минска, желающих выехать за границу с целью временной работы, составила 5,0 % респондентов столицы. Среди жителей Брестской области 12,6 % респондентов хотели бы выехать для временной работы. Также следует отметить Витебскую область, где доля респондентов, желающих выехать за границу с целью временной работы, составила 5,9 %. По данным социологического мониторинга 2022 г., наименьшая доля респондентов, имеющих миграционные намерения, отмечена среди жителей Могилевской области. Доля потенциальных трудовых мигрантов здесь составила всего 4,3 % респондентов.

Миграционная активность городского населения несколько превосходит миграционную активность сельского населения.

4. Динамика доли желающих уехать за границу с целью временной работы значительно различается в зависимости от возраста потенциального трудового мигранта. Так, доля потенциальных трудовых мигрантов *в возрасте до 29 лет* составила в начале 2022 г. 8,1 %, сократившись на 5,6 п.п. по сравнению с показателем 2021 года (16,7 % в 2016 году, 18,7 % в 2017 году, 15,3 % в 2018 году, февраль 2020 г. – 7,5 %, в 2021 году – 13,7 %). Среди респондентов *в возрасте 30-49 лет* – 10,5 % (8,9 % в 2016 году, 17,6 % в 2017 году, 11,8 % в 2018 году, февраль 2020 г. – 10,7 %, в 2021 году – 10,0 %). Среди лиц *в возрасте 50 лет и старше*

доля потенциальных трудовых мигрантов минимальна и составила в 2022 году только 0,8 % респондентов этой возрастной группы.

5. Динамика степени миграционной активности респондентов, желающих уехать за границу с целью временной работы, мало различается в зависимости от их уровня образования и в 2022 г. имеет тенденции к снижению.

6. Данные опроса населения страны (январь 2022 года) свидетельствуют о том, что экономические санкции коллективного Запада, а также заманчивые преференции пограничных стран для привлечения белорусских специалистов и студентов хоть и оказали некоторое негативное влияние на формирование эмиграционных намерений основных социально-профессиональных групп населения, но существенной негативной динамики не наблюдается. По результатам исследования 2022 года показатели трудовой миграции несколько ниже по сравнению с 2021 года. Наибольшая доля среди желающих уехать за границу с целью временной работы отмечена у представителей строительной сферы (14,0 % респондентов), при этом в 2021 году она составляла 20,2 %. Среди респондентов, занятых в сфере промышленности, у 13,1 % из них есть намерения для временной работы за рубежом. Однако среди респондентов, занятых в IT-сфере, доля потенциальных трудовых мигрантов составляет 9,1 % (в 2021 году этот показатель составлял 10,8 %). Также значительная доля трудовых мигрантов наблюдается у 10,7 % респондентов, работающих в сфере торговли и общественного питания. В области здравоохранения и образования доля потенциальных трудовых мигрантов низкая и составляет только 1,8 % и 1,9 % соответственно.

7. По данным социологических опросов 2016–2022 гг., к основной причине своего намерения выехать за границу с целью временной работы респонденты отнесли желание улучшить свое материальное положение. Так считали $\frac{3}{4}$ респондентов, участвующих в опросе 2022 г. Для сравнения, этот показатель был равен 66,7% респондентов в 2016 году, 58,3 % в 2017 году, 61,5 % в 2018 году, в феврале 2020 г. – 72,0 %, в начале 2021 г. – 69,6 %.

Литература

1. Сведения о численности граждан государств – членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности за период с 2012 по 2021 год [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия, Департамент трудовой миграции и социальной защиты. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/9e1/Svedeniya-o-chislennosti-trudyashchikhsya-2012_-2021-gg._-_RK-za-9-mesyatsev_-KR-net_.pdf. – Дата доступа: 20.09.2022.

2. Пушкевич, С. А. Тенденции развития внешней трудовой миграции населения Республики Беларусь: статистический и социологический анализ / С. А. Пушкевич // Социологический альманах. – 2018. – Вып. 9. – С. 304–315.

3. Артюхин, М. И. Миграционные установки основных социально-демографических групп населения Беларуси: социологический анализ / М. И. Артюхин, С. А. Пушкевич, Э. М. Щурок // Logos et Praxis. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 60–73.

4. Артюхин, М. И. Динамика миграционных намерений населения Республики Беларусь за период 2010–2019 гг.: социологический анализ / М. И. Артюхин, Э. М. Щурок, С. А. Пушкевич // Социологический альманах. – 2021. – Вып. 12. – С. 174–186.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ
АНТРОПОГЕННОГО КАПИТАЛА
METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF ANTHROPOGENIC
CAPITAL DEVELOPMENT**

Баранов Александр Михайлович,
кандидат экономических наук, доцент,
докторант кафедры международной политической экономии,
Белорусский государственный университет,
доцент кафедры экономической теории и мировой экономики
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины,
axmbaranov@inbox.ru
Baranov Alexander,
PhD (economics), docent; doctoral student of the Department of International political economy
of the Belarusian State University,
Associate Professor, Department of Economic Theory and World Economy
Francisk Skorina Gomel State University,
axmbaranov@inbox.ru

Аннотация. В работе рассмотрены ключевые индексы, характеризующие антропогенное развитие страны, приведены современные методики определения интеллектуального потенциала общества, на базе актуальных методических разработок предложены авторские корректировки методических подходов к стоимостной оценке человеческого капитала на макроуровне.

Ключевые слова: антропогенные ресурсы, человеческий капитал, инновации, информационная экономика, образование.

Abstract. The paper considers key indices characterizing the anthropogenic development of the country, provides modern methods for determining the intellectual potential of society, on the basis of current methodological researches, author proposed adjustments of methodological approaches to the cost assessment of human capital at the macro level.

Keywords: anthropogenic resources, human capital, innovation, information economics, education.

Понятие **антропогенного капитала** становится одним из ключевых элементов экономической теории информационного общества, важным этапом в развитии представлений о человеке в экономике. Качество антропогенной политики в настоящее время оценивается **следующими индексами:**

1. *Индекс человеческого развития (HDI, Human development index, до 2013 года «Индекс развития человеческого потенциала»)* – интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, уровня образования и продолжительности жизни как основных характеристик человеческого потенциала страны. Данный индекс используется для сравнительной оценки антропогенного капитала различных стран и регионов, он был разработан в 1990 году в рамках Программы развития ООН группой экономистов, возглавляемой *Махбубом уль-Хаком* [1]; его концептуальная структура разработана благодаря научным исследованиям *Амартия Кумар Сена* [2].

ИЧР является средним геометрическим трёх индексов:

$$HDI = \sqrt[3]{LEI \times EI \times II} \quad (1)$$

$LEI = (LE - \min LE) / (\max LE - \min LE)$ – Индекс ожидаемой продолжительности жизни;

$EI = (MYSI + EYSI) / 2$ – Индекс образования;

$II = (GNIPc - \min GNIPc) / (\max GNIPc - \min GNIPc)$ – Индекс дохода, где

LE – Ожидаемая продолжительность жизни;

MYS – Средняя продолжительность обучения населения в годах;

EYS – Ожидаемая продолжительность обучения населения, ещё получающего образование, в годах;

$GNIPc$ – ВНД на душу населения по ППС в долларах США;

Min – минимальные значения показателя;

Max – максимальные значения показателя.

Для каждого из вышеуказанных компонентов установлены фиксированные минимальные и максимальные значения:

- продолжительность жизни при рождении от 25 до 85 лет;
- образованность населения от 0 до 100 %;
- совокупная доля получающих образование детей и молодежи: 0 и 100 %;
- реальный ВВП на душу населения по ППС от 100 до 40000 долларов США [3].

В 2020 году первые 10 мест по *Индексу человеческого развития* заняли Норвегия, Швейцария, Ирландия, Германия, Гонконг, Австралия, Исландия, Швеция, Сингапур и Нидерланды, США – 15 место, Япония – 19 место, Южная Корея – 22-ое, Италия – 29-ое, ОАЭ – 35-ое, Россия – 49 место, Беларусь – 50 место [4].

2. *Индекс интеллектуального потенциала общества*. В экономической литературе интеллектуальный потенциал общества описывается как *совокупность кадровых, материально-технических и финансовых ресурсов*, которые аккумулируются в основных областях интеллектуальной деятельности – науке и образовании [5]. *Индекс интеллектуального потенциала общества* включает показатели, отражающие уровень образования населения и состояние науки:

- средняя продолжительность образования занятого населения (показатель достигнутого уровня образования);
- полнота охвата всеми звеньями образования (текущий показатель образования, связанный с расходами на него);
- число учащихся в аспирантуре в соотношении к 100 000 занятым (показатель подготовки научных кадров);
- число занятых НИОКР в соотношении к 100 000 занятым (показатель масштабов занятости научными исследованиями);
- доля внутренних затрат на НИОКР в процентах от ВВП (показатель интенсивности научных исследований) [6].

$$IP = \sum_{j=1}^1 a_j \frac{X_j - m_j}{M_j - m_j} \quad (2)$$

где X_j – фактическое значение показателя, описывающего j -й элемент развития интеллектуального потенциала;

m_j и M_j – минимальное и максимальное значения показателя, описывающего j -й элемент развития интеллектуального потенциала;

a_j – вес соответствующего индекса элемента интеллектуального потенциала.

Так, по данным экспертов, в ЕС за последние десять лет именно инвестиции в образование и НИОКР обеспечили до 75 % экономического роста.

3. *Индексы развития интеллектуального потенциала региона или территории, предлагаются в рамках Доклада о развитии человеческого потенциала (ПРООН), а также разными авторами и научно-исследовательскими группами, например Демильхановой Б. А. [7],*

Лемдяевой Л. А. [8], Кашириным И. А., Овчиниковым М. Н. [9] Так, в соответствии с подходом Лемдяевой Л. А.:

$$Y_{in} = \sqrt{\sum_{i=1}^n (X_i^2)} , \quad (3)$$

где X_i^2 – компоненты, формирующие интеллектуальный потенциал

Возьмем в качестве компонентов Y_{in} элементы Индекса развития интеллектуального потенциала территории из Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации (ПРООН), приводимого в исследовании Демильхановой Б. А. В этом случае:

$$X_1 = \frac{Q_1 + Q_2 + Q_3}{Q_a} - \frac{Q_1 + Q_2 + Q_3}{Q_a} (\min) / \frac{Q_1 + Q_2 + Q_3}{Q_a} (\max) - \frac{Q_1 + Q_2 + Q_3}{Q_a} (\min) \quad (4)$$

где X_1 – Индекс полноты охвата обучением;

Q_1 – численность поступивших в начальные учебные заведения;

Q_2 – численность поступивших в средние учебные заведения;

Q_3 – численность поступивших в высшие учебные заведения;

Q_a – численность населения в возрасте 5–24 лет.

$$X_2 = \frac{P_e - P_e \min}{P_e \max - P_e \min} , \text{ где} \quad (5)$$

$$P_e = \frac{4xS_1 + 9xS_2 + 11xS_3 + 13xS_4 + 16xS_5}{S_1 + S_2 + S_3 + S_4 + S_5} , \text{ где} \quad (6)$$

P_e – продолжительность обучения занятого населения

$P_e \min$ – минимальное значение показателя полноты охвата обучением,

$P_e \max$ – максимальное значение показателя полноты охвата обучением,

4, 9, 13, 11, 16 – число лет продолжительности начального, неполного среднего, полного среднего (начального профессионального), среднего профессионального (незаконченного высшего), высшего образования, соответственно;

S_1, S_2, S_3, S_4, S_5 – доля занятых в экономике с начальным, неполным средним, полным средним, средним профессиональным и высшим уровнем образованием, соответственно.

$$X_3 = \frac{L_e - L_e \min}{L_e \max - L_e \min} , \text{ где} \quad (7)$$

L_e – продолжительность обучения;

$L_e \min$ – минимальная продолжительность обучения;

$L_e \max$ – максимальная продолжительность обучения

$$X_4 = \frac{A_e - A_e \min}{A_e \max - A_e \min} , \text{ где} \quad (8)$$

A_e – численность аспирантов на 100000 населения;

$A_e \min$ – минимальная численность аспирантов;

$A_e \max$ – максимальная численность аспирантов.

$$X_5 = \frac{R_e - R_e \min}{R_e \max - R_e \min} , \text{ где} \quad (9)$$

R_e – численность занятых исследованиями и разработками на 100000 населения;

$L_e \min$ – минимальная численность занятых исследованиями и разработками;

$L_e \max$ – максимальная численность занятых исследованиями и разработками.

$$X_6 = \frac{C_e - C_e \min}{C_e \max - C_e \min} , \text{ где} \quad (10)$$

R_e – доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП;
 $L_e \min$ – минимальная доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП;
 $L_e \max$ – максимальная доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП.

Резюмируя известные методики определения интеллектуального потенциала, необходимо отметить, что к *основным элементам антропогенного капитала*, как правило, относят:

- капитал *продолжительности жизни и здоровья*;
- капитал *образования* и повышения квалификации, *получения навыков и опыта*;
- капитал, квантифицирующий занятость в научной сфере;
- капитал миграции и мобильности работников;
- *обладание экономически значимой информацией, мотивация экономической деятельности* [10].

В формализованном виде выражение для *количественного определения антропогенного капитала* AC будет *принимать вид аддитивной модели*, представляющей сумму вышеуказанных компонентов:

$$AC = L + E + C + M + I, \quad (11)$$

где L – капитал *продолжительности жизни и здоровья*;

E – капитал *образования* и повышения квалификации, *получения навыков и опыта*;

C – капитал, квантифицирующий занятость в научной сфере;

M – капитал миграции и мобильности работников;

I – *обладание экономически значимой информацией, мотивация экономической деятельности*.

При этом следует отметить, что каждый компонент *антропогенного капитала* имеет свою отдачу. Например, отдача от инвестиций в капитал образования выше, чем от инвестиций в капитал *продолжительности жизни и здоровья*. Так, приём работника в фирму IBM с образовательным цензом в 16-17 лет обучения оценивается руководством фирмы как капиталовложения стоимостью в 4 млн. долларов США. Представитель высшего руководства IBM, имеющий образовательный ценз в 30 лет обучения персонализирует собой капитал 50 млн. долларов США и выше. Поэтому целесообразно ввести весовые коэффициенты отдачи A, B, C, D, E , для каждого компонента интеллектуального капитала.

$$AC = aL + bE + cC + dM + eI \quad (12)$$

где отдача от затрат:

a – на капитал *продолжительности жизни и здоровья*;

b – на капитал *образования* и повышения квалификации, *получения навыков и опыта*;

c – на капитал, квантифицирующий занятость в научной сфере;

d – на капитал миграции и мобильности работников;

e – на *обладание экономически значимой информацией, мотивацию экономической деятельности*.

Значение коэффициентов присваивается исходя из величины отдачи каждой компоненты в интеллектуальный капитал страны. При определении отдачи каждого вида затрат необходимо учитывать наиболее значимые факторы, определяющие приоритетные сферы информационной экономики страны, уровень информатизации, степень «интеллектуализации» труда, уровень наукоемкости ВВП, наличие системы оценки трудовых ресурсов и их мотивации.

Для расчета стоимостной оценки человеческого капитала по восстановительной стоимости можно воспользоваться методом *Р. Джадсона* [11], *Б. ван Леувен* и *П. Фёльдвари* [12-13]:

$$h = S \sum_j d_{jt} a_{jt} \quad (13)$$

где ht – средний объем человеческого капитала одного работника в году t ;

St – образовательный уровень населения в возрасте старше 15 лет (накопленное среднее количество лет обучения) в году t ;

djt – объем государственных расходов на образование на одного учащегося уровня j в году t ;
 ajt – доля рабочей силы с образованием уровня j в году.

По мнению *Д. В. Диденко*, к оценке человеческого капитала по затратам не относится упущенный доход (затраты, альтернативные инвестициям в человеческий капитал); негосударственные расходы (часто в силу отсутствия данных, либо их невысокой точности). Тем не менее, государственные расходы являются ключевой составляющей совокупных затрат на образование, и по ним возможны широкие межстрановые сопоставления [13].

Д. В. Диденко предлагает корректировать данный показатель на коэффициент отношения совокупных фиксированных затрат на формирование человеческого капитала к объему государственных расходов на образование, включая негосударственные расходы на образование, расходы на науку, а также половину (в соответствии с методом *Дж. Кендрика* [14] затрат на здравоохранение. Метод *Б. ван Леувеном и П. Фельдвари* [15]:

$$\bar{h} = \int_0^{65-\bar{x}} \bar{w} e^{(g-q)t} dt = \frac{\bar{w}}{g-q} (e^{(g-q)(65-\bar{x})} - 1) \quad (14)$$

где h – средний (на работника) объем человеческого капитала в стоимостном выражении;

w – средняя фактическая заработная плата (за год, до налогов);

t – средний возраст населения, x лет;

g – ожидаемый темп годового прироста реальной заработной платы;

q – ставка дисконтирования, % годовых;

e – константа ($\approx 2,72$);

t – возраст работника, лет.

Предполагается, что $g-q=0,02$; то есть темп роста реальных доходов превышает ставку дисконтирования на 2 процентных пункта.

В этом случае подразумевается суммарный прирост средней реальной зарплаты за всю предстоящую трудовую деятельность, с учетом ее приведения к текущей стоимости (дисконтирования).

В данном методе учитывалось увеличение доходов не только тех, кто прошел ту или иную форму обучения, но и необучавшихся. Оно происходило благодаря тому, что обучались и несли соответствующие затраты другие работники. Таким образом, здесь принята во внимание не только частная, но и общественная эффективность человеческого капитала. С другой стороны, данный показатель не подвержен влиянию внутривострановой дифференциации заработной платы.

С нашей позиции, *значительным недостатком современных методик* оценки информационной экономики является *отсутствие комплексных показателей, учитывающих развитие антропогенных ресурсов страны*. Существующие показатели имеют явный *технологический уклон* и требуют дополнения. Комплексные показатели должны объединять в единые композитные индексы ряд индикаторов оценки информационного, антропогенного и научного потенциала каждой отдельной страны. Анализ показателей существующих международных индексов и рейтингов, методологии формирования из них микро-, субиндексов нового плана и композитного индекса позволит в дальнейшем использовать их для формирования интегральной системы показателей, отражающих уровень готовности стран к формированию информационной экономики.

Литература

1. Sanjaya, B. Human Development: A Tribute, Economic and Political Weekly / B. Sanjaya, Mahbub ul H. – 1988. – Vol. 33, №. 35. – P. 2275-2279.
2. Sen A. Rationality and Freedom / A. Sen // Cambridge: Belknap Press. – 2004. – 752 p.

3. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации ; под ред. А. А. Аузана, С. Н. Бобылева // М. :Дизайн-проект Самолет, 2011. – 146 с.
4. Рейтинг стран мира по Индексу человеческого развития [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал – интернет-издание информационно-аналитического агентства «Центр гуманитарных технологий». – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index>. – Дата доступа: 17.03.2022.
5. Миндели, Л. Э. Ориентиры воспроизводства интеллектуального капитала в системе стратегического управления развитием экономики и общества / Л. Э. Миндели, В. Е. Чистякова // Инновации. – 2014. – № 12 (194). – С. 27–35.
6. Человек и инновации: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. – 172 с.
7. Демильханова, Б. А. Оценка взаимосвязи интеллектуального потенциала и инновационной активности территории / Б. А. Демильханова // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 11 (53).
8. Лемдяева, Л. А. Внутренний потенциал развития региона и методические подходы к его оценке / Л. А. Лемдяева // Аудит и финансовый анализ. – 2010. – № 2. – С. 379-382.
9. Каширин, И. А. Развитие интеллектуального потенциала страны региона: место и роль Федеральных университетов / И. А. Каширин, М. Н. Овчинников // Интернет-портал Академии наук Республики Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vml.antat.ru/files/Mahmutov/article_3. – Дата доступа: 17.03.2022.
10. Лукиных Т. Н. Человеческие ресурсы в условиях информационной экономики / Т. Н. Лукиных // Гуманитарная информатика. – 2005. – Вып. 3. – С. 4–10.
11. Judson R. Measuring Human Capital Like Physical Capital: What Does It Tell Us? / R. Judson // Bulletin of Economic Research. – 2002. – № 54. – P. 209–231.
12. Van Leeuwen, B. Human Capital and Economic Growth in Asia 1890-2000: a time-series analysis / B. Van Leeuwen, P. Földvári // Asian Economic Journal. – 2008. – № 22 (3). – P. 225-240.
13. Диденко, Д. В. Человеческий капитал как фактор развития российской интеллектуалоемкой экономики в компаративном контексте (историко-экономический анализ): дисс. ... д-ра экономических наук: 08.00.01 / Диденко Д. В. // М., 2016. – 377 с.
14. Кендрик Дж. Совокупный капитал США и его формирование / Дж. Кендрик // М. : Прогресс, 1978. – 275 с.
15. Van Leeuwen, B., Földvári P. Capital accumulation and growth in Hungary, 1924-2006 / B. Van Leeuwen, P. Földvári // Acta Oeconomica. – 2011. – № 61 (2). – P. 143-164.

**ЭВОЛЮЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЕГО
ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ
THE EVOLUTION OF RESEARCH ON HUMAN CAPITAL AND ITS RELATIONSHIP
TO HUMAN DEVELOPMENT**

Боброва Анастасия Григорьевна,
кандидат экономических наук, доцент,
руководитель центра человеческого развития и демографии,
Институт экономики НАН Беларуси
nastasiabobrova@mail.ru

Кацер Андрей Михайлович,
младший научный сотрудник сектора социально-демографической политики
центра человеческого развития и демографии,
Институт экономики НАН Беларуси
andrew545585@gmail.com

Bobrova Anastacia,
Candidate of economic sciences, Associate Professor,
Head of the Center for Human Development and Demography,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
nastasiabobrova@mail.ru

Katser Andrew,
Associate scientist of the Socio-Demographic Policy Sector
of the Center for Human Development and Demography
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
andrew545585@gmail.com

Аннотация. В статье проводится анализ эволюции основных научных парадигм к исследованию человеческого капитала. Выявлена взаимосвязь развития теории человеческого капитала с продвижением человеческого развития, как диверсифицированная стратегия, соответствующая интересам человека. Акцентировано, что качество жизни становится главной целью социально-экономической политики и главным связующим звеном во взаимосвязи развития человеческого капитала и устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: человеческий развитие, человеческий капитал.

Abstract. The article analyzes the evolution of the main scientific paradigms towards the study of human capital. The relationship between the development of the theory of human capital and the promotion of human development is revealed as a diversified strategy that meets the interests of man. It is emphasized that the quality of life is becoming the main purpose of socio-economic policy and the main link in the relationship between the development of human capital and sustainable economic growth.

Keywords: human development, human capital.

Человеческий капитал является ключевым фактором развития современной экономики, от эффективности его использования зависит развитие мира в целом.

Современная концепция человеческого капитала учитывает мировой эволюционный процесс развития теории данного вопроса, в том числе и разработки отечественных исследователей.

Основы формирования концепции человеческого капитала были заложены в работах представителей классической экономической теории: У. Петти, А. Смита, Д. Рикардо, которые ввели в науку идеи важности рабочей силы, способностей человека, его образования в росте богатства страны и ее населения.

В XIX веке сделан ряд шагов на пути к повышению значимости человека и капитала, который он представляет собой и создает. Ф. Лист акцентировал внимание, что главным источником богатства нации является «умственный капитал» – открытия, изобретения, успехи в науках, искусстве и т.п.

Существенный наработкой был сделаны в сфере управления рынком труда. Прежде всего, была обоснована роль государственного регулирования труда и целесообразность реализации ряда экономических мер в данной сфере.

В экономической теории появляется понятие «персональный капитал», включающее человека, обладающего физической силой, способностями, навыками, способствующими росту производительности труда. Такого подхода придерживались Л. Вальрас, Дж. МакКуллох, И. Ф. Тюнен, Т. Уинштейн, У. Фарр, И. Фишер, А. Маршалл. Другие экономисты, такие, как: Ф. Лист, Дж. С. Уолш, Дж. С. Милль под человеческим капиталом понимали не самого человека, а его способности к труду – образование, квалификацию, навыки.

Р. Дорнбуш, С. Фишер, К. Шманлез относили к человеческому капиталу относили также духовно-мировоззренческие особенности – культурные, психологические, морально-нравственные способности личности.

В первой половине 20 столетия заложены методические основы оценки эффективности человеческого капитала в экономике. Появились первые методики и оценки стоимости человека; влияния национальной системы образования на экономический рост страны; издержек семьи, связанных с повышением экономической ценности человека; формирования и использования государственных расходов, необходимых для воспитания и образования населения. Отдельные положения экономических взглядов Л. Дублина, Ф. Крама, И. Фишера, С. Х. Форсита продолжают использоваться и на современном этапе развития теории человеческого капитала.

Непосредственное зарождение последней связывают с двумя выдающимися экономистами – Т. Шульцем и Г. Беккером.

Т. Шульц дал первое определение человеческого капитала – нечто реально существующее, что обладает экономическим свойством оказывать будущие услуги, имеющие некоторую стоимость» [1].

Беккер доказал состоятельность идей рентабельности высококачественной образовательной системы в долгосрочном временном интервале для национальной экономики, что легло в основу формирования политики государственного инвестирования средств в сферу образования. Он рассматривал человеческий капитал неразрывно с его обладателем – работником. Под человеческим капиталом он понимал запас знаний работника, в процессе трудовой деятельности которого формируется прирост дохода [2]. Из этого вытекает, что процесс производственного потребления человеческого капитала неотделим от его обладателя. Условием получения дохода с человеческого капитала является трудовое усилие работника. Величина человеческого капитала измеряется в денежных единицах и определяется величиной инвестиций в образование, здравоохранение и т.п. [3, 4]. Определяемые Г. С. Беккером три основные формы проявления человеческого капитала – общие знания, специальные знания и прочие виды знаний сосуществуют и имеют нетождественную материальную (инвестиционную) обеспеченность [5].

В целом теория человеческого капитала в дальнейшем развивалась в рамках классической экономической теории. Однако параллельно с ней формировалась институциональная теория человеческого капитала. Проводился ряд исследований экономической отдачи человеческого капитала в условиях функционирования социальных институтов и трансформационных процессов развития институционального пространства.

В 70–80 годы XX века широкое распространение получили оценки экономической роли образования на разных уровнях управления экономикой. Был апробирован метод межстрановых сопоставлений, суть которого заключается в применении международной статистики и учета особенностей моделей функционирования разных типов государств. В данном случае речь идет об управлении социально-экономическими системами на мега- и макроуровнях управления.

Вторым направлением, получившим развитие в тот период, была попытка количественно оценить значение образования в экономических результатах деятельности субъектов хозяйствования была предпринята на микроуровне управления. В результате, была обоснована и доказана существенная роль управления человеческим ресурсом на предприятии. Исследования включали также анализ зависимости между дополнительными инвестициями компаний в образование персонала, динамикой их заработной платы, географической мобильностью работников и эффективностью работы персонала на производстве.

В последующем анализ влияния инвестиций в образование на специфические формы человеческого капитала на уровне корпоративного управления фирмой в странах развитой экономики были продолжены в трудах зарубежных и отечественных ученых.

Значимый вклад в развитие теории человеческого капитала был внесен Л. Туроу, который обобщил существующие трактовки к понятию «человеческий капитал» и выделил переходные периоды, когда способности и навыки человека им (капиталом) становятся. В его трактовке человек, не реализующий способности производить предметы и услуги, также обладает человеческим капиталом. Однако обладание человеческим капиталом – это не врожденное свойство человека. Природные склонности, способности человека им рассматриваются как фактор формирования и накопления человеческого капитала.

Человеческий капитал рассматривается не только в контексте создания стоимости. Он является особым видом капитала, который при определенных специфических условиях может приобретать иррациональную форму. В частности, речь идет об эффективном использовании ценных качеств человека, преимущественно в нерентабельных сферах общественной жизни: государственном и некоммерческом секторах экономики, некоммерческой деятельности бизнес структур, секторе домохозяйств.

В XXI веке теория человеческого капитала заняла свое место в современной экономической науке, представляя собой раздел, изучающий процессы накопления и использования качественных характеристик людских ресурсов; в более узком смысле – экономическая теория образования и подготовки специалистов и рабочих.

Среди современных определений человеческого капитала встречаются, главным образом, расширенные их толкования. Общепринятого определения понятия «человеческий капитал» нет. Ряд исследователей выделяют интеллектуальный (знания, навыки и т. д.) и социальный аспекты человеческого капитала (социальные связи, социальные сети и вовлеченность в них и т. д.) [6]. Человеческий капитал означает совокупность знаний и навыков, которыми обладает индивидуум, а социальный определяет их применение в процессе коллективной деятельности. Высококачественные человеческие ресурсы, «невостребованные в процессе создания добавленной стоимости или улучшения качества жизни... не могут считаться человеческим капиталом» [7]. Невостребованность можно оценивать по-разному – от накопления в форме запаса до «омертвления», недоиспользования, даже необратимого обесценения.

Отличительной чертой более поздних трактовок является дополнение описания человеческого капитала целевыми установками на повышение качества жизни как человека, так и общества в целом.

Формированию теории человеческого капитала как самостоятельного научного направления способствовали сложившиеся ко второй половине прошлого столетия особые социально-экономические условия.

Переход к инновационному производству в результате высоких достижений научно-технического прогресса привел к повышению роли сложного труда и особой квалификации работников, в результате чего стала переосмысливаться роль и место рабочей силы в производственном процессе.

В результате глубоких изменений в содержании производственных процессов во многих областях общественной жизни в структуре себестоимости конечного продукта все больше стала занимать доля интеллектуальных, высокопрофессиональных затрат труда работников. Высокая материалоемкость продукта во многих хозяйственных процессах стала уступать высоким «интеллектуало- и профессионалоемкости».

Происходило ускорение процессов гуманизации социально-экономических отношений в наиболее развитых странах мира, устойчивость и авторитетность «идеи человеческой ценности» на всех уровнях управления экономикой – в социально-экономических системах разного вида и рода.

Все вышеперечисленное послужило основой концепции устойчивого развития. Результатом активной экспансии экономики в социологию, культурологию, информатику стала увязка человеческого фактора с глобальными целями общественного развития. Человеческий капитал стал интерпретироваться в расширенной трактовке. Развитие экономики образования, экономики знаний, экономики интеллектуальной собственности находило отражение в программных документах, нацеленных на достижение повышения экономического роста и благосостояния населения.

Накопившийся теоретико-методологический потенциал концепций человеческого капитала в мировой экономической мысли дал возможность критически оценить состояние научной мысли в области концепции устойчивого развития и создать на базе них с учетом новых социально-экономических условий в обществе новое самостоятельное направление – человеческое развитие.

Человеческое развитие – это теория и методология всестороннего экономического, социального и политического управления общественными процессами, которая отличается от других тем, что не должна определяться совместно с сопутствующими концепциями.

Из этого следует факт, что человеческое развитие является новой парадигмой современного мира – это диверсифицированная стратегия развития, соответствующая интересам человека. Концепция человеческого развития была сформирована в конце 1980-х годов. В ней подчеркнуто, что человек выступает не только инструментом продвижения экономики любой страны, но и ее главной целью. процесс предоставления людям наиболее широкого выбора во всех аспектах жизни общества.

Концепция человеческого развития тесно увязано с использованием человеческого капитала. От того, насколько государству удастся развить имеющийся человеческий капитал, в значительной мере зависит общий успех. Сегодня наиболее важное место на всех этапах управления занимает человек с его способностями. Именно человек, являясь ядром современной социально-экономической политики, определяет перспективу социально-экономического развития страны и в то же время повышает собственное благосостояние.

При этом важно подчеркнуть, что человеческое развитие превалирует над другими факторами, влияющими на благополучие общества в целом. Человеческий капитал не определяется только формальным обучением и навыками, что особенно сказывается на результативности каждой организации в стране. Он может улучшаться с течением времени посредством постоянного применения полученных знаний и, напротив, его качество может снижаться ввиду отсутствия практики.

В свою очередь, человеческий капитал – это неотъемлемая категория современной интеллектуализированной экономики и важнейший фактор обеспечения устойчивого развития. Человеческий капитал рассматривается во взаимосвязи с инновационной экономикой, в которой постоянно возрастает значение интеллектуальной деятельности. При этом человеческий капитал – это и источник производительных сил современного общества, и важнейший фактор общественного потребления.

Развитие производительных сил общества, технологий различных производств, знаний и навыков людей привело к возрастанию их влияния на природу. Однако со временем человечество все больше попадало в зависимость от природных ресурсов, которая усиливалась с развитием промышленного производства.

С учетом смены парадигм и путем хронологии событий представлена эволюция постепенной трансформации теории человеческого капитала и человеческого развития (рисунок 1).

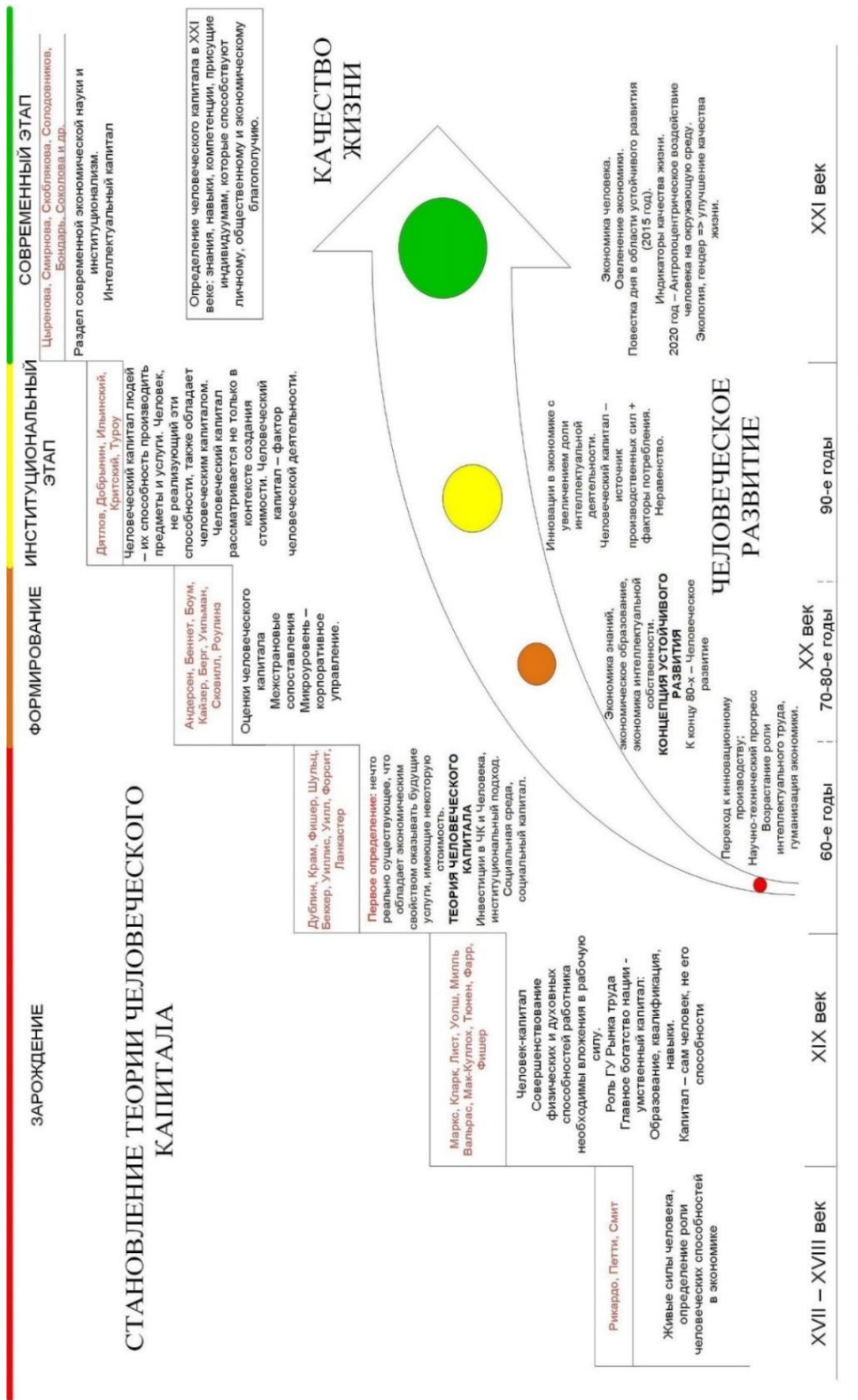

Рисунок 1 – Становление теории человеческого капитала

Отчетливо прослеживаются четыре этапа эволюции теории человеческого капитала и человеческого развития, которые независимо от условных названий можно охарактеризовать с точки зрения сути происходящих процессов.

1. *Зарождение.* Период становления теории человеческого капитала и происходящей трансформации в содержании производственных процессов во многих областях общественной жизни, сочетающихся с гуманизацией социально-экономических отношений. В результате появляется новой парадигмой современного мира – человеческое развитие.

2. *Формирование.* Экспансия экономики в социологию, культурологию, информатику увязала человеческий фактор с глобальными целями общественного развития. В основе концепции устойчивого развития приоритет занял человек и его капитал.

3. *Институциональный этап.* Необходимость повышения экономической отдачи человеческого капитала в условиях трансформации социально-экономических отношений, роста неравенства и негативного воздействия на окружающую среду обусловила развитие социальных институтов и переходных процессов развития институционального пространства. Обоснована роль внеэкономических факторов, влияющих на количественные и качественные характеристики человеческого капитала. При этом особое место в функционировании человеческого капитала отводилась социальной среде, социальным взаимодействиям, которые претерпевали давление глобальных вызовов. Длительное глобальное развитие экономики, нацеленное только на максимизацию прибыли и минимизацию издержек и не имеющее других фундаментальных основ, привело к серьезной деградации природной, социальной и духовной среды.

4. *Современный этап.* Человеческий капитал становится определяющим фактором современного этапа общественного развития. Человеческий капитал уже не просто знания, навыки, компетенции, присущие индивидуумам, которые важны для хозяйственной деятельности, а еще и способствуют личному, общественному и экономическому благополучию. Эффективность его использования зависит от реализации комплекса мер, нацеленных на удовлетворение текущих потребностей человека при сохранении окружающей среды и ресурсов, то есть без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

Таким образом, качество жизни становится главной целью социально-экономической политики и главным связующим звеном во взаимосвязи развития человеческого капитала и устойчивого экономического роста.

Тематика человеческого капитала не сводится только к расходам на образование, здравоохранение и науку (хотя именно эти отрасли – основа инвестиций в человека), она отражается в развитии сфер деятельности, где он находит применение. Многие страны сталкиваются с рядом проблем в сфере человеческого капитала – от недостатка квалифицированных кадров для экономики знаний до недоинвестирования здравоохранения.

Для экономики человеческий капитал играет решающее значение, поскольку представляет собой тот запас сырья, который будет добавлен к предмету труда в процессе производства экономического блага.

Белорусский ученый Солодовников С. Ю. подчеркивает, что человеческий капитал выступает более важной причиной экономического роста, чем институты, а совершенствование политических институтов происходит после того, как страна преодолевает бедность благодаря правильной экономической политике [8].

Человеческий капитал страны – это интенсивный производительный фактор развития экономики, общества и семьи, включающий образованную часть трудовых ресурсов, знания, инструментарий интеллектуального и управленческого труда, среду обитания и трудовой деятельности.

Управление «неосязаемого» человеческого и социального капитала представляет собой всеобщую сферу жизнедеятельности людей. Причем здесь имеется в виду не только согласование различных форм человеческой деятельности, многообразия общественных процессов, но и управление взаимодействием всего общества с окружающей его внешней средой.

Центральным звеном всей системы управления общественными процессами и человеческой деятельностью является субъект управления – государство (исполнительная и зако-

нодательная власть). Государство есть отдельный социальный организм. От другого социального организма его отделяет государственная граница. Но поскольку главное в государстве – это власть, то под ним подразумевают также устройство властных структур в стране или форму государственного устройства. Власть принимает решения, связанные с постановкой конкретных задач и целей для всего общества. Эти решения принимаются некоторой группой лиц от имени общества или уполномоченных самим обществом и затем переводятся на язык конкретных практических действий. Они обязательны к исполнению, для чего у власти есть необходимые средства.

В обществе должен существовать механизм оценки полученных результатов, чтобы можно было внести изменения в ранее принятые властью решения. Таким механизмом являются программы человеческого развития.

Единой политики в отношении человеческого капитала не существует, а его развитие, особенно на базовом уровне, осуществляется по национальным лекалам. В условиях глобализации и интеграции, когда востребовано транснациональное партнерство государства и бизнеса, регулирование развития человеческого капитала остается в основном прерогативой национальных государств. Единая система оценки реализации программ человеческого развития неприменима из-за различного уровня развития экономик стран.

Несмотря на то что позитивная корреляция между качеством человеческого капитала и доходами, производительностью и экономическим ростом давно доказана в теории и практическими измерениями, общий и глубокий контекст представления (и изучения) проблематики развития человеческого капитала совместно с механизмом его управления только начинает просматриваться.

Литература

1. Schulz T. Investment in Human Capital // *American Economic Review*. – 1961, March. – № 1. – P. 1-17.
2. Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // *Journal of Political Economy*. Supplement. – 1962, October. – № 5 – P. 9-49.
3. Беккер Г. С. Теория распределения времени // Вехи экономической жизни. Рынки факторов производства / под ред. В. М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 2000. – Т. 3. – 489 с.
4. Becker G.S. Human capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Third edition // The University of Chicago Press. – Chicago: 1993, January. – 392 p.
5. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
6. Guillard A., Roussel J. Évaluation et développement du capital humain: un enjeu clé pour l’audit social / EBS Conference Papers. Lille. – Mode of access: https://www.ebs-paris.com/recherche-communications/josse_roussel_communications_1.pdf. – Date of access: 10.06.2021.
7. Коротков А. В., Онишко Е. В., Редченко А. И. Индикативный анализ в исследованиях человеческого капитала // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2010. – № 6. – С. 26–37.
8. Солонников С. Ю. Социальный капитал как фактор экономического роста // *Экономика и банки: научно-практический журнал*. – 2015. – № 1. – С. 32–41.

**АНАЛИЗ КОМПЕТЕНЦИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ КАДРОВЫХ СЛУЖБ
ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ТЕНДЕНЦИИ
ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ**
**ANALYSIS OF THE COMPETENCIES OF HR PROFESSIONALS IN THE
ORGANIZATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND TRENDS
IN THEIR TRANSFORMATION**

Калиновская Ирина Николаевна,
кандидат технических наук,
доцент кафедры менеджмента,
Витебский государственный технологический университет
i-kalinovskaya@yandex.by
Kalinouskaya Iryna,
PhD in technical sciences,
Associate Professor,
of Management Department,
of Vitebsk State Technological University
i-kalinovskaya@yandex.by

Аннотация. Преобразование бизнес-процессов организаций в цифровую форму приводит к разрыву между профессиональной подготовкой (имеющимися компетенциями у HR специалистов) и требованиями работодателей (компетенциями, востребованными рынком труда). В связи с этим возникла необходимость изучить возникшие несоответствия и определить траектории обучения профессиональной компетентности HR-специалистов.

Целью проведенных исследований являлась разработка метода составления программ обучения и повышения квалификации, основанного на ИСМ-анализе компетенций, собранных из цифровых источников данных с использованием искусственного интеллекта.

Задачами исследований выступали: проведение ИСМ-анализа навыков, указанных в вакансиях специалистов кадровых служб; построение направленного графа, визуализирующего результаты анализа; составление траектории обучения профессиональной компетентности HR-специалистов.

При проведении исследований использовались общенаучный и экономический методы анализа, интерпретационное структурное моделирование, а также статистические модели и методы: группировки, сравнительного и факторного анализа, классификаций и построения графов.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, компетенции, искусственный интеллект, кадровая служба, вакансии, цифровые источники данных.

Abstract. The transformation of organizations' business processes into digital form leads to a gap between professional training (existing competencies of HR specialists) and employers' requirements (competencies demanded by the labor market). In this regard, there was a need to study the resulting discrepancies and determine the training trajectories of professional competence of HR-specialists.

The aim of the research was to develop a method of training and development programs based on the IMS-analysis of competencies collected from digital data sources using artificial intelligence.

The research objectives were: conducting ISM-analysis of the skills indicated in the HR specialists' vacancies; constructing a directed graph visualizing the analysis results; making a trajectory of HR specialists' professional competence training.

The research involved general scientific and economic methods of analysis, interpretative structural modeling, as well as statistical models and methods: grouping, comparative and factor analysis, classifications and graph construction.

Keywords: human resource management, competencies, artificial intelligence, human resources, vacancies, digital data sources.

В результате изменений бизнес-процессов организации под воздействием трансформации экономики отмечается расхождение в имеющихся у сотрудников компетенциях и компетенциях необходимых для выполнения должностных обязанностей. Таким образом, важно выявить и изучить факторы, влияющие на профессиональную компетентность специалистов, а также проанализировать взаимосвязи между этими факторами. Далее на основании выявленных взаимосвязей определить ядро компетенций профессии и траектории обучения профессиональной компетентности. В данных исследованиях проводился анализ компетенций и выявлялись программы обучения специалистов кадровых служб организаций Республики Беларусь.

С целью выбора оптимального метода выявления связи между факторами, влияющими на профессиональную компетентность специалиста кадровой службы, проведен анализ подходов и применяемого математического аппарата, в результате которого выявлено, что для решения вопросов установления причинно-следственных связей среди ключевых компетенций специалистов в разрезе отрасли или организации авторами научных работ (Дж. Уорфилд, А. Резайян, Р. Багери, С. Джархария, Р. Шанкар, Р. Ванг, П. Пэн, Л.-Г. Лю, Л. Сюй и др.) применяется интерпретационное структурное моделирование (ИСМ-анализ).

Интерпретационное структурное моделирование (ИСМ) – это инструмент определения прямых или косвенных взаимодействий между элементами системы, а также средство анализа иерархических отношений между элементами системы [1].

Математические основы метода ИСМ изложены в работе Ф. Харари «Структурные модели: введение в теорию направленных графов» [2]. Практическим применением метода стала декомпозиция сложной системы на ряд подсистем с последующим конструированием многоуровневой структурной модели. Впервые для изучения социально-экономических систем метод интерпретационного структурного моделирования был применен Дж. Уорфилдом и описан в труде «К интерпретации сложных структурных моделей». Применение ИСМ для исследований в области менеджмента описано в работах авторов С. Джархария и Р. Шанкар «IT-интеграция цепей поставок: понимание барьеров» [3], Мандал «Интерпретация интерпретационной структурной модели» [4] и других.

На основании изучения процедур проведения ИСМ-анализа разработаны этапы установления траектории обучения профессиональной компетентности HR-специалистов:

1. Формирование эмпирической базы исследования, включающей информацию о компетенциях специалистов кадровых служб организаций Республики Беларусь. Составление иерархии и кодирование полученных компетенций;

2. Проведение ИСМ-анализа навыков, указанных в вакансии специалиста кадровой службы, включающего построение структурной матрицы смежности компетенций HR-специалистов, вычисление матрицы достижимости компетенций, формирование достижимого и расширенного набора компетенций специалистов кадровых служб организаций;

3. Построение итоговой модели ИСМ, состоящей из конической матрицы компетенций и направленного графа, визуализирующего результаты исследований. Установления траектории обучения профессиональной компетентности HR-специалистов.

Для проведения исследований была сформирована эмпирическая база данных из 631 вакансии, полученной по должностям, соответствующим кодам начальной группы занятий 1212 «Руководители структурных подразделений по кадрам и трудовым отношениям», 2423 «Специалисты–профессионалы в области подбора и использования персонала», 2424 «Специалисты–профессионалы в области подготовки и развития персонала», 4416 «Работники по ведению кадровой документации» согласно Общегосударственного классификатора Республики Беларусь «Занятия» (ОКРБ 014-2017). Анализируемая база данных формировалась по

авторской методике извлечения, очистки, классификации и анализа информации с онлайн-источников по поиску работы с применением технологий Big Data и искусственного интеллекта [5]. При этом исследовались 1159 компетенций, извлеченных из текста вакансий, открытых на цифровых площадках по поиску работы с января 2021 года по июль 2022 года включительно и собранных агрегатором Belmeta.com.

Затем с помощью технологий искусственного интеллекта полученные компетенции объединялись в группы и систематизировались по международному классификатору ESCO (European Skills/Competences, Qualifications and Occupations), с которым гармонизирован Общегосударственный классификатор Республики Беларусь «Занятия» (ОКРБ 014-2017). Для группировки компетенций специалистов кадровых служб применялся раздел классификатора ESCO «Навыки» (таблица 1). При этом учитывались компетенции, процентная доля которых в разрезе всех компетенций составляла не менее 0,7 %. Переменным, то есть навыкам специалистов кадровых служб, присваивалось кодовое значение (C_i). При этом соблюдалась иерархия компетенций по классификатору ESCO «Навыки».

Таблица 1 – Навыки специалистов кадровых служб организаций Республики Беларусь, востребованные рынком труда

Присвоенный код	Наименование компетенции	Частота, ед.	Процентная доля, %
C_1	Профессиональные компетенции специалиста кадровой службы, S		
C_2	Коммуникация, сотрудничество и творчество, S1:		
C_7	Работа в команде	9	1,4
C_8	Обучение и развитие персонала	10	1,6
C_9	Ведение деловой переписки	9	1,4
C_{10}	Управление HR брендом в социальных сетях	4	0,7
C_{11}	Умение коммуницировать	29	4,6
C_3	Информационные навыки, S2:		
C_{12}	Работа с большим объемом информации	8	1,2
C_4	Помощь и забота, S3:		
C_{13}	Адаптация персонала	6	0,9
C_5	Управленческие навыки, S4:		
C_{14}	Ведение деловой документации	146	23,1
C_{15}	Составление штатного расписания	53	8,4
C_{16}	Администрирование приема, перевода и увольнения сотрудников	27	4,2
C_6	Работа с компьютером, S5:		
C_{17}	Владение «1С: Предприятие 8. Зарплата и управление персоналом»	21	3,3
C_{18}	Владение офисными программами (Microsoft office)	78	12,4
C_{19}	Автоматизация кадрового документооборота	8	1,2

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе Belmeta.com по состоянию на 01.08.2022

Затем из компетенций, выявленных по данным вакансий, формировалась структурная матрица смежности A ($A = [a_{ij}]_{19 \times 19}$), описывающая взаимодействия каждой переменной с другими, что позволило выявить контекстные связи между ними (таблица 2). При этом данные о взаимодействии конвертировались в бинарные значения 0 и 1.

Отметим, что a_{ij} в матрице A отражает взаимодействие переменных C_i и C_j .

Если $a_{ij} = 1$ и $i \neq j$, то C_i оказывает прямое влияние на C_j .

Если $a_{ij} = 0$ и $i \neq j$, то C_i не оказывает прямое влияние на C_j .

Таблица 2 – Структурная матрица смежности компетенций А

	C ₁	C ₂	C ₃	C ₄	C ₅	C ₆	C ₇	C ₈	C ₉	C ₁₀	C ₁₁	C ₁₂	C ₁₃	C ₁₄	C ₁₅	C ₁₆	C ₁₇	C ₁₈	C ₁₉
C ₁	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₂	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₃	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₄	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₅	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₆	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₇	0	1	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
C ₈	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₉	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₁₀	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₁₁	0	1	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0
C ₁₂	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
C ₁₃	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
C ₁₄	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1
C ₁₅	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₁₆	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
C ₁₇	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1
C ₁₈	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1
C ₁₉	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Примечание – Источник: Собственная разработка

Затем строилась матрица достижимости М (таблица 3). Ее значения определялись с помощью Булевых операций.

Таблица 3 – Матрица достижимости компетенций М

	C ₁	C ₂	C ₃	C ₄	C ₅	C ₆	C ₇	C ₈	C ₉	C ₁₀	C ₁₁	C ₁₂	C ₁₃	C ₁₄	C ₁₅	C ₁₆	C ₁₇	C ₁₈	C ₁₉
C ₁	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₂	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₃	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₄	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₅	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₆	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₇	1	1	0	1	0	1	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1
C ₈	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₉	1	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₁₀	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
C ₁₁	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	0	0	1	0	0	1
C ₁₂	1	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1
C ₁₃	1	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1
C ₁₄	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	0	1
C ₁₅	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
C ₁₆	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1
C ₁₇	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	0	1
C ₁₈	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	1	1
C ₁₉	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1

Примечание – Источник: Собственная разработка

По данным матрицы достижимости М, формировался достижимый и расширенный набор компетенций. При этом осуществлялось распределение переменных (компетенций) по уровням. Для этого матрица достижимости преобразовывалась с помощью итерационного метода с использованием элементарных концепций теории множеств. При этом преобразования выполнялись в соответствии с классическими правилами итерации. Все переменные, включенные в матрицу достижимости М, проверялись на соответствие равенству:

$$R(C_i) \wedge A(C_i) = R(C_i).$$

В случае совпадения компетенции относились к высшему уровню иерархии (уровень L_1) и исключались из дальнейших расчетов. Подобная операция повторялась до определения позиции каждой компетенции.

В столбце $R(C_i)$ таблицы 4 приводится достижимая комбинация всех элементов равных 1 в строке C_i . В столбце $A(C_i)$ представлена расширенная комбинация всех элементов равных 1 в строке C_i матрицы M .

Таблица 4 – Достижимый и расширенный набор компетенций в матрице достижимости M

	$R(C_i)$	$A(C_i)$	$R(C_i) \wedge A(C_i)$
C_1	C_1	$C_1, C_2, C_3, C_4, C_5, C_6, C_7, C_8, C_9, C_{10}, C_{11}, C_{12}, C_{13}, C_{14}, C_{15}, C_{16}, C_{17}, C_{18}, C_{19}$	C_1
C_2	C_1, C_2	$C_2, C_7, C_8, C_9, C_{10}, C_{11}$	C_2
C_3	C_1, C_3	C_3, C_{12}	C_3
C_4	C_1, C_4	C_4, C_7, C_{11}, C_{13}	C_4
C_5	C_1, C_5	$C_5, C_{11}, C_{14}, C_{15}, C_{16}, C_{17}, C_{18}$	C_5
C_6	C_1, C_6	$C_6, C_7, C_{11}, C_{12}, C_{13}, C_{14}, C_{16}, C_{17}, C_{18}, C_{19}$	C_6
C_7	$C_1, C_2, C_4, C_6, C_7, C_8, C_9, C_{13}, C_{19}$	C_7, C_{11}	C_7
C_8	C_1, C_2, C_8	C_7, C_8, C_{11}	C_8
C_9	C_1, C_2, C_9	C_7, C_9, C_{11}	C_9
C_{10}	C_1, C_2, C_{10}	C_{10}, C_{11}	C_{10}
C_{11}	$C_1, C_2, C_4, C_5, C_6, C_7, C_8, C_9, C_{10}, C_{11}, C_{13}, C_{16}, C_{19}$	C_{11}	C_{11}
C_{12}	$C_1, C_3, C_6, C_{12}, C_{19}$	C_{12}	C_{12}
C_{13}	$C_1, C_4, C_6, C_{13}, C_{19}$	C_7, C_{11}, C_{13}	C_{13}
C_{14}	$C_1, C_5, C_6, C_{14}, C_{15}, C_{16}, C_{19}$	C_{14}, C_{17}, C_{18}	C_{14}
C_{15}	C_1, C_5, C_{15}	$C_{14}, C_{15}, C_{17}, C_{18}$	C_{15}
C_{16}	$C_1, C_5, C_6, C_{16}, C_{19}$	$C_{11}, C_{14}, C_{16}, C_{17}, C_{18}$	C_{16}
C_{17}	$C_1, C_5, C_6, C_{14}, C_{15}, C_{16}, C_{17}, C_{19}$	C_{17}	C_{17}
C_{18}	$C_1, C_5, C_6, C_{14}, C_{15}, C_{16}, C_{18}, C_{19}$	C_{18}	C_{18}
C_{19}	C_1, C_6, C_{19}	$C_7, C_{11}, C_{12}, C_{13}, C_{14}, C_{16}, C_{17}, C_{18}, C_{19}$	C_{19}

Примечание – Источник: Собственная разработка

По условию $R(C_i) \wedge A(C_i) = R(C_i)$ получен набор компетенций самого высокого уровня L_1 . В нашем случае, $L_1 = \{C_1\}$. Далее из матрицы M удалялась строка и столбец C_1 , образуя матрицу M' . Достижимый и расширенный набор компетенций в матрице достижимости M' отражен в таблице 5.

Таблица 5 – Достижимый и расширенный набор компетенций в матрице достижимости M'

	$R(C_i)$	$A(C_i)$	$R(C_i) \wedge A(C_i)$
C_2	C_2	$C_2, C_7, C_8, C_9, C_{10}, C_{11}$	C_2
C_3	C_3	C_3, C_{12}	C_3
C_4	C_4	C_4, C_7, C_{11}, C_{13}	C_4
C_5	C_5	$C_5, C_{11}, C_{14}, C_{15}, C_{16}, C_{17}, C_{18}$	C_5
C_6	C_6	$C_6, C_7, C_{11}, C_{12}, C_{13}, C_{14}, C_{16}, C_{17}, C_{18}, C_{19}$	C_6
C_7	$C_2, C_4, C_6, C_7, C_8, C_9, C_{13}, C_{19}$	C_7, C_{11}	C_7
C_8	C_2, C_8	C_7, C_8, C_{11}	C_8
C_9	C_2, C_9	C_7, C_9, C_{11}	C_9
C_{10}	C_2, C_{10}	C_{10}, C_{11}	C_{10}
C_{11}	$C_2, C_4, C_5, C_6, C_7, C_8, C_9, C_{10}, C_{11}, C_{13}, C_{16}, C_{19}$	C_{11}	C_{11}
C_{12}	C_3, C_6, C_{12}, C_{19}	C_{12}	C_{12}
C_{13}	C_4, C_6, C_{13}, C_{19}	C_7, C_{11}, C_{13}	C_{13}
C_{14}	$C_5, C_6, C_{14}, C_{15}, C_{16}, C_{19}$	C_{14}, C_{17}, C_{18}	C_{14}
C_{15}	C_5, C_{15}	$C_{14}, C_{15}, C_{17}, C_{18}$	C_{15}
C_{16}	C_5, C_6, C_{16}, C_{19}	$C_{11}, C_{14}, C_{16}, C_{17}, C_{18}$	C_{16}
C_{17}	$C_5, C_6, C_{14}, C_{15}, C_{16}, C_{17}, C_{19}$	C_{17}	C_{17}
C_{18}	$C_5, C_6, C_{14}, C_{15}, C_{16}, C_{18}, C_{19}$	C_{18}	C_{18}
C_{19}	C_6, C_{19}	$C_7, C_{11}, C_{12}, C_{13}, C_{14}, C_{16}, C_{17}, C_{18}, C_{19}$	C_{19}

Примечание – Источник: Собственная разработка

На основании данных таблицы 5 и равенства $R(C_i) \wedge A(C_i) = R(C_i)$ сформирован набор компетенций уровня L_2 : $L_2 = \{C_2, C_3, C_4, C_5, C_6\}$. Далее из матрицы M' удалялись строки и столбы C_2, C_3, C_4, C_5, C_6 . Аналогичным образом определялись элементы следующих уровней.

Таким образом, получен набор компетенций уровней L_3 - L_6 :

$L_3 = \{C_8, C_9, C_{10}, C_{15}, C_{19}\}$,

$L_4 = \{C_{12}, C_{13}, C_{16}\}$,

$L_5 = \{C_7, C_{14}\}$,

$L_6 = \{C_{11}, C_{17}, C_{18}\}$.

После того, как были определены уровни каждой компетенции, строилась коническая матрица (таблица 6) и направленный граф (рисунок 1), таким образом, формировалась итоговая модель ИСМ.

Таблица 6 – Коническая матрица компетенций HR-специалистов

Уровень	Код переменных, включенных в уровень	Содержание переменных
L_1 (верхний)	C_1	Профессиональные компетенции HR
L_2	C_2, C_3, C_4, C_5, C_6	Коммуникация, сотрудничество и творчество, информационные навыки, помощь и забота, управленческие навыки, работа с компьютером
L_3	$C_8, C_9, C_{10}, C_{15}, C_{19}$	Обучение и развитие персонала, ведение деловой переписки, управление HR брендом в социальных сетях, составление штатного расписания, автоматизация кадрового документооборота
L_4	C_{12}, C_{13}, C_{16}	Работа с большим объемом информации, адаптация персонала, администрирование приема, перевода и увольнения сотрудников
L_5	C_7, C_{14}	Работа в команде, ведение деловой документации
L_6	C_{11}, C_{17}, C_{18}	Умение коммуницировать, владение «1С: Предприятие 8. Зарплата и управление персоналом», владение офисными программами (Microsoft office)

Примечание – Источник: Собственная разработка

Направленный граф (рисунок 1) отражает взаимодействие навыков и визуализирует направления и последовательность курсов обучения профессиональным компетенциям HR-специалистов (траекторию обучения профессиональной компетентности HR-специалистов).

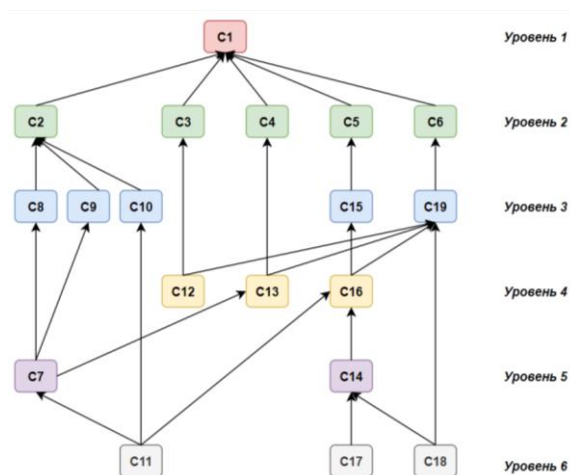

Рисунок 1 – Итоговая модель интерпретационного структурного моделирования взаимодействия компетенций HR-специалистов

Примечание – Источник: Собственная разработка

Анализ результатов проведенного исследования позволяет установить траекторию обучения профессиональной компетентности HR-специалистов и определить программу их обучения:

1. Возможно два пути развития профессиональных компетенций HR-специалистов, а именно:

- путем обучения техническим навыкам (с преобладанием «жестких» компетенций в программах обучения);
- путем обучения коммуникативным и деловым способностям (с преобладанием «мягких» компетенций).

2. Программа обучения и, соответственно, учебное заведение или обучающие курсы выбираются исходя из недостающих навыков специалистов («жестких» или «мягких»).

3. Для траектории технического обучения базовыми являются навыки «Работа с большим объемом информации» (C12), «Владение «1С: Предприятие 8. Зарплата и управление персоналом» (C17), «Владение офисными программами (Microsoft office)» (C18), поскольку они оказывают прямое или косвенное влияние на другие факторы на этом пути, но другие факторы не влияют на них.

При этом «Ведение деловой документации» (C14), «Составление штатного расписания» (C15), «Администрирование приема, перевода и увольнения сотрудников» (C16), «Автоматизация кадрового документооборота» (C19) являются критическими навыками, потому что играют связующую роль между предыдущими и последующими компетенциями. Техническим способностям HR-специалисты должны быть обучены в следующей последовательности:

- при полном курсе обучения (C17, C18) → C14 → (C12, C16) → (C15, C19) → (C3, C5, C6);
- при сокращенном курсе обучения (C17, C18) → C19 → C6.

4. При обучении коммуникативным и деловым способностям базовыми являются навыки «Умение коммуницировать» (C11) и «Работа с большим объемом информации» (C12), а «Работа в команде» (C7), «Обучение и развитие персонала» (C8), «Ведение деловой переписки» (C9), «Управление HR брендом в социальных сетях» (C10), «Адаптация персонала» (C13), «Администрирование приема, перевода и увольнения сотрудников» (C16) и «Автоматизация кадрового документооборота» (C19) являются критическими. В данный список включена компетенция «Автоматизация кадрового документа оборота» с учетом процессов цифровизации бизнес-процессов организации.

Деловые способности приобретаются специалистами в следующей последовательности:

- при полном курсе обучения $C_{11} \rightarrow C_7 \rightarrow (C_{12}, C_{13}, C_{16}) \rightarrow (C_8, C_9, C_{10}, C_{19}) \rightarrow (C_2, C_3, C_4, C_5, C_6)$;
- при сокращенном курсе обучения $C_{11} \rightarrow C_7 \rightarrow (C_8, C_9, C_{10}) \rightarrow C_2$.

Литература

1. Han, B. Construction of an engineering and technology practice system for professional graduate students based on ISM / B. Han, S. Bei, J. Zhao, L. Zhang and W. Cui // World Trans. on Engng. and Technol. Educ. – 2015. – № 13 (2). – P. 193–198.
2. Harary, F. Structural models: an introduction to the theory of directed graphs / F. Harary, R. Z. Norman, D. Cartwrite. – New York: Wiley, 1965. – 415 p.
3. Jharkharia, S. IT enablement of supply chains: understanding the barriers / S. Jharkharia, R. Shankar // Journal of Enterprise Information Management. – 2005. – № 18.1. – P. 11–27.
4. Interpreting the Interpretive Structural Model / Mandal // Global Journal of Flexible Systems Management, 2012. – № 13 (2). – P. 32–44.
5. Vankevich, A. Better understanding of the labour market using Big Data / A. Vankevich, I. Kalinouskaya // Ekonomia i pravo. Economics and law. – Vol. 20. – № 3 (2021) – P. 677-692.

УДК 331.1-043.86+004.738:339

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN RESOURCES IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Сидорчук Ирина Павловна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора по научно-методической работе,
Институт информационных технологий учреждения образования
«Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»
irina_sidorchuk@bsuir.by
Крысь Елена Геннадьевна,
магистр управления и права,
заведующий сектором научно-методической работы,
Института информационных технологий учреждения образования,
«Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»
krys_eg@bsuir.by
Sidorchuk Irina,
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Director for Scientific and Methodological Work,
Institute of Information Technologies of the educational Institution,
«Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics»
irina_sidorchuk@bsuir.by
Krys Elena,
Master of Management and Law,
Head of the sector of Scientific and methodological Work,
Institute of Information Technologies of the educational Institution
«Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics»
krys_eg@bsuir.by

Аннотация. Определяются подходы с учетом зарубежного опыта к развитию кадрового потенциала в условиях цифровой экономики. Обосновывается предложение о формировании общей цифровой грамотности населения, а также цифровых компетенций у руководите-

лей и специалистов. Подчеркивается актуальность цифрового развития от детей дошкольного возраста до людей зрелого возраста.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые технологии, образовательные программы, цифровые компетенции, цифровой разрыв.

Abstract. Approaches to the development of human resources in the digital economy are determined taking into account foreign experience. The proposal on the formation of general digital literacy of the population, as well as digital competencies of managers and specialists is substantiated. The relevance of digital development from preschool children to people of mature age is emphasized.

Keywords: digital economy, digital technologies, educational programs, digital competencies, digital divide.

Цифровые технологии стимулируют экономический рост, создают условия для комфортной жизнедеятельности, внедрения инноваций, влияют на социальный прогресс, повышают эффективность работы организаций, и в целом улучшают качество жизни людей. В цифровой формат переводятся промышленность, топливно-энергетический комплекс, сельское хозяйство, строительство, транспорт и логистика, финансовый сектор, здравоохранение и т.д.

Согласно данным исследования аналитиков International Data Corporation общие мировые затраты на технологии цифровой трансформации будут ежегодно расти на 16,8 %. The Boston Consulting Group прогнозирует, что объем цифровой экономики к 2035 году может достичь 16 трлн долларов США [1]. Цифровая экономика определяет направления формирования нового общества. В. П. Вишневский отмечает, что «его нельзя назвать ни постиндустриальным, ни неоиндустриальным. Оно вообще качественно иное – это «умный» киберфизический социум, в котором реализована идея интеграция «железа» и «цифры», основанная на искусственном интеллекте.» [2]. Эта интеграция определяет особенности индустрии 4.0, являющейся продуктом новой – четвертой – промышленной революции. Она основана на использовании киберфизических систем, воплощающих в жизнь совместную работу элементов кибернетического и физического пространств, организовывается связь и координация между вычислительными и физическими ресурсами [3].

В этих условиях появляется огромный спрос на миллионы новых рабочих мест, открываются огромные новые возможности для реализации потенциала и устремлений людей. Важное следствие текущей промышленной революции – изменение самого труда человека. Условием этого является постоянное интеллектуальное развитие человека, его знаний, умений и навыков. По мнению, К. Фрей и М. Осборна, в подавляющем большинстве случаев слияние цифровых, физических и биологических технологий будет способствовать усовершенствованию человеческого труда и когнитивной деятельности. Поэтому придется готовить кадровые ресурсы нового типа, развивать модели образования для нового вида работы, а также создавать взаимосвязанные и интеллектуальные машины с постоянно расширяющимися возможностями [4].

Статистические данные по Евросоюзу показывают, что до 51 % рабочих мест (что эквивалентно примерно 21 миллиону рабочих) потенциально может быть автоматизировано к 2030 году (в зависимости от состояния экономики, государственного регулирования и ситуации на рынке труда) с использованием технологии, которая уже сегодня существует [5]. В этой связи возникают проблемы на рынке труда, для решения которых необходимо переориентировать систему образования на создание рабочих мест завтрашнего дня.

Актуальным является формирование нового поколения работников, с новыми профессиональными качествами, позволяющими работать в условиях набирающей обороты цифровизации. Статистика показывает, что 90 % эффективных компаний инвестируют в улучшение цифровых навыков действующих и новых сотрудников [4]. Для того чтобы превратить новые возможности в реальность, во всем мире необходимы новые источники данных и инновационные подходы для понимания новых рабочих мест и навыков, и расширения возможностей для эф-

фективных и скоординированных крупномасштабных действий. Согласно мнению экспертов, новые профессии должны обеспечить к 2022 году до 2,4 миллиона рабочих мест [6].

Кроме того, низкий уровень цифровой грамотности; отсутствие образовательных программ и дисциплин по новым профессиям, таким как, например, специалист по блокчейну или разработчик больших данных, электронному бизнесу, или инженер-робототехник являются серьезными барьерами и могут быть отнесены к рискам и угрозам в сфере национальной безопасности.

Трактовка национальных интересов в экономической сфере определяется в Концепции национальной безопасности во взаимосвязи с источниками угроз. К числу внутренних источников угроз в этой сфере относятся:

«устаревшие технологии и основные средства, обуславливающие высокую энергоемкость и материалоемкость производства, низкое качество выпускаемой продукции;

отставание от других стран, прежде всего сопредельных, по темпам и качеству экономического роста;

структурная деформированность экономики, преобладание материало- и энергоемких производств, недостаточное развитие сферы услуг, невысокий удельный вес высокотехнологичной наукоемкой продукции и медленное обновление продукции;

низкий уровень самообеспечения сырьевыми и энергетическими ресурсами;

высокие административные барьеры для развития бизнеса, предпринимательской активности;

несбалансированность экономического развития, выражающаяся в росте совокупного потребления сверх реальных возможностей экономики;

неблагоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций и кредитов;

низкая диверсификация экспорта и импорта Республики Беларусь;

рост неплатежей в экономике вследствие дефицита собственных оборотных средств и высокого удельного веса убыточных субъектов хозяйствования» [7].

По мнению белорусских авторов, функционирование системы экономической безопасности в направлении повышения ее эффективности должно предполагать:

определение базовых угроз экономической безопасности;

определение специфических угроз экономической безопасности на каждом уровне;

разработку критериев экономической безопасности;

разработку стратегии и комплекса мер по формированию инструментариев, обеспечивающих защиту от вероятных угроз экономической безопасности на всех уровнях развития экономики. В свою очередь стратегия экономической безопасности включает ряд элементов социального, правового, финансового, экологического и кадрового характера, которые в совокупности образуют ее структуру и политику обеспечения экономической безопасности [8].

Однако процессы цифровизации обуславливают дополнительный системный анализ перечня угроз национальной безопасности в экономической сфере. В современном мире экономический рост на 90 % обеспечивается внедрением новых знаний и технологий, поэтому обеспечение лидирующих позиций в этой области, а также достижение цифровой трансформации процессов образования следует рассматривать через призму национальной безопасности и считать важнейшей задачей на долгосрочную перспективу. Следует также нивелировать риски «цифрового разрыва», возникающего из-за неравенства в доступе к цифровым технологиям» (digital divide), что также достигается посредством серьезных изменений в образовательной среде.

Представляют интерес подходы Российской Федерации (далее – РФ), обеспечивающие обучение руководителей и специалистов для работы в условиях цифровизации. Например, президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года утвержден Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее – Паспорт) [7]. Основной целью этой программы является создание условий для формирования рынка труда, обеспеченного квалифицированными и конкурентоспособными кадрами цифровой экономики через трансфор-

мацию всех уровней систем образования, внедрения программ переобучения в компаниях и ведомствах. Составной частью Паспорта является Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики». В нем установлены следующие целевые индикаторы:

«число принятых на программы высшего образования в сфере ИТ и по математическим специальностям – до 120 тысяч человек;

220 тыс. работающих специалистов, включая руководителей организаций и представителей органов исполнительной власти, прошли обучение по компетенциям цифровой экономики (начиная с 2019 по 31 декабря 2023 г.);

2 млн человек прошли обучение по онлайн программам развития цифровой грамотности (начиная с 2019 до конца 2020 г.);

100 тыс. человек принято на программы высшего образования в сфере информационных технологий до 31 октября 2023 г.;

созданы и функционируют 50 центров ускоренной подготовки специалистов совместно с компаниями цифровой экономики (начиная с 2020 по 31 декабря 2023 г.)» [9].

Достижения «азиатских тигров» также базируются на активном участии государства в информатизации страны. Например, Сингапура, который реализовал комплексный подход в развитии ИТ-сферы: обучение школьников, повышение ИТ-грамотности среди населения, внедрение цифровых решений для так называемых «жизненных моментов», использование умных технологий, инвестиции в исследования, поддержка стартапов, а также предприятий на стадиях экспансии (программы поддержки выхода на международные рынки), объединение их в отраслевые кластеры и др. меры.

Намерения Сингапура состоят в том, чтобы стать одной из первых стран в мире с развитой национальной информационной инфраструктурой, обеспечивающей связь компьютеров практически в каждом доме, школе или рабочем месте. Следует отметить, что инновационная модель Сингапура отличается преобладанием государственного сектора. Правительство осуществляет финансовую, техническую и иную поддержку участникам инновационной деятельности [10]. Правительство Сингапура активно формирует имидж государства, готового и способного выступить как сервисный и инфраструктурный «хаб» ИКТ не только регионального, но и глобального уровня [11, 12].

С учетом зарубежного опыта актуальна разработка и утверждение в республике специальной программы с условным названием «Кадры для цифровой Беларуси», в рамках которой можно предусмотреть обучение цифровой грамотности дошкольников, школьников, руководителей и специалистов, а также населения различных социальных и возрастных групп. Это позволит предпринять превентивные, дополнительные меры по обеспечению различных отраслей экономики компетентными кадрами, в том числе с учетом потребностей регионов. Наличие такой программы предоставит учреждениям образования не ограничиться точечными мерами, а разработать соответствующую стратегию и принять деятельное участие в продвижении идей цифровизации в сфере образования на практике. В рамках обучения необходимо обеспечить набор современных «цифровых технологий», в том числе таких как: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет вещей; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности, знание и использование которых позволяет разрешать задачи цифровизации экономики.

Это позволит выполнить показатели Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, в которой предусмотрено, что доля специалистов, ответственных за вопросы информатизации в государственных органах и организациях, прошедших обучение в сфере цифрового развития к 2025 году, должна составить 40 % [13]. Достигнутая определенность на государственном уровне в части соответствующих целевых показателей требует конкретных действий со стороны учреждений высшего образования в части разработки и реализации новых образовательных продуктов.

Полагаем, что образовательная деятельность по вопросам цифровизации должна затронуть все слои населения независимо от возраста и начинаться с дошкольников. Следует поддержать авторов, которые обосновывают цифровизацию дошкольной образовательной среды [14]. Главный тренд цифровой экономики состоит в том, что она затронет людей совершенно «нецифровых» профессий. К 2024 году через различные программы повышения цифровой грамотности, согласно мнению экспертов, например, в РФ, должны пройти не менее 10 миллионов человек [15]. Не случайно «пожизненность» обучения (оно начинается в очень раннем возрасте, продолжается в течение всего периода зрелости и не завершается даже в пожилом возрасте) относится к основным трендам будущей системы образования [16].

Цифровая грамотность может формироваться путем приобретения знаний и навыков в сфере общих подходов по цифровизации: базовые понятия, концепции, направления, новые технологии, преимущества цифровизации и т.д. В рамках общих подходов повышения цифровой грамотности, например, руководящих работников и специалистов государственных органов и организаций по вопросам цифровизации могут быть востребованы такие темы как: современные ИКТ и цифровая трансформация общества; основы информационной безопасности; инфраструктурные технологии систем больших данных; ИТ-системы и профессиональная деятельность и др.

Второе направление – это развитие цифровых компетенций с учетом особенностей цифровизации в зависимости от отрасли экономики (промышленность, связь, образование, здравоохранение и т.д.) или выполняемых отдельных должностных функций, например, аналитическая работа с использованием информационно-коммуникационных технологий. В целях формирования практических знаний, умений и навыков в сфере цифровизации руководящих работников и специалистов предлагается использовать образовательные программы повышения квалификации, переподготовки, стажировки.

Актуально также проработать вопрос с учетом опыта РФ о подготовке лидеров цифровой трансформации (chief digital transformation officer; CDTO). CDTO – это человек со стратегическим видением: как и зачем внедрять цифровые технологии, какие изменения необходимы, чтобы цифровая трансформация началась и успешно продолжалась. Ему придется внедрять много изменений, убеждать и вдохновлять людей. Лидер цифровой трансформации должен разбираться в данных и технологиях, чтобы быть эффективным заказчиком решений и программного обеспечения [17].

При разработке тематики семинаров, образовательных программ повышения квалификации и образовательных стандартов специальностей переподготовки следует учитывать, как потребности в обучении, так и набор цифровых компетенций, необходимых для работы и жизни в условиях цифровизации, в том числе работа с большими данными; использование знания нейротехнологии и искусственного интеллекта; системы распределенного реестра; квантовых технологий, новых производственных технологий; промышленного интернета вещей; компонентов робототехники и сенсорики; технологий беспроводной связи; технологий виртуальной и дополненной реальностей.

Таким образом, цифровизация диктует новые условия для работы в различных отраслях экономики и соответственно требует новых знаний, усвоение которых позволит сформировать цифровые компетенции, и обеспечить готовность кадрового потенциала к использованию цифровых технологий. Решение этой задачи взаимосвязано с реформированием системы образования и восприятием «цифрового разрыва» и «цифрового неравенства» как внутренних источников угроз национальным интересам.

Литература

1. Цифровизация: история, перспективы, цифровые экономики России и мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.up-pro.ru/library/strategy/tendencii/cyfrovizaciya-trend.html>. – Дата доступа: 12.08.2022.
2. Вишневский, В. П. Цифровая экономика в условиях четвертой промышленной революции: возможности и ограничения [Электронный ресурс] / Вестник СПбГУ. Экономика. –

2019. – Т. 35. Вып. 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-v-usloviyah-chetvertoy-promyshlennoy-revolyuitsii-vozmozhnosti-i-ogranicheniya?ysclid=16q1hh8x9n395960779>. – Дата доступа: 12.08.2022.

3. Маслов, В. И., Лукьянов, И. В. Четвертая промышленная революция: истоки и последствия [Электронный ресурс] // Вестн. Моск. ун-та., Сер. 27. Глобалистика и геополитика. – 2017. – № 2/ – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chetvertaya-promyshlennaya-revolyuitsiya-istoki-i-posledstviya?ysclid=16p2jnckxo101199021>. – Дата доступа: 11.08.2022.

4. Дадалко В. А., Соловкина, Е. Д. Компетенции для цифровой экономики и трансформация образовательной системы в условиях IV экономического уклада [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsii-dlya-tsifrovoy-ekonomiki-i-transformatsiya-obrazovatelnoy-sistemy-v-usloviyah-vi-ekonomicheskogo-uklada?ysclid=16q6tc9af7487529982>. – Дата доступа: 12.08.2022.

5. Graham M, Hjorth I and Lehdonvirta V. Digital labour and development: Impacts of global digital labour platforms and the gig economy on worker livelihoods. *Transfer: European Review of Labour and Research*, 2017. – 23 (2) – P. 135-162.

6. Рабочие места завтрашнего дня. Отображение возможностей в Новой экономике [Электронный ресурс] / – Режим доступа: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Jobs_of_Tomorrow_2020.pdf. – Дата доступа: 12.08.2022.

7. Об утверждении Концепции национальной Безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г. № 575 // Эталон Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

8. Экономическая безопасность: теория, методология, практика / под науч. ред. Никищенко П. Г., Булавко В. Г. // Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2009. – 394 с.

9. Паспорт национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. N 16) [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://rulaws.ru/acts/Pasport-natsionalnoy-programmy/>. – Дата доступа: 12.08.2022.

10. Кирилина, Е. Р. Особенности инновационной модели Сингапура [Электронный ресурс] // Е. Р. Кирилина/ Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XX/ <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-innovatsionnoy-modeli-singapura?>. – Дата доступа: 06.05.2022.

11. Попова М. Сингапур строит «Электронное правительство 2.0» на iPhone и Android [Электронный ресурс] // CNews. Новости, 2011. – Режим доступа: <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2011/06/20/444561>. – Дата доступа: 06.05.2022.

12. Садовская К. Как Сингапуру удалось создать электронное правительство и выбиться в ИТ-лидеры [Электронный ресурс] // МФЦ РФ. Статьи. Обзор статей. Мировой опыт, 10.11.2011. - Режим доступа: <http://мфц.рф/articles/672/>. – Дата доступа: 06.05.2022.

13. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь 2 февраля 2021 № 66 // Эталон Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

14. Литвинова С. Н., Чельшева Ю. В. Цифровая трансформация образовательной среды дошкольной образовательной организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-obrazovatelnoy-sredy-doshkolnoy-obrazovatelnoy-organizatsii?ysclid=16vyg0qu4n447525565>. – Дата доступа: 12.08.2022.

15. Кадры в эпоху цифровой экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191230/1562653998.html>. – Дата доступа: 12.08.2022.

16. Мехдиев Ш. З. Формирование системы квалифицированных кадров в условиях цифровой экономики // Вестник Евразийской науки, 2018. – № 6. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/17ECVN618.pdf>. – Дата доступа: 12.08.2022.

17. Кто такие руководители цифровой трансформации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /https://rg.ru/2020/01/23/kto-takie-rukovoditeli-cifrovoj-transformacii.html. – Дата доступа: 12.08.2022.

УДК 314.93

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
КАПИТАЛА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ БЕЛАРУСИ
SOCIAL FACTORS OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT MANAGEMENT
IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF BELARUS**

Тетеринец Татьяна Анатольевна,
кандидат экономических наук, доцент
заведующий научно-организационным отделом,
Институт экономики НАН Беларуси
talad79@mail.ru

Tsetsiarynets Tatsiana,
PhD, Associate Professor,
Head of Scientific and Organizational Department,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
talad79@mail.ru

Аннотация. В статье изучены теоретико-методологические аспекты влияния социальной инфраструктуры сельских территорий на формирование и развитие человеческого капитала в аграрном секторе. Проведен ретроспективный анализ результатов реализации государственных программ, способствующих развитию белорусского села. Отмечается необходимость цифровой трансформации сельских территорий, выявлены основные трудности реализации отмеченных преобразований.

Ключевые слова: человеческий капитал, аграрная сфера, социальная инфраструктура, принципы, государственные программы.

Abstract. The theoretical and methodological aspects of the influence of social infrastructure of rural areas on the formation and development of human capital in the agrarian sector are studied in the article. A retrospective analysis of the results of the implementation of state programs that contribute to the development of the Belarusian village was carried out. The necessity of digital transformation of rural areas is noted and the main difficulties of implementing such transformations are identified.

Keywords: human capital, agrarian sphere, social infrastructure, principles, state programs.

В современном мире человеческий капитала выступает основным драйвером экономического роста, предопределяя не только направления развития экономики, отраслей и организаций, но и формируя базис последующих прогрессивных трансформаций. Изучение литературных источников способствовало определению основных факторов, оказывающих непосредственное влияние на формирование и развитие человеческого капитала в аграрном секторе [1-2]. Их системный анализ позволил выделить следующие группы: социально-демографическая, институциональная, интеграционная, социально-ментальная, экологическая, экономическая, производственная, демографическая, социально-экономическая. Одними из наиболее важных факторов, определяющих интенсивность приращения человеческого капитала, являются социальные, в которых главенствующая роль принадлежит сложившейся инфраструктуре. Особую значимость это приобретает в разрезе сельских территорий, состояние и уровень развития которых существенно отличается от условий жизнедеятельности в городах.

Как отмечает Н. П. Кузьмич, «Социальная инфраструктура села – это общественная материально-техническая база, направленная на формирование условий для эффективного функционирования сельского населения и формирующая достойный уровень и качество жизни человека в регионе и стране» [3]. Национальное и региональное регулирование социальной сферы связано с реализацией программ, обеспечивающих занятость, помощь отдельным социальным группам, обеспечение доступности и равных возможностей граждан в социальной сфере: образовании, здравоохранении, культуре, а также наличие социального страхования. Для ее проведения требуются значительные материальные ресурсы и наличие развитой инфраструктуры. Важную роль играет жилищно-коммунальное хозяйство, пассажирский транспорт, связь, розничная торговля, газификация, бытовое обслуживание. Достижение этих параметров во многом обусловлено проводимой государственной политикой, ориентированной на развитие аграрного сектора белорусской экономики и его инфраструктурных элементов. Ее практическая реализация осуществлялась в рамках государственных программ:

— Государственной программы реформирования АПК Республики Беларусь на 1996–2000 годы, ориентированной на переход к новым рыночным условиям функционирования субъектов хозяйствования вследствие трансформации командно-административной системы управления [4];

— Государственной программы совершенствования АПК Республики Беларусь на 2001–2005 годы, нацеленной на перманентное повышение эффективности агропромышленного производства и обеспечение высокого уровня продовольственной безопасности страны [5-6];

— Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы, основывающейся на приоритетности социально-экономического развития сельских населенных пунктов, повышения эффективности использования инвестиционных ресурсов; увеличении уровня благосостояния местного населения, улучшении экологического состояния агропромышленных территорий и производства [7];

— Государственной программы устойчивого развития села на 2011–2015 годы, являющейся логическим продолжением предыдущей программы и предусматривающей закрепление и дальнейшее развитие показателей экономической эффективности аграрного сектора, наращивание его экспортного потенциала, сокращение межотраслевой миграции сельского населения, рост уровня его доходов, модернизацию социальной инфраструктуры сельских территорий, повышение комфорта и престижности проживания в сельской местности [8];

— Государственной программы развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы, нацеленной на повышение конкурентоспособности аграрного сектора за счет повышения эффективности агропромышленного производства, расширения рынков сбыта сельскохозяйственной продукции; увеличение объемов поступления валютной выручки за счет расширения географии экспорта и номенклатуры сельскохозяйственной продукции; обеспечение белорусского населения продуктами питания высокого качества и в необходимом объеме [9-10];

— Комплексной программы развития социального обслуживания на 2011–2015 годы, ориентированной на удовлетворение потребностей населения в социальном обслуживании, посредством совершенствования мер и механизмов, обеспечивающих повышение качества информационных, образовательных, медицинских, психологических, правовых и бытовых услуг;

— Государственной программы «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы, которая «разработана в целях повышения экономической эффективности агропромышленного комплекса, развития конкурентоспособного и экологически безопасного сельского хозяйства, ориентированного на укрепление продовольственной безопасности Республики Беларусь, обеспечения полноценного питания и здорового образа жизни населения, сохранения и развития сельской местности» [11].

Следует отметить, что вопросы устойчивого развития аграрного сектора, благосостояния сельского населения, их социальной защиты, экологизации и модернизации сельских территорий нашли отражение также в перечне программных документов на 2021–2025 годы: Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года, Государственной программы «Социальная защита», Государственной программы «Здоровье народа и демографиче-

ская безопасность», Государственной программы «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» и др. [12].

Реализация программ предыдущих периодов и мер государственной поддержки аграрного сектора способствовала достижению определенных успехов в развитии сельских территорий. Как отмечают белорусские эксперты, наиболее эффективной в этом направлении явилась Государственная программа возрождения и развития села в период 2005–2010 годы, которая наряду с региональными стратегиями различного уровня к настоящему времени обеспечила создание более полутора тысяч агрогородков. Последние отличаются наличием эффективной производственной, транспортной и социальной инфраструктуры, прогрессивным коммуникационным сообщением, доступностью объектов торгового, медицинского, образовательного и культурного назначения.

Рассматривая вопрос социального развития сельских территорий, следует обратить внимание на то, что приоритетная роль в решении данного вопроса должна принадлежать организациям агропромышленного комплекса, ведущим соевой бизнес на сельских территориях. Традиционно основной сферой вложений предприятий является капитал производственных отраслей и инфраструктуры. Вместе с тем, одной из особенностей сельского хозяйства является его удаленность от крупных населенных пунктов, которые могут предоставить все социальные услуги населению. Поэтому для привлечения рабочей силы, особенно высококвалифицированной, формирования человеческого капитала в сельхозорганизациях, возникает необходимость делать вложения в социальную сферу. Конечно, большую часть социальных объектов содержит государство (школы, ФАПы, дошкольные учреждения и т. п.), но и организации не должны оставаться в стороне, занимаясь, например, формированием жилого фонда, предоставлением коммунальных услуг, строительством спортивных и других объектов, способных разнообразить досуг своих работников и остального населения.

Одним из основополагающих направлений решения этого вопроса является расширение экономического пространства преломления человеческого капитала. Принимая во внимание факт географической привязки деятельности людей, обусловленной спецификой сельскохозяйственного производства, локация социальной инфраструктуры должна быть ориентирована на своевременное, высококачественное удовлетворение запросов общества, учитывать гендерные особенности местного населения, инновационную ориентацию организации и управления аграрной деятельности (рисунок 1).

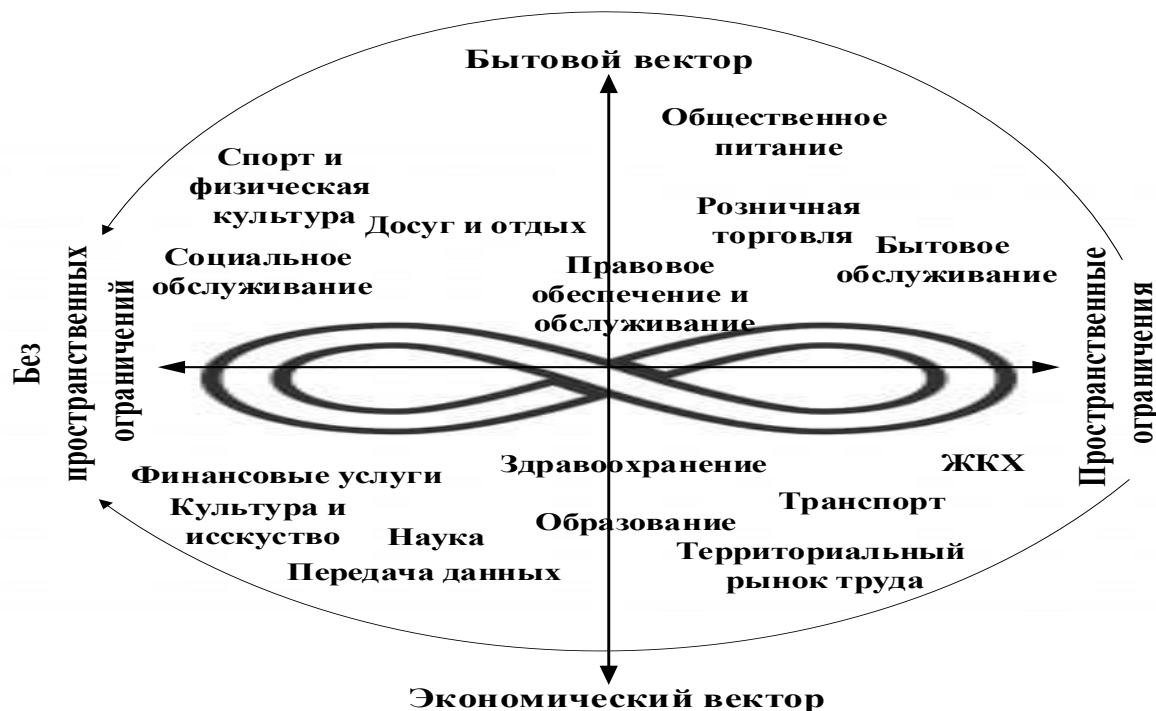

Рисунок 1 – Социальная инфраструктура сельских территорий
Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [13-14]

Следует отметить некоторую условность выделения бытового и экономического направлений социальной инфраструктуры сельских территорий. Их назначение, в большей степени, проявляется спектром преломления проводимых исследований. Научный интерес представляет ее пространственная ориентация с позиции расширения территориальных границ. В соответствии с этим, необходимо создание условий, направленных на активизацию социализации сельских предпринимателей, направленных на их взаимодействие с органами государственного управления. Механизм такого взаимодействия должен базироваться на использовании следующих принципов: достижение взаимной согласованности, агробизнеса, сельского социума в отношении приоритетных направлений стратегии развития агропромышленного комплекса. Весьма важным является участие агропромышленных предпринимательских структур в социально-экономической жизни местного сельского сообщества посредством развития и продвижения института государственно-частного партнерства, в контекст разработки и реализации целевых программ и принятия управленческих решений [15].

Внедрение цифровых технологий в сфере социальной поддержки требует повышения цифровой грамотности граждан, обеспечения их прав в цифровой среде, сохранности персональных данных и дальнейшей проработки нормативно-правовой базы, сопровождающей и обеспечивающей процессы цифровизации. Исходя из этого, магистральным направлением цифровизации социальной инфраструктуры аграрного сектора выступает нейтрализация вектора пространственной ориентации и переориентация локальных социальных объектов в информационную безграничную среду. Активизация этого процесса наталкивается на ряд трудностей технологического, технического, правового и институционального характера:

— недостаточность покрытия сетями передачи данных существенно снижает технический задел продвижения «умного» аграрного сектора, объекты социальной инфраструктуры которого обеспечивают формирование и развитие его основной движущей силы – человеческого капитала;

— низкий уровень информатизации научно-образовательной сферы лимитирует продвижение существующих разработок в сфере цифровых технологий, а также ограничивает их распространение и продвижение вследствие недостаточности либо отсутствия исходной информации об их наличии, сферах применения и т.д.;

— дефицит пилотных проектов в области цифровизации социальной инфраструктуры сельских территорий, комплексная реализация которых позволяет апробировать внедрение IT-технологий на практике, определить проблемные зоны, оценить применимость, эффект с целью последующего воплощения технологий модельно-ориентированной цифровизации сельских территорий;

— дискретность государственного регулирования процесса цифровизации аграрного сектора, сельских территорий и их социальной инфраструктуры, что выражается недостаточной освещенностью этих вопросов в действующих нормативных-правовых документах. В частности, Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы» ориентирована на «масштабирование путем адаптации и внедрения региональной государственной типовой цифровой платформы «Умный город (регион)» в первую очередь в областных центрах и городах с численностью населения свыше 80 тыс. человек». Исходя из этого, возникает предположение, что предлагаемые направления цифровизации образовательного и здравоохранительного секторов экономики будут слабо формализованы в разрезе сельских территорий;

— низкая маржинальность инвестиционных проектов, обусловленная их социальной направленностью, в совокупности с неразвитостью механизмов государственно-частного партнерства в сфере цифровых технологий существенно ограничивает формирование современной мультисканальной инфраструктуры [16].

Выявленные риски цифровой трансформации социальной инфраструктуры сельских территорий не должны выступать сдерживающим фактором информационных преобразований. Понимание потенциальных угроз должно способствовать формированию адаптивных систем перехода и обеспечивать расширение горизонтальной и вертикальной инклюзии местного населения. Системность и непрерывность поэтапного внедрения информационных технологий в повседневную

и профессиональную деятельность местных жителей будет способствовать активизации процесса рурализации отечественной экономики.

Качество жизни населения оценивается совокупностью показателей, характеризующих материальное, социальное, физическое, культурное и духовное благосостояние населения. Проведение любой политики, в том числе и социальной, реализация разработанных механизмов должны быть в обязательном порядке оценены. О результатах социальной политики можно судить по уровню и качеству жизни населения. Наиболее распространенным является определение уровня жизни как соотношение уровня доходов населения и стоимости жизни. В дополнение к этому могут быть использованы такие интегральные индикаторы, как реальная заработная плата, реальные доходы населения, доходы от вторичной занятости и другие. Среди частных можно выделить потребление отдельных товаров и услуг, обеспеченность товарами длительного пользования, жилищем, коммунально-бытовыми удобствами. В мировой практике используются три основных индикатора: индекс человеческого развития, индекс интеллектуального потенциала общества, коэффициент жизнеспособности населения. Для его характеристики можно использовать дополнительно частные индикаторы, такие как социально-демографические, экономическая активность населения, социальная напряженность, развитие социальной сферы и экологическая ситуация [16].

Таким образом, для успешного развития сельских территорий необходимо разрабатывать и реализовать на практике систему социальных механизмов, в основе которых должны лежать федеральные и региональные программы развития АПК и социальной сферы региона. Сельские товаропроизводители также должны принимать активное участие в решении социальных проблем, так как развитая социальная инфраструктура является одним из условий формирования человеческого капитала на селе как в целом, так и в сельскохозяйственных организациях.

Литература

1. Бардиер, Г. Л. Социальные потребности и социальный капитал: аспекты личности и организации / Г. Л. Бардиер // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2019. – Т. 32. – № 2. – С. 22–30.
2. Анохина, М. Е. Условия формирования конкурентного потенциала отечественного АПК / М. Е. Анохина, Г. М. Зинчук, И. М. Правки // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 10-1. – С. 107–112.
3. Кузьмич, Н. П. Развитие социальной инфраструктуры сельских территорий региона в целях улучшения качества жизни населения / Н. П. Кузьмич // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Т. 9. – № 4 А. – С. 392–399.
4. Шпак, А. Важнейшие проблемы аграрной реформы на современном этапе / А. Шпак // Агроэкономика. – 1998. – № 3. – С. 7–8.
5. Шпак, А. П. Реформирование аграрного сектора экономики Республики Беларусь / А. П. Шпак // Реформирование АПК в регионах России: опыт и проблемы. – Орел. – 1998. – С. 230–234.
6. Гусаков, В. Г. Опыт реформирования предприятий АПК, выводы и предложения по его совершенствованию / В. Г. Гусаков, А. П. Шпак // Экономические вопросы развития сельского хозяйства Беларуси: межведомственный тематический сборник / Белорусский научно-исследовательский институт аграрной экономики. – Минск, 2001. – Вып. 29. – С. 3–17.
7. Котковец, Н. Как повысить отдачу средств государственной поддержки АПК / Н. Котковец, А. Шпак // Белорусская нива. – 2005. – 13 декабря. – С. 2.
8. Киреенко, Н. В. Развитие аграрного бизнеса в контексте обеспечения продовольственной безопасности Республики Беларусь / Н. В. Киреенко // Агропанорама. – 2020. – № 2. – С. 45–48.
9. Гусаков, В. Г. Агропромышленный комплекс Беларуси в условиях трансформационной экономики / В. Г. Гусаков, А. П. Шпак // Белорусский экономический журнал. – 2018. – № 4. – С. 54–64.
10. Яковчик, Н. С. Актуальные проблемы и перспективные направления развития сельских территорий Республики Беларусь / Н. С. Яковчик, Н. В. Киреенко, И. А. Войтко // Актуаль-

ные проблемы инновационного развития и кадрового обеспечения АПК : материалы VII Международ. науч.-практ. конф., Минск, 4–5 июня 2020 г. / ред.кол.: Н. С. Яковчик [и др.]. – Минск : БГАТУ, 2020. – С. 3–11.

11. Государственная программа развития аграрного бизнеса на 2021–2025 годы. [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://mshp.gov.by/programms/b81ab6f86bc5670a.html>. – Дата доступа: 23.06.2022.

12. Перечень государственных программ на 2021–2025 годы. [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/ru/gos-progr-2021-25-ru/>. – Дата доступа: 23.06.2022.

13. Шарифьянов, Т. Ф. Планирование социальной информационно-коммуникационной инфраструктуры региона на основе методов геомаркетинга / Т. Ф. Шарифьянов // Практический маркетинг. – 2017. – № 12 (250). – С. 29–34.

14. Chigbu, U. E. Ruralisation: a tool for rural transformation / U. E. Chigbu // *Development in Practice*. – 2015. – Vol. 25. – Issue 7. – Pp. 1067–1073. DOI:pdf/10.1080/09614524.2015.1071783.

15. Шевелева И. Н. Регулирование социальной сферы села – основа формирования человеческого капитала / Научно-техническое обеспечение агропромышленного комплекса в реализации Государственной программы развития сельского хозяйства до 2020 г.: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (18 – 19 апреля 2019 г.) / под общ. ред. д.с.-х.н., проф. Сухановой С.Ф. – Курган: Изд-во Курганской ГСХА, 2019 – С. 149 – 154.

16. Иовлев, Г. А. Роль цифровизации технического сервиса в повышении эффективности сельскохозяйственного производства / Г. А. Иовлев, М. К. Саакян, И. И. Голдина, А. Г. Несговоров // *Аграрное образование и наука*. – 2019. – № 2. – С. 8.

УДК 339.92

ОБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ ЕАЭС КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ THE EDUCATION IN THE EAEU COUNTRIES AS A FACTOR OF INNOVATIVE DEVELOPMENT

Умарова Динара Темиржановна,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки РК
г. Астана, Республика Казахстан
udt.dinara@mail.ru

Umarova Dinara,
Candidate of Economic science, Leading researcher,
Institute of Economy of the Committee of Science,
for the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan
Astana, Republic of Kazakhstan
udt.dinara@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена фактору образования как одного из институциональных условий инновационного развития. Система образования составляет основу развития человеческого капитала, проведения НИОКР и разработки новых технологий. Задача исследования состоит в оценке системы образования и его потенциал в странах ЕАЭС. Методы исследования включают эмпирический способ, предусматривающий критический обзор литературы по вопросам инновационного развития и описательный способ, характеризующий состояние системы образования в странах ЕАЭС. Текущее состояние системы образования ЕАЭС является неустойчивой, а в отдельных странах не способствует инновационному прорыву. Недостатки системы образования и дефицит необходимых специалистов влияют на инновацион-

ные возможности и потенциал стран ЕАЭС. И одним из условий развития инноваций является обеспечение квалифицированных кадров, в том числе путем улучшения доступа к высшему образованию и увеличения объема расходов на образование и НИОКР.

Ключевые слова: инновации, НИОКР, образование, состояние, показатели.

Abstract. This article is devoted to education as one of the institutional conditions for innovative development. The education system forms the basis for the development of human capital, R&D and the development of new technologies. The objective of the study is to assess the education system in the EAEU countries and its potential. Research methods include an empirical method that provides for a critical review of the literature on innovative development and a descriptive way characterizing the state of the education system in the EAEU countries. The current state of the education system is unstable, in some countries it does not contribute to an innovative breakthrough. Shortcomings of the education system and lack of necessary specialists affect the innovative opportunities and potential of the EAEU countries. And condition for the development of innovations include provision of qualified personnel by improving access to higher education and increasing spending on education and R&D.

Keywords: innovation, R&P, education, condition, indicators

Статья подготовлена в рамках государственного задания при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК АР09259768 «Научно-технологическое пространство стран ЕАЭС: структура, механизмы развития, обеспечение экономических интересов Казахстана».

Инновации являются важным фактором экономического роста и международного лидерства [1]. И потенциал науки в продвижении экономического развития не ставится под сомнение. В Китае, к примеру, образование признано одним из важных ограничений ускорения инновационного потенциала городов [2]. Более того, анализ инновационной политики ряда азиатских стран (*Япония, Китай, Южная Корея, Малайзия, Таиланд, Индонезия, Индия и Бангладеш*) показывает, что для развития инновационной системы одним из необходимых условий являются расходы на НИОКР и человеческие ресурсы [3]. Инвестиции в НИОКР объясняют различия в общих темпах роста производительности факторов производства до 75 %. Для развитых стран социальные показатели отдачи от НИОКР оцениваются в 40 % и более [4].

Система образования составляет основу развития человеческого капитала, проведения НИОКР и разработки новых технологий. Согласно опыту инновационной политики стран АСЕАН, университеты играют ключевую роль в сотрудничестве и обмене знаний [5]. Многие университеты Западной Европы и США активно участвуют в передаче технологий, создании стартапов и осуществлении инновационной деятельности [6]. Вместе с тем, для университетов развивающихся стран характерны такие недостатки, как низкая коммерциализация технологий, отставание числа патентов от числа публикаций, отсутствие предпринимательской культуры, недостаток знаний и технологий, требуемых со стороны бизнеса [7]. Система образования оценивается по широкому кругу показателей, включая государственные расходы на образование; расходы на НИОКР; уровень грамотности; качество образования; знание иностранных языков; качество преподавания и обучения. Также внимание уделяется индивидуальным характеристикам исследователей: демографические (возраст, пол); образование (ученая степень) и академическая репутация. В частности, утверждается, что ученые молодого возраста и женского пола склонны устанавливать взаимодействие между университетами и промышленностью [1]. Цитирование научных статей считается лучшим индикатором конкретного исследовательского влияния, нежели наличие самих публикаций [8].

В Глобальном индексе инноваций (далее по тексту ГИИ) 2021 года рассмотрены 132 страны, классифицированные на 4 группы. Рейтинги стран ЕАЭС в ГИИ приведены в таблице 1, в том числе в разрезе субиндексов и отдельных групп показателей. Из таблицы 1 следует, что в целом по рейтингу среди стран ЕАЭС лидирует Российская Федерация. В частности, по показателям «образование», «высшее образование», «влияние знаний» и «распространение знаний» на производство знаний и технологий среди стран ЕАЭС лидирует Республика Беларусь, занимая

16, 7, 16 и 34 позиции, соответственно [9]. Более того, в 2020 году индекс человеческого развития равный 0,7 был наиболее высокий в Республике Беларусь. Данный индекс является наиболее широко используемой альтернативой показателю ВВП на душу населения, поскольку лучше отражает распределение доходов и социальное равенство в обществе.

Таблица 1 – Рейтинг стран ЕАЭС в Глобальном индексе инноваций 2021

		Россия	Беларусь	Армения	Казахстан	Кыргызстан
	Рейтинг	45	62	69	79	98
	Субиндекс Инновационный вклад					
1.	Показатель: Человеческий капитал и исследования	29	38	94	66	70
	Образование	40	16	98	78	17
	Высшее образование	14	7	82	48	78
	НИОКР	32	64	103	54	111
	Субиндекс Инновационный результат					
2.	Показатель: Производство знаний и технологий	48	37	64	86	102
	Создание знаний	26	61	53	66	76
	Влияние знаний	68	16	94	110	115
	Распространение знаний	68	34	50	91	97

Примечание – Источник: Собственная разработка

Согласно данным Евразийской экономической комиссии, в 2020 году по сравнению с 2007 годом численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в ЕАЭС уменьшилась на 14 %, в том числе исследователей на 9,63 %. В разрезе стран численность исследователей сократилась в Армении на 21,5 %, в Белоруссии на 12,1 %, в России на 11,8 %. И, наоборот, увеличение числа исследователей отмечается в Казахстане на 58,2 % и в Кыргызстане на 74,1 %. В анализируемом периоде сумма внутренних затрат на научные исследования и разработки в ЕАЭС снизилась на 11,26 %, в том числе в Беларуси на 24,6 %, в Казахстане на 1,54 % и в Кыргызстане на 21,51 %. Наряду с этим, данные затраты увеличились в Армении на 50,19 % и в России на 12,5 %. Также, в анализируемый период число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, в ЕАЭС увеличились на 6,99 %, в том числе в Беларуси на 32,65 %, в России на 5,51 %. При этом, число данных организаций сократилось в Армении на 26,97 %, в Казахстане на 9,59 % и в Кыргызстане на 26 % (в сравнении с 2008 годом).

Более того, в странах ЕАЭС при доминирующей доле выпускников государственных организаций высшего образования (80 %), доля обучающихся на платной основе превышает 50 % (таблица 2). В разрезе стран, при одинаковой численности населения в возрасте 15–29 лет заметен контраст в показателях Республики Беларусь и Республики Кыргызстан. В частности, уровень профессионального образования населения в возрасте 15 лет и старше в Республике Беларусь в два раза превышает показатели по Республике Кыргызстан. Показатели доли безработных с высшим образованием в Республике Казахстан свидетельствуют о существенном дисбалансе на рынке труда. Кроме того, это также объясняет слабую 110-ю позицию Казахстана в показателе «влияния знаний» на производство знаний и технологий.

Таблица 2 – Отдельные показатели образования стран ЕАЭС

	Россия	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Армения
Численность населения в возрасте 15-29 лет в 2015–2019 гг., в млн человек	24,3	1,6	3,9	1,6	0,6
Доля населения в возрасте 15 лет и старше, имеющее профессиональное образование, %	60	59	47	25	43
Доля занятых в образовании к общей численности занятых в 2019 г., %	9,5	10,4	12,6	9	9,5
Доля безработных с высшим образованием к общей численности безработных в 2019 г., %	21,4	16,9	33	24,7	25
Выпуск специалистов из организаций высшего					

	Россия	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Армения
профессионального образования в 2019 г., %					
государственные	88	93	37	87	89
негосударственные	12	7	63	13	11
Доля обучающихся в организациях высшего профессионального образования в 2019/2020 учебном году, %					
бесплатно	47	44	32	14	16
платно	53	56	68	86	84

Примечание – Источник: Собственная разработка

Россия обладает значительным инновационным потенциалом, высоким уровнем высшего образования, крупной научной базой и сильными позициями в отдельных областях науки и техники [10]. Наряду с этим, в SWOT-анализе инновационной системы России как одной из угроз указывается «российский парадокс», то есть, низкий уровень инновационных результатов по отношению к инновационным возможностям [11]. Расходы на НИОКР в 2020 году составили 1,10 % ВВП, самый высокий показатель среди стран ЕАЭС, но ниже уровня стран ОЭСР. Государством финансируются 2/3 общих расходов на НИОКР по сравнению с 1/3 в большинстве стран ОЭСР [10].

В исследовании Бобкова В. развития России за 20 лет социальный сектор науки характеризуется как слабый с устаревшими кадрами [12]. Более того, отмечаются снижение качества школьного образования, низкая оплата труда работников высшей квалификации, в том числе формирующих инновационный потенциал, ограничение возможности получения высшего профессионального образования, в том числе ввиду его платности. В 2011 году доля студентов университетов, обучающихся платно, составила 61,5 % [10]. Россия входит в группу стран-лидеров по тестам PIRLS (Прогресс в международном исследовании грамотности чтения) и TIMMS (Тенденции в международном исследовании математики и естественных наук), которые отражают хорошие академические результаты обучения. Вместе с тем, результаты России в PISA слабее, чем в большинстве стран ОЭСР. Только каждый пятый в России, в отличие от каждого третьего в среднем по ОЭСР, показывает лучшие результаты среди учащихся [10].

В обзоре ОЭСР в качестве других слабых сторон российской науки и образования отмечаются недостаточное количество научных статей в рецензируемых журналах, низкий уровень патентования, разрыв между наукой и образованием. Последнее в том, что только половина университетов занимается исследовательской деятельностью, и на ВУЗы приходится лишь 7 % общих расходов на НИОКР [10]. Недостаток работников необходимой квалификации и низкая зарплата являются основными причинами неуккомплектованности кадрами для 72 % и 41 % компаний, соответственно [10]. В 2012 году 79 % опрошенных предприятий отметили отсутствие сотрудничества с профессионально-техническими образовательными учреждениями и 59 % не начинали или не планировали расширять такое сотрудничество [10].

В Республике Беларусь расходы на НИОКР в 2020 году составили 0,55 % от ВВП. За период 2005–2017 гг. удельный вес докторов наук сократился на 11,6 % и составил 3,8 %. При этом удельный вес кандидатов наук сократился на 5,6 % и составил 16,7 % [13]. Возрастная структура исследователей в 2017 году выглядит следующим образом: до 29 лет – 23,5 %; 30–40 лет – 24,2 %; 40–60 лет – 33,3 %; старше 60 лет – 19 % [13]. Согласно исследованию Шурубович А., в 2017 году в рамках государственных научно-технических программ были разработаны и доведены до стадии практического применения 200 новшеств [14]. Отдельное внимание исследователей уделяется деятельности Парка высоких технологий Беларуси (далее по тексту ПВТ), имеющего мировое признание [15]. Эксперты утверждают, что развитию инноваций в ПВТ способствуют образование и высокая квалификация людей вместе с трудовой культурой и этикой [16].

В Армении расходы на НИОКР в 2020 году составили 0,21 % от ВВП. Государственные средства выделяются на фундаментальные исследования (80 %) и прикладные исследования 20 % [17]. В докладе Всемирного Банка со ссылкой на отчет ОЭСР отмечается, что коррупция является широко распространенной проблемой высшего образования в стране [18]. Более того, со ссылкой на исследование 2012 года отмечается, что преподаватели государственных высших учебных заведений (далее по тексту ВУЗ) имеют очень низкую заработную плату. Армения обладает сильным глобальным сравнительным преимуществом в естественных науках. В 2017 году доля выпускников по курсам, связанным с информационно-коммуникационными технологиями, составила 0,38 на 1000 выпускников, по естественным наукам 0,6 на 1000 выпускников. Оба показателя превышают средние мировые значения в 0,32 и 0,36, соответственно [18]. За 2016–2018 гг. доля студентов бакалавриата по естественным наукам, математике и статистике увеличилась на 50 %, число выпускников ВУЗов только по программам математики и статистики увеличилось на 68 % [18]. В 2018 году Армения заняла 25-е место в мире по количеству цитирований, связанных с ядерной физикой и физикой высоких энергий [18].

В Кыргызстане расходы на НИОКР в 2020 году составили 0,09 % ВВП, самый низкий показатель среди стран ЕАЭС. Финансирование системы высшего образования состоит на 10 % из государственных средств, на 80 % из платы за обучение, и на 10 % из других источников [6]. К проблемам образования в стране относят отсутствие должного качества; неудовлетворительная подготовка учителей, заработная плата которых составляет 60 % средней заработной платы государственных служащих [6]. Количество публикаций также является незначительным и составляет около десяти научно-технических статей на миллион человек [6]. Низкие рейтинги ВУЗов, невысокая цитируемость публикаций и слабое сотрудничество университетов и промышленности отмечены в качестве причин слабых позиций страны в ГИИ [19]. Существующая сеть научно-исследовательских институтов страдают от нехватки финансирования и кадров [6]. Другое исследование также утверждает, что постоянный дефицит денежных ресурсов является одной из причин снижения инновационной активности в стране [20].

Казахстанские расходы на НИОКР на протяжении многих лет составляют менее 1 %. В 2021 году данный показатель составил 0,13 %, сократившись на 55 % по сравнению с 1997 годом. Согласно обзору ОЭСР, занятость в сфере НИОКР не только ниже среднего показателя по странам ОЭСР, но и составляет примерно половину от средней цифры по странам с уровнем доходов выше среднего [21]. Расходы на образование в 2019 году составили 2,86 % от ВВП, сократившись по сравнению с 1995 годом на 29 %. В структуре казахстанских ученых доминируют женщины (64 %), возрастная структура ученых выглядит следующим образом: до 30 лет – 13 %; 30–39 лет – 26 %; 40–62 года – 43 %; старше 62 лет – 18 %. Также, для Казахстана характерно отставание числа патентов от числа научно-технических публикаций.

В сравнении с ЕС казахстанские фирмы больше полагаются на университеты и исследовательские институты в получении информации по инновациям [21]. Наряду с этим, отмечаются ряд серьезных проблем в сфере высшего образования Казахстана. Среди которых, неравенство в доходах является серьезным препятствием для поступления способных молодых людей с низким или умеренным доходом, и, возможно, причиной их выбытия [21]. Из студентов 2019/2020 учебного года 70,2 % обучались платно, 29,8 % обучались по государственным грантам. Второе, государственные гранты предоставляются без учета финансовых потребностей [21]. Студенты из регионов с низким уровнем доходов и не получившие гранты, не будут иметь возможности получения высшего образования. И третье, количество иностранных студентов, обучающихся в Казахстане, меньше числа выезжающих на обучение за границу [21]. Более того, отмечается создание многих частных университетов без адекватной системы аккредитации и заверения качества [22], а также низкие показатели коммерциализации проектов [22]. Кроме того, в обзоре ОЭСР называют «анекдотичным» тот факт, что докторанты 1/3 времени посвящают исследовательской работе и 2/3 времени отводят решению административных задач в университетах [22].

По системе среднего образования, исследование Ж. Нурбаева выявило ряд серьезных проблем, которые заключаются в следующем [23]. Первое, многочисленные реформы школьного образования не улучшили его качество. Со ссылкой на международное исследование компетентности населения в возрасте 16–65 лет представлен парадоксальный результат: грамотность населения в возрасте 25–34 года равнозначна или ниже, чем у старшего поколения в возрасте 55–65 лет [23]. И это ставит Казахстан вне тренда развитых стран, где следующее поколение имеет лучшие показатели, чем предыдущее. Второе, по доступности среднего образования Казахстан входит в топ 10 стран мира. Однако, разница между студентами Казахстана и стран ОЭСР по отдельным предметам доходит до 100 баллов [23]. Третье, при доминировании сельских школ (70,3 %), качество обучения в них существенно отстает от уровня городских. Со ссылкой на международное исследование отмечается, что в 2009–2018 гг. данная разница составила примерно один год обучения [23]. Четвертое, различия в материально-техническом оснащении городских и сельских школ, а также качество преподавания. Проблема материально-технического оснащения школ также упоминается и в обзоре ОЭСР [21].

Таким образом, недостатки присущие другим развивающимся странам, характерны и для стран ЕАЭС. В свою очередь, недостатки системы образования влияют на инновационные возможности и потенциал стран ЕАЭС. Более того, текущее состояние системы образования в странах ЕАЭС можно характеризовать как неустойчивое. В частности, в Казахстане система образования не способствует инновационному прорыву. Согласно рекомендациям ОЭСР для развивающихся стран, одним из условий развития инноваций является обеспечение квалифицированных кадров путем улучшения доступа к высшему образованию и увеличения объема расходов на образование и НИОКР [21]. Также в международных обзорах по странам ЕАЭС упоминается советское наследие в области науки и образования и достойное отношение к науке и образованию, определяющие исторический потенциал, способный обеспечить отличную платформу для инновационных достижений.

Литература

1. Lizbeth Magdalena Puerta Sierra An Institutional Framework to Explain the University-Industry Technology Transfer in a Public University of Mexico / Lizbeth Magdalena Puerta Sierra, Ma. Enselmina Marín Vargas, Virginia Guadalupe López Torres // *Journal of Technology Management and Innovation*. – 2017. – Apr. – 12 (1). – P. 4–12.
2. Kamal-Chaoui, L. Urban Trends and Policy in China/ Kamal-Chaoui Lamia, Leman E. Zhang Rufei // *OECD Regional Development Working Papers 2009/1*. – 2009. – P. 69.
3. Park, Taeyoung Innovation Policy in Asia / Park Taeyoung, Kim Junyun // *Asian Development Bank*. – 2020. – Feb. – P. 69.
4. Navarro, Juan Carlos The New Imperative of Innovation Policy Perspectives for Latin America and the Caribbean/ Juan Carlos Navarro, José Miguel Benavente, Gustavo Crespi // *Inter-American Development Bank*. – 2016. – Feb. – P. 108.
5. Ambashi, Masahito Innovation Policy in ASEAN/ Ambashi Masahito // *Economic Research Institute for ASEAN and East Asia*. – 2018. – 10 Sept. – P. 355. – Mode of access: <http://hdl.handle.net/11540/9382>.
6. Инновации для устойчивого развития: обзор по Кыргызской Республике [Электронный ресурс] : Европейская экономическая комиссия Организации Объединённых Наций. – Режим доступа: https://unece.org/fileadmin/DAM/ceci/publications/I4SD_Kyrgyzstan/ECI_CECI_25_RUS.pdf. – Дата доступа: 11.09.2022.
7. The World Bank. Innovation Policy A Guide for Developing Countries / The World Bank // Washington, DC, USA, 2010. – May. – P. 408.
8. Schwanen, D. Innovation Policy in Canada: A Holistic Approach / Schwanen Daniel // *C.D. Howe Institute Commentary 497*. – 2017. – 14 Dec. – P. 32.

9. WIPO. Global Innovation Index 2021 [Electronic resource] : World Intellectual Property Organization. – Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf. – Date of access: 11.09.2022.
10. Boosting productivity in Russia: skills, education and innovation / OECD // ECONOMICS DEPARTMENT WORKING PAPERS No. 1189. – 2015. – 05 Mar. – P. 54.
11. Reviews of Innovation policy: Russian Federation, 2011/ OECD // OECD Publishing. – 2011. – P. 263.
12. Бобков, В. Н. «20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни» / В. Н. Бобков // Мир России. – 2012. – № 12. – С. 3–26.
13. Рутко, Д. Ф. Основные показатели, тенденции и проблемы развития инновационной деятельности в странах Евразийского экономического союза / Д. Ф. Рутко // Экономический вестник университета. – 2019. – № 42 – С. 70–80.
14. Шурубович, А. Инновационное сотрудничество стран ЕАЭС / А. Шурубович // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – С. 50–67.
15. Khitakhunov, A. How Innovative is the Eurasian Union / Khitakhunov Azimzhan // Азия Еуропа. – 2020. – № 51. – С. 76–83.
16. Razumovskaya, O. Belarus Is Emerging as the Silicon Valley of Eastern Europe [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/belarus-is-emerging-as-the-silicon-valley-of-eastern-europe-1481032802>. – Date of access: 07.12.2016.
17. Manucharyan, M. G. The development of innovative economy in Armenia: trends and problems / M. G. Manucharyan // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2021. – С. 480–482.
18. Realizing Armenia's high-tech potential [Electronic resource] : The World Bank. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33027>. – Date of access: 11.09.2022.
19. Оморов, Р. О. Анализ показателей инновационного индекса Кыргызской Республики по данным глобального инновационного индекса ГИ 2018 / Р. О. Оморов // E-Management. – 2020. – Т. 1. – № 1. – С. 81–88.
20. Ulan Uulu, K. Инновационная политика Кыргызстана в условиях снижения экономической активности / К. Ulan Uulu // Reforma. – 2016. – 3 (71). – С. 14–22.
21. Реформы в Казахстане: успехи, задачи и перспективы / ОЭСР // OECD Publishing. – 2017. – С. 217.
22. OECD. Reviews of Innovation Policy: Kazakhstan 2017/ OECD // OECD Publishing. – 2017. – 10 Jul. – P. 216.
23. Nurbayev, Zh. Inequality between students of rural and urban schools in Kazakhstan: causes and ways to address it / Zhaslan Nurbayev // Central Asia Program (CAP) PAPER. – № 268. – 2021. – November 1. – P. 18.

**РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ
РОЛИ ПРОФСОЮЗОВ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ
БЕЛАРУСИ**
**DEVELOPMENT OF HUMAN RESOURCE IN THE CONTEXT OF THE INCREASING
ROLE OF TRADE UNIONS IN THE INNOVATION DEVELOPMENT
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Хорошко Ольга Болеславовна,
кандидат экономических наук, доцент, учреждение образования
Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»

Kharoshka Volha,
candidate of economic sciences, docent, educational institution of Federation of Trade Unions of
Belarus International University “MITSO”

Аннотация. Рассмотрены роль человеческого капитала в развитии национальной экономики, взаимодействие государства, бизнеса и профсоюзов в обеспечении инновационного развития экономики Республики Беларусь, возрастающая роль профсоюзов в решении социально-экономических вопросов.

Ключевые слова: человеческий капитал, профсоюзы, инновационное развитие, социальное партнерство, профсоюзные кадры.

Abstract. The role of human resource in the development of the national economy, cooperation of state, business and trade unions in the support of innovation development of the economy of the Republic of Belarus, increasing role of trade unions in the solution of the social and economic issues are considered.

Keywords: human resource, trade-union, innovation development, social partnership, trade union personnel.

На современном этапе Республика Беларусь, не смотря на сложную экономическую ситуацию, сложившуюся под влиянием всевозможных вызовов и угроз, внутренних и внешних факторов, в первую очередь, таких как коронавирус, закрытие границ, торговых барьеров и ограничений, нарастающих негативных тенденций и явлений в мировой экономике, геополитической нестабильности, беспрецедентном использовании санкций как инструмента большой политики и экономики, республика твердо стоит на пути инновационного развития. Только на этом пути она способна обеспечить переход к более прогрессивной структуре национальной экономики, активному использованию всех имеющихся ресурсов, производству конкурентоспособной продукции, развитию новейших технологий, информационных услуг, медицины, экологии и др., что в конечном итоге обеспечивает рост благосостояния граждан. Инновационное развитие раскрывает возможности удовлетворения потребностей в различных сферах человеческой деятельности путем качественного изменения используемых продуктов, средств и способов производства и в целом обеспечивает переход на V и VI технологические уклады.

Определяющая роль в развитии национальной экономики, преодолении возникающих проблем, устранении возникающих вызовов и угроз принадлежит человеческому капиталу. Мировой опыт показывает, что человеческий капитал, используя достижения образования и науки и основанные на них инновационные технологии, всегда был и будет оставаться ключом ко всем экономическим успехам страны, росту ее конкурентоспособности, повышению эффективности функционирования национальной экономики. Именно люди, с их образованием, профессиональным опытом и квалификацией, определяют возможности и границы не-

обходимых перемен. Знания и творческий потенциал работающих становятся главным фактором развития экономической системы, без которого технический, экономический и социальный прогресс становится практически недостижимой задачей, вне зависимости от средств, инвестированных в национальную экономику. Именно человеческий капитал является основой развития инновационной экономики.

Роль человеческого капитала в системе факторов инновационного развития не сводится к простому воспроизводству рабочей силы. В обществе, вставшем на путь развития инновационной экономики, человек является главным ресурсом и главной целью развития. Доля человеческого капитала в структуре совокупного капитала постоянно возрастает, а его формирование происходит главным образом в области нематериального производства. И здесь наблюдается двоякое воздействие человеческого фактора на макроэкономическую динамику: с одной стороны, человеческий капитал – фактор развития экономики инновационного типа, с другой – первоочередная и стратегическая цель экономического развития. Так экономическая система предоставляет материальные ресурсы для развития общества (образования, здравоохранения, охраны труда и др.), где в свою очередь, качество воспроизведенного человеческого капитала в социальной сфере в значительной степени определяет уровень и характер дальнейшего устойчивого социально-экономического развития страны.

Развитию человеческого капитала в Республике Беларусь уделяется огромное внимание, что наглядно просматривается, например, через ключевые приоритеты развития, определенные в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-1025 годы, к которым следует отнести следующие:

счастливая семья, основанная на укреплении традиционных ценностей, в основе которых здоровая семья, физическое и духовное благополучие, воспитание молодежи, обеспечение активной старости, забота о старшем поколении;

интеллектуальная страна, ориентированная на образование и обучение, развитие науки, поддержку изобретательства и рационализаторство, раскрытие творческого потенциала, образовательную систему нового типа, способную отвечать на вызовы современного технологического уклада;

государство-партнер, построенное на укреплении диалога и взаимного доверия между государством и обществом, государством и человеком, государством и бизнесом.

Трансформация белорусской экономики на современном этапе ее развития, изменения отношений собственности, сокращение участия государства в регулировании экономической жизни, возрастающая роль бизнеса и предпринимательства в развитии социально-экономических и политических процессов принципиально меняют социально-трудовую сферу, формируя новую модель социально-трудовых отношений, в которой важнейшая роль отводится профсоюзам, участвующим в согласовании экономических интересов, регулировании проблем, разрешении конфликтов, что придает все большую актуальность их профессиональной деятельности в целях развития социального партнерства в Беларуси. Система социального партнерства включает три составляющие, обладающие мощными ресурсами влияния: государство (власть), ассоциации работодателей (капитал) и ассоциации работников (профсоюзы). В Беларуси формирование и развитие механизма взаимодействия государства и профсоюзов как институтов социального партнерства является весьма актуальной проблемой, так как от качества взаимодействия данных институтов, степени их налаженности зависит процесс дальнейшего развития общества с рыночной экономикой, уровень социальной напряженности, урегулирование социальных конфликтов и др. Необходимость развития социального партнерства, в том числе и взаимодействия профсоюзов с органами государственной власти и бизнесом определяется, прежде всего, потребностями практики. Сегодня профсоюзы являются одним из базовых институтов гражданского общества, без которого невозможно построение социального государства, развитие социально ориентированной рыночной экономики, достижение гармонии в социально-трудовых отношениях. Для определения сущности тех новшеств, которые должны произойти в развитии профессиональных союзов необходимо, прежде всего осознать реалии, которые несет в себе новая экономиче-

ская парадигма, а именно – инновационная экономика, основанная на знаниях, инновациях, позитивном отношении к новым идеям, новым технологиям, на готовности их практически реализовывать в разных сферах человеческой деятельности.

Инновационное развитие национальной экономики во многом зависит от эффективности функционирования сложившейся системы государственного регулирования экономики, от сочетания и гармонизации механизмов регулирования рынка и государства, объединенных усилий со стороны государства, общества и бизнеса. При этом следует отметить, что решение многих проблем предопределяется не только регулирующим воздействием государства на экономику, но и возрастающим влиянием на ее развитие бизнеса и гражданского общества, ибо в определенных случаях действия государства являются необходимыми, но недостаточными для решения возникающих проблем. Соответственно появляется потребность в объединении усилий государства, бизнеса и общества для их совместного влияния на социально-экономическое развитие республики.

Участие государства, бизнеса и общественных организаций как заинтересованных сторон в решении проблемы социально-экономического развития страны получило название социального партнерства. Оно отражает компромисс интересов главных субъектов современной социально-ориентированной рыночной экономики и выражает объективную необходимость социального мира как одного из основных условий политической, социальной и экономической стабильности.

Участие трех заинтересованных сторон - государства, общества и представителей бизнеса в механизме принятия решений основано на взаимодействии и достижении соглашений между ними. При этом участие общественных организаций в большей мере обеспечивают профсоюзы, которые в соответствии с Законом Республики Беларусь «О профессиональных союзах» участвуют в разработке и реализации социально-экономической политики государства. Профсоюзы как социальный институт коллективной защиты индивидуальных и коллективных трудовых прав наемных работников нацелены на создание более справедливой модели перераспределения социальных благ, формирования благоприятных условий жизнедеятельности широких профессиональных групп и слоев. Интересы предпринимательских структур выражают объединения частного бизнеса, которые акцентируют внимание на возникающих проблемах и рисках, на конструктивных предложениях, направленных на их решение. При этом следует отметить, что на сегодняшний день полноценный диалог и конструктивные отношения существуют в большей мере между властью и предпринимательскими структурами, а также между властью и профессиональными союзами, однако действенный правовой и организационный механизм, определяющий взаимодействие трех сторон в принятии решений, отсутствует. Вместе с тем, упрочение форм и принципов государственности и развитие механизмов рыночных отношений предполагает повышение роли всех трех сторон.

Безусловно ведущая и направляющая роль в обеспечении инновационного развития белорусской экономики принадлежит государству и находит свое отражение в инновационной политике государства. Комплекс мер организационного, экономического и правового характера, направленный на реализацию инновационной политики и регулирование инновационной деятельности, определяется Законом Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности Республики Беларусь».

В качестве основных документов, отражающих инновационную политику и направления инновационного развития Республики Беларусь на долгосрочную и среднесрочную перспективу выступают Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2035 года, Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы и Комплексный прогноз научно-технического прогресса на 2021–2025 годы и на период до 2040 года.

Комплексный прогноз научно-технического прогресса Республики Беларусь предусматривает развитие национальной инновационной системы как целенаправленного органи-

зационного механизма взаимоотношений между всеми участниками инновационного процесса, наращивание научно-технического потенциала с ориентацией научных исследований и разработок в интересах развития белорусской экономики.

Формирование новой экономической реальности, новое видения экономических и общественных процессов, развитие страны на основе преимущественно интеллектуального фактора предопределяет необходимость выработки новых подходов к созданию научно-технической основы экономики, что находит отражение в Стратегии «Наука и технологии: 2018–2040».

Основным документом в области инновационного развития является Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы. Она направлена на достижение приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь в текущей пятилетке в области эффективных инвестиций и ускоренного развития инновационных секторов экономики. Основные положения Государственной программы в части прогнозирования и регулирования научно-технической деятельности соответствуют Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2035 года. Государственная программа предопределяет синтез внедрения технологий, относящихся к V и VI технологическим укладам, и индустриально-инновационное развитие традиционных секторов экономики.

Реализация инновационного развития национальной экономики Республики Беларусь отличается сочетанием инновационного предпринимательства с новым качеством человеческого капитала.

Существенно возрастает и роль профсоюзов – из инструмента классовой борьбы они превратились в инструмент обеспечения конструктивного взаимодействия между трудящимися, структурами бизнеса и государством. Соответственно, изменилась и позиция объединений нанимателей и институтов государства: ими также были восприняты принципы конструктивного взаимодействия друг с другом и профсоюзами в вопросах обеспечения общественного прогресса, социальной справедливости, инновационного развития национальной экономики. Закон Республики Беларусь «О профессиональных союзах» определяет профсоюз как общественную организацию, объединяющую граждан для защиты трудовых, социально-экономических прав и интересов, а также устанавливает, что профсоюзы участвуют в разработке и реализации социально-экономической политики государства и политики в области занятости населения. В Трудовом кодексе, Декретах и Указах Президента, актах Правительства республики конкретизируются и существенно дополняются указанные права профсоюзов. На основе таких подходов развивается в настоящее время взаимодействие между органами государственной власти и управления в Республике Беларусь и профсоюзами в лице Федерации профсоюзов Беларуси.

Таким образом, можно сказать, что обеспечение инновационного развития Республики Беларусь требует объединенных усилий государства, бизнеса и профсоюзов, выработки устойчивых институциональных форм их взаимодействия. В этой связи необходимо последовательно осуществлять действия, направленные на повышение роли и значимости института социального партнерства, демократического развития общества и благосостояния населения; усиливать роль профсоюзов, как самого массового общественного объединения граждан в становлении гражданского общества и совершенствовании законодательства Республики Беларусь; способствовать активизации участия граждан в разработке и реализации общественных и социальных инициатив; принимать активное участие в установлении более тесных контактов и механизмов взаимодействия между органами власти и населением; внедрять лучшие практики взаимной ответственности в работу институтов социального партнерства и гражданского общества; совершенствовать систему вовлечения представителей социального партнерства всех уровней в процесс обучения, повышения квалификации и переподготовки, применяя современные цифровые и дистанционные формы, новейшие педагогические и информационные методы и технологии и др. В ряде случаев без действенного сотрудничества между субъектами социального партнерства сложно обеспечить решение задач инновационного развития Республики Беларусь.

Дальнейшее успешное решение задач в определяющей мере зависит от наличия на всех уровнях профсоюзов Беларуси подготовленных кадров новой формации, способных защитить интересы и права всех своих граждан, содействовать укреплению независимого сильного социального государства, которые творчески и профессионально могут исполнять свои функции в динамичных рыночных условиях, что является одним из важнейших факторов достижения экономических, социальных и политических целей. Такой комплексной и системной подготовке профсоюзных кадров, отвечающей современным требованиям, способствует реализуемая в Институте повышения квалификации и переподготовки Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» образовательная программа переподготовки по специальности «Социальное партнерство и право», которая нацелена на повышение эффективности деятельности профсоюзного работника по защите социально-экономических и трудовых прав и интересов трудящихся, способствует эффективному развитию социального партнерства в Республике Беларусь, укреплению кадрового состава профсоюзов Беларуси, способного решать поставленные временем задачи, а также развитию человеческого капитала, который является одним из основополагающих компонентов стратегии социально-экономического развития Беларуси.

УДК 330.3

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА
НА ПОДГОТОВКУ СПЕЦИАЛИСТОВ СО СРЕДНИМ СПЕЦИАЛЬНЫМ
ОБРАЗОВАНИЕМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
IMPROVING THE SYSTEM OF STATE ORDER FOR THE TRAINING
OF SPECIALISTS WITH SECONDARY SPECIALIZED EDUCATION
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Бесько Оксана Анатольевна,
преподаватель высшей квалификационной категории,
магистр, директор филиала учреждения образования
«Белорусский государственный экономический университет»,
«Минский финансово-экономический колледж»
oksanabesko1@gmail.com

Besko Oksana,
teacher of the highest qualification category,
Master, Director of the branch of the educational institution
«Belarusian State Economic University»,
«Minsk Financial and Economic College»
oksanabesko1@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена существующая практика распределения контрольных цифр приема между учреждениями образования, реализующими образовательные программы среднего специального образования. Размер финансирования учреждений образования из бюджета прямым образом зависит от контингента учащихся. Распределение осуществляется исходя из заключенных договоров на подготовку кадров с заказчиками кадров, которые зачастую носят формальный характер. В связи с тем, что подготовка специалистов за счет средств бюджета – это подготовка в рамках государственного заказа, то предлагается распределение цифр приема производить по итогам открытого конкурса с учетом предлагаемых трех групп критериев (общие показатели деятельности учреждения образования, характеристика кадрового потенциала учреждения образования, характеристика контингента учащихся учреждения образования). При разработке критериев учтены цели и задачи развития

среднего специального образования, определенные Концепцией развития образования Республики Беларусь до 2030 года.

Ключевые слова: финансирование, цифры приема, образовательная услуга, государственный заказ, конкурс.

Abstract. The article considers the existing practice of distribution of admission control figures between educational institutions that implement educational programs of secondary specialized education. The amount of financing of educational institutions from the budget directly depends on the contingent of students. Distribution is carried out on the basis of concluded contracts for personnel training with personnel customers, which are often of a formal nature. Due to the fact that the training of specialists at the expense of the budget is training within the framework of the state order, it is proposed to distribute admission figures based on the results of an open competition, taking into account the proposed three groups of criteria (general performance indicators of an educational institution, characteristics of the personnel potential of an educational institution, characteristics number of students of an educational institution). When developing the criteria, the goals and objectives of the development of secondary specialized education, defined by the Concept for the Development of Education of the Republic of Belarus until 2030, were taken into account.

Keywords: financing, admission figures, educational service, state order, competition.

Финансирование государственных учреждений образования осуществляется за счет средств республиканского и(или) местных бюджетов, средств учредителей, средств, полученных от приносящей доходы деятельности, безвозмездной (спонсорской) помощи и иных источников, не запрещенных законодательством. Размер финансирования учреждений образования из республиканского и (или) местных бюджетов, как правило, зависит от контингента учащихся. Каждое учреждение образования заинтересовано в увеличении контингента, обучающегося за счет средств бюджета. [1]

В Республике Беларусь в 2011 году постановлением Совета Министров Республики Беларусь утверждено Положение о порядке прогнозирования потребностей в трудовых ресурсах для формирования заказа на подготовку специалистов, рабочих, служащих (с 01.09.2022 прекратило действие в связи с введением в новой редакции Кодекса об образовании, новый документ в настоящее время не принят), и создана в этом же году автоматизированная система формирования заказа на подготовку квалифицированных кадров для всех отраслей экономики в Республике Беларусь АС «Госзаказ и Прием».

Основными задачами прогнозирования потребностей в трудовых ресурсах для формирования заказа являются:

- определение дополнительной потребности в трудовых ресурсах;
- оптимизация подготовки кадров путем установления учреждениям образования контрольных цифр приема на основании заказа с учетом возможностей учреждений образования и демографической ситуации;
- эффективное использование трудовых ресурсов [3].

В заказе должны определяться прогнозируемые государственными органами объемы и структура подготовки кадров по специальностям, квалификациям для организаций, заинтересованных в подготовке кадров, в учреждениях образования за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов на основании заявленной организациями дополнительной потребности в трудовых ресурсах.

При определении контрольных цифр приема (далее – КЦП) для конкретного учреждения образования учитывается количество специалистов, которых необходимо подготовить в соответствии с заключенными договорами с заказчиками кадров или заявками организаций на подготовку специалистов. Хотя специалистам не всегда гарантировано в дальнейшем трудоустройство к этим заказчикам, так как договор не обязывает заказчика к обязательному трудоустройству. Порой заключение договоров носит формальный характер. Но при распределении КЦП не учитывается профилизация учреждения образования (например, подго-

товку специалистов со средним специальным образованием по экономическим специальностям или по специальности «Программное обеспечение» осуществляют многие учреждения образования независимости от профиля), его материальная учебная база, состав педагогических кадров и другие показатели, важные при организации образовательного процесса.

По своему экономическому содержанию подготовка специалистов со средним специальным образованием – это оказание образовательных услуг. Покупателем этих услуг может быть государство или сам получатель услуг. Если говорить про государственный заказ по аналогии с государственными закупками, то одной из основных процедур должен являться выбор поставщика услуг, так как от правильности его определения зависит результат выполнения государственного заказа, чего на данный момент в сфере оказания образовательных услуг нет. КТП должны распределяться между учреждениями образования на принципах добросовестной конкуренции, открытости и прозрачности, равноправия и объективной оценке предложений участников конкурса.

Государство должно размещать заказ и указывать объемы контрольных цифр приема, распределяемых в ходе проведения конкурса, минимальное количество контрольных цифр приема, которое может быть установлено по результатам конкурса образовательной организации по соответствующим специальностям, требования к участникам конкурса, процедуру рассмотрения заявок, процедуру оценки заявок и т.д. Данная система распределения КЦП применяется в последние года в Российской Федерации для подготовки по образовательным программам высшего образования [4].

Концепцией развития образования Республики Беларусь до 2030 года на период первой пятилетки запланировано принятие мер по повышению эффективности механизма формирования государственного заказа на подготовку кадров, а также подготовка правовых актов, регламентирующих систему управления качеством профессионального образования на основе критериев и показателей, позволяющих определять эффективность деятельности колледжей и органов управления образованием.

В связи с этим, с целью обеспечения конкурсной основы «получения государственного заказа», а также прозрачности определения КЦП для обучения за счет средств бюджета, предлагается установить критерии, которые могут явиться основой методики проведения конкурсного отбора и распределения КЦП по специальностям между учреждениями образования. Для разработки критериев учтены некоторые критерии и показатели деятельности учреждений образования, утвержденные приказом Министра образования Республики Беларусь № 4 от 14.06.2012. Предлагается критерии распределить на три группы:

- 1 группа – общие показатели деятельности учреждения образования (таблица 1);
- 2 группа – характеристика кадрового потенциала учреждения образования (таблица 2);
- 3 группа – характеристика контингента учащихся учреждения образования (таблица 3).

При подаче заявления учреждением образования или учредителем учреждения образования в Министерство образования Республики Беларусь на распределение КЦП предлагается указывать минимальное и максимальное количество учащихся, которое готово принять на обучение учреждение образования по данной специальности. Каждому критерию присваивается балл. Исходя из набранных баллов, каждым учреждением образования и определяются КЦП.

Таблица 1 – Критерии, характеризующие общие показатели деятельности учреждения образования

№ п/п	Критерии	Примечание
1	Продолжительность реализации учреждением образования образовательной программы по специальности	Количество лет с момента начала реализации образовательной программы
2	Организация учреждением образования проведения олимпиад, конкурсов по учебным предметам профессионального компонента на уровне: - республики; - города	Проведение мероприятия должно быть согласовано с Министерством образования Республики Беларусь

№ п/п	Критерии	Примечание
3	Организация учреждением образования проведения научно-теоретических конференций для учащихся: - с международным участием; - республиканского уровня; - городского уровня	Проведение мероприятия должно быть согласовано с Министерством образования Республики Беларусь
4	Соответствие материально-технической базы требованиям по подготовке специалистов по данной специальности: - наличие соответствующего оборудования, машин (не старше 5 лет); - наличие соответствующих лабораторий; - наличие программного обеспечения; - и т.д. в зависимости от специальности	В качестве критерия принимается доля стоимости названного оборудования и машин в общей стоимости оборудования и машин, используемых в образовательном процессе Программное обеспечение должно постоянно обслуживаться разработчиками и находиться в актуальном состоянии
5	Обеспеченность учебных кабинетов интерактивными сенсорными панелями и мультимедийными проекторами	В качестве критерия принимается доля учебных кабинетов, оснащенных этим оборудованием, в общем количестве учебных кабинетов
6	Выполнение контрольных цифр приёма для обучения за счет средств бюджета и цифр приёма для обучения на платной основе	Показатель анализируется за предыдущие 3 года
7	Предоставление первого места работы выпускникам, получившим среднее специальное образование за счет средств бюджета	Показатель анализируется за предыдущие 3 года
8	Участие в экспериментальной и инновационной деятельности	Порядок участия и учреждения-участники определены нормативными актами Министерства образования Республики Беларусь

Примечание – Источник: Собственная разработка автора

Таблица 2 – Критерии, характеризующие кадровый потенциал учреждения образования

№ п/п	Критерии	Примечание
1	Обеспеченность штатными педагогическими работниками	Показатель должен быть не менее 95%
2	Наличие первой и высшей квалификационной категории у штатных педагогических работников	Доля численности штатных педагогических работников, имеющих первую и высшую квалификационную категорию, в общей численности штатных педагогических работников
3	Наличие у педагогических работников образования по II ступени получения высшего образования (магистратура)	Доля численности штатных педагогических работников, получивших образование по II ступени получения высшего образования, в общей численности штатных педагогических работников
4	Наличие у педагогических работников высшего образования по профилям «Педагогика», «Педагогика. Профессиональное образование» или высшее образование и переподготовка по профилю «Педагогика», «Педагогика. Профессиональное образование»	Доля численности штатных педагогических работников, имеющих соответствующее образование или переподготовку, в общей численности штатных педагогических работников
5	Прохождение преподавателями учебных предметов специального компонента стажировок в организациях-заказчиках кадров	Доля численности преподавателей, прошедших стажировку 1 раз в 5 лет в организациях-заказчиках кадров, в общей численности преподавателями учебных предметов специального компонента
6	Участие педагогических работников в научно-теоретических конференциях, конкурсах профессиональ-	Подтверждением является наличие сертификата, диплома участника или

№ п/п	Критерии	Примечание
	ного мастерства: - на международном уровне; - на республиканском уровне; - на городском уровне	иного документа, подтверждающего участие. Для показателя используются данные прошлого учебного года
7	Подготовка педагогическими работниками публикаций в средства массовой информации (журналы, газеты, интернет-ресурсы), зарегистрированные в установленном законодательством порядке	Для показателя используются данные прошлого учебного года.
8	Участие педагогических работников в работе научно-методического совета при Министерстве образования Республики Беларусь	Список педагогических работников определен в приказе Министерства образования
9	Председательство педагогических работников в методических объединениях по предметам на уровне города, области.	Для показателя используются данные прошлого учебного года.
10	Участие педагогических работников в разработке научно-методического обеспечения среднего специального образования на уровне республики (образовательных стандартов, примерных тематических планов, примерных учебных программ учебных предметов и практик)	Для показателя используются данные прошлого учебного года
12	Участие в рецензировании педагогическими работниками примерных учебных программ учебных предметов и практик на уровне республики.	Для показателя используются данные прошлого учебного года
13	Авторство педагогических работников в написании учебников, учебных пособий, практикумов и т.д., изданных под грифом Министерства образования Республики Беларусь или УО «Республиканский институт профессионального образования»	Для показателя используются данные прошлого учебного года
14	Рецензирование учебников, учебных пособий, практикумов и т.д., издаваемых под грифом Министерства образования Республики Беларусь или УО «Республиканский институт профессионального образования»	Для показателя используются данные прошлого учебного года

Примечание – источник: собственная разработка автора

Таблица 3 – Критерии, характеризующие контингент учащихся учреждения образования

№ п/п	Критерии	Примечание
1	Проходной балл документа об образовании при поступлении для обучения по образовательным программам среднего специального образования в учреждении образования	Для показателя используются данные прошлого учебного года
2.	Количество медалистов «золото» и «серебро», поступивших для обучения в учреждение образования	Для показателя используются данные прошлого учебного года
3	Количество учащихся, включенных в банк данных, обучающихся в учреждении образования	Для показателя используются данные на момент подачи заявления на определение контрольных цифр приема
4	Участие учащихся в олимпиадах и конкурсах по учебным предметам, конференциях: - на республиканском уровне; - на городском уровне	Проведение мероприятия организовано Министерством образования Республики Беларусь или согласовано с Министерством образования Республики Беларусь
5	Отсев учащихся в течение учебного года	Для показателя используются данные прошлого учебного года за период с 01.10 до конца учебного года
6	Результаты государственных экзаменов по специальности	Для показателя используются данные прошлого учебного года. Обязательным условием является независимая государственная квалификационная комиссия

Примечание – источник: собственная разработка автора

При разработке критериев учтены цели и задачи развития среднего специального образования, определенные Концепцией развития образования Республики Беларусь до 2030 года, такие как создание современной образовательной среды; внедрение механизмов независимой итоговой аттестации по результатам освоения образовательных программ профессионального образования; оснащение (дооснащение) мастерских (лабораторий) в учреждениях образования, реализующих программы среднего специального образования, и центров компетенций высокотехнологичным оборудованием; проведение республиканских и региональных конкурсов профессионального мастерства, участие в международных конкурсах профессионального мастерства; цифровизация процессов в системе образования, подготовка обучающихся к жизни в цифровом обществе; подготовка педагогических кадров и т.д. [2]

Использование предлагаемых критериев для распределения КЦП между учреждениями образования позволит улучшить качество оказываемых образовательных услуг, увеличить публикационную активность и участие в разработке научно-методического обеспечения педагогических работников. Введение критериев учтены цели и задачи развития среднего специального образования, определенные Концепцией развития образования Республики Беларусь до 2030 года. Кроме того, поспособствует переходу системы финансирования от «финансирования учреждений образования» к «финансированию образовательных услуг».

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании: Кодекс Респ. Беларусь, 14 янв. 2022 г., № 154-3 // Пех: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – Дата доступа: 02.10.2022.

2. О Концепции развития системы образования Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 нояб. 2021 г. № 683 / Пех: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – Дата доступа: 01.10.2022.

3. О некоторых вопросах формирования заказа на подготовку кадров: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 июля 2011 г., № 972: в ред. от 25.05.2018 г., № 396 / Пех: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – Дата доступа: 01.10.2022.

4. О порядке проведения конкурса на распределение контрольных цифр приема по специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупненным группам специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета: приказ Минобрнауки России, 15 янв. 2021 г., № 2127 // Консультант Плюс: Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант плюс». – Минск, 2022. – Дата доступа: 05.10.2022.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ABOUT SOME ASPECTS OF THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Воронецкая Людмила Григорьевна,
заведующий сектором социально-демографической политики
центра человеческого развития и демографии,
Институт экономики НАН Беларуси
Lu7y@mail.ru
Voronetskaya Ludmila,
Head of the Social and Demographic Policy Sector
of the Center for Human Development and Demography,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
Lu7y@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется ряд аспектов, характеризующих уровень жизни населения Республики Беларусь. Подчеркивается, что население Беларуси имеет высокие показатели доступа к услугам питьевой воды, но есть потенциал для дальнейшего улучшения данных показателей. Делается вывод о высоком уровне среднесуточного потребления килокалорий на душу населения в Беларуси. Анализируется динамика уровня бедности (малообеспеченности) населения Беларуси, в том числе в региональном разрезе. Проводится анализ структуры малообеспеченного населения в зависимости от возрастной группы. Подчеркивается более высокий риск малообеспеченности домашних хозяйств с детьми в возрасте до 18 лет, чем для домохозяйств без детей. При этом для домохозяйств, имеющих 1 ребенка, риск не такой высокий, как для домохозяйств, имеющих 2 и более детей. Анализ кривой Лоренца для Беларуси позволяет сделать вывод о достаточно равномерном распределении располагаемых ресурсов. Также подчеркивается устойчивая положительная динамика обеспеченности жильем. Отмечается, что пандемия коронавируса не оказала значимого влияния на анализируемые аспекты уровня жизни населения.

Ключевые слова: бедность, неравенство, уровень жизни, кривая Лоренца.

Abstract. The article examines a number of aspects characterizing the standard of living of the population of the Republic of Belarus. It is emphasized that the population of Belarus has high rates of access to drinking water services, but there is potential for further improvement of these indicators. The conclusion is made about the high level of average daily consumption of calories per capita in Belarus. The dynamics of the level of poverty (low-income) of the population of Belarus, including in the regional context, is analyzed. The structure of the low-income population is analyzed depending on the age group. There is a higher risk of low-income households with children under the age of 18 than for households without children. At the same time, for households with 1 child, the risk is not as high as for households with 2 or more children. The analysis of the Lorentz curve for Belarus allows us to conclude that the distribution of available resources is fairly uniform. The steady positive dynamics of housing provision is also emphasized. It is noted that the coronavirus pandemic did not have a significant impact on the analyzed aspects of the standard of living of the population.

Keywords: poverty, inequality, standard of living, Lorentz curve.

Управлением социальной сферой, в частности вопросами бедности и экономического неравенства, в Республике Беларусь занимаются почти все органы государственного управления Беларуси. Основными субъектами социальной политики на макроуровне являются Министерство труда и социальной защиты Республики, Министерство экономики Республики Беларусь и другие органы.

Финансирование целевых программ, касающихся вопросов бедности и экономического неравенства, осуществляется за счет бюджета всех уровней, государственных внебюджетных социальных фондов, средств хозяйствующих субъектов, поступлений в порядке благотворительной деятельности и иных источников. Общий размер ассигнований на социальную политику из госбюджета определяется путем установления соответствующей доли прогнозируемой на данный финансовый год величины ВВП.

Бюджет Беларуси характеризуется высоким уровнем расходов на финансирование социальной сферы. На рисунке 1 представлена динамика удельного веса расходов консолидированного бюджета Республики Беларусь на социальную сферу в % от ВВП и в % от всех расходов консолидированного бюджета. Доля расходов на содержание учреждений, предоставляющих услуги социального характера, составляет более 40 %. С 2004 по 2009 гг. ФСЗН входил в состав республиканского бюджета. С 2010 года ФСЗН выведен из состава республиканского бюджета и стал внебюджетным фондом.

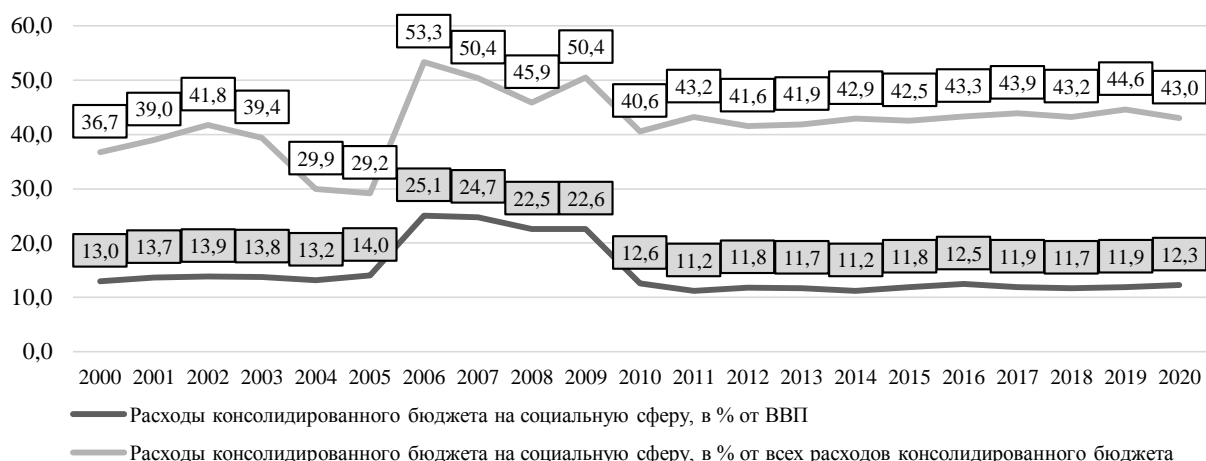

Рисунок 1 – Динамика удельного веса расходов консолидированного бюджета Республики Беларусь на социальную сферу в % от ВВП и в % от всех расходов консолидированного бюджета

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [1]

Спад производства в Беларуси после распада СССР привел к росту бедности. В дальнейшем рост экономики стал важным фактором снижения бедности. Следствием целенаправленной политики по повышению доходов населения стала устойчивая тенденция роста их реального уровня.

Анализ уровня абсолютной бедности (малообеспеченности) населения в региональном разрезе свидетельствует о похожих тенденциях в регионах по сравнению с общереспубликанскими (рисунок 2). При этом в коронакризисном 2020 году по сравнению с 2019 годом ухудшение значений анализируемого показателя не наблюдается. В городе Минске, Витебской и Могилевской областях уровень абсолютной бедности в 2020 году по сравнению с 2019 годом не изменился, в остальных регионах произошло снижение уровня абсолютной бедности, как и в целом по республике.

На протяжении анализируемого периода лидирующие позиции по уровню абсолютной бедности занимают г. Минск, Гродненская и Минская области. При этом у г. Минска наблюдается заметный разрыв по данному показателю с другими регионами. В аутсайдерах по уровню абсолютной бедности – Брестская, Гомельская, Витебская и Могилевская области. В 2020 году уровень абсолютной бедности для г. Минска составил 0,9 %, также невысокий уровень абсолютной бедности был в Гродненской области (3,6 %) и Минской области (3,9 %). В остальных областях наблюдался более высокий уровень абсолютной бедности: 6,5 % в Могилевской области, 6,6 % в Витебской области, 6,8 % в Гомельской области и 6,9 % в Брестской области при том, что в целом по республике анализируемый показатель в 2020 году составил 4,8 % [2].

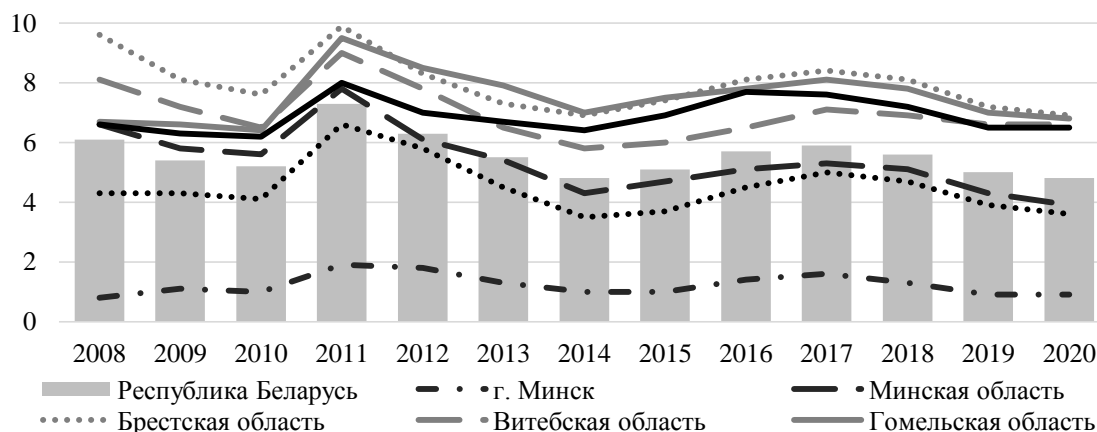

Рисунок 2 – Уровень абсолютной бедности (малообеспеченности) населения в региональном разрезе (численность населения с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов ниже БПМ в % от общей численности населения региона)

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [1]

Анализ структуры малообеспеченного населения в 2020 году в зависимости от возрастной группы в % от общей численности малообеспеченного населения позволяет заключить о наибольшем удельном весе в общей численности малообеспеченного населения возрастной группы 24–54 года, далее идет возрастная группа 0–17 лет. Такая ситуация складывается из-за того, что на населении в возрастной группе 24–54 года лежит нагрузка по содержанию детей в возрасте 0–17 лет (рисунок 3). Особенно высок риск малообеспеченности в домашних хозяйствах, воспитывающих двух и более детей [1], что подтверждается индексом риска малообеспеченности домашних хозяйств с различным составом за 2020 год, который представляет собой отношение уровня малообеспеченности в определенной группе домашних хозяйств к уровню малообеспеченности, рассчитанному для всех домашних хозяйств. Если значение индекса больше 1, то эта группа подвержена риску малообеспеченности больше, чем домашние хозяйства страны в целом; если меньше 1, то риск малообеспеченности ниже, чем для всех домашних хозяйств [2]. Так, индекс риска малообеспеченности домашних хозяйств без детей составляет 0,47, а домашних хозяйств с детьми в возрасте до 18 лет – 2,09. При этом, для домохозяйств, имеющих 1 ребенка, анализируемый показатель не такой высокий (1,41), как для домашних хозяйств, имеющих 2 и более детей (3,50) [2].

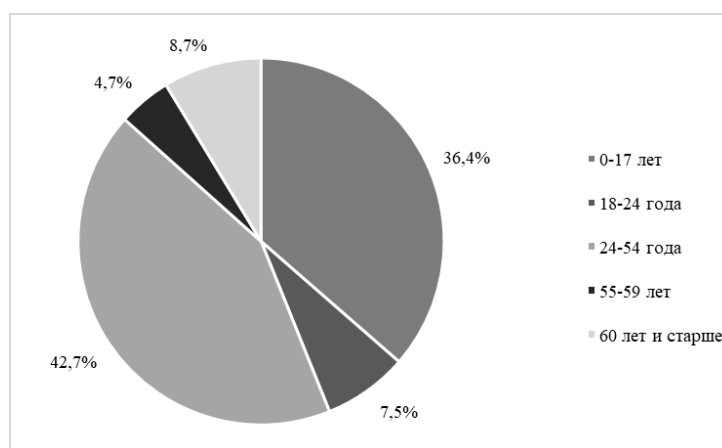

Рисунок 3 – Структура малообеспеченного населения в 2020 году в зависимости от возрастной группы, в % от общей численности малообеспеченного населения

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [1]

Достаточно равномерное распределение располагаемых ресурсов в Беларуси подтверждается кривой Лоренца, представленной на рисунке 4 по данным за 2020 год, которая находится достаточно близко к линии абсолютного равенства. Кривая Лоренца отражает распределение доходов в экономике. Суммарный процент домохозяйств, получающий доход, отображается на оси абсцисс, а суммарный процент доходов – на оси ординат. Данная кривая показывает степень неравенства распределения доходов, которой является область между линией абсолютного равенства и кривой Лоренца [2]. Низкая дифференциация доходов может препятствовать росту производительности и повышению деловой активности. Кривая Лоренца по Беларуси еще попадает в диапазон оптимальных значений, однако приближается к их нижней его границе.

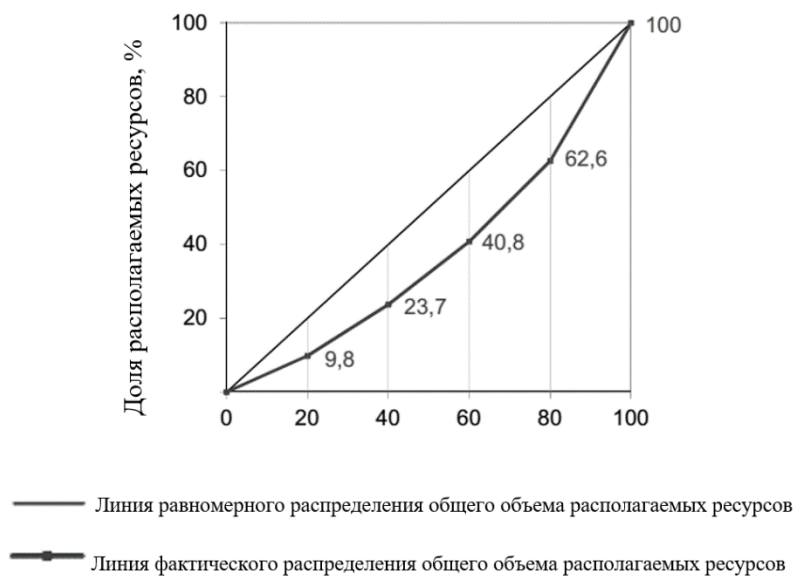

Рисунок 4 – Кривая Лоренца Республики Беларусь за 2020 год
 Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [2]

Анализ доступа населения к базовым услугам питьевой воды в мире свидетельствует в том, что во многих странах, особенно с высоким уровнем дохода, большой процент населения имеет доступ к базовым услугам питьевой воды. В долгосрочном периоде у высокоразвитых стран данный показатель имеет стабильно высокое значение, а зачастую и положительную динамику. Также стоит отметить значительный рост доступа к питьевой воде во многих странах с невысоким уровнем дохода, где в начале периода анализируемый показатель имел невысокие значения.

Во всех странах ЕАЭС, кроме Республики Беларусь, наблюдается положительная динамика анализируемого показателя. При этом наилучшее значение в 2020 году у Армении, которое в 2020 достигло 100 %. Важно отметить устойчивую отрицательную динамику данного показателя в Республике Беларусь, хоть в целом значение показателя высокое, в отличие, например, от значений показателя Кыргызстана, которое лишь к концу анализируемого периода стало выше среднемировых значений. Тем не менее, целесообразно улучшить доступ населения Беларуси к базовым услугам питьевой воды (рисунок 5).

Также можно отметить, что пандемия коронавируса не оказала значимого влияния на показатель доступа населения к базовым услугам питьевой воды в странах мира.

Анализ доступа населения к базовым услугам питьевой воды в разрезе городского и сельского населения свидетельствует о более высоких значениях данного показателя по городскому населению. В Республике Беларусь значение показателя по городскому населению за 2020 год составило 96,0% и не изменилось по сравнению докоронакризисным 2019 годом, хотя и заметно снизилось по сравнению с 2000 годом. В передовых странах ЕС значения данного показателя составляет более 99 %. В России значение показателя составляет 98,8 %

и тоже не изменилось на фоне пандемии коронавируса. Доступ сельского населения к базовым услугам питьевой воды в 2020 году в Беларуси составил 98,6 %, в России – 91,5 % (в 2019 году 98,5 и 91,3 соответственно).

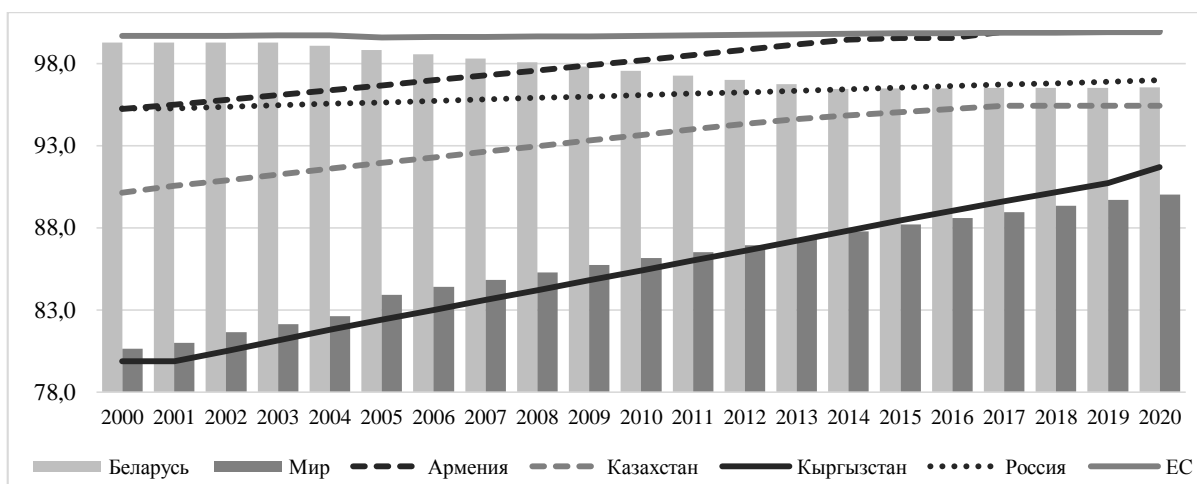

Рисунок 5 – Люди, пользующиеся по крайней мере базовыми услугами питьевой воды (% населения)

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [3]

Таким образом, население Беларуси, как городское, так и сельское, имеет высокие показатели доступа к базовым услугам питьевой воды, но есть потенциал для дальнейшего улучшения данного показателя.

Анализ доступа населения к *услугам безопасной питьевой воды* в мире свидетельствует о том, что во многих странах, особенно с высоким уровнем дохода, большой процент населения имеет доступ к услугам безопасной питьевой воды, однако данный процент зачастую ниже, чем в случае с доступом к базовым услугам питьевой воды (рисунок 6). В частности, среднемировое значение показателя доступа населения к услугам безопасной питьевой воды ниже по сравнению со среднемировыми значениями показателя доступа населения к базовым услугам питьевой воды.

В долгосрочном периоде у высокоразвитых стран значения анализируемого показателя стабильно высокие, показатель зачастую имеет положительную динамику. Также стоит отметить значительный рост доступа к услугам безопасной питьевой воды во многих странах с невысоким уровнем дохода, где в начале периода анализируемый показатель имел невысокие значения. В то же время есть небольшое количество стран, в которых за анализируемый период ситуация с доступом к услугам безопасной питьевой воды ухудшилась при изначально невысоких значениях анализируемого показателя. Это такие страны как Непал, Зимбабве, Пакистан, КНДР, Алжир, Северная Македония. В целом же, рост анализируемого показателя наблюдается по всем группам стран, как с высоким уровнем дохода, так и с низким и средним уровнем дохода. В то же время в странах с низким уровнем дохода показатель в целом растет более быстрыми темпами.

Во всех странах ЕАЭС наблюдается положительная динамика анализируемого показателя в долгосрочном периоде. При этом наилучшее значение в 2020 году, у Республики Беларусь, которое с 2013 года максимально приблизилось к значениям в среднем по ЕС. Важно отметить большой прогресс Республики Беларусь в обеспечении населения безопасной питьевой водой. В то же время еще существует потенциал для совершенствования в данном направлении, поскольку большинство стран ЕС имеют значения данного показателя на уровне больше 95 %, а в передовых странах ЕС анализируемый показатель находится в диапазоне 98-100 %.

В Кыргызстане значения данного показателя за анализируемый период ниже среднемирового, хоть и наблюдается его положительная динамика. Из всех стран ЕАЭС наименьшего

прогресса по анализируемому показателю достигла Российская Федерация. Значения показателя практически не увеличивались в долгосрочной ретроспективе, в итоге к 2020 году среднемировые значения данного показателя почти догнали значения по России (рисунок 6).

Можно отметить, что пандемия коронавируса не оказала значимого влияния на значения показателя доступа населения к услугам безопасной питьевой воды в странах мира, в 2020 году по сравнению с 2019 годом наблюдается в большинстве стран сохранение значений анализируемого показателя на прежнем уровне или его рост.

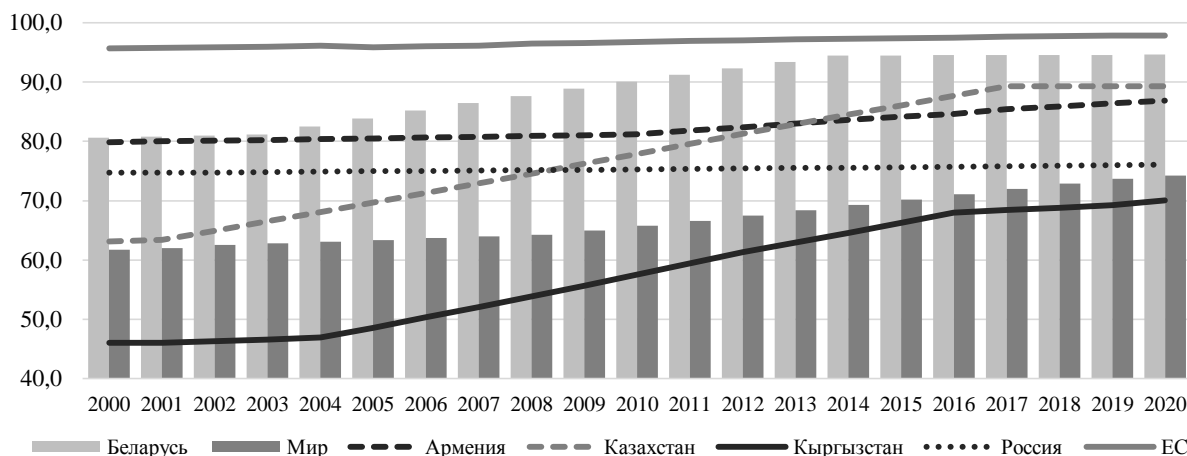
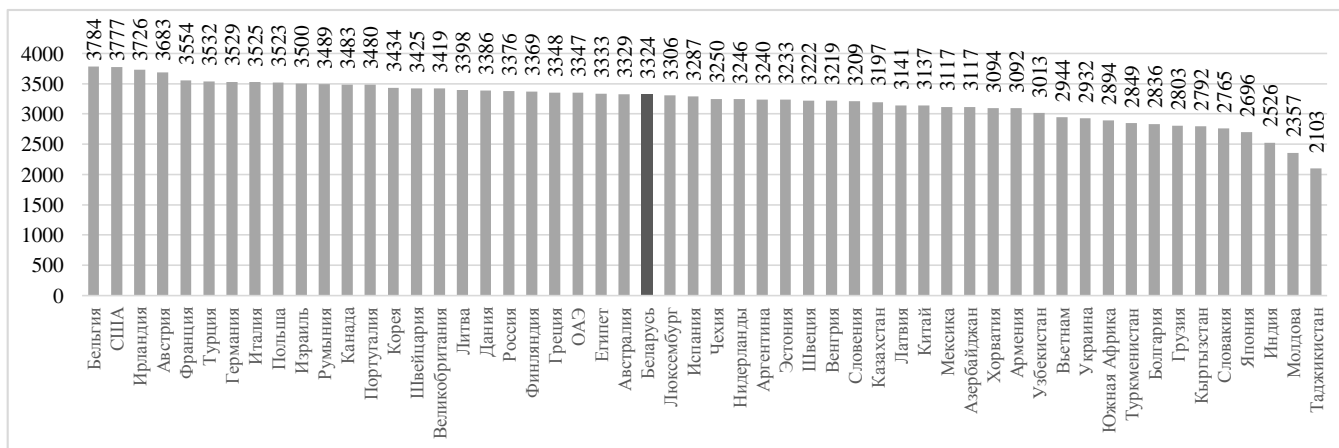

Рисунок 6 – Люди, пользующиеся услугами безопасной питьевой воды (% населения)

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [3]

Таким образом, население Беларуси имеет высокие показатели доступа к услугам безопасной питьевой воды, но есть потенциал для дальнейшего улучшения данного показателя.

На рисунке 7 представлено распределение стран по уровню среднесуточного потребления килокалорий на душу населения. Представлены страны с высоким и средним уровнем потребления килокалорий. По анализируемому показателю лидируют такие страны как Бельгия, США, Ирландия, Австрия, Франция, Турция, Германия, Италия, Польша, Израиль. В данных странах суточное потребление килокалорий составляет 3500 и выше. В Беларуси значение анализируемого показателя за 2017–2019 гг. составило 3324 (за 2015–2017 гг. – 3236) и является достаточно высоким, к тому же можно отметить положительную динамику анализируемого показателя в Беларуси [4, 5].

О повышении благосостояния населения Беларуси свидетельствует и устойчивая положительная динамика обеспеченности жильем, в том числе в коронакризисных 2020–2021 гг. (рисунок 8).

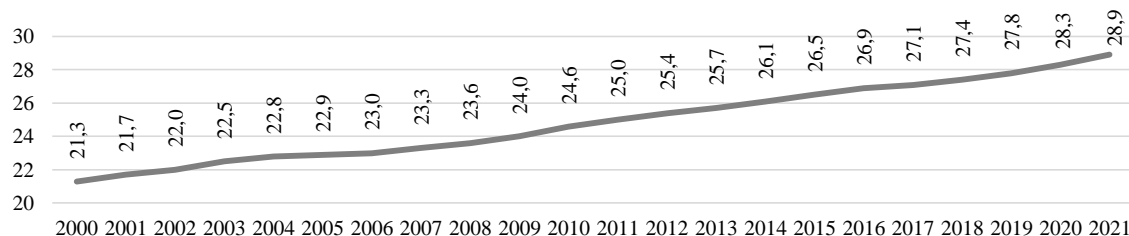

Рисунок 8 – Обеспеченность населения жильем (в среднем на 1 жителя, м кв. общей площади)

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [1]

Таким образом, правительство Республики Беларусь оказывает более сильное воздействие на экономику, чем в соседних странах с переходной экономикой. Это способствовало снятию остроты проблем бедности и экономического неравенства. Относительно высокие уровни социальных расходов содействовали сохранению в Беларуси системы социальной защиты, которая является достаточно стабильной. К настоящему времени удалось добиться высоких показателей обеспеченности населения Беларуси качественной питьевой водой. Среднесуточное потребление килокалорий населением Беларуси находится на очень высоком уровне. Также наблюдается устойчивая положительная динамика обеспеченности жильем.

В то же время, актуальным остается поддержание достигнутых результатов и их дальнейшее улучшение, особенно в непростых условиях, связанных с влиянием коронавируса и сложной геополитической обстановки. Рекомендуется направлять усилия на дальнейшее увеличение показателей обеспеченности населения жильем, доступа населения к услугам питьевой воды и др. Кроме того, целесообразно особое внимание уделить поддержке семьям, воспитывающим детей, которые относятся к малообеспеченным, а также, которые имеют повышенный риск попасть в категорию малообеспеченных.

Литература

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 05.05.2022.
2. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. Статистический сборник / Национальный статистический комитет, Минск. – 2021. – 249 с.
3. World Bank Open Data [Electronic resource]. – Mode of access: <https://data.worldbank.org>. – Date of access: 05.05.2022.
4. Беларусь и страны мира. Статистический сборник / Национальный статистический комитет, Минск. – 2018. – 392 с.
5. Беларусь и страны мира. Статистический сборник / Национальный статистический комитет, Минск. – 2020. – 369 с.

**МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ УРБАНИЗАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ
GLOBAL URBANIZATION TRENDS AND THEIR IMPACT FOR
THE DEVELOPMENT OF DEMOGRAPHIC POTENTIAL
IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES**

Дыдышко Алеся Васильевна,
стажер младшего научного сотрудника кафедры экономической и социальной географии,
Белорусский государственный университет
alesyadydyshko@gmail.com
Dydyshko Alesya,
Research Assistant of Department of Social and Economic Geography,
of the Belarusian State University
alesyadydyshko@gmail.com

Аннотация. В настоящее время больше половины населения планеты проживает в городской местности. Города в современном мире играют важную роль, поскольку представляют собой сложную многоуровневую систему, которая способствует формированию демографического потенциала территорий. Мировые тренды урбанизации взаимосвязаны с основными демографическими характеристиками стран и регионов мира. Изучение современных городов в условиях глобальных вызовов современности позволяет разрабатывать меры планирования территорий для улучшения социально-экономического положения стран и регионов мира с целью обеспечения высокого качества жизни населения и максимального использования потенциала тех или иных регионов. Современные проблемы развития городов, сопровождающиеся активным старением населения, климатическими изменениями, развивающимися болезнями требуют тщательного рассмотрения и анализа с целью минимизации всех негативных аспектов городского развития.

Ключевые слова: урбанизация, городское население, агломерация, старение населения, демографические тенденции, глобальные вызовы.

Abstract. Nowadays, more than half of the world's population lives in urban areas. Cities in the modern world have an important role, as they represent a complex multi-level system that contributes to the formation of the demographic potential of territories. Global urbanization trends are interconnected with the main demographic characteristics of countries and regions of the world. The study of today's cities in the context of global challenges of our time allows us to develop territorial planning measures to improve the socio-economic situation of countries and regions of the world in order to ensure a high quality of life for the population and maximize the potential of certain regions. Modern problems of urban development, accompanied by active aging of the population, climate change, developing diseases, require careful consideration and analysis in order to minimize all negative aspects of urban development.

Keywords: urbanization, urban population, agglomerations, population aging, demographic trends, global challenges.

В настоящее время закономерный процесс урбанизации является одной из ключевых тенденций демографического развития стран и регионов мира. Наряду с ростом населения, его старением и международной миграцией урбанизация оказывает весомое влияние на современную экономическую и социальную обстановку в странах и регионах. Проявление глобальных тенденций урбанизации оказывает существенное воздействие на устойчивое развитие, при этом наблюдается территориальная дифференциация среди заселенных территорий,

находящихся на разных стадиях формирования. Основа для функционирования городских пространств складывается из демографических тенденций, которые находятся во взаимосвязи с экономическими, социальными и политическими тенденциями. Процессы урбанизации и их влияние на демографические показатели стран и регионов определяют ключевые направления развития городов, при этом указывая на разнородность демографических тенденций в разных регионах и странах. Важность изучения урбанизации в таком контексте обусловлена необходимостью оценки основных мировых тенденций для разработки алгоритма, ориентированного на сокращение рисков глобализации и сохранение демографического потенциала Республики Беларусь.

Определение городов, городских агломераций и мегалополисов в разных регионах и странах различается в зависимости от правовых, административных, политических, экономических и культурных критериев. В марте 2020 года Статистическая комиссия ООН одобрила глобальное определение городов, которое охватывает сам город, а также территорию, выходящую за пределы административной городской границы. Городская агломерация с такой точки зрения представляет собой город, рассматривающийся с пригородными районами, которые связаны с основным городом в экономическом и социальном плане [1].

С демографической точки зрения, в городском развитии ключевую роль играют показатели рождаемости, смертности и процессы миграции населения, поскольку рост городов обуславливается естественным и механическим движением населения, что проявляется в увеличении численности населения той или иной территории, а также в увеличении плотности заселения территорий. Как правило, в городской местности более развитых регионов наблюдается тенденция к снижению уровня рождаемости и смертности, увеличению продолжительности жизни, что обусловлено наличием в городах доступа к учреждениям здравоохранения, более высоким уровнем образования и в целом более высоким качеством жизни в сравнении с сельской местностью. Хотя, не смотря на данную тенденцию, отмечается существенное и принципиальное различие в моделях, причинах и темпах данных демографических процессов среди разных регионов мира, что в свою очередь дает возможность выделить свои особенности развития процесса урбанизации между этими регионами. Анализ демографических тенденций, проявляющихся в городах особенно актуален, поскольку огромное количество людей стремится переехать в городские районы.

Демографические тренды рождаемости, смертности, а также ожидаемой продолжительности жизни влияют на возрастную структуру населения. Во многих странах Африки, Ближнего Востока и Южной Азии наблюдается очень высокая доля населения моложе трудоспособного возраста. В странах с очень низкой рождаемостью и при этом высокой ожидаемой продолжительностью жизни, в возрастной структуре отмечается высокое количество жителей пожилого возраста. Ярким примером такой страны служит Япония. Эти демографические тенденции в высокой степени зависят от урбанизированности той или иной территории, что будет проявляться в необходимости проведения особой городской политики для определенных населенных мест. Проблема старения населения является одной из основных тенденций, которая в настоящее время требует активного обсуждения. По причине высокой нагрузки на трудоспособное население, могут возникать трудности в качественном обслуживании пожилых людей, что создает необходимость в разработке новых мер регулирования данного процесса, которые бы способствовали улучшению ситуации.

Миграция населения влияет не только на рост городов, но также и на рост численности населения и его возрастную структуру. При этом миграция населения должна грамотно регулироваться, поскольку перенаселение городов может влиять на возникновение экономических, социальных и экологических проблем.

На сегодняшний день в городских районах проживает около 56 % населения от общей численности населения планеты. Ожидается, что в ближайшие десятилетия процесс урбанизации будет все так же продолжаться, однако темпы будут постепенно замедляться. По прогнозам Всемирного банка, ожидается, что население городской части мира увеличится в 1,5 раза и достигнет отметки в 6 миллиардов человек к 2045 году.

В 2020 году по количеству насчитывалось 1934 агломерации с населением более 300 тыс. человек, где проживало примерно 60 % городского населения мира. В 2020 году в агломерациях в общем насчитывалось не менее 2,6 миллиарда человек, что эквивалентно одной трети мирового населения [2].

В настоящее время можно выделить несколько основных тенденций, которые просматриваются в современных процессах урбанизации. Во-первых, население агломераций быстро растет. Ожидается, что численность населения, которая будет проживать в агломерациях к 2035 году увеличиться до 3,5 миллиардов человек, что будет составлять около 40 % населения. Агломерации будут представлять из себя такие населенные пункты, в которых будет проживать наибольшее количество людей в мире, после которых по количеству проживающего населения уже будут следовать сельские районы, поселки и другие менее населенные городские поселения. В свою очередь, города с населением менее 300 тысяч будут составлять почти четверть населения мира, то есть в них будет проживать примерно 2 миллиарда человек [2].

Во-вторых, в ближайшие годы количество агломераций мира будет продолжать расти. К 2035 году прогнозируется увеличение количества агломераций до 2363. Из них по прогнозам 14 новых агломераций будет насчитывать более 10 миллионов человек и 22 новые агломерации будут насчитывать от 5 до 10 миллионов человек.

В-третьих, наблюдается корреляция между ростом городского населения и появлением новых агломераций. Азиатско-Тихоокеанский регион и Африка будут лидировать в показателях роста, в то время как Восточная Европа останется стабильной. Латинская Америка и страны Карибского бассейна, а также Западная Европа продемонстрируют увеличение численности, хотя и более замедленными темпами. На Азиатско-Тихоокеанский регион приходится 56 % населения агломераций мира, проживающего в 1038 агломерациях, в то время как на Восточную Европу приходится 121 агломерация, где проживает 3,9 % городского населения мира.

Существуют некоторые региональные различия в распределении наиболее крупных агломераций мира. По данным за 2020 год в 34 агломерациях численность жителей превысила 10 миллионов; в то время как 51 агломерация имеет население от 5 до 10 миллионов человек; 494 от 1 до 5 миллионов; и 1355 от 300 000 до 1 миллиона (таблица 1).

Таблица 1 – Количество агломераций по регионам мира в разрезе численности проживающего в них населения по данным за 2020 год

Численность населения, чел.	Регион				
	Азиатско-Тихоокеанский	Западная Европа, Северная Америка, Океания	Африка	Латинская Америка и Карибский регион	Восточная Европа
	Количество агломераций				
10 миллионов и более	21	3	3	6	1
5–10 миллионов	30	11	6	3	1
1–5 миллион	264	80	59	65	26
300 000–1 миллион	723	231	167	141	93
Всего агломераций	1038	325	235	215	121

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [2]

Наибольшее количество агломераций наблюдается в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где насчитывается 1038 агломераций с общей численностью населения почти в 1,5 миллиарда

человек. Среди стран-лидеров по количеству агломераций выделяются: Китай (444), Индия (191), Индонезия (34), Япония (33) и Филиппины (32). Города растут более высокими темпами по сравнению с общим приростом населения. В данном регионе находится наиболее крупный мегасити в мире – город Токио. В городах распространена проблема старения населения, по причине снижения уровня рождаемости и высокого уровня продолжительности жизни. Также высока роль миграции, проявляющейся в росте почти всех городов. Основная масса населения проживает в малых и средних городах. Для стран Азиатско-Тихоокеанского региона крайне актуальна проблема проживания в трущобах. Хотя доля населения, проживающего в трущобах сокращается, более полумиллиарда людей все еще живут в неблагоприятных условиях.

В 2020 году в странах Западной Европы, а также Северной Америки и Австралии насчитывается 325 агломераций с общей численностью населения в них более чем 400 миллионов человек. В список стран-лидеров по количеству агломераций входят следующие: США (144), Канада (17), Италия (32), Великобритания (28), Германия (23), Франция (20), Испания (14), Австралия (11). Население данных регионов растёт, однако медленными темпами.

Страны Африки насчитывают 235 агломераций, в которых проживает в общем более 300 миллиона человек. Страны-лидеры по количеству агломераций: Нигерия (54), Демократическая Республика Конго (17), ЮАР (15), Египет (14), Марокко (11), Ангола (10). По прогнозам, численность населения африканских агломераций будет увеличиваться. К 2035 году ожидается увеличение населения более чем на 190 миллионов человек. При этом в странах Северной Африки наблюдаются высокие показатели урбанизации с постепенным снижением темпов роста городов. Регион характеризуется снижением уровня смертности, особенно среди детей, а также снижением коэффициентов рождаемости. При всем этом население стран Северной Африки будет продолжать быстро расти в течение ближайших десятилетий из-за все еще высокого уровня рождаемости, а также миграции. В Африке к югу от Сахары можно отметить наиболее высокие темпы роста городов в мире, по причине высоких показателей естественного прироста населения, а также активной миграции населения из села в город. Сейчас Африка к югу от Сахары является довольно неурбанизированным регионом, что говорит о том, что в ближайшие десятилетия темпы роста городов в данном регионе будут увеличиваться.

В странах Латинской Америки и Карибского региона находится 215 агломераций, где в общем проживают более 320 миллионов человек. Страны-лидеры: Бразилия (61), Мексика (54), Колумбия (18), Аргентина (17), Венесуэла (17), Перу (11). Прогнозируется увеличение численности населения городов на 53 миллиона человек. Латинская Америка и Карибский регион в настоящее время урбанизирован на 81 %, что является вторым показателем урбанизированности региона после Северной Америки, где уровень урбанизации в 2020 году составляет 83 %. Среди стран данного региона наблюдаются существенные различия. Аргентина, Чили, Уругвай и Бразилия, которые уже являются очень урбанизированными, в целом имеют более низкие и стабильные темпы роста населения, чем страны Карибского бассейна и Центральной Америки, которые менее урбанизированы и имеют более высокие темпы общего роста населения, в том числе городского населения. Восточная Европа по данным на 2020 год насчитывает 121 агломерацию с общей численностью населения более 100 миллионов человек. Страны-лидеры: Россия (67), Украина (15), Польша (9), Беларусь (6). Данный регион имеет самые низкие темпы прироста общего и городского населения. В некоторых странах наблюдается снижение уровня урбанизации. По прогнозам, увеличение численности городского населения к 2035 году в данном регионе произойдёт только на 2 миллиона человек [2].

По данным Всемирного банка можно заметить, что в странах с более высокими доходами уровень урбанизации выше нежели в странах, где уровень дохода низкий. Так, например, страны с высокими доходами урбанизированы на 81 %, в странах со средним уровнем доходов 52 % населения проживает в городах, а в странах с низкими доходами – 34 % [3].

Говоря о Республике Беларусь, численность населения, проживающего в городах, достигает отметки почти в 7,5 миллионов человек, что составляет 79 % населения страны. В 2000 году численность городского населения составляла почти 7 миллионов человек, что равнялось 70 % от общего населения страны. Рост городского населения постоянно снижается, в 2020 го-

ду общий рост городского населения составил 0,1 %. По данным за 2020 год, в Республике Беларусь насчитывается 6 городов с численностью населения более 300 тысяч человек, которые являются областными центрами: Минск (1,9 млн человек), Гомель (526 тыс. чел.), Могилев (375 тыс. чел.), Витебск (373 тыс. чел.), Гродно (361 тыс. чел.), Брест (337 тыс. чел.) [4].

Современные процессы урбанизации способствуют развитию такого типа глобальных проблем, как старение населения, с которыми сталкиваются города по всему миру. Современная реальность диктует определенные условия, в которых необходимо принимать меры для планирования городского расселения. Среди основных аспектов, которые можно выделить для регулирования ситуации в городах выделяются следующие: необходимость в проведении политики в области планирования качественного жизненного устройства на тех или иных территориях, а не только количественной составляющей показателей численности населения; разработка мер такого подхода городского планирования, который бы обеспечивал здоровое старение населения, способствовал активному образу жизни, обеспечивал качественное и комфортное проживание; нахождение путей для обеспечения эффективных мер в области экономики народонаселения как в развитых, так и в развивающихся странах, которые бы помогли обеспечить благополучие и способствовали устранению неравенства; изучение в области планирования городского пространства в условиях проблемы старения населения и изменений климатических условий. Важной составляющей современной обстановки в городах является влияние пандемии COVID-19, которая указала на большое количество уязвимых составляющих, что требует от городов более прочной экономической основы, которая бы обеспечила благосостояние населения даже в условиях тяжелых эпидемий и кризисов.

Опыт зарубежных стран крайне важен для Республики Беларусь для качественного социально-экономического развития территорий. Современные тренды роста городов проявляются в негативном ключе в Республике Беларусь, поскольку концентрация населения в крупных городах влияет на развитие диспропорций в территориальном развитии регионов страны. Процессы миграции населения должны регулироваться, чтобы качество жизни тех территорий, куда население стремится переехать, улучшалось. Для максимальной реализации демографического потенциала нашей страны города республики должны обеспечивать населения следующими составляющими устойчивого развития: демографическим воспроизводством, занятостью населения, высоким уровнем здоровья, высоким уровнем социальной защищенности населения. Экономическое развитие республики возможно при повышении качества предоставляемых услуг здравоохранения и других социальных услуг, создании возможностей для реализации трудового потенциала населения, модернизации инфраструктуры городов, совершенствовании жилищных условий.

Города быстро меняются не только из-за демографических сдвигов и тенденций урбанизации, но и из-за глобальных вызовов и новых кризисов. Пандемия COVID-19, изменение климата, бедность, миграция способны коренным образом менять условия проживания людей на тех или иных территориях, а также то, с какими вызовами сталкиваются современные города. По мере изменения численности населения, повышения риска изменения климата и стихийных бедствий, а также появления других вызовов важно способствовать строительству устойчивых, пригодных для качественной и комфортной жизни городов.

Литература

1. World Urbanization Prospects 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://population.un.org/wup/>. – Дата доступа: 05.10.2022.
2. Global State of Metropolis 2020 – Population Data Booklet. The UN-Habitat Metropolitan Data Booklet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/09/gsm-population-data-booklet-2020_3.pdf. – Дата доступа: 05.10.2022.
3. The World Bank Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/home>. – Дата доступа: 05.10.2022.
4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 05.10.2022.

**СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В МИРЕ
MODERN TRENDS IN PENSION PROVISION IN THE WORLD**

Лебедевич Марина Викторовна,
научный сотрудник сектора политики занятости и рынка труда
центра человеческого развития и демографии,
Институт экономики НАН Беларуси
lebedevich_marina@mail.ru
Lebedevich Marina,
Researcher of the Employment Policy and Labor Market Sector
of the Center for Human Development and Demography,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
lebedevich_marina@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности социального обеспечения в мире, в частности, особенности пенсионного обеспечения. В настоящее время в высоко развитых странах предпринимаются попытки совершенствования имеющихся пенсионных систем, когда в развивающихся странах происходит лишь их зарождение, предпринимаются попытки расширения охвата населения пенсионными системами. В долгосрочной перспективе при сохранении роста демографической нагрузки возникнут финансовые затруднения в области пенсионного обеспечения у стран с высокими и средними доходами. Выявлена проблематика в области функционирования пенсионных систем, обозначены тренды пенсионного обеспечения в мире. К основным можно отнести: увеличение расходов на социальное обеспечение, увеличение охвата системами социальной защиты, уравнивание пенсионного возраста для мужчин и женщин, рост коэффициента замещения утраченного заработка пенсионными выплатами.

Ключевые слова: социальное обеспечение, пенсионная политика, пенсионный возраст, коэффициент замещения, неформальная занятость.

Abstract. The article considers the features of social security in the world, in particular, the features of pension provision. At present, highly developed countries are trying to improve existing pension systems, when developing countries are only in their inception, attempts are being made to expand the coverage of the population by pension systems. In the long term, if demographic burden continues to grow, there will be financial difficulties in the field of pensions in countries with high and middle incomes. The problems in the field of functioning of pension systems are revealed, the trends of pension provision in the world are indicated. The main ones include: an increase in social security spending, an increase in the coverage of social protection systems, equalization of the retirement age for men and women, an increase in the replacement rate for lost earnings with pension payments.

Keywords: social security, pension policy, retirement age, replacement rate, informal employment

В настоящее время эксперты из различных стран и международных общественных организаций приходят к выводу, что существующая мировая система социального обеспечения требует комплексной корректировки, ориентированной на актуальные изменения внутренней и внешней среды. Современные вызовы и угрозы не позволяют назвать совершенными системы социального обеспечения в большинстве стран мира, независимо от их уровня экономического развития. Необходимо отметить, выявленные проблемы являются глобальными, что позволяет разрабатывать универсальную стратегию совершенствования систем социаль-

ного обеспечения. От того, насколько многосторонне будет проанализирована данная проблема, зависит благополучие в социальном плане.

Анализ глобальных тенденций системы социального обеспечения – сложная задача, требующая разностороннего изучения большого количества аспектов в неразрывной связи с процессами глобализации [1].

По данным МОТ, представленным в Докладе о социальной защите в мире в 2017–2019 годах, полностью лишено или имеет лишь частичный доступ к услугам комплексных систем социальной защиты около 71 % населения [2]. К этому добавляется обостряющаяся проблема социального неравенства – имеет место характерное практически для всех стран мира увеличение степени разрыва доходов среди разных групп населения.

Фактический охват людей пожилого возраста пенсионным обеспечением составляет 68 % от общей численности лиц пенсионного возраста, а системой пенсионного обеспечения в мире охвачено лишь 16 % самозанятого населения.

Конец XX – начало XXI столетия характеризуется тем, что во многих развивающихся странах наблюдалось формирование и расширение пенсионных систем как таковых, в то время как в развитых странах шло активное реформирование уже сложившихся. Так, в 1970-х впервые появились системы пенсионного страхования в Южной Корее, Индонезии, Пакистане, в 1990-е гг. – в Таиланде, Уругвае, в Камбодже. Характерной чертой реформирования пенсионных систем того периода стало изменение пенсионного возраста. Так, в период с 1970 по 2010 гг. пенсионный возраст снизился для Ирландии на пять лет, для Франции на четыре года, для Канады на три. Однако снижение пенсионного возраста не имеет глобального характера. В Японии, Новой Зеландии и США произошло, наоборот, его увеличение. Необходимо отметить, что в странах с формирующимися рынками тенденция к увеличению пенсионного возраста более выражена (группа стран с формирующимся рынком и развивающихся стран включает все страны, которые не относятся к категории стран с развитой экономикой. Региональная разбивка стран с формирующимся рынком и развивающихся стран: Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ), СНГ, развивающиеся страны Азии, Ближний Восток и Северная Африка (БВСА), Африка к югу от Сахары (АЮС) и Западное полушарие (континентальные страны, Центральная Америка и страны Карибского бассейна).

Региональные различия в сфере защиты доходов лиц пожилого возраста весьма значительны: показатель охвата в странах с более высоким уровнем дохода приближается к 100 %, в то время как в странах Тропической Африки он составляет лишь 22,7 %, а в Южной Азии – 23,6 % (рисунок 1).

В ряде стран за период с 2000 по 2016 гг. удалось существенно повысить охват пожилого населения пенсиями. Наибольшего прогресса достиг Китай – с 25 до 100 %. Серьезного прогресса добились также Таиланд (где охват возрос с 5 до 85 %) и Южная Корея (с 23 до 80 %).

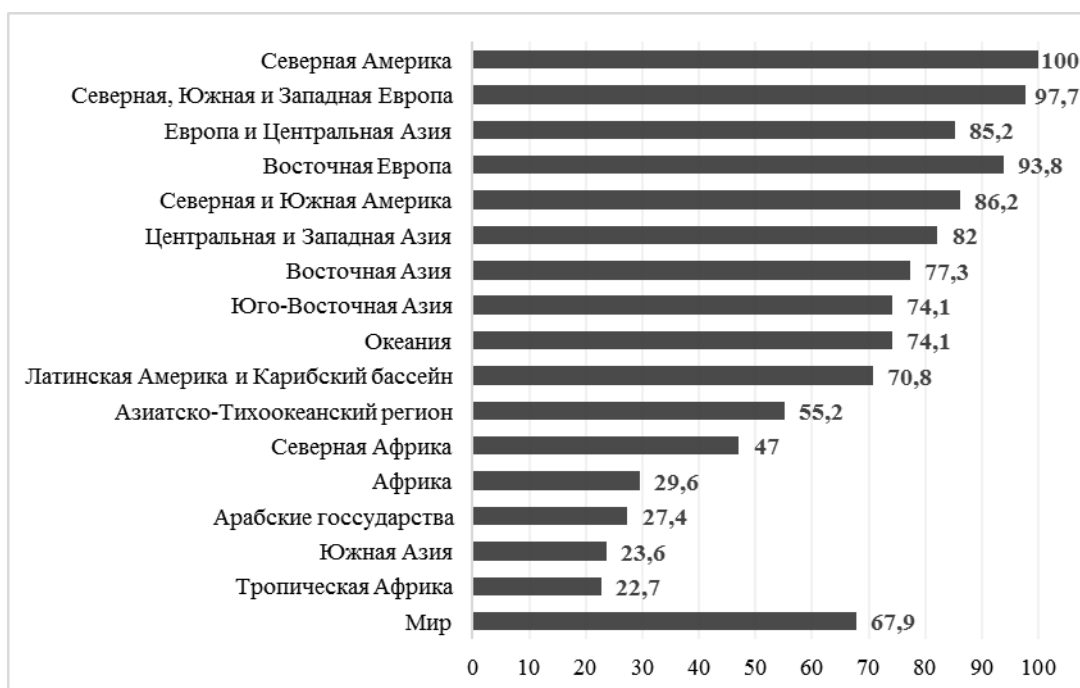

Рисунок 1 – Глобальные и региональные оценки эффективного охвата систем социальной защиты для населения пенсионного возраста, 2018 г., %

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [2]

Несмотря на то, что в высокоразвитых странах охват систем социальной защиты для населения пенсионного возраста стремится к 100 %, в странах Африки и Южной Азии пенсионные системы находятся лишь на стадии формирования. В экономически развитых странах пенсионные системы требуют серьезного реформирования в связи с увеличением нагрузки и сложности обеспечения на должном уровне выплатами населения пенсионного возраста.

Повышение пенсионного возраста в последнее десятилетие стало наиболее распространенной мерой реформирования в пенсионной сфере. Так, по оценкам МОТ, в период с 2010 по 2016 гг. в мире было принято 103 решения, направленные на более позднее предоставление гражданам права на пенсию по старости. Чаще всего (в 72 случаях) это обеспечивалось повышением пенсионного возраста, однако имели место и другие меры, к числу которых можно отнести: отмена добровольного досрочного оформления пенсий; потери в пенсионных выплатах, связанные досрочным оформлением пенсии; предложение дополнительных выгод, связанных с более поздним выходом на пенсию; увеличение минимального необходимого трудового и страхового стажа. В ряде стран, например, таких как Дания, Италия, Финляндия, было принято решение об автоматической индексации пенсионного возраста по мере увеличения продолжительности жизни.

Анализ существующих пенсионных систем в разных странах позволил установить, что работа в этом направлении активно ведется. Из 46 анализируемых стран 25 (54 %) будут увеличивать пенсионный возраст.

Несмотря на проведенные реформы, расходы на выплату пенсий в XXI в. продолжали увеличиваться, более того, их рост ускорился. Это объясняется тем, что проведение пенсионных реформ – процесс длительный, и период от принятия законодательной базы пенсионных реформ до получения планируемого эффекта может исчисляться десятилетиями.

В целом по ОЭСР к 2060 году средний пенсионный возраст достигнет 65,8 года для мужчин и 65,5 года для женщин. Для 20-летних работников стандартный пенсионный возраст повысится за это время в 18 из 35 стран, и в этих странах среднее изменение составит 3,3 года [2].

На фоне сокращения разницы ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами происходит уравнивание пенсионного возраста (либо уже произошло, либо с большой вероятностью произойдет в перспективе). Данная тенденция на данный момент

характерна для высокоразвитых стран. В странах ЕАЭС женщина получает пенсию по возрасту в среднем на 10 лет больше, чем мужчина по причине разной продолжительности жизни. Для стран Западной Европы и Центральной Азии эта величина колеблется в пределах пяти лет, в связи с этим, перспективное уравнивание возраста выхода мужчин и женщин на пенсию для определенного перечня стран является вполне закономерным (таблица 1).

Таблица 1 – Разница между ожидаемой продолжительностью жизни и возрастом выхода на пенсию, 2021 г.

Страна	Разница между ожидаемой продолжительностью жизни и возрастом выхода на пенсию у мужчин, лет	Разница между ожидаемой продолжительностью жизни и возрастом выхода на пенсию у женщин, лет	Количество лет, в течение которых в среднем женщина получает пенсионные выплаты больше, чем мужчина из-за разной ожидаемой продолжительности жизни, лет
Россия	6,12	21,65	15,53
Беларусь	7,15	21,9	14,75
Кыргызстан	4,85	18,03	13,18
Польша	10,51	22,98	12,47
Австралия	15,48	27,8	12,32
Аргентина	8,82	20,42	11,6
Колумбия	13,18	23,54	10,36
Казахстан	6,55	16,57	10,02
Китай	15,36	24,73	9,37
Австрия	14,88	24,19	9,31
Чили	13,54	22,8	9,26
Армения	6,82	15,9	9,08
Филиппины	7,67	15,92	8,25
Япония	18,91	27,09	8,18
Турция	15,57	23,21	7,64
Израиль	14,98	22,61	7,63
Финляндия	11,82	19,39	7,57
Мексика	9,62	17,17	7,55
Таиланд	19,16	26,34	7,18
Уругвай	14,75	21,88	7,13

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе

Тенденция к наибольшей разнице между ожидаемой продолжительностью жизни у мужчин и у женщин наблюдается в странах бывшего СССР. Основной причиной смертности мужчин в трудоспособном возрасте в этих странах являются неинфекционные заболевания. Среди них лидируют болезни системы кровообращения, органов пищеварения и дыхания, а также новообразования. Значительная часть смертей вызвана внешними причинами, то есть, травмами и отравлениями. При этом смертность мужчин от болезней системы кровообращения в среднем в 6 раз выше, чем у женщин, от рака – более чем в два раза, от внешних причин – в 6 раз [3]. Многие мужские смерти от внешних причин прямо или косвенно связаны с алкоголем. Это относится, в том числе, к суицидам, которые всё ещё обуславливают существенную часть смертности от внешних причин и гораздо чаще совершаются в состоянии алкогольного опьянения.

Коэффициент замещения утраченного заработка трудовой пенсией по старости должен достигать 40 %. Он рассчитывается как соотношение пенсии и прежних доходов получателя, а также зависит от стажа и заработка. Такая норма содержится в 102-й Конвенции Международной организации труда. Процент минимальной заработной платы от усреднённой зарплаты, по рекомендациям Международной организацией труда, должен составлять 50 %, а Европейского союза – 60 %.

Планку в 40 % удалось преодолеть в 23 из 39 исследуемых стран. Самые высокие показатели – в Нидерландах и Мексике, где размер средней пенсии близок к размеру средней заработной платы. Вклад различных компонент в формирование пенсий достаточно разрознён. Некоторые страны практикуют использование обязательных распределительных схем, в других – ведущую роль играют накопительные пенсии, третьи – комбинируют использование накопительных и распределительных компонентов. Однозначно сказать, какая система лучше, а какая хуже – нельзя, в частности, нет прямой взаимосвязи между средним размером пенсии и применением той или иной пенсионной системы.

С 2018 по 2020 гг. в странах ОЭСР в более чем в половине исследованных стран наблюдалось незначительное увеличение брутто-коэффициента замещения (не более 10 п.п.). Самая значительная отрицательная динамика у Эстонии и Индии – -19,1 и -27 п.п. соответственно. Региональных закономерностей в изменении коэффициентов замещения нет, но, учитывая последствия пандемии COVID-19, большинству исследуемых стран удалось не только сохранить, но и повысить коэффициент замещения утраченного заработка трудовой пенсией по старости.

В анализируемых странах средняя пенсия выше там, где государственные трансферты в общей сумме пенсии составляют в диапазоне от 30 до 50 % (рисунок 2), из чего следует, что наибольший размер пенсий выплачивается в странах, где умело сочетаются накопительная и распределительная системы. Данная тенденция также подтверждается исследованиями международной консалтинговой компанией Mercer и финансово-аналитической компанией CFA Institute, которые вывели Global Pension Index. Согласно их оценкам, в топ лучших пенсионных систем вошли Исландия, Нидерланды, Дания, Израиль, Швеция [4].

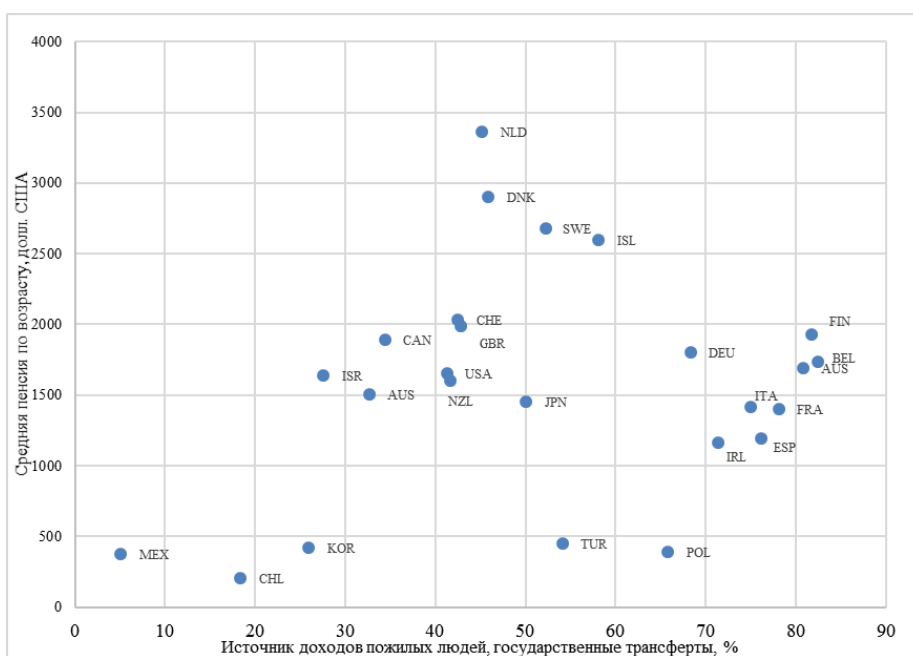

Рисунок 2 – Взаимосвязь между размером средней пенсии по возрасту и долей государственных трансфертов в пенсиях по возрасту

Примечание – Источник: Собственная разработка автора

Доля отчислений от ВВП на обеспечение гарантированного дохода для пожилых людей больше в странах с более высоким уровнем дохода. Ключевыми факторами, обуславливающими эту тенденцию, являются увеличение количества пожилых людей в возрастной структуре населения в развитых странах, увеличение охвата людей пожилого возраста пенсионным обеспечением в развивающихся странах. Перед странами с высокими и средними доходами стоит задача обеспечить финансовую стабильность в условиях старения населения, а у стран с низкими доходами – расширить охват пенсионными системами и обеспечить развитие пенсионных систем. Страны, характеризующиеся относительно невысокими среднедушевыми доходами, не рассматривают старение населения как угрозу, но им следует учиты-

вать имеющийся опыт других стран при формировании своих национальных пенсионных систем и формировании стратегий пенсионных политик.

Представление о вероятной динамике пенсионных показателей на более длительный период для стран ЕС дает доклад Еврокомиссии о последствиях старения населения [5]. В этом докладе дается прогноз ключевых показателей пенсионных систем стран ЕС на 2016–2070 гг. Согласно его выводам, наибольшую проблему для ЕС представляет собой старение населения. В период 2016–2070 гг. потребность в финансировании пенсионных систем потенциально могла бы увеличиться на 6,5 п.п. ВВП, если бы не принимались на правительственном уровне меры по их совершенствованию. Ожидается, что в целом по ЕС последствия будут полностью компенсированы и пенсионные расходы незначительно снизятся (на 0,2 п.п. ВВП). Адаптация к повышению демографической нагрузки пройдет за счет повышения пенсионного возраста и снижения уровня пенсий по сравнению с заработной платой. Необходимо отметить различия в пенсионной политике: некоторые страны (как Греция или Испания) снижают размер пенсий к средней заработной плате, другие (Нидерланды) – повышают пенсионный возраст, третьи – комбинируют два указанных выше способа, четвертые (Германия) в дополнение увеличивают сумму пенсионных расходов.

Отметим также, что среди стран ЕС, страны, имеющие уровень пенсионных расходов выше среднего (около 11 % ВВП), снижают его, и почти все, где расходы ниже среднего, увеличивают их.

Ожидается, что тенденция увеличения расходов на социальную защиту проявится в странах с развитой системой социального обеспечения. Следует отметить, что наиболее крупные ассигнования выделяют Франция, Греция и Италия. В группах стран с высоким и средним уровнем дохода наблюдается широкий разброс величины расходов, который обусловлен существенными различиями в демографической обстановке и системах социальной защиты. Наименьший показатель расходов у стран с низким уровнем дохода: в этой группе наибольший объем средств для удовлетворения потребностей пожилых людей в обеспечении гарантированного дохода выделяет Объединенная Республика Танзания, страна, расходующая на эти цели лишь 2 % ВВП.

Существенной угрозой для формирования социальных фондов является неформальная занятость, которая определяется как работа лиц, занятых в неформальном секторе, а также лиц, работающих по найму без оформления трудовых отношений в крестьянских (фермерских) хозяйствах или в других организациях (неформальная занятость вне неформального сектора). По данным МОТ, более 60 процентов мирового работающего населения занято в неформальной экономике [6].

В Африке доля неформальной занятости достигает 85,8 %. В Азиатско-Тихоокеанском регионе этот показатель составляет 68,2 процента, в арабских странах – 68,6, на Американском континенте – 40,0, в Европе и Центральной Азии – 25,1.

Неформальная занятость фактически приводит к лишению социальной защиты, трудовых прав и достойных условий труда для граждан любой страны.

Доля теневого сектора в 158 странах за 1991–2015 гг. уменьшается, но в развивающихся все еще остается на достаточно высоком уровне.

В 2020–2021 гг. в целом на международном уровне можно наблюдать сокращение как формальной, так и неформальной занятости. Скорость сокращения количества работников в неформальном секторе за первые два квартала 2021 г. заметно снизилась: работники не спешат оформляться официально. С учетом развития цифровых технологий появляются новые формы организации работы, например, фриланс.

В группе развитых стран теневая занятость снижается или сохраняет прежние невысокие показатели. Неформальная занятость и ее воздействие на формирование социальных остается достаточно серьезной проблемой.

Несмотря на то, что каждая национальная система социального обеспечения имеет свои особенности, выделим следующие общемировые тенденции.

1. Размер средств, выделяемых на социальные нужды, зависит от размера ВВП отдельной страны. Расходы на пенсии и другие пособия для лиц пожилого возраста в среднем составляют 6,9 % ВВП, при этом данное значение значительно разнится в региональном разрезе. В странах ЕС с высоким уровнем расходов постепенно происходит их снижение до среднего уровня.

2. Пенсионный возраст находится в тесной взаимосвязи с продолжительностью жизни. В некоторых странах, таких как Дания, Италия, Финляндия, принято решение об автоматической индексации пенсионного возраста по мере увеличения продолжительности жизни.

3. Наблюдается четкая взаимосвязь между величинами минимальной заработной платы и средней пенсии: в 19 из 39 исследуемых стран минимальный размер заработной платы оказался приближенным к среднему размеру пенсии. Однако, в докладе Еврокомиссии о последствиях старения населения, содержится информация о том, что в будущем будет наблюдаться постепенное увеличение разрыва между этими величинами.

4. Устанавливается гендерное равенство в социальном обеспечении. В 27 из 46 исследуемых стран пенсионный возраст для мужчин и женщин одинаков. Кроме того, в 20 из 46 исследуемых странах планируется поэтапное увеличение пенсионного возраста и приведение его к равному значению у мужчин и женщин.

5. Наибольший размер пенсий выплачивается в странах, где умело сочетаются накопительная и распределительная системы.

6. В условиях увеличения дистанционных рабочих мест все сложнее контролировать взносы в социальные фонды из-за «теневой» занятости. Для реформирования имеющихся социальных систем социальной защиты необходима их перестройка с учетом демографической динамики и изменений в сфере труда.

7. Рост коэффициента замещения (соотношение между размерами трудовой пенсии по старости и утраченным заработком). В некоторых странах пенсионные выплаты полностью замещают утраченный заработок. Однако, по прогнозам международных организаций, эта тенденция в будущем будет иметь обратную динамику.

Некоторые тенденции являются актуальными на протяжении многих лет. В связи с чем видится возможным создание транснациональных объединений для поиска проблем в той или иной сфере социального обеспечения. С каждым годом количество участников социальных программ лишь увеличивается, требуется все больше ресурсов для полноценного обеспечения социальной сферы. Решение видится в стандартизации принципов и условий социального обеспечения граждан и предусмотрении минимального уровня гарантий независимо от страны, где производятся выплаты. Это возможно при условии разработки типовой программы реформирования национальных систем, которая смогла бы учесть как финансовые ограничения, так и глобальные угрозы, а также повышении эффективности социальных расходов, которое возможно при совершенствовании учета поступления целевых взносов в социальные фонды.

Литература

1. Степанова, М. Н. Глобальные вызовы системе социального обеспечения как детерминанта ее развития / М. Н. Степанова // АНИ: экономика и управление. – № 2 (35). – 2021. – С. 321–324.

2. Горлин, Ю. М. Повышение пенсионного возраста: опыт зарубежных стран и оценка эффектов для России / Ю. М. Горлин, Е. Е. Гришина, В. Ю. Ляшок // Финансовый журнал. – 2017. – № 6 (40). – С. 85-97.

3. Боброва, А. Г. Политика в области профилактики и предупреждения пьянства и алкоголизма в / А. Г. Боброва // Беларуская думка : штомесячны грамадска-палітычны і навукова-папулярны часопіс / заснавальнік Адміністрацыя Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. – 2019. – № 1. – С. 74–81.

4. Pension reform in challenging times [Electronic resource] // Mercer CFA Institute Global Pension Index 2021. – 2021. – Mode of access: <https://www.mercer.com/content/dam/mercer/attachments/private/gl-2021-global-pension-index-mercer.pdf>. – Date of access: 29.09.2022.

5. The 2018 Ageing Report. Economic and Budgetary Projections for the EU Member States (2016–2070) [Electronic resource] // European Commission. Institutional, Paper 079. – 2018. – Mode of access: https://economy-finance.ec.europa.eu/publications/2018-ageing-report-economic-and-budgetary-projections-eu-member-states-2016-2070_en. – Date of access: 29.09.2022.

6. World Employment and Social Outlook: Trends 2022 [Electronic resource] // International Labour Office, Geneva. – 2018. – Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_834081.pdf. – Date of access: 14.10.2022.

УДК 331.108

**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
PERFORMANCE EVALUATION OF CIVIL SERVANTS
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Матвеевко Ольга Эдуардовна,
заместитель начальника отдела по работе с персоналом,
Министерство экономики Республики Беларусь,
соискатель ГНУ «Научно-исследовательский экономический институт
Министерства экономики Республики Беларусь»
matveyenkoolga@gmail.com
Matveyenko Olga,
Deputy Head of the HR Department,
of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus,
the post graduate student of the Economy Research Institute of the Ministry of Economy
matveyenkoolga@gmail.com

Аннотация. В современных условиях эффективное функционирование государственной гражданской службы невозможно без активного участия гражданских служащих в достижении целей и задач органов государственной власти, профессионального исполнения служащими возложенных на них функций и задач. Одним из ключевых компонентов формирования квалифицированного, грамотного, результативного кадрового состава государственной гражданской службы является система оценки гражданских служащих. Определить эффективность их деятельности призван механизм аттестации.

В статье рассматриваются организационно-правовые основы аттестации, выявляются особенности её регламентации в отношении различных категорий гражданских служащих. В ходе исследования автор выявляет проблемные вопросы оценки деятельности лиц, состоящих на гражданской службе, в целях повышения кадрового потенциала государственной гражданской службы в целом и результативности профессиональной служебной деятельности отдельных гражданских служащих обосновывает необходимость совершенствования процедуры аттестации в Республике Беларусь.

Ключевые слова: Гражданская служба, аттестация, гражданские служащие, оценка деятельности.

Abstract. In modern conditions, the effective functioning of the state civil service is impossible without the active participation of civil servants in achieving the goals and objectives of public authorities, professional performance of the functions and tasks assigned to the employees. One of the key components of the qualified, competent, effective staff formation of the state civil service is the system of evaluation of civil servants. The attestation mechanism is designed to determine the effectiveness of their activities.

The article examines the organizational and legal basis of attestation, identifies the features of its regulation in relation to various categories of civil servants. In the course of the study, the author identifies problematic issues of civil servants evaluation in order to increase the human resources potential of the state civil service as a whole and the effectiveness of the professional performance of individual civil servants, justifies the need to improve the attestation procedure in the Republic of Belarus.

Keywords: civil service, attestation, civil servants, performance evaluation.

Эффективное государственное управление требует профессионального исполнения функций и задач, возложенных на государственных гражданских служащих. Одним из ключевых компонентов формирования квалифицированного, грамотного, результативного кадрового состава государственной гражданской службы является система оценки гражданских служащих.

Основной формой оценки деятельности гражданских служащих в Республике Беларусь является аттестация.

Аттестация (от латинского *attestatio* – «свидетельство») означает определение квалификации работника, уровня его знаний, отзыв (характеристика) о его способностях, деловых и иных качествах.

Овсянко Д. М. считает, что аттестация – процедура, способствующая совершенствованию деятельности по повышению квалификации, определению уровня подготовки к замещаемой должности, очередному аттестационному разряду [1].

По мнению Д. Н. Бахраха, категория «аттестация» многогранна и ее необходимо рассматривать с разных позиций:

общую аттестацию, которая проводится в целях оценки государственных служащих, повышения чувства ответственности;

персональную аттестацию, проводимую в целях решения вопроса о присвоении государственному служащему очередного звания, о назначении государственного служащего на иную должность [2].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе» государственные гражданские служащие проходят аттестацию в целях объективной оценки их практической деятельности, уровня профессиональных знаний, правовой культуры и служебной перспективы [3].

Задачи аттестации гражданских служащих состоят в установлении соответствия занимаемой должности, выявлении способностей и возможностей для дальнейшего продвижения по службе, определении необходимости направления на подготовку, переподготовку, повышение квалификации и стажировку.

Таким образом аттестация играет большую роль в формировании кадров государственной гражданской службы, позволяя выявить потенциал гражданских служащих, их сильные и слабые стороны, определить перспективы работы в направлении развития кадрового потенциала государственного органа.

Аттестация гражданских служащих в Республике Беларусь осуществляется в соответствии с нормами статьи 41 Закона Республики Беларусь «О государственной службе» (далее – Закон) [3] и Положения о проведении аттестации государственных гражданских служащих, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 августа 2022 г. № 563 (далее – Положение № 563) [4].

Нормы Закона, как и Положения № 563, регулирующие вопросы проведения аттестации гражданских служащих, вступили в силу 1 сентября 2022 г. и не содержат революционных изменений по сравнению с Законом Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь», Положением о проведении аттестации государственных служащих, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 6 ноября 2003 г. № 489, уточняя отдельные сроки и порядок подготовки материалов к аттестации.

Отметим, что Положение № 563 распространяется не на всех гражданских служащих, а содержит исключения из общего правила проведения аттестации. Так, оно

не распространяется на порядок проведения аттестации следующих категорий гражданских служащих:

занимающих государственные гражданские должности, включенные в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, судей судов общей юрисдикции, прокурорских работников, гражданских служащих таможенных органов.

Регулирование порядка проведения аттестации данных категорий гражданских служащих осуществляется специальными нормативными правовыми актами.

Так, порядок проведения аттестации лиц, занимающих государственные гражданские должности, включенные в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, определен Положением о проведении аттестации руководящих работников государственных органов и иных организаций, должности которых включены в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 14 марта 2005 г. № 122 (далее – Положение № 122) [5].

Порядок аттестации судей судов общей юрисдикции регулируется нормами главы 8 Кодекса о судоустройстве и статусе судей. Его можно назвать особым, так как в отношении судей не применяется также и порядок проведения аттестации, установленный Положением № 122.

Проведение аттестации прокурорских работников определено статьей 52 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь», главой 4 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 181. При этом высший руководящий состав (заместители Генерального прокурора, прокуроры областей и г. Минска) проходят аттестацию в соответствии с порядком, установленным Положением № 122.

На особом положении в вопросах проведения аттестации находятся также работники таможенных органов. Порядок аттестации этой категории гражданских служащих регулируется Положением о порядке и условиях прохождения службы в таможенных органах, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г. № 228 (в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 13 ноября 2014 г. № 530). Аттестация Председателя Государственного таможенного комитета и его заместителей осуществляется в порядке, установленном Положением № 122.

Таким образом, анализ нормативных правовых актов показывает, что порядок проведения аттестации не является единообразным для всех категорий гражданских служащих и условно может быть разделен на общий и особый. Аттестация гражданских служащих одного и того же государственного органа может проводиться в различном порядке с применением различных нормативных правовых актов.

По общему правилу аттестация гражданских служащих проводится периодически каждые три года. При этом гражданские служащие, которые впервые поступают на гражданскую службу, проходят аттестацию не ранее чем через три года после их поступления на службу.

Стоит отметить, что не все должностные лица подлежат аттестации. Так, аттестацию не проходят:

гражданские служащие, пребывающие в данной гражданской должности менее одного года;

беременные женщины (независимо от срока беременности);

гражданские служащие, находившиеся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, в течение одного года после выхода на работу.

Не подлежат аттестации гражданские служащие, занимающие гражданские должности путем избрания.

Аттестация проводится аттестационными комиссиями государственных органов, в которых гражданские служащие назначены на гражданские должности, периодически каждые три года.

Завершает процедуру аттестации государственного служащего принятие одного

из следующих решений:

- о соответствии занимаемой гражданской должности;
- о неполном соответствии занимаемой гражданской должности и повторной аттестации;
- о несоответствии занимаемой гражданской должности.

Решение, оглашенное на заседании аттестационной комиссией, является итогом аттестации.

Процесс аттестации гражданского служащего представляет собой рассмотрение аттестационной комиссией характеристики аттестуемого, других материалов, отражающих результаты его деятельности, и очное их обсуждение с лицом, проходящим аттестацию и руководителем структурного подразделения, в котором работает гражданский служащий.

Вместе с тем, четкие критерии оценки эффективности работы гражданских служащих в законодательстве отсутствуют, изучение личностных качеств осуществляется, как правило, на основании заключения непосредственного начальника, что может порождать субъективизм. На наш взгляд, не представляется возможным объективно оценить результативность деятельности и имеющийся потенциал служащего, основываясь лишь на одном методе оценки.

Таким образом, проведенное исследование системы оценки деятельности гражданских служащих в Республике Беларусь подтверждает необходимость её совершенствования. Вектор оценки должен быть перенесен с измерения профессионально-деловых качеств на комплексную оценку гражданского служащего, включая его личностные качества.

Принимая во внимание стремительную цифровизацию, полагаем, необходимо расширять способы проведения оценок с использованием специализированного программного обеспечения (средств тестирования), которые могут помочь определить уровень знания актов законодательства, организационно-распорядительных и иных документов, локальных правовых актов, которыми гражданские служащие руководствуются в своей работе.

Кроме того, цифровая оценка позволяет определить уровень навыков, необходимых для эффективного выполнения гражданскими служащими своих должностных обязанностей, степень обладания ими определёнными чертами характера, тип мышления, позволяющий им сохранять достаточный потенциал при работе в условиях продолжительных периодов напряжённого труда и стрессовых ситуаций, а также уровень их эмоционального интеллекта [6].

До проведения оценки гражданского служащего на заседании аттестационной комиссии целесообразно проведение обязательного психологического тестирования гражданских служащих с помощью специальных программно-технических средств и индивидуального собеседования с психологом.

Примером может служить тестирование, которое в настоящее время проводится специалистами Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь на основе специально разработанной для государственных служащих системы тестов. Тестирование позволяет выявить не только сильные и слабые стороны личности, но также определить стиль мышления, уровень мотивации, ответственности, стрессоустойчивости, коммуникативной компетентности личности, обладание лидерскими качествами и т.д.

Одним из новаторов по организации и проведению тестирования государственных служащих является Министерство экономики Республики Беларусь, работники которого с 2021 года перед аттестацией проходят психологическое тестирование в Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

По результатам такой оценки составляется заключение, которое, по нашему мнению, должно быть представлено на заседании аттестационной комиссии и влияет на результат проведения аттестации.

В процессе оптимизации процедуры проведения аттестации гражданских служащих в Республике Беларусь полагаем целесообразным введение определенных критериев, перечня профессионально-деловых и личностных качеств, по которым будет проводиться комплексная оценка гражданского служащего путем выставления баллов по каждому критерию.

В этой связи интересным представляется опыт европейских стран, государственная

служба которых обладает модельными характеристиками. Так, оценка профессиональной деятельности государственных служащих Великобритании включает три основных элемента: подробный письменный отчет о результатах выполнения задач, установленных в плане работы служащего на год;

оценку результатов работы по соответствующим занимаемой должности государственных служащего нормативам и стандартам;

комментарии или сведения о каких-либо непредвиденных обстоятельствах (например, семейные обстоятельства, личные проблемы) [7].

На следующем этапе аттестации каждый работник проходит индивидуальное собеседование со своим непосредственным руководителем. В ходе собеседования обсуждается проделанная в отчетном периоде работа, планы на перспективу и рассматриваются вопросы будущих достижений, после чего руководитель высказывает своё мнение о работе сотрудника и оценивает её эффективность.

Итогом аттестации является выставление аттестуемому государственному служащему оценки. При этом используется ряд показателей его служебной деятельности. Сегодня оценочная система, введенная в Великобритании, содержит десять критериев: образование, личность и сила характера, рассудительность, ответственность, инициативность, точность, деловитость и такт, способность к руководству подчиненными, прилежность, поведение на службе.

Оцениваются государственные служащие Великобритании по пятибалльной шкале. При этом оценке 1 соответствует наилучший результат прохождения аттестации, 5 – неудовлетворительная оценка, при получении которой сотрудник может быть уволен. Соответственно, итоги аттестации служат основанием для принятия решения о необходимости повышения квалификации работника, переподготовки, подготовки, поощрения, продвижения по службе и увольнения.

Аттестация государственных служащих во Франции проводится руководителем государственного органа после согласования с некоторыми (одной или несколькими) руководящими должностями данного органа, а также вышестоящей организацией (при необходимости).

По итогам аттестации оформляется бланк индивидуальной аттестации, который состоит из двух частей: общей и балльной оценки. Общая оценка формируется из личностных качеств аттестуемого государственного служащего, его служебной деятельности, основанной на определенных критериях, таких как, например, организованность, ответственность, коммуникабельность, пунктуальность, гибкость мышления, способность адаптации к различным (в том числе и непредвиденным) ситуациям, а также его умение качественно выполнять свою работу в поставленные сроки и заинтересованность в повышении собственной квалификации. Балльная оценка, в свою очередь, строится по двадцатибалльной шкале, в ходе которой аттестуемый оценивается его собственным и вышестоящим руководителями [7, с. 364]. Критериями в данном случае выступают профессионализм и компетентность государственного служащего. К оцениваемым способностям сотрудника относятся профессиональные знания и умения, коммуникабельность, способность работать в коллективе, способность к профессиональному развитию и саморазвитию, освоению новых функций, а также способность к управленческой деятельности.

Результаты аттестации направляются в кадровую службу государственного органа, где полученные оценки согласуются специальной комиссией, приводятся в соответствие и присуждаются аттестуемому должностному лицу.

Полагаем, при разработке критериев комплексной оценки эффективности деятельности гражданских служащих в Республике Беларусь возможна адаптация, как опыта Великобритании, так и французского опыта балльной оценки.

Таким образом, широта и многообразие форм и методов оценки результатов работы гражданских служащих свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования вопросов в этой сфере. Правильно организованная деятельность по оценке эффективности работы гражданских служащих создаст условия для привлечения и удержания на гражданской службе мотивированных, инициативных и квалифицированных специа-

листов и позволит раскрыть и использовать в полной мере их потенциал.

Литература

1. Овсянко, Д. М. Административное право в схемах и определениях : учебное пособие / Д. М. Овсянко // М-во образования и науки Российской Федерации, Московская гос. юридическая акад., изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2009. – 82 с.
2. Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности Юриспруденция / Д. Н. Бахрах. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2011. – 622 с.
3. О государственной службе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 1 июня 2022 г. № 275-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Об утверждении положения о проведении аттестации государственных гражданских служащих [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 авг. 2022 г., № 563 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. О проведении аттестации руководящих работников государственных органов и иных организаций, должности которых включены в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 14 мар. 2005 г., № 122 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. Пальчик, Г. В. Система аттестации и оценки деятельности государственных служащих в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Г. В. Пальчик // Материалы 45-й ежегодной конференции Международной ассоциации по оценке качества образования (IAEA 2019). Баку (Азербайджан), 25-26 сентября 2019 года. – Режим доступа: <https://www.astanahubjournal.org/index.php/ijcsrp/article/viewFile/148/152>. – Дата доступа: 06.10.2022.
7. Геврасёва, А. П. Совершенствование процедуры аттестации государственных служащих в Республике Беларусь / А. П. Геврасёва, К. Н. Евтушенко // Эпоха науки. – 2019. – № 20. – С. 362–368.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АКТИВНОМ ДОЛГОЛЕТИИ В ГРУППАХ НАСЕЛЕНИЯ
С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ДОХОДА³
IDEAS ABOUT ACTIVE LONGEVITY IN POPULATION GROUPS WITH DIFFERENT
INCOME LEVELS**

Нацун Лейла Натиговна,
научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
leyla.natsun@yandex.ru
Natsun Leila Natigovna,
researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science
«Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
leyla.natsun@yandex.ru

Аннотация. Преодоление негативных социально-экономических последствий демографического старения требует детального рассмотрения факторов активного долголетия. В данной работе внимание акцентируется на изучении дифференциации представлений об активном долголетии в группах населения с разным уровнем дохода. Эмпирическую базу исследования составили данные репрезентативного социологического опроса, проведённого на территории Вологодской области. Показано, что население воспринимает высокий доход как важнейшее условие поддержания здоровья и активности в пожилом возрасте. В то же время, очень высокий доход не всегда способствует реализации полного спектра практик активного долголетия, поскольку интенсивная трудовая деятельность не оставляет достаточного свободного времени для занятий своими хобби, негативно сказывается на здоровье и может способствовать появлению и закреплению вредных привычек.

Ключевые слова: активное долголетие, старение населения, самооценка уровня дохода, установки в отношении долголетия.

Abstract. Overcoming the negative socio-economic consequences of demographic aging requires a detailed consideration of the factors of active longevity. In this paper, attention is focused on the study of the differentiation of ideas about active longevity in population groups with different income levels. The empirical basis of the study was the data of a representative sociological survey conducted in the Vologda Oblast. It is shown that the population perceives high income as the most important condition for maintaining health and activity in old age. At the same time, a very high income does not always contribute to the implementation of a full range of active longevity practices, since intensive work does not leave enough free time to pursue their hobbies, negatively affects health and can contribute to the emergence and consolidation of bad habits.

Keywords: active longevity, aging of the population, self-assessment of income level, attitudes towards longevity.

Демографическое старение – необратимый процесс, затрагивающий все сферы экономического и социокультурного развития [1]. Его масштабы и последствия определяют необходимость изучения социально-экономических факторов, оказывающих влияние на формирование установок и практик активного долголетия в различных группах населения. Активное долголетие – концепция, которая была предложена в качестве альтернативы традиционному пониманию старения, как процесса угасания биологических функций организма и обусловленной этим утраты индивидами социальных связей, привычных функций и ролей. ВОЗ

³ Тезисы подготовлены в рамках научного проекта РФФИ и БРФФИ № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения».

определила активное долголетие как процесс оптимизации возможностей в плане здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей [2].

В современных условиях уровень располагаемого дохода во многом определяет спектр доступных для индивидов практик заботы о здоровье, видов досуга и отдыха. Косвенно уровень дохода может отражаться и на установках в отношении продолжительности жизни. Дополнительную значимость приобретает исследование дохода как фактора активного долголетия в контексте определения вызовов, стоящих перед пенсионными системами «стареющих» государств. В России снижается коэффициент поддержки старших поколений [3], что делает обозначенную проблему особенно актуальной. Однако повышение пенсионного возраста, предпринятое для стабилизации пенсионной системы, не встретило понимания среди отдельных групп населения [4]. В то же время, курс на повышение пенсионного возраста призван, в том числе, не допустить снижение уровня пенсионного обеспечения и падение уровня жизни пенсионеров в условиях ухудшения соотношения численности работающего населения и пенсионеров [5].

Цель данной работы – провести сравнительный анализ представлений об активном долголетии в группах населения с разным уровнем дохода.

Информационную базу работы составили исследования российских авторов, публикации международных организаций. Эмпирической базой послужили результаты социологического опроса населения Вологодской области, проведённого в 2021 году. Выборка составила 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Территория проведения опроса охватывала города Вологду, Череповец и восемь муниципальных районов области. Метод сбора данных – анкетирование по месту проживания респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивалась посредством соблюдения соответствия её половозрастной структуры параметрам генеральной совокупности. Ошибка выборки не более 3%.

В рамках проведения опроса респондентам предлагалось высказать самооценку покупательной способности своего дохода. На основании полученных ответов они были условно распределены на пять групп: «наиболее обеспеченные» – отметили, что им «денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать», «обеспеченные» – те, кто ответил «покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна», «малообеспеченные» – указали, что «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом», «бедные» – ответили, что «денег хватает только на приобретение продуктов питания», «нищие» – «денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги». Средний возраст респондентов выделенных групп, распределение по полу и видам занятий представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Средний возраст и распределение респондентов по полу в группах, выделенных по самооценке уровня дохода

Характеристики	НО	О	М	Б	Н	Всего
Мужчины, %	46	38	46	42	60	45
Женщины, %	54	62	54	58	40	55
Средний возраст, лет	50	46	46	50	47	47
Вид занятий (в %):						
Работник, занятый в бюджетной сфере	27	27	25	21	20	24
Работник, занятый на частном предприятии	27	39	35	26	19	32
Индивидуальный предприниматель	11	7	2	0	1	3
Работаю на себя (самозанятый)	4	4	3	2	0	2
Учащийся школы, среднего специального учебного заведения	2	1	1	1	3	1
Студент высшего учебного заведения	0	1	2	2	0	2
Нахожусь в декретном отпуске, отпуске по уходу за ребенком	0	3	2	3	1	2
Пенсионер	29	14	24	37	29	27
Временно не работаю, безработный	2	3	2	6	26	5

Обозначения: НО – «наиболее обеспеченные», О – «обеспеченные», М – «малообеспеченные», Б – «бедные», Н – «нищие».

Сравнение доходных групп респондентов по средним значениям высказанных самооценок желаемой (ЖПЖ) и ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) демонстрирует, что по мере снижения располагаемого дохода падает и среднее число лет, которое люди рассчитывают прожить с учётом жизненных обстоятельств. То есть, снижается самооценка ожидаемой продолжительности жизни: с 82,1 лет в группе «наиболее обеспеченных» до 76,6 лет среди «нищих». Интересно, что самооценки желаемой продолжительности жизни не демонстрируют такой закономерности: самое высокое значение зафиксировано также среди «наиболее обеспеченных» респондентов (88,2 лет), тогда как минимальное (85,2 лет) – среди «малообеспеченных», а не «нищих», как можно было бы ожидать (рисунок 1). В то же время, именно в группе «нищих» наблюдается максимальный разрыв средних значений самооценок желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, что может служить фактором, снижающим удовлетворённость жизнью.

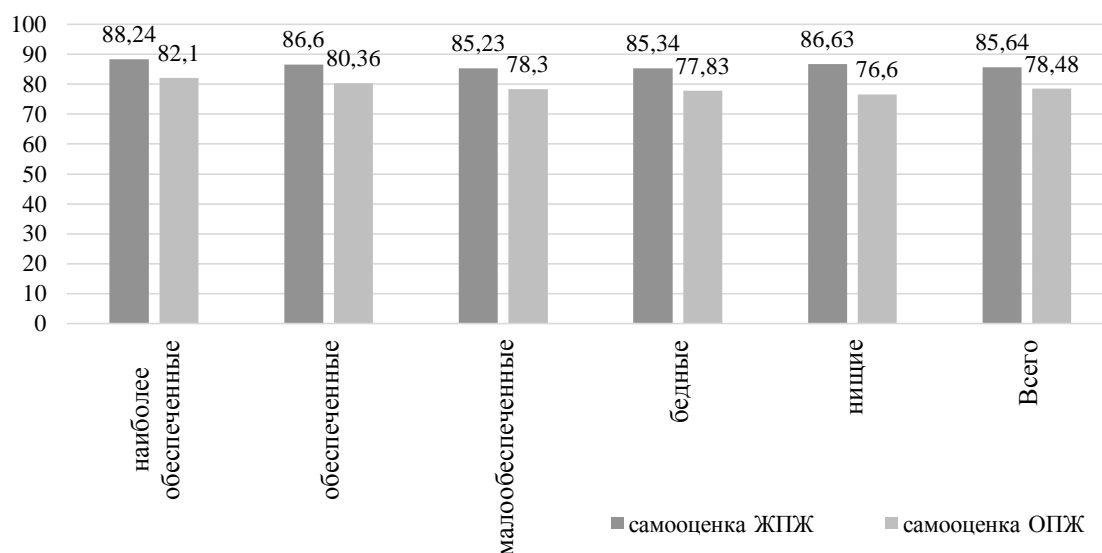

Рисунок 1 – Самооценка желаемой и ожидаемой продолжительности жизни в группах респондентов с разным уровнем дохода (лет)

Представленное выше распределение ответов свидетельствует о том, что респонденты могут в той или иной мере ориентироваться на текущий уровень своего дохода при определении собственных установок в отношении продолжительности жизни. Возможно, данный аспект также учитывается ими и при формировании представлений об активном долголетии. В частности, во всех доходных группах респондентов, за исключением «наиболее обеспеченных» высокий уровень поддержки (4 балла из 5 возможных) получило суждение о том, что «для сохранения здоровья и активности в пожилом возрасте требуется много денег». Неопределённая позиция (3 балла) «наиболее обеспеченных» респондентов указывает на то, что они, вероятно, обращают более пристальное внимание на другие факторы сохранения здоровья и активности. На это указывает и то, что для двух самых обеспеченных групп респондентов характерно наибольшее согласие с тезисом о том, что «активное долголетие не зависит от финансового благосостояния» (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение средних балльных оценок степени согласия респондентов с представленными суждениями об активном долголетии

Суждения об активном долголетии	НО	О	М	Б	Н	Всего
Активное долголетие не зависит от финансового благосостояния	4	4	3	3	3	3
Чтобы сохранить здоровье и активность в пожилом возрасте требуется много денег	3	4	4	4	4	4

Обозначения: НО – «наиболее обеспеченные», О – «обеспеченные», М – «малообеспеченные», Б – «бедные», Н – «нищие».

Респондентам было предложено оценить степень своего согласия с каждым из приведённых суждений по шкале от «1» балла – категорически не согласны до «5» – полностью согласны.

В зависимости от располагаемого дохода респонденты по-разному ощущают его достаточность для обеспечения разных аспектов активного долголетия. Наиболее благоприятная ситуация, судя по высказанным самооценкам, сложилась в группе обеспеченных респондентов, которые считают свой доход достаточным для достижения всех ключевых аспектов активного долголетия. В группе «малообеспеченных» по всем оцениваемым аспектам были получены неопределённые оценки, которые могут свидетельствовать о том, что доход неустойчив, либо им приходится выбирать на что именно его потратить: например, на медицинские услуги, или на посещение спортзала. Респонденты в двух наименее обеспеченных группах преимущественно отмечали недостаточность имеющегося дохода для обеспечения ключевых аспектов активного долголетия (таблица 3).

Таблица 3 – Оценка респондентами достаточности своего дохода для обеспечения различных аспектов активного долголетия (средний балл по шкале от «1» – абсолютно недостаточен до «5» – абсолютно достаточен)

Достаточен ли уровень дохода для следующих занятий:	НО	О	М	Б	Н	Всего
1. Получения образования и саморазвития	4	4	3	2	2	3
2. Занятий физкультурой и спортом	3	4	3	2	2	3
3. Посещения учреждений культуры	3	4	3	2	2	3
4. Занятий любимыми увлечениями, хобби	4	4	3	3	2	3
5. Обеспечения здорового питания	4	4	3	3	2	3
6. Путешествий, туризма	3	4	3	2	2	3
7. Поддержания внешнего вида (приобретение одежды, услуги парикмахерских, салонов красоты)	4	4	3	3	2	3
8. Для использования платных медицинских услуг	3	4	3	2	2	3

Обозначения: НО – «наиболее обеспеченные», О – «обеспеченные», М – «малообеспеченные», Б – «бедные», Н – «нищие».

Более привержены практикам активного долголетия респонденты с высокой покупательной способностью дохода: «наиболее обеспеченные» и «обеспеченные». В то же время, «обеспеченные» респонденты, в среднем, чаще уделяют время занятиям любимым делом, хобби, отказываются от вредных привычек, чем «наиболее обеспеченные» (таблица 4). Вероятно, это обусловлено составом данных групп. Так, среди наиболее обеспеченных респондентов несколько выше доля индивидуальных предпринимателей и самозанятых (см. таблицу 1), что может обуславливать их более интенсивную трудовую нагрузку и недостаток свободного времени для занятий хобби. Это, в свою очередь, может способствовать сохранению вредных привычек, которые используются для преодоления стресса. Среди «малообеспеченных» респондентов преобладают ответы, характеризующие их действия по достижению активного долголетия как нерегулярные. Исключение составляют только достаточно регулярные действия, направленные на сохранение и поддержание социальных связей (с семьёй, друзьями, знакомыми). Аналогичная картина складывается и в группе «бедных» респондентов. Однако в отношении некоторых действий ситуация ещё хуже: так большой редкостью становятся посещение учреждений культуры и получение дополнительного образования. Закономерно, что самая сложная ситуация складывается у «нищих» респондентов. Здесь, по

сравнению с предыдущими доходными группами ниже частота общения с родными и близкими, то есть выше риск одиночества. Также, по сравнению с «бедными», ниже частота практик, направленных на повышение квалификации, поддержание интеллектуальной активности (таблица 4). Наблюдаемое распределение может также выступать следствием более высокой представленности в данной группе временно неработающих и безработных (таблица 1).

Таблица 4 – Распределение средних балльных оценок частоты реализуемых респондентами практик активного долголетия (на основе самооценок по шкале от «1» – «никогда этого не делаю» до «5» – «всегда это делаю»)

Практики активного долголетия	НО	О	М	Б	Н	Всего
1. Поддерживаю оптимальную физическую активность	4	4	3	3	3	3
2. Правильно питаюсь	4	4	3	3	3	3
3. Посещаю врачей с профилактической целью	4	4	3	3	3	3
4. Стараюсь избегать стрессов	4	4	3	3	3	3
5. Отказываюсь от вредных привычек	3	4	3	3	3	3
6. Повышаю профессиональную квалификацию	3	3	3	3	2	3
7. Получаю дополнительное образование	3	3	3	2	2	3
8. Поддерживаю интеллектуальную активность	3	3	3	3	2	3
9. Занимаюсь любимым делом, хобби	3	4	3	3	3	3
10. Поддерживаю хорошие отношения с членами семьи	4	4	4	4	3	4
11. Регулярно общаюсь с друзьями, знакомыми	4	4	4	4	3	4
12. Посещаю учреждения культуры (театры, кинотеатры, библиотеки)	3	3	3	2	2	3

Обозначения: НО – «наиболее обеспеченные», О – «обеспеченные», М – «малообеспеченные», Б – «бедные», Н – «нищие».

Приведённые данные указывают на то, что доходные группы респондентов обладают различными установками и практиками в отношении активного долголетия, что может находить отражение и в их восприятии собственной жизни. Например, оценивая степень своего согласия с утверждениями о собственном здоровье, отношении к работе, принятии на себя ответственности за события своей жизни, мнения респондентов рассматриваемых групп вновь разделились. Наиболее обеспеченные и обеспеченные респонденты выразили большее согласие с утверждением о том, что любят свою работу. При этом более высокой была балльная оценка в группе «обеспеченных», что может быть связано с характером выполняемой работы. Как было отмечено выше, среди «наиболее обеспеченных» выше доля предпринимателей и самозанятых, что может влиять на их отношение к работе. Достигнутый ими высокий доход может быть следствием высоких психоэмоциональных нагрузок. Этим может быть обусловлена и менее позитивная оценка собственного здоровья, по сравнению с группой «обеспеченных» респондентов. Принятие на себя полной ответственности за свою жизнь и происходящие в ней события наиболее свойственно «обеспеченным» и «малообеспеченным» респондентам. Более низкая оценка, высказанная «наиболее обеспеченными» респондентами может быть очередным следствием специфики состава данной группы. Так, предпринимателям и самозанятым может быть свойственно более спокойное отношение к тому, что они не могут полностью контролировать свою жизнь, поскольку им по роду своей трудовой деятельности чаще приходится идти на риск и оценивать, насколько сильно внешние факторы могут повлиять на их будущее. Что касается наименее обеспеченных групп респондентов – «бедных» и «нищих», то им свойственны самые низкие оценки собственного здоровья и наименее позитивное отношение к работе. Для «нищих» респондентов также характерно слабое принятие на себя ответственности за свою жизнь и происходящие в ней события (таблица 5).

Таблица 5 – Распределение средних балльных оценок степени согласия респондентов с приведёнными суждениями (по шкале от «1» – категорически не согласны до «5» баллов – полностью согласны)

Практики активного долголетия	НО	О	М	Б	Н	Всего
У меня хорошее здоровье	3,3	3,7	3,5	3,2	3,0	3,4
Я люблю свою работу	3,4	3,7	3,3	3,0	2,6	3,3
Я несу полную ответственность за свою жизнь и за всё, что со мной происходит	3,9	4,2	4,1	3,9	3,1	4,0

Обозначения: НО – «наиболее обеспеченные», О – «обеспеченные», М – «малообеспеченные», Б – «бедные», Н – «нищие».

Проведённый анализ позволил сформулировать ряд обобщений. Во-первых, на данных репрезентативного социологического опроса показано, что рост уровня покупательной способности дохода сопровождался увеличением желаемой и ожидаемой продолжительности жизни. Это актуализирует задачу повышения материального благосостояния населения в контексте достижения целей демографической политики в области активного долголетия. Во-вторых, все респонденты, за исключением наиболее обеспеченных придерживались мнения о высокой значимости дохода для поддержания здоровья и активности в пожилом возрасте. В-третьих, на практике по мере снижения дохода сокращаются возможности респондентов в отношении достижения основных аспектов активного долголетия, снижается частота практик активного долголетия. Полученные результаты указывают на то, что более высокий уровень дохода ассоциируется у населения с более широкими возможностями в достижении активного долголетия. В то же время, на практике наиболее привержены активному долголетию оказываются лица, имеющие не самый высокий доход, а такой, который позволяет приобретать любые товары, за исключением наиболее дорогостоящих (автомобиля, квартиры и т.п.). Такая закономерность, вероятно, обусловлена тем, что очень высокий уровень дохода предполагает высокую трудовую нагрузку, что не всегда удаётся сочетать с реализацией практик активного долголетия.

Литература

1. Калачикова О. Н., Нацун Л. Н. Социально-демографические предпосылки реализации концепции активного долголетия в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2022. – № 1 (66). – С. 112-125.
2. Всемирный доклад о старении и здоровье // Всемирная организация здравоохранения. – 2016. – 316 с. – Режим доступа: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10&isAllowed=y.
3. Щербакова Е. Коэффициент поддержки старших поколений снизился до 2,2. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0797/barom02.php>. – Дата доступа: 02.10.2022.
4. Григорьева И. А., Квасова О. С. Недовольство населения пенсионной реформой: гендерный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – Т. 22. – № 4. – С. 37–56.
5. Синявская О. В. Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. 21. – № 4. – С. 562–591.

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ⁴
MANAGING THE QUALITY OF LIFE: INTERNATIONAL EXPERIENCE

Нин Цзин,
аспирант кафедры международной
политической экономики,
Белорусский государственный университет
nj375292715047@gmail.com
Ning Jing,
PhD at the Department of International Political Economy
of the Belarusian State University
nj375292715047@gmail.com

Аннотация. Понимание содержания качества жизни путем его оценки и управления им имеет большое значение для повышения качества жизни населения. В данной статье анализируется содержание и показатели оценки качества жизни, а также международный опыт управления качеством жизни. В ней также отмечается, что оценка и управление качеством жизни помогают правительствам и отдельным людям принимать более правильные решения, способствуя тем самым лучшему развитию человека и общества, разрешать возникающие противоречия.

Ключевые слова: качество жизни, международный опыт, показатели оценки, способ управления.

Abstract. Understanding the content of quality of life by evaluating and managing it is of great value to improve the quality of life of the population. This paper analyzes the content and evaluation indicators of quality of life, as well as international experiences in managing quality of life. It also points out that evaluating and managing quality of life helps governments and individuals to make better decisions, thus contributing to the better development of individuals and society, to resolve the emerging contradictions.

Keywords: quality of life, international experience, evaluation indicators, method of control.

Понятие «качество жизни» имеет множество аспектов. Оно отражает уровень благосостояния людей не только в материальном плане, но и насколько они удовлетворены другими различными аспектами жизни общества, включая нравственно-духовные и культурные измерения, степень цивилизационного в целом и конкретной в частности, отдельного региона [10]. Повышение качества жизни населения является постоянной темой экономического и социального развития и занимает центральное место в развитии социальной политики и теории в странах всего мира.

На самом деле, продолжающийся экономический прогресс, который повысил материальное благосостояние людей, породил новые негативные явления, такие как деградация окружающей среды и экологический ущерб, неравенство в распределении. Очевидно, что применение инновационных методов для повышения качества жизни людей важно для измерения социального прогресса и благосостояния в дополнение к экономическому росту.

С середины 20-го века проблема качества жизни привлекает значительное внимание ученых из разных стран. Исследования качества жизни до сих пор не привели к созданию целостной теории. Скорее, проблема обострилась.

По мнению американского экономиста У. У. Ростоу, «качество жизни связано со стадией экономического роста и в некотором смысле является неизбежным побочным продуктом процесса экономического роста» [7].

⁴ Данная статья поддержана Китайским стипендиальным фондом.

Американский экономист Дж. К. Гэлбрейт впервые ввел академическое понятие качества жизни в своей книге «Обеспеченное общество» после того, как обнаружил, что американское общество стало богаче в материальной жизни, в то время как духовная жизнь становится все более скудной и появляются социальные проблемы [7].

Благодаря ускоренному экономическому развитию и огромному материальному богатству развитые страны Западной Европы сталкиваются с социальными проблемами, схожими с проблемами США. Все больше людей осознают, что улучшение условий жизни является главной целью и что экономический рост не является самоцелью. Одним из наиболее значимых показателей человеческого развития является качество жизни, поэтому все факторы, влияющие на него, должны быть тщательно рассмотрены. Именно в таких социальных условиях изучение качества жизни впервые заинтересовало многих исследователей.

С экономической точки зрения, определенный уровень экономического развития соответствует определенному уровню качества жизни. Качество жизни основано на уровне экономического развития и пропорционально ему, поскольку оно повышает материальный уровень жизни людей, улучшает условия их жизни, дает им доступ к более богатой социальной жизни и делает социальные услуги более удобными.

Однако социальное развитие или повышение качества жизни людей, которое включает в себя как материальные, так и духовные аспекты, не всегда сопровождается экономическим прогрессом. Интерес людей к духовным вопросам возрастает, когда экономика расширяется и достигается определенный уровень материальной жизни. Было проведено множество исследований качества жизни, но точные показатели меняются в зависимости от опыта исследователя, целевой аудитории исследования и среды, в которой проживают участники.

Уровень и качество жизни в системе управления качеством жизни населения определяются системой индикаторов, причем для каждого определения используется собственная система индикаторов. Количественную характеристику уровня и качества жизни определяет система индикаторов, позволяющих проводить анализ реального уровня и качества жизни населения, рассчитывать их показатели по регионам, по социально-демографическим группам населения, определять тенденции показателей и воплощать международные сравнения [8].

Существует два типа показателей качества жизни: первый тип – это объективные показатели, которые подчеркивают материальные обстоятельства, влияющие на жизнь людей, и в основном рассматриваются в развивающихся странах. Второй тип показателей фокусируется на том, как люди субъективно воспринимают качество своей жизни, и в основном используется в развитых капиталистических странах.

Для сравнения уровня жизни разных стран и управления качеством жизни конкретной социальной группы в международной практике используется более 150 показателей. [8]. Многие национальные и международные организации активно исследуют качество жизни, стремясь оценить качество жизни в странах, государствах и регионах по всему миру.

Международный опыт управления качеством жизни населения, позволяет констатировать, что повышение качества жизни населения является одной из центральных проблем как зарубежной, так и отечественной экономической науки.

Государство, бизнес и семья - три основных экономических субъекта в системе глобальной рыночной экономики - могут успешно взаимодействовать только тогда, когда они работают на общую цель [6].

Качество жизни населения является важной характеристикой жизни людей в условиях новой цивилизации, и как таковое оно может быть целью в этих условиях. Качество жизни также определяет условия, в которых может существовать общество, а также его жизнеспособность как целостного социального организма.

С точки зрения долгосрочного повышения уровня жизни населения рыночная система хозяйствования неэффективна. Рынок не оснащен экономическим механизмом для решения проблемы экологической безопасности и не обеспечивает стимулов для производства товаров и услуг, имеющих решающее значение для общества, таких как здравоохранение и образование [8].

Благодаря рыночному распределению население резко разделяется на богатых и бедных. Право граждан на труд и заработок не гарантируется рыночной экономикой, как и перераспределение доходов. Мы выяснили, что успех достигается, когда учитываются уровень жизни, национальные традиции и экономические особенности, национальный характер населения, исторический опыт и разработка адекватной экономической и правовой базы [9].

Подобная система должна определять приоритеты социально-экономического управления и гарантировать высокое качество жизни для подавляющего большинства населения страны.

Повышение благосостояния населения в настоящее время находится под пристальным вниманием правительств разных стран мира. Права человека на хорошее качество жизни закреплены в нормативных документах ЕС, США и некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Япония, Корея), а также необходимость привлечения инвестиций в людей и образование, что является главным условием конкурентоспособности страны в мировой экономике [9].

В соответствии с решением Международной организации по стандартизации в настоящее время введены стандарты серии ISO 90002000. В пункте 01 данного стандарта отмечено, что семейство стандартов ИСО 9000 было разработано для того, чтобы помочь предприятиям внедрить и обеспечить функционирование эффективных систем менеджмента качества [2].

С принятием этих стандартов термин «система качества» был заменен на термин «система управления качеством жизни населения». Основными принципами которой являются:

- 1) подход, ориентированный на потребителя, который предполагает, что предприятия должны знать настоящие и будущие потребности населения, поскольку они зависят от них;
- 2) применение процессного подхода к управлению деятельностью предприятия, что позволяет повысить эффективность управления и получить предсказуемые результаты;
- 3) применение систематического процесса для управления процессом качества жизни и связанными с ним процессами как системы, которая помогает фирме быть эффективной и действенной в достижении своих целей;
- 4) постоянное улучшение деятельности предприятия;
- 5) принятие решения после анализа информации и доказательств [2].

Система регулирования качества жизни населения проходит множество этапов, включая следующие:

- 1) разработку политики и целей предприятия в области качества;
- 2) определение процессов и ответственности, необходимых для достижения целей в области качества жизни;
- 3) определение необходимых ресурсов и обеспечение ими предприятия для достижения целей;
- 4) разработку методов измерения результативности и эффективности каждого процесса;
- 5) постоянное улучшение системы управления качеством жизни населения [1].

Качество жизни представляет собой сложную структуру взаимосвязей ее составляющих: качество здоровья популяции, качество природной среды, качество образования, духовное качество и т. п.

Независимая комиссия по народонаселению и качеству жизни Организации Объединенных Наций (ЮНЕСКО) утверждает, что эта идея также охватывает такие аспекты, как экологичное жилье, правильное питание, самореализация, безопасность и т.д.

Большинство людей в некоторых странах мира (Африканский регион, отдельные островные государства, некоторые страны на постсоветском пространстве) ведут тяжелый образ жизни, и им можно помочь, обеспечив качество жизни и приняв во внимание все ее элементы [1].

Согласно программе развития ООН, основными показателями, характеризующими качество жизни, являются:

- ожидаемая продолжительность жизни;

- уровень ВВП на душу населения;
- образование [3].

Все большее распространение получает не столько оценка качества товаров и услуг, сколько разработка концепции качества жизни населения, качества деятельности, гарантирующих стабильное экономическое развитие стран мирового сообщества.

Современные исследователи качества жизни считают необходимым рассматривать данную категорию как системную целостность, которая выражается через сложную структуру взаимосвязей ее составляющих: качество здоровья популяции, качество природной среды, качество образования, качество культуры.

Целостность отношений между частями системы определяет ее общее системное качество жизни. Духовность также является фундаментальной, нерушимой целостностью качества жизни.

Целью социально-экономического развития стран на современном этапе развития общества является формирование такой модели экономики, которая бы обладала потенциалом экономического роста, была бы способна обеспечить повышение качества жизни населения, эффективную модернизацию производственного аппарата, укрепление конкурентоспособности выпускаемых в республике продукции и услуг [3].

В современных условиях для практической реализации намеченных целей в области обеспечения и повышения качества жизни населения необходим центр, основывающий свою деятельность на принципах ориентированной системы TQM (Total Quality Management, корпоративный метод постоянного улучшения качества всех организационных процессов) и объединяющий деятельность субъектов рынка:

- 1) власти на государственном и местном уровнях, которые принимают решения о политике социально-экономического развития;
- 2) научно-методического и координационного центра, координационно-методического совета по проблемам качества и повышения конкурентоспособности продукции;
- 3) услуги в области государственной статистики;
- 4) общественных организаций [4].

Практически деятельность такого центра выполняет в программе качества следующие функции:

- разработка и реализация комплексных проектов, направленных на развитие экономики и повышение качества жизни населения;
- стратегии обеспечения эффективного государственного регулирования инвестиционной и инновационной деятельности разработка и реализация;
- увязка программ, направленных на обеспечение качества жизни;
- формирование экономических и финансовых механизмов развития трудового потенциала;
- совершенствование традиционных форм деятельности;
- освоение новых форм деятельности;
- забота о здоровье населения и качестве образования;
- развитие у человека ценностно-целевых отношений к производительному труду и пониманию обязанности граждан обеспечивать свое материальное благополучие;
- организована, поддерживается и обновляется информационная база данных о состоянии социально-экономического развития [5].

В области совершенствования механизма улучшения материального положения граждан, улучшения демографической ситуации необходимо:

- 1) повышение заработной платы, стабилизация рынка труда, дальнейшее создание законодательства, регулирующего трудовые отношения;
- 2) постоянный рост минимальной заработной платы и ее постепенное доведение до уровня прожиточного минимума, а также снижение уровня безработицы;

3) создать и внедрить новые правила и рекомендации для обеспечения совершенствования системы предоставления государственных пособий людям с детьми; кроме того, размеры льгот для налоговых вычетов должны быть дифференцированы в зависимости от материального положения семьи;

4) использование механизма льготного финансирования, чтобы помочь семейным парам с детьми жить в лучших условиях [6].

В области развития и эффективного использования трудового потенциала следует осуществить мероприятия по усилению государственного воздействия на качество кадров:

1) принятие национальных профессиональных стандартов, соответствующих требованиям, установленным на мировом уровне; создание системы сертификации и оценки сотрудников;

2) координация национальной программы по подготовке, переподготовке и развитию персонала;

3) создание системы карьерного консультирования для широкой общественности, особенно для молодых людей, планирующих карьеру;

4) формирование и обеспечение системы государственных заказов на образование работников творческих профессий и государственных учреждений;

5) более широкое привлечение средств населения и работников путем внедрения кредитования образовательных услуг;

6) финансирование из внебюджетных источников и бюджетов всех уровней профессиональной подготовки людей для реализации новых, инновационных инициатив [9].

Таким образом, сложившаяся экономическая обстановка обуславливает необходимость создания проекта программы, направленной на решение наиболее актуальных проблем населения с низким качеством жизни, а также создание новых методов реализации, гарантирующих более разумное использование материальных и финансовых ресурсов. Только совместные усилия субъектов управления (государства) и самого народа, объединенные в институты гражданского управления, могут привести к реализации любой программы социально-экономического развития, направленной на повышение качества жизни населения.

В свою очередь, очевидно, что качество жизни в перспективе будет выступать главной ценностью гражданского общества. Правда, сейчас не все условия для этого складываются благоприятно.

Намеченные меры по улучшению материального положения населения, увеличению денежных доходов, обеспечению рациональной структуры занятости, повышению качества и конкурентоспособности рабочей силы, развитию человеческого капитала создадут благоприятные условия для устойчивого экономического роста. Это, в свою очередь, поможет сохранить и улучшить качество жизни населения.

Литература

1. Компаниец, О. В. Качество жизни населения: дис. ... канд. мед. наук : 14.01.08 / О. В. Компаниец ; Место защиты: ГОУВПО «Саратовский государственный медицинский университет». – Саратов, 2010. – 127 с.

2. Криворотова, Н. Ф. Сравнительный анализ уровня благосостояния России и КНР / Н. Ф. Криворотова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2020. – № 2 (77) – С. 74–79.

3. Магомаев, М. М. Качество жизни населения / М. М. Магомаев, Э. Р. Магомедова. – Махачкала: Наука – Дагестан, 2017. – 459 с.

4. Найдюк, Я. В. Качество жизни и клинико-психологические аспекты жизни населения: автореф. дис. ... канд. мед. наук : 14.00.05 / Я. В. Найдюк ; Воронеж. гос. мед. акад. им. Н.Н. Бурденко. – Воронеж, 2007. – 24 с.

5. Новик, А. А. Исследование качества жизни / А. А. Новик, Т. И. Ионова // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова. – 2016. – № 1. – С. 91–94.

6. Петропавлова, Г. П. Качество жизни населения региона: методология исследований и факторы роста: автореф. дис. ... д-ра экон. Наук : 08.00.05 / Г. П. Петропавлова ; Место защиты: Всерос. центр уровня жизни. – Ставрополь, 2012. – 40 с.
7. Смирнова, Н. А. Роль качества занятости в повышении уровня жизни населения / Н. А. Смирнова. – М.: Изд-во ВЦУЖ, 2017. – 275 с.
8. Токарский, Б. Л. Проблемы формирования и регулирования качества жизни городского населения: монография / сост.: Б. Л. Токарский. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2018. – 89 с.
9. Шевченко, С. И. Качество жизни населения: состояние и пути повышения: автореферат дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / С. И. Шевченко ; Место защиты: Всерос. центр уровня жизни. – Москва, 2009. – 26 с.
10. Ли, Баохай Жизненный уровень населения на этапах формирования рыночной экономики: опыт России и КНР : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. – Москва, 2016. – 191 с.

УДК 314

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БРАЧНОСТИ И РАЗВОДИМОСТИ CURRENT TRENDS IN MARRIAGE AND DIVORCE

Ребенок Ольга Юрьевна,
младший научный сотрудник сектора социально-демографической политики
центра человеческого развития и демографии,
Институт экономики НАН Беларуси
olga-rebenok@mail.ru
Rebenok Olga,
Junior Researcher of the Social and Demographic Policy Sector
of the Center for Human Development and Demography,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
olga-rebenok@mail.ru

Аннотация. В статье выполнен анализ статистических показателей брачности и разводимости в Республике Беларусь других странах мира в динамике за 2000–2021 гг. Особое внимание уделено оценке региональных различий в уровне брачности и разводимости в Республике Беларусь. На основании статистических данных установлено, что изменения в уровне брачности соответствуют общемировым тенденциям (сокращение количества заключенных браков, повышение среднего возраста вступления в брак как среди мужчин, так и среди женщин и др.). Подчеркивается, что на динамику уровня брачности и разводимости в последние несколько лет заметное влияние оказали ограничения, связанные с распространением COVID-19, включая социальное дистанцирование, ограничения по размеру собраний и ограничения на поездки.

Ключевые слова: общий коэффициент брачности, общий коэффициент разводимости, коэффициент неустойчивости браков, Республика Беларусь.

Abstract. The article analyzes the statistical indicators of marriage and divorce in the Republic of Belarus and other countries of the world in dynamics for 2000–2021. Particular attention is paid to the assessment of regional differences in the level of marriage and divorce in the Republic of Belarus. On the basis of statistical data, it has been established that changes in the level of marriage are in line with global trends (a decrease in the number of marriages, an increase in the average age of marriage for both men and women, etc.). It is emphasized that the dynamics of marriage and divorce rates in the past few years have been significantly affected by the restrictions associated

with the spread of COVID-19, including social distancing, restrictions on the size of gatherings and travel restrictions.

Keywords: crude marriage rate, crude divorce rate, instability of marriages, Republic of Belarus.

Мировые тенденции брачности и разводимости населения.

Согласно данным Организации Объединенных Наций, общий коэффициент брачности в мире снизился с 6,2 ‰ до 5,3 ‰. Наиболее быстрыми темпами снизилась брачность в Европе (-25,5 %) с 5,5 ‰ в 2010 году до 4,1 ‰ в 2020 году. Следует отметить, что до 2019 года Африка характеризовалась противоположным трендом брачности – ростом, что обусловлено значительной долей молодого населения и соответственным ростом количества заключаемых браков [1]. В Африке общий коэффициент брачности увеличился на 76 % (с 6,0 ‰ в 2010 году до 9,7 ‰ в 2018 году).

Согласно данным Организации Объединенных Наций, страной с самым высоким уровнем разводов в мире в 2020 году были Мальдивы, где зарегистрировано 2984 развода при населении в 540 544 человека, в результате чего общий коэффициент разводимости составил 5,52 на 1000 человек. Одним из распространенных объяснений такой высокой разводимости является то, что граждане островного государства не одобряют физические отношения вне брака, но и браки, и разводы получить довольно легко, поэтому они быстро женятся и разводятся с минимальными осложнениями, если отношения терпят неудачу [2].

В 2020 Казахстан занял второе место в мире по количеству разводов: 4,6 развода на 1000 человек. Следом идут Россия (3,9 ‰), Бельгия (3,7 ‰) и Беларусь (3,7 ‰). США занимают в списке места с 9-го по 12-е, с ежегодным уровнем разводов 2,7 на 1000 человек.

С другой стороны, в некоторых странах уровень разводов довольно низкий. Согласно имеющимся данным, страной с самым низким уровнем разводов в мире является Шри-Ланка, где уровень разводов составляет 0,15 разводов на 1000 жителей. Также низкие показатели разводимости были отмечены в следующих странах: Гватемала и Вьетнам (по 0,20 разводов на 1000 человек), Перу (0,5 ‰), ЮАР (0,6 ‰), Чили, Колумбия, Ирландия, Мальта, Панама, Катар, ОАЭ и Внесуэла (по 0,7 ‰). Следует отметить, что низкий уровень разводов может быть ввиду более сложной системы получения развода; или жены могут быть не в состоянии разорвать неудачный брак, потому что они опасаются за свою безопасность или безопасность своих детей, или потому что у них нет финансовых средств (или социальных возможностей) для содержания семьи [2].

За последние несколько десятилетий в мире отмечается устойчивая тенденция роста среднего возраста вступления в брак как у мужчин, так и у женщин. Тем не менее, существуют значительные различия между регионами, а также между социальными группами внутри стран в возрасте вступления женщин в первый брак. Например, женщины, проживающие в сельской местности, вступают в брак в более раннем возрасте, чем в среднем по стране [3].

В последние десятилетия снижение количества браков в Европейском Союзе (далее ЕС) сопровождалось снижением количества разводов. Ограничения, введенные в течение первого года пандемии COVID-19, включая социальное дистанцирование, ограничения по размеру собраний и ограничения на поездки оказали прямое влияние на количество браков в 2020 году в большинстве стран, что и отразилось на показателях брачности и разводимости. Так, общий коэффициент брачности сократился с 4,3 ‰ в 2019 году до 3,2 ‰ в 2020 году, а общий коэффициент разводимости – с 1,8 ‰ (2019 г.) до 1,6 ‰ (2020 г.).

Самые низкие общие показатели брачности в ЕС были зарегистрированы в Италии (1,6 брака на 1000 человек), Португалии (1,8) и Испании (1,9), а самые высокие общие показатели брачности в Венгрии (6,9 брака на 1000 человек), Латвии (5,6) и Литве (5,5) [4].

Различия между странами указывают на разнообразие путей перехода к формированию долгосрочного партнерства: сожительство стало важной формой долгосрочного партнерства, которое получило наибольшее распространение в странах Европы [5].

Тенденции брачности и разводимости в Беларуси

По данным переписи населения 2019 года, в Беларуси насчитывалось 2,2 млн супружеских пар. В сравнении с предыдущими переписями число супружеских пар сократилось: в 1999 году их было 2,4 млн, в 2009 – 2,3 млн. Данное уменьшение связано с сокращением количества регистрируемых браков. Уровень брачности (число браков в расчете на 1000 человек населения) сократился с 7,3 браков в 1999-м до 6,3 браков в 2000-м, после чего увеличился до 6,4 браков в 2021 году. За исследуемый период пик общего коэффициента брачности был отмечен в 2007 году на отметке 9,5 %. Наиболее низкий уровень брачности наблюдался в 2020 году (5,4 %) (рисунок 1).

Следует отметить, что уровень брачности в городской местности превышает в 1,5–1,8 раз.

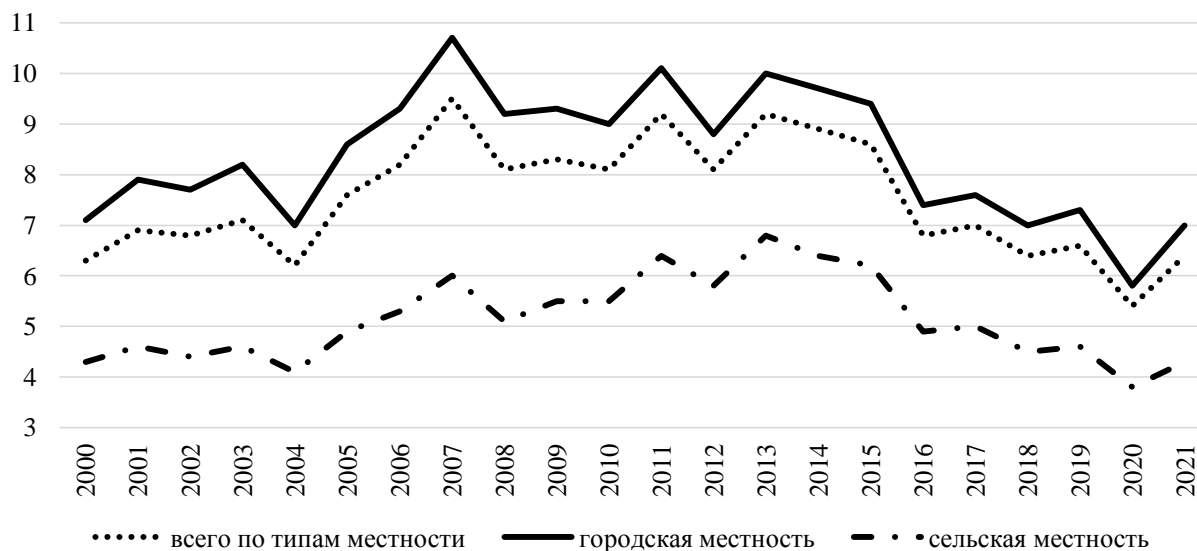

Рисунок 1 – Динамика общего коэффициента брачности в Беларуси, 2000–2021 гг.

Примечание – Источник: Составлено автором на основе [6]

В последние несколько десятилетий в Беларуси растет средний возраст вступления в брак как для мужчин, так и для женщин, что связано с изменениями в репродуктивном поведении. Так, с 2000 по 2021 гг. средний возраст вступления в брак увеличился на 3,6 года у мужчин, и на 3,5 года у женщин. Вместе с тем и увеличился средний возраст вступления в повторный брак.

Анализ возрастной структуры брачности за 2000 год в Беларуси показал, что максимальное количество браков приходилось на возраст 18–24 года, независимо от пола. К 2020 году ситуация значительно изменилась: наибольшее число браков отмечено в возрасте 25–34 года. Тем не менее значительная часть женщин вступает в брак в возрасте 20–24 года (15,1 тыс. чел.).

В 2021 году было заключено 945 браков, в которых жених и невеста были в возрасте 60 лет и старше [7].

Всего в 2020 году 7397 человек в возрасте старше 50 лет заключили брак, из них: 3101 женщина и 4296 мужчин. У женщин в качестве жениха 39 % составили мужчины в возрасте старше 60 лет, у мужчин доля невест старше 60 лет при этом составила 21 %. 22 % (946 женщин) невест были в возрасте 50–54 года. Значительную долю в структуре брачности по возрастным категориям занимают невесты и женихи в возрасте 50–59 лет – 3116 человек.

Для Беларуси характерна пространственная дифференциация уровня брачности, что обусловлено следующими факторами: половозрастная структура, особенности исторического развития регионов, уровень их социально-экономического развития, система расселения, национальный состав. Наибольший общий коэффициент брачности отмечен в г. Минске, наименьший – в Минской области (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика общего коэффициента брачности по областям Республики Беларусь, ‰, 2000–2021 гг.

Территория Республики Беларусь / Год	2000	2005	2010	2015	2020	2021
Республика Беларусь	6,3	7,6	8,1	8,6	5,4	6,4
Брестская область	6,4	7,4	7,9	8	5,2	6,0
Витебская область	5,8	7,1	7,8	8,2	5,1	6,1
Гомельская область	6,2	7,2	8	9	5,1	6,3
Гродненская область	6,1	7,5	7,8	8,4	5,3	6,1
г. Минск	7,2	9,1	8,6	9,3	6,2	7,3
Минская область	5,9	7,4	8,2	8,5	4,9	5,9
Могилевская область	5,9	6,9	8,1	8,6	5,2	6,7

Примечание – Источник: Составлено автором на основе [6]

На микроуровне общий коэффициент брачности варьируется от 3,9 ‰ в Кричевском и Краснопольской районах до 7,8 ‰ – в Наровлянском районе. Тем не менее, региональная дифференциация уровня брачности позволяет выделить зоны низкой и высокой брачности. Так, низкий уровень брачности, а также уровень ниже среднего отмечен в большинстве районов Гродненской области, восточной части Брестской области, центральной части Минской области. Более высокая брачность наблюдается в северных и восточных районах страны с максимальным значением в юго-восточных, пострадавших от аварии на ЧАЭС (рисунок 2).

За исследуемый период уровень брачности увеличился в большинстве районов Беларуси. Снижение общего коэффициента брачности наблюдается преимущественно в западных районах страны. Наибольшее снижение общего коэффициента брачности произошло в Минском (-28,1 ‰), Краснопольском (-27,8 ‰) и Рогачевском (-27,4 ‰) районах, а наибольшее увеличение – Витебском (79,4%) и Наровлянском (+77,3 ‰) районах. Лишь в Рогачевском и Столбцовском районах общий коэффициент брачности остался неизменным.

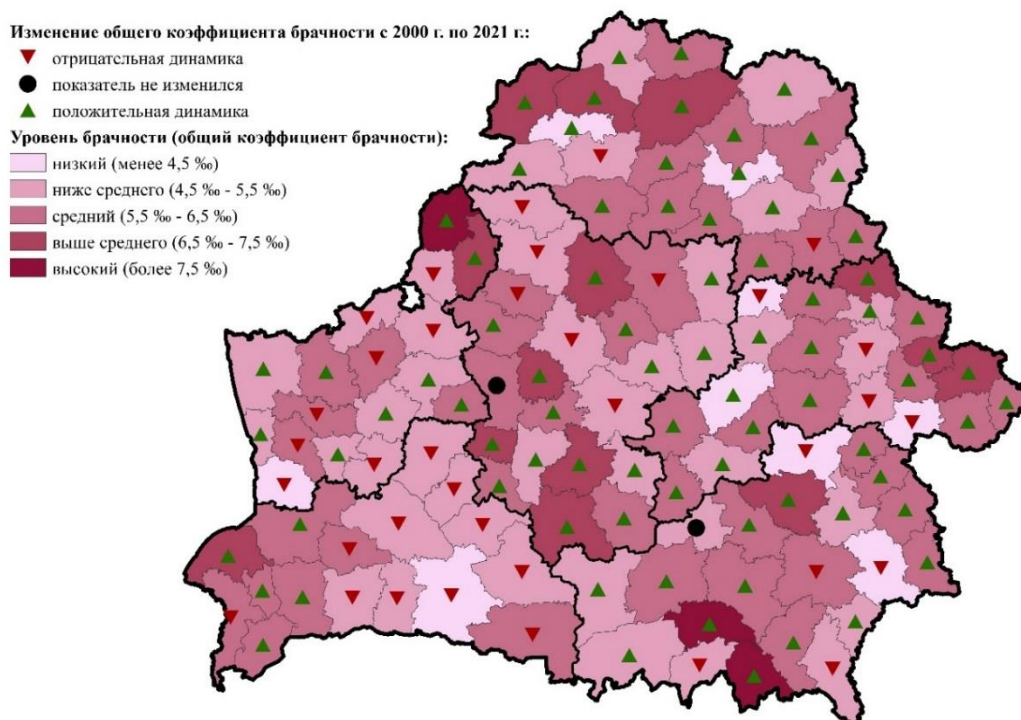

Рисунок 2 – Уровень брачности (2021 год) и его изменение по районам Беларуси

Примечание – Источник: Составлено автором на основе [6]

По данным за 2020 год Беларусь совместно с Бельгией занимает 3 место в мире по уровню разводимости, после Мальдив, России, что несомненно является одной из демогра-

фических угроз для социально-экономического развития страны. Общий коэффициент разводимости в Беларуси составил – 3,7 разводов на 1000 человек населения. С 2000 по 2021 гг. тренд общего коэффициента разводимости изменялся несколько раз:

- 2000–2004 гг., 2013–2016 гг. – снижение уровня разводимости;
- 2004–2011 гг., 2017–2020 гг. – рост уровня разводимости (рисунок 3).

Следует отметить, что разводимость населения в городской местности (4,1 ‰) выше, чем в сельской местности (2,2 ‰). Тренд динамики общего коэффициента разводимости сельской местности несколько отличается от тренда городской: периоды увеличения и снижения показателя выражены более четко. Также при резком увеличении разводимости в городской местности в 2006–2007 гг. происходит плавное увеличение показателя в сельской местности, а при стабилизации общего коэффициента разводимости в 2011–2012 гг., показатель в сельской местности резко увеличивается.

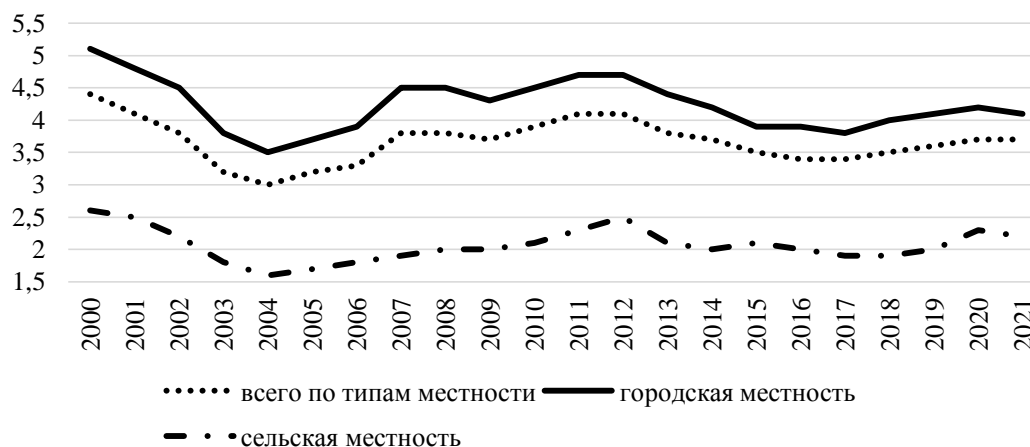

Рисунок 3 – Динамика общего коэффициента разводимости в Беларуси, 2000–2021 гг., ‰
Примечание – Источник: Составлено автором на основе [6]

Следует отметить, что более половины разводов (54,9 %) приходится на период совместной жизни от 1 до 9 лет, при этом доля разводов до 1 года совместной жизни составила 2,7 % [8].

На региональном уровне наибольший коэффициент разводимости был зарегистрирован в г. Минске и в Витебской области – 3,9 разводов на 1000 человек. Высокие показатели разводимости в г. Минске могут быть обусловлены более молодой возрастной структурой населения, а также происходящей индивидуализацией ценностей европейского общества: более позднее вступление в брак в виду различных причин и др. Минимальный уровень разводимости наблюдается в Брестской (3,4 ‰) и Гродненской (3,5 ‰) областях, что обусловлено этнической и конфессиональной структурой, а также культурно-историческими традициями этих регионов. В целом с 2000 по 2021 гг. произошло снижение общего коэффициента разводимости во всех регионах страны (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика общего коэффициента разводимости по областям Республики Беларусь, ‰, 2000–2021 гг.

Территория Республики Беларусь / Год	2000	2005	2010	2015	2020	2021
Республика Беларусь	4,4	3,2	3,9	3,5	3,7	3,7
Брестская область	3,6	2,7	3,4	3,1	3,3	3,4
Витебская область	4,7	3,3	3,9	3,4	4,0	3,9
Гомельская область	4,6	3,2	3,9	3,6	3,8	3,7
Гродненская область	3,8	2,9	3,6	3,3	3,5	3,5
г. Минск	5,0	3,8	4,4	3,8	4,0	3,9
Минская область	4,2	3,0	3,8	3,5	3,7	3,6
Могилевская область	4,5	3,0	3,7	3,5	3,8	3,8

Примечание – Источник: Составлено автором на основе [6]

Пространственная дифференциация уровня разводимости населения Беларуси в разрезе административных районов заключается в следующем: наиболее низкие показатели общего коэффициента разводимости были отмечены в юго-восточной части страны, а также в южной части витебской области. Наиболее высокие показатели общего коэффициента разводимости характерны для зон высокой брачности (центральная часть Минской области и районы, пострадавшие в результате аварии на ЧАЭС) (рисунок 4).

Анализ общего коэффициента разводимости в динамике показал его снижение к 2021 году в большей части районов страны. Тем не менее в северо-западной части страны произошло некоторое увеличение показателя. Наибольшее сокращение уровня разводимости было замечено в районах Могилевской области (Краснопольский (-43,6 %), Чаусский (-42,6 %) и Бобруйский (-41,4 %) районы), а наибольшее увеличение – в Островецком (+61,1 %) и Лоевской (+63,6 %) районах.

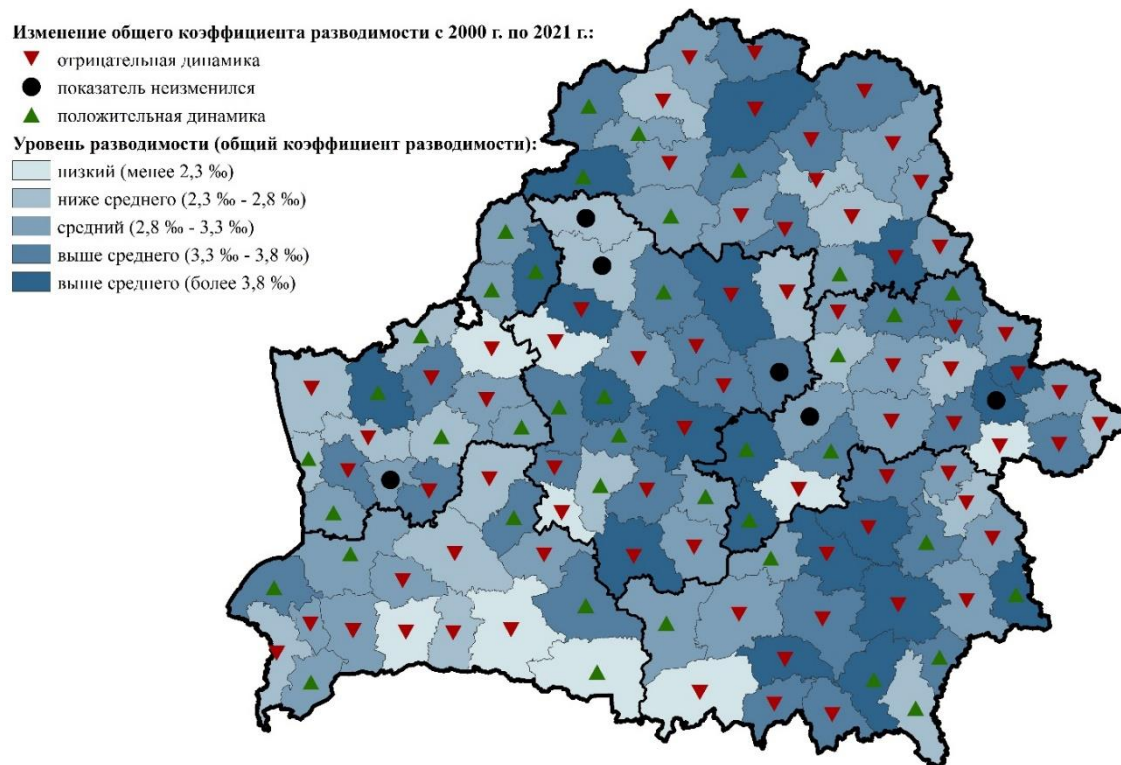

Рисунок 4 – Уровень разводимости (2021 г.) и его изменение по районам Беларуси
Примечание – Источник: Составлено автором на основе [6]

Свидетельством снижения количества разводов может случить коэффициент неустойчивости браков, представляющий собой отношение числа разводов к числу браков в расчете на 1000 человек. В период с 2000 г. по 2021 г. данный коэффициент уменьшился на 17,2 %, с 696,4 разводов на каждые 1000 браков, до 576,5 развода. Снижение произошло также и по районам, что отчетливо видно на рисунке 5. Тем не менее для восточной части Беларуси характерны более высокие значения показателя, нежели на западе.

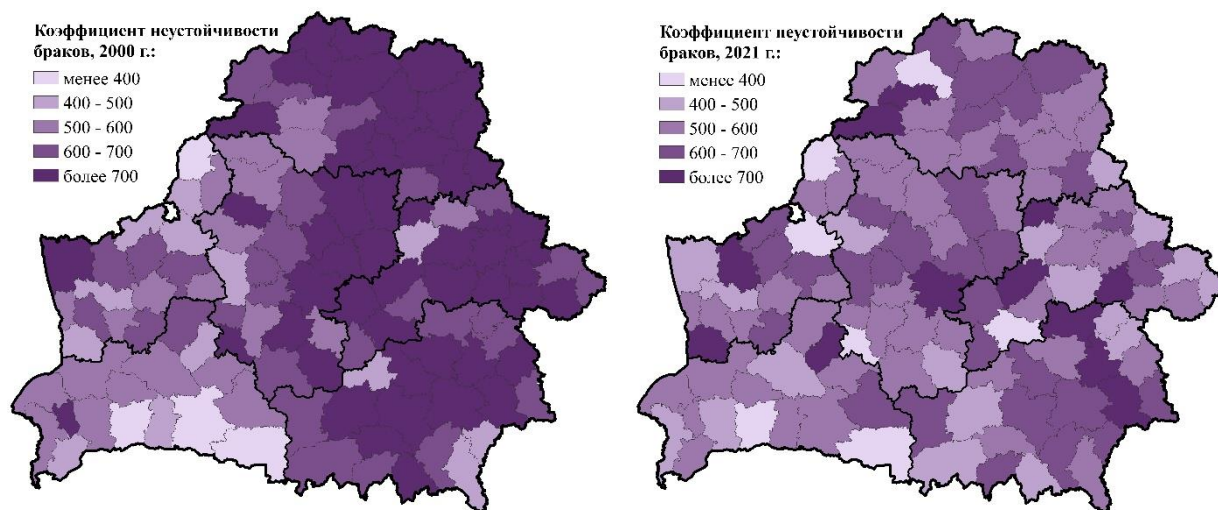

Рисунок 5 – Коэффициент неустойчивости браков по административным районам Беларуси, 2000 г. и 2021 г., ‰

Примечание – Источник: Составлено автором на основе [6]

Таким образом, при более подробном анализе общего коэффициента брачности и общего коэффициента разводимости на микроуровне, можно выявить несколько региональных особенностей:

- большая часть районов Гомельской области имеют более высокий уровень разводимости при низком либо среднем уровне брачности;
- в Гродненской области в 5 районах из 17 отмечен средний уровень брачности совместно с низким уровнем разводимости, также в 5 районах брачность и разводимость имеет средний уровень;
- 14 районов Беларуси обладают низким уровнем брачности и разводимости – все районы имеют пограничное положение (за исключением Чаусского).
- в 18 районах уровень брачности и уровень разводимости находится на высоком уровне (рисунок 6);

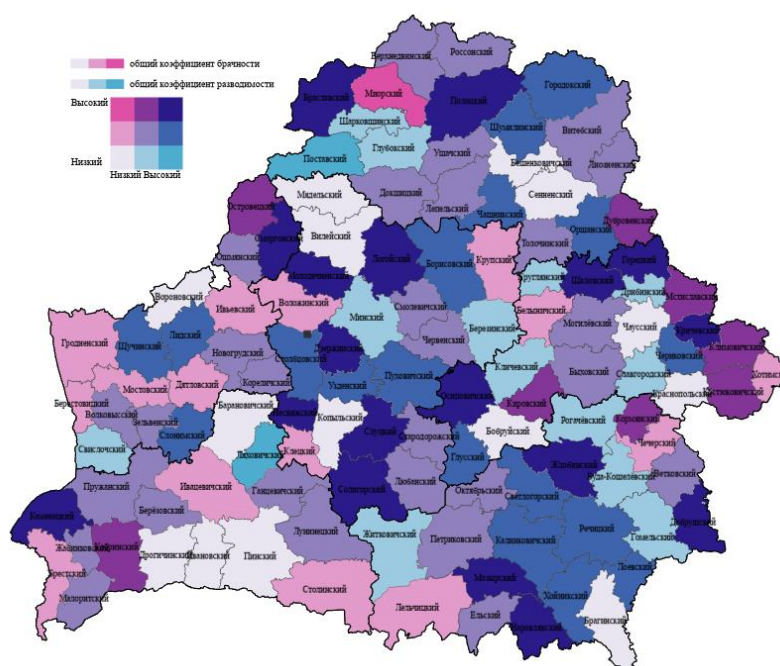

Рисунок 6 – Уровень брачности и уровень разводимости по районам Беларуси, 2021 г.

Примечание – Источник: Составлено автором на основе [6]

Таким образом, за последние несколько десятилетий институт брака и семьи подвергся серьезным трансформациям. Изменения в уровне брачности соответствуют общемировым тенденциям:

- сокращение интенсивности заключения браков,
- повышение среднего возраста вступления в брак как среди мужчин, так и среди женщин;
- рост уровня безбрачия;
- увеличение спектра форм брака.

Стоит отметить, что низкие показатели брачности могут быть обусловлены популярностью совместного проживания и распространенностью долгосрочной миграции, что затрудняет вступление в брак. Соответственно, вступление в брак все чаще откладывается.

Пандемия COVID-19 оказала заметное влияние практически на все аспекты повседневной жизни, включая количество браков и разводов. В целом количество браков в 2020 году значительно снизилось, в основном из-за ограничений, связанных с пандемией. При этом уровень разводов в Республике Беларусь увеличился с 3,6‰ в 2019 г. до 3,7‰ в 2020 и 2021 годах.

Литература

1. Demographic and Social Statistics [Electronic resource]. – Mode of access: https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/products/dyb/dyb_2020/. – Date of access: 04.10.2022.
2. Divorce Rates by Country 2022 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/divorce-rates-by-country>. – Date of access: 05.10.2022.
3. Прогресс женщин мира в 2019-2020 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2019/Progress-of-the-worlds-women-2019-2020-Executive-summary-ru.pdf>. – Дата доступа: 06.10.2022.
4. Marriage and divorce statistics [Electronic resource]. – Mode of access: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Marriage_and_divorce_statistics. – Date of access: 04.10.2022.
5. Marriage and divorce rates / OECD Family Database [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oecd.org/els/family/SF_3_1_Marriage_and_divorce_rates.pdf. – Date of access: 06.10.2022.
6. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации / Национальный статистический комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by> <http://dataportal.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 25.08.2022.
7. Статистический обзор ко Дню семьи / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor-semya-2022-1.pdf. – Дата доступа: 23.09.2022.
8. Брачность и разводимость в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2021/marriage-2021.pdf. – Дата доступа: 14.07.2022.

**ГЛОБАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ
GLOBAL AND NATIONAL ENVIRONMENTAL TRENDS AND THEIR IMPACT
ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF BELARUS**

Самцова Дарья Владимировна,
младший научный сотрудник сектора эколого-экономических исследований
центра человеческого развития и демографии,

Институт экономики НАН Беларуси

samtsova_d@mail.ru

Samtsova Daria,

Junior Researcher of the Environmental and Economic Research Sector
of the Center for Human Development and Demography,

The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus

samtsova_d@mail.ru

Аннотация. В статье перечислены и систематизированы глобальные и национальные экологические тренды, распределенные по блокам (социальные, технологические, экологические, экономические, политические), дана их краткая характеристика. Отмечены различия в глобальных и национальных экологических трендах. Приведено краткое описание основных экологических угроз, выделенных по ряду направлений: урбанизация, образование и обращение с отходами, деградация земель, снижение биоразнообразия, накопление загрязняющих веществ и т.д. Выделены основные направления преодоления современных угроз экологизации отечественной экономики, в число которых входят экологизация потребления как со стороны населения, так и бизнеса, повышение уровня социальной ответственности бизнеса, переход экономики страны к инновационной модели развития. Отмечается, что несмотря на снижение интереса к экологической тематике, на существующие сложности и угрозы, экологизация экономики является одним из главных направлений развития на ближайшие годы.

Ключевые слова: экологические тенденции, зеленая экономика, циркулярная экономика, загрязнение, изменение климата.

Abstract. The article lists and systematizes global and national environmental trends, divided into blocks (social, technological, environmental, economic, political), gives a brief description of them. Differences in global and national environmental trends are noted. A brief description of the main environmental threats is given in a number of areas: urbanization, waste generation and management, land degradation, biodiversity reduction, accumulation of pollutants, etc. The main directions for overcoming modern threats to the greening of the domestic economy are identified, which include the greening of consumption by both the population and business, increasing the level of social responsibility of business, and the transition of the country's economy to an innovative development model. It is noted that despite the decrease in interest in environmental issues, the existing difficulties and threats, the greening of the economy is one of the main directions of development for the coming years.

Keywords: environmental trends, green economy, circular economy, pollution, climate change.

Демографический сдвиг, технический прогресс и увеличение числа экологических проблем представляют собой три ключевые силы, которые оказывают прямое воздействие на экономику и социальную сферу стран мира. Нарастание политической напряженности, рост кризисных явлений в экономике, появление и стремительное распространение новых болезней (например, COVID-19) дополнительно усиливают экономическое неравенство между

странами, что в результате приводит к дополнительному росту напряженности как внутри стран, так и на международной арене, и может усложнить координацию между странами, необходимую для решения общемировых проблем.

Глобальные экологические проблемы выступают дополнительным фронтом, создавая социальную и экономическую напряженность в отдельных странах и регионах, что обуславливает актуальность их систематизации, выявления причин их возникновения и определения влияния экологических рисков на социально-экономическое развитие страны.

Проведенная экспертами ООН оценка экосистем на пороге тысячелетия позволила установить, что за вторую половину XX в. изменения в экосистемах оказались более быстрыми и масштабными, чем за ранние аналогичные периоды времени. Такое значительное и заметное изменение окружающей среды спровоцировано с целью удовлетворения быстро растущих потребностей человечества в продовольствии, пресной воде, строительных материалах, топливе и иных ресурсах. Темпы и масштабы антропогенного воздействия привели к существенной и в значительной степени необратимой утрате разнообразия жизни на Земле. Оценка экосистем показала, что примерно 60% исследованных экосистемных услуг деградируют или используются нерационально. Изменения экосистем человеком обусловили значительный рост благосостояния людей и уровня экономического развития, но эти выгоды были достигнуты за счет все большего возрастания их стоимости в форме деградации многих услуг экосистем, увеличения риска нелинейных изменений экосистем и усиления масштабов бедности для некоторых групп людей [1].

Изучение результатов исследований ведущих международных организаций позволило систематизировать выявленные тенденции (таблица 1).

Таблица 1– Глобальные и национальные экологические тренды

Направление	Глобальный уровень	Национальный уровень
Социальные	Урбанизация и увеличение нагрузки на городскую инфраструктуру	Урбанизация, сопровождаемая увеличением нагрузки на природные ресурсы, ростом объемов производственных и бытовых отходов, снижающих возможности самовосстановления природной системы
	Экологизация потребления	Сохранение преобладающей роли экономических интересов потребителей над экологическими
	Повышение экологической грамотности и ответственности поведения населения	Повышение уровня экологической ответственности, обусловленной во многом экономическими факторами, а не следствием готовности защищать окружающую среду.
	Рост заболеваний, связанных с экологическими нарушениями, в том числе генетических, широкое распространение инфекционных заболеваний, появление новых болезней	Рост заболеваний, связанных с экологическими нарушениями, в том числе генетических, широкое распространение инфекционных заболеваний
Технологические	Развитие зеленых технологий во всех сферах экономики (транспорт, строительство, энергетика, зеленые города и др.), направленных на повышение ресурсо-, энергоэффективности и решение экологических проблем, в том числе в области изменения климата	Нацеленность предприятий на повышение ресурсо-, энергоэффективности. Внедрение принципов зеленой экономики в отдельные пилотные проекты в различных сферах экономики (зеленый транспорт, зеленое строительство, зеленая энергетика, зеленые города и др.)
	Расширение масштабов использования вторичных материальных ресурсов (ВМР)	Развитие системы сбора, сортировки и переработки ВМР, рост использования отходов производства и потребления
Экономические	Развитие углеродного ценообразования и трансграничного углеродного регулирования	Формирование национальных подходов, а также согласование единых рыночных и нерыночных механизмов углеродного регулирования в рамках ЕАЭС
	Развитие «зеленой» таксономии и зеленого финансирования	Разработка национальной системы «зеленого» финансирования, критериев «зеленых» проектов и тре-

Направление	Глобальный уровень	Национальный уровень
		бований к системе верификации «зеленых» проектов, их согласование в рамках ЕАЭС
Экологические	Рост потребления первичной биологической продукции, обусловленный прежде всего ростом численности населения	Сохранение несбалансированности рациона питания населения по качественным параметрам. Сдерживание экономическими факторами формирование культуры здорового питания
	Изменение климата (рост температуры, снижение количества осадков, рост количества экстремальных природных явлений), спровоцированное в том числе ростом концентрации парниковых газов в атмосфере	Изменение климата (рост температуры, снижение количества осадков, рост количества экстремальных природных явлений)
	Сокращение площади естественных экосистем, включая сокращение площади лесов, особенно тропических	Сокращение площади естественных экосистем (болотных, луговых) при увеличении площади лесов
	Снижение биоразнообразия и нарастание процесса инвазии	Сохранение проблем снижения биоразнообразия и инвазии при последовательной реализации мероприятий сохранения биологического разнообразия Республики Беларусь, снижения экономических потерь от чужеродных инвазивных видов растений и животных
	Деградация земель, опустынивание	Деградация земель (водная и ветровая эрозия; минерализация (разрушение) осушенных торфяно-болотных почв; ухудшение гранулометрического состава; химическое, в том числе радионуклидное, загрязнение; загрязнение отходами производства и потребления, подтопление, переуплотнение; выгорание осушенных торфяников; нарушение земель при разработке месторождений полезных ископаемых, а также при ведении строительных работ и иных раскопках; самовольное занятие и нецелевое использование земель)
	Рост загрязнения природных сред (атмосферы, водных ресурсов, земель); рост образования отходов, особенно пластика	Рост загрязнения природных сред (атмосферы, водных ресурсов, земель); рост образования отходов, особенно пластика
	Накопление поллютантов в средах и организмах, миграция в трофических цепях	Накопление поллютантов в средах и организмах, миграция в трофических цепях
	Рост уровня Мирового океана, вызванный таянием ледников	—
Политические	Внедрение принципов устойчивого развития на всех уровнях	Внедрение принципов устойчивого развития на всех уровнях (национальный, областной, районный, городской, отдельные предприятия)
	Распространение ESG-повестки	Адаптация и внедрение ESG-принципов с вовлечением органов государственного управления, финансовых институтов, представителей бизнеса
	Нацеленность на достижение климатической нейтральности в долгосрочной перспективе	Нацеленность на сокращение выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов в сфере выработки тепловой и электрической энергии, а также в промышленном, транспортном, строительном и жилищно-коммунальном и др. секторах
	Переход к экономике замкнутого цикла (циркулярной экономике)	Реализация отдельных циркулярных проектов, разработка стратегии развития экономики замкнутого цикла до 2035 г.

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе собственных исследований

Необходимо отметить, что абсолютное большинство глобальных тенденций нашли отражение на национальном уровне, но с некоторыми отличиями. Так, экологизация потребления в Беларуси не получила в настоящее время должного распространения, в силу недостаточно высоких темпов роста доходов населения. По-прежнему сохраняется преобладающая роль экономических интересов населения над экологическими. Повышение экологической грамотности и ответственного поведения населения сопряжено с экономическими интересами, и не является следствием готовности защищать окружающую среду. Развитие зеленых технологий отмечается не во всех отраслях и в виде пилотных проектов. Углеродное регулирование и ценообразование в странах ЕАЭС только начинает свое развитие посредством формирования подходов и согласования рыночных инструментов. В отличие от мировой тенденции преобладания проблемы роста потребления продуктов питания, обусловленного ростом населения, в Беларуси при невысоких темпах роста численности населения и высоком уровне обеспеченности продуктами питания, сохраняется проблема сбалансированности рациона по качественным параметрам. ESG-принципы пока не получили достаточного развития на территории страны. Нацеленность на достижение климатической нейтральности в отличие от развитых стран проявляется пока только в направлении сокращения выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов в атмосферный воздух. Кроме того, для Беларуси не актуальна проблема загрязнения и роста уровня Мирового океана, вызванного таянием ледников.

Глобальные экологические тренды подразумевают наступление не только положительных последствий, но и рисков.

Урбанизация. В Республике Беларусь численность городского населения постоянно увеличивается. В 1995 году доля городского населения по стране составляла 67,9 %, в 2021 году – 77,6 % [2]. Урбанизация способствует модернизации систем оказания услуг населению, совершенствованию городской инфраструктуры, но вместе с тем оказывает влияние на окружающую среду посредством увеличения нагрузки на природные ресурсы, роста объемов производственных и бытовых отходов.

В связи с нарастанием международной напряженности, у белорусского потребителя *сохраняется приоритет экономических интересов над экологическими*. Потребитель в условиях снижения доходов, стремится найти аналог товара или услуги за более низкую стоимость, не обращая в данном случае внимание на его экологические свойства. Так, реальные располагаемые доходы населения в период 2016–2020 гг. находились в пределах 102–107 % к предыдущему году, сохраняя тенденцию к снижению к концу периода [3]. Индекс потребительских цен за этот период составлял 105–111 % к предыдущему году с тенденцией возрастания к концу периода [4].

В Беларуси отмечается тенденция *повышения уровня экологической ответственности, однако обусловлена она часто экономическими факторами*. Население наиболее активно вовлечено в следующие процессы:

- процесс экономии воды и электроэнергии, на что влияет рост тарифов;
- ремонт вещей и бытовой техники, что связано с высокой стоимостью покупки новых;
- покупка вещей, бывших в употреблении, аренда бытовой техники, транспорта и т.д.

Фиксируется *рост заболеваний, связанных с экологическими нарушениями, в том числе генетических, широкое распространение инфекционных заболеваний*. На здоровье и благополучие человека воздействует изменение климата, а также другие глобальные изменения в окружающей среде. С 1995 года по настоящее время на 2–5 % ежегодно увеличивается число заболеваний крови, кроветворных органов и систем кровообращения, на 2–4 % – органов дыхания, 1–3 % – кожи и подкожной клетчатки, на 7–10 % – врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения.

Планомерно *проводится деятельность по переработке отходов и использованию вторичных материальных ресурсов (ВМР)*. С 2012 по 2021 год объем сбора ВМР вырос более чем в два раза – с 382 тыс. т до 791 тыс. т. Уровень использования коммунальных отходов

(ТКО) увеличился с 10 до 29 %. Но, несмотря на достигнутые успехи, количество отходов промышленных и ТКО ежегодно увеличивается.

Несмотря на предпринимаемые меры по популяризации здорового образа жизни и развитию органического земледелия, а также на высокий уровень обеспечения продовольственной безопасности, в стране *существует проблема несбалансированности питания населения по качественным параметрам*. Формирование культуры здорового питания также сдерживается экономическими фактами, в числе которых изменение реальных доходов населения, рост индекса потребительских цен и изменение структуры потребительских расходов.

Естественные экосистемы подвержены значительному антропогенному влиянию и сокращению их площадей и естественного биоразнообразия. К таким экосистемам относятся болотные, луговые и водные. На болотных экосистемах наблюдаются процессы деградации, связанные со снижением уровня грунтовых вод и ростом числа пожаров; луговые, особенно пойменные, отмечаются зарастанием, подгниванием растительности при сезонном разливе рек; для водных характерно нарастание темпов антропогенной эвтрофикации – цветение воды из-за органического загрязнения. В лесных экосистемах широко распространены древесные насекомые-вредители.

Вместе с этим в Беларуси наблюдается *сохранение проблем снижения биоразнообразия и инвазии при последовательной реализации мероприятий сохранения биологического разнообразия, снижения экономических потерь от чужеродных инвазивных видов растений и животных*. За период с 1990 по 2021 год значительно увеличилась численность видов, находящихся под угрозой исчезновения, и охраняемых видов растений и животных: растений – в 2,5 раза; животных – в 1,6 раз.

Деградация земель Беларуси носит масштабный характер и включает в себя ряд негативных процессов и явлений. Для земельного фонда Республики Беларусь характерна высокая степень его хозяйственной освоенности. По данным НИИ почвоведения и агрохимии НАН Беларуси, общая площадь эродированных и эрозионно опасных почв на сельскохозяйственных землях составляет более 4 млн га [5].

Несмотря на существующий тренд к постепенному снижению загрязнения природных сред в целом, закрепилась *тенденция на перераспределение уровней загрязнения по отдельным видам веществ и средам*.

Поскольку атмосферный воздух среди природных сред обладает наибольшей способностью к самоочищению, накопление загрязняющих веществ носит в большинстве случаев разовый характер. *Накопление загрязняющих веществ характерно для водных объектов и, особенно, почв*. Результаты мониторинга поверхностных вод за период наблюдений 2006-2021 гг. свидетельствуют о том, что наибольшему антропогенному влиянию подвержены водные объекты в бассейнах рек Западный Буг, Днепр и Припять.

Данные наблюдений за химическим загрязнением земель, полученные на сети пунктов фоновых территорий за период с 2000 по 2021 год, свидетельствуют о том, что для почв городов характерна неоднородность распределения загрязняющих веществ по функциональным зонам. Основными загрязнителями почв являются нефтепродукты и тяжелые металлы. В большинстве крупных и средних городов ежегодно фиксируются случаи превышения ПДК по содержанию нефтепродуктов, свинца, кадмия в 1,2–1,5 раза; число таких случаев ежегодно растет.

Таким образом, в настоящий момент большинство международных и отечественных экономистов уделяет большое внимание процессам экологизации и защиты окружающей среды, что свидетельствует об актуальности данного направления в повестке дня. В то же время, серьезные угрозы настоящего в виде пандемии и напряжение политической ситуации снизило внимание к данной проблеме. В результате санкционной политики наблюдается временный отход от политики декарбонизации в странах Западной Европы в условиях возможного энергетического кризиса. В развивающихся странах может быть ограничен доступ к технологиям.

В Беларуси фиксируются как положительно направленные, так и отрицательные явления в сфере охраны окружающей среды. Например, несмотря на увеличение доли переработки ВМР, продолжает возрастать показатель образования отходов в целом. Несмотря на общее снижение объемов выбросов парниковых газов, сохраняется высокая доля некоторых газов в общей структуре, в отдельных случаях даже увеличивается, и т.д.

Основными направлениями преодоления современных угроз экологизации отечественной экономики следует рассматривать через призму социальных, административных и экономических рычагов по следующим направлениям:

снижение потребления путем внедрения принципов «зеленого» потребления;

повышение уровня социальной и экологической ответственности бизнеса и, соответственно, формирование положительной репутации отечественных компаний;

возможность перехода экономики страны к инновационной модели развития за счет аккумуляирования собственных и привлечения передовых технологий.

Однако можно с уверенностью отмечать, что экологизация экономики является одним из главных направлений развития страны на ближайшие годы, несмотря на существующие сложности и угрозы. В долгосрочной перспективе данная стратегия должна стать важнейшей для обеспечения выживаемости человечества.

Литература

1. Экосистемы и благосостояние человека: возможности и испытания для бизнеса и производства // Оценка экосистем на пороге тысячелетия. – Институт мировых ресурсов, Вашингтон, округ Колумбия, 2005. – 32 с.

2. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Search?code=1063064>. – Дата доступа: 26.09.2022.

3. Реальные располагаемые денежные доходы населения [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/uroven-zhizni-naseleniya/denezhnyedokhody-naseleniya/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/realnye-raspolagaemye-denezhnyedokhody-naseleniya/>. – Дата доступа: 26.09.2022.

4. Индекс потребительских цен на товары и услуги в % к предыдущему периоду [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/tseny/potrebitel'skie-tseny/godovye-dannye/>. – Дата доступа: 26.09.2022.

5. Белых, Е.С., Королькова, Ю.А. Деградация земель в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // БГТУ. – Режим доступа: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/32833/1/Belyh_Degradaciya_zemel%27.pdf. – Дата доступа: 26.09.2022.

**ПОДХОД К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
МЕХАНИЗМОВ ВНЕДРЕНИЯ НОВШЕСТВ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ
AN APPROACH TO IMPROVING ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC
MECHANISMS FOR INTRODUCING INNOVATIONS IN THE SOCIAL SPHERE**

Серебряков Дмитрий Анатольевич,
магистр экономических наук,
младший научный сотрудник,
ГП «Центр Систем Идентификации» НАН Беларуси
dserebryakov@ids.by
Serebryakov Dmitry Anatolyevich,
Master of Economics,
Research Assistant at IRD «ID Centre»
dserebryakov@ids.by

Аннотация. Сформулирован подход к совершенствованию существующих механизмов внедрения результатов научно-технической деятельности в социальной сфере на основе анализа их структуры, условий запуска и работы. Он предполагает разработку нового внедренческого механизма, как научно-обоснованного дополнения к существующим, направленного на вовлечение инициативных и невостребованных новшеств в хозяйственный оборот. Предполагается, что итогом практической реализации подхода станет увеличение количества социальных инноваций и масштабов их применения в стране, что благоприятно скажется на качестве человеческих ресурсов и уровне их задействования в экономике и других сферах жизнедеятельности. Реализация подхода предложена в формате практических рекомендаций по созданию социальных инноваций на инициативных и невостребованных новшествах, предназначенных для государственных заказчиков и субъектов инновационной инфраструктуры Беларуси.

Ключевые слова: социальная инновация, механизм внедрения, новшество.

Abstract. An approach to improving implementation mechanisms based on the analysis of their structure, launch conditions and operation is formulated. This is necessary to maximize the use of unclaimed and initiative developments in the social sphere to create social innovations. The approach is to form a new mechanism for the implementation of these innovations. The new mechanism will complement the existing ones. As a result, there will be more social innovations in the country. The quality of human resources and their use in the economy will increase. The new mechanism will be formalized in the form of practical recommendations for use in the work, first of all, by state customers of social innovations and existing 24 subjects of innovation infrastructure.

Keywords: social innovation, implementation mechanism, development.

Целью стратегического развития Беларуси, согласно НСУР-2035, является достижение высоких стандартов уровня жизни населения на основе устойчивого роста экономики. Одним из факторов роста выступают социальные инновации, направленные на наиболее полную подготовленность граждан ко всем типам отношений в обществе (профессиональным, семейным, бытовым и т.д.), их включение в данные отношения и, как следствие, повышение экономической отдачи или производительности труда. К таким инновациям относятся услуги социальной сферы и рабочие места, вновь созданные или модернизированные за счет внедрения результатов научно-технической деятельности (новшеств), которое достигается запуском и работой соответствующих механизмов.

Ключевой генератор новшеств – белорусская наука – показывает высокую результативность, о чем свидетельствует топовое 37 место страны по агрегате «Научные результаты»

Глобального инновационного рейтинга. В Беларуси аккредитована 241 научная организация, выполняются 12 государственных программ научных исследований, 24 научно-технические программы, 20 подпрограмм научного обеспечения целевых госпрограмм. На финансирование исследований и разработок направляется около 0,46 % ВВП страны.

Однако не все новшества, созданные по заданиям указанных программ и отдельным договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ (НИОКТР), востребованы их потребителями согласно данным Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь. Интерес со стороны государства и общества к результатам научно-технической деятельности (НТД), осуществляемой в инициативном порядке без участия заказчиков (4-6 % от общего объема НИОКТР), можно охарактеризовать, как незначительный. Фиксируется также низкая вовлеченность действующих субъектов инновационной инфраструктуры в систему внедрения научных достижений. Все это указывает на необходимость совершенствования внедренческих механизмов, которые применяются, в том числе, в социальной сфере.

В когнитивном понимании «внедренческие механизмы» – это средства, которые позволяют их пользователям достигать практического использования результатов НТД для создания инноваций. Они относятся к классу организационно-экономических механизмов (ОЭМ), так как наделены основными атрибутами последних: субъектностью, затратностью, результативностью.

Субъектность означает, что достижение практического использования новшеств не происходит само по себе, его осуществляют заинтересованные субъекты или стороны на взаимовыгодных условиях взаимодействия. Отправной точкой здесь является выбор теоретической модели интеграции сторон с последующим установлением и развитием отношений, содержание которых определяется выбранной моделью (практическая реализация модели).

Второй атрибут ОЭМ внедрения подразумевает хозяйственный или экономический характер отношений между сторонами, связанный с затратами экономических ресурсов: материально-технических, трудовых, финансовых и т.д.

Результативность или третий атрибут внедренческих механизмов заключается в получении социально-экономических эффектов от инноваций, созданных за счет достижения практического использования предшествующих им новшеств [1].

Перечисленные атрибуты – субъектность, затратность, результативность – позволяют описать структуру внедренческих механизмов по аналогии с трехуровневой характеристикой материальных благ, предложенной Ф. Котлером [2]. По ней конечное благо формируется в трех ипостасях: 1) ядро или сущность по замыслу, раскрывающая потребности, которые благо удовлетворяет; 2) реальное исполнение – потребительские свойства и технические характеристики блага, включая упаковку, маркировку и т.д.; 3) благо с подкреплением – каналы сбыта, реклама, стиль потребления и прочее.

Ядра или сущности ОЭМ внедрения раскрывают потребность в создании инноваций за счет достижения фактического использования определенных типов новшеств, которое является итогом практической реализации моделей хозяйственной интеграции заинтересованных в этом сторон. Типы новшеств, на которые распространяются механизмы, бывают: заказные и инициативные; с государственным финансированием и частные; востребованные для создания инноваций и невостребованные; в зависимости от носителя: научные отчеты, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, технологическая и производственная документация, инструкции т.д.

В ядра закладываются также формы существования механизмов – автономные или в составе комплексных инновационных механизмов, охватывающих также стадии НИОКТР и (или) диффузию успешных нововведений.

В реальном исполнении ОЭМ внедрения могут быть представлены в виде пошаговых алгоритмов взаимодействия сторон (существующих и вновь создаваемых структур) в процессе их хозяйственной интеграции согласно выбранной интеграционной модели и методик

социально-экономического обоснования такого взаимодействия с затратной и результативной компонентой.

Механизмы с подкреплением представляют собой совокупность условий их запуска и работы.

Самым первым условием запуска является формализация механизма в правовом поле государства. Она может носить обязательный характер, когда механизм в реальном исполнении облекается в форму акта законодательства, например, закона, или рекомендательный характер: типовая концепция, стратегия, практические рекомендации и т.д.

Характером формализации определяется второе условие запуска механизма – выбор каналов продвижения его к пользователям, которыми могут быть субъекты напрямую участвующие и (или) обеспечивающие внедрение новшеств. Например, государственные структуры, курирующие ту или иную отрасль социальной сферы.

По критерию новизны каналы продвижения бывают цифровые, либо традиционные: адресные почтовые рассылки, опубликование в печатных СМИ, проведение видеоконференций, очных обучающих семинаров и т.п. К цифровым каналам относятся: e-mail рассылки, размещение на интернет-порталах, лендингах, в мобильных приложениях.

Третье условие запуска внедренческого механизма заключается в готовности пользователей применять его на практике и создавать инновации с его помощью (умственно-психологическая готовность к инновациям; инновационная восприимчивость). Степень готовности может быть высокая или низкая, зависит от образованности и прочих факторов. Пользователи с высокой готовностью именуется новаторами – они постоянно ищут новые знания, возможности и инструменты для улучшения профессиональной деятельности и управления ею. Противоположные им консерваторы не склонны доверять научно-техническому прогрессу и постараются максимально абстрагироваться от перспективы использования ОЭМ внедрения новшеств на практике [3].

Наряду с тремя основными условиями запуска механизма, можно выделить столько же условий его успешной работы.

Во-первых, это наличие результатов НТД и их фактическая готовность к внедрению. Очевидно, что при отсутствии предметов внедрения, либо их несоответствии техническим стандартам и нормативам, механизм не заработает – формирование интеграционных внедренческих структур не состоится.

Во-вторых, это достаточное ресурсное обеспечение механизма. Согласно классификации Р. Гранта инновационные ресурсы делятся на 3 группы: 1) материально-технические активы (помещения, транспорт, сырье, ТЭР и т.д.) и источники финансирования; 2) нематериальные: технологии, бренды, репутация, корпоративная культура и т.д.; 3) человеческий капитал [4].

Третьим ключевым условием работы внедренческого механизма является социально-экономическая эффективность созданных инноваций, которая определяется как соотношение между получаемыми эффектами и затратами сторон на внедрение и эксплуатацию новшеств в инновациях. Превышение эффектов над затратами детерминирует взаимный интерес сторон к хозяйственной интеграции.

Таким образом, ОЭМ внедрения новшеств представляют собой комплексы взаимосвязанных методик и инструментов практической реализации теоретических моделей хозяйственной интеграции заинтересованных сторон в рамках инновационного процесса, на входе у которых результаты НТД, а на выходе – инновации, в том числе социальные. За счет преобразования входов в выходы стороны получают социально-экономические эффекты.

По признаку субъектности можно выделить следующие модели хозяйственной интеграции:

1. *Договорная модель с двумя участниками.* Она предполагает интеграцию двух сторон – заказчика и исполнителя – путем достижения договоренности между ними о разработке и освоении результатов НТД с последующей ее фиксацией в формате соглашения (рисунок 1):

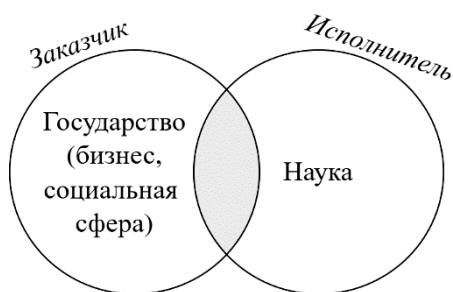

Рисунок 1 – Договорная модель интеграции

2. Модель «тройной спирали» Г. Ицковица и Л. Лейдесдорфа заключается во взаимодействии трех сторон – науки, государства и бизнеса – по поводу создания инноваций [5]. Поэтому ее еще называют трехзвенной моделью (рисунок 2):

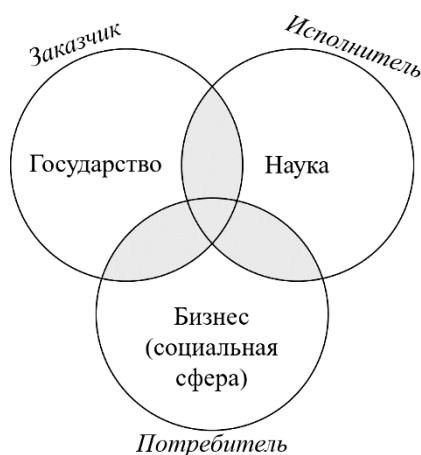

Рисунок 2 – Трехзвенная модель интеграции

3. «Четверная спираль» инноваций Э. Караяниса и Д. Кэмпбелла с 4-мя участниками является модернизацией «тройной спирали» за счет целенаправленного включения в нее граждан в качестве дополнительного четвертого звена (рисунок 3) [6]:

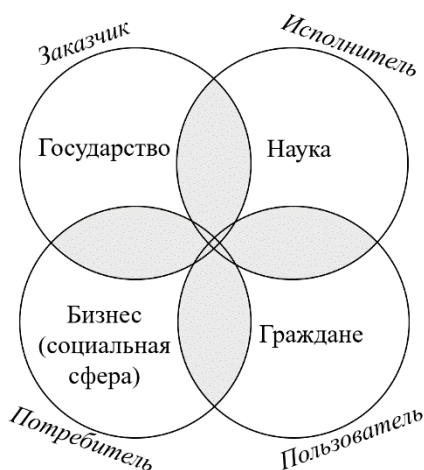

Рисунок 3 – Четырехзвенная модель интеграции

4. Модель внедренческого кластера подразумевает хозяйственную интеграцию пяти и более географически близких сторон, состав которых целенаправленно адаптируется под

нужды внедрения: материально-технические, кадровые, финансовые, административные и прочие (рисунок 4):

Рисунок 4 – Кластерная модель интеграции

Доминирующую роль в кластере играет его ядро – субъект, который координирует работы по формированию и развитию кластера, однако не всегда выступает его инициатором. Согласно отчетам ОСЭР инициатива создания подавляющей массы кластеров принадлежит государству [7].

Сравнительная характеристика вышеуказанных моделей приведена в таблице 1:

Таблица 1 – Сравнительная характеристика интеграционных моделей

Параметры	Наименование модели:			
	договорная	трехзвенная	четырёхзвенная	кластер
Стороны	Наука и бизнес (соцсфера)	Государство, наука и бизнес (соцсфера)	Государство, наука, бизнес (соцсфера) и население	Государство, наука, бизнес, соцсфера, население, технологические посредники и т.д.
Доминирующая роль	Заказчик новшества	Исполнитель (разработчик новшества)	Население (пользователи инновации)	Ядро кластера
Организационная структура	Жесткая	Жесткая	Жесткая	Гибкая
Скорость установления хозяйственных связей	Высочайшая	Высокая	Средняя	Низкая
Организационные затраты	Близки к нулю	Минимальные	Средние	Высокие
Риск недофинансирования внедрения	Высокий	Средний	Средний	Низкий
Пример практической реализации	Научные договоры	Задания научно-технических программ	«Живые» лаборатории*	Внедренческие кластеры

* Ориентированные на потребителя открытые экосистемы, основанные на совместном творчестве государства, науки, бизнеса и населения, интегрирующие НИОКТР и внедренческие процессы в условиях реальной жизни [8].

Анализ осуществлялся в разрезе интеграционных моделей, положенных в основу механизмов.

Научно-обоснованный механизм на кластерной модели предложен Минэкономки в формате «Руководства по созданию и организации деятельности кластеров в Республике Беларусь» [9]. Гипотетически Руководство распространяется на результаты НТД, созданные как по заказу, так и в инициативном порядке. Оно раскрывает 2 подхода к формированию внедренческого кластера – на правилах простого товарищества или учреждения отдельной

организации кластерного развития для координации совместной инновационной деятельности. Оба подхода не предусматривают прямого участия физических лиц – изобретателей и рационализаторов – в создаваемых кластерах, следовательно, для практической реализации результатов их интеллектуального труда применение Руководства ограничено.

Прототипами механизмов внедрения на «четверной спирали» инноваций Э. Караяниса и Д. Кэмпбелла являются научные публикации по организации работы «живых» лабораторий. На практике данная модель в Беларуси успешно применяется для реализации инновационных проектов в рамках цифровых платформ взаимодействия: «Электронная школа», «Централизованная информационная система здравоохранения», «Мая Рэспубліка 115.бел», «Умный город» и другие. Типовые концепции и регламенты развития цифровых платформ, при условии их взаимосвязи с действующей инфраструктурой НИОКТР, являются автономными механизмами внедрения ИТ-решений, как инициативных, так и заказных. Они способствуют скорейшей интеграции их разработчиков, потребителей, государства и граждан – конечных пользователей цифровых сервисов и услуг. Ограничивает применение платформенных механизмов предметная специализация – они распространяются только на новшества, выполненные «в цифре». Проблема оценки социальной и экономической эффективности внедрения последних также актуальна.

На основе «тройной спирали» инноваций Г. Ицковица и Л. Лейдесдорфа сформирован комплексный инновационный механизм – Положение о порядке разработки и выполнения научно-технических программ, утвержденное Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 августа 2005 г. № 961. Оно регламентирует проведение НИОКТР и внедрение полученных новшеств, заказчиком которых выступает государство. При отсутствии внедрения (неполном практическом использовании) в течение 3-х лет с момента приемки НИОКТР, государственные заказчики прилагают максимум усилий по исправлению данной ситуации, однако их дальнейшие шаги в Положении не прописаны, за исключением возврата неэффективно использованных бюджетных средств.

Механизм реализации договорной модели интеграции сторон предусмотрен Гражданским Кодексом Республики Беларусь, статьи 723–732. Кодекс ограничивает ее использование только разработкой новшеств, а внедрение части из них с бюджетным финансированием регламентируется Положением о коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59, которое дополняет предыдущий механизм. Положение не распространяется на инициативные новшества и не содержит методики оценки социальной и экономической эффективности коммерциализации. Поэтому искомые подсчеты требуют дополнительного методического обеспечения и (или) адекватной квалификации пользователей Положения.

С учетом выявленных ограничений на применение существующих внедренческих механизмов в отношении инициативных и невостребованных новшеств, максимальное задействование последних в хозяйственном обороте для создания социальных инноваций требует формирования отдельного ОЭМ внедрения в качестве научно-обоснованного дополнения к существующим механизмам. Это позволит избежать пересмотра их структуры, с одной стороны, и усовершенствовать работу, с другой.

Новый механизм рекомендуется построить на кластерной модели хозяйственной интеграции сторон, как в наибольшей мере отвечающей критериям гибкости и самодостаточности (таблица 1). Механизм должен использовать упрощенный порядок формирования внедренческого кластера на основе соглашения о сотрудничестве, который снимает ограничения на прямое участие в нем физических лиц – авторов инициативных научных работ.

На роль ядер формируемых кластеров государственные заказчики социальных инноваций в приоритетном порядке привлекают субъектов инновационной инфраструктуры, которые: а) за счет накопленного опыта в состоянии повысить готовность социальной сферы к инновациям; б) способны предоставить дополнительное финансовое, материально-техническое и информационное обеспечение инновационной деятельности; в) должны по-

стоянно присутствовать в системе внедрения результатов НТД для снижения рисков трансформации в бизнес-центры.

Учитывая, что внедренческий цикл сопряжен с ресурсными тратами, следует предоставить пользователям нового ОЭМ внедрения возможность своевременной оценки эффективности проводимых работ, что требует включения в него соответствующей оценочной методики. Формализация механизма осуществляется в виде практических рекомендаций.

Литература

1. Виноградов, В. А. Объективная экономика и хозяйственный механизм. Предмет, функции и способы управления общественным воспроизводством / В. А. Виноградов. – Москва : Наука, 1999. – 160 с.
2. Котлер, Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. Пер. с англ. / Ф. Котлер – Москва : Издательский дом «Вильямс», 2007. – 656 с.
3. Сухарев, О. С. Психологические факторы в анализе инновационного поведения и экономического развития / О. С. Сухарев // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 11 (314). – С. 2–11.
4. Кривцов, К. С. Ресурсное обеспечение инновационной деятельности (на примере ООО «Фармос») / К. С. Кривцов // Известия СПбГЭУ. – 2010. – № 2. – С. 106–108.
5. Ицковиц, Г. Тройная спираль: университеты-предприятия-государство : инновации в действии, пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. – Изд-во ТУСУР, 2010. – 237 с.
6. Караяннис, Э. Четырехзвенная спираль инноваций и «умная специализация»: производство знаний и национальная конкурентоспособность / Э. Караяннис, Э. Григорудис // Форсайт. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 31–42.
7. Потенциал развития кластеров в регионах Беларуси / Т. П. Быкова [и др.]. – Минск : Колорград, 2019. – 100 с.
8. Слонимская, М. А. Живые лаборатории в теории и практике открытых инноваций / М. А. Слонимская // Наука и инновации. – 2016. – Т. 9. – № 163. – С. 30–32.
9. Руководство по созданию и организации деятельности кластеров в Республике Беларусь | Совет по развитию предпринимательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ced.by/ru/publication/books/~shownews/rukovodstvo-po-sozdaniju-klasterov>. – Дата доступа: 12.08.2022.

УДК 32.01 + 502.171(510)

ЭВОЛЮЦИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ CLIMATE POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: EVOLUTION AND MAIN DIRECTIONS

Цюй Цзиньтун,

соискатель Института экономики НАН Беларуси

qujintong@gmail.com

Qu Jintong,

applicant for the degree of Candidate of Economic Sciences of the State Scientific Institution

«Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus»

qujintong@gmail.com

Аннотация. В статье кратко представлена эволюция формирования климатической политики Китайской Народной Республики: начиная с зарождения экологической дипломатии (1972 год) до современного этапа – строительства экологической цивилизации. Особое внимание уделено перспективным направлениям климатической политики, реализация которых позволит обеспечить достижение пика выбросов до 2030 года и углеродной нейтральности к

2060 году. Также рассмотрены основные направления межгосударственных политических взаимоотношений китайского государства с другими странами по вопросам экологии и климата. Представленные материалы позволяют характеризовать Китай как государство-лидер климатической политики на международной арене, вносящего значительный вклад в достижение и продвижение основных глобальных соглашений, включая Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и Парижское соглашение по климату.

Ключевые слова: устойчивое развитие, климат, экологическая политика, международные обязательства.

Abstract. The article briefly presents the evolution of the formation of the climate policy of the People's Republic of China: from the birth of environmental diplomacy (1972) to the modern stage – the construction of ecological civilization. Special attention is paid to promising areas of climate policy. Their implementation will ensure the achievement of peak emissions by 2030 and carbon neutrality by 2060. The main directions of interstate political relations between the Chinese state and other countries on environmental and climate issues are also considered. The presented materials will allow us to characterize China as a leader in climate policy in the international arena. China is making a significant contribution to the achievement and promotion of major global agreements, including the 2030 Agenda for Sustainable Development and the Paris Climate Agreement.

Keywords: sustainable development, climate, environmental policy, international obligations.

Китайская Народная Республика определяет борьбу с глобальным изменением климата в качестве приоритетной задачи и оказывает значительное влияние на формирование трендов глобальной климатической политики.

Началом китайской экологической дипломатии можно обозначить 1972 год, когда Китай принял участие в первой Стокгольмской конференции по охране окружающей среды и подписал соответствующую декларацию. Это означало подтверждение намерения участвовать в решении проблем использования ресурсов, предотвращения загрязнения природной среды и урегулирования несоответствия между потребностями развития и потребностями улучшения окружающей среды [1].

В 1992 году на Конференции ООН по охране окружающей среды и развитию в Рио-де-Жанейро был представлен «Доклад об окружающей среде и развитии в Китае», где страна признала наличие существенных экологических проблем, включая: загрязнение атмосферы, вызываемое сжиганием угля, борьбу с промышленным загрязнением, противоречия между стремительной урбанизацией и отсталой инфраструктурой городов и их влияние на окружающую среду и многие другие [2].

Принятая в мае 2001 г. Стокгольмская конвенция по стойким органическим загрязняющим веществам, стала третьей международной конвенцией по защите окружающей среды подписанной КНР [3].

В рамках Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 году была подписана Йоханнесбургская декларация, что означало согласие не только с необходимостью обеспечения условий устойчивого развития, но и с требованием решения проблем охраны окружающей среды.

Начиная с 2009 года, руководство КНР приняло целый ряд стратегических документов, планов и программ, направленных на реализацию комплекса мер по борьбе с глобальным изменением климата, а также контролю над выбросами парниковых газов.

В 2015 году принят программный документ «Позиция ЦК КПК и Госсовета КНР об ускорении строительства экологической цивилизации», который выделял восемь приоритетных направлений по созданию системы экологической ответственности и внедрению новых природоохранных стандартов [4]. Данный документ содержит конкретные задачи и может рассматриваться в качестве «дорожной карты» трансформации китайского общества посредством внедрения экологической компоненты во все аспекты его развития. В качестве необходимых условий достижения поставленных целей определены следующие: незыблемость

базового принципа сохранения природных ресурсов и охраны окружающей среды; приверженность зеленому, циркулярному, низкоуглеродному развитию; приоритетность внедрения инноваций и нацеленность на формирование экологической культуры общества [5].

Также в 2015 году принят «Комплексный план реформ по содействию экологическому прогрессу», состоящий из 56 статей. В нем в основном определен верхний уровень проектирования «экологической цивилизации», включение ее основ в экономику и управление.

Основными принципами содействия экологическому прогрессу Китая определены:

обеспечение правильного вектора движения на пути к экологическому прогрессу;

сохранение общедоступности природных ресурсов;

интеграция экологического руководства как для городских, так и для сельских районов;

придание равного значения стимулам и ограничениям;

сочетание собственных независимых усилий Китая с международным сотрудничеством;

интеграция пилотирования в первую очередь с общей координацией.

Китайское правительство последовательно реализует курс декарбонизации экономики и инфраструктуры, сокращая зависимость от угля и более активно инвестируя в чистую и возобновляемую энергетику. В последние несколько лет были реализованы пилотные системы торговли квотами на выбросы парниковых газов в отдельных провинциях и крупных городах Китая [6]. Кроме того, активно продвигается концепция низкоуглеродного развития на муниципальном уровне. На территориях 42 провинций и городов Китая действуют пилотные программы, в рамках которых внедряются системы измерения и контроля выбросов парниковых газов, реализуются мероприятия по их сокращению [7].

Озвученные Си Цзиньпином на 75-й Генеральной Ассамблее ООН (Xi Jinping, 2020) обязательства КНР по достижению пика выбросов до 2030 года и углеродной нейтральности к 2060 г. не только задают долгосрочный вектор перспективного развития, но и формируют направления развития на среднесрочный период. Так, 14-й пятилетний план национального экономического и социального развития (2021–2025 гг.) и долгосрочных целей на период до 2035 г., содержит следующие основные цели развития Китая на ближайшие 15 лет, способствующие достижению климатической нейтральности: создание инновационной модернизированной экономики посредством «новой индустриализации, цифровизации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства»; формирование экологически ответственного общества; стремление к построению «Красивого Китая» с неуклонно снижающимися выбросами углекислого газа и значительным улучшением состояния окружающей среды [8].

Усиление экологического вектора внутренней политики подтверждает приверженность Китая принципам устойчивого развития, его нацеленность на формирование зеленой экономики, прежде всего за счет внедрения smart-технологий, перехода к экологически чистой энергии, а также увеличения инвестиций в образование и социальное обеспечение. А также закрепляет позиции Китая на международной арене, как государства вносящего значительный вклад в достижение и продвижение основных глобальных соглашений, включая Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и Парижское соглашение по климату [9].

В 2013 году Китай выступил с амбициозной внешнеполитической инициативой «Один пояс – Один путь», которая к 2050 году охватит как минимум 64 страны Европы, Азии и Африки. Число крупных инфраструктурных проектов превысит 7000, а инвестиции достигнут 8 трлн долл. США.

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» [10] определены основные направления экологического сотрудничества, включая стимулирование внедрения системы экологического менеджмента: разработка низкоуглеродных, энергосберегающих и экологически чистых материалов, технологий и процессов; увеличение повторного использования материалов; сокращение образования и сброса загрязняющих веществ в процессе производства, оказания услуг и использования продукции. Акцент сделан на дальнейшую разработку стандартов в строительстве инфраструктуры, а также на обеспечение соблюдения экологических стандартов и практик в таких секторах, как зеленый транспорт, зеленое строительство и зеленая

энергия. При этом предусмотрено снижение или отмена льгот по экспортной пошлине в отношении отраслей, сильно загрязняющих окружающую среду, энергопотребляющих и ресурсоемких отраслей, а также укрепление сотрудничества в области ядерной и радиационной безопасности через активное участие в различных мероприятиях международных организаций, таких как Международное агентство по атомной энергии и Агентство по ядерной энергии ОЭСР.

В рамках Национального плана Китая по реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, Китай реализует ЦУР 17 – укрепление средств осуществления и активизация Глобального партнерства в интересах устойчивого развития (и, в частности, ЦУР 17.7 – содействовать разработке, передаче, распространению и освоению экологически безопасных технологий, так чтобы их получали развивающиеся страны на взаимно согласованных благоприятных условиях, в том числе на льготных и преференциальных условиях»).

Планируемыми мероприятиями для достижения данной цели являются:

осуществление технологического сотрудничества с другими развивающимися странами в области мониторинга, предотвращения и контроля загрязнения;

содействие передаче и местному применению передовых применимых технологий в развивающихся странах в рамках сотрудничества Юг-Юг.

Начиная с 1991 года, Китай регулярно участвует в механизме многостороннего энергетического сотрудничества в рамках *Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)* [11] и играет в нем все более активную роль. Взаимодействие в энергетической сфере становится все более диверсифицированным, охватывая такие области, как энергоэффективность и энергосбережение, новые источники энергии и возобновляемые источники энергии, транспортировка энергии и инфраструктура, информация и обмен данными в области энергетики, чрезвычайные механизмы по перебоям в энергоснабжении и чистые технологии использования ископаемых источников энергии.

Основными целями взаимодействия являются: сотрудничество в области стандартов продукции и систем, способствующих повышению энергоэффективности и внедрению чистых источников энергии, а также обмен информацией о влиянии таких стандартов; содействие обмену передовым опытом в области низкоуглеродной политики и инструментов между экономиками-участницами АТЭС для содействия развитию устойчивых сообществ в регионе и достижения прогресса в достижении цели по снижению совокупной энергоёмкости АТЭС на 45 % по сравнению с уровнями 2005 года к 2035 году; подготовка кадров и информирование потребителей энергии в экономиках АТЭС для повышения их аналитического, технического, эксплуатационного и политического потенциала в области энергоэффективности и общей энергетической грамотности; поддержка развития и коммерциализации энергоэффективных технологий в области производства и распределения электроэнергии, промышленности, транспорта, зданий и бытовых приборов (с особым вниманием к «умным» зданиям); укрепление надежности, адаптируемости и интероперабельности электрических сетей в регионе АТЭС.

В рамках сотрудничества Китая с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) активно реализует Программу наращивания потенциала чистой энергии. Основными направлениями такого сотрудничества являются содействие взаимовыгодному сотрудничеству и построение зеленой, взаимосвязанной, инклюзивной и разнообразной региональной энергетической системы» [12].

Энергетический диалог между Китаем и ЕС является межправительственным механизмом сотрудничества в сфере энергетики в рамках Меморандума о взаимопонимании между Китаем и ЕС по вопросам энергетики, транспорта и стратегического диалога (подписан впервые в 2005 году и действует до настоящего времени).

В рамках реализации Повестки дня на 2030 год в области устойчивого развития в целях содействия сокращению глобальных выбросов парниковых газов, адаптации к изменению

климата и устойчивому развитию в 2018 году подписано Совместное заявление Китая и ЕС об изменении климата и чистой энергии [13].

Двустороннее взаимодействие нацелено на дальнейшее укрепление сотрудничества в области долгосрочных стратегий развития с низким уровнем выбросов парниковых газов, торговли квотами на выбросы углекислого газа, энергоэффективности, чистой энергии, транспорта с низким уровнем выбросов, низкоуглеродных городов, технологий, связанных с изменением климата, и инвестиций в проекты устойчивой энергетики. Кроме того, достигнута договоренность о расширении двустороннего сотрудничества в области маркировки энергоэффективности для электроприборов и энергоэффективности зданий в целях сопоставления с международными стандартами.

В рамках сотрудничества Китая со странами Центральной и Восточной Европы как единой региональной группой с целью содействия развитию современной, эффективной и устойчивой глобальной энергетической структуры был создан в 2012 году. Центр диалога и сотрудничества по энергетическим проектам «Китай – Центральная и Восточная Европа» [14].

Для укрепления сотрудничества в сфере чистой энергетики *Китай и арабские страны* подписали Пекинскую декларацию [15], предлагающую прагматичное сотрудничество в области нефти и газа, электричества, ядерной энергии, возобновляемых источников энергии и энергоэффективности. В соответствии с данным соглашением действует Учебный центр подготовки кадров в области чистой энергетики и проводят мероприятия по повышению потенциала сторон в области фотоэлектрической и фототермической генерации, ветроэнергетики и умных электрических сетей.

В рамках международных организаций Китай ведет активную природоохранную деятельность: особенно стоит подчеркнуть, что КНР является членом всех созывов ЮНЕП. Сам факт того, что в 1987 году ЮНЕП основала штаб-квартиру Международного центра по подготовке кадров для борьбы с десертификацией в Ланьчжоу, говорит об эффективности этих отношений. Через ЮНЕП Китай установил партнерские отношения с такими международными организациями, как Всемирный банк, Азиатский банк развития и Фонд глобальной окружающей среды, что предоставляет КНР возможность пользоваться кредитами этих международных организаций.

В период с 2016 по 2020 гг. Министерством защиты окружающей среды Китая и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) была разработана Стратегия по Экологической Кооперации Китая и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2016–2020 гг. [16]. Данная стратегия является четвертой, ей предшествовали аналогичные стратегии периодов 2009–2015 гг., 2011–2013 гг., 2014–2015 гг. Кооперация предусматривается в таких областях как экологические данные и информация, оценка экологических рисков и управление ими, биоразнообразие, продвижение экологической промышленности и технологий для «зеленого» развития и др.

Таким образом, Китайская Народная Республика при формировании климатической политики не только стремится к выполнению взятых международных обязательств, но и активно сотрудничает с различными странами и интеграционными формированиями стран в сфере обеспечения энергоэффективности и энергетической безопасности в целях обеспечения устойчивого развития при условии снижения негативного воздействия на окружающую среду.

Литература

1. Гуаньцзюнь В. Экологическая дипломатия Китая: история развития и современные проблемы / В. Гуаньцзюнь // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – № 131. – С. 213–226.
2. Охрана окружающей среды в Китае (Белая книга) [Электронный ресурс]. – Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/zfbps/t25319.shtml>. – Дата доступа: 20.12.2020.
3. Международное сотрудничество по охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Китайский информационный Интернет-центр. – Режим доступа:

- http://russian.china.org.cn/china/archive/China2006/txt/2006-12/06/content_2279043.htm. – Дата доступа: 02.12.2020.
4. Green is Gold: The Strategy and Actions of China's Ecological Civilization. – 2016. – Mode of access: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/greenisgold_en_20160519.pdf. – Date of access: 26.08.2022.
 5. Ecological Civilization in the People's Republic of China: Values, Action, and Future Needs / ADB East Asia Working Paper Series. – December 2019. – № 21. – Mode of access: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/545291/eawp-021-ecological-civilization-prc.pdf>. – Date of access: 16.08.2022.
 6. User Guide to Emissions Trading in China / Jeff Swartz //International Emissions Trading Association, September 2013. – Mode of access: https://www.ieta.org/Resources/Resources/Reports/ieta_emissionstrading_china_usersguide_sept2013_draft_a4_sf.pdf. – Date of access: 21.09.2022.
 7. Low Carbon Cities in China: National Policies and City Action Factsheets / iGDP Policy Mapping Policy – Factsheets, September 2015. – Mode of access: https://www.efchina.org/Attachments/Report/report-cemp-20151020/iGDP_CityPolicyFactsheet_EN.pdf. – Date of access: 02.07.2022.
 8. Interpretations on the 14th Five-Year Plan and the Long-Range Objectives Through the Year 2035 / PwC. – Mode of access: <https://www.pwccn.com/en/research-and-insights/14th-five-year-plan-2035-goals-dec2020.pdf>. – Date of access: 26.03.2022.
 9. Батова, Н.Н. Обзор инициатив по борьбе с изменением климата / Н.Н. Батова. – BEROC Green Economy Policy Paper Series, PP no. 21. – Mode of access: <https://beroc.org/upload/iblock/3d3/3d39727eb887bdaa63cae051631f7f44.pdf>. – Date of access: 20.12.2021.
 10. The Belt and Road Ecological and Environmental Cooperation Plan [Electronic Resource]: Ministry of Ecology and Environment of People's Republic of China. – Mode of access: http://english.mee.gov.cn/Resources/Policies/policies/Frameworkp1/201706/t20170628_416869.shtml. – Date of Access: 26.09.2022.
 11. Справка: Китай и Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества [Электронный ресурс]: Китайский информационный Интернет-центр. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95181/7198609.html>. – Дата доступа: 21.09.2022.
 12. Направления повышения энергетической и экологической эффективности экономики Республики Беларусь на основе опыта обеспечения энергетической безопасности и управления связанными экологическими рисками в Китайской Народной Республике: науч. докл. / Н.Н. Батова [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2021. – 56 с.
 13. China-EU Joint Statement on Climate Change and Clean Energy [Electronic Resource]: European Union. – Mode of access: https://ec.europa.eu/clima/sites/clima/files/news/20180713_statement_en.pdf. – Date of access: 21.09.2022.
 14. Cooperation between China and Central and Eastern European Countries [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://www.china-ceec.org/eng/>. – Date of access: 21.09.2022.
 15. Beijing Declaration and Platform for Action [Electronic resource]: United Nations. – Mode of access: https://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/Beijing_Declaration_and_Platform_for_Action.pdf. – Date of access: 21.02.2022.
 16. ASEAN-China Strategy on Environmental Cooperation 2016 – 2020 [Electronic Resource]: Ministry of Ecology and Environment of People's Republic of China. – Mode of access: <http://english.mee.gov.cn/Resources/Plans/Plans/201707/P020170714352675668098.pdf>. – Date of access: 02.06.2023.

РАЗДЕЛ 6. ДИНАМИКА ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 347.1; 347.2/.3; 347.21

АДАПТАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ К НОВЫМ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ (ОПЫТ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН) ADAPTATION OF CIVIL LAW MEANS OF ENSURING ECONOMIC SECURITY TO NEW GEO-ECONOMIC CONDITIONS (EXPERIENCE OF INDIVIDUAL FOREIGN COUNTRIES)

Гладкая Екатерина Николаевна,
кандидат юридических наук,
заведующий сектором правового обеспечения экономической безопасности
центра государственного строительства и права,
Институт экономики НАН Беларуси
gladkaya@economics.basnet.by
Gladkaya Ekaterina,
PhD in Law,
Head of the Legal Support for Economic Security Sector
of the State Building and Law Center
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
gladkaya@economics.basnet.by

Аннотация. В статье представлен зарубежный опыт отдельных государств – участников СНГ по совершенствованию гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности. Необходимость в данном исследовании обусловлена новыми геоэкономическими условиями развития общественных отношений, отягощенными санкционным давлением, последствиями пандемии коронавируса и рядом иных факторов. Актуальность данного исследования также обусловлена недостаточной изученностью правовых средств обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь в трудах отечественных ученых-юристов в целом и ученых-цивилистов, в частности.

Результаты проведенного исследования позволили внести предложения, направленные на совершенствование гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь, с учетом выявленных тенденций в законодательстве отдельных государств – участников СНГ.

Ключевые слова: экономическая безопасность, гражданско-правовые средства обеспечения экономической безопасности, объекты гражданских прав, имущество, имущественный комплекс.

Abstract. The article presents the foreign experience of individual CIS member states in improving civil law means of ensuring economic security. The need for this study is due to the new geo-economic conditions for the development of social relations, weighed down by sanctions pressure, the consequences of the coronavirus pandemic, and a number of other factors. The relevance of this study is also due to the insufficient study of the legal means of ensuring the economic security of the Republic of Belarus in the works of domestic legal scholars in general and civil scientists in particular.

The results of the study made it possible to make proposals aimed at improving the civil law means of ensuring the economic security of the Republic of Belarus, taking into account the identified trends in the legislation of individual CIS member states.

Keywords: economic security, civil law means of ensuring economic security, objects of civil rights, property, property complex.

В новых геоэкономических условиях вопросы обеспечения экономической безопасности приобретают все большее значение. Решению обозначенных вопросов посвящено значительное количество трудов белорусских ученых-экономистов. В частности, как В. Г. Булавко [1], В. Г. Гусаков [1, 2], В. Л. Гурский [2–7], А. Ф. Зубрицкий [8], В. Ф. Медведев [9, 10], Д. В. Муха [7], П. Г. Никитенко [1], Л. П. Шахотько [1], Е. В. Преснякова [7], Д. Н. Швайба [8] и других.

Вместе с тем, как справедливо отмечает А. В. Петрянин, «средства обеспечения экономической безопасности – это совокупность политических, экономических, организационных, правовых и иных мер, основной целью которых выступает создание благоприятного экономического климата для дальнейшего позитивного развития государства, общества и его граждан, демонстрация своей экономической независимости и представление страны на международной площадке как конкурентоспособного партнера» [11, с. 62]. Следует констатировать, что правовые средства обеспечения экономической безопасности в условиях санкционного давления и предотвращения последствий пандемии коронавируса имеют ничуть не меньшее значение наряду с политическими, экономическими и другими средствами. Вместе с тем, как показывают результаты исследования юридической литературы, отечественными учеными вопросы совершенствования правовых средств обеспечения экономической безопасности в достаточной степени не изучены. В связи с этим, следует особо упомянуть таких ученых, как Н. Л. Бондаренко и Ю. Г. Конаневич, труды которых в области пруденциального и фискального права направлены на решение значимых для белорусской науки, общества и государства проблем в сфере обеспечения национальной безопасности [12–16].

Принимая во внимание вышеуказанное, настоящее исследование посвящено изучению законодательства отдельных государств – участников СНГ, регулирующего применение гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности, в целях выявления общих тенденций и внесения предложений, направленных на совершенствование гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь.

В гражданском праве можно выделить несколько категорий, имеющих системообразующую роль. Одной из таких категорий и является «имущество», значимость которой обусловлена выделением в предмете гражданского права широкой группы имущественных отношений (вещных, обязательственных и других). Вместе с тем, названная категория в законодательстве Республики Беларусь не используется в едином, общепринятом значении, что затрудняет ее применение и влечет за собой необходимость уяснения семантики понятия «имущество» в каждом конкретном случае, путем толкования нормы, в которой оно содержится. Поскольку вещные правоотношения зачастую выступают основой для возникновения обязательственных, наследственных и иных видов гражданских правоотношений, в решении обозначенной проблемы видится необходимым исходить из изменения подходов к определению категории «имущество» именно в данном контексте.

Исследование законодательного опыта отдельных государств – участников СНГ показало, что в настоящее время, некоторыми из них предпринимаются попытки актуализировать правовое регулирование отношений, основанных на праве собственности. Другими же, напротив, в целом сохраняется сформированный в первое десятилетие постсоветского периода подход к вещным правам и их объектам.

В частности, к первой обозначенной группе относится Республика Армения. В Гражданском кодексе Республики Армения 1998 года [17] (далее – ГК Армении) нормы о вещных правах закреплены в разделе 4 «Право собственности и другие имущественные права». Здесь необходимо отметить, что категория «имущество» в гражданском законодательстве Республики Армения имеет строго определенное значение. Под ним, согласно ст. 132 ГК Армении, следует понимать имущество, включая денежные средства, ценные бумаги и имущественные права.

Проведенный анализ правовых норм, входящих в раздел 4 ГК Армении, позволил выявить ряд их отличительных особенностей, а именно:

1. право собственности и основанные на нем права лиц, не являющихся собственниками, рассматриваются в ГК Армении в качестве *имущественных* прав, без детализации на *вещные*. Вследствие этого объектом таких прав выступает комплексная категория «*имущество*» (в значении ст. 132 ГК Армении), а не только вещи;

2. вышеуказанное позволило: расширить перечень возможных объектов таких прав путем отнесения к ним не только движимого и недвижимого имущества (вещей), но и имущественных прав, в том числе обязательственных (что характерно, например, для категории «*гарантированное право*» (гл. 14.1 ГК Армении)); сформировать комплексный подход к правовому регулированию имущественных прав, который в равной степени применим к таким (с точки зрения белорусского законодательства) вещным правам, как право собственности и, например, право пользования жилым помещением (гл. 14 ГК Армении), а также обязательственным – право залога, право покупки недвижимого имущества в строящемся здании (ст. 170 ГК Армении) и другим.

Система вещных прав Республики Казахстан закреплена в разделе 2 Гражданского кодекса 1999 года [18] (далее – ГК Казахстана) и именуется как «*Право собственности и иные вещные права*». Применительно к определению объекта вещных прав в ГК Казахстана используется категория «*имущество*» (пункт 1 ст. 188, ст. 189-190 и другие). Как и в ГК Армении, в ГК Казахстана содержится значение данной категории (пункт 2 ст. 115 кодекса). В соответствии с приведенной нормой, «*к имущественным благам и правам (имуществу) относятся: вещи, деньги, в том числе иностранная валюта, финансовые инструменты, работы, услуги, объективированные результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права, цифровые активы и другое имущество*». Вместе с тем, если категорию «*имущество*» в ГК Армении следует рассматривать как устоявшуюся и применяемую в едином значении ко всем группам гражданских правоотношений, то в ГК Казахстана такой единый подход сформирован не был. В частности, исходя из названия раздела 2 ГК Казахстана и из существа входящих в него статей следует, что под категорией «*имущество*» в значении объекта вещных прав необходимо понимать только вещи.

Следовательно, в Республике Казахстан предпринимаются попытки актуализации положений гражданского законодательства в части вещных и основанных на них иных групп гражданских прав. Однако, в отличие от гражданского законодательства Республики Армении, они носят неоднородный характер, что не позволяет решить проблемы, которые возникают в процессе правоприменения. Так, например, отнесение цифровых активов к имуществу (пункт 2 ст. 115 ГК Казахстана) без внесения соответствующих изменений в раздел 2 ГК Казахстана (где, напомним, в качестве объекта вещных прав рассматриваются только вещи) не позволяет определить их правовой статус в качестве объектов права собственности. Возможно по этой причине, в силу ст. 33-1 Закона Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 418-V «*Об информатизации*» [19] правовой статус цифровых активов законодателем так и не был до конца определен. Согласно содержанию указанной статьи, цифровые активы одновременно признаются *цифровым средством удостоверения* имущественных прав на товары и (или) услуги и *объектом права собственности и иных вещных прав*.

Раздел II «*Право собственности и другие вещные права*» Гражданского кодекса Российской Федерации [20] (далее – ГК России) по своей структуре схож с одноименным разделом ГК Беларуси. В частности, как в Гражданском кодексе Республики Беларусь [21] (далее – ГК Беларуси), гл. 13 ГК России «*Общие положения*» не содержит понятия права собственности. В ст. 209, входящей в указанную главу, перечислены лишь правомочия собственника.

Необходимо отметить, что на основании Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «*О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации*» [22] и в соответствии с положениями Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [23] разработан Проект изменений в раздел II ГК России, кото-

рым предусматривалось существенное изменение структуры раздела и его названия в целом. Так, например, было предложено название раздела изменить на «Вещное право». Вместе с тем, до настоящего времени внесенные предложения учтены не были.

Вышеуказанное свидетельствует о том, что вектор модернизации гражданского законодательства Российской Федерации в части права собственности и других вещных прав направлен на сохранение и, одновременно, укрепление вещно-правовой (а не имущественной в целом) природы отношений, основанных на данных правах. Это также следует из существа ст. 128 ГК России, в которой нашли свое отражение возможные объекты гражданских прав. Необходимо отметить, что до внесения в указанную статью изменений на основании Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [24] ее содержание практически дословно повторяло содержание ст. 128 ГК Беларуси. После внесения обозначенных изменений к объектам гражданских прав на основании ст. 128 ГК России были отнесены: *«вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага»*.

Опираясь на приведенный перечень объектов гражданских прав, можно сделать вывод о том, что в отличие от ГК Казахстана, в котором, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и цифровые активы рассматриваются в качестве отдельных видов имущества, в ГК России сохранен традиционный подход к содержанию данной категории – вещи, иное имущество, имущественные права (сюда же отнесены цифровые права). Наряду с этим, правовой статус цифровых прав строго определен. В соответствии с пунктом 1 ст. 141¹ ГК России, *«Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам»*.

Таким образом, следует констатировать, что в законодательстве Российской Федерации правовое регулирование отношений, основанных на праве собственности, на данный момент не претерпело существенных изменений. В нем сохранено классическое разделение вещных и обязательственных прав, а в качестве объекта вещных правоотношений традиционно рассматривается вещь.

Законодательный опыт Республики Армения, Республики Казахстан и Российской Федерации показывает, что несмотря на исторически сложившуюся схожесть правового регулирования отношений, основанных на праве собственности, в настоящее время каждым из перечисленных государств выбран свой путь адаптации гражданского законодательства к современным условиям построения общественных отношений.

Настоящее исследование было бы неполным без упоминания об особенностях правового регулирования отношений, основанных на праве собственности, в Киргизской Республике, поскольку, как и вышеуказанные государства, Киргизская Республика выступает государством-членом Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Следует отметить, что поскольку ЕАЭС представляет собой организацию экономической интеграции, для ее последующего развития первостепенным является гармонизация гражданского законодательства, в частности, в области правового регулирования права собственности и других вещных прав. Это объясняется тем, что правовые нормы, регламентирующие отношения собственности, имеют основополагающее значение при осуществлении любого вида экономической деятельности. В этой связи нам также представляется необходимым провести анализ правовых норм о праве собственности и других вещных правах, закрепленных в Гражданском кодексе Киргизской Республики 1996 г. [25] (далее – ГК Киргизии).

Система вещных прав в ГК Киргизской Республики закреплена в разделе 2 «Право собственности и другие вещные права». В пункте 1 ст. 222 ГК Киргизской Республики содер-

жится понятие права собственности. Так, право собственности есть признаваемое и охраняемое законодательными актами право субъекта по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом.

Следует отметить, что в ГК Киргизской Республики сохранен традиционный для стран постсоветского пространства перечень объектов гражданских прав. Так, в соответствии со ст. 22 ГК Киргизской Республики *«К объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; охраняемые информация, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), а также другие материальные и нематериальные блага»*. Таким образом, несмотря на изменившиеся условия развития общественных отношений под влиянием широкого распространения цифровых технологий, в ГК Киргизской Республики (как и в ГК Беларуси) нормы об объектах гражданских прав, а также о праве собственности и других вещных правах практически не претерпели изменений.

На основании полученных результатов исследования мы пришли к следующим выводам. По нашему мнению, вся совокупность объектов гражданских прав должна быть разделена на две группы – простые объекты гражданских прав и комплексные объекты гражданских прав, к числу которых предлагается отнести имущественный комплекс, а также имущество (как совокупность вещей, находящихся на праве собственности у субъекта гражданских правоотношений). Соответствующий подход предлагается закрепить путем внесения изменений в ст. 128 ГК Беларуси.

В настоящее время, исходя из содержания ст. 132 ГК Беларуси, имущественный комплекс – это исключительно предприятие как имущественный комплекс. Вместе с тем, из содержания названной статьи не представляется возможным четко ответить на следующие вопросы: что такое предприятие как имущественный комплекс; кто является его правообладателем; какие возможны сделки с данным комплексным объектом гражданских прав и другие. В связи с этим, видится необходимым закрепить в ст. 132 ГК Беларуси понятие «имущественный комплекс» в следующей редакции: *«имущественный комплекс – это совокупность имущества, обязательственных и исключительных прав, нематериальных благ, имеющих денежную оценку, находящаяся в собственности субъекта гражданских правоотношений или принадлежащая ему на праве хозяйственного ведения или оперативного управления»* [26]. К числу известных правовой системе Республики Беларусь имущественных комплексов предлагается относить казну Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц; предприятие – единый имущественный комплекс юридического лица – коммерческой организации, предназначенный для осуществления предпринимательской деятельности; имущественный комплекс юридического лица – некоммерческой организации; имущественный комплекс организации без статуса юридического лица; домохозяйство [26].

Таким образом, исследование законодательного опыта отдельных государств-участников СНГ на предмет решения проблемы адаптации гражданско-правовых норм к изменяющимся условиям развития гражданских отношений позволило сделать ряд выводов:

– государства-участники СНГ, гражданское законодательство которых выступило предметом настоящего исследования, условно можно поделить на две группы:

к первой группе следует отнести те, которыми предпринимаются попытки актуализировать правовое регулирование отношений, основанных на праве собственности (Республика Армения, Республика Казахстан и другие). Здесь можно увидеть смещение акцента с вещно-правовой природы таких отношений, на имущественную с соответствующим изменением (в сторону расширения) их объекта;

ко второй – те, которые сохраняют сформированный в первое десятилетие постсоветского периода подход к вещным правам и их объектам (Республика Беларусь, Киргизская Республика, Российская Федерация и другие). Для гражданского законодательства перечисленных стран характерно сохранение исключительно вещей в качестве объекта вещных прав;

– необходимо дополнительно подчеркнуть, что приведенное деление государственных участников СНГ является условным. Так, в Республике Беларусь, Киргизской Республике и Российской Федерации безусловно предпринимаются попытки адаптации гражданско-правовых норм к изменяющимся условиям развития гражданских отношений, но они носят точечный характер без системной переработки норм гражданского законодательства, что не позволяет в достаточной степени решить проблемы, возникающие в ходе правоприменения.

Полученные результаты исследования позволили внести предложения по совершенствованию гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь. В частности, представляется необходимым:

1. разделить совокупность объектов гражданских прав на две группы – простые объекты гражданских прав и комплексные объекты гражданских прав, к числу которых предложено отнести имущественный комплекс, имущество (как совокупность вещей, находящихся на праве собственности у субъекта гражданских правоотношений). Соответствующий подход закрепить в ст. 128 ГК Беларуси;

2. дополнить ст. 132 ГК Беларуси понятием «имущественный комплекс» в следующей редакции: «имущественный комплекс – это совокупность имущества, обязательственных и исключительных прав, нематериальных благ, имеющих денежную оценку, находящаяся в собственности субъекта гражданских правоотношений или принадлежащая ему на праве хозяйственного ведения или оперативного управления»;

3. рассматривать в качестве известных правовой системе Республики Беларусь имущественных комплексов казну Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц; предприятие – единый имущественный комплекс юридического лица – коммерческой организации, предназначенный для осуществления предпринимательской деятельности; имущественный комплекс юридического лица – некоммерческой организации; имущественный комплекс организации без статуса юридического лица; домохозяйство.

В заключение отметим следующее. Наиболее перспективным и отвечающим современным условиям развития общественных отношений видится подход к правовому регулированию отношений, основанных на праве собственности, сформировавшийся в условно первой группе государств – участников СНГ. Внесенные нами предложения сформулированы с учетом передового опыта указанных стран, но адаптированы к особенностям гражданского законодательства Республики Беларусь.

Литература

1. Экономическая безопасность : теория, методология, практика / под науч. ред. П. Г. Никитенко, В. Г. Булавко; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2009. – 394 с.

2. Гусаков, В. Г. Методологические основы формирования и развития белорусской экономической модели / В. Г. Гусаков, В. Л. Гурский // Вестник Института экономики НАН Беларуси. – 2020. – Вып.1. – С. 6–22.

3. Гурский, В. Л. Обеспечение экономического роста Республики Беларусь в условиях новых вызовов и угроз / В. Л. Гурский // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сборник научных статей. В 2 т. / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси ; ред. кол. : В. Л. Гурский [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2020. – Т. 1. – С. 66–73.

4. Гурский, В. Л. Социально-экономическая модель Беларуси / В. Л. Гурский // Инжиниринг и управление: от теории к практике: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции, 15 апреля 2021 г. / Белорусский национальный технический университет ; ред. кол. : С. Ю. Солодовников (пред. ред. кол.) [и др.]. – Минск : БНТУ, 2021. – С. 34–35.

5. Гурский, В. Л. Глобальные вызовы в современной экономике / В. Л. Гурский // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 2021. – Т. 66. – № 4. – С. 487–497.

6. Гурский, В. Л. Белорусская социально-экономическая модель в новых геоэкономических реалиях / В. Л. Гурский // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сборник научных статей : в двух томах / ред. кол. : В. Л. Гурский [и др.]; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2021. – Т. 1. – С. 23–28.
7. Гурский, В. Л. Экономическая наука как фактор укрепления народного единства в стране / В. Л. Гурский // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сборник научных статей : в двух томах / ред. кол. : В. Л. Гурский [и др.]; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2021. – Т. 1. – С. 490–495.
8. Швайба, Д. Н., Зубрицкий, А. Ф. Основные критерии обеспечения социальной и экономической безопасности государства / Д. Н. Швайба, А. Ф. Зубрицкий // Новости науки и технологий. – 2017. – 2 (41). – С. 38–42.
9. Медведев, В. Ф. О научных основах стратегии и тактики Республики Беларусь в области международных экономических отношений / В. Ф. Медведев // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2006. – № 3. – С. 112–128.
10. Медведев, В. Ф. О научных основах стратегии и тактики Республики Беларусь в области международных экономических отношений (окончание) / В. Ф. Медведев // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2007. – № 1. – С. 102–121.
11. Петрянин, А. В. Экономико-правовые средства обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: теория и практика / А. В. Петрянин // На страже экономики. – 2022. – № 1 (20). – С. 60–67.
12. Бондаренко, Н. Л. Белорусская наука хозяйственного права: проблемы и перспективы развития / Н. Л. Бондаренко // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Вып. 6 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2021. – 39–47 с.
13. Бондаренко, Н. Л. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и как элемент механизма пруденциального регулирования / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская // Российский правовой журнал. – 2021. – № 2 (7). – С. 60–77.
14. Бондаренко, Н. Л. О правовой и организационной природе процессов цифровизации и регуляторной функции государства в данной сфере / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – № 1. – С. 56–67.
15. Бондаренко, Н. Л. Трансформация институтов собственности и хозяйственной деятельности в свете конституционных преобразований / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований / под общ. ред. Г. А. Василевича, А. Ф. Вишневого, В. А. Кучинского, К. Л. Томашевского. – Минск : Амалфея, 2022. – 360 с.
16. Конаневич, Ю. Г. Фискальное право : монография / Ю. Г. Конаневич. – Минск : Ковчег, 2018. – 236 с.
17. Гражданский кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] / Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2998. – Дата доступа: 20.07.2022.
18. Гражданский кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] / ПАРАГРАФ: информационные системы. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_. – Дата доступа: 05.08.2022.
19. Об информатизации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 24 нояб. 2015 г., № 418-V / ПАРАГРАФ: информационные системы. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33885902&pos=1364;-54#pos=1364;-54&sdoc_params. – Дата доступа: 11.06.2022.

20. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] / Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Дата доступа: 26.07.2022.

21. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

22. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 18 июля. 2008 г., № 1108 / Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118202/. – Дата доступа: 26.07.2022.

23. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс] : одобр. Советом при Президенте Рос. Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 окт. 2009 г. // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12176781/>. – Дата доступа: 01.08.2022.

24. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 18 март. 2019 г., № 34-ФЗ / Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/. – Дата доступа: 01.08.2022.

25. Гражданский кодекс Киргизской Республики [Электронный ресурс] / Централизованный банк правовой информации Киргизской Республики. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4>. – Дата доступа: 17.06.2022.

26. Гладкая, Е. Н. Основные направления развития вещных правоотношений в контексте внедрения цифровых технологий / Е. Н. Гладкая // Актуальные проблемы гражданского права. – 2021. – № 2 (18). – С. 27–43.
УДК 338.22-049.5:34+346

СТРУКТУРА СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УГРОЗ И ПРАВОВЫЕ ИНДИКАТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ THE STRUCTURE OF MODERN ECONOMIC THREATS AND LEGAL INDICATORS OF ECONOMIC SECURITY

Кочурко Юлия Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник управления научно-организационной и правовой работы аппарата
Национальной академии наук Беларуси
kochurko@presidium.bas-net.by
Kochurko Yulia,
PhD in Law, Associate Professor, head of scientific-organizational and legal work
of the National Academy of Sciences of Belarus
kochurko@presidium.bas-net.by

Аннотация. В статье рассматриваются современные экономические угрозы, их структура, а также правовые индикаторы экономической безопасности. Автором на основе проведенного анализа нормативных правовых актов и научной литературы раскрыты виды современных экономических угроз, их содержание, определена сущность правовых индикаторов экономической безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, экономические угрозы, правовые индикаторы экономической безопасности.

Abstract. The article examines modern economic threats, their structure, as well as legal indicators of economic security. Based on the analysis of regulatory legal acts and scientific literature, the author reveals the types of modern economic threats, their content, and defines the essence of legal indicators of economic security.

Keywords: national security, economic security, economic threats, legal indicators of economic security.

Экономическая безопасность является одним из важнейших инструментов обеспечения национальной безопасности в современном мире. Это сложная и многофакторная система, обеспечивающая эффективное функционирование структурных элементов других звеньев национальной безопасности.

В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 года № 575 [1], обеспечение национальной безопасности представляет собой деятельность субъектов обеспечения национальной безопасности по защите личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, реализации национальных интересов, созданию необходимых условий для устойчивого развития Республики Беларусь.

В современном мире одной из ключевых задач обеспечения экономической безопасности выступает задача прогнозирования угроз и вызовов. Угрозы экономической безопасности государства возникли одновременно с возникновением экономических отношений. Однако, только на современном этапе развития общества и государства с учетом всеобщей глобализации и взаимопроникновения различных экономических систем различных стран, проблема угроз экономической безопасности приобрела особую актуальность.

Реальные и потенциальные угрозы объектам безопасности, вытекающие из внутренних и внешних опасностей для жизненно важных интересов общества, государства и человеческой личности, определяют содержание и характер деятельности, нацеленной на обеспечение внутренней и внешней безопасности. Одна из приоритетных задач процесса обеспечения экономической безопасности состоит в противодействии распространению угроз любого характера, как и существующих, так и прогнозируемо-потенциальных. Выявление возможных угроз экономической безопасности и выработка мер по предотвращению или минимизации негативных последствий имеют первостепенное значение в системе обеспечения экономической безопасности.

Угроза экономической безопасности страны – возможность нанесения ущерба народному хозяйству в целом и его отраслям в частности, финансово-кредитной системе государства, возможность нарушения социально-экономической стабильности общества и экономического положения человека. Угрозы экономической безопасности берут свое начало из противоречий экономических интересов различных субъектов, которые взаимодействуют как внутри, так и вне социально-экономической системы.

Угрозы классифицируются по следующим критериям:

по уровню (масштабу возможных негативных последствий): международные (глобальные и региональные по регионам мира); национальные; локальные (по регионам страны); частные (предприятия, личность);

по степени вероятности: реальные и потенциальные;

по расположению источника опасности: внешние и внутренние;

по временному фактору: долговременные; текущие; возникающие неожиданно;

по степени субъективного восприятия: завышенные; заниженные; минимальные; адекватные.

В системе угроз экономическим интересам присутствует универсальный, всеобщий, глобальный аспект, присущий всем континентам, регионам, странам; международный региональный, характерный для регионального объединения стран; национальный, присущий конкретному государству.

Структура угрозы определяется: затрагиваемыми национальными интересами страны, что отражает ее значимость; обстоятельствами (собственной уязвимостью – степени защищенности от данной угрозы), что определяет потенциальный ущерб при реализации угрозы; местом и временем проявления негативных факторов и условий; возможностями, намерениями и волей субъекта угрозы (потенциального противника или конкурента).

К угрозам относятся разного рода кризисы и кризисные ситуации, катастрофы, ситуации с деструктивным содержанием. Угрозу как непосредственную опасность, требующую быстрого реагирования, целесообразно отличать от риска как возможной опасности, требующей профилактических действий, и уязвимости как индикатора состояния безопасности, свидетельствующего о ее потенциальной незащищенности. Угроза экономической безопасности является подсистемой системы угроз национальной безопасности.

Угрозы объективные связаны с воздействием факторов, не зависящих от вмешательства человека (изменения в природной среде, экологические катастрофы, не связанные с человеческой деятельностью), субъективные – обусловлены деятельностью человека (ошибки и недоработки человеческой деятельности).

Внешние угрозы в современных условиях имеют особое значение. Это связано с тем, что современное развитие отличается принципиально новыми по отношению к предыдущему этапу характеристиками.

Внешние угрозы – это изменение конъюнктуры мировых цен и внешней торговли, резкие колебания курса рубля, превышение оттока капитала над его притоком (иностранными инвестициями), чрезмерная импортная зависимость, перегрузка экспорта сырьевыми товарами, экономические санкции [2]. В современных условиях внешние угрозы претерпевают постоянные трансформации из одной сферы в другую. Это вызвано, в первую очередь, высокой степенью зависимости экономики от политических и экономических решений интеграционных союзов зарубежных стран, торговых организаций.

Статус глобальных носят угрозы экологической безопасности и истощаемости природных ресурсов, выражающейся в энергетических и сырьевых кризисах. Зависимость от внешних поставок энергоносителей характеризует развитие многих стран мира.

Внутренними угрозами экономической безопасности могут быть как объективные процессы в сфере экономики, так и целенаправленная деятельность разнообразных социальных субъектов (международных политических и экономических сообществ, организованных структур и отдельных граждан внутри страны), преследующих собственные экономические интересы.

Внутренние угрозы: низкая конкурентоспособность национальной экономики, спад производства; сокращение численности населения в стране; высокий уровень инфляции; недостаток минерально-сырьевой базы и ресурсов; несовершенство законодательства и нормативно-правовой базы; ограниченные возможности по страхованию рисков; ухудшение состояния научно-технического потенциала; изъятие из внутреннего оборота финансов и интеллекта; нарастание безработицы; дифференциация в доходах населения.

Исходя из анализа современных экономических угроз Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) к основным таким угрозам можно отнести следующие:

разделение экономического развития стран – членов ЕАЭС;

торговое и финансовое сотрудничество – это ключевые механизмы установления между странами экономических и, следовательно, тесных политических отношений. Отсутствие развития этих отношений есть серьезная угроза экономической безопасности интеграционного объединения;

несоответствие развития транспортной инфраструктуры современным потребностям интеграционного объединения, которая одновременно является и фактором низкого торгово-экономического сотрудничества;

отсутствие единой платежной системы, единого платежного пространства – это опасность, которая также во многом мешает развитию экономических отношений между странами. В ситуации, когда основной формой оплаты в международном сотрудничестве является

безналичная форма, стратегически необходимо создавать единую платежную систему в рамках национальных платежных систем, либо создать общую платежную систему.

Экономика, как наиболее сложная система, имеет много показателей, характеризующих ее состояние. Для анализа экономической безопасности они условно названы индикаторами, которые взаимодействуют между собой.

Индикаторы экономической безопасности – наиболее значимые параметры, характеризующие состояние экономической системы страны, ее устойчивость и мобильность.

Основными индикаторами состояния национальной безопасности выступают: доля в ВВП инвестиций в основной капитал; уровень инновационной активности промышленных предприятий; уровень развития законодательной базы, регламентирующей экономическую безопасность; внутренние затраты на научные исследования и разработки; платежи по обслуживанию государственного долга к доходам республиканского бюджета; индекс развития человеческого потенциала; суммарный коэффициент рождаемости; уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, образования; уровень развития информационных технологий и телекоммуникаций; обеспеченность военными кадрами; оснащенность Вооруженных Сил современным вооружением, военной и специальной техникой; коэффициент эластичности выбросов, сбросов загрязняющих веществ, образования отходов и прироста ВВП.

Важнейшей особенностью индикаторов экономической безопасности являются их параметры (пороговые значения индикаторов), выход за пределы которых вызывает угрозу экономической безопасности страны. В теоретическом плане проблема параметров, критериев и индикаторов (показателей) экономической безопасности во многом связана с результатами функционирования экономики в целом. Соответственно на первый план выдвигаются макроэкономические показатели. Разработка системы индикаторов и их пороговых значений, которые вовремя сигнализируют о приближающейся угрозе, является одним из важнейших инструментов политики обеспечения экономической и социальной безопасности страны. Из всего множества индикаторов уровня угроз экономической безопасности необходимо выделить те, которые отражают критические точки в развитии экономики. Именно эти индикаторы используются в качестве пороговых значений экономической безопасности. Они характеризуют предельные значения, игнорирование которых препятствует нормальному развитию экономики и социальной сферы и приводит к формированию разрушительных тенденций в области производства и уровня жизни населения.

Пороговые значения – важный инструмент системного анализа, прогнозирования и индикативного социально-экономического планирования. С помощью этого инструмента тот или иной объект рассматривается с позиции соответствия тенденций развития экономики (внутри и во взаимодействии с экономикой других стран) национальным интересам страны [3].

Пороговые значения целесообразно применять при проведении экспертизы важнейших нормативных правовых актов по вопросам экономики с позиции экономической безопасности. В обосновании к проекту нормативного правового акта необходимо указывать последствия принятия нормативного правового акта. Оценивается возможность достижения целей принятия (издания) нормативного правового акта, вариантов развития общественных отношений, обусловленных его принятием (изданием). Оценка проводится на стадии проекта (оценка регулирующего воздействия) и после его принятия, в ходе применения (оценка фактического воздействия). В этом случае анализ норм законодательства и практики применения нормативных правовых актов, а также их оценка могут служить основанием для отмены данных актов.

Право выступает инструментом правовой регламентации общественных отношений, в рамках которой определяются правовые параметры взаимодействия, и посредством реализации права осуществляется управление и координируется деятельность субъектов, воздействующих на те или иные экономические объекты и процессы, устанавливается контроль за названными отношениями.

Полагаю, что к правовым индикаторам экономической безопасности следует относить не конкретные показатели или параметры, которые характерны в целом для оценки экономи-

ческой безопасности, а степень полноты правового регулирования данной сферы правоотношений, наличие нормативных правовых актов, регламентирующих обеспечение экономической безопасности. В целях исключения пробелов правового регулирования исследуемой темы на постоянной основе следует проводить правовой мониторинг актов законодательства.

При подготовке нормативных правовых актов в сфере обеспечения экономической безопасности должны: идентифицироваться угроза, негативно отражающаяся на состоянии экономической безопасности; определяться концептуальные варианты решения выявленной проблемы (сохранение действующего нормативного правового акта, внесение в него изменений, признания его утратившим силу, подготовка нового нормативного правового акта).

Следует отметить, что законодательная база должна оперативно обновляться и совершенствоваться, чтобы противостоять экономическим угрозам и обеспечивать национальную безопасность страны.

1. Экономическую безопасность государства можно определить как процесс поддержания и развития экономики, направленный на обеспечение экономического роста при укреплении суверенитета, а также сохранение устойчивости к внешним и внутренним угрозам при повышении условий и качества жизни населения.

2. К угрозам относятся кризисы и кризисные ситуации, катастрофы, ситуации с деструктивным содержанием. Угрозы экономической безопасности возникают из противоречий экономических интересов различных субъектов, которые взаимодействуют в социально-экономической системе.

Структуру современных экономических угроз целесообразно определять исходя из их классификации: по уровню – международные, национальные, локальные; по степени вероятности – реальные и потенциальные; по расположению источника опасности – внешние и внутренние; по временному фактору – долговременные, текущие, возникающие неожиданно; по степени субъективного восприятия – завышенные, заниженные, минимальные, адекватные.

Исходя из анализа мировой практики, одной из существенных общих угроз экономической безопасности является неэффективность системы управления экономикой, при которой процесс принятия решений чрезвычайно длительный и требует большого времени для сбора достоверной исходной информации и согласований в центральных аппаратах управления. Рынок нуждается в быстрых решениях, смелости и мгновенной адаптации к часто меняющимся внешним и внутренним условиям и угрозам.

3. Основными экономическими угрозами Евразийского экономического союза являются: разделение экономического развития стран-членов, отсутствие эффективного торгового и финансового сотрудничества, несоответствие развития транспортной инфраструктуры современным потребностям интеграционного объединения, отсутствие единой платежной системы, единого платежного пространства.

4. Основные индикаторы состояния экономической безопасности – доля в ВВП инвестиций в основной капитал; уровень инновационной активности промышленных предприятий; уровень развития законодательной базы, регламентирующей экономическую безопасность; внутренние затраты на научные исследования и разработки; платежи по обслуживанию государственного долга к доходам республиканского бюджета; суммарный коэффициент рождаемости; уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, образования; уровень развития информационных технологий и телекоммуникаций; обеспеченность военными кадрами.

К правовым индикаторам экономической безопасности следует относить степень полноты правового регулирования данной сферы правоотношений, наличие нормативных правовых актов, регламентирующих обеспечение экономической безопасности. Целесообразно проводить правовой мониторинг актов законодательства для их последующего оперативного обновления и совершенствования, чтобы противостоять экономическим угрозам и обеспечивать национальную безопасность страны.

Литература

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Асеев, А. Д. Угрозы экономической безопасности в системе национальной безопасности России / А. Д. Асеев // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – Вып. 4 (812). – 2018. – С. 20–30.
3. Вишневецкий А. А. Концепция и формирование административно-правового механизма обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь / А. А. Вишневецкий. – Минск: Акад. М-ва внутр. Дел Респ. Беларусь, 2014. – 235 с.

УДК 346.5

ИНСТИТУТ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ INSTITUTE AS AN ELEMENT OF THE INVESTMENT LAW SYSTEM: THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS

Куницкая Ольга Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры хозяйственного права,
Белорусский государственный университет
volhakun@mail.ru
Kunitskaya Olga,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic Law,
Belarusian State University
volhakun@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются отдельные теоретические вопросы понимания и характеристики института инвестиционного права. Формулируются направления исследовательских задач и пути их решения. Указывается на необходимость выявления сущностных свойств понятия «институт инвестиционного права» как структурного элемента системы инвестиционного права.

Для построения системы институтов инвестиционного права следует выработать критерии, к числу которых наряду с иными относятся предметный подход и структурный анализ содержания норм инвестиционного права. Институты также могут различаться по объему и характеру воздействия на инвестиционные отношения. В целом важно выяснить, насколько специфична и самостоятельна та или иная группа (совокупность) правовых норм, составляющих институт инвестиционного права.

Требуется должное внимание к вопросам определенности с критериями разграничения отраслей права, существования комплексных правовых образований, соотношения отраслей законодательства и отраслей права, а также к иным пока не разрешенным вопросам, которые являются базисными в общей теории права и имеют бесспорную теоретическую значимость для научного обозначения роли и места инвестиционного права как правового образования в системе права Республики Беларусь.

Ключевые слова: инвестиционное право, институт инвестиционного права, нормы инвестиционного права, отрасль права, отрасль законодательства.

Abstract. The article examines certain theoretical issues of understanding and characteristics of the institution of investment law. Directions of research tasks and ways of their solution are formulated. The necessity of identifying the essential properties of the concept of "investment law institution" as a structural element of the investment law system is pointed out.

To build a system of investment law institutions, it is necessary to develop criteria, which, along with others, include a substantive approach and a structural analysis of the content of investment law norms. Institutions can also differ in the volume and nature of the impact on investment relations. In general, it is important to find out how specific and independent this or that group (set) of legal norms that make up the institution of investment law is.

Due attention is required to the issues of certainty with the criteria for delimitation of branches of law, the existence of complex legal formations, the relationship between branches of legislation and branches of law, as well as to other issues that have not yet been resolved, which are basic in the general theory of law and have undeniable theoretical significance for the scientific designation of the role and places of investment law as a legal entity in the legal system of the Republic of Belarus.

Keywords: investment law, institute of investment law, norms of investment law, branch of law, branch of legislation.

Глубокие изменения, происходящие в экономике в условиях трансформации и ускорения темпов ее развития, активизируют законотворческую деятельность, в результате которой появляются акты законодательства, необходимые для регулирования общественных отношений, не урегулированных вообще или урегулированных не в полной мере или без достаточного учета тех целей и задач, которые ставятся перед правовым регулированием. Это не может не сказаться на подвижности системы права.

В современных условиях сложился определенный массив нормативно-правового регулирования инвестиционных отношений, требующий изучения и систематизации, исходя из непосредственного содержания нормативных правовых актов и иных факторов. Но при их изучении, последующем толковании и применении необходимо адекватное доктринальное теоретическое сопровождение, которое возможно при должной разработке теории инвестиционного права Республики Беларусь.

Вопросы становления инвестиционного права как правового образования в системе права Республики Беларусь имеют определенный интерес у исследователей правовых теоретических и практических проблем.

В настоящее время наиболее распространенной является точка зрения о выделении отрасли права на основании предмета и метода правового регулирования. Однако, как утверждает Ю. П. Гаврильченко, даже определившись с критериями, с уверенностью отнести ту или иную совокупность норм к определенной отрасли права достаточно проблематично. Эта систематизация претерпевает ряд изменений, но сам вопрос о возможности возникновения новых отраслей так и не решен. Жесткое разделение разных структурных элементов системы возможно далеко не всегда [1].

С. А. Калининым отмечается, что «структура действующей системы права развивается в том числе за счет увеличения количества комплексных образований, которые обычно формируются посредством интеграции норм различных отраслей на основе ряда методов правового регулирования, являясь вторичными в сложившейся структуре. Предметом таких комплексных образований выступают отношения, связанные с отдельным видом деятельности» [2].

По мнению А. В. Поповой, «в связи с регулированием общественных отношений, в том числе и нормативными правовыми актами, носящими комплексный характер, структурное деление системы права на нормы права, институты и отрасли права не представляется единственно возможным, так как происходит образование иных, так называемых «вторичных интегрированных структур», одной из которых, и является инвестиционное право» [3].

Для инвестиционного права имеет важное значение межотраслевое согласование, призванное помочь научно-теоретическому обоснованию места отрасли права в правовой систе-

ме Республики Беларусь. Задача состоит в устранении противоречий отдельных нормативных правовых актов, регулирующих смежные сферы деятельности, и обеспечении взаимосогласованности норм, применяемых на практике.

Есть попытки научного анализа межотраслевых связей на примере гражданского права. М. Ю. Челышев полагает, что одним из правовых инструментов, разрешающих названную проблему, является обеспечение совместного использования на конкретных участках правового регулирования предписаний гражданского права и положений иных правовых отраслей, регламентирующих область экономики [4].

Также к числу неоднозначных вопросов правовой науки добавляется проблема соотношения системы законодательства и системы права, отрасли законодательства и отрасли права. Традиционно право в целом рассматривается как совокупность правовых норм, законодательство – как совокупность находящихся в соответствующей взаимосвязи нормативных актов. Указанная взаимосвязь характеризуется соотношением содержания и формы. Однако, по мнению Е. Е. Тонкова, «система права и система законодательства выстраиваются по разным критериям. Система права основывается на качественной однородности отношений, регулируемых самостоятельными отраслями права (предметное единство), система же законодательства учитывает практическую целесообразность обобществления норм по признаку направленности правового воздействия на отдельные сферы общественной жизни (функциональное единство). Это детерминирует отличия в характере взаимосвязи между элементами таких систем [5]. Развитие определенной сферы жизнедеятельности, ее социальная значимость, множественность нормативных актов, регулирующих данную сферу, не могут быть положены в основу системы права (а система законодательства может основываться на данных критериях) [5]. Достаточно давно высказано мнение о том, что основой отрасли законодательства может быть как отрасль права, так и отрасль деятельности государства, отрасль государственного управления, социально-культурной жизни общества и др. [6].

Вопросы определенности с критериями разграничения отраслей права, существования комплексных правовых образований, соотношения отраслей законодательства и отраслей права, а также иные пока не разрешенные вопросы являются базисными в общей теории права и имеют бесспорную теоретическую значимость для научного обозначения роли и места инвестиционного права как правового образования в системе права Республики Беларусь. Немаловажным в данном вопросе является разрешение проблемы определения институтов инвестиционного права.

По справедливому замечанию Н. В. Сильченко, реально существующие отрасли права складываются из разного количества, набора (разного уровня) входящих в них структурных единиц. У одних отраслей права есть подотрасли права, у других они отсутствуют. У одних отраслей есть суб-институты, у других их нет. Отдельные, «рядом расположенные», отрасли права имеют пограничные комплексные институты. И только, пожалуй, абсолютно у всех отраслей права имеются институты [7]. Соответственно, если за предмет правового регулирования какой-либо отрасли права взять часть общественных отношений, которые «имеют правовую природу», т. е. определенный род общественных отношений, то в ситуации, когда отрасль права разделяется на подотрасли и институты права, мы вынуждены найти в этом роде общественных отношений корреспондирующий соответствующей подотрасли права вид общественных отношений, институту права – подвид каких-то общественных отношений, субинституту права, если таковой в отраслях права имеется, – отдельное общественное отношение. Если же отрасль права знает деление только на институты права, то требуется найти в определенном роде общественных отношений соответствующие институтам права виды общественных отношений, а субинститутам – подвиды общественных отношений. Отдельному общественному отношению в этом случае будет корреспондировать норма права [7].

Первичным элементом системы права являются нормы права, которые в процессе законодательной деятельности, в процессе систематизации норм права, объединяются в более сложные формирования системы права – в правовые институты. Институт права – это наиболее крупное объединение правовых норм [8].

Каждая отрасль права состоит из множества правовых институтов. Правовой институт – это входящая в отрасль права обособленная группа взаимосвязанных юридических норм, регулирующих определенную разновидность или сторону однородных общественных отношений [9].

Правовые институты обладают относительной автономией, касаются каких-то самостоятельных вопросов. Все институты находятся в тесной взаимосвязи друг с другом в рамках определенной отрасли, и за ее рамками.

На примере конституционного права Д. М. Демичев определяет юридические критерии обособления определенной совокупности норм в конкретные конституционно-правовые институты: 1) юридическое единство правовых норм; 2) полнота регулирования определенной совокупности государственно-правовых отношений; 3) обособление определенных норм, содержащихся в соответствующих разделах Конституции, законах, декретах либо указах Президента и иных нормативных правовых актах. При этом конституционно-правовой институт, как и правовые институты иных отраслей права, не имеют четко обозначенных границ, поскольку они зачастую условны и в то же время весьма динамичны. Одна и та же правовая норма может одновременно рассматриваться как составная часть нескольких институтов. Системность конституционно-правовых норм, осуществляемая в форме конституционно-правовых институтов, способствует обеспечению эффективного функционирования правового механизма конституционного права, обеспечивая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов [10].

За основной общий критерий классификации принимают, как правило, отраслевую принадлежность правовых институтов, значит, сколько отраслей – столько соответствующих групп институтов. По этому же признаку они подразделяются на материальные и процессуальные. Далее институты классифицируются на отраслевые и межотраслевые (или смешанные). Внутриотраслевой институт состоит из норм одной отрасли права, а межотраслевой – из норм двух и более отраслей.

В связи с тем, что существование межотраслевых правовых институтов ставит серьезные проблемы практического порядка, особенно в ходе систематизации законодательства [11], возникают вопросы о «прописке» данных институтов в отраслевых актах.

Важно учитывать, что институты права в сфере действия родственных отраслей права представляют собой не механическую совокупность, а гармоничный сплав разноотраслевых правовых норм, регулирующих однородные отношения. Соответствующие нормы проходят существенную переработку, модификацию применительно к специфике предмета и (или) метода правового регулирования другой отрасли [12–14].

Между тем однозначных разработанных теоретических положений относительно правил применения межотраслевых правовых институтов в специальной литературе сложно обнаружить. Между тем центр тяжести модернизации системы права приходится на формирование и развитие комплексных правовых отраслей и иных комплексных правовых образований (иных правовых комплексов), а также на решение проблемы по развитию такого инструмента, как межотраслевое и внутриотраслевое коллизионное регулирование [4].

Большинство ученых признают инвестиционное право как комплексную отрасль права [15–20]. С. П. Мороз отмечает, что инвестиционное право представляет собой цельное правовое образование, отличающееся единством составляющих его институтов, объединяя нормы различных отраслей права [17]. Автор считает, что институты инвестиционного права как цельного правового образования различаются между собой по объему и характеру воздействия на инвестиционные отношения. При этом институты инвестиционного права характеризуются тем, что образующие их нормы одновременно с этим составляют предмет регулирования других (основных) отраслей права. Дифференциация правовых институтов в рамках комплексной отрасли права производится с учетом того, насколько специфична и самостоятельна та или иная группа (совокупность) правовых норм. Сами правовые институты могут быть сгруппированы в две большие общности, получившие в теории права название «части» отрасли права – общая и особенная [17]. И. З. Фархутдинов, В. А. Трапезников считают, что «институт инвестиционного права – это объективно-обусловленная структура, состоящая из

норм инвестиционного права, объединенная в единый правоприменительный комплекс, согласованно регулирующий качественно однородный вид общественных отношений в сфере инвестиционной деятельности» [20].

Характеризуя систему норм, регулирующих инвестиционные отношения, некоторые авторы квалифицируют ее как комплексную отрасль права, включающую в себя нормы частного права, публичного права и международного права [21].

Достаточно оригинальной является точка зрения А. В. Поповой. Автор утверждает, что инвестиционное право представляет собой отдельный структурный элемент системы права. Указывается, что инвестиционное право – комплексная отрасль законодательства, объединяющая нормы различной отраслевой принадлежности (гражданского, международного, финансового, банковского законодательства) и предлагается концепция, детерминирующая отдельные части инвестиционного права (инвестиции, инвестиционная политика, инвестиционные договоры, инвестиционная деятельность и др.) как межотраслевые (комплексные) правовые институты, а инвестиционное право в целом как объединение комплексных (межотраслевых) институтов. На основании проведенного сравнительного анализа понятий «инвестиционное право» и «инвестиционное законодательство» данным автором предлагается введение в научный оборот дефиниции «комплексное правовое образование» [22].

Представляется, что понятие институт инвестиционного права должно быть подвергнуто некоторым уточнениям с учетом отраслевых особенностей, которые получают отражение в данном понятии. Для решения этой задачи необходимо выявить его сущностные свойства как структурного элемента системы инвестиционного права.

Для построения системы институтов инвестиционного права следует выработать критерии, к числу которых наряду с иными относится предметный подход и структурный анализ содержания норм инвестиционного права. Институты также могут различаться между собой по объему и характеру воздействия на инвестиционные отношения. В целом важно выяснить насколько специфична и самостоятельна та или иная группа (совокупность) правовых норм, составляющих институт инвестиционного права. Если инвестиционное право знает деление на институты права, то требуется найти в определенном роде общественных отношений соответствующие институтам права виды общественных отношений, а субинститутам – подвиды общественных отношений.

Важными составляющими в регулировании общественных отношений являются принципы и общие положения, которые пронизывают содержание инвестиционно-правовых институтов. Вокруг отраслевых принципов права и общих положений объединяются практически все элементы отрасли права.

Литература

1. Гаврильченко, Ю. П. Место инвестиционного права в системе права / Ю. П. Гаврильченко // Актуальные проблемы гражданского права. – 2021. – № 1 (17). – С. 24–39.
2. Калинин, С. А. проблемы реформы системы права в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С. А. Калинин; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2001. – 23 с.
3. Попова, А. В. «Инвестиционное право» как структурный элемент российской системы права / А. В. Попова // Право и современные государства. – 2014. – № 4. – С. 16–22.
4. Чельшев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / М. Ю. Чельшев; Казанский фед. ун-т. – Казань, 2009 – 42 с.
5. Тонков, Е. Е. // Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? / Е. Е. Тонков, В. С. Синенко // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2016. – № 2. – С. 53–75.
6. Мицкевич, А. В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства / А.В. Мицкевич // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1967. – Вып. 11. – С. 3–24.
7. Сильченко, Н. В. О критериях отраслей права / Н. В. Сильченко // Право и демократия: сб. науч. тр., вып. 13. – Минск: БГУ, 2002. – С. 54–66.

8. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учеб. / А. Б. Венгеров. – 6-е изд., стереотип. – М.: Омега-Л, 2009. – 607 с.
9. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права: учеб. / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 479 с.
10. Демичев, Д. М. Конституционно-правовые институты: содержание, признаки, специфика / Д. М. Демичев // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 окт. 2012 г. / редкол. : С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012 – С. 18–20.
11. Система советского законодательства / Под ред. И. С. Самощенко. – М.: Юрид. лит, 1980. – 328 с.
12. Киримова, Е. А. Правовой институт (Теоретико-правовое исследование): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е. А. Киримова. Саратовская гос. акад. права. – Саратов, 1998. – 23 с.
13. Баранов, В. М. Система права, система законодательства и правовая система: учеб. пособие / В. М. Баранов, С. В. Поленина. – 2-е изд., доп. – Н. Новгород, 2000. – 63 с.
14. Сырых, В. М. Комплексные институты как компоненты системы российского права / В. М. Сырых // Журнал российского права. – 2002. – № 10. – С. 22–27.
15. Богатырев, А. Г. Инвестиционное право / А. Г. Богатырев. – М.: Рос. право, 1992. – 272 с.
16. Доронина, Н. Г. Правовое регулирование иностранных инвестиций (Постановка проблем и варианты решений) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Н. Г. Доронина; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М., 1996. – 49 с.
17. Мороз, С. П. Инвестиционное право Республики Казахстан: науч. изд. / С. П. Мороз. – Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2006. – 509 с.
18. Лисица, В. Н. Инвестиционное право России как комплексная отрасль российского права / В. Н. Лисица // Вестник НГУ. Серия «Право». – 2008. – Т. 4, вып. 1. – С. 14–23.
19. Гуцин, В. В. Инвестиционное право: учебник / В. В. Гуцин, А. А. Овчинников. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – 624 с.
20. Фархутдинов, И. З. Инвестиционное право: учебник и практикум / И. З. Фархутдинов, В. А. Трапезников. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 273 с.
21. Лаптева, А. М. Инвестиционное право: учебник / А. М. Лаптева, О. Ю. Скворцов. – М.: Юрайт, 2019. – 535 с.
22. Попова А. В. инвестиционное право как комплексное нормативное образование системы права Российской Федерации / А. В. Попова // Научный вестник МГТУГА. – 2013. – № 196. – С. 119-121.

**ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АНАЛОГОВОЕ ПРАВО
DIGITAL REVOLUTION AND ANALOGUE LAW**

Перепелица Елена Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения правовой
информатизации управления правовой информатизации Национального центра правовой
информации Республики Беларусь, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО
по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
perpelinka@gmail.com
Perepelitsa Elena,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Senior Researcher of the Legal Informatization of The National Center of Legal Information
of the Republik of Belarus, associated member of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring,
Cultural and Information Rights National Research University
«Higher School of Economics»
perpelinka@gmail.com

Аннотация. Автор сопоставляет картину мира, складывающуюся под воздействием информационно-цифровой революции, с той матрицей, на которой зиждется аналоговое право. Вследствие свершаемой революции происходят глубокие трансформации. Аналоговое право делает всё, чтобы замедлить процесс перемещения общественных отношений в виртуальное пространство, затормозить хаотическую перестройку их архитектуры. Однако попытки остановить стихийную информационную экспансию оказываются тщетными. Общество быстро осваивает возможности, открытые информационным технологическим укладом. Формируются сетевые структуры, которые громко заявляют свою репрезентацию. Такие структуры получают свободу интерактивного взаимодействия, в том числе с субъектами, представляющими публичную власть. Одновременно цифровые технологии могут служить удобным инструментом манипулирования общественным мнением, направлять социум в негативное русло. Информационное пространство приобретает статус самодостаточной реальности, нередко диктующей правила игры собственно праву. Для релевантного ответа на вызовы нынешнего времени право должно приобрести новые регулятивные свойства и характеристики. Аналогичный ответ ожидается от законодательства, правоприменительной практики и, разумеется, от (отраслевой) правовой науки.

Ключевые слова: цифровые платформы, информационная экспансия, коммуникация, регуляторная среда, матрица права.

Abstract. The author compares the picture of the world, which is being formed under the influence of the information and digital revolution, with the matrix on which analog law is based. As a result of the ongoing revolution, profound transformations are taking place. Analogue law is doing everything to slow down the process of moving social relations into the virtual space, to slow down the chaotic restructuring of their architecture. However, attempts to stop the spontaneous information expansion are futile. Society is rapidly mastering the opportunities opened up by the information technology order. Network structures are formed that loudly declare their representation. Such structures receive the freedom of interactive interaction, including with subjects representing public authorities. At the same time, digital technologies can serve as a convenient tool for manipulating public opinion, directing society in a negative direction. The information space acquires the status of a self-sufficient reality, often dictating the rules of the game to the law itself. For a relevant response to the challenges of the present time, law must acquire new

regulatory properties and characteristics. A similar response is expected from legislation, law enforcement practice and, of course, from (branch) legal science.

Keywords: digital platforms, information expansion, communication, regulatory environment, law matrix.

Человеческая цивилизация прошла длительный и сложный путь эволюции. Долгие века отделяют нас от того исторического времени, когда межличностное общение, социальное взаимодействие, участие в политике и управлении не предполагали какой бы то ни было технической оснащённости. Чтобы выработать общее, конвенциональное суждение, люди дискутировали в литературных салонах, собирались на улицах, площадях, на рынках, торговых ярмарках, в местах массового обмена товаром. Решающим фактом мог быть самый громкий и пронзительный голос. Если человек не присутствовал на подобного рода коллективном обсуждении лично и никому не делегировал собственные полномочия, он мог быть не услышан, а его мнение – не учтено. Значительно позже на авансцене начали возникать вече, соборы, сенаты и парламенты. Как мы знаем сейчас, в аграрную и индустриальную эпоху человечество существовало и вполне могло обходиться без высокотехнологического инструментария.

Современную фазу человеческой цивилизации называют коммуникационной или цифровой революцией, этапом тотального приобщения к информационным технологиям. Это обстоятельство описано такими авторитетными авторами, как Д. Белл, Дж. Гэлбрэйт, Д. Нейсбит, Й. Масуда, К. Скиннер, Л. Флориди. Стоит отметить, что ввиду территориальной и пространственной абстрактности многие отказываются от понятия «информационное общество». Не имеющее территориальных пределов и границ информационное общество часто называют «просвещённым», «открытым». Подобные коннотации можно поставить под сомнение, ведь в условиях коммуникационного взрыва [1] социум становится в такой же степени безграмотным, как и просвещённым. В контексте цифрового патернализма определённая часть общества, не приспособленная к новым технологиям, лишается права на привычное взаимодействие.

Людям свойственно оказывать неоправданное доверие прогрессу, обольщаясь тем, что он предлагает. Мечты прошлых поколений были связаны с «железными дорогами, с невероятной быстротой и с наименьшими неудобствами, переносившими человека в отдаленнейшие страны, – с телеграфами и телефонами, дававшими возможность мгновенно обмениваться мыслями с самыми отдаленными краями» [2]. Чаяния нынешних поколений возлагаются на блокчейн, технологии распределенного реестра, квантовые сенсоры и вычисления, машинное обучение (machine learning), потоковую обработку информации, облачные сервисы, аддитивные технологии, искусственный интеллект.

Незаметно для себя мы оказались в какой-то другой цивилизации. Её характерные признаки проявляются в том, что «информация в полной мере вошла в число базовых ресурсов социального метаболизма, инфраструктурное обеспечение последнего стремительно приобретает свойства искусственного интеллекта, контенты индивидуального сознания всё в большей степени вовлекаются в информационное пространство в виде персональных текстовых кластеров, находящихся в непрерывном интертекстуальном обороте» [3].

Картина мира современного человека уже фактически не мыслится без гаджетов, смартфонов, электронной почты, контента, передачи данных, интерактивного взаимодействия в режиме онлайн. «Бурное развитие средств массовой коммуникации, интенсивная урбанизация, нанотехнологии, биотехнологии создают такие условия в современной культуре, при которых информация становится инструментом новых форм жизни и поведения» [4]. С переходом к цифровому формату информационное пространство приобретает статус самостоятельной реальности, нередко диктующей выработанные ею правила игры собственно праву. Её влиянию подвержено буквально всё – здравоохранение, искусство, культура. «Информационные технологии сформулировали принципиально новую информационную среду, включили в неё общество и государство, радикальным образом изменив жизнь каждого человека» [5].

Последствия информационно-цифровой революции ощутимы для экономики, производства, транспорта, налогового администрирования. Цифровые платформы совершили

экспансию во все без исключения сферы профессиональной коммуникации, транслировав на них свои паттерны общения. Обладание цифровыми инструментами даёт человеку искомую свободу от территориальной привязки к конкретному месту и даже времени.

Современный этап развития цифровых технологий (новая промышленная революция, получившая название «Индустрия 4.0») связан с появлением цифровых товаров (токенов), робототехники и сенсорики, новых форм на рынке труда (телеработы), моделей производства (бесфабричных компаний) и потребления (mesh-моделей), мобильных и облачных технологий, технологий виртуальной и дополненной реальности, криптовалюты, смарт-контрактов. Данный перечень можно продолжать.

Экстраполируя сказанное на область права, надо заметить, что следы свершаемой революции мы находим во всех его аспектах. Цифрового следа не избежал ни один вид юридической деятельности. Притом, что матрица действующего права осталась прежней – аналоговой – к информационному медиaprостранству адаптируются традиционные правовые институты. Скажем, заурядными и обыденными сегодня стали подача заявлений и жалоб в суд через Интернет, уведомление сторон с помощью электронных судебных повесток, применение электронных способов в голосовании.

Плоды цифровой революции оказывают мультиплицирующий эффект на структуру и содержание социальных связей. Право рефлексивирует над этой реальностью, опираясь на те сценарии, которые были выработаны им в доцифровое время. Перед нами две картины мира: одну из них задают информационно-коммуникационные технологии, которые преодолевают пространственно-временные границы, меняют правила взаимодействия акторов; другую задаёт право в попытках сохранения своей монополии на регулирование общественных отношений. Нет сомнения в том, что право делает всё, чтобы хоть как-то замедлить процесс перемещения части общественных отношений в виртуальное пространство, затормозить те механизмы, которые перестраивают архитектуру существующих общественных отношений. Однако же попытки остановить информационную экспансию и форсированную цифровизацию чаще всего обречены. Полная синхронность в развитии технологических средств, с одной стороны, и умения осваивать их потенциальные возможности, а также определять риски – с другой, не достигнута ни одной национальной юрисдикцией. Информационная стихия ставит перед наукой права сложные познавательные и прикладные задачи, не имеющие готовых решений. В их числе: правовое обеспечение цифровых реалий, осуществление конституционных прав и свобод граждан в информационной медиареальности, создание принципиально нового класса правовых способов регулирования общественных отношений в условиях цифровой экономики.

Влияние технологического развития на право и правопорядок сталкивает между собой противоположные взгляды. Первый – не усматривающий в таком влиянии ничего экстраординарного. Второй – склонный оценивать такое влияние как серьёзнейший вызов. Обе позиции имеют право на существование. Пребывая в лоне аналоговой матрицы, право ищет подходы к должному решению актуальных вопросов. Разумеется, можно обходиться и традиционными подходами, регулируя общественные отношения по аналогии. Но даже при самом активном воздействии на цифровую среду, право ощущает на себе ее ответное мощное воздействие. Выход из ситуации есть, но не гарантирован. Речь об особой регуляторной среде, гибких и сложноорганизованных механизмах регламентации общественных отношений. По всей видимости, право должно приобрести какие-то новые властно-регулятивные способности, свойства и характеристики.

Соотношение цифровой революции и аналогового права – вопрос не только о консервативных моделях правового регулирования и нетрадиционных алгоритмах реальных общественных отношений. Критически значимо избежать унаследования родовых противоречий и усугубления нерешённых проблем, присущих аналоговому праву. Согласимся, что «в современных условиях перед правовой мыслью стоит сложнейшая задача – как практически единовременно повторить классический цикл развития правового регулирования для совершенно нового вида общественных отношений и уже сегодня предложить устраивающую всех субъектов систему правил поведения в информационной среде» [6]. Сопоставляя сегодняшнюю повестку и при-

вычную матрицу права, мы должны задаваться вопросом о гносеологическом потенциале прошлых концепций и их способности реагировать на вызовы эпохи. Без преувеличения, свершаемая ныне революция приближает ту реальность, в которой «вторичные по отношению к существованию человека инструменты будут заново конструировать своего изобретателя» [7]. Не отрицая значения концептов, выработанных в доцифровое время, важно понимать, что они рассчитаны на обычную, объективную реальность. Юридическая наука находится на подступах к соответствующей повестке. Принципиально важна мысль, состоящая в том, что «вторжение технического прогресса в правовую область означает борьбу со всем, что пребывает в состоянии покоя, стабильности и постоянства» [8]. Никогда ещё за всю свою историю право не оказывалось перед таким объёмом задач, не имея достаточного запаса знаний для их адекватного решения [9].

Несмотря на свои многочисленные преимущества цифровая революция стала очень серьёзным вызовом для научной юриспруденции. Для адекватной реакции на него необходимо «понять природу связанных с информационными технологиями правоотношений и определить модели их регулирования» [10]. Мы можем долго спорить о том, существуют или не существуют цифровое право, платформенное право, право цифровых платформ; считать либо не считать такие вещи предметными для аналоговой повестки. Но это несколько не приближит нас к формированию коммуникативных стратегий, нужных государству и обществу в условиях цифровой стихии.

Технологии дополненной реальности, квантовой коммуникации, глобальная компьютерная сеть предлагают своим пользователям нечто более значимое, нежели удовлетворение элементарных информационных потребностей, а равно – возможность простого поиска и распространения сведений. Новая коммуникативная реальность позволяет индивиду легко входить в различные общности, выходить из них, оперативно переключаться между ними. Благодаря цифровой революции активную позицию в диалоге с государством может занять гражданское общество. Сетевые коммуникации и другие плоды знаний и интеллекта становятся конституирующим условием формирования автономных социальных идентичностей, претендующих на признание. Технологические инновации, связанные с Интернет-технологиями, открывают принципиально новые горизонты социальных возможностей. Средства коммуникации способствуют улучшению взаимопонимания между людьми, вносят важный вклад во взаимоотношения представителей противоположных позиций. При всём при этом технологии – инструмент достижения различных целей, как позитивного, так и негативного характера. В цифровую эпоху в самых разных странах мира появляются не только новые формы участия граждан в государственном и правовом строительстве, но и новые способы манипуляции общественным сознанием. Созданы технологии, позволяющие генерировать реалистично сфабрикованные фотоизображения, аудио- и видеосценарии. Опыт многих IT-стран показывает, что цифровая революция способствует «пробуждению» общественной активности. Интерактивная связь со структурами гражданского общества в ходе разработки юридически значимых решений создает дополнительные условия для расширения социальной базы эффективного управления социумом; государственного управления.

Цифровая среда проявляет себя как наиболее неформализованная сфера жизни и деятельности человека и общества, что происходит «в силу природы информации и свойств сознания, которые «трудно поддаются жёстким внешним алгоритмам» [11]. Как точно замечено, развитие цифрового права – это и драма, и одновременно значительная перспектива беспрецедентного прогресса новых правовых форм и источников [12]. Правовое регулирование информационных отношений нередко имеет отстающий, догоняющий характер. Уже сейчас под императивным влиянием технологических инноваций «смысл правового воздействия на общественные отношения всё больше сводится к возможности осуществления коммуникации с целью передачи информации правового характера [13]. Происходят перемены правил взаимодействия социальных акторов. К этим переменам не готовы ни теоретики, ни законодатели, ни тем более правоприменители.

Вследствие цифровой коммуникации формируется новая проблемная область, недостаточно освоенная аналоговым правом. Осмысление сущности плодов цифровой революции, приро-

ды и институциональных характеристик «сквозных» цифровых технологий критически важно в плане формирования достойного ответа национального права на вызов времени.

Литература

1. Брэтон, Ф. Выбух камунікацыі. Нараджэнне новай ідэалогіі / Ф. Брэтон, С. Пру ; пераклад з франц. А. Мароза ; рэд. Ю. Залоска. – Мн. : Беларускі фонд Сораса, 1995. – 336 с.
2. Астафьев, П. Е. Симптомы и причины современного настроения (наше техническое богатство и наша духовная нищета). Две публичные лекции, читанные в Москве 13 и 19 февраля 1885 г. / П. Е. Астафьев. – М. : Типография А. И. Мамонтова и К. Леонтьева. – 108 с.
3. Малинова, И. П. Информационная цивилизация: особенности, вызовы, методологические корреляты / И. П. Малинова // Синергетика и герменевтика в правоведении и социально-правовом регулировании / Д. Б. Абушенко [и др.] ; под ред. А. Н. Кокотова, И. П. Малиновой. – М., 2020. – С. 9–11.
4. Кузнецова, Т. В. Категориальная синхрония народности в эпоху индустриальной модернизации / Т. В. Кузнецова // Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации : сб. науч. ст. : к 95-летию Финансового ун-та при Правительстве Рос. Федерации / Финансовый ун-т при Правительстве Рос. Федерации, Рос. филос. о-во, Моск. филос. о-во ; отв. ред. А. Н. Чумаков. – М., 2014. – С. 77–82.
5. Кудрявцев, М. А. Свобода информации и проблемы обеспечения информационных прав личности / М. А. Кудрявцев // Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы : сб. науч. тр. / Ин-т государства и права Рос. акад. наук ; отв. ред.: Т. А. Полякова, В. Б. Наумов, Э. В. Талапина. – М., 2018. – С. 146–170.
6. Государственная политика информационной безопасности и информационного противоборства : учеб. пособие / В. Ю. Арчаков [и др.] ; Акад. Упр. При Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Академия управления при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 228 с.
7. Худа-Гранат, М. Феномен сетевой коммуникации – новый вид человеческих отношений или иллюзия интерперсональной связи? / М. Худа-Гранат // История и современность. – 2010. – № 2. – С. 167–184.
8. Исаев, И. А. Технология власти. Власть технологии = Technologies of power. Power of technologies / И. А. Исаев. – М. : Проспект, 2019. – 143 с.
9. Савенков, А. Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации / А. Н. Савенков // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : докл. членов РАН / Ин-т государства и права Рос. акад. наук ; под ред. А. Н. Савенкова. – М., 2019. – Т. 1. – С. 9–92.
10. Наумов, В. Б. Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений / В. Б. Наумов // Рос. право: образование, практика, наука. – 2018. – № 6. – С. 4–11.
11. Кузнецов, П. У. Информационное право : учебник / П. У. Кузнецов. – М. : Юстиция, 2017. – 335 с.
12. Синюков, В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синюков // LexRussica. – 2019. – № 9. – Р. 9–18.
13. Залоило, М. В. Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации / М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Право. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 196–209.

**КОММУНИКАЦИИ СУДА И УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА ПОСРЕДСТВОМ
СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЕКТЕ КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
COMMUNICATIONS OF THE COURT AND PARTICIPANTS IN THE PROCESS
THROUGH MODERN TECHNOLOGIES IN THE DRAFT CODE OF CIVIL
PROCEDURE: SOME ASPECTS**

Скобелев Владимир Петрович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана по заочному обучению юридического факультета,
Белорусский государственный университет
s_v_p@tut.by
Skobelev Vladimir,
PhD in Law, Associate Professor,
Deputy Dean for Distance Studies, Faculty of Law,
Belarusian State University
s_v_p@tut.by

Аннотация. В статье анализируется, как в проекте Кодекса гражданского судопроизводства урегулированы некоторые вопросы использования современных цифровых технологий. В частности, автор рассматривает правила использования электронных документов для коммуникаций суда и участников судопроизводства, порядок фиксирования хода процесса, процедуру проведения судебных заседаний в дистанционном формате с помощью видеоконференцсвязи и иных технических средств. По результатам исследования сделаны рекомендации по совершенствованию норм Кодекса гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, цифровые технологии, электронный документ, звукозапись, видеозапись, видеоконференцсвязь, иные технические средства.

Abstract. The article analyzes how some issues of the use of modern digital technologies are regulated in the draft Code of Civil Procedure. In particular, the author examines the rules for the use of electronic documents for communications between the court and participants in legal proceedings, the procedure for recording the progress of the process, the procedure for holding court sessions remotely using video conferencing and other technical means. Based on the results of the study, recommendations were made to improve the norms of the Code of Civil Procedure.

Key words: civil litigation, digital technologies, electronic document, sound recording, video recording, videoconferencing, other technical means.

В Республике Беларусь одним из векторов развития процессуального законодательства избран путь унификации Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) посредством их замены единым Кодексом гражданского судопроизводства (далее – КГС). К настоящему времени проект КГС уже подготовлен [1] и прошел процедуру общественного обсуждения [2]. В связи с этим интересно обратить внимание на то, каким образом в проекте КГС урегулированы некоторые вопросы использования современных цифровых технологий.

В ч. 4 ст. 5 КГС в качестве общего правила закреплена возможность подачи искового заявления, заявления, жалобы и иных документов в суд «в виде электронного документа в порядке, установленном законодательными актами». Данная возможность подкреплена более конкретными предписаниями применительно к случаям обращения в суды в определенных видах судопроизводства (в исковом судопроизводстве, в том числе в производстве по коллективному исковому заявлению, – ч. 1 ст. 238, ч. 5 ст. 325 КГС; в приказном производстве –

ч. 1 ст. 343, ч. 4 ст. 348 КГС; в производстве об отмене решения третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда, иного постоянного арбитражного органа, находящихся на территории Республики Беларусь, – ч. 1 ст. 468 КГС; в производстве о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда, иного постоянного арбитражного органа, находящихся на территории Республики Беларусь, – ч. 1 ст. 493 КГС; в производстве по заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение медиативного соглашения – ч. 1 ст. 499 КГС; в производстве о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, иностранных третейских судов (арбитражей) – ч. 1 ст. 530 КГС; в производстве о признании и приведении в исполнение международного медиативного соглашения – ч. 1 ст. 538 КГС) и на проверочных стадиях процесса (в апелляционном производстве – ч. 1 ст. 561 КГС; в кассационном производстве – ч. 1 ст. 594 КГС; надзорном производстве – ч. 1 ст. 617; в производстве о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам – ч. 1 ст. 633 КГС).

Однако в ряде случаев КГС предусматривает только письменную форму обращения в суд – по вопросам восстановления утраченного судебного производства (ч. 1 ст. 458) и оспаривания решения трудового арбитража (ч. 1 ст. 475), что, вероятно, можно объяснить не критическим заимствованием соответствующих норм из ГПК, которые допускают возможность подачи документов в суд только в традиционной письменной форме.

По-видимому, под электронным документом в приведенных выше нормах КГС понимается документ в электронном виде, заверенный электронной цифровой подписью. Однако далеко не всегда в тех статьях, которые упоминают про подачу в суд электронного документа, говорится также об электронной цифровой подписи. Указания про электронную цифровую подпись присутствуют только в ч. 6 ст. 238, ч. 4 ст. 343, ч. 4 ст. 468, ч. 4 ст. 493, ч. 5 ст. 530, ч. 5 ст. 538 КГС. Кроме того, ч. 3 ст. 57 КГС содержит довольно абстрактную норму о том, что участвующие в деле лица «вправе представлять в суд документы в электронном виде в установленном законодательством порядке», т.е. вид электронной формы документов не конкретизирован.

Представление документов в электронной форме возможно и в обратном направлении: от суда к участвующим в деле и иным лицам. Так, ч. 3 ст. 57 КГС предусматривает для лиц, участвующих в деле, возможность «получать с использованием глобальной компьютерной сети Интернет копии судебных постановлений, выполненных в форме электронных документов».

В установленном законодательными актами порядке возможно направление судом исполнительного листа для исполнения в форме электронного документа, подписанного судьей электронной цифровой подписью (ч. 4 ст. 480 КГС), а также выдача исполнительного листа взыскателю в форме электронного документа (ч. 7 ст. 480 КГС, в этом случае о необходимости заверения его электронной цифровой подписью норма ничего не говорит).

КГС (ст. 104–107) в целом сохранил правила ГПК (ст. 113, 174–176) и ХПК (ст. 189–189-3) о порядке фиксирования хода процесса, а именно: ход каждого судебного заседания суда первой инстанции, а также ход совершения каждого отдельного процессуального действия суда первой инстанции вне заседания подлежат фиксированию с использованием средств звуко- или видеозаписи и составлением краткого протокола в письменной форме; в случае неявки в судебное заседание всех участников гражданского судопроизводства, а также при отсутствии технической возможности вести звуко- или видеозапись ход судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия суда вне заседания фиксируется составлением протокола в письменной форме.

В регламентации фиксирования хода процесса появилась только одна новая, причем, на наш взгляд, некорректная во многих отношениях норма: «В случае принятия судом первой инстанции апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста по делу составляется протокол в письменной форме в соответствии с требованиями, установленными пунктами 2–9 части 2 статьи 105 настоящего Кодекса» (ч. 6 ст. 106 КГС).

Во-первых, норма получила неверное структурное месторасположение. Ведь норма яв-

ляется не общей (т.е. касающейся всех стадий процесса и видов производства), а специальной (имеющей отношение только к одной стадии процесса и даже более того, лишь к одному из этапов данной стадии). Потому ей следует находиться в главе 54 КГС «Производство в суде апелляционной инстанции» в § 2 «Возбуждение апелляционного производства».

Во-вторых, норма не соответствует предусмотренным КГС условиям для фиксации хода процесса посредством составления протокола. Из ч. 3 ст. 104 КГС видно, что ход процесса в суде первой инстанции (а принятием апелляционной жалобы или протеста занимается всегда именно суд первой инстанции) подлежит фиксации посредством протокола только в двух случаях: при неявке в судебное заседание всех участников гражданского судопроизводства (но принятие апелляционной жалобы или протеста производится вне судебного заседания) или при отсутствии технической возможности вести звуко- или видеозапись (вряд ли, однако, в суде может отсутствовать возможность вести соответствующую запись абсолютно во всех случаях, когда имеет место подача апелляционной жалобы или протеста).

В-третьих, норма неверна и по существу. Принятие апелляционной жалобы (протеста) к производству – это властное волеизъявление суда правоприменительного характера, которое имеет важнейшее значение для развития апелляционного производства. Данное волеизъявление идентично акту возбуждения судом производства по делу по первой инстанции, т.е. акту принятия искового заявления (заявления) к производству. Но если возбуждение производства по делу по первой инстанции оформляется определением суда, то точно таким же образом должно быть оформлено и возбуждение апелляционного производства. Ни о каком использовании протокола здесь речи идти не может.

В этом плане весьма показательны правила ч. 2, 3 ст. 274 ХПК, которые, к сожалению, не были учтены разработчиками КГС: о принятии апелляционной жалобы (протеста) к производству суд апелляционной инстанции выносит определение, в котором указываются время и место проведения судебного заседания по рассмотрению апелляционной жалобы (протеста); определение суда о принятии апелляционной жалобы (протеста) к производству направляется лицам, участвующим в деле, не позднее пяти дней со дня поступления жалобы (протеста) в суд.

В ГПК и ХПК вопросы использования видеоконференцсвязи для целей проведения судебных заседаний получили весьма фрагментарное регулирование. Так, соответствующие нормы разбросаны по всему тексту ГПК (см. п. 5 ч. 1 ст. 174, ч. 2 ст. 178, ст. 185-1, п. 9-1 ст. 262, ч. 6 ст. 267, ст. 419, ч. 4 ст. 428), ХПК (ч. 3 ст. 83, ч. 6 ст. 170, ст. 176-1, абзац 6 ч. 1 ст. 189-1) и оставляют без ответов многие сложные вопросы, касающиеся применения данного современного средства коммуникаций. В КГС же вопросы использования видеоконференцсвязи получили гораздо более полное и системное регулирование. Так, КГС содержит специальную главу 12 «Использование систем видеоконференцсвязи в гражданском судопроизводстве», а также дефиницию самой видеоконференцсвязи (п. 4 ст. 1).

В то же время дефиниция видеоконференцсвязи не совсем верна. Согласно п. 4 ст. 1 КГС видеоконференцсвязь – это способ осуществления процессуальных действий с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи в режиме реального времени. Однако, по нашему мнению, видеоконференцсвязь – это не способ осуществления процессуальных действий, а способ коммуникаций суда и участников судопроизводства при совершении процессуальных действий в условиях, когда отдельные из участников судопроизводства находятся вне физической досягаемости состава суда (вне места его расположения).

Анализ содержащихся в КГС норм о видеоконференцсвязи позволяет сделать вывод, что для дистанционных коммуникаций суда с участниками судопроизводства могут использоваться не любые технические устройства и технологии, а исключительно специально предназначенные для этого программно-технические средства, которыми оснащены суды. Иными словами, проведение видеоконференцсвязи с помощью мобильного телефона судьи или участника судопроизводства недопустимо.

Правда, наряду с этим ч. 9 ст. 108 КГС предусматривает, что правила главы 12 КГС не

исключают возможности использования с согласия участвующих в деле лиц, которые присутствуют в судебном заседании, иных технических средств связи для фиксации допроса свидетелей, объяснений участвующих в деле лиц, пояснений иных участников процесса, находящихся вне места расположения суда, рассматривающего дело.

Приведенная норма вызывает возражения по нескольким причинам. Во-первых, не совсем точно определена цель использования иных технических средств связи: они нужны не для фиксации показаний, объяснений, пояснений (ведь фиксирование процесса осуществляется с помощью средств звуко-, видеозаписи или же протокола), а для их получения (восприятия, передачи). Во-вторых, отсутствие конкретизации иных технических средств связи и регламента их применения способно привести к нарушению (ущемлению) процессуальных прав (интересов) участников судопроизводства, равно как и к неправильному разрешению дела по существу.

Новации в регулировании применения систем видеоконференцсвязи сводятся в основном к следующим моментам:

использование систем видеоконференцсвязи возможно как по инициативе суда, так и по ходатайствам участвующих в деле лиц (ч. 1 ст. 108 КГС);

с помощью систем видеоконференцсвязи может быть проведено не только судебное заседание (в том числе предварительное) в целом, но и его часть (ч. 2 ст. 108 КГС), а также отдельное процессуальное действие вне судебного заседания (ч. 3 ст. 108 КГС);

в судебном заседании при посредстве систем видеоконференцсвязи могут совершаться абсолютно любые действия, в том числе проводится исследование письменных, электронных и вещественных доказательств (ч. 4 ст. 108 КГС);

применение систем видеоконференцсвязи допустимо в судах всех инстанций – первой, апелляционной, кассационной и надзорной (ч. 5 ст. 108 КГС);

предусмотрено новое, по сравнению с ч. 2 ст. 185-1 ГПК и ч. 2 ст. 176-1 ХПК, основание для отказа суда в применении систем видеоконференцсвязи – «имеются иные обстоятельства, препятствующие использованию систем видеоконференцсвязи» (п. 3 ч. 7 ст. 108 КГС), хотя в подобной абстрактной редакции норма не добавляет ясности в решение вопроса;

в проведении сеанса видеоконференцсвязи задействованы два суда: суд, рассматривающий дело (в нем находится состав суда с большинством участников судопроизводства), и суд, осуществляющий организацию видеоконференцсвязи (в нем находится дистанционно коммуницирующий с составом суда участник (участники) судопроизводства); для организации сеанса видеоконференцсвязи первый суд должен направить во второй суд соответствующее поручение (ч. 1 ст. 109 КГС);

на участников судопроизводства, находящихся во втором суде, распространяются все правила судебного разбирательства (ч. 3 ст. 109 КГС), при этом действия, необходимые для обеспечения рассмотрения дела (проверка явки, установление личности и пр.), осуществляются в этом суде при содействии его судебного секретаря (ч. 4 ст. 109 КГС);

если при использовании систем видеоконференцсвязи полное, всестороннее и объективное исследование доказательств в судебном заседании невозможно или затруднительно, суд должен отложить разбирательство дела либо объявить в судебном заседании перерыв (ч. 6 ст. 109 КГС); правда, цели отложения разбирательства дела или объявления перерыва не определены: должен ли суд в период отложения или перерыва обеспечить явку тех лиц, которые участвовали в судебном заседании дистанционно, или получить в свое распоряжение доказательства, которые были дистанционно предъявлены этими лицами, или совершить какие-то иные действия;

не позднее дня, следующего за днем проведения судебного заседания, из суда, который осуществлял организацию видеоконференцсвязи, в суд, рассматривающий дело, подлежат направлению не только представленные в судебном заседании доказательства, но и подтверждающие полномочия участвующих в деле лиц документы, полученные у свидетелей, экспертов, переводчиков подписки (ч. 7 ст. 109 КГС);

сведения об использовании судом систем видеоконференцсвязи должны быть указаны,

помимо краткого протокола или протокола, также в итоговом судебном постановлении по делу (ч. 8 ст. 109 КГС).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

в КГС необходимо конкретизировать понятие «электронный документ», а также более системно урегулировать вопросы использования электронных документов;

принятие судом первой инстанции апелляционной жалобы (протеста) к производству должно оформляться не протоколом, а путем вынесения судом соответствующего определения;

в КГС требуется уточнить дефиницию видеоконференцсвязи, а также регулирование некоторых вопросов применения данного способа коммуникаций; использование же любых иных средств связи для проведения судебных заседаний в дистанционном формате нуждается в подробных нормативных предписаниях.

Литература

1. Проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Правовой форум Беларуси. – Режим доступа: <https://forumpravo.by/publichnoe-obsuzhdenie-proektov-npa/forum15/16857-proekt-kodeksa-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 06.10.2022.

2. Проект Кодекса гражданского судопроизводства Верховным Судом вынесен на общественное обсуждение [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2022/mart/69019/?fbclid=IwAR12pX4i85UY6Mqj3pGODp5hYEXj96mtQSFDMM77_ATuwMTOFd82nuMJHWw. – Дата доступа: 06.10.2022.

УДК 346.51

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА СОБСТВЕННОСТИ CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE INSTITUTION OF PROPERTY

Слижевская Оксана Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований
центра государственного строительства и права,
Институт экономики НАН Беларуси
dimox75@mail.com
Slizhevskaya Oksana,
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher of the Environmental and Legal Research Sector
of the State Building and Law Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
dimox75@mail.com

Аннотация. В статье аргументируется тезис о том, что собственность и право собственности относятся к числу понятий, которые, по существу, составляют ядро экономической и политической систем общества. Обосновывается, что важнейшим элементом современной экономической системы гражданского общества являются именно отношения собственности.

Ключевые слова: собственность, конституция, законодательство, регулирование, владение, пользование, распоряжение.

Abstract. The article argues the thesis that property and ownership are among the concepts that, in essence, form the core of the economic and political systems of society. It is substantiated that property relations are the most important element of the modern economic system of civil society.

Keywords: property, Constitution, legislation, regulation, possession, use, disposal.

Право собственности представляет собой возможность владения, пользования и распоряжения конкретным имуществом. В большинстве государств существуют две основные формы собственности – публичная и частная. Все остальные формы собственности являются производными от них. Эти формы собственности отличаются как режимом пользования, так и субъектами.

В соответствии со статьей 13 Конституции Республики Беларусь в нашей стране закрепляются два вида собственности: государственная и частная. Субъектами права государственной собственности являются Республика Беларусь и административно-территориальные единицы. Субъектами права частной собственности являются физические и негосударственные юридические лица. На основе конституционных установлений Республика Беларусь гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Содержание права собственности раскрывается не только через традиционные права владения, пользования и распоряжения, но и путем предоставления собственнику права по своему усмотрению совершать в отношении принадлежавшего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящие вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляющие права и защищаемые законом интересы других лиц [1].

Органом государственного управления в сфере реформирования собственности в Республике Беларусь с февраля 1991 г. являлся Комитет по управлению государственным имуществом при Совете Министров БССР (Госимущество БССР), преобразованный в июне 1993 г. в Государственный комитет Республики Беларусь по управлению государственным имуществом и приватизации, а затем – Министерство по управлению государственным имуществом и приватизации. В 2001 году функции управления государственным имуществом и приватизацией в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 24 сентября 2001 г. № 516 возложены на Министерство экономики путем создания в его структуре Департамента по управлению государственным имуществом и Фонда государственного имущества. В настоящее время согласно Указу Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 г. № 289 государственную политику управления, распоряжения, приватизации, оценки и учета имущества, находящегося в собственности Республики Беларусь, проводит Государственный комитет по имуществу (Госкомимущество). За Министерством экономики сохранены функции по выработке государственной политики в сфере управления государственным имуществом и приватизации.

Мировой опыт экономического развития свидетельствует о возможности перехода имущества из частной собственности в публичную (национализация) и публичной – в частную (приватизация). Как правило, это осуществляется на основе конституционных либо иных законных установлений. Идеи социальной функции собственности являются важнейшей особенностью конституционного развития большинства демократических государств в XX в. Так, ст. 42 Конституции Итальянской Республики от 22 декабря 1947 г. установила, что в предусмотренных законом случаях частная собственность может быть отчуждаема в общих интересах при условии выплаты компенсации. В Конституции Греции (ст. 17) также предусмотрено, что никто не может быть лишен своей собственности, кроме как в общественных интересах, при условии предварительной полной компенсации, соответствующей стоимости отчуждаемой собственности. Более подробно, чем в зарубежных конституциях, институт собственности регламентируется в Конституции Российской Федерации 1993 года [2].

Реформирование отношений собственности в Республике Беларусь направлено на создание социально ориентированной рыночной экономики и стимулирование инвестиционной активности. Осуществление разгосударствления и приватизации – составных частей этого

процесса – создает предпосылки рационального использования экономических ресурсов и производственного потенциала, повышения эффективности функционирования предприятий, улучшения их финансового состояния, пополнения государственного бюджета и поддержания за счет этого высокого уровня социальных услуг, защиты населения и сохранения тем самым социальной стабильности в обществе.

В соответствии с действующим законодательством в Республике Беларусь разгосударствление осуществляется путем преобразования государственного предприятия в открытое акционерное общество или внесения государственного имущества, сданного в аренду, в уставный фонд открытого акционерного общества, создаваемого на базе арендного предприятия. Приватизация проводится путем продажи объектов государственной собственности на аукционе, по конкурсу, а также продажи принадлежащих государству акций или выкупа арендованного имущества арендным предприятием.

Продажей объекта государственной собственности на аукционе является его приобретение физическим или юридическим лицом в собственность на открытых торгах, когда от покупателя не требуется выполнения каких-либо условий (аукцион без условий) или когда от покупателя требуется выполнение определенных условий (аукцион с условиями), устанавливаемых органом приватизации (сохранение назначения или профиля объекта приватизации, сохранение или создание рабочих мест в течение определенного времени, охранное обязательство в отношении объектов приватизации и другое). В таких случаях победителем аукциона становится участник, предложивший в ходе торгов максимальную цену.

Продажей объекта государственной собственности по конкурсу является его приобретение физическим или юридическим лицом в собственность, когда от покупателя требуется выполнение определенных условий, устанавливаемых органом приватизации. Победителем конкурса признается участник, предложение которого наилучшим образом соответствует установленному критерию. При прочих равных условиях победителем конкурса признается участник, предложивший наивысшую цену.

Кроме того, преобразование государственных предприятий в открытые акционерные общества осуществляется на основании предложений трудовых коллективов. При отсутствии таких предложений инициатором преобразований предприятий, находящихся в республиканской собственности, выступает Правительство Республики Беларусь, а предприятий коммунальной собственности – местные органы управления и самоуправления. По предприятиям с численностью работающих свыше 4 тыс. человек решение о преобразовании государственных предприятий принимается Президентом Республики Беларусь, от 2 до 4 тыс. человек – Советом Министров, до 2 тыс. человек – Министерством экономики.

В 1991–2005 гг. в Республике Беларусь в сфере коммунальной собственности преобразованы 3012 предприятий. Наиболее активно этот процесс происходил в 1994–1997 гг. (12–15 % ежегодно). К республиканской форме собственности относятся преимущественно крупные и средние предприятия с большой численностью работающих, что и предопределяет применяемые способы реформирования. В сфере республиканской собственности за 1991–2005 гг. реформировано 1088 предприятий. Из всех способов рыночного реформирования государственной собственности акционирование оказалось наиболее приоритетным. Из общего количества разгосударствленных предприятий республиканской формы собственности 902 преобразованы в акционерные общества, 160 выкуплены трудовыми коллективами арендных и государственных предприятий, 25 проданы по конкурсу или с аукциона и 1 объект продан частному лицу [3].

Вместе с тем на конституционном уровне закреплено положение о том, что ряд природных объектов – недра, воды и леса – находятся в исключительной собственности государства, а земли сельскохозяйственного назначения – в собственности государства (ст. 13) [4].

Как установлено Конституцией Республики Беларусь, «законом могут быть определены и иные объекты, которые могут находиться только в собственности государства, либо установлен особый порядок перехода их в частную собственность, а также закреплено исключительное право государства на осуществление отдельных видов деятельности» [4]. Так, Зако-

ном Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. определен перечень объектов, находящихся только в государственной собственности.

Государство гарантирует трудящимся право принимать участие в управлении организациями с целью повышения эффективности их работы и улучшения социально-экономического уровня жизни.

Конституцией Республики Беларусь и принятым на основе ее установлений ГК от 7 декабря 1998 г. предусматриваются не только государственная, но и частная форма собственности. Субъектами права частной собственности могут являться физические и негосударственные юридические лица, в собственности которых может согласно ст. 214 ГК Республики Беларусь находиться любое имущество, за исключением отдельных видов имущества, которое в соответствии с законом не может находиться в их собственности [5]. При этом количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан, не ограничиваются, за исключением, когда такие ограничения установлены законом в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Для юридических лиц такие ограничения также могут быть установлены законодательными актами.

Отношения собственности на землю являются неотъемлемой составной частью экономических отношений собственности в целом. Впервые в мировой истории частная собственность на землю возникла в общинах античного Средиземноморья с правом распоряжения землей. Для античного способа производства характерным было главенство частной собственности свободных граждан в рамках полиса. В античном обществе только землевладелец мог являться полноправным гражданином и только гражданин – полноправным землевладельцем. Чужаки, союзники, метеки, а также иные лица, не пользовавшиеся политическими правами, не имели права собственности на землю. Они были вправе располагать лишь правом пользования землей, которое могло быть и отменено. В римской провинции полноправными собственниками земли считались император и римский народ.

Наряду с частной существовала и государственная собственность на землю (в Риме – *ager publicus*) и собственность зависимых от крупных землевладельцев групп населения в греческих государствах, организованных по племенному принципу.

Длительный исторический период в бывшем СССР и союзных республиках все природные ресурсы – недра, воды, леса, включая землю, рассматривались как объекты исключительной государственной собственности. Единым собственником земли было государство. Государственная собственность на землю рассматривалась как важнейшее средство развития производительных сил страны и важнейшее условие рационального использования земли. Земля находилась в собственности государства и предоставлялась только на праве пользования. Земельный фонд не имел ни стоимости, ни цены. Титул пользователя был единственным, на основе которого осуществлялось использование земли. Все эти обстоятельства определяли неотчуждаемость природных ресурсов, в том числе земли, их безусловное изъятие из гражданского оборота.

Первая попытка устранения противоречий между производительными силами и производственными отношениями, порожденных исключительной государственной собственностью на землю, была предпринята еще в советское время с принятием 28 февраля 1990 г. Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле, а затем Закона СССР от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР». С их принятием была, в сущности, ликвидирована монополия исключительной собственности союзного государства на землю. Вместе с тем Основы не содержали понятий права собственности на землю и права государственной собственности на землю. В них отсутствовали установления относительно права частной собственности на землю. С их принятием земля еще не включалась в гражданский оборот.

В ст. 2 Кодекса Белорусской ССР о земле, принятого 11 декабря 1990 г., закреплялось только право граждан на земельный участок, условия и порядок предоставления которого определялись актами земельного законодательства.

Коренные преобразования, прежде всего в политической жизни в постсоветский период, трансформировали правоотношения собственности на землю. С учетом изменившейся социально-политической ситуации в стране, связанной прежде всего с распадом СССР и падением социалистического строя, Верховный Совет Республики Беларусь 11-го созыва 1 октября 1991 г. принял постановление «О признании права частной собственности на землю на территории Республики Беларусь». В соответствии с данным постановлением был разработан и представлен в июне 1993 г. на рассмотрение двенадцатой сессии высшего законодательного органа республики проект Закона «О праве собственности на землю», который принят 16 июня 1993 г. [6].

Право государственной собственности на землю как правовой институт – это совокупность правовых норм, закрепляющих землю за государством в его собственность. Они содержатся в действующей Конституции Республики Беларусь [4], ГК Республики Беларусь [5], Кодексе Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. [7], Законе Республики Беларусь «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» от 15 июля 2010 г. [8] и иных актах законодательства. Государство является самостоятельным участником отношений, регулируемых гражданским законодательством, и одновременно самостоятельным участником земельно-правовых отношений.

Субъективное право собственности государства на землю представляет собой меру его возможного поведения как собственника и включает в себя правомочия собственника, определяемые законодательством.

Государство в лице Республики Беларусь и ее государственных органов может выступать в двух ипостасях: в качестве публичного субъекта государственной власти, устанавливающего нормы земельного законодательства, осуществляющего в соответствии со ст. 23 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. государственное регулирование и управление в области использования и охраны земель и многие другие функции, а также в качестве собственника земель, не находящихся в собственности граждан и юридических лиц [7]. В таком случае государство обладает теми же правами и несет те же обязанности, что и другие собственники земельных участков. Иными словами, с одной стороны, государство выступает как носитель политической воли, а с другой – собственник земли.

Земли, находящиеся в государственной собственности, могут передаваться гражданам и юридическим лицам (в том числе предприятиям с иностранными инвестициями при приватизации объектов государственной собственности) для застройки, сельскохозяйственного производства, в аренду и иных целей. В свою очередь в государственную собственность могут приобретаться земельные участки путем выкупа у частных лиц, на основании дарения и в результате прекращения права частной собственности на земельные участки, а также по иным основаниям, установленным актами законодательства.

Специфика права государственной собственности на землю отличается рядом признаков. Во-первых, для данной формы собственности характерен особый уровень субъектов: в соответствии со ст. 3 Конституции Республики Беларусь единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ, который осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией [4]. Таким образом, в правоотношениях собственности государство от имени народа осуществляет право владения, пользования и распоряжения землей.

Во-вторых, свои особенности имеют основания возникновения права государственной собственности на землю.

В-третьих, правомочия непосредственной собственности на землю у государства совпадают с его правомочиями по государственному управлению в области использования и охраны всех земель. Устанавливая свои правомочия земельного собственника, государство в процессе функционирования направляет свою деятельность в русло этих установлений, выступая одновременно как собственник земли и как властный институт права.

В-четвертых, государственные земли используются только в диапазоне своего целевого назначения.

Право частной собственности на землю является одним из важнейших условий прежде всего их экономической свободы. Частная собственность на земельные участки возникает в результате предоставления земельных участков, находящихся в государственной собственности, то есть в пределах юрисдикции государства, в собственность граждан или юридических лиц. Право собственности на земельные участки, уже находящиеся в частной собственности граждан, юридических лиц Республики Беларусь, может переходить от собственника к другим лицам в результате совершения сделок по отчуждению земельных участков в соответствии со ст. 47 Кодекса Республики Беларусь о земле. Лица, которые приобрели земельный участок в частную собственность, становятся участниками не только имущественных отношений, связанных с осуществлением права собственности, но и участниками частных земельных отношений, связанных с использованием земли в целях осуществления хозяйственной деятельности в своих интересах [7].

Земли, земельные участки, не находящиеся в частной собственности граждан, негосударственных юридических лиц Республики Беларусь и в собственности иностранных государств, международных организаций, находятся в собственности государства.

Земельный участок может принадлежать на праве общей (долевой или совместной) собственности нескольким собственникам.

Земельные участки могут находиться в частной собственности граждан Республики Беларусь, негосударственных юридических лиц Республики Беларусь, собственности иностранных государств, международных организаций.

Земельные участки могут находиться в частной собственности иностранных граждан, лиц без гражданства, являющихся родственниками наследодателя, в случае получения ими по наследству земельных участков, предоставленных наследодателю в частную собственность, если иное не установлено законодательными актами.

В частной собственности граждан Республики Беларусь могут находиться земельные участки, предоставленные гражданам Республики Беларусь до вступления в силу настоящего Кодекса, земельные участки, право частной собственности на которые перешло к ним в установленном порядке, а также земельные участки, предоставленные в соответствии с частью шестой настоящей статьи.

Земельные участки могут предоставляться в частную собственность гражданам Республики Беларусь для:

- строительства и (или) обслуживания жилого дома;
- обслуживания зарегистрированной организацией по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним квартиры в блокированном жилом доме, отделенной от других квартир вертикальной стеной и расположенной непосредственно на земельном участке;
- ведения личного подсобного хозяйства в сельских населенных пунктах, поселках городского типа – зарегистрированным по месту жительства в этих населенных пунктах или в иных населенных пунктах, расположенных на территории соответствующего сельсовета;
- коллективного садоводства;
- дачного строительства (ст. 12) [7].

Негосударственным юридическим лицам Республики Беларусь земельные участки, находящиеся в государственной собственности, могут предоставляться в частную собственность по результатам аукциона либо без проведения аукциона. Без проведения аукциона земельные участки могут предоставляться негосударственным юридическим лицам Республики Беларусь в случаях, когда это допускается в соответствии с законодательными актами, а также в иных случаях, определенных Президентом Республики Беларусь. Для размещения дипломатического представительства, консульского учреждения иностранного государства в Республике Беларусь иностранное государство, а также международная организация для

размещения своего представительства могут приобрести в собственность земельный участок в порядке, установленном Президентом Республики Беларусь.

В системе государственного регулирования экономической и социальной политики исключительно важная роль принадлежит правовым методам. Ее правовое регулирование обеспечивает целенаправленное воздействие на поведение и деятельность людей, а через них – на общественные отношения. Основными элементами правовых методов являются юридические нормы, государственные предписания и акты применения права, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей.

Таким образом, конституционные установления, основополагающие нормы гражданского, земельного и иного законодательства Республики Беларусь создают необходимые предпосылки и государственно-правовую основу для гармоничного развития отношений собственности, укрепления экономики страны и улучшения качества жизни белорусского народа.

Литература

1. Гаджиев, К. А. Конституционные основы современного права собственности / К. А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 30–41.
2. Афанасьева, О. В. Конституционное право зарубежных стран: учебник для академического бакалавриата / Г. Н. Комкова, Е. В. Колесников, О. В. Афанасьева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 380 с.
3. Петров, А. П. Конституционное право: учеб. пособие / А. П. Петров. – Минск : РИВШ, 2019. – 434 с.
4. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г.: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г.: с изм. и доп. от 31.12.2021 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. Богоненко, В. А. Гражданское право: учебно-методический комплекс / В. А. Богоненко. – Минск: Экоперспектива, 2019. – 476 с.
7. О земле: Кодекс Республики Беларусь от 23 июля 2008 г., № 425-З: принят Палатой представителей 17 июня 2008 г.: одобрен Советом Республики 28 июня 2008 г.: с изм. и доп. по сост. на 24.10.2016 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
8. Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 15 июля 2010 г., № 169-З: в ред. от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН ЕВРОПЫ
В ОБЛАСТИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF EUROPEAN
COUNTRIES IN THE FIELD OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING**

Кивель Анастасия Владимировна,
младший научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований
центра государственного строительства и права,
Институт экономики НАН Беларуси
nastya.kivel@mail.com
Kivel Anastasia,
Junior Researcher of the Environmental and Legal Research Sector
of the State Building and Law Center
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
nastya.kivel@mail.com

Аннотация. В статье приведен сравнительно-правовой анализ законодательства стран Европы и ближнего зарубежья в области противодействия незаконному обороту наркотических средств. Раскрывается важность борьбы с наркотиками в аспекте экономической безопасности. Проводится деление стран на группы в зависимости от характера уголовной политики в области противодействия наркомании и наркотизму. Делается вывод о необходимости совершенствования белорусского законодательства в части незаконного оборота наркотических средств на основе опыта зарубежных государств.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, наркотики, наркомания, сравнительное уголовное право, экономическая безопасность.

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of the legislation of the countries of Europe and neighboring countries in the field of combating illicit drug trafficking. The importance of the fight against drugs in the aspect of economic security is revealed. The countries are divided into groups depending on the nature of the criminal policy in the field of combating drug addiction and drug addiction. The conclusion is made about the need to improve the Belarusian legislation in terms of illegal drug trafficking based on the experience of foreign countries.

Keywords: drug trafficking, drugs, drug addiction, comparative criminal law, economic security.

Организация объединённых наций официально назвала наркоманию одной из трех главных угроз цивилизации – наряду с ядерной войной и экологической катастрофой. Наркотики и вытекающие из них последствия воздействуют на реализацию национальных интересов в различных сферах. Наносится ущерб демографической и социальной безопасности – наркоманы становятся психически и физически неполноценными людьми, по сути, социальными трупами. Наркомания ведет к деградации и вырождению нации, нанося тяжелейший удар по генофонду нашего народа.

В рамках деятельности по контролю над наркотиками необходимо учитывать следующее:

- 1) Незаконные наркотики приносят кратковременные выгоды ограниченному кругу лиц, но в долгосрочной перспективе наносят ущерб многим;
- 2) Проблему наркотиков следует рассматривать в контексте общего экономического положения и развития страны;

3) В странах с высоким уровнем безработицы незаконное производство и оборот наркотиков открывают широкие возможности для занятости, но создают угрозу развитию человеческого капитала;

4) В краткосрочной перспективе незаконное культивирование наркосодержащих культур является экономически выгодным для мелких фермеров, однако суммарная величина этих выгод не составляет и процента общемирового торгового оборота незаконных наркотиков;

5) Обычно наблюдается обратная зависимость между незаконным производством наркотиков и экономическим ростом страны [1].

В зависимости от характера уголовной политики в области противодействия наркомафии и наркотизму можно выделить следующие группы государств.

Первая группа включает государства с мягким (либеральным) законодательством (Нидерланды, Швейцария, Испания). В этих странах, как правило, отсутствует ответственность за немедицинское употребление наркотиков, незначительные санкции предусмотрены за правонарушения, связанные с продуктами конопли (каннабиса).

Ко второй группе государств относится большинство стран, законодательство которых наиболее взвешенно и дифференцированно подходит к решению данной проблемы (Германия, Болгария, Франция, Россия, большинство стран бывшего СССР и др.).

В третью группу входят страны с жесткой политикой в сфере контроля за оборотом наркотиков и борьбы с их незаконным оборотом (США, Япония, Великобритания, Австралия).

Четвертую группу составляют государства с наиболее строгим законодательством, содержащим суровую, вплоть до пожизненного заключения и смертной казни, ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств; при этом, в ряде указанных государств смертная казнь может быть назначена даже за хранение наркотиков (Иран, Китай, Куба, Малайзия, ОАЭ, Пакистан, Саудовская Аравия, Сингапур, Сирия, Таиланд, Египет и др.).

В пятую группу можно выделить государства (прежде всего, африканские и латиноамериканские), в которых уголовное законодательство об ответственности за незаконный оборот наркотиков находится на стадии формирования (становления), а уголовная политика четко не определена. В частности, не определена ответственность за отдельные деяния, которые международно-правовые акты относят к категории уголовно наказуемых, а чрезмерно жесткая ответственность за одни деликты соседствует с крайним либерализмом по отношению к другим правонарушениям.

Наиболее многообразным подходом к ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ отличаются *страны Южной и Западной Европы*.

Подход законодателей таких стран, как Германия, Франция, Нидерланды, Испания, Италия, Греция достаточно различен по своему содержанию и проводимой политике в области незаконного оборота наркотических средств.

Так, в *Голландии* отдельные разделы уголовной ответственности регулируются особыми законами и предписаниями местных законодателей. В частности, регламентация ответственности за действия, связанные с незаконным оборотом наркотиков, содержится в Законе об опиуме 1928 года. Данный закон запрещает хранение и употребление героина, кокаина, ЛСД и амфетаминов, но разрешает употребление и хранение с этой же целью некоторых производных конопли. Небольшие порции наркотика можно беспрепятственно приобрести в специально отведенных местах – «наркокофейнях». Таким образом, Нидерланды проводят четкую границу между различными по степени воздействия на организм видами наркотических средств, основываясь на мнении об их различной степени опасности для человеческого организма [2].

Либеральным можно назвать и подход *испанского законодателя* в исследуемой области. В соответствии с Законом от 21.02.1992 хранение наркотиков для личного употребления влечет за собой только административные санкции. Количественные показатели понятия «для личного употребления» законом не определяются, и судебные власти решают этот вопрос применительно к каждому конкретному делу. Назначенные наказания варьируются в

зависимости от того, представляет ли данный наркотик серьезную угрозу здоровью или нет. В соответствии с постановлением Верховного Суда Испании, амфетамин, кокаин и героин, в отличие от каннабиса, включены в число тех веществ, которые могут представлять подобную угрозу. В Испании запрещено употребление наркотиков в общественных местах, это может повлечь за собой административное наказание. Уголовно-правовые последствия наступают лишь в том случае, если лицо будет выращивать, производить или торговать либо другим способом побудит, способствует или облегчит незаконное потребление токсических веществ, наркотиков или психотропных веществ или будет ими обладать с той же целью (ст. 368 Уголовного кодекса Испании). В данном случае предусмотрены: тюремное заключение на срок от 3 до 9 лет и штраф в размере тройной стоимости товара — предмета преступления, если речь идет о веществах или продуктах, которые причиняют тяжкий вред здоровью, и тюремное заключение на срок от 1 года до 3 лет и штраф в размере двойной стоимости предмета во всех остальных случаях [2].

В Греции хранение в целях потребления образует состав преступления, предусматривающий наказание в виде лишения свободы на срок от 10 дней до 5 лет для наркозависимых лиц, однако наркоманы не приговариваются к различным видам наказаний, направляясь на принудительное лечение» [3]. Так же, как и во Франции, В Греции уголовное законодательство предусматривает состав преступления за потребление наркотиков. Уголовное наказание за такой состав может варьироваться от 2 до 5 лет тюремного заключения.

Закон об обороте наркотических веществ от 28 июля 1981 г. действует на территории Германии в редакции от 1 марта 1994 г. Уголовный кодекс Германии не инкорпорировал эти нормы, ввиду чего по Уголовному кодексу Германии лица, виновные в преступлениях, связанных с наркотиками, могут быть привлечены к уголовной ответственности лишь в двух случаях: по § 316, когда лицо управляет транспортом в состоянии наркотического опьянения, или по § 315с – если субъект вследствие такого состояния создал угрозу безопасности дорожного движения. Во всех остальных случаях уголовная ответственность за деликты, связанные с наркотиками, наступает по нормам Закона «Об обороте наркотических веществ» (§ 29, 29а, 30, 30а, 30в) [3].

Среди стран *Северной и Восточной Европы* можно обратить внимание на законодательство следующих стран.

Уголовный кодекс *Республики Болгарии* содержит развернутую систему уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ и достаточно строгую уголовную ответственность за их совершение. Статья 354а УК Болгарии говорит о том, что тот, кто без надлежащего разрешения производит, перерабатывает, приобретает, распространяет, хранит, имеет при себе, перевозит или переносит наркотические вещества, наказывается за совершение подобного рода действий лишением свободы от 10 до 15 лет и штрафом от 10 до 100 тысяч левов. При этом УК Болгарии предусматривает и освобождение от уголовного наказания за такого рода преступления. Так, если преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ совершено лицом, которое независимо от них, но при этом, если количество приобретенных, хранимых или переносимых веществ, находящихся при задержанном, не превышает одной разовой дозы потребления наркотика, то оно освобождается от уголовного наказания [4].

В Уголовном кодексе *Дании* меры ответственности за проступки, которые связаны с незаконным оборотом наркотиков, определены в основном в 2-х статьях. Так, в соответствии с § 191 гражданин, который нарушил антинаркотическое законодательство, должен подлежать лишению свободы сроком до 6-ти лет. Если имеют место поставки наркотиков в крупных размерах, то наказание может предусматривать тюремное заключение гражданина сроком до 10-ти лет. При этом аналогичное наказание должно применяться в отношении лица, которое импортирует, экспортирует, приобретает, изготавливает, получает, производит или владеет наркотическими средствами с целью их дальнейшего сбыта. В дополнении к данному параграфу указано, что любое лицо, которое получает или обеспечивает себя или другое лицо частью прибыли

от продажи наркотика, а также получает прибыль от хранения, перевозки, оказания помощи при передаче наркотика, подлежит тюремному заключению на срок до шести лет [5].

Уголовное законодательство *Норвегии* устанавливает ответственность за производство, ввоз, получение, хранение, пересылку или перемещение веществ, которые относятся к наркотическим. Наказание за подобного рода действия установлено в виде штрафа или тюремного заключения сроком до двух лет. Наряду с тюремным заключением могут применяться и штрафы. В случае совершения преступления при наличии квалифицирующих обстоятельств к виновному применяется наказание в виде лишения свободы сроком до десяти лет. Если незаконные действия с наркотическими средствами были совершены в особо крупном размере, то виновному грозит тюремное заключение сроком до 21 года [1].

Анализ действующего законодательства европейских стран позволяет сделать вывод об отсутствии общего и единого подхода к законодательному регулированию ответственности за незаконный оборот наркотических средств. В ряде европейских государств действует относительно мягкая уголовная ответственность в рассматриваемой сфере (Испания, Швейцария, Нидерланды), в других действует относительно строгое уголовное наказание за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ (Франция, Болгария, Германия и другие).

Законодательство стран ближнего зарубежья во многом сходно с белорусским и российским законодательством, поскольку основано на положениях Модельного УК для государств – участников СНГ (1996 г.).

В УК Узбекистана преступления, которые связаны с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, определены самостоятельной главой. В УК Латвии преступления, связанные с незаконным оборотом сильнодействующих, ядовитых, наркотических и психотропных веществ, помещены в гл. XX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (ст. 250–256), в УК Азербайджана – в гл. 26 «Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ».

В УК Азербайджана незаконное приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ в количестве, превышающем необходимое для личного потребления, наказывается лишением свободы сроком до 3 лет; в целях сбыта либо сбыт – лишением свободы от 3 до 7 лет. (ст. 234 УК). В случае совершения указанных действий группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой; неоднократно либо в крупном размере – лишением свободы сроком от 5 до 12 лет. Отдельные составы преступления содержат ответственность за хищение или вымогательство наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров (ст. 235), склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 236); незаконное культивирование растений, содержащих наркотические вещества (ст. 237); незаконную выдачу либо подделку рецептов, дающих право на получение наркотических средств либо психотропных веществ (ст. 239); легализацию денежных средств, приобретенных от незаконного оборота наркотических средств либо психотропных веществ (ст. 241) [6].

Уголовным кодексом РФ незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ регулируется ст. 228–233 гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». В большинстве стран ближнего зарубежья, как и в Республике Беларусь, перечень наркотических средств закрепляется не непосредственно в Уголовном кодексе, а отдельными нормативно-правовыми актами, которыми формулируются отдельные списки наркотических средств и психотропных веществ; в ряде случаев – с их количественной оценкой [7].

В заключение отметим, что подходы современных законодателей к определению средств уголовно-правового воздействия в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ не отличаются однообразием, а порой принципиально различаются.

Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве стран ближнего зарубежья, как и в странах Европы, при установлении ответственности за действия, связанные с приобретением или хранением наркотических средств для личного потребления, широко распространенным выступает наказание в виде штрафа, что ранее имело место в том числе в ч.1 ст. 328 УК

Республики Беларусь, однако, на наш взгляд, было необоснованно исключено. Более того, в ряде исследованных стран, немедицинское потребление наркотических средств легализовано (кроме того, в таких странах, как Голландия и Швейцария в принципе легализован в целом оборот отдельных «легких» видов наркотических средств); в отдельных странах приобретение и хранение наркотических средств и психотропных веществ для личного потребления в незначительных размерах не влечет уголовной ответственности (в 2000-х годах аналогичная норма имела место и в КоАП Республики Беларусь, однако в последующем была исключена).

Мы также считаем, что применение наказания к лицу, больному наркоманией, до полного его выздоровления, в том числе одновременно с лечением, является малоэффективным, и для полного исправления виновного в преступлении в сфере незаконного оборота наркотиков необходимо прежде, чем назначать наказание, применять меры медицинского характера, направленные на излечение больного наркоманией.

Литература

1. Суходолов, А. П. Борьба с незаконным оборотом наркотиков: экономические, криминологические и социальные аспекты / А. П. Суходолов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – № 2. – С. 211–223.
2. Шалагин, А. Е. Зарубежное законодательство в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков / А. Е. Шалагин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4 (20). – С. 291–295.
3. Курченко, В. Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / В. Н. Курченко. – М. : Юр. центр «Пресс», 2003. – 427 с.
4. Шалагин, А. Е. Незаконный оборот наркотиков — угроза национальной безопасности: монография / А. Е. Шалагин. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 242 с.
5. Шалагин, А. Е. Ответственность за незаконный оборот наркотических средств в зарубежном законодательстве / А. Е. Шалагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2011. – № 3. – С. 37-43.
6. Федоров, А. В. Изменения в законодательстве об ответственности за незаконный оборот новых психоактивных веществ / А. В. Федоров // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 324–333.
7. Федоренко, Т. А. Зарубежный опыт деятельности органов по противодействию незаконному обороту наркотиков и его использование в РФ / Т. А. Федоренко // Российская юстиция. – 2012. - № 5. – С. 27–31.

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
COUNTERACTING CORRUPTION AS A FACTOR IN ENSURING ECONOMIC
SECURITY: FOREIGN EXPERIENCE**

Колесень Николай Георгиевич,
младший научный сотрудник сектора правового обеспечения экономической безопасности
центра государственного строительства и права,
Институт экономики НАН Беларуси
kolesen_nick@rambler.ru
Kolesen Nikolai,
Junior Researcher of the Legal Support of Economic Security Sector
of the State Building and Law Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
kolesen_nick@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт противодействия коррупции на примере отдельных государств с наименьшим уровнем коррупции. В частности, рассмотрен опыт противодействия коррупции в таких странах, как Финляндия и Нидерланды. Особое внимание уделено отличительным чертам каждой национальной системы противодействия коррупции. Проанализирована возможность адаптации отдельных зарубежных механизмов в отечественную модель противодействия коррупции. Исследуется индекс восприятия коррупции как универсальный инструмент определения уровня коррупции в конкретном государстве, а также сравнение данного уровня с иными странами. Сформулированы общие направления дальнейшего развития института ответственности за коррупционные преступления и правонарушения в Республике Беларусь.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, экономическая безопасность, индекс восприятия коррупции, зарубежный опыт.

Abstract. The article discusses the experience of combating corruption on the example of individual states with the lowest level of corruption. In particular, the experience of combating corruption in such countries as Finland and the Netherlands is considered. Particular attention is paid to the distinctive features of each national anti-corruption system. The possibility of adapting individual foreign mechanisms to the domestic model of combating corruption is analyzed. The corruption perception index as a universal tool for determining the level of corruption in a particular state, as well as a comparison of this level with other countries, is being studied. General directions for the further development of the institution of responsibility for corruption crimes and offenses in the Republic of Belarus are formulated.

Keywords: corruption, anti-corruption, economic security, corruption perception index, foreign experience.

Обеспечение экономической безопасности государства осуществляется по различным направлениям, среди которых особое место занимает противодействие коррупции. Практическая реализация описанных процессов является одним из приоритетных направлений деятельности государственных органов, организаций, а также представляет особый интерес для общества в целом. Реализация отдельных мероприятий в контексте рассматриваемого вопроса осуществляется на всех уровнях государственной власти и всеми ее ветвями, включая законодательную деятельность. В данном случае особую значимость представляет обеспечение функционирования грамотно выстроенной системы охранительного законодательства, а также связанных с ней правовых норм, что предполагает не только ее создание, но и постое-

янное совершенствование с учетом складывающейся ситуации как в самом государстве, так и за его пределами. Очевидно, что создание и поддержание качественно высокого уровня функционирования данной системы затруднительно без учета передового зарубежного опыта решения подобных вопросов. Указанные обстоятельства и предопределяют необходимость более детального рассмотрения настоящего вопроса.

Особое место среди уголовно-наказуемых деяний, оказывающих непосредственное влияние на обеспечение экономической безопасности государства, занимают коррупционные преступления. Коррупция проявляется в самых разнообразных деяниях должностных лиц и корреспондирующих им деяниях физических и юридических лиц, желающих получить государственные и частные услуги незаконным путем. Такое взаимодействие потенциальных субъектов приводит к формированию элитарного слоя распорядителей и потребителей на рынке коррупционных услуг и системы сетевой самозащиты элитарно-властной коррупции на уровне деятельности органов, ведущих борьбу с коррупцией. Выстраиваемая таким образом коррупция системно поддерживается и воспроизводится благодаря избыточным и неограниченным полномочиям кадрового потенциала властных структур и коррумпированной бюрократии [1].

На сегодняшний день проблема коррупции является одним из злободневных вопросов, актуальным для большинства государств. Анализ проблемы показывает, что для каждой страны присущи собственные подходы, методы, механизмы и технологии для борьбы с коррупцией. При этом существуют множество схожих элементов, обусловленных адаптацией одними государствами механизмов противодействия коррупции, которые используются в практике других государств. В этой связи существует объективная необходимость исследования зарубежного опыта противодействия коррупции.

Отметим, что оценкой уровня коррупции и эффективности противодействия ей в конкретных государствах на международном уровне занимается организация Transparency International – неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру. Transparency International ежегодно составляет Индекс восприятия коррупции (далее – ИВК). ИВК присваивает странам баллы, и ранжирует их согласно восприятию степени распространенности коррупции в государственном секторе соответствующей страны. Это составной индекс, представляющий собой комбинацию опросов и оценок коррупции, данные которых собирают различные авторитетные организации. ИВК является наиболее широко используемым показателем коррупции по всему миру. Для определения ИВК используется шкала от нуля до 100, где 0 соответствует крайне высокому уровню коррупции, а 100 – крайне низкому уровню коррупции. Рейтинг ИВК составлялся на основе таких исследований, как индекс глобальной конкурентоспособности, рейтинг стран по уровню законности, индекс правопорядка, восприятие коррупции обществом, индикаторы устойчивого управления и анализа и т. д. Данный рейтинг определяет ИВК в 180 странах [2].

Глобальный (мировой) средний показатель ИВК за 2021 год составляет 43 балла, оставаясь неизменным десятый год подряд, при этом две трети стран набирают менее 50 баллов.

Ведущими странами в ИВК являются Дания (88 баллов), Новая Зеландия (88 баллов) и Финляндия (88 баллов).

Минимальный ИВК в Сирии (13 баллов), Сомали (13 баллов) и Южный Судан (11 баллов), что обуславливается, в первую очередь, серьезными экономическими проблемами указанных государств, а также высоким уровнем преступности [3].

За последнее десятилетие 154 страны либо показали отрицательную динамику, либо не добились существенного прогресса.

ИВК Республики Беларусь по итогам 2021 года – 41 балл (82-е место в рейтинге, на одном уровне с Болгарией, Восточным Тимором, Тринидад и Тобаго (государство на Карибских островах), при этом в 2019 году ИВК Беларуси составлял 45 баллов (66-е место), а в 2020 году – 47 баллов (62-е место). В свою очередь, в период с 2019 по 2021 год уровень коррупционной преступности в Беларуси снижался, что подтверждается официальными статистическими данными: в 2020 году 684 лица осуждены за совершение преступлений кор-

рупционной направленности – на 32,1 % меньше, чем в 2019 году (1 007 лиц). В 2021 году 640 лиц осуждено за совершение преступлений коррупционной направленности – на 6,4 % меньше, чем в 2020 году. Указанные обстоятельства свидетельствуют о явной политизированности результатов данного рейтинга за 2021 год в отношении Беларуси. Вместе с тем данный рейтинг позволяет сформировать общее представление о соотношении уровня коррупции в различных государствах, что имеет значение для определения конкретных государств, опыт которых целесообразно исследовать.

Информация для справки. За 2021 год ИВК в соседних государствах составил: Российская Федерация – 29 баллов, Украина – 32 балла, Польша – 56 баллов, Литва – 61 балл, Латвия – 59 баллов. Дополнительно: в Казахстане – 35 баллов, в Китае – 45 баллов.

Из анализа рассмотренного выше рейтинга следует, что ряд скандинавских государств (Дания, Новая Зеландия и Финляндия) имеют наилучшие успехи в сфере противодействия коррупции. В этой связи особый интерес представляет исследование опыта противодействия коррупции на примере отдельно взятого государства из указанной группы. Рассмотрим антикоррупционную политику Финляндии (ИВК составляет 88 баллов, 1-е место рейтинга) [2].

Основной принцип финской антикоррупционной политики – коррупция не является изолированным феноменом. В Финляндии существует формальная антикоррупционная сеть, основанная под эгидой министерства юстиции и объединяющая не только государственные органы и органы местного самоуправления, но и частный сектор, исследовательские и негосударственные организации. Цели данной сети:

- содействие антикоррупционной деятельности и внесение соответствующих инициатив;
- повышение уровня осознания опасности коррупции обществом и установление антикоррупционных директив в государственном, муниципальном и частном секторах;
- осуществление выполнения обязательств согласно международным антикоррупционным соглашениям, а также обязательств международных организаций;
- содействие изучению и исследованию коррупции [4].

Законодательство Финляндии не содержит как непосредственной дефиниции термина «коррупция», так и отдельных законов, направленных на предотвращение коррупции. Основные положения, связанные с противодействием коррупции, содержатся в уголовном праве – это нормы о взяточничестве в государственном и частном секторах Финляндии. Другие базовые правовые нормы, имеющие отношение к коррупции, касаются легализации и правонарушений в сфере финансовой отчетности. Они также были изменены и приведены в соответствии с антикоррупционной политикой Европейского Союза.

В противодействии коррупции Финляндия активно использует международно-правовые инструменты, сотрудничает с основными организациями в этой области, приводит законодательство и правоприменительную практику в соответствие с международными нормами и стандартами.

Нидерланды относятся к числу государств со стабильно низким уровнем коррупции (ИВК 82, 8-е место; неизменно с 2017 года), что обуславливает интерес к исследованию опыта данного государства [2]. Система борьбы с коррупцией и ее предупреждения в Нидерландах включает следующие специальные меры:

1. Постоянная отчетность и гласность в вопросах выявления коррупционных правонарушений и преступлений, обсуждение последствий коррупционных действий и наказаний за их совершение. Ежегодно министр внутренних дел представляет доклад парламенту об обнаруженных фактах коррупции и принятых мерах по наказанию лиц, замешанных в коррупции.

2. Разработка системы выявления новых коррупционных рисков и контроль за лицами, деятельность которых непосредственно связана с данными рисками.

3. В наиболее значимых государственных органах, в частности, в министерствах, имеются службы внутренней безопасности, задачей которых является выявление ошибок чиновников, их намеренных или случайных нарушений действующих правил и последствий этих действий.

4. Организована система подбора лиц на должности, предполагающие коррупционные риски.

5. Все материалы, связанные с коррупционными действиями, если они не затрагивают систему национальной безопасности, в обязательном порядке обнародуются.

6. Значимую роль в борьбе с коррупцией имеют средства массовой информации, которые обнародуют случаи коррупции и проводят собственные расследования.

7. Предусмотрена ответственность юридических лиц за совершение коррупционных преступлений [5]. Полагаем, что данный тезис целесообразно прокомментировать применительно к отечественной правоприменительной практике. В настоящее время существуют дискуссии на предмет возможности и целесообразности установления уголовной ответственности юридических лиц за совершение отдельных коррупционных преступлений. Отметим, что в Республике Беларусь в 2021 году вступила в силу новая редакция Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП), предусматривающая ответственность за дачу незаконного вознаграждения должностному лицу от имени или в интересах юридического лица (ст. 24.59 КоАП) [6]. Представляется, что данная мера рациональна и оправдана, поскольку ее внедрение способствует противодействию коррупции со стороны юридических лиц, при этом не возникла необходимость изменения основ уголовного законодательства (в частности, введение в уголовное законодательство понятия «ответственность юридического лица»). Вместе с тем очевидно, что данная норма не в полной мере «снимает» вопрос ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения, что предопределяет необходимость дальнейшей научной разработки описываемого вопроса, в том числе, с учетом зарубежного опыта.

Таким образом, проведенное изучение зарубежного опыта показало, что универсальных методов противодействия коррупции не существует, поэтому каждое государство, исходя из своих внутренних реалий, формирует уникальную систему антикоррупционных мер. При этом очевидно, что формирование такой государственной системы затруднительно без внедрения отдельных механизмов (или их элементов), успешно используемых в зарубежной практике. Успешный антикоррупционный опыт отдельных государств показывает, в каких условиях меры противодействия коррупции становятся более эффективными. Учет зарубежного опыта позволяет применять меры, которые способны существенно снизить уровень коррупции в различных сферах деятельности государства и общества.

Отдельно отметим, что в настоящее время в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь готовится законопроект «Об изменении законов по вопросам борьбы с коррупцией», работа над которым осуществляется с учетом передового зарубежного опыта противодействия коррупции, предполагающего доработку норм об ответственности за коррупционные преступления с учетом требований ратифицированных Республикой Беларусь международных договоров в области борьбы с коррупцией при условии обеспечения необходимой определенности правовых предписаний, полноты правового регулирования, а также возможности обеспечения стандартов в области правосудия, прежде всего направленных на реализацию права на защиту. Помимо указанных обстоятельств законопроектом исключаются некоторые оценочные понятия (например, «сувенир»), а также раскрывается ряд терминов – протокольные и иные официальные мероприятия, а также организационно-распорядительные и административно-хозяйственные обязанности, что имеет значение при определении субъекта коррупционного правонарушения и привлечения лица к ответственности.

На основе рассмотренного зарубежного опыта противодействия коррупции, представляется целесообразным предложить следующие общие направления дальнейшего развития института ответственности за коррупционные преступления и правонарушения в Республике Беларусь:

– в контексте осуществляемого внешнего санкционного давления на Республику Беларусь, с целью обеспечения экономической безопасности государства, особую значимость представляет дальнейшая разработка вопроса ответственности юридических лиц за коррупцию, предполагающая, помимо прочего, обеспечение наличия эффективных, пропорциональных и сдерживающих санкций, включая финансовые санкции;

– целесообразно проводить дальнейшую работу, направленную на минимизацию неоднозначных формулировок при описании признаков коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции.

Литература

1. Проект Модели Стратегии борьбы с коррупцией на 2021–2030 годы, разработанный НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь // Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 сент. 2020 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.). [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – С. 184–195.

2. Официальный сайт организации Transparency international [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://transparency.org.ru/>. – Дата доступа: 29.08.2022.

3. Индекс восприятия коррупции за 2021 г. свидетельствует о десятилетней стагнации уровня коррупции на фоне нарушений прав человека и укладка демократии: официальный сайт организации Transparency international [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.transparency.org/ru/press/2021-corruption-perceptions-index-press-release>. – Дата доступа: 28.08.2022.

4. Кузнецова, О.А. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией: проблемы и эффективность [Электронный ресурс] / О.А. Кузнецова // Интернет-журнал «Киберленинка». – М., 2022. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-borby-s-korrupsiey-problemy-i-effektivnost/viewer>. – Дата доступа: 28.08.2022.

5. Иностраный опыт борьбы с коррупцией и повышение антикоррупционного правосознания граждан: официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstvie-korrupcii/inostrannyj-opyt-borby-s-korrupciej/#section-862>. – Дата доступа: 30.08.2022.

6. Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 6 янв. 2021 г., № 91-3 : с измен. и доп. от 4 янв. 2022 г., № 144-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
LEGAL FORMS OF PUBLIC PARTICIPATION IN PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL RELATIONS AS A FACTOR OF ACHIEVING THE GOALS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Курилович Мария Петровна,
младший научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований
центра государственного строительства и права,
Институт экономики НАН Беларуси
glushakova.maria@mail.ru
Kurylovich Maryia,
Junior Researcher of the Environmental and Legal Research Sector
of the State Building and Law Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
glushakova.maria@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается необходимость формирования эффективного механизма привлечения заинтересованной общественности (в виде некоммерческих организаций, объединений граждан в легализованных государством формах, международных организаций, ученых и т.д.) во взаимодействие с государством и бизнесом в Республике Беларусь для обеспечения экологической безопасности. Так, участие общественности в партнерстве будет способствовать включению бизнеса в природоохранную деятельность, повысит уровень заинтересованности субъектов в снижении вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. Отмечается важность учета мнения общественности бизнесом при реализации проектов публично-частного партнерства. Для чего автором предлагаются возможные формы участия общественности в публично-частном партнерстве в сфере экологических отношений, которые будут способствовать реализации прав граждан на участие в принятии экологически значимых решений.

Ключевые слова: охрана окружающей среды; публично-частное партнерство; заинтересованная общественность, механизмы охраны окружающей среды.

Abstract. The article notes the need to form an effective mechanism for interaction between the state, business and the public concerned in the Republic of Belarus to ensure environmental safety. Public participation in the partnership will contribute to the involvement of business in environmental activities, increase the level of interest of the subjects in reducing the harmful effects of economic and other activities on the environment. The author concludes that it is important for businesses to take public opinion into account in public-private partnership projects. The author proposes possible forms of public participation in public-private partnership in the field of environmental relations, which will contribute to the realization of the rights of citizens to participate in the adoption of environmentally significant decisions.

Keywords: environmental protection; public private partnership; public participation; environmental protection mechanisms.

При взаимодействии государства и бизнеса в экологических отношениях в рамках публично-частного партнерства может наблюдаться разнообразие сфер и форм такого партнерства. При этом вопросы участия общественности в публично-частном партнерстве в экологических отношениях не теряют своей актуальности, а в свете выхода Республики Беларусь из Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия реше-

ний и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусской конвенции) 1998 г., после принятия Указа Президента Республики Беларусь «О выходе Республики Беларусь из международного договора» от 18.07.2022 № 247 актуальность данного вопроса только возрастает. Несмотря на это событие, законодательство Республики Беларусь сформировано в соответствии с международными нормами и содержит положения, наделяющие общественность правом участия в принятии экологически значимых решений. Так, участие общественности в охране окружающей среды закреплено головным природоохранным актом – Законом Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26.11.1992 № 1982-ХП (ред. от 04.01.2022) (далее – Закон об охране окружающей среды) (ст. 12-15-2), положения которого получили развитие в ряде подзаконных правовых актов. Кроме того, в настоящий момент на согласовании у Президента Республики Беларусь находится проект Закона Республики Беларусь «О гражданском обществе» [1]. Президент неоднократно в своей речи отмечал, что «гражданское общество должно быть партнером государству, а не оппозицией» [2]. Полагаем, что задача государства состоит в том, чтобы сформировать эффективный механизм взаимодействия государства, бизнеса и заинтересованной общественности (в виде некоммерческих организаций, объединений граждан в легализованных государством формах, международных организаций, ученых и т.д.) для обеспечения экологической безопасности. Участие общественности в партнерстве в качестве самостоятельного субъекта будет способствовать включению бизнеса в природоохранную деятельность, повысит уровень заинтересованности субъектов в снижении вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. При этом публично-частное партнерство как механизм охраны окружающей среды при должной правовой регламентации, способно обеспечить доступ к природным ресурсам, облегчить процедуры оформления аренды, права пользования, собственности на ресурсы; позволит занять более устойчивое положение частному партнеру на рынке и снизить политические риски для бизнеса. Ниже выделим возможные формы участия общественности в публично-частном партнерстве в экологических отношениях.

Понятие «форма» в толковом словаре русского языка определено как «способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением»; а «содержание» как «единство всех основных элементов целого, его свойств и связей, существующее и выражаемое в форме и неотделимое от нее» [3]. Наиболее часто классификация форм публично-частного партнерства основывается на зарубежном опыте деления договоров в зависимости от их условий, предусматривающих возложение на инвестора совершение определенных действий, в соответствии с которыми принято различать и формы соглашений о партнерстве [4; 5]. Выделяют данные формы на основе базовых моделей сотрудничества государства и частного сектора [6]. Большинство авторов относят к формам ПЧП только договоры, контракты, концессионные соглашения о взаимодействии бизнеса и государства в тех сферах, за которые государство традиционно несет ответственность (например, М. Дерябина [7], М. Клинова [8], Е. А. Махортов [9]). Н. Е. Саванкова выделяет два больших подвида партнерства: договорного характера и партнерства институционального характера [10]. К. И. Колесникова считает, что формы, в которых реализуется партнерство, отличаются друг от друга степенью ответственности, которую государство или субъекты экономической деятельности берут на себя [11].

Исходя из анализа норм Закона «Об охране окружающей среды» предположим, что основные механизмы, которые могут стать формами участия общественности в публично-частном партнерстве в экологических отношениях в Республике Беларусь являются: экологическая экспертиза; деятельность общественных экологов; участие общественности в разработке нормативных правовых актов; общественные обсуждения отчета об оценке воздействия на окружающую среду; участие в координационном совете по управлению биосферным резерватом; также можно выделить такую форму участия общественности в партнерстве в сфере охраны водных ресурсов, как участие в бассейновых советах. Необходимо заключить, что, несмотря на закрепление данных природоохранных форм в законодательстве Республики Беларусь и наделение граждан Республики Беларусь правом на участие в мероприя-

тиях по охране окружающей среды, данные механизмы не реализуются на практике. Мы же предлагаем распространить государственно-частное партнерство в Республике Беларусь на область охраны окружающей среды и приобщить общественность к такому партнерству, то есть закрепить партнерство в области охраны окружающей среды в виде публично-частного партнерства. Кратко раскроем вышеназванные формы.

Активизация участия общественных институтов в охране окружающей среды возможна через проведение экологической экспертизы [12]. В этом ключе выделим *общественную экологическую экспертизу*. Данный вид экспертизы не закреплен в Законе Республики Беларусь «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду» от 18 июля 2016 г. № 399-З (далее – Закон об экологической экспертизе), а регламентируется статьей 61 Закона об охране окружающей среды и Положением о порядке проведения общественной экологической экспертизы, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.10.2010 № 1592. Закон закрепляет право граждан самостоятельно или в составе общественных объединений, за счет личных средств, проводить общественные экологические экспертизы, результаты которых носят рекомендательный характер. Закрепление экологической экспертизы в качестве формы публично-частного партнерства позволит возложить на бизнес часть рисков и будет содействовать эффективному взаимодействию государства и общественных организаций. Полезность общественной экологической экспертизы, как одной из форм публично-частного партнерства может выражаться в увеличении эффективности применения данного механизма на практике, проведению ее как полноценного этапа планирования определенного проекта за счет государственного и частного партнеров с включением общественности как равноправного партнера публично-частного партнерства, содействие более качественному выполнению государственной экологической экспертизы.

Деятельность общественных экологов. Законодательство определяет такую деятельность через «<...> добровольное, безвозмездное содействие в осуществлении деятельности по охране окружающей среды <...>». Круг вопросов, в решении которых общественные экологи могут участвовать, невелик (см. ст. 15-1 Закона об охране окружающей среды), их заключения носят рекомендательный характер. Деятельность общественных экологов полностью регулируется Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды (п. 4 Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20 июня 2013 г. № 504 «О некоторых вопросах охраны окружающей среды и природопользования»). Предполагается необходимость большей самостоятельности общественных экологов, а также их участие в партнерстве в качестве независимых экспертов со стороны заинтересованной общественности, например, в форме общественных инспекторов, с возможностью предоставления заключения такими лицами.

Бассейновые советы. Согласно Водному кодексу Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З бассейновые советы создаются для дачи заключения рекомендательного характера и учета при вынесении решения соответствующими органами (местные исполнительные и распорядительные органы, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь). В состав бассейновых советов включаются представители государственных органов, водопользователей, а также общественных объединений и научных организаций (ст. 19). Так, мы можем рассматривать их как одну из возможных форм реализации публично-частного партнерства в области охраны окружающей среды.

Участие общественности в разработке нормативных правовых актов. Закон Республики Беларусь об охране окружающей среды закрепляет такую форму участия общественности в принятии экологически значимых решений, как общественные обсуждения проектов экологически значимых решений, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду (ст. 15-2; ст. 58 Закона об экологической экспертизе; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 июня 2016 г. № 458). Поступившие замечания и предложения рассматриваются при доработке соответствующих проектов решений. Предлагается использовать данную форму применительно к публично-частному партнерству в области экологических отношений, то есть в специфических проектах. Общественность также имеет право

принимать участие в публичных обсуждениях проектов нормативных правовых актов, в том числе и тех, которые прямо или косвенно оказывают влияние на экологическую ситуацию в стране. Отдельно мы можем говорить об *участии общественности в планировании, реализации и эксплуатации проекта партнерства в экологической сфере как самостоятельного третьего партнера*. Именно поэтому мы настаиваем на употреблении термина «публично-частное партнерство», когда говорим об отношениях в экологической сфере.

Участие общественности в координационном совете по управлению биосферным резерватом. В силу экологической значимости биосферных резерватов вопросы их создания и управления ими имеют особую значимость. В соответствии со ст. 63-3 Закона об охране окружающей среды для управления биосферным резерватом создается координационный совет, предлагаем использовать биорезерват как форму публично-частного партнерства с участием заинтересованной общественности в виде включения ее в координационные советы.

Благоприятным фактором развития публично-частного партнерства может быть территориальное стратегическое планирование: вовлечение в процесс реализации Стратегии частных партнеров на условиях взаимовыгодного сотрудничества в сферах, где это может принести положительный эффект. Так, оно обеспечивает прозрачный и открытый процесс формирования политики местного развития, позволяет учесть точки зрения различных групп общества, соответственно, привлечь дополнительные ресурсы для развития и реализации общественно значимых проектов. Тем самым, стратегическое планирование способствует возникновению совместных проектов частного и общественного секторов и успешности их реализации.

Сегодня мы можем говорить о важности учета мнения общественности бизнесом при реализации проектов публично-частного партнерства, государство же должно взять на себя роль посредника, связующего звена в подобных отношениях. Формами участия общественности в публично-частном партнерстве в экологических отношениях могут стать: общественная экологическая экспертиза; деятельность общественных экологов; участие общественности в разработке нормативных правовых актов; общественные обсуждения отчета об оценке воздействия на окружающую среду; участие общественности в планировании, реализации и эксплуатации проекта партнерства в экологической сфере как самостоятельного третьего партнера, участие в бассейновых советах, а также участие в координационном совете по управлению биосферным резерватом.

Литература

1. Законопроекты о гражданском обществе, деятельности политических партий и общественных объединений обсудили на совещании у Президента [Электронный ресурс] // Официальный сайт профсоюзов Беларуси. – Режим доступа: <https://1prof.by/news/v-strane/zakonoproekty-o-grazhdanskom-obshhestvedeyatelnosti-politicheskikh-partij-i-obshhestvennyh-obedinenij-obsuzhdayut-na-soveshhanii-u-prezidenta/>. – Дата доступа: 07.09.2022.
2. Лукашенко, А. Г. Закон о гражданском обществе надо выстроить так, как это надо в Беларуси [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный новостной портал БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-zakon-o-grazhdanskom-obschestve-nado-vystroit-tak-kak-eto-nado-v-belarusi-507202-2022/>. – Дата доступа: 07.09.2022.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34006>. – Дата доступа: 02.08.2022.
4. Рожкова, С. А. Использование мирового опыта государственно-частного партнерства в России / С. А. Рожкова // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. – 2008. – № 2. – С. 104–111.
5. Игнатюк, Н. А. Государственно-частное партнерство / Н. А. Игнатюк. – М.: Юстицинформ, 2012. – 490 с.
6. Шарингер, Л. Новая модель инвестиционного партнерства государства и частного сектора / Л. Шарингер // Мир перемен. – 2004. – № 2. – С. 8–22.

7. Дерябина, М. Государственно-частное партнерство: теория и практика / М. Дерябина // Вопросы экономики. – 2008. – № 8. – С. 64–78.
8. Клинова, М. Глобализация и инфраструктура: новые тенденции во взаимоотношениях государства и бизнеса / М. Клинова // Вопросы экономики. – 2008. – № 8. – С. 78–90.
9. Махортов, Е. А. Государственно-частное партнерство как форма отношений власти и бизнеса в России / Е. А. Махортов // Вестник Московского ун-та. – Серия 12. Политические науки. – 2007. – № 6. – С. 41–51.
10. Саванкова, Н. Е. Реализация проектов государственно-частного партнерства: зарубежный опыт и российская практика: дисс. канд. экон. наук: 08.00.14 / Н. Е. Саванкова. – [Электрон. ресурс]. – Москва, 2009. – 175 л.
11. Колесникова, К. И. Частно-государственное партнерство: опыт зарубежных стран и перспективы для России / К. И. Колесникова // Научный вестник Уральской академии государственной службы. – 2008. – № 3 (4). – С. 112–115. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=14982250>. – Дата доступа: 01.02.2022.
12. Велиева, Д. С. Социальное партнерство: новые подходы к решению экологических проблем / Д. С. Велиева, М. В. Пресняков // Экологическое право. – 2008. – № 6. – С. 19–24.

УДК 349

**ВЛИЯНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРАВОТВОРЧЕСТВО
В СФЕРЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ
THE IMPACT OF UNIVERSAL DIGITALIZATION ON LAWMAKING
IN THE FIELD OF PERSONAL DATA**

Сапронов Дмитрий Юрьевич,
аспирант Московского городского педагогического Университета
braingeek@mail.ru
Sapronov Dmitry,
graduate student Moscow City Pedagogical University
braingeek@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено влияние широкого распространения использования цифровых технологий в контексте усложнения правотворческой деятельности в сфере регулирования оборота персональных данных. Использование цифровых сервисов поставило перед законодателями множество новых сложных задач, связанных как с адаптацией имеющихся правовых норм в этой области, так и с формулированием новых правовых дефиниций, а также норм, которые будут регулировать новые правовые отношения. В числе стран, которые приняли новые законы в рассматриваемой области, рассмотрен опыт ЕС, Китая, и США. Выявлены общие закономерности, а также отличия. Подробно рассмотрен GDPR, проанализированы принципы, используемые в общеевропейском законодательстве, а также санкции, применяемые к нарушителям. Из опыта Соединённых Штатов рассмотрен принятый закон о защите персональных данных в Калифорнии, проанализированы его отличия от GDPR и правовые инновации, используемые в нём. Также проанализировано законодательство КНР, выявлены нестандартные правовые конструкции и механизмы. Резюмируя, можно сказать, что всеобщая цифровизация стала причиной трансформации законодательства в области защиты персональных данных во многих странах, которая ещё не закончена, а только набирает обороты.

Ключевые слова: цифровизация, персональные данные, правотворчество, защита приватности, информационная безопасность.

Abstract. The article examines the impact of the widespread use of digital technologies in the summary of the complication of law-making activities in the field of regulating the turnover of personal data. The use of digital services has presented legislators with many new complex tasks related both to the adaptation of existing legal norms in this area, and to the formulation of new legal definitions, as well as norms that will regulate new legal relations. Among the countries that have adopted new laws in this area, the experience of the EU, China, and the USA is considered. Common patterns, as well as differences, are revealed. The GDPR is considered in detail, the principles used in the pan-European legislation are analyzed, as well as the sanctions applied to violators. From the experience of the United States, the adopted law on the protection of personal data in California is reviewed, its differences from the GDPR and the legal innovations used in it are analyzed. The legislation of the People's Republic of China has also been analyzed, non-standard legal structures and mechanisms have been identified. Summarizing, we can say that universal digitalization has caused the transformation of legislation in the field of personal data protection in many countries, which is not yet finished, but is only gaining momentum.

Keywords: digitalization, personal data, law-making, privacy protection, information security.

Трансформация экономики под влиянием распространения всеобщей цифровизации не только позволяет обеспечить новый импульс для развития множества различных отраслей, но и приводит к усложнению общественных отношений, которые связаны с использованием тех или иных автоматизированных информационных технологий. Часть отношений из реального пространства переместилась в виртуальное, общественные отношения перестали ограничиваться только реальным пространством, они стали как бы «многомерными». Это усложнение привело к тому, что формулировать нормы права юристам стало значительно труднее, помимо этого, часть законодательства в связи с изменением структуры отношений, стала требовать совершенствования. Особенно законодательство, связанное с оборотом персональных данных. Также перед юристами возникла задача, связанная с разработкой правовых норм, в особенности, понятийного аппарата, относящегося к автоматизированной обработке персональных данных и новой технологии BIGDATA.

Вопрос совершенствования правовых понятий, связанных с персональными данными, является одним из ключевых в условиях реализации национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», по причине того, что в связи с «цифровизацией» различных форм экономической деятельности, в значительной степени увеличился объём автоматизированной обработки персональных данных из-за увеличения потребности в идентификации личности в виртуальном пространстве. Кроме совершенствования правовых понятий, связанных с персональными данными в связи увеличением объёма обезличенных данных, перед юристами возникла задача, связанная с разработкой законодательства, а в особенности правовых понятий и их юридического толкования, связанного с технологией Больших данных.

Реализация национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» требует совершенствования не только понятийного аппарата в законодательстве, которое связано с регулированием использования различных автоматизированных информационных технологий, но и системы подготовки юридических кадров. Необходимость в этом продиктована новыми требованиями, которые действительность предъявляет к юридическим кадрам. Они включают в себя необходимость понимания юристами на базовом уровне того, как работают информационные системы и что из себя представляют сквозные технологии, на которых базируется реализация национального проекта «цифровой» трансформации экономики страны. Эти навыки необходимы юристам, в связи с тем, что общественные отношения получили «цифровое» измерение и стали многомерными, что затрудняет их базовое понимание без определённых специальных знаний. Таким образом вместе с экономикой происходит трансформация не только общественных отношений, но и изменению подвергается и профессия юриста. Это не значит, что юрист должен разбираться в информационно-коммуникационных технологиях на том же уровне, что и специалист в этой области, но он

должен понимать изменившиеся общественные отношения на достаточном уровне для максимально эффективного их юридического сопровождения.

Проведя анализ различных нормативных актов в зарубежных странах, затрагивающих эту сферу, можно обнаружить, что, например, в ЕС, США и Китае недавно были приняты законы, которые по-новому регулируют сферу оборота персональных данных, причиной этого послужило не в последнюю очередь глобальная цифровизация.

С течением времени имеющееся общеевропейское законодательство перестало в полной мере охватывать все процессы, связанные с автоматизированной обработкой персональных данных, в 2016 году был принят и вступил в силу в мае 2018 года «Общий регламент защиты персональных данных» (GDPR). Основные цели принятия GDPR – обеспечение возможности граждан контролировать обработку своих персональных данных и унификация нормативной базы для международных экономических отношений. Основными принципами GDPR выступают:

«1) Законность, справедливость и прозрачность. Персональные данные должны обрабатываться законно, справедливо и прозрачно. Любую информацию о целях, методах и объемах обработки персональных данных следует излагать максимально доступно и просто.

2) Ограничение цели. Данные должны собираться и использоваться исключительно в тех целях, которые заявлены компанией (онлайн-сервисом).

3) Минимизация данных. Нельзя собирать личные данные в большем объеме, чем это необходимо для целей обработки.

4) Точность. Личные данные, которые являются неточными, должны быть удалены или исправлены (по требованию пользователя).

5) Ограничение хранения. Личные данные должны храниться в форме, которая позволяет идентифицировать субъекты данных на срок не более, чем это необходимо для целей обработки.

6) Целостность и конфиденциальность. При обработке данных пользователей компании обязаны обеспечить защиту персональных данных от несанкционированной или незаконной обработки, уничтожения и повреждения» [2].

Нарушение правил GDPR жёстко карается денежным штрафом в размере 4 % от годового оборота компании или суммой до 20 000 000 евро. К примеру, ряд новостных сайтов в США вынужден ограничить доступ к своим сайтам пользователям из ЕС, кроме этого, ряд других сервисов вынужден закрыться [2] по причине невозможности выполнить нормы GDPR. Важными правовыми инструментами, которыми могут воспользоваться физические лица, являются право на забвение и право на переносимость данных.

Принципы GDPR представляют собой результат эволюции правотворческой мысли в области регулирования персональных данных. GDPR – это важнейший документ, принятие которого повысило уровень защиты прав граждан ЕС в вопросе обработки персональных данных. Нормы регламента сформулированы так, что они дают чёткую последовательность правил, которыми должны руководствоваться операторы персональных данных, обрабатывающие информацию о гражданах ЕС. Важная особенность GDPR заключается в том, что под его действие попадают любые организации, которые обрабатывают персональные данные граждан Европейского союза, даже если сервис, предоставляемый этими компаниями, находится за пределами ЕС.

В Китае первый общегосударственный Закон о кибербезопасности, регулирующий отношения, связанные с персональными данными, принят в 2017 году. До этого действовали десятки норм в разных отраслях. В соответствии с принятым документом вводится градация для информационных систем по степени влияния на безопасность государства, всего таких уровней пять [3]. К первым двум уровням относятся информационные системы, не оказывающие влияния на национальную безопасность. Принадлежность компьютерных систем к третьему и последующим уровням обязывает компании-владельцы один раз в два года проходить аудит у одного из агентств-подрядчиков и отчитываться перед Бюро общественной безопасности. Такая градация позволяет более полно регулировать функционирование ин-

формационных систем, хранящих и обрабатывающих важную для государства информацию. Полнота регулирования достигается за счёт дифференциации требований функционирования к разным классам систем, такой подход позволит избежать ситуации, когда эти требования функционирования избыточны или, в случае больших, сложных и важных для государственной безопасности систем, недостаточны. Следствием обязательности периодического аудита у проверенных подрядчиков и предоставления результатов проверки в соответствующий государственный орган может являться актуализация базы критически важных информационных систем, а также их состояния и соответствия требованиям, предъявляемым к данному классу систем.

Ещё одной важной нормой принятого в КНР закона является регулирование трансграничной передачи информации, по этой причине многие транснациональные компании вынуждены перенести хранение информации о китайских пользователях своих сервисов в дата-центры, расположенные на территории Китая. Таким образом, правительство КНР пошло по пути централизации регулирования отношений, связанных с персональными данными, однако дифференцированный подход к системам обработки персональных данных позволяет более полно урегулировать обработку персональной информации о гражданах.

Основная часть нормативных актов по защите персональных данных в США принималась по мере того, как информационно-коммуникационные технологии расширяли своё использование в тех или иных секторах экономики. Тот факт, что обработка персональных данных регулируется не одним, а несколькими нормативными актами для каждой сферы применения своим, возможно, позволяет более полно урегулировать общественные отношения. Поскольку в каждой области есть своя специфика работы с персональными данными, и использование единых требований к защите такой информации может не учитывать каких-то особенностей конкретной отрасли. В результате возможны случаи как избыточного регулирования, так и ситуации, когда отношения, связанные с персональными данными в какой-то отрасли, будут отрегулированы нормами права не полностью. Некоторое время назад в Калифорнии был принят новый закон, регулирующий защиту персональных данных. «Закон Калифорнии о защите персональных данных потребителей (ССРА) – первый комплексный закон о конфиденциальности в США. Он принят в конце июня 2018 г. и предоставляет различные права на конфиденциальность потребителям Калифорнии. Предприятия, регулируемые ССРА, будут иметь ряд обязательств перед этими потребителями, включая раскрытие информации, общие права на защиту данных (GDPR)-like для потребителей, «отказ» для определенных передачи данных и «отказ» для несовершеннолетних.

Закон ССРА применим только к компаниям, которые ведут коммерческую деятельность в Калифорнии, если для этих компаний ежегодно выполняется одно или несколько из следующих условий: (1) валовой доход компании составляет свыше 25 млн долларов США; (2) не менее 50 % годового дохода компании получено от продажи личных сведений потребителей; (3) компания покупает, продает или предоставляет доступ к личным сведениям более 50 000 потребителей [4].

Таким образом стоит отметить, что ССРА в некоторой степени повторяет GDPR, имеются и важные отличия, например, в соответствии с этим законом компании вправе поощрять тех пользователей, которые решили передать им свои персональные данные, различными бонусами. Этот механизм является своего рода новацией в области регулирования оборота персональных данных. И в будущем может привести к тому, что персональные данные будут в той или иной форме покупаться операторами у физических лиц. Кроме этого, интерес представляет тот факт, что сервис не имеет права дискриминировать тех пользователей, которые не хотят передавать свои данные, им обязаны предоставить заявленные сервисом услуги или товары.

Анализируя зарубежный опыт правового регулирования автоматизированного хранения и обработки персональных данных, можно сделать вывод о том, что развитие цифровых сервисов привело к изменению общественных отношений и поставило перед законодателями новые задачи. Эти задачи усложняются тем, что для их решения требуется в числе прочих,

техническая экспертиза создаваемых нормативных актов с целью увеличения полноты регулирования. Со сменой этапов развития информационно-коммуникационных технологий подвергались изменениям и нормы права, регулирующие соответствующие отношения. В Германии, а позднее в Европейском союзе и Китае это породило централизованную модель регулирования, в США же и ряде других стран, прижилась децентрализованная модель законодательства по защите персональных данных. Централизованная модель регулирования персональных данных подразумевает, что регулирование хранения, обработки и использования персональных физических лиц основано на единых подходах, которые закреплены в одном общегосударственном нормативном акте, и контролируется одним контрольным органом. Для децентрализованной системы характерно наличие отраслевых нормативных актов и отсутствие единых подходов к регулированию использования персональных данных, а также отсутствие единого контрольного органа. Частным случаем является смешанная система регулирования использования персональных данных, для неё характерно наличие одного или нескольких признаков централизованной или децентрализованной систем.

Таким образом, развитие информационно-коммуникационных технологий привело к их проникновению во все сферы общественной жизни. Правительства многих стран задумались о необходимости системного подхода к трансформации национальных экономик под влиянием широкого распространения автоматизированных информационных технологий. В результате появились национальные программы “цифровизации” в контексте которых во многих странах были приняты новые или пересмотрены существующие законы, которые регулируют защиту персональных данных и их автоматизированную обработку.

Литература

1. GDPR – новые правила обработки персональных данных в Европе для международного IT-рынка. Хабр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/digitalrightscenter/blog/344064/>. – Дата доступа: 10.09.2022.
2. Жертвы GDPR: кто уже прекратил работу из-за нового регулирования персональных данных ХАБР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/en/company/it-grad/blog/418501>. – Дата доступа: 10.09.2022.
3. China passes new cybersecurity law. Covington & Burling LLC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cov.com/-/media/files/corporate/publications/2016/11/china_passes_new_cybersecurity_law.pdf. – Дата доступа: 10.09.2022.
4. Закон Калифорнии о защите персональных данных потребителей (CCPA). Microsoft technet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://learn.microsoft.com/ru-ru/compliance/regulatory/ccpa-faq>. – Дата доступа: 10.09.2022.

**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ КОНТРСАНКЦИОННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН НА ПРИМЕРЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРГ
SPECIFIC FEATURES OF THE COUNTER-SANCTIONS LEGISLATION
OF EUROPEAN COUNTRIES ON THE EXAMPLE
OF GREAT BRITAIN AND GERMANY**

Сулейков Андрей Александрович,
младший научный сотрудник сектора правового обеспечения
социально-экономического развития
центра государственного строительства и права,
Институт экономики НАН Беларуси
suleykov@bk.ru

Сибирская Альбина Васильевна,
старший научный сотрудник сектора международной экономической интеграции
центра мировой экономики,
Институт экономики НАН Беларуси
kordik2004@mail.ru

Suleikau Andrei,
Junior Researcher of the Legal Support for Socio-Economic Development Sector
of the State Building and Law Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
suleykov@bk.ru

Sibirskaya Albina,
Senior Researcher of the International Economic Integration Sector
of the World Economy Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
kordik2004@mail.ru

Аннотация. Экономическая безопасность представляет собой неотъемлемую часть национальной безопасности любого современного государства. Такое положение дел обусловлено спецификой экономики как сферы общественной жизни. Экономика представляет собой хозяйственную деятельность общества, а также отношения социальных субъектов по производству, распределению, обмену и потреблению благ. Именно экономическая деятельность во многом определяет стабильность и устойчивость развития общества, обеспечивая материальную основу его существования и деятельности. Это все обуславливает необходимость в современных условиях применения некоторыми странами контрсанкционного законодательства.

Главной целью контрсанкционного законодательства является воздействие на принятие руководством «страны-адресата» управленческих решений. То есть, подобные меры означают попытку ограничить и/или повлиять на суверенитет другого государства. Таким образом, вопрос обеспечения безопасности национальной экономики означает и предопределяет вопрос сохранения государственного суверенитета.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, контрсанкционное законодательство, санкции, Европейский союз, европейская интеграция.

Abstract. Economic security is an integral part of the national security of any modern State. This state of affairs is due to the specifics of the economy as a sphere of public life. The economy is the economic activity of society, as well as the relations of social actors in the production, distribution, exchange and consumption of goods. It is economic activity that largely determines the stability and sustainability of the development of society, providing the material basis for its existence

and activity. All this makes it necessary in modern conditions for some countries to apply counter-sanctions legislation. The main purpose of the counter-sanction legislation is to influence the decision-making by the leadership of the "addressee country" of management decisions. That is, such measures mean an attempt to limit and/or influence the sovereignty of another state. Thus, the issue of ensuring the security of the national economy means and determines the issue of preserving state sovereignty.

Keywords: national security, economic security, counter-sanctions legislation, sanctions, European Union, European integration.

В целом, система контрсанкционного законодательства ряда стран включает в себя несколько уровней:

1. Программные и стратегические акты, содержащие в себе некоторые положения касательно политики экономической безопасности;
2. Основополагающие акты контрсанкционного законодательства, закрепляющие наиболее значимые принципы государственной политики в этой области;
3. Акты отраслевого законодательства, подзаконные акты, служащие непосредственной реализации установленных принципов и применению обозначенных мер.

Специфика европейских стран во многом заключается в том, что на их законодательство в значительной степени влияет (или до недавнего времени влияло) право ЕС. В этом контексте наиболее любопытными объектами для анализа представляются ФРГ (как ведущая экономика Союза) и Великобритания (покинувшая Евросоюз в 2020 году).

Ключевым программным актом, формирующим основы британского контрсанкционного законодательства, является Стратегия национальной безопасности Соединенного Королевства. Этот документ в исчерпывающем виде описывает вероятные угрозы, перспективы и цели национальной экономики. Согласно авторам Стратегии, политика национальной безопасности во многом подчиняется экономическим интересам государства, а в качестве одной из гарантий успешного развития экономической системы указывается устойчивое функционирование оборонно-промышленного комплекса. Сама экономика частично выступает инструментом политики, но главной целью внешнеполитической деятельности выступает обеспечение динамичного развития экономики. Так, вступлением к тексту Стратегии 2015 года служит пункт следующего содержания: «Наша национальная безопасность зависит от нашей экономической безопасности, и наоборот. Таким образом, первым шагом нашей стратегии национальной безопасности является обеспечение условий для сильной экономики» [1]. В то же время, принятие новой редакции Стратегии или частичное обновление текущей раз в пять лет позволяет обеспечить необходимый уровень гибкости организационно-правовых основ политики в области экономической безопасности. Отличительной чертой британского подхода является закрепление в тексте Стратегии видения желаемой мировой экономической системы (§ А гл. 6, «Мировая экономическая реформа»), а также утверждение односторонних и международных экономических санкций как инструмента «поддержания и усиления правило-ориентированного мирового порядка» (п. 4.8, § В гл. 5).

Стратегическая основа контрсанкционной политики ФРГ, в свою очередь, представлена такими актами, как Закон ФРГ «О поддержке устойчивости и роста экономики» 1968 года, а также «Белая книга безопасности» Министерства обороны, обновляемая раз в десять лет. На 2022 год действующей считается редакция этого документа, принятая оборонным ведомством и одобренная федеральным правительством в 2016 году. Среди прочих, авторы «Белой книги» выделяют четыре главные угрозы национальной безопасности Германии, которые могут быть отнесены к экономической сфере:

1. Вирусные атаки и несанкционированная деятельность в киберпространстве.
2. Рост санкционного давления, замедление экономических интеграционных процессов как следствие усиления противостояния РФ и США.
3. Массовая иммиграция из стран Африки и Ближнего Востока. Она является причиной размывания национальной идентичности и ухудшения среднего уровня квалификации располагаемой рабочей силы.

4. Физическая угроза маршрутам транспортировки сырья и готовой продукции (пиратство, военные конфликты, террористические акты).

Таким образом, становится очевидной ориентированность немецкой экономики на экспорт товаров с высокой степенью добавленной стоимости, готовность немецкого государства применять различные, в том числе и политические, методы для формирования благоприятной для национального бизнеса внутри- и внешнеэкономической среды.

При этом следует отметить некоторый «милитаризм» институционального механизма защиты экономической безопасности. Поскольку экономическая безопасность признается лишь одной из составляющих целостной структуры национальной безопасности государства, то за выработку политики в этой области значительную степень ответственности несут Министерство обороны, Ведомство по охране конституции (в перечень обязанностей которого входит обеспечение безопасности экономической и научно-технической информации) и Ведомство уголовной полиции, входящие в структуру МВД. В то же время, как уже упоминалось, один из основополагающих актов в этой сфере формируется аппаратом Министерства обороны.

Одним из источников формирования контрсанкционного законодательства Великобритании и ФРГ послужило Постановление Совета (ЕС) № 2271/96 от 22 ноября 1996 года, то есть т.н. «Блокирующий статут».

Блокирующий статут (далее-Статут) ЕС был разработан в качестве меры противодействия американским экономическим санкциям в отношении Кубы, Ирана и Ливии в 1996 году [2]. Причиной введения ограничительных мер со стороны Соединенных Штатов стали развитие Ираном собственной ядерной программы (содействие в реализации которой Ирану активно оказывала Ливия), а также более высокая, чем рассчитывалось, устойчивость экономики Кубы. Касательно Ирана и Ливии введенные США санкционные меры заключались в ограничении доступа частных компаний, инвестировавших в добычу нефтепродуктов на ливийской или иранской территории более двадцати миллионов долларов, к американской экономике [3].

В отношении Кубы текстом Акта «О введении международных санкций против правительства Кастро на Кубе» от 12 марта 1996 года (т.н. «Закон Хелмса-Бертон») предписывался запрет на торговлю с кубинским государством. Актом запрещался вход в американские торговые и грузовые порты судов, транспортирующих продукцию из Кубы, а п. 2 ст. 102 Акта предписывалась конфискация и самих судов, и перевозимых грузов в случае нарушения запрета [4].

Несмотря на принятие самого Статута, вплоть до 2018 года его нормы относились к категории «мертвых»: в 1996 году сложившуюся конфликтную ситуацию удалось урегулировать, в силу чего нормы упомянутых санкционных НПА не распространялись на европейские компании.

Главной целью Статута была защита интересов субъектов хозяйствования европейских стран, имеющих деловые отношения с юридическими лицами, зарегистрированными в странах, подпадающих под действие санкционных мер третьих стран. В целом, структура документа и его содержание отражает воздействие и Закона Хелмса-Бертон, и санкционного Акта в отношении Ливии и Ирана.

Сам Статут представляет собой документ, содержащий двенадцать статей, а также приложение, в котором перечисляются акты санкционного законодательства третьих стран, подпадающие под действие Статута. Ключевыми же статьями этого документа видится возможным признать ст. 2, 5, 9, 11.

В ст. 2 Статута законодатель предписывает субъектам хозяйствования, в случае нарушения их экономических прав и деловых интересов нормами санкционного законодательства третьих стран, уведомить Комиссию Европейского союза о данном факте в течение 30 календарных дней с момента получения информации об этом. В случае запроса подобной информации самой Комиссией, она должна быть предоставлена в течение 30 дней с даты запроса [5].

В ст. 5 Статута установлен непосредственно сам запрет на исполнение норм санкционного законодательства третьих стран субъектами хозяйствования ЕС, прямо или опосредованно, через дочерние фирмы или филиалы [2]. Также авторами данной статьи предусматривается возможность защищенного Статутом лица исполнять положения санкционных актов в случае, если их неисполнение может повлечь значимый вред его интересам или интересам ЕС. В таком случае,

вопрос рассматривается Комиссией Евросоюза, после чего ей, на основании ряда критериев, выносится решение о разрешении или запрете на следование санкционным предписаниям. Также авторами Статута предусматривается, что никакие решения, принятые третьими странами, не подлежат исполнению на территории ЕС [5]. Это означает запрет на исполнение судебных решений и постановлений, принятых за пределами Евросоюза.

В ст. 9 Статута устанавливается сфера компетенции национального законодателя в этой области [5]. В частности, к национальной компетенции относится установление меры пресечения за нарушение положений Статута. Сам акт не предусматривает назначения тюремного заключения как меры наказания за нарушение его положений, в тексте документа упоминается лишь назначение штрафа без верхнего порога размера. Тем не менее, видится возможным говорить о наличии различности сформировавшихся национальных подходов к этому вопросу. Так, нарушение положений Статута было признано уголовным правонарушением в Ирландии, Нидерландах и Швеции. В то же время, такие страны как Италия и Испания ориентированы на применение административной формы ответственности к лицам, следующим нормам санкционного законодательства. В свою очередь, Франция, Бельгия и Люксембург не предприняли никаких мер по имплементации Статута в национальное законодательство.

Ст. 11 содержит перечень лиц, подпадающих под защиту норм Статута. К ним авторами данного акта были отнесены [5]:

1. Любое физическое лицо, являющееся резидентом ЕС и гражданином государства-члена.
2. Любое юридическое лицо, зарегистрированное в ЕС.
3. Любое другое физическое лицо, являющееся резидентом ЕС, если только это лицо не находится в стране, гражданином которой оно является,
5. Любое другое физическое лицо в ЕС, включая его территориальные воды и воздушное пространство, а также на любом воздушном судне или на любом судне, находящемся под юрисдикцией или контролем государства-члена, исполняющего трудовые обязанности.

Позднее Статут был дополнен Регламентом по его применению, в соответствии с которым под действие первого подпадают дочерние американские компании, зарегистрированные в странах ЕС. При этом на филиалы американских фирм на территории ЕС действие Статута не распространяется.

Ст. 6 Статута содержит нормы, согласно которым лица, перечисленные в ст. 11, имеют право истребовать возмещение понесенных вследствие исполнения другими субъектами экономики предписаний санкционного законодательства третьих стран убытков в судебном порядке в рамках юрисдикции судов государств – членов ЕС [5].

В целом, европейским экономическим акторам позволяется действовать самостоятельно и требовать, в судебном или досудебном порядке, возмещения понесенных убытков. В частности, к таким убыткам могут быть отнесены и расходы на возмещение компенсации за вынужденный разрыв контракта с организацией-адресатом санкционного давления.

В порядке имплементации норм Блокирующего Статута ЕС британским законодателем был разработан и принят Акт о защите торговых интересов от экстерриториального законодательства США 1996 года (The Extraterritorial US Legislation (Sanctions against Cuba, Iran and Libya) (Protection of Trading Interests) Order 1996), или, иначе, Блокирующий регламент. Согласно положениям Регламента, законодательство защищает ряд лиц, имеющих правовую связь с британским государством и торгующих со странами, на которые распространяется экстерриториальное законодательство третьих стран. Регламент защищает граждан Великобритании следующим образом [6]:

А) Объявляет незаконным соблюдение защищаемыми лицами санкционных актов третьих стран, направленных на ограничение экономической деятельности указанных стран-партнеров Соединенного Королевства (ст. 5).

Б) Обязывает находящиеся под защитой Регламента лиц уведомлять министерство международной торговли о факте ущемления их экономических прав и деловых интересов санкционным законодательством третьих стран в течение тридцати календарных дней с момента получения информации об этом (ст. 2).

В) Устанавливает правовой механизм возмещения убытков защищенных Регламентом лиц, чьи экономические права и деловые интересы были затронуты санкционными актами третьих стран. В частности, ст. 6 Регламента позволяет затребовать в досудебном и судебном порядке возмещения убытков, понесенных из-за действия/бездействия контрагента, следующего предписаниям экстерриториального законодательства третьих стран.

Г) Позволяет защищенным Регламентом лицам запрашивать разрешение на соблюдение экстерриториального санкционного законодательства третьих стран в случае, если его несоблюдение может нанести серьезный ущерб экономическим правам и деловым интересам этих лиц или Соединенного Королевства (ст. 5 и 7).

В тексте Регламента законодателем также был установлен перечень защищаемых нормами данного акта лиц [11]:

1. Граждане Великобритании.
2. Физические лица, не являющиеся гражданами Великобритании, но проживающие на территории Соединенного Королевства.
3. Юридические лица, зарегистрированные в Великобритании.
4. Граждане Великобритании, предоставляющие услуги морских перевозок.
5. Юридические лица (вне зависимости от страны регистрации), предоставляющие услуги морского транспорта и контролируемое гражданином Великобритании.
6. Суда, зарегистрированные в Великобритании.
7. Физические лица, фактически находящиеся на британской территории (территориальные воды, воздушное пространство, воздушные и морские суда, находящиеся под юрисдикцией или контролем Великобритании) и исполняющие трудовые обязанности.

Действие Регламента распространяется на все перечисленные лица вне зависимости от характера осуществляемой ими предпринимательской деятельности и числа наемных работников. Нарушение статей 2 и 5 Регламента признано британским законодателем уголовным правонарушением и наказывается штрафом в крупном размере (тюремное заключение не предусмотрено). Для лиц, находящихся под защитой норм Регламента, предполагается несколько возможных вариантов действий в связи с вероятным ущербом от действия экстерриториального санкционного законодательства. Так, защищаемое лицо может обратиться в Службу финансового омбудсмена или подать гражданский иск о возмещении причиненного ущерба [6].

Тем не менее, защищенное лицо обязано уведомить министерство международной торговли о факте нарушения экономических прав. При этом прямой запрос в правительство третьих стран по поводу освобождения защищенного лица от обязанности соблюдения санкционного законодательства считается незаконным: право на подобные запросы имеет только Государственный секретарь по международной торговле. Таким образом, Регламент практически полностью повторяет структуру Статута.

После выхода из состава ЕС, в связи с исчезновением правовых оснований для имплементации норм европейского права в национальное законодательство, британские власти провели процедуру т.н. «восстановления Регламента», в связи с чем данный акт считается имеющим юридическую силу на территории Соединенного Королевства и без «привязки» к правовой системе ЕС.

Немецкие законодателя провели имплементацию норм Статута посредством внесения изменений в AWW – Закон о международной торговле и платежах [7]. Фактически, Секция 7 данного Закона и представляет собой Блокирующий статут. Отличительной чертой немецкого подхода является факт закрепления в нормах этого акта категории «декларация о бойкоте» [2]. Данный термин трактуется достаточно широко, в силу чего любые декларации об участии любого лица в бойкоте другого государства или его субъектов хозяйствования подпадают под действие этого акта. В силу специфики немецкого законодательства, под действие статута также подпадают и публикации в сети Интернет, в которых содержатся призывы не сотрудничать с тем или иным государством.

В частности, первоначально наблюдалась проблематичность предоставления финансовой и кредитной информации субъектами, намеревающимися соблюдать положения санкционного законодательства третьих стран. В случае оповещения контрагента о соблюдении санкционных мер

в ответ на запрос на подтверждение обязательств по предоплате такое оповещение само по себе свидетельствовало о намерении того или иного юридического лица бойкотировать государство-адресат санкций. Также наблюдалась подобная проблема в случаях необходимости предоставления кредиторами разъяснений заемщикам о возможном воздействии санкций на их деловые отношения [7].

В дальнейшем вероятность подобных казусов была предусмотрена при изменении текста Закона. В частности, аналогично Регламенту Соединенного Королевства, было предусмотрено, что то или иное лицо не несет ответственность за декларацию о бойкоте в случае, если такая декларация была сделана в целях предотвращения значительных убытков, неизбежных в случае нарушения санкционного режима.

Исходя из вышеуказанного, видится возможным сделать следующие выводы:

1. Экспортно ориентированный характер экономик Великобритании и ФРГ диктует увязывание безопасности национального хозяйственного комплекса с доступом к рынкам труда, сырья и сбыта. В силу этого базовое законодательство этих стран предполагает использование санкций и иных мер давления как инструментов сохранения международного порядка.

2. В силу вышеуказанного, а также вследствие влияния положений общеевропейского права («Блокирующий статут» ЕС), законодательство этих государств касается тематики противодействия санкциям, как правило, в контексте избегания или уклонения от предписаний экстерриториального санкционного законодательства третьих стран.

В силу высокой степени связанности национальных экономик, вероятность попадания субъектов хозяйствования под ограничительные меры третьих стран в связи с сотрудничеством с государством-адресатом санкционного давления является крайне вероятным, что может повлечь значительный урон для экспортно ориентированной экономики. Сам принцип экстерриториальности действия санкций рассчитан на нанесение ущерба субъекту-адресату посредством перекрытия доступа к внутреннему рынку развитой экономики и создание «мертвой зоны» вокруг субъекта-адресата.

Литература

1. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015/ [Electronic resource]: GOV.UK – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf. – Date of access 25.09.2022.

2. Защита государственного суверенитета и предотвращение вмешательства во внутренние дела РФ: европейский опыт / Институт Европы РАН ; редкол.: В. Б. Белов [и др.]. – Москва : «Весь мир», 2018. – 203 с.

3. Public Law 104-172 [Electronic resource]: Congress.gov – Official web-site of the U.S. Congress. — Mode of access: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ172/PLAW-104publ172>. – Date of access: 25.09.2022.

4. Public Law 104-114 [Electronic resource]: Congress.gov – Official web-site of the U.S. Congress. — Mode of access: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ114/PLAW-104publ114.pdf>. – Date of access: 25.09.2022.

5. Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 [Electronic resource]: EUR-Lex:Access to European Union law. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31996R2271>. – Date of access: 03.10.2022.

6. Guidance on Protection of Trading Interests (retained blocking regulation) [Electronic resource]: GOV.UK. – Mode of access: <https://www.gov.uk/guidance/protection-of-trading-interests-retained-blocking-regulation#protected-persons>. – Date of access: 12.09.2022.

7. ICLG – Sanctions – Germany Chapter [Electronic resource]: The International Comparative Legal Guides. – Mode of access: <https://iclg.com/practice-areas/sanctions/germany>. Date of access 12.09.2022.

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПОДДЕРЖКА И ЗАЩИТА КОНКУРЕНЦИИ
В НОВЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ
CONSTITUTIONAL AND LEGAL SUPPORT AND PROTECTION
OF COMPETITION IN NEW GEO-ECONOMIC CONDITIONS**

Трипузова Антонина Антоновна,
заведующий сектором правового обеспечения социально-экономического развития
центра государственного строительства и права,
Институт экономики НАН Беларуси
antonina.ttt@mail.ru
Trypuzava Antonina,
Head of the Legal Support of Socio-economic Development Sector
of the State Building and Law Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
antonina.ttt@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности конституционно-правовой поддержки и защиты конкуренции в новых геоэкономических условиях, с учетом современных экономических вызовов и угроз. Обозначены проблемные вопросы, требующие правового регулирования, а также перспективы их решения в рамках Союзного государства Беларуси и России, ЕАЭС в целом. Приведенный анализ законодательства, программных документов, доктринальных точек зрения призван содействовать лучшему пониманию конституционно-правового содержания и поиску эффективных способов поддержки и защиты конкуренции. При этом подчеркивается, что конкуренция должна являться не самоцелью, а выступать, прежде всего, средством для достижения конечных целей экономической политики и обеспечения экономической безопасности национальных государств. Автором вносятся ряд предложений о совершенствовании конституционно-правовых мер поддержки и защиты конкуренции, модернизации законодательства, в том числе Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

Ключевые слова: конституционно-правовая поддержка конкуренции, защита конкуренции, монополистическая деятельность, экономическая безопасность.

Abstract. The article discusses the features of constitutional and legal support and protection of competition in the new geo-economic conditions, taking into account modern economic challenges and threats. The problematic issues that require legal regulation, as well as the prospects for their solution within the framework of the Union State of Belarus and Russia, the EAEU as a whole are outlined. The above analysis of legislation, policy documents, doctrinal points of view is intended to contribute to a better understanding of the constitutional and legal content and the search for effective ways to support and protect competition. At the same time, it is emphasized that competition should not be an end in itself, but act, first of all, as a means to achieve the ultimate goals of economic policy and ensure the economic security of national states. The author makes a number of proposals on improving constitutional and legal measures to support and protect competition, modernize legislation, including the National Security Concept of the Republic of Belarus.

Keywords: constitutional legal support for competition, protection of competition, monopolistic activities, economic security.

Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, к числу ключевых национальных интересов в экономической сфере отнесены стабильный экономический рост и повышение конкурентоспособности экономики страны (п. 10).

В свою очередь, основой экономики страны является добросовестная конкуренция, что особо подчеркнуто в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. В связи с чем добросовестная конкуренция нуждается в конституционно-правовой поддержке и защите.

Конституция Республики Беларусь, гарантируя свободу предпринимательства, равную защиту и условия для всех форм собственности, предоставление всем равных прав для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, а также одновременно предусматривая регулирование государством экономической деятельности в интересах человека и общества (ст. 13), тем самым определяет конституционные основы поддержки и защиты конкуренции, хотя и не содержит таких понятий. При этом свобода конкуренции не является абсолютной, она может и должна быть ограничена государством, но только на уровне закона при нарушении прав и законных интересов иных участников экономических отношений (ст. 23, 44).

Названные конституционные положения нашли дальнейшую реализацию в национальном законодательстве, прежде всего в Законе Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (в редакции от 8 января 2018 г.), и обеспечиваются в том числе посредством антимонопольных запретов и ограничений.

Конституционный Суд Республики Беларусь указал, что законодатель при осуществлении правового регулирования экономических отношений должен исходить из обязанности государства поддерживать конкуренцию, противодействовать ее недопущению, ограничению, устранению со стороны государственных органов, иных организаций, предупреждать и пресекать монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию (решение от 4 декабря 2013 г. № Р-862/2013).

При этом конституционно-правовая поддержка и защита конкуренции предполагает обеспечение государством, законодателем и правоприменителем баланса публичных и частных интересов, которые должны гармонично сочетаться и уравниваться.

Следовательно, поддержка конкуренции выступает не самоцелью, а средством достижения такого баланса, развития экономики в целом.

Конституционно-правовая защита конкуренции осуществляется посредством противодействия монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. При отсутствии эффективных конституционно-правовых механизмов такого противодействия отдельные субъекты хозяйствования получают возможность диктовать условия реализации товаров, создавать входные барьеры на товарный рынок, ценовую дискриминацию, заключать антиконкурентные соглашения. Подобные действия, как обоснованно указывают исследователи, ведут к неоправданному росту цен, увеличению издержек обращения, расходам бюджета, и, как правило, к падению эффективности экономики [1].

При этом в новых геоэкономических реалиях, как справедливо считает В. Г. Гусаков, мировая экономика становится другой, а в числе новых угроз – фактическое разрушение сложившегося миропорядка, обострение противостояний между крупнейшими экономиками, коренное изменение международных цепочек создания стоимостей, резкое усиление протекционизма и санкционного давления [2].

В. Л. Гурский отмечает, что основной движущей силой становится не получение текущей выгоды, а стремление доминировать и диктовать свои условия на рынках. При этом основным критерием результативности выступает не норма прибыли, а доля рынка [3].

В условиях экономических санкций и мирового экономического кризиса возрастает угроза картелизации экономики и монополизации товарных рынков, в том числе со стороны «сетевой торговли». Опасность подобных соглашений – в ограничении конкуренции и нарушении прав потребителей посредством инициирования роста цен, увеличения «посреднических цепочек», сокращения ассортимента товаров, установления высоких входных барьеров и вытеснении белорусских товаров с рынка. Данная проблема стала предметом особого внимания Главы государства и обусловила принятие директивного решения о «заморажива-

нии цен» с 6 октября 2022 г. Картелизация выступает также фактором снижения эффективности государственных расходов в сфере закупок.

Следовательно, развитие белорусской экономики требует адекватных новым вызовам и угрозам мер конституционно-правовой поддержки и защиты конкуренции, направленных на обеспечение экономической безопасности, т.е. защищенности экономических интересов Беларуси как суверенного государства.

Как отмечает Д. В. Муха, совершенствование политики в сфере конкуренции также весьма важно для инвестиций. Безусловно, появление цифровых фирм во всех секторах стимулирует инновации, предоставляет потребителям больше возможностей и создает спрос на более развитую цифровую экосистему. Однако цифровые преимущества могут негативно отразиться на конкуренции из-за возникновения «сетевых» эффектов и эффекта «победитель получает все» [4].

В числе «цифровых угроз» – монополизация рынка с использованием «цифровых картелей», злоупотребление доминирующим положением цифровыми компаниями, риски сговоров на торгах с помощью аукционных роботов [5].

Борьба за технологическое доминирование в цифровой сфере обусловлена значимостью цифровых возможностей. В. Л. Гурский подчеркивает, что в таких условиях государству с целью сохранения своего влияния необходимо обеспечить контроль над используемыми информационными ресурсами, коммуникационными платформами, техническими и программными средствами передачи, хранения и обработки данных [3].

Отметим, что защита и развитие конкуренции в числе приоритетов не только национальной конституционно-правовой политики, но и стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года согласно одноименному решению Высшего Евразийского экономического совета ЕАЭС от 11 декабря 2020 г. № 12.

Необходимость проведения согласованной антимонопольной политики и применения эффективных правовых норм по предупреждению, выявлению, пресечению антиконкурентных действий признана ранее Договором о Евразийском экономическом союзе.

Согласно ст. 17 Договора о создании Союзного государства Беларуси и России к исключительному ведению объединения относятся единые правила конкуренции.

В новых геоэкономических условиях, связанных с попыткой коллективного Запада «выдавить» нашу страну и Россию из мировой экономики, особое значение приобретает выработка совместной экономической стратегии, основанной на согласованной антимонопольной политике и гармонизации законодательства с учетом баланса национальных и интеграционных интересов.

В связи с этим в рамках союзной интеграции конкуренция также должна выступать не самоцелью, а средством достижения конечных целей как экономической политики и обеспечения экономической безопасности каждой из стран, так и интеграционного объединения в целом [5].

Для достижения данных целей и согласованного противодействия монополистическим тенденциям коллективного Запада важно развивать конкурентное сотрудничество стран – участниц ЕАЭС по ряду стратегических позиций на взаимовыгодных условиях.

Как отмечает В. А. Румянцев, новый взгляд на понятия конкуренции и сотрудничества подразумевает переход от их противопоставления к восприятию как взаимосвязанных, не исключających, а взаимодополняющих форм взаимодействия на рынке. Под конкурентным сотрудничеством в рамках интеграционных объединений предлагается понимать комбинацию двух диаметрально противоположных видов взаимодействия: соперничество между участниками экономических отношений при единых правилах для них, что создается конкуренцией, и совместная деятельность для достижения общих целей, что обеспечивается сотрудничеством. Основными направлениями реализации такой формы выступает конкурентное сотрудничество между региональными объединениями, а также между хозяйствующими субъектами в региональных объединениях [6].

Для развития конкурентного сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации сложились весьма благоприятные условия.

Так, промышленный комплекс выступает важной составляющей развития экономики Беларуси, формируя почти треть создаваемого ВВП (27,1 % в 2021 году), три четверти экспорта (75–80 %), при этом почти половину промышленного производства формируют предприятия не государственной формы собственности. В мировом рейтинге по индексу конкурентоспособности промышленности республика заняла 47-ю позицию (из 152 стран). По итогам 2021 г. промышленность приросла на 6,5 %, что является одним из лучших результатов среди стран ЕАЭС. Выше этот показатель только в Кыргызстане (+ 9 %), меньше всего – в Армении (+ 3,3 %). В целом в 2021 году промышленное производство в ЕАЭС увеличилось на 5,3 % по сравнению с 2020 годом. Отметим аналогичный показатель роста в России (+ 5,3%) [7].

Объединенный экономический потенциал Союзного государства имеет подавляющее превосходство над потенциалом других стран СНГ и Балтии. Промышленная политика Союзного государства призвана активизировать производственную кооперацию двух стран. Сотрудничество Беларуси и России в промышленной сфере является важным фактором обеспечения конкурентоспособности обеих стран. В России создано около 1,5 тыс. совместных производств, а в Беларуси работают 2,7 тыс. предприятий с участием российского капитала. В эту сферу деятельности, как правило, вовлечены предприятия, имеющие современные технологии, производящие конкурентную продукцию с высокой добавленной стоимостью. Определяющим направлением взаимодействия является создание равных условий для хозяйствующих субъектов. Ключевым инструментом реализации промышленной политики Союзного государства являются союзные программы, по результатам которых разработаны и внедряются уникальные образцы новой техники и технологий. Развивается и российско-белорусское сотрудничество на региональном уровне, что позволяет развивать импортозамещающие и экспортноориентированные производства [8].

Основным документом, регулирующим конкурентное сотрудничество в рамках Союзного государства, является Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области защиты конкуренции, принятое 27 февраля 2019 г. и вступившее в действие 31 июля 2019 г.

Значимым событием для преодоления ранее существующих разногласий по ряду принципиальных вопросов единой политики в торгово-экономических позициях и укрепления союзной экономической интеграции явилось принятие 4 ноября 2021 г. Декрета Высшего Государственного совета № 6 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы», утвердившего 28 Союзных программ.

На создание взаимовыгодных отношений при реализации всех отраслевых программ, равных и справедливых условий конкуренции для субъектов хозяйствования обеих стран, а также на обеспечение комплексного подхода при защите национальных интересов и развития конкурентного сотрудничества направлена Союзная программа в области единых правил конкуренции.

Для согласования подходов формирования и дальнейшего внедрения этих правил в антимонопольные национальные законы предусмотрены шесть ключевых направлений, в том числе полномочия антимонопольного органа в части возможности получения необходимых документов (или) информации, назначения внеплановых проверок, экспертиз и (или) привлечения специалистов.

Правовым механизмом, формализующим политическую волю и достижение поставленных целей, должна стать гармонизация антимонопольного законодательства. При этом, как справедливо отмечает Н. С. Минько, интеграционные процессы потенциально влекут и конституционные риски [9]. В связи с этим подчеркнем значимость для обеспечения экономической безопасности, конституционно-правовой защиты и развития конкуренции, баланса интересов обеих стран наличие ссылки в Союзной программе на учет масштабов экономик государств при определении доминирующего положения и порядка контроля за экономической концентрацией.

При этом цели экономической интеграции взаимосвязаны с решением проблем повышения конкурентоспособности стран ЕАЭС в целом.

Актуальным остается вопрос защиты конкуренции на трансграничных рынках в рамках межгосударственного взаимодействия.

Появление новых видов экономической деятельности и способов совершения экономических преступлений также требует принятия адекватных мер и инструментов конституционно-правовой защиты конкуренции [5], единых для Союзного государства и ЕАЭС в целом.

Кроме того, Стратегией экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года в качестве одного из направлений сотрудничества государств – участников СНГ в области антимонопольной политики предусмотрены разработка и реализация подходов, обеспечивающих развитие добросовестной конкуренции в условиях цифровой экономики.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

Конституционно-правовая поддержка и защита конкуренции служит фактором обеспечения национальной экономической безопасности, имеет важнейшее значение для развития системы правоустановления и практики правоприменения, требует адаптации к новым угрозам картелизации экономики, монополизации товарных и цифровых рынков.

В связи с этим в современных геополитических условиях видится целесообразным внесение изменений в Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь в части закрепления в качестве новых основных вызовов и угроз экономической безопасности картелизацию экономики, монополизацию товарных и цифровых рынков, а в числе основных угроз в экономической сфере – монополистическую (антиконкурентную) угрозу. Это придаст новый импульс для совершенствования конституционно-правовых мер защиты и развития конкуренции, а соответственно, модернизации антимонопольного законодательства.

Глобальные экономические вызовы, санкционное давление на нашу страну требуют также в целях обеспечения экономической безопасности одновременно с углублением процессов евразийской экономической интеграции выработки совместной экономической стратегии государств-участниц ЕАЭС, основанной на согласованной антимонопольной политике и гармонизации законодательства с учетом баланса национальных и интеграционных интересов.

Литература

1. Тетёркина, А. М. Инструменты антимонопольного регулирования реализации эффективной финансовой политики / А. М. Тетеркина, В. М. Недвецкий [и др.] // Белорусская социально-экономическая модель: теория и практика / под науч. ред. В. Г. Гусакова ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Белорусская наука, 2022. – С. 376–396.
2. Гусаков, В. Г. Приветственное слово Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси / В. Г. Гусаков // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : Т. 1 / ред. кол.: В. Л. Гурский [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Право и экономика, 2021. – С. 10–11.
3. Гурский, В. Л. Глобальные вызовы в современной экономике / В. Л. Гурский // Вес. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66. – № 4. – С. 487–497.
4. Муха, Д. В. Роль инвестиционной политики в формировании и развитии цифровой экономики / Д. В. Муха // Вестник Института экономики НАН Беларуси. – 2021. – Вып. 2. – С. 83–97.
5. Трипузова, А. А. Экономические вызовы и направления конституционно-правовой защиты и развития конкуренции в Республике Беларусь / А. А. Трипузова // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : Т. 2 / ред. кол. : В. Л. Гурский [и др.] ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2021. – С. 385–390.
6. Румянцев, В. А. Анализ конкурентного сотрудничества Беларуси на евразийском интеграционном пространстве / В. А. Румянцев // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. научных статей : Т. 2 / ред. кол. : В. Л. Гурский [и др.] ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2021. – С. 113–118.

7. Ключевые достижения Республики Беларусь на современном этапе: цифры и факты / Материалы для информационно-пропагандистских групп (июль 2022 г.) : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ras.by>. – Дата доступа: 05.10.2022.

8. Гурский, В. Л. Промышленная политика Республики Беларусь: основные аспекты и современные тенденции развития // В. Л. Гурский / Вестник Института экономики НАН Беларуси. – 2021. – Вып. 2. – С. 17–36.

9. Минько, Н. С. Конституционно-правовые основания интеграционного развития в современных условиях трансформации компонентов экономической безопасности / Н. С. Минько // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : Т. 2 /ред. кол. : В. Л. Гурский [и др.] ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2021. – С. 358–363.

РАЗДЕЛ 7. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 332:71:94(476)

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ И ПРАКТИКА РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСЕЛЕНИЙ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ В ГРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ EMPIRICAL RESEARCH AND PRACTICE OF THE LOCATION OF PRODUCTIVE ACTIVITY AND SPATIAL ORGANIZATION OF SETTLEMENTS IN THE XVII – EARLY XX CENTURIES ON THE TERRITORY WITHIN THE BORDERS OF MODERN BELARUS

Фатеев Владимир Сергеевич,
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой национальной экономики и государственного управления Белорусского государственного экономического университета
fateyev007@gmail.com
Fateyev Vladimir,
Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of National Economics and Public Administration of the Belarus State Economic University
fateyev007@gmail.com

Аннотация. В статье проанализировано накопление эмпирических знаний и практики размещения мануфактур и фабрично-заводской промышленности, архитектурно-планировочной организации поселений, а также усадебно-паркового строительства в XVII – начале XX вв. на территории в границах современной Беларуси. Показана роль представителей родов Сапегов, Тизенгаузов, Огинских, Пусловских, Хрептовичей и других известных магнатских родов в пространственной организации и развитии инфраструктуры городов и местечек Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, а также вклад выдающихся государственных деятелей Российской империи в развитие Гродненской и Могилевской губерний.

Ключевые слова: размещение производства; пространственная организация поселений; Великое княжество Литовское, Речь Посполитая; западные губернии Российской империи.

Abstract. The accumulation of empirical knowledge and practice of location of manufactories and other forms of productive activities, architectural and planning organization of settlements, as well as manor and park construction in the XVII – early XX centuries on the territory within the borders of modern Belarus are analyzed. The role of representatives of the Sapegi, Tizengauz, Oginsky, Puslovsky, Khreptovich and other famous magnate clans in the spatial organization and development of the infrastructure of cities and towns of the Grand Duchy of Lithuania, the Polish-Lithuanian Commonwealth, as well as the contribution of prominent statesmen of the Russian Empire to the development of the Grodno and Mogilev provinces are shown.

Keywords: location of productive activities; spatial organization of settlements; Grand Duchy of Lithuania; Polish-Lithuanian Commonwealth; western provinces of the Russian Empire.

История экономической мысли свидетельствует о том, что территориальный (пространственный) аспект организации экономической деятельности привлекал внимание многих мыслителей прошлого. Уже в работах некоторых меркантилистов просматривалась (хотя и не всегда в явной форме) пространственная точка зрения на отдельные экономические явления и процессы, так как в центре их внимания находились внешняя торговля, взаи-

моотношения обособленных в территориальном плане государств. А физиократы, как известно, ввели в число объектов экономических исследований важнейшее из числа территориальных противоречий – между городом и деревней [1]. Опора географии на политическую экономию привела к возникновению на пересечении этих двух наук нового направления – теории размещения производства, «отцом-основателем», которой чаще всего называют «Мекленбургского эконома» Иоганна Генриха фон Тюнена [2], опубликовавшего в 1826 году свою книгу «Изолированное государство», ставшую впоследствии всемирно известной [3].

В публикациях современных белорусских ученых, занимающихся исследованиями в области истории экономических учений, к сожалению, пока не приведено убедительных свидетельств того, что в период вхождения белорусских земель в Российскую империю (и тем более в периоды их вхождения в Великое княжество Литовское, Речь Посполитую), на территории этих земель проводились столь же глубокие теоретические исследования, связанные с пространственной организацией экономической деятельности, как работы Тюнена. Тем не менее, это не означает, что на белорусских землях совсем не было подобного направления работ. В ряде известных исторических фактов находит подтверждение накопление эмпирических знаний и практики территориальной организации производства, архитектурно-планировочной организации поселений в XVII–XIX вв. в ВКЛ и позже в западных губерниях Российской империи. Следует отметить роль известных магнатских семей (Сапегов, Радзивиллов, Огинских, Патоцких, Пусловских, Хрептовичей, Ходкевичей и др.) в практике дворцово-паркового и усадебного строительства, развития фольварочной системы хозяйствования, в пространственной организации принадлежавших им белорусских местечек и городов, центров мануфактурного, фабрично-заводского, а позже и крупного промышленного производства.

Разумеется, лично представители этих родов не проводили подобные исследования, но именно они приглашали и, главное, финансировали работы известных европейских ученых, в т.ч. мыслителей, занимавшихся изучением вопросов экономического использования пространства, а также созданием архитектурных ансамблей, ландшафтной архитектурой, землеустройством и т.п.

Например, Лев Сапега (1557–1633 гг.), известный государственный деятель ВКЛ, после покупки в 1598 г. местечка Ружаны инициировал в нем бурную хозяйственную деятельность, в т.ч. строительство замка, ряда хозяйственных и культовых зданий, удобных и широких подъездных дорог, нового рынка, искусственного озера, канала и др. Благодаря усилиям других представителей рода Сапегов (при Казимире Сапеге) в 1637 году Ружаны получили Магдебургское право и герб, на котором изображен святой Казимир, построена ратуша для заседаний магистрата. Все это стимулировало дальнейшее экономическое развитие Ружан и привело к расцвету многих ремесел и торговли.

Следует также отметить весомый вклад Льва Сапегу в территориальную организацию хозяйственной деятельности и становление основ самоуправления еще в одном городе – Слониме. Занимая в разные годы многие высокие посты в государственной иерархии ВКЛ, он много лет выполнял обязанности слонимского старосты. Известно, что впервые Магдебургское право было дано Слониму еще в 1531 году, но позже (в 1591 г.) по ходатайству Льва Сапегу великий князь ВКЛ и король Польши Жигимонт III Ваза подтвердил право этого города на самоуправление и пожаловал герб «Лис», что также оказало весомое позитивное влияние на дальнейшее развитие Слонима и его окрестностей.

Огромный вклад в практику градостроительства на территории ВКЛ, в финансирование и управление королевскими экономиями, а также в территориальную организацию мануфактурного производства в городах и местечках княжества внесли некоторые представители литовской ветви немецко-балтийского графского и баронского рода Тизенгаузен (на польский манер фамилия стала писаться Тизенгаузы). Из этого рода следует особо выделить Антония Тизенгауза (1733–1785 гг.) – видного политического деятеля-реформатора, финансиста и градоначальника своего времени. С 1764 года он последовательно занимал ряд видных государственных постов, а в 1770–1780 гг. служил гродненским старостой, и в этой должности снискал у потомков славу «Гродненского Петра Первого».

А. Тизенгауз основал в Гродно свыше двух десятков мануфактур, а также маслобойни, пивоварни и иные производства. «По инициативе Тизенгауза в Гродно был построен жилой, административный и культурный комплекс Городница, основаны театр и театрально-музыкальная школа, капелла, кадетский корпус, библиотека и музей истории природы, заложен один из крупнейших в Европе ботанических садов, открыты медицинская академия, землемерная, строительная, акушерская и ветеринарная школы, а также учебные заведения бухгалтеров и счетоводов, черчения и рисования и многие другие» [4].

Деятельность А. Тизенгауза по территориальной организации мануфактурного производства на казенных (королевских) землях, прилегающих к Гродно (Лососно), также ассоциируется с попыткой реализовать план «Künstätte» («Кунштат»), архитектурная часть которого была выполнена, судя по разным источникам, Джузеппе Сакко и/или Иоганном Георгом Мозером [5]. Этот проект предусматривал создание достаточно мощного для своего времени промышленного комплекса в дер. Лососно недалеко от Гродно. Историки свидетельствуют, что в Кунштате были построены и действовали (по крайней мере, до отстранения в 1785 году А. Тизенгауза от должности гродненского старосты) следующие производства:

полотняная мануфактура,
не менее двух суконных мануфактур,
шелковая мануфактура,
мануфактура по отбеливанию воска,
свечная мануфактура,
фабрика по производству факелов,
«золотая» фабрика или мануфактура по производству галунов и, возможно, парчи,
красильная мануфактура,
шляпная фабрика,
оружейная фабрика,
мануфактура по производству льняного масла [5].

Возвращаясь к экспресс-характеристике вклада известных магнатских родов в развитие Слонима, стоит отметить, что в разные века этим городом владели многие литовские князья, а также князья Галицко-Волынского княжества. Кроме Льва Сапеги в истории Слонима оставили значительный след многие известные личности прошлого. Это бывшие в разные годы наместниками и старостами города Ян Литовор Хрептович, Ян Радзивилл, несколько поколений литовского магнатского рода Садовских, носители графской ветви рода Пусловских.

Даже в ограниченных рамках данной статьи было бы неоправданным обойти вниманием представителей княжеского рода Огинских, и, в первую очередь, отметить роль Михаила Казимира Огинского (1729–1800 гг.) – известного государственного и военного деятеля, занимавшего самые разные высокие посты в ВКЛ, в том числе и должность великого гетмана литовского (в 1768–1793 гг.). Для более полного раскрытия темы данной статьи наибольший интерес представляет его вклад в территориальную организацию транспортной инфраструктуры и экономику Слонимщины. Расцвет Слонима в последней трети XVIII ст. связан с деятельностью этого представителя рода Огинских. Здесь на средства князя было построено несколько предприятий. По инициативе и на средства Огинского в 1767–1783 гг. осуществлена прокладка через полесские болота двух дорог-трактов (Пинск-Слоним, Пинск-Волынь), а также знаменитого канала, который соединил бассейны Балтийского и Черного морей. Канал стал для всего Полесья поводом для гордости и фактором бурного экономического роста на всей прилегающей территории в последующие несколько десятилетий.

Не менее весомым оказался вклад Михаила Казимира Огинского в культуру и усадебно-парковое строительство Слонимщины и ВКЛ, в частности, в формирование «Усадьбы муз», в создание и финансирование деятельности придворного театра (1770 г.), а также Слонимского оркестра (капеллы) – одного из самых больших в то время придворных оркестров на европейском континенте.

Значительное влияние на развитие культуры и усадебно-парковое строительство на территории в границах современной Беларуси оказал ещё один достойный продолжатель славных

дел этого рода – Михаил Клеофас Огинский – политический деятель Речи Посполитой и Российской империи, дипломат и композитор-любитель, которого многие знают как автора знаменитого «Полонеза Огинского». Будучи племянником Михаила Казимира Огинского, в детстве Михаил Клеофас много времени проводил у своего титулованного дяди в Слониме. Несомненно, общение с широко эрудированным и постоянно занимавшимся творческой деятельностью родственником сыграло большую роль в становлении мальчика как личности.

Позже, в самом начале XIX в., когда Михаил Клеофас станет известным дипломатом и получит в наследство имение в Залесье под Сморгонью, он, судя по отзывам его современников, построит и сформирует в этом месте уникальный дворцово-парковый комплекс, который получил возвышенное название «Северные Афины». Здесь собирались многие известные люди того времени из разных стран, где обсуждали общественные и политические дела, слушали новые музыкальные и литературные произведения.

Также интересна личность еще одного государственного деятеля, крупного землевладельца и хозяйственника ВКЛ Иоахима Игнатия Литовора Хрептовича (1729–1812 гг.), который оказался последним канцлером великим литовским, а в истории экономических учений оставил свой след как ученый-физиократ и деятель польско-литовского народного просвещения. Для своего времени Иоахим Хрептович был широко эрудированной, многогранной личностью. Он в течение двух десятилетий работал на ниве народного образования, являлся членом Комиссии национальной эдукации (Эдукационной комиссии) в Речи Посполитой в 1773–1794 гг. – первого в Европе ведомства аналогичного современному министерству просвещения.

Как ученый-политэконом и философ он относится к французской школе экономистов-физиократов, придерживался взглядов деизма, признавая наличие в общественной жизни некоего «естественного порядка», который лежит в основе прав и обязанностей членов общества.

Как практик-хозяйственник Иоахим Хрептович в одном из своих родовых имений в Щорсах (Новогрудский уезд) в 1770–1776 гг. организовал и профинансировал строительство большого дворцово-паркового комплекса с оригинальной системой прудов. В составе дворцово-усадебного комплекса также было построено здание библиотеки. Граф Хрептович считается основателем крупнейшей частной библиотеки в Восточной Европе в XVIII – нач. XX в. Собрание включало, по оценкам разных специалистов, от 10 до 20 тыс. древних документов и книг.

Заслуживает также внимания вклад И. Хрептовича в социально-экономическое развитие местечек и организацию мануфактурного производства. С точки зрения хозяйственной, пространственной и архитектурно-планировочной организации интерес также представляли не только дворец и библиотека в Щорсах, но и расположенный вокруг них большой пейзажный парк с каскадной системой прудов. В усадебный комплекс также входили дом управляющего с помещениями для прислуги, конюшни, коптильня. Усадебное хозяйство в свое время было одним из самых больших, передовых и доходных в Великом княжестве Литовском. В Щорсах заработали винокуренный завод, маслобойня, были открыты предприятия по производству кирпича, костяной муки для удобрения почвы, дренажных труб. Были в местечке и свои водяная лесопилка с мельницей. И. Хрептович также построил в Щорсах школу и униатскую церковь, создав таким образом достаточно гармонично (для своего времени) развивающееся поселение.

Усадебное хозяйство «Мурованка Хрептовичей», которому более полутора веков, можно представить в качестве прообраза современных агрогородков. Здесь почти на сто лет раньше, чем на государственном уровне, было отменено крепостное право.

Еще одно имя в практике территориальной организации мануфактурного и фабрично-заводского производства – Войтех Пусловский (1762–1833 гг.). Он начинал свою карьеру как поветовый писарь в Бресте, затем стал предводителем (маршалком) Слонимского повета, послом четырехлетнего Варшавского сейма, а позже – действительным тайным советником. Граф Пусловский одним из первых оживил в Беларуси после ее присоединения к России мануфактурное производство, верноподданно служил царскому трону и за поставки продовольствия русской армии во время войны 1812 года был награжден орденом Св. Анны I степени. В. Пусловский считался его современниками «пионером развития промышленности»

на белорусско-литовских землях. Свои приличные по тем временам доходы граф получал в основном от закладки, строительства и развития промышленных мануфактур, и имел репутацию крепкого хозяйственника, который дешево покупал близкие к разорению имения, активно занимался их оздоровлением с последующей прибыльной эксплуатацией или продажей. Полученные от этой деятельности доходы граф Пусловский вкладывал не только в мануфактурное производство, но и в строительство, а также восстановление дворцов и храмов.

В 1803 году Войтех Пусловский купил имение Шидловицы, находившемся в окрестностях Слонима, где позже самим графом, а также его наследниками создан интересный усадебно-парковый ансамбль, а также крупный, но территориально компактный промышленного комплекса, позже названный Альбертином (теперь входит в городскую черту). Рядом с работавшей в Шидловицах с начала XVII ст. небольшой бумажной фабрикой в Альбертине было размещено несколько мануфактур по производству тканей, шелка, спичек, смолы, гвоздей, бумаги, картона и ковров. В 1828–1914 гг. в Альбертине работал чугунолитейный завод, другие производства (кирпичный завод, лесопилка, мельница; всего около полутора десятков предприятий), а также заводская усадьба и гостиница. В 1913–1915 гг. здесь даже действовал Альбертинский электроламповый завод – первое на белорусских землях предприятие такого профиля, на котором работало 86 рабочих [6].

Сформировавшийся в XIX веке в Альбертине во владениях Пусловских промышленный комплекс позже называли по-разному: «индустриальный центр Слонимщины», «маленький Чикаго». На суконной фабрике производили одеяла, трико, фланель, драп, особую шерсть – корд. Её продукция неоднократно отмечалась медалями на выставках в Москве и Варшаве. В 1843 г. на этом предприятии насчитывалось около 200 станков, работавших на водяной, конной и людской тяге. В 1830-х открылась мануфактура с 70 рабочими, которая давала 1065 метров ковров в год. У Пусловских в Альбертине работали крестьяне из соседних деревень, горожане и мастера из-за границы. В 1879 году тут уже было занято 475 работников. Для них построили столовую, больницу, аптеку, училище, т.е. достаточно развитую по тем временам социальную инфраструктуру.

Граф Войтех Пусловский был достаточно крупным землевладельцем, в его собственности были усадьбы и большие наделы в нескольких местах – от окрестностей Слонима до самой Речицы (той, что в современной Брестской области). Ему принадлежали имения Пески (Песковский ключ), Шидловичи, Плянты, Девятковичи, Хомск, Посеничи и др.), захватывая по тем временам практически весь Пинский уезд (почти четверть современной Брестской области).

В 1821 году Войтех Пусловский купил местечко Коссово и открыл там фабрику ковров. После смерти графа его огромное по тем временам наследство было разделено между пятью его сыновьями. Имение «Коссовский ключ» досталось младшему сыну – Вандалину. В 1838 году в фольварке Меречевщина он построил уникальный по своей архитектуре дворец. Интересным также был замысел пространственной организации этого строительства. В архитектурно-планировочном решении возведение дворца было гармонично увязано с расположенной по соседству исторической усадьбой, где в 1746 году родился всемирно известный государственный и политический деятель, военачальник Тадеуш Бонавентура Костюшко.

Следует также отметить, что некоторые высокопоставленные чиновники Российской империи также сделали вполне конкретный и ощутимый вклад в экономику и совершенствование управления административными единицами (губерниями, уездами и городами), входившими в тот период в состав Западных губерний или Северо-западного края Российской империи. Из таких государственных деятелей следует особо выделить Александра Станиславовича Дембовецкого (1840–1914 или не позднее 1917 года), в различные годы конца XIX – начала XX вв. занимавшего посты камергера, тайного советника, Могилёвского губернатора, сенатора.

Перед вступлением А. С. Дембовецкого в должность губернатора в 1872 году, когда Александру Станиславовичу было всего 32 года, экономика Могилевской губернии находилась в плачевном состоянии. Однако всего за несколько лет своей работы молодой губернатор вывел экономику губернии из кризисного состояния, сумев провести в регионе реструктуризацию крестьянского долга и обеспечить повышение товарности сельского хозяйства, а

также в значительной степени искоренив «мздоимство» в работе губернского аппарата и сократив затраты на содержание его низового звена. Состоявший из нескольких десятков губернских чиновников аппарат позволял в то время обеспечивать достаточно эффективное управление регионом, который по площади был примерно равен Греции.

А. С. Дембовецкий также многое сделал для развития в крае здравоохранения, народного просвещения, укрепления городского и сельского самоуправления. Однако с точки зрения истории региональных исследований основной вклад губернатора в экономику региона состоит в организации подготовки труда «Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношении» (в 3-х книгах, общим объемом более 2100 с.) [7]. В то время губернатор также выполнял обязанности Председателя Могилевского статистического комитета, и в этом качестве на протяжении 10 лет руководил сбором статистической информации, планировал работу многочисленного авторского коллектива, а затем и редактировал это издание.

В частности, вторая книга (более 1000 стр.) указанного выше труда была полностью посвящена исследованию и описанию городов и местечек Могилевской губернии, фабрично-заводской и кустарной промышленности, ремесел, сухопутных путей сообщения и телеграфной сети, внешней и внутренней торговли, сельского и лесного хозяйства и др. Историки отмечают, что подобного издания в то время не имели даже Санкт-Петербург и Москва [7].

Нельзя обойти вниманием деятельность еще одного очень известного государственного деятеля Российской империи – Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911 гг.). Несмотря на то, что П. А. Столыпин в должности Гродненского губернатора проработал на протяжении всего восьми месяцев, за этот небольшой период он все же успел сделать несколько прогрессивных преобразований на Гродненщине. Быстро освоившись в новой должности, губернатор начал проводить реформы, которые включали расселение крестьян на хутора, ликвидацию чересполосицы, внедрение искусственных удобрений, улучшенных сельскохозяйственных орудий, многопольных севооборотов, мелиорации, развитие кооперации, сельскохозяйственное образование крестьян и др.

Проводимые в Гродненской губернии нововведения вызывали недовольство и критику крупных землевладельцев и руководства края. На одном из заседаний князь П. М. Святополк-Мирский (в то время – Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор) заявил, что «нам нужна рабочая сила человека, нужен физический труд и способность к нему, а не образование. Образование должно быть доступно обеспеченным классам, но не массе...». На этот выпад Столыпин резко возразил: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не приведет к анархии...» [8].

Не удивительно, что П. А. Столыпин оказался единственным из 36 губернаторов за всю историю существования в составе Российской империи Гродненской губернии, который удостоился быть увековеченным в Гродно, причём дважды: впервые его бронзовый бюст появился в этом городе накануне Первой мировой войны, однако во время этой войны немцы его демонтировали и вывезли в Германию. В 2011 году на старом здании Гродненского облисполкома (бывший дворец вице-губернатора К. Максимовича) была установлена мемориальная доска.

В заключение следует отметить, что опыт первых эмпирических изысканий и практика размещения производства и пространственной организации поселений в XVII – начале XX вв. на территории в границах современной Беларуси совершенно не ограничиваются приведенными выше характеристиками, историческими фактами и персонами. Можно с уверенностью утверждать, что этот опыт гораздо более богат и многогранен, но он еще ожидает своих исследователей. Аналогичное мнение можно высказать и по отношению к теории и практике проведения региональных исследований в советское время, а также в конце XX – начале XXI века, которые тоже уже нуждаются в осмыслении, обобщении и систематизации. Однако это может стать предметом новой крупной публикации, причем не одной.

Литература

1. Пчелинцев, О.С. Экономическое обоснование размещения производства. Методы, применяемые в капиталистических странах / О.С. Пчелинцев. – М. : Наука, 1966. – 262 с.
2. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ., 4-е изд. / М. Блауг. – М.: Дело Лтд, 1994. – 720 с.
3. Тюнен, И.Г. Изолированное государство / И.Г. Тюнен; пер. Е.А. Торнеус; под ред. А.А. Рыбникова. – М. : Ид-во «Экономическая жизнь», 1926. – 326 с.
4. Один из старейших... [Электронный ресурс] // Вечерний Гродно. 2019. – 23 авг. – Режим доступа: <https://vgr.by/2019/08/23/odin-iz-stareyshih/>. – Дата доступа: 21.09.2021.
5. Вашкевич, А.Ф. Трусов, И.Г. Кунштат Антония Тизенгауза: история и место в пространстве современного Гродно [Электронный ресурс] / А.Ф. Вашкевич, И.Г. Трусов // Narodnia.com – гісторыя і архітэктура Гродна. – Режим доступа: <https://vgr.by/2019/08/23/odin-iz-stareyshih/>. – Дата доступа: 11.08.2022.
6. Болбас, М.Ф. Прамысловыя прадпрыемствы дарэвалюцыйнай Беларусі / М.Ф. Болбас. – Мінск: Выдавецтва «Беларуская Савецкая Энцыклапедыя», 1988. – 324 с.
7. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношении, с двумя картами губернии и 17 резанными на дереве гравюрами видов и типов: в 3-х кн. / Под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев на Днепре: Тип. Губ. правления, 1882–1884.
8. Изгоев, А. П.А. Столыпин: очерк жизни и деятельности / А. Изгоев // Экономическая политика. – 2012. – № 5. – С. 70–101.

УДК 330: 331.582.3

ВКЛАД ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ В БЕЛОРУССКУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ THE CONTRIBUTION OF WOMEN SCIENTISTS TO BELARUSIAN ECONOMIC SCIENCE

Преснякова Елена Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент,
исполняющий обязанности руководителя центра инновационной
и инвестиционной политики,
Институт экономики НАН Беларуси
investment@economics.basnet.by
Prasniakova Alena,
PhD in Economics, Associate Professor,
Acting Head of the Center for Innovation and Investment Policy,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
investment@economics.basnet.by

Аннотация. В историческом аспекте раскрыт вклад женщин – ученых Института экономики НАН Беларуси в становление и развитие белорусской экономической науки. Представлены основные научные труды, опубликованные женщинами-учеными до обретения Республикой Беларусь независимости. Раскрыт опыт международного научно-технического сотрудничества с участием сотрудниц института. Приведены сведения о наиболее значимых наградах, которыми удостоены женщины – ученые Института экономики. Активное участие в международных научно-практических конференциях и семинарах, объявление благодарностей органами госуправления свидетельствует о высокой востребованности научных результатов женщин-ученых в экономике и значимости научной деятельности на мировом уровне.

Ключевые слова: экономическая наука, ученый, научные исследования, научный результат, монографии, публикации, научно-техническое сотрудничество.

Abstract. In the historical aspect, the contribution of women scientists of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus to the formation and development of Belarusian economic science is revealed. The main scientific works published by women scientists before the independence of the Republic of Belarus are presented. The experience of international scientific and technical cooperation with the participation of the Institute's employees is disclosed. Information about the most significant awards, which were awarded to women scientists of the Institute of Economics, is given. Active participation in international scientific-practical conferences and seminars, acknowledgment by government bodies testifies to the high demand for the scientific results of women scientists in the economy and the importance of scientific activity at the world level.

Keywords: economic science, scientist, scientific research, scientific result, monographs, publications, scientific and technical cooperation.

В 2021 году исполнилось 90 лет со дня основания Государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», который в свое время стал первой научно-исследовательской организацией Беларуси, специализирующейся на изучении экономической науки. За время его функционирования коллектив выполнил комплекс фундаментальных и прикладных работ в сфере экономической науки. Значимый вклад внесли женщины-ученые, которые активно работали над актуальными проблемами социально-экономического развития. Значимый интерес представляет изучение данного вопроса в историческом аспекте.

В конце 60-х – первой половине 70-х годов женщинами – учеными Института экономики была разработана инфраструктурная концепция размещения промышленности, выполнен ряд теоретически и практически значимых исследований по проблемам территориальной концентрации промышленности. Под руководством Ады Дмитриевны Павловой, а затем Людмилы Васильевны Козловской в Институте экономики велась разработка проблем развития и размещения производительных сил. Основные результаты этих теоретических и практических изысканий вошли в коллективные труды: «Влияние условий и факторов на эффективность размещения производств» (1968), «Эффективность концентрации промышленных производств» (А. Д. Павлова, Л. В. Козловская, В. Г. Никитенко, В. Ф. Валякко, 1970), а также в монографии А. Д. Павловой «Показатели для оптимизации внутрирайонного размещения промышленности» (1975) и Л. В. Козловской «Территориальная концентрация промышленности» (1975). Постановлением Бюро ЦК КПБ от 13 сентября 1978 г. за заслуги в развитии науки и в связи с 50-летием Академии наук Белорусской ССР А. П. Дмитриева награждена Орденом «Знак Почета».

В 1988 году докторскую диссертацию на тему: «Экономические методы управления материалоемкостью производства» защитила известный ученый-экономист Ирина Алексеевна Михайлова-Станюта. По этому направлению были опубликованы такие научные работы, как «Материалоемкость и технический прогресс» (И. А. Михайлова-Станюта, И. А. Лях, Ф. А. Дронов, 1981); «Материалоемкость: факторы, резервы, стимулы» (И. А. Михайлова-Станюта, С. В. Сорокин, С. Г. Галуза, 1984).

В 1990-е годы XX века кризис, поразивший народное хозяйство Беларуси после распада СССР, нарушение хозяйственных связей между субъектами хозяйствования бывших союзных республик, а также распад некогда единого научного и информационного пространства негативно сказались на деятельности белорусских ученых. Резко сократилось финансирование исследований, что повлекло за собой отток высококвалифицированных научных кадров из науки. В сфере финансов удалось опубликовать несколько крупных коллективных монографий, в числе которых: «Оценка финансового состояния предприятий» (И. А. Михайлова-Станюта, О. С. Булко, Л. А. Ковалев и др., 1994); «Проблемы реформирования белорусской экономики» (И. М. Абрамов, О. С. Булко, 1996); «Инвестиционная политика Беларуси

(анализ, проблемы, предложения)» (И. А. Михайлова-Станюта, О. С. Булко, 1996) ; «Финансово-промышленные группы в Беларуси» (И. М. Абрамов, И. А. Михайлова-Станюта, О. С. Булко, 1997) и др.

К началу 2000-х годов Институт экономики НАН Беларуси смог консолидировать и усилить свой научный потенциал, частично утраченный в сложные 1990-е годы, путем постоянного повышения уровня научной квалификации сотрудников, подготовки и защиты ими кандидатских и докторских диссертаций, а также проведения фундаментальных и прикладных научных исследований.

В соответствии с Постановлением Бюро Президиума НАН Беларуси от 3 апреля 2008 г. № 156 под научным руководством кандидата экономических наук Татьяны Сергеевны Вертинской выполнялся отдельный проект: «Разработать теоретико-методологические основы Концепции регионального развития Республики Беларусь до 2015 года». Кроме того, в 2010 году институт реализовал совместный белорусско-шведский проект «Исследовать проблемы деятельности органов местного управления и самоуправления на первичном уровне в Республике Беларусь» (договор с Департаментом международного сотрудничества Шведской ассоциации региональных и местных властей) (научный руководитель – Т. С. Вертинская). В его рамках проведено исследование с использованием социологических опросов по применению принципа одного окна и де бюрократизации органов местного управления и самоуправления в местных сообществах Витебской области.

Разработке важнейших проблем развития и повышения эффективности АПК, теории и методологии национальной продовольственной безопасности и механизма ее достижения посвящены работы Зинаиды Макаровны Ильиной. Особо стоит выделить вышедшие в период с 2005 по 2008 годы: «Рынок продовольствия и сырья: 10. Лён» (З. М. Ильина, Н. Н. Батова, В. Н. Перевозников, 2005); «Формирование рынков сельскохозяйственной продукции: методологические основы» (В. Г. Гусаков, З. М. Ильина и др., 2006); «Продовольственная безопасность: теория, методология, практика» (З. М. Ильина, 2007); «Система продовольственной безопасности: закономерности формирования и факторы развития» (З. М. Ильина и др., 2007); «Угрозы продовольственной безопасности: оценка и упреждение: метод. предложения» (З. М. Ильина и др., 2008) и др.

Людмила Петровна Шахотько, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, главный научный сотрудник, получила в 2006 году премию трех Академий наук (Беларуси, Украины, Молдовы) за работу по теме: «Миграция и приграничный режим: Беларусь, Молдова, Украина» (Киев, 2002.). Л. П. Шахотько была установлена ежемесячная персональная надбавка за выдающийся вклад в социально-экономическое развитие Республики Беларусь на 2010 год (распоряжение Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2010 г. № 117рп «Об установлении ежемесячных персональных надбавок на 2010 год специалистам и руководителям организаций здравоохранения, науки, культуры и образования»). В рамках реализации Договора о сотрудничестве между Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь и Фондом ООН в области народонаселения (UNFPA) Л. П. Шахотько в качестве автора и научного редактора отчета принимала участие в разработке Национального доклада «Демографическое развитие Республики Беларусь: 2005–2010 годы». Кроме того, Л. П. Шахотько участвовала в реализации проекта «Анализ ситуации в области изучения проблем стабильности семьи и предложения по поводу основных направлений будущих исследований семьи в Республике Беларусь», выполняемом по инициативе ПРООН в Беларуси и Фонда ООН в области народонаселения (UNFPA).

В рамках международного научно-технического сотрудничества заведующий сектором бюджетно-налогового регулирования кандидат экономических наук, доцент О. Л. Шулейко в 2011 году и заведующий сектором денежно-кредитного регулирования, кандидат экономических наук, доцент М. В. Маркусенко в 2012 году прошли стажировку в Корейском институте внешнеэкономической политики (Сеул, Республика Корея) [1].

В соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы главной целью развития страны выступало повышение качества

жизни населения на основе роста конкурентоспособности экономики, привлечения инвестиций и инновационного развития. Институт экономики НАН Беларуси в эти годы принимал активное участие в разработке фундаментальных и прикладных исследований в области обеспечения социально-экономического развития Республики Беларусь. Высокий уровень научных исследований, их глубокая фундаментальная основа и востребованность практикой были признаны Президентом Республики Беларусь, правительственными организациями, а также Президиумом НАН Беларуси.

Среди женщин-ученых выделены гранты Президента Республики Беларусь в области науки – кандидату экономических наук, доценту Т. В. Садовской (на 2019 год), кандидату экономических наук, доценту А. М. Тетеркиной (на 2020 год).

За научные достижения Почетной грамоты Президиума НАН Беларуси удостоены: доктор экономических наук, доцент Т. С. Вертинская (2021), кандидат экономических наук, доцент Е. В. Преснякова (2021); Благодарности Председателя Президиума – Е. В. Зайцева (2020).

Премия Национальной академии наук Беларуси за лучшую научную работу в области гуманитарных и социальных наук присуждена кандидату экономических наук, доценту О. С. Булко (2019), премия Национальной академии наук Беларуси и Фонда поддержки образования и науки (Алферовский фонд) для молодых ученых – кандидату экономических наук, доценту А. Г. Бобровой (2018).

Премией Национальной академии наук Беларуси 2019 года в области гуманитарных и социальных наук, Грамотой Отделения гуманитарных наук и искусство НАН Беларуси в 2019 году награждена О. С. Булко.

В институт постоянно приходят работать молодые сотрудники, что гарантирует экономической науке сохранность и преемственность научных школ. Стипендии Президента Республики Беларусь талантливым молодым ученым среди женщин назначены: А. В. Сибирской (на 2015 год); Е. В. Пресняковой (на 2016 год); А. Г. Бобровой, Е. В. Зайцевой (на 2018 год); Л. О. Жигальской (на 2020 год), О. Ю. Ребенок (на 2022 год).

6 декабря 2020 г. в номинации «Конкурсные работы аспирантов» Конкурса Национального банка третье место присуждено аспиранту Института экономики НАН Беларуси Д. В. Самцовой за исследование по теме: «Приоритетные направления развития органического сельскохозяйственного производства в Беларуси».

В 2020 году грамота Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук вручена кандидату экономических наук Л. Г. Тригубович, объявлена Благодарность А. Г. Бобровой.

Почетными грамотами и грамотами Института экономики НАН Беларуси удостоены Н. А. Абрамчук, Т. С. Вертинская, Г. А. Крюкова, Е. В. Куриленок, кандидат юридических наук В. К. Ладутько, И. В. Пашкевич, Е. В. Преснякова, кандидат технических наук В. М. Циблибина, Н. М. Щербина, кандидат экономических наук Ю. П. Якубук, Д. А. Рогатко, А. В. Сибирская, кандидат юридических наук Д. А. Шаблинская [1].

28 января 2021 г. в Институте экономики НАН Беларуси состоялось расширенное заседание Ученого совета, посвященное Дню белорусской науки.

За значительный личный вклад в научную разработку целевых сфер экономики Почетной грамоты Президиума Национальной академии наук Беларуси удостоены Т. С. Вертинская и Е. В. Преснякова.

За высокие научные достижения в приоритетных направлениях экономической науки и в связи с Днем белорусской науки благодарностями и грамотами Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси отмечены: кандидат экономических наук, доцент Н. Н. Батова, Л. Г. Тригубович, кандидат экономических наук, доцент А. М. Тетеркина., А. Г. Боброва.

За плодотворную научно-исследовательскую организационную работу и в связи с Днем белорусской науки грамотами и Почетными грамотами Института экономики Национальной академии наук Беларуси награждены: Т. В. Веремейчик, Л. В. Дубовская, Н. С. Кузьменкова, А. В. Сибирская, Т. В. Андилевко, Н. В. Кудревич.

За добросовестное исполнение должностных обязанностей и в связи с Днем белорусской науки Благодарность директора Института экономики Национальной академии наук Беларуси объявлена сотрудницам: О. Р. Кочерге, Н. Г. Лопатовой, Д. С. Маркевич, О. Ф. Родевич, Д. В. Самцовой.

30 июня 2021 года в конференц-зале Президиума НАН Беларуси состоялось Торжественное собрание, посвященное 90-летию Института экономики НАН Беларуси и приуроченное ко Дню экономиста. За большой вклад в развитие теории и методологии национальной социально-экономической модели, создание белорусской экономической школы и в связи с 90-летием со дня создания учреждения коллектив ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» был награжден Почетной грамотой Президиума НАН Беларуси.

Женщинам – ученым Института экономики НАН Беларуси вручены:

– Почетная грамота Министерства экономики Республики Беларусь – за разработку комплекса мероприятий, направленных на стимулирование развития электротранспорта в Республике Беларусь и в связи с 90-летием государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», 11.06.2021 – Е. В. Пресняковой;

– Почетная грамота Национальной академии наук Беларуси – за разработку комплекса рекомендаций по обеспечению демографической безопасности Республики Беларусь – А. Г. Бобровой;

– Грамота Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь – за многолетнюю плодотворную научную деятельность, научные достижения в области исследования белорусско-китайского экономического сотрудничества – Т. С. Вертинской;

– Благодарность Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси – за разработку комплекса рекомендаций по обеспечению экологической безопасности Республики Беларусь – Н. Н. Батовой;

– Благодарность Министра экономики Республики Беларусь – за разработку комплекса научно-обоснованных методик оценки эффективности внешней торговли Республики Беларусь и в связи с 90-летием государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» – Н. А. Абрамчук.

27 сентября 2021 г. объявлена Благодарность Главы Администрации Президента Республики Беларусь за высокий профессионализм и активное участие в гражданско-политической жизни А. Г. Бобровой.

Женщины – ученые Института экономики НАН Беларуси принимают активное участие и выступают с докладами в Международных научно-практических конференциях, семинарах и круглых столах.

Заведующий отделом человеческого развития и демографии Института экономики НАН Беларуси А. Г. Боброва 2 февраля 2021 г. приняла участие в круглом столе «Улучшение качества жизни населения: счастливая семья, эффективная занятость, достойные доходы и активное долголетие», проведенном на базе НИИ труда Минтруда и соцзащиты; 8 сентября 2021 г. – в серии региональных форумов «Беларусь адзіная», 19 июля 2022 г. – в научно-практической конференции «Крепкая семья — сильное государство»; 30 сентября 2022 г. – в круглом столе «Региональные аспекты социально-демографического и экономического развития Республики Беларусь», организованном на базе Витебского государственного технологического университета в формате заинтересованного обмена мнениями и диалога научной общественности с представителями органов управления и бизнеса.

15 октября 2021 г. А. Г. Боброва и заведующий сектором эколого-экономических исследований Центра человеческого развития и демографии Н. Н. Батова участвовали в Региональном форуме по устойчивому развитию Гомельской области, который состоялся в Гомельском областном общественно-культурном центре. Региональный форум организован в рамках действующего под эгидой ПРООН проекта по достижению Целей устойчивого развития.

Н. Н. Батова приняла участие: 27 августа 2021 г. – в семинаре «Инклюзивная «зеленая» экономика», проходившем в г. Брагин. На семинаре обсуждались подходы к инклюзивному развитию в Гомельской области в целом, и в Брагинском районе непосредственно, а также опыт занятости людей с инвалидностью, в том числе инвалидов-спинальников в контексте перехода к инклюзив-

ной «зеленой» экономике; 18 января 2022 г. – в работе круглого стола, посвященного вопросам реализации Национального плана действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 гг.; 21 апреля 2022 г. – в тематическом заседании Совета по устойчивому развитию, посвященном развитию регионов, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Н. А. Абрамчук, заведующий сектором внешней торговли Центра мировой экономики, приняла участие 14–15 октября 2021 г. в повышении квалификации по программе «Экономика и право Всемирной торговой организации» в рамках совместного проекта Министерства иностранных дел Республики Беларусь и Программы развития ООН «Содействие Правительству Республики Беларусь при вступлении во Всемирную торговую организацию через усиление экспертного и институционального потенциала».

15 сентября 2021 г. молодые женщины – ученые Института экономики НАН Беларуси приняли участие в торжественной церемонии вручения свидетельств о повышении квалификации слушателям программы «Международные отношения и евразийская интеграция» Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громько и Московского государственного института международных отношений (МГИМО), которая состоялась в Посольстве Российской Федерации в Республике Беларусь. Свидетельство о повышении квалификации в том числе получили: заведующий сектором глобальной экономики Центра мировой экономики Е. В. Тулейко; старший научный сотрудник сектора международной экономической интеграции Центра мировой экономики А. В. Сибирская; младший научный сотрудник сектора правового обеспечения социально-экономического развития Центра государственного строительства и права М. П. Курилович.

Представители Центра мировой экономики в составе руководителя Т. С. Вертинской, заведующего сектором глобальной экономики Е. В. Тулейко 19–21 апреля 2021 г. приняли участие в работе онлайн-конференции «V Сенчаговские чтения: Новые вызовы и угрозы экономике и обществу России». Конференция организована Институтом экономики Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация).

25–28 июля 2022 г. в Москве проходил Форум финалистов Конкурса молодых международных стран СНГ им. А. А. Громько. Победителем в основной номинации стала заведующий сектором социально-демографической политики Центра демографии и человеческого развития Л. Н. Воронецкая.

20 мая 2022 г. ученые Института экономики НАН Беларуси приняли участие в XVII международной научно-практической конференции «Экономика и управление: теория, методология, практика», приуроченной 450-летию г. Уфа, организованной Башкирским государственным университетом (г. Уфа, Россия) и Ляонинским университетом (г. Шэньян (Китай)). На пленарном заседании участниками конференции был заслушан совместный доклад заведующего сектором промышленной политики ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» Е. В. Пресняковой и старшего научного сотрудника Центра структурной политики ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» Е. В. Потапцевой на тему: «Идентификация высокопроизводительных рабочих мест: опыт России и Республики Беларусь».

Совместно с коллегами из Института экономики Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург) 25 апреля 2022 г. ученые Института экономики НАН Беларуси совместно провели научный онлайн-семинар на тему: «Инструментарий оценки возможностей экономической интеграции взаимодействия регионов России с Республикой Беларусь» по итогам завершения научно-исследовательской работы по гранту БРФФИ-РФФИ. Е. В. Пресняковой в ходе доклада были рекомендованы направления развития производственно-кооперационных связей и научно-технологического взаимодействия организаций Республики Беларусь и Российской Федерации.

Заведующий сектором Центра государственного строительства и права А. А. Трипузова приняла участие: 27 мая 2022 г. – в научно-практической конференции «Конституционное право в условиях цифровизации: проблемы науки и образования»; 14 июня 2022 г. – в Международной научно-практической конференции «Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка», посвященная 100-летию прокуратуры Беларуси; 22 апреля 2022 г. – в Международной научно-практической конференции «Байкальские компаративистские чтения» с пленарным докладом на

тему «Конституционная экономика в контексте обеспечения экономической безопасности и защиты конкуренции в Республике Беларусь и за рубежом».

Заведующий сектором ценообразования и антимонопольного регулирования А. М. Тетёркина и А. А. Трипузова 7 сентября 2022 г. приняли участие в Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию антимонопольного регулирования в Республике Беларусь.

В рамках Института экономики НАН Беларуси в 2022 г. состоялся ряд круглых столов:

«Механизмы развития сферы услуг в Республике Беларусь в условиях экономической безопасности» (27 апреля 2022 г.). С приветственным словом к участникам семинара обратилась заведующий отделом экономики сферы услуг, кандидат экономических наук, доцент Н. Н. Морозова, отметив ключевые моменты развития конкретных областей сферы услуг, оказываемых на внутреннем и внешних рынках в условиях цифровой экономики для обеспечения экономической безопасности;

«Научный потенциал и эффективность функционирования правовых механизмов обеспечения экономической безопасности» (3 июня 2022 г.). Открыла мероприятие руководитель Центра государственного строительства и права, кандидат экономических наук, доцент Н. С. Минько. В рамках круглого стола выступила младший научный сотрудник Центра государственного строительства и права М. П. Курилович с докладом на тему «Правовые аспекты закрепления экологического страхования как формы партнерства в сфере охраны окружающей среды»;

«Современные проблемы развития бизнес-среды Республики Беларусь» (7 июня 2022 г.). Заведующий отделом мониторинга социально-экономического развития, кандидат экономических наук, доцент А. С. Попкова определила основные направления работы круглого стола, рассказала про ключевые вызовы, с которым сталкивается белорусский бизнес в современных экономических и политических реалиях;

«Современные проблемы и подходы к обеспечению научно-технологической безопасности государства» (9 июня 2022 г.). Старший научный сотрудник Центра инновационной и инвестиционной политики Г. В. Карловская выступила с докладом на тему: «Наукоемкость ВВП как ключевой индикатор научно-технологической безопасности Республики Беларусь»; заведующий сектором промышленной политики Центра инновационной и инвестиционной политики Е. В. Преснякова – с докладом на тему: «Санкции как инструмент протекционистской промышленной политики»;

«Правовое обеспечение экономической безопасности в современных условиях: мировой и отечественный опыт» (28 сентября 2022 г.). Зарубежный опыт совершенствования гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности привела заведующий сектором Центра государственного строительства и права, кандидат юридических наук. Е. Н. Гладкая. Актуальной теме конституционно-правовой защиты конкуренции как фактора обеспечения экономической безопасности посвятила выступление заведующий сектором Центра государственного строительства и права А. А. Трипузова, сформулировав предложения о внесении изменений в Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что женщины – ученые Института экономики вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие Республики Беларусь в его различных аспектах, что подтверждается изданием многочисленных подготовленных на высоком уровне монографий, высокой публикационной активностью, участием в международных научно-практических конференциях и семинарах, тесным сотрудничеством с зарубежными учеными. Важным остается привлечение в науку молодых кадров, что в перспективе приведет к росту интеллектуального потенциала экономической науки страны.

Литература

1. Институту экономики Национальной академии наук Беларуси – 90 лет: этапы становления и развития / В. Л. Гурский [и др.] ; под науч. ред. В. Г. Гусакова. – Минск : Право и экономика, 2021. – 300 с.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СОЮЗ-
НИКОВ: ЛЕНД-ЛИЗ**
ECONOMIC PROGRAM MILITARY-TECHNICAL ASSISTANCE
OF THE ALLIES: LEND-LEASE

Калинкович Виталий Александрович,
кандидат экономических наук, доцент
заведующий сектором моделей социально-экономического развития
отдела мониторинга социально-экономического развития,
Институт экономики НАН Беларуси
vkalinkovich@mail.ru
Kalinkovich Vitaly,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Socio-Economic Development models Sector
of the for Monitoring of Socio-Economic Development Department,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
vkalinkovich@mail.ru

Аннотация. Представлен исторический нарратив реализации феноменов прямого и возвратного ленд-лиз. На их примере рассматриваются экономические отношения СССР со своими союзниками в годы Второй мировой войны, являющие собой образец сотрудничества мировых держав в исключительных обстоятельствах перед лицом общего смертельного врага. Показаны объемы и дано описание основной номенклатуры военно-технической продукции, поставляемой по программе ленд-лиза.

Ключевые слова: ленд-лиз, экономика Великой Отечественной войны, внешнеэкономические отношения СССР в годы войны.

Abstract. The article presents the historical narrative of the implementation of the phenomena of direct and reverse lend-lease. Using their example, the economic relations of the USSR with its allies during the Second World War are considered, which are a model of cooperation between world powers in exceptional circumstances in the face of a common deadly enemy. The volumes are shown and the description of the main nomenclature of military-technical products supplied under the lend-lease program is given.

Keywords: lend-lease, economy of the Great Patriotic War, foreign economic relations of the USSR during the war.

Мир вновь стал активно меняться, и наша республика в очередной раз претерпевает, пусть не столь радикальную, но все же трансформацию своего социокультурного уклада, что настоятельно требует не только поиска общей перспективы, но и пересмотра своего недавнего прошлого в поисках адекватных исторических аналогий. При этом особенно острая потребность присутствует в поиске и выявлении различного рода событий, объединяющих людей и целые социумы перед возможными разномасштабными катастрофическими явлениями.

В данной статье предпринята попытка напомнить о том периоде в мировой истории, когда три страны смогли объединиться перед реальной угрозой со стороны фашистской Германии и ее союзников. И, в частности, создать для этого действенную систему экономической взаимопомощи, способствовавшую разгрому «коричневой чумы». В исторической памяти народов России и Беларуси эта система известна как «ленд-лиз».

С момента окончания войны и до наших дней продолжается своеобразное состязание в мифотворчестве по поводу значимости этой программы взаимопомощи, где крайними вариантами трактовки являются отрицание важности «ленд-лиза» как фактора разгрома фашизма или

признания его фактором «спасения» Красной Армии и решающей причиной победы СССР. И до сих пор в этом деле полно загадок. Но главное, что удивляет до сих пор, особенно, если учитывать нынешние внешнеполитические реалии, так это то, как вообще удалось осуществить эту грандиозную военную программу, как великие державы с разным менталитетом, противоречивыми геополитическими интересами, со множеством политических и экономических ограничений внутри каждой страны сумели объединить свои усилия в борьбе с общим врагом.

Напомним, что уже к осени 1941 г. была значительно подорвана мобилизационно-ресурсная база военной экономики СССР. К сентябрю 1941 г. страна лишилась своих центрально-европейских районов, включая нашу республику, в которых до этого проживало 26,4 % всего населения (1939 г.) и производилось 38,3 % валового продукта. Осенью 1941 г. началась блокада Ленинграда с его важными оборонными производствами, были потеряны Донбасс и Харьков. Об экономической значимости донецкого угля общеизвестно, а Харьков, напомним, накануне войны по своему индустриальному, транзитному и человеческому потенциалу (900 тыс. человек) был третьим городом СССР после Москвы и Ленинграда, являясь крупнейшим центром тяжелого машиностроения (именно на харьковском заводе № 183 перед войной был разработан и серийно выпускался танк Т-34).

Вследствие оккупации фашистской Германией значительных территорий, союзный ВВП к 1942 г. снизился более чем на треть по сравнению с довоенным уровнем, при этом из почти 200 млн человек населения около 78 млн и главные промышленные центры остались на оккупированных территориях и вблизи линии фронта. Всего же в результате оккупации СССР (1941–1944 гг.) была утрачена территория, на которой проживало 45 % населения, добывалось 63% угля, производилось 68 % чугуна, 50 % стали и 60 % алюминия, 38 % зерна, 84 % сахара и т. д. В силу этого, как справедливо отмечает Г. Попов, «...просто поставки сырья уже не устраивали правительство СССР – нужны были готовые танки, самолеты, орудия, автоматы и прочее» [1].

Закон о «ленд-лизе», принятый конгрессом США еще 11 марта 1941 г., предусматривал [2]:

1. «...поставленные материалы (машины, различная военная техника, оружие, сырьё, другие предметы), уничтоженные, утраченные и использованные во время войны, не подлежат оплате» (ст. 5 «Закона по обеспечению защиты Соединенных Штатов», называемого обычно «Законом о «ленд-лизе»).

2. Оставшееся после окончания войны имущество, пригодное для гражданских целей, должно быть полностью или частично оплачено на основе предоставляемых США долгосрочных кредитов (главным образом – беспроцентных займов).

3. Неутраченная техника и неразрушенное оборудование после войны в случае заинтересованности американской стороны должны быть возвращены США.

Поэтому мы бы не стали столь категорично утверждать, как это делает Н. Бутенина, что «...соглашение о ленд-лизе строилось на принципах срочности, возвратности, платности, которые присущи кредитным и арендным отношениям. Поэтому ленд-лиз в большей степени следует рассматривать не как помощь, а как платную услугу одного государства другому» [3].

Об объемах поставок в СССР в рамках программы «ленд-лиза» у специалистов до сих пор нет единого мнения. Наиболее часто у советских историографов и литераторов, включая и белорусских (И. Шамякин, 2004 г.), фигурировали 4 % западных поставок от стоимости общего выпуска военной продукции или от расходов СССР за все военные годы. Н. Бутенина [3] определила отношение «ленд-лизовских» поставок промышленных товаров к советскому промышленному производству в 7 % (13,212 млрд долл.), учтя при этом «фактор высвобождения». По данным, приведенным Н. И. Рыжковым [4], описываемая программа была профинансирована в объеме чуть более 50 млрд долл., из которых 11,3 млрд долл. или 22,6 % пришлось на поставки в СССР. Но даже такие объемы поставок для СССР вызывали у некоторых союзников по антигитлеровской коалиции неподдельное возмущение. Например, У. Черчилль «в сопротивление русских... не верил или верил очень мало. Он старался внушить..., что львиная доля ленд-лиза должна принадлежать британскому льву; что всякая по-

мощь Советам приведет лишь к затяжке войны, а в конечном счете – и притом несомненно – к поражению» [5].

Конечно, только количественные показатели поставок не могут дать объективной оценки роли «ленд-лиза» в годы войны. Следует учитывать и качество поставляемой продукции, своевременность ее поступления, значимость оборудования для отечественной военной промышленности. Некоторые американские и английские танки, поставлявшиеся в СССР, по своим боевым качествам уступали советским и немецким машинам. Например, американский средний танк «Шерман» уступал советским Т-34, КВ, ИС, а модифицированный вариант «Шермана» в Советский Союз не поставлялся. Из этого Н. В. Шабельник сделала вывод, что «...союзники поставляли в СССР не самые лучшие образцы своей техники» [6].

С экономической оценкой программы помощи союзников в годы Великой Отечественной войны тесно связано определение роли этой помощи, о которой до сих пор нет единого мнения. Причем, волатильность мнений значительна – от принижения значения «ленд-лиза» в советское время до нынешнего не всегда обоснованного преувеличения значимости союзнических поставок. Н. И. Рыжков приводит данные, из которых следует, что поставки вооружений и боевой техники союзников по антигитлеровской коалиции составили лишь небольшой процент к количеству аналогичных образцов, произведенных за тот же период советской промышленностью (таблица 1). И поэтому в вопросе о роли американской программы «ленд-лиза» он весьма категоричен – «...можно уверенно утверждать: определяющей роли в Великой Победе она не сыграла» [4].

Таблица 1 – Сравнительные данные относительно количества произведенного в СССР оружия и соответствующих поставок по «ленд-лизу» (1941–1945 гг.)

Виды продукции	Единицы измерения	Производство в СССР	Поставки по «ленд-лизу»	% поставок к производству
Самолеты	тыс. штук	136,8	18,7	13,6
Танки и САУ	тыс. штук	104,4	10,8	10,3
Орудия и минометы	тыс. штук	824,0	6,9	0,8
Пистолеты и пулеметы	тыс. штук	6 173,9	105,4	0,2
Снаряды и мины	млн штук	775,6	17,4	0,2

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [4, с. 40]

Но этот же автор, соблюдая научную объективность, делает оговорку касательно таких крайне важных для страны позиций «ленд-лиза» как материалы (и комплектующие) для собственно военной промышленности, а также автомобильной техники, по которым объем союзнической помощи был близок или даже превышал объемы советского производства (таблица 2).

Таблица 2 – Сравнительные данные об объемах некоторых видов продукции, поставленной по «ленд-лизу», и их производства в СССР (1941–1945 гг.)

Виды продукции	Производство в СССР	Поставки по «ленд-лизу»	Процент поставок к собственному производству
Медь, тыс. тонн	534	404	76
Алюминий и дюралюминий, тыс. тонн	283	301	106
Олово, тыс. тонн	13	29	223
Кобальт, тонн	340	470	138
Авиабензин, тыс. тонн	4700	2586	55
Автомобильные шины, тыс. штук	5953	3659	62

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [4, с. 42]

Кроме того, СССР получил по «ленд-лизу» 130 тыс. тонн толуола, тринитротолуола и аммонита (1941–1944 гг.), 110 тыс. тонн порохов (1941–1944 гг.), более 622 тыс. тонн железнодорожных рельсов (56,5 % собственного производства), 1900 локомотивов, что в 2,4 раза

больше, чем было выпущено за все военные годы, железнодорожных вагонов в 10,2 раза больше собственного пополнения вагонного парка (более 11 тыс. штук).

Понятно, что при установлении графиков поставок и их реальном исполнении основной акцент должен был бы быть сделан на начальном этапе Великой Отечественной войны, когда происходили катастрофические потери военного имущества, и когда каждый танк и самолет были на особом счету. А не в 1943–1945 гг., когда на полную мощь заработала мобилизационная экономика СССР и уже была полностью налажена работа советского военно-промышленного комплекса, обеспечившего перелом в ходе боевых действий Красной Армии. Поэтому, например, те 27,6 % грузов от общего объема всех поставок США по «ленд-лизу», которые были получены СССР в тяжелейшем 1942 году, говоря современным языком, не соответствовали требованиям эффективной логистики поставок.

Со стороны союзников СССР имели место и явные ограничения по определенным видам вооружения. Например, СССР изначально имел незначительный парк дальней бомбардировочной авиации и в условиях войны не мог восполнять потери в ней. Однако союзники под различными предлогами уклонялись от поставок тяжелых четырёхмоторных бомбардировщиков с большой бомбовой нагрузкой и дальним радиусом действия, видя потенциальную для себя угрозу в недалекой перспективе. С учетом предполагаемой расстановки сил в послевоенное время высшую степень секретности носили также исследования по созданию атомного оружия. И, кроме того, не стоит забывать, что, несмотря на просьбы Советского государства, которому предстояло восстанавливать разрушенную войной страну, пролонгировать сроки реализации программы и продолжить поставки пусть даже на условиях кредита, американское правительство 21 августа 1945 г. все же закрыло программу «ленд-лиза».

Несмотря на огромные военные расходы в целом и, в частности, расходы на программу «ленд-лиз» (14,7 % военных расходов США), ВВП США за все годы войны вырос на 69,1 %, промышленные мощности за период с 1938 года по 1945 год увеличились на 40 %, а безработица к 1944 году по сравнению с 1940 годом сократилась в 11,4 раза. Благодаря войне, экономика США стала лидирующей в мире, а уровень жизни в стране взлетел на небывалую высоту. С 1940-го по 1945-й средние заработки американцев выросли на 70 процентов. Прибыли корпораций увеличились в 2,5 раза. Но более всего за период войны «поднялись» 100 крупных американских корпораций, на чью долю пришлось около 70% правительственных заказов и чьи доходы составили 54,6 млрд долларов, увеличившись в ежегодном исчислении в 2,6 раза по сравнению с предвоенным периодом.

В рамках ленд-лиза имело место и такое явление, которое получило условное название «возвратный» («обратный») ленд-лиз». В соответствии со статьей 2 советско-американского соглашения от 11 июня 1942 года «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», Советское правительство принимало на себя обязательство содействовать обороне Соединённых Штатов Америки и предоставлять материалы, обслуживание, льготы и информацию в меру своих возможностей [7]. Считается, что за весь период действия Закона о «ленд-лизе» по системе «обратного ленд-лиза» США получили товаров и услуг на сумму 7,8 млрд долл. (таблица 3).

Таблица 3 – Объемы товаров и услуг, полученных по «ленд-лизу» и «обратному ленд-лизу», в ценах 1941–1945 гг., млрд долл.

Страна-получатель	Получено по «ленд-лизу»	Поставлено в США по «обратному» «ленд-лизу»
Британская империя (включая Австралию и Новую Зеландию)	31,4	6,75
СССР	11,3	0,22
Франция	3,2	0,87
Китай	1,6	0,37

Примечание – Источник: Собственная разработка на основе [4, с. 36]

В товарной форме за весь период войны СССР поставил в США 300 тыс. т хромовой и 32 тыс. т марганцевой руды, а также древесину, пушнину, икру, рыбу и т.п. В Великобританию

нию – серебро, апатитовый концентрат, хлористый калий, пиломатериалы, лен, хлопок, пушнину и многое другое. В виде оказания услуг Советский Союз обеспечивал и обслуживал иностранные суда, приходящие в наши северные порты, а также участвовал в организации снабжения войск союзников в Иране. «Если мы отправляем им больше помощи по ленд-лизу, чем получаем от них по «возвратному ленд-лизу», – писал тогдашний начальник Управления по соблюдению Закона о ленд-лизе Э. Стеттиниус (1941–1943 гг.), – это вовсе не значит, что мы делаем больше для борьбы с нашим общим врагом. Мы знаем, что они так же, как и мы вкладывают все свои силы в эту войну» [8].

Бывали случаи, когда СССР в рамках исполнения союзнического долга делился особенно ценным в условиях войны нематериальным продуктом – передовыми на тот момент научно-технологическими достижениями в военной области. Например, когда стало ясно, что в условиях низких температур резина покрышек американских самолетов приобретает повышенную хрупкость, советские специалисты поделились технологией производства морозостойкого каучука.

Сразу после окончания войны странам, получавшим помощь по «ленд-лизу», было предложено оплатить не утраченное в ходе боевых действий военное оборудование и материалы. США оценили долг СССР за поставки в 1,3 млрд долл. с условием погашения в течение 30 лет под 2,3 % годовых (1948 г.). Но советское правительство посчитало, что советский народ сполна расплатился по долгам «ленд-лиза» собственной кровью и согласилось оплатить лишь ничтожную сумму долга, что, естественно, не устроило американскую сторону. После этого проблема оплаты долга по «ленд-лизу» перешла в вялотекущее состояние, а спустя три года вообще сошла на нет в связи с началом «холодной» войны. Лишь 2009 г. советский долг по «ленд-лизу» был полностью выплачен Российской Федерацией как правопреемницей СССР и по итогу (с учетом инфляционного обесценения доллара) составил около 1 % стоимости всех поставок.

Итак, оценивая экономическую помощь союзников СССР, можно согласиться, «...что она была достаточно существенной, но решающей роли в победе советской армии не сыграла» [6], так как основные военные поставки пришлось на период после коренного перелома войны, когда в ее исходе и победе СССР уже никто не сомневался. Но, с другой стороны, техника, оборудование и технологии союзников позволили в последующем повысить технологический и технический уровень советской промышленности.

Думаем, что будет достаточно, если мы с высоты прошедших семи с половиной десятилетий признаем программу «ленд-лиз» уникальным историческим прецедентом объединения усилий стран с различным социально-экономическим устройством в борьбе с глобальной угрозой для всей человеческой цивилизации. Ведь сегодня, в условиях продолжающегося обострения международной напряженности, такой исторический опыт сотрудничества ведущих мировых держав в годы военного лихолетья особенно ценен.

Литература

1. Попов, Г. Г. Военно-экономическое значение «ленд-лиза» для СССР / Г. Г. Попов // *Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики)*. – 2016. – Т. 7. – № 1. – С. 34–54.

2. An Act to Promote the Defense of the United States (Закон о ленд-лизе от 10 января 1941 года). Записи Палаты представителей США, HR 77A-D13, Record Group 233, Национальный архив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.archives.gov/milestone-documents/lend-lease-act> – Дата доступа: 20.01.2022.

3. Бутенина, Н. В. Ленд-лиз: сделка века / Бутенина Н. В. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004. – 312 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/507139-lend-liz-sdelka-veka.html>. – Дата доступа: 25.02.2020.

4. Рыжков, Н. И. Фактор ленд-лиза / Н. И. Рыжков // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2015. – № 3. – С. 34–47.

5. Рузвельт Э. Его глазами / Э. Рузвельт / Пер. с англ. А. Д. Гуревича и Д. Э. Куниной. Под редакцией И. Е. Овадаса. Вступительная статья профессора С. К. Бушуева – М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. – 253 с.

6. Шабельник Н. В. Роль ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны: современные оценки / Н. В. Шабельник // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: ООО изд-во «Грамота», 2016. – № 1. – С. 196–199.

7. Соглашение между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, 11 июня 1942 г.: Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111894#mode/inspect/page/2/zoom/4>. – Дата доступа: 20.01.2020.

8. Стеттиниус, Э. Ленд-лиз – оружие победы (Lend-Lease: weapon for victory). Гл. 25 «Возвратный ленд-лиз» / Э. Стеттиниус / Пер. с англ. С. Луговского – М.: Вече, 2000. – 400 с.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

ON THE ISSUE OF MODERNIZING THE PROVISIONS OF THE NATIONAL SECURITY CONCEPT OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE FACE OF NEW CHALLENGES AND THREATS

Минько Наталья Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
руководитель центра государственного строительства и права,
Институт экономики НАН Беларуси
natallia.minko@gmail.com
Minko Natallia,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the State Building and Law Center,
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
natallia.minko@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются конституционные предпосылки модернизации Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в условиях новых вызовов и угроз. На основании результатов проведенного исследования сделаны выводы о необходимости пересмотра и уточнения отдельной терминологии и положений, используемых в Концепции национальной безопасности. В частности, подлежат уточнению такие понятия, как «национальные интересы» и «стратегические национальные интересы». Важно уделить внимание разработке аспектов мемориальной политики (с подготовкой ее Концепции); концептуальное значение будет иметь научное осмысление такого понятия, как «интеграционная безопасность».

Ключевые слова: конституционные предпосылки, модернизация, Концепция национальной безопасности, национальные интересы, мемориальная политика, интеграционная безопасность.

Annotation. The article reveals the constitutional prerequisites for expanding the National Security Concept of the Republic of Belarus in the face of new challenges and threats. Based on the results of the study, it was found that it was necessary to revise and clarify certain terminology and by the investigator registered in the National Security Concept. In particular, such concepts as «national interests» and «strategic interests of interests» are considered. It is important to pay attention to the development of aspects of the memorial policy (with the preparation of its Concept); scientific understanding of such a concept as «integration security» will have a conceptual meaning.

Key words: constitutional prerequisites, modernization, concept of national security, national interests, memorial policy, integration security.

Сфера безопасности играет огромную роль в развитии Беларуси, она достигается системой скоординированных мер экономического, политико-правового, организационного, иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства.

«Нация находится в состоянии безопасности, когда ей не приходится приносить в жертву свои национальные интересы – объективные потребности нации как внутренне целостного и самобытного социального образования в единстве всех его свойств. В них концентрируется отношение нации ко всей совокупности общественно-политических институтов, материальных и духовных ценностей» [1].

Основным субъектом обеспечения безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через органы государственной власти, граждане и институты гражданского общества, межгосударственные объединения также выступают *субъектами безопасности*, обладают правами и обязанностями по участию в обеспечении безопасности. Компонентами механизма государственного и общественного обеспечения национальной безопасности выступают устойчивая рациональная политическая организация общества, эффективная экономическая система, а также идеологическая основа, идеологическая безопасность. Содержанием безопасности является совокупность условий и факторов, обеспечивающих стабильное функционирование и развитие социальной системы (личности, общества и государства).

«В целом, говоря о процессе обеспечения безопасности, следует помнить о его перманентности, постоянной незавершенности. Процесс общественного развития таков, что на место одних противоречий после их разрешения приходят другие, носящие иногда принципиально иные форму и содержание. Отсюда вытекает потребность в непрерывном прогнозировании, создания системы мониторинга за появлением и развитием новых опасностей и угроз» [1].

Программно-целевое регулирование безопасности (программы в настоящее время являются основными инструментами государственной политики) объективно предполагает комплексный учет мировоззренческой, научной и экспертно-аналитической составляющей деятельности по воздействию на безопасность. Причем регулирующие действия субъектов обеспечения национальной безопасности должны базироваться на правовых актах государства. Идея безопасности в таком случае оформляется как *интегрирующая доктрина* страны. Стратегическая цель безопасности и стабильного развития общества требует видеть одновременно и в комплексе все угрозы безопасности.

Целью исследования выступает необходимость выявить и дать научную характеристику отдельных положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, требующих модернизации в условиях новых вызовов и угроз (в рамках политической части).

В историю Республики Беларусь вписана новая страница – 27 февраля 2022 года состоялся республиканский референдум, на котором абсолютное большинство граждан поддержало предложенные конституционные поправки, вступившие в законную силу. Конституция Республики Беларусь отражает ценностный выбор белорусского народа.

Сегодня Основной Закон – Конституция Республики Беларусь [2] закладывает основы внесения последующих изменений и дополнений в иные нормативные правовые акты. Так, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 [3] (далее – Концепция национальной безопасности) закреплён ряд основополагающих понятий и положений, содержание и

направленность которых должны быть пересмотрены с учетом внесенных изменений и дополнений в текст Конституции Республики Беларусь.

К числу основополагающих национальных интересов Республики Беларусь относятся: суверенитет и территориальная целостность страны, ее государственное самоопределение и политическое самоуправление, достойное место в мировом сообществе, обеспечение прав и законных интересов личности, общества и государства, верховенство права, разделение властей, сохранение и приумножение традиций совместной деятельности, интеграционное сотрудничество, обеспечение конституционного правопорядка.

Содержанием национальной безопасности будет являться совокупность условий и факторов, обеспечивающих нормальное функционирование и развитие триединой системы «личность–общество–государство». Стратегическая цель безопасности и стабильного развития общества требует комплексного осмысления угроз национальной безопасности.

В пункте 4 раздела 1 Концепции национальной безопасности содержится ряд основополагающих *понятий*, определения которых должны быть пересмотрены с учетом внесенных изменений и дополнений в текст Конституции Республики Беларусь.

В частности, с учетом положений новой Преамбулы Основного Закона предлагается пересмотреть подходы к определению понятия «национальные интересы» и изложить его в следующей редакции:

«Национальные интересы – совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, *мир и гражданское согласие, благополучие граждан, неизблемость народовластия*, территориальную целостность, устойчивость развития, *сохранение национальной самобытности и суверенитета Республики Беларусь*.».

По своей направленности интересы ориентированы на обеспечение выживания, прогрессивного развития личности, общества, государства. Особое значение имеют такие жизненно важные интересы, как совокупность потребностей, удовлетворение которых обеспечивает само существование и возможность прогрессивного развития. Другие интересы, не связанные с проблемой выживания, принято относить к второстепенным [1].

Положения новой Преамбулы Основного Закона также обусловили необходимость дополнения пункта 8 Концепции национальной безопасности словами «*идеологии белорусского государства*», «*социально-*», «*благополучия*». В связи с чем указанный пункт предлагается изложить в следующей редакции:

«Стратегическими национальными интересами являются: обеспечение независимости, территориальной целостности, суверенитета, неизблемости конституционного строя, *идеологии белорусского государства*; устойчивое *социально-*экономическое развитие; высокая конкурентоспособность белорусской экономики; достижение *благополучия* граждан.»

В эпоху усиления межгосударственных политических, экономических, социальных, правовых связей *эффективность* функционирования государства зависит от того, насколько оно включено в процессы интеграционной правовой коммуникации. Таким образом, одним из основных принципов в этом процессе выступает принцип правовой эффективности.

Правовая эффективность предполагает достижение поставленных целей и конкретных результатов с минимально возможными негативными для правовой системы последствиями (издержками) при поддержании ее устойчивого развития.

Таким образом, пункт 9 Концепции национальной безопасности «Основными национальными интересами в политической сфере являются:» дополнить положением *об эффективном сотрудничестве в составе интеграционных объединений, союзов*; эффективное противодействие коррупции дополнить «*и иных противоправных посягательств против государства*», изложив в следующей редакции:

«9. Основными национальными интересами в политической сфере являются:

обеспечение эффективного сотрудничества в составе интеграционных объединений, союзов;

эффективное противодействие коррупции и иных противоправных посягательств против государства.».

Абзац двенадцатый пункта 27 Концепции национальной безопасности «Основными потенциальными либо реально существующими угрозами национальной безопасности являются:» дополнить словами «против государства»; также возможно включение в состав данной нормы и положений о *сохранении национальной самобытности, правовом доверии, правовой устойчивости.*

Предлагается изложить данную норму в следующей редакции:

«27. Основными потенциальными либо реально существующими угрозами национальной безопасности являются:

рост преступных и иных противоправных посягательств *против государства*, личности и собственности, коррупционные проявления;

утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории, затрагивающие данные ценности и традиции, *национальную самобытность*;

резкое либо масштабное снижение *правового доверия граждан, что ведет к снижению правовой устойчивости.*».

Ю. С. Канина в исследовании «Конституционные основы устойчивости и стабильности правовой системы общества» предприняла попытку отразить специфику устойчивости правовой системы [4]. В частности, она отмечает, что «без ясного понимания значения термина «устойчивость» не удастся понять, каким же свойством обладает правовая система общества. Устойчивость – это способность системы нормально функционировать, сохранять равновесие и противостоять внешнему воздействию. Стабильность представляет собой состояние системы, характеризующееся наличием необходимых условий и факторов, отсутствием значительных изменений, обеспечивающих достижение баланса. Устойчивость и стабильность считаются положительными категориями, особенно, если речь идет о сохранении полезных традиций данных свойств правовой системы невозможно построение процветающего гражданского общества и правового государства. Наличие противоречивых тенденций в праве, юридическая конфликтность препятствуют стабилизации правовой системы общества. Эти явления следует избегать, предотвращать, уничтожать. Необходимо сглаживать все неровности, чтобы достичь стабильности и устойчивости права в обществе и правовой системы» [4]. Устойчивость и стабильность правовой системы зависит не только от государственной власти, но и от каждого гражданина, его правовой ментальности и культуры восприятия, прежде всего, конституционных норм [4].

Таким образом, устойчивость предполагает свойство (способность) динамической системы сохранять текущее состояние и равновесие при влиянии внешних воздействий (поддерживать намеченный режим функционирования) на долгосрочную перспективу, несмотря на неизбежно воздействующие на нее возмущения (воздействия), чтобы выживать и прогрессивно развиваться. А также это свойство возвращаться к исходному состоянию после прекращения воздействия, которое вывело ее из этого состояния.

А. В. Кочетков отмечает, что «правовая стабильность – это устойчивое состояние правовой системы общества, ее способность длительное время сохранять свои сущностные черты и надлежащим образом функционировать без резких изменений. Соответственно, правовая нестабильность – это неустойчивое, неравновесное состояние правовой системы общества, связанное с нарушением в ней процессов саморегуляции и системных связей между элементами» [5].

В целях более глубокого осмысления сущности данного понятия можно обратиться к достижениям правовой аксиологии, что позволит учитывать не только социокультурные и социоклассовые основы и детерминанты права, правовые явления, их связь с государством и направлениями государственного строительства, но и духовные аспекты, отражаемые идеалы. Правовые ценности и оценки (в сфере правосознания) имеют регулятивное значение, обладают устойчивостью. В целом правотворчество и реализация права представляют собой

области человеческой деятельности оценочного характера, они являются правовыми ценностями, поскольку лежат в основе права и правопорядка, выступают в качестве идеального обоснования норм права, закрепляются и охраняются правовыми нормами, составляют цель права и его институтов. В связи с указанным нам видится, что сущность анализируемой категории «правовая устойчивость» может быть раскрыта, опираясь на понятия правового доверия, преемственности и саморегулирования (саморегуляции) в рамках правовой системы.

По указанному вопросу весьма актуальной видится научная статья С. В. Володиной «Правое доверие как основа устойчивости правовой системы общества: российское измерение» [6]. В частности, автор говорит о формировании особого типа социального доверия – правового доверия, которое является не только средовым механизмом, поддерживающим отношение к праву, закону в обществе, но и источником эффективных правоотношений в социуме. Правовое доверие является частью социального доверия в целом, и его состояния связаны с состоянием общества как системы взаимодействующих сфер, институтов. В этом проявляется его системообразующий характер. Ухудшение же атмосферы доверия в социуме окажет влияние на отношение к праву, его способности регулировать, упорядочивать, защищать [6]. «Доверие к правовой норме – это прежде всего уверенность в способности нормы обеспечивать реализацию предписанных ей функций, падение уровня доверия к праву приводит к увеличению положительного отношения к неправовым механизмам в принимаемых решениях и действиях, снижает правовой иммунитет общественного организма» [6].

Таким образом, недоверие к праву, закону, юридическим институтам, правовым процедурам дестабилизирует общественный порядок (в том числе правопорядок), свидетельствует об утрате легитимности права, снижении правовой устойчивости.

С учетом изложенного можно определить правовую устойчивость как равновесное состояние правовой системы общества, при котором она способна длительное время сохранять свои сущностные черты и надлежащим образом функционировать без резких изменений, без нарушения процессов саморегулирования и системных связей между элементами, а также возвращаться к исходному состоянию и прогрессивно развиваться на основе правопреемственности правотворчества и правоприменения в целях повышения правового доверия.

Предлагается дополнить пункт 29 Концепции национальной безопасности, *расширив перечень внутренних источников угроз национальной безопасности* за счет включения в него такого источника, как *«посягательство на территориальную целостность и конституционный строй Республики Беларусь»*; также, учитывая текущие общественно-политические тренды и мировой опыт, видится необходимым включение в него положения следующего содержания: *«структурирование иностранными субъектами гражданского общества во враждебном по отношению к государству ключе.»*

В части четвертой данной нормы также можно предусмотреть недостаточный уровень развития гражданского общества *и правового доверия*.

Предлагается изложить данную норму в следующей редакции:

«29. В политической сфере внутренними источниками угроз национальной безопасности являются:

посягательство на территориальную целостность и конституционный строй Республики Беларусь;

недостаточный уровень развития гражданского общества и правового доверия;

размывание национальной идентичности.»

Размывание национальной идентичности представляет собой деструктивную деформацию базовой структуры ее элементов. Национальная идентичность единой общности «белорусский народ» включает в себя обще- и субтерриториальный, этнорелигиозный, культурный уровни, интегрируемые на общегражданском плане. Чрезмерное усиление или ослабление определенного элемента имеет потенциал к деструкции гражданской и дестабилизации национальной идентичности. Противостоять этому видится возможным посредством укрепления идей конституционного патриотизма (формировании политической привязанности к конституционным нормам и ценностям) и конституционной идентичности (выраженные в

конституционных нормоположениях национальная культура государства, его самоидентификация, особенности, традиции, ценности). Причем кризис идентичности наступает в связи с распадом конституционных идеалов и ценностей, при этом разрушается общегражданская солидарность, что предполагает поиск новых духовных ориентиров для осознания своего места в обществе и своих связей с государством.

Текст пункта 34 Концепции национальной безопасности «В информационной сфере внутренними источниками угроз национальной безопасности являются:» предлагается дополнить положением следующего содержания: «*низкий уровень информационной грамотности населения, подверженность ряда социальных групп воздействию недостоверной или намеренно искаженной информации.*».

Предлагается изложить данную норму в следующей редакции:

«34. В информационной сфере внутренними источниками угроз национальной безопасности являются:

низкий уровень информационной грамотности населения, подверженность ряда социальных групп воздействию недостоверной или намеренно искаженной информации.»

С. В. Масленченко обращает внимание, что «происходит эволюция информационного противоборства как новой самостоятельной формы глобальной конкуренции. Распространяется практика целенаправленного информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам» [7]. В связи с казанным информационно-коммуникативные процессы должны способствовать формированию благоприятной информационной среды путем эффективного взаимодействия органов государственной власти, институтов гражданского общества, средств массовой информации.

Актуальным вопросом является нейтрализация возможных угроз безопасности Союзного государства Беларуси и России (далее – Союзное государство). Союзное государство представляет собой уникальную интеграционную модель, где могут вырабатываться и внедряться востребованные в других интеграционных объединениях правовые решения и механизмы, площадку для реализации инновационных интеграционных практик.

Основными угрожающими факторами в данном направлении являются: сохранение геополитической напряженности; широкомасштабное использование технологий свержения легитимных политических режимов, провоцирование внутрисоюзной нестабильности и конфликтов, возможность переноса этой деятельности на Российскую Федерацию и Республику Беларусь; сохранение в приграничных государствах социально-политической напряженности и усиление ее влияния на геополитическую ситуацию в регионе; сохранение и развитие военных и иных союзов, цели и деятельность которых противоречат интересам Союзного государства в военной сфере; сохраняющееся внешнее экономическое и иное давление на Россию и Беларусь со стороны иностранных государств; рост масштабов транснациональной экономической преступности; распространение идеологии радикального ислама, неонацистских, националистических и иных радикальных идеологических концепций; усиление миграционных тенденций; зависимость информационной инфраструктуры стран Союзного государства от импорта зарубежных информационных и телекоммуникационных технологий; наращивание негативного информационно-психологического воздействия на население Союзного государства [8]. Одной из актуальных угроз является дискредитация Союзного государства как эффективного интеграционного объединения Российской Федерации и Республики Беларусь [8].

В связи с указанным концептуальное значение будет иметь научное осмысление такого феномена, понятия, как «*интеграционная безопасность*», выработка его определения, раскрытие сущности и свойств (признаков).

Интеграционная безопасность в рамках Союзного государства Беларуси и России (как комплексная категория) может рассматриваться как состояние защищенности союзных интересов от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить на долгосрочной основе его надежную обороноспособность, всестороннюю технологическую, экономическую, про-

довольственную, энергетическую, экологическую, информационную безопасность в процессе интеграционного (союзного) строительства, развития.

Обеспечение интеграционной безопасности возможно в том числе путем совершенствования системы *конституционной безопасности*.

Интеграционная безопасность в рамках Союзного государства Беларуси и России «основана на ценностной парадигме. Для наших стран общим вызовом является развитие механизмов социальных лифтов, вовлечение нового поколения специалистов в повседневное взаимодействие Беларуси и России. Интеграция систем таможенного и налогового регулирования является необходимым условием для расширения производственной кооперации» [9]. «Через ЕАЭС Россия и Беларусь получают дополнительные возможности углублять экономическое сотрудничество с третьими странами и расширять для этого систему соглашений о зоне свободной торговли. Предлагается создать интегрированную информационную систему внешней и внутренней торговли, которая бы позволила получать достоверные данные об интеграционном взаимодействии и способствовала применению мер к нарушителям правил» [9].

Россия и Беларусь – активные участники ЕАЭС. *Механизмы решения существующих проблем с использованием модельных законопроектов проектов* могли бы разрабатываться в рамках Союзного государства.

Тема обеспечения информационной безопасности как составляющей интеграционной безопасности, особенно в эпоху нового этапа информационной революции – «цифровой трансформации», не только занимает центральное место в стратегических документах, определяющих векторы государственной политики современного государства, но и отражается на развитии всей правовой системы, особенно информационном праве, хотя *активно ведутся дискуссии о роли цифрового права и цифровых прав, Интернет права, платформенного права*. «Наращение вызовов, угроз и рисков в цифровой сфере особенно проявляется в условиях мировой пандемии, и нужны новые концептуально обоснованные научные подходы к вопросу о «цифровых правах». К уже реальным сегодня новым угрозам можно отнести «инфодемию» и «кибердемию». В связи с этим Союзное государство должно иметь необходимый научный потенциал, включая вопросы развития науки и образования, для формирования адекватной системы правового регулирования новых отношений, их институционализации, статуса субъектов, современных подходов и моделей регулирования сквозных технологий, включая технологии искусственного интеллекта, робототехники и т.д.» [10].

«Неурегулированность на должном законодательном уровне институтов идентификации и аутентификации, необходимости развития правового обеспечения критической информационной инфраструктуры требует новых системных концептуальных подходов в целях защиты информационного пространства, а также цифровых прав граждан, оборота цифровых данных, обеспечения неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных граждан и т.д. Развития требуют правовые положения о Союзном государстве как субъекте, обеспечивающем безопасность граждан и общества в целом при применении информационных технологий и обороте цифровых данных. Требует интеграционных подходов организационная система обеспечения информационной безопасности соответствующих государственных органов в сфере надзора за оборотом персональных данных и обеспечения их защиты, особенно это проявилось в условиях пандемии» [10]. Указанные выше аспекты требуют учета и законодательного отражения.

Пункт 49 Концепции национальной безопасности: «В политической сфере нейтрализация внутренних источников угроз национальной безопасности обеспечивается путем принятия своевременных и действенных мер по устранению условий и предпосылок формирования политической и социально-экономической напряженности в обществе, практического воплощения принципов демократического социального правового государства, взаимной ответственности личности, общества и государства по обеспечению национальной безопасности» следует *дополнить* положением *о сохранении исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны*.

Предлагается изложить данную норму в следующей редакции:

«49. В политической сфере нейтрализация внутренних источников угроз национальной безопасности обеспечивается путем принятия своевременных и действенных мер по устранению условий и предпосылок формирования политической и социально-экономической напряженности в обществе, практического воплощения принципов демократического социального правового государства, взаимной ответственности личности, общества и государства по обеспечению национальной безопасности, *сохранения исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.*».

В связи с указанным весьма актуальным является вопрос разработки *национальной мемориальной политики (политики памяти)* в целях сохранения исторической правды. Мемориальная политика является важным элементом государственной идеологии. Государство должно проводить централизованную политику памяти с разработкой единой *Концепции мемориальной политики.*

«Здесь важны связь поколений и принцип сохранения информации. Если в какой-то момент данный принцип нарушается, то возникает ситуация информационного вакуума и актуализируется необходимость восполнения пробелов с использованием текущей информационной повестки. Чем дальше события находятся от наблюдателя, тем выше оказывается уровень искажения первичной информационной картины и тем больше актуализируется конфликтный потенциал воспоминаний» [11].

В контексте сказанного к угрозам в политической сфере можно отнести мемориальные войны, которые являются разновидностью политического противостояния, когда общественные группы, сообщества памяти, официальные и неофициальные акторы используют конфронтационные образы прошлого в информационном пространстве с целью получения политических и экономических выгод. Они могут выражаться в конструировании и институционализации конфронтационных образов прошлого как в идеальном (критическая переоценка образов прошлого и моделей интерпретации исторических событий, мемориальные законы), так и в материальном измерении (войны памятников, переименование городов и улиц, целенаправленное изменение историко-культурного ландшафта территорий) как на внутривнутриполитическом, так и на внешнеполитическом уровнях.

«Сегодня историческая политика является для нас стратегией самосохранения в условиях глобального передела сфер влияния в мире. Это фактор национальной безопасности, – подчеркнул белорусский лидер. Нам нужно перейти на новый этап, как говорят эксперты, начать определять и формировать смыслы в области национально-исторического развития белорусского народа и государства. Мы должны предупреждать новые вызовы и угрозы в сфере национальной памяти. Надо определить стратегию и тактику работы в этой области» [12]. В этой связи должны быть учтены *риски*, связанные с утратой стабильности политической и правовой систем, с разрушением их преемственности, легитимности, реальности, с утратой прямого действия конституционных норм.

Конституционные нововведения, а также появление новых вызовов и угроз национальной безопасности Республики Беларусь обусловили необходимость пересмотра и уточнения отдельной терминологии и положений, используемых в Концепции национальной безопасности. В частности, подлежат уточнению такие понятия, как «национальные интересы» и «стратегические национальные интересы». Кроме того, видится необходимым включение в текст Концепции национальной безопасности понятий «правовая устойчивость», «правовое доверие», «правовая эффективность». Правовая эффективность предполагает достижение поставленных целей и конкретных результатов с минимально возможными негативными для правовой системы последствиями (издержками) при поддержании ее устойчивого развития. Важно уделить внимание разработке аспектов *мемориальной политики* (с подготовкой ее Концепции). Мемориальная политика является важным элементом государственной идеологии.

Требуют отдельного осмысления аспекты размывания национальной идентичности, конституционной идентичности и конституционного патриотизма. концептуальное значение будет иметь научное осмысление такого феномена, понятия, как «*интеграционная безопасность*». *Интеграционная безопасность в рамках Союзного государства Беларуси и России* (как комплексная категория) может рассматриваться как состояние защищенности союзных интересов от внутренних и

внешних угроз, которое позволяет обеспечить на долгосрочной основе его надежную обороноспособность, всестороннюю технологическую, экономическую, продовольственную, энергетическую, экологическую, информационную безопасность в процессе интеграционного (союзного) строительства, развития. Обеспечение интеграционной безопасности возможно в том числе путем совершенствования системы *конституционной безопасности*.

Литература

1. Бабурин, С. Н. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты: монография / С. Н. Бабурин, М. И. Дзлийев, А. Д. Урсул. – М. : Магистр: ИНФРА-М, 2012. – 512 с.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Канина, Ю. С. Конституционные основы устойчивости и стабильности правовой системы общества / Ю. С. Канина // 25 лет Конституции Российской Федерации: традиции и новации государственно-правового развития: матер. Всеросс. науч. конф., 19–20 окт. 2018 г. / М-во науки и высш. обр. Российской Федерации [и др.]; отв. ред. В. Ю. Стромов. – Тамбов : Принт-Сервис, 2018. – 328 с.
5. Кочетков, А. В. Правовая нестабильность: к постановке вопроса // Актуальные вопросы теории и истории права и государства: сб. трудов кафедр истории государства и права и теории государства и права ТГУ им. Г. Р. Державина / отв. ред. А. В. Захаров. – Тамбов : Изд-во Перщина Р. В., 2009. – С. 189–192.
6. Володина, С. В. Правовое доверие как основа устойчивости правовой системы общества: российское измерение / С. В. Володина // Актуальные проблемы российского права. – № 7 (92). – 2018. – С. 37–42.
7. Масленченко, С. В. Идеология белорусского государства : учеб. пособие / С. В. Масленченко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2020. – 169 с.
8. Союзное государство: открывая новые возможности. Материалы торжественного собрания, посвященного 25-летию учреждения Дня единения народов Беларуси и России / Сборник материалов. – М. : Вече, 2021. – 288 с.
9. Российско-белорусское сотрудничество: время стратегических решений / Ассоциация внешнеполитических исследований имени А. А. Громько, Институт Европы РАН. – М., 2021. – 38 с.
10. Полякова, Т. А. Стратегические задачи правового обеспечения информационной безопасности Союзного государства Республики Беларусь и России // Т. А. Полякова // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021) : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 окт. 2021 г. / НЦПИ ; под общ. ред. А. Ф. Мательского. – Минск : НЦПИ, 2021. – 898 с.
11. Медушевский, Н. А. Мемориальная политика как элемент российского политического дискурса: от кейсов к концепции / Н. А. Медушевский // Теории и проблемы политических исследований. – 2019. – Том 8, № 2А. – С. 5–14.
12. Совещание по вопросам реализации исторической политики 6 января 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-realizacii-istoricheskoy-politiki>. – Дата доступа: 05.09.2022.

Научное издание

**СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ:
ВЫЗОВЫ ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Сборник научных статей
в двух томах
Том 2**

Технические редакторы:

Т.Г. Бочарова, В.Г. Гавриленко, Е.П. Киселевская, Г.А. Крюкова, О.М. Пикта

Подписано в печать 24.11.2022 Формат 60x84_{1/16} Бумага офсетная
Печать цифровая Усл.печ.л. 48,0 Уч.изд.л. 48,3 Тираж 50 экз. Заказ 5314
ИООО «Право и экономика» 220072 Минск Сурганова 1, корп. 2 Тел. 8 029 684 18 66
Отпечатано на издательской системе Gestetner в ИООО «Право и экономика»
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное
Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.
в качестве издателя печатных изданий за № 1/185